

Лариса ШЕВЧЕНКО

ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВО

12+

Лариса Яковлевна Шевченко

Её величество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51882124

SelfPub; 2020

Аннотация

Четвертая книга серии «Вкус жизни» – «Ее величество» – посвящен подробному житейскому, эмоциональному и философскому анализу женщин судьбы одной из подруг, поведавшей о проблемах в своей семейной жизни. По сути дела это гимн женщине, ее стойкости и терпению. Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь к ложным идентификациям, не ищите себя среди моих героев. Не забываюте, что это художественное произведение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«В произведениях Л. Шевченко всегда чувствуется истин-

ный дух и высокая степень внутренней свободы автора. В её очередном романе «Её Величество» всё максимально, «обжигаяще» достоверно. Она ведёт открытый и честный разговор о взаимоотношениях между мужчинами и женщинами в не очень счастливых семьях и на абсолютно правдивых жизненных примерах делает попытки провести исследование некоторых аспектов причин их разлада. Её цель – приблизиться к человеку, к его реальным проблемам и их решению».

«В книге звучит беспокойство автора за судьбу молодого поколения, хотя для неё его позитивное будущее не оставляет сомнений».

«Лариса Яковлевна в каждой книге цикла «Вкус жизни» признается в любви Родине и своему поколению, рождённому в годы Великой Отечественной войны и вскоре после неё, которое считало своей главной жизненной задачей приносить пользу родной стране и своему народу. Но в то же время она замечает, что жизнь не всякого человека достойна ревиема. Её герои – романтики, верящие в приоритет добра, люди с обострённым чувством справедливости. Собственно, тема справедливости красной нитью прошивает все произведения этого писателя».

«Читателя привлекают своеобразная манера автора рас-

крывать означенную тему в форме диалогов между героями и только ей присущая их неповторимая интонация. Поражает неожиданное, удивительно сильное впечатление от произведения, в котором как будто нет динамичного сюжета и, казалось бы, ничего не происходит с главными героями. Они просто беседуют. И всё это потому, что книга не о событиях в стране или в семьях, – они служат только фоном, – а о непростых переживаниях и размышлениях людей. Персонажи Л. Шевченко разнообразны и понятны читателям. В книге есть над чем подумать. И как говорил об одной своей героине фильма известный режиссёр Станислав Говорухин: «С нею можно в чём-то не соглашаться, но ей можно верить».

Произведение Л. Шевченко «Её Величество» – монументальное обобщение трудных женских судеб и своего рода гимн Женщине».

Выдержки из рецензий читателей

Алиса

– За ужином ты обещала мне рассказать о жене Василия, – капризным тоном обратилась Жанна к Инне.

– Без проблем, – спокойно ответила та, хотя её раздражала жеманность и кокетливость бывшей сокурсницы.

«Чего выкаблучивается? Не перед мужиком же», – удивлённо фыркнула Инна внутри себя, но рассказывать начала без промедления.

– Жена Василия Алиса – примечательная личность, в ней всегда ощущалась неистовая жажда жизни. Она из тех женщин, которые могут решительно взять дело в свои руки и ни при каких условиях не выпускать. Алиса привыкла действовать напористо, смело и самостоятельно. Её принцип: вступила на выбранный путь – иди до конца. Одно время я отводила ей в своей жизни не последнее место. Ты, Жанна, права, её история заслуживает отдельного рассмотрения.

До перестройки Алиса работала в нашем НИИ экономистом, а теперь у неё свой серьёзный бизнес. Она и меня хотела свести со своими менеджерами, предлагала сойтись с нужными людьми. Мол, приходи, если заинтересуешься, двери для тебя всегда открыты. У неё имелись веские причины желать соединения наших усилий. Это было бы ей на руку. Но я по натуре одиночка, не люблю делиться. Алиса много чего интересного и полезного порассказала мне насчет её вхождения в бизнес.

– Обрисуй картину, хотя бы акварельно, – попросила Жанна.

– Досталось Алисе крепко. Её откровения подействовали на меня удручающе.

«Начну с того, что в бизнесе, – поведала она мне, – необходимо догадаться, чтобы не бродить впотьмах, и решиться. А ещё, чтобы уйти на вольные хлеба, надо уметь пахать. Я в самом начале перестройки поняла, что требуется предпринять, чтобы мой поезд не ушел, но в то нестабильное вре-

мя с нашим совковым менталитетом трудно было решаться на необкатанные эксперименты. Имело смысл сначала в себе найти точку опоры, потом определить в чём сила и слабость каждого партнера и конкурента.

Один мой знакомый при коммунистах, когда предпринимательством ещё и не пахло, крупно приторговывал джинсами и в перестройку продолжил энергично стричь купоны, поэтому быстро разжился деньжатами и смог выложить на открытие дела приличную сумму и быстро развернуться. Его вынесло наверх уже в восемьдесят пятом. Он действовал решительно и не сомневался в успехе, что характерно для обладателей шальных денег. От бедности он никогда не страдал. У него не было надобности жаться из-за каждой копейки. Сомнения присущи тем, кто приобретал накопления постепенно, тяжким трудом.

Я в студенческие годы водила с ним дружбу на почве шмоток. Встречи наши были редки и коротки, но он запомнил меня и пригласил к себе как экономиста, чтобы я помогла ему организовать производство. Для осуществления проекта ему нужны были опытные специалисты. Эта работа гарантировала мне приличную выгоду, молчаливо предусмотренную уставом предприятия для руководящего состава. Я подумала, что сама удача в руки мне идёт. Мы быстро поладили, и я поторопилась согласиться, предварительно оговорив условия, но не зафиксировав их на бумаге с печатью. Привыкла в Союзе работать на партнёрском доверии. Тогда ведь

почти не было профессиональной зависти, ревности, откровенной конкуренции и подлой лжи. И деньги платило государство, а не хозяин. Это теперь устные заверения – слишком зыбкая опора для утверждений, которые имеют юридические последствия.

Перво-наперво, рассчитывая на взаимную откровенность, я выложила ему, не скрывая, всю как есть правду о себе, изложила свои идеи и перспективы в его проекте. Я наивно полагала, что соучредители не должны иметь тайн. А он утаил о себе многое и, когда я выполнила поставленную задачу, заменил меня неизвестно откуда взявшимся партнёром, в недавнем прошлом спортсменом. Меня же решил подставить, счел человеком, на которого можно безнаказанно переложить груз ответственности за свои махинации.

Сначала я не прониклась серьёзностью своего положения и отказывалась верить в то, что натворил мой новоиспеченный шеф. Не ожидала, что мои проблемы – дело его нечистых рук, думала, они результат его некомпетентности. Я знала, что он не сможет обойтись без экономических знаний, и это, как мне тогда казалось, было гарантией стабильности и надёжности моего положения в фирме. Только он этого не понимал. «Кому я помешала? Это же не умно и не логично! Он считает такое поведение как нечто само собой разумеющееся? Неслыханная наглость! Ему в бирюльки играть, а не руководить! Не хочется спешить с выводами, но уже сейчас можно предположить, что пытается втравить меня в авантю-

ру», – полыхала я в мыслях, начиная кое-что подозревать. Это потом я поняла, что добродушным романтикам не место в бизнесе.

Я не поддавалась, боролась, а шеф всеми правдами и неправдами закрывал мне доступ к документам, врал, что истинное понимание ситуации придёт ко мне позже, не утруждал себя ответами на мои «несанкционированные» вопросы, а потом сухо поставил в известность, что «само твоё присутствие здесь под большим вопросом». Лапу на всю прибыль за год наложил. Оставил меня на нуле, предоставив поддельные расписки об огромных долгах предприятия. «Обул» меня с помощью своего адвоката и, не в силах более выносить «торжественности» момента, противно пошутил: «Быть у воды и не напиться?» И добавил грозно: «Уноси ноги, а то ещё хуже будет. Понятие того, что допустимо, а что нет меняется со временем, как длина юбок у женщин. Орлеанскую деву Жанну д'Арк сожгли на костре только за то, что она позволила себе носить мужское платье». «Не за это! – возмутилась я. У меня даже скулы от досады свело. – Они испугались. Женщина сделала то, чего не смогли мужчины, вот и не захотели возвести на пьедестал, а дискредитировали и уничтожили».

Ты представляешь, я наладила ему производство, а он мне в душу наплевал! Я не теряла время даром, но мои старания не были вознаграждены. Вроде бы считалась башковитой, а не додумалась, как выскочить из ситуации без потерь.

Не сталкивалась раньше с махровой ложью, опыта в подобного рода делах не имела, всё думала о том, что прилично, а что нет. Только границы приличия и порядочности, как оказалось, за последние несколько лет сильно изменились. Чтобы осознать и оценить логику шефа, мне приходилось насильно ввинчивать в свои социалистические мозги новые истины и понятия. А он быстро смекнул, что пришла свобода ловчить, дурить простаков, обманывать компаньонов, понял, что для него облапошить порядочного человека труда большого не стоит. Торгашеский опыт помог ему быстро встроиться в новую систему отношений. И вот он – порождение жадного ума – стоял передо мной с ухмылкой дьявола, невозмутимо скрестив руки на груди, и с непробиваемым хладнокровием ненавязчиво напоминал, что нельзя путать божий дар с яичницей.

Хватил шеф в моём случае через край. Просто выгнал, по миру пустил, объяснив это прискорбное обстоятельство распадающимся производством, хотя мне было доподлинно известно, что он продал большую часть оборудования по поддельным документам своему родственнику. Покупатель, видите ли, хороший подвернулся. Влез в махинации, а мне ни гу-гу. Я сама это обнаружила, когда разгребала его хитроумные завалы. Ну и высветила ему этот факт. В работе я не терпела ни тайн, ни недомолвок. Я считала, что в экономике они недопустимы.

Поначалу я принуждала себя соблюдать долг вежливо-

сти и корректности. Говорила, мол, не делайте вид, что это неважно. А он не воспринимал моей повышенной тревожности. Иронизировал: «Приспичило попсиховать? Не бери на себя избыточной ответственности. Хочешь быть лидером? Гибкость теперь больше ценится». Он ложь и изворотливость гибкостью называл.

Потом, естественно, пошла на обострение отношений, строго, не по чину, но как специалист делала ему замечания, требовала урезать расходы, в пух и прах разбивая его аргументы, вправляла мозги, выговаривала, мол, подведёте под статью, объясняла, что в экономике и в бухгалтерии существуют чёткие границы дозволенного, что честные документы – альфа и омега порядка; мол, запомните раз и навсегда, что подобные фортели до добра не доводят. Как ребёнку, ей-богу, морали читала. За что и пострадала. Умные «дураки», как известно, в бою всегда впереди, и им не разминуться с пулей. Шеф поддакивал, соглашался со мной, говорил о полном примирении сторон, время тянул, а сам за моей спиной проворачивал и раскручивал в обход налогов, без кассовых чеков не всегда завершавшиеся успехом дела, а мне подсовывал липовые договоры. Он как-то быстро оброс сомнительными связями. А причина всему была простая – не хотел делиться. Нет, конечно, что-то мне подсказывало, что дело тут нечисто, но не верилось. Считала, что с хорошим специалистом не должны так поступать.

Я опять вывела шефа на чистую воду. Но он упрямо не

хотел меня слушать. Я грубить стала. Мол, если сами лезете с головой в яму с дерьмом, так за собой не тащите других, не вытягивайте их в свои грязные аферы. Вот тут-то и почувствовала, что в компании я не вполне своя и – что греха таить – испугалась увязнуть, сделаться пешкой в его игре, крайней. Посадят, а там поди разберись, кто прав, кто виноват. Если шеф погорит, то уж точно прихватит меня с собой, мы же с ним повязаны подписями на документах. Нельзя исключать и того, что испугалась за своё доброе имя, побоялась шумихи в СМИ. Мне же здесь жить. Кто-то из моих друзей сказал, что предпочтёт быть под властью чиновников, только не прессы. Мол, они кого хочешь угробят. И без того надо мной как ядовитое облако уже зависали сплетни, которые неумолимо быстро просачивались сквозь стены ближайших фирм. Женщина без мужа – самый незащищённый объект в смысле личной жизни. Шеф и этот метод использовал, чтобы избавиться от меня. Мол, слишком много требует за... свои услуги. Сволочь он поганая».

«Старый как мир приём: запачкать женщину и тем посадить её на крючок или испортить карьеру», – зло заметила я.

«Всё это не могло не взбесить. Меня душила обида: не хотелось уходить обманутой и оболганной. Но уже не прельщало продолжать работу в таких условиях. Мне стало мерещиться, будто кто-то, стоя чуть сзади, за спиной, говорит мне на ухо: «Беги, беги... » Где друзья, на которых можно положиться, те, что подпирают один другого, когда больше

всего нужны?.. Всегдашняя проблема, а теперь, во времена начала перестройки, в особенности. Не так уж много оказалось тех, на которых я смогла рассчитывать. А воображалось, что от желающих помочь будет не отбиться. А тут ещё дикость наших законов, только внешне дающих сладкое чувство надёжности. И зверское коварство налоговой системы, и вообще полная неразбериха во всём. Ты же знаешь...»

Я понимающе усмехнулась. А Алиса продолжала:

«Заметалась я, как тигрица в клетке. Не знала, за что хвататься. Совсем покой потеряла. Сбивчиво перескакивала с пятого на десятое, и так, и этак прикидывала – не получалось с выгодой уйти, не перепало мне от «щедрот» так называемого шефа. Ноги бы унести. Стала искать пути, чтобы хотя бы без потерь от него откреститься.

Помню, как в кабинете шефа резко вскочила, побелела, потом взорвалась, мол, не потерплю подобного, это неправомочное, непоправимое безрассудство, вы идёте вразнос! В отчёте у вас всё вкривь и вкось... Жгуче хотелось врезать ему по наглой роже. Молодой, бедовой была. Потом долго сидела молча, отчуждённо, пытаюсь равнодушно-сурово осмыслить происшедшее. И всё же решила уйти, предварительно подготовив себе документацию на случай преследований бывшего nepopядочного начальника.

А его нетерпячка замучила. Дундук чёртов, тупарь, захваченный азартом. Хотел в одночасье разбогатеть, надеялся всех обскакать. Крыша у него поехала при виде пачек денег.

Уже и море ему стало по колено. Заманчиво было предположить что, не зная экономических законов развития производства, он скорее выйдет в дамки. Вообразил, что Бога за бороду ухватил, и это ставит его выше всех смертных. Глупец! Уверился, будто крутой, вот и получил по мозгам.

Я только диву давалась беспечности шефа. Он совсем не думал о последствиях своих действий. Я понимала, неймётся ему, радости, как говорят, полные штаны под завязку. Но от эйфории, как и от паники, тоже часто тонут. А он безоговорочно верил в свой талант предпринимателя и в силу денег: в случае чего – выручат, спасут. Ему не внушало тревогу мое волнение за его промахи.

Не стану недооценивать артистичности шефа: держался всегда красиво, уверенно. И этот его гипнотизирующий, недоступный, неуловимый, ускользающий взгляд тоже многого стоил на первых порах. Вот он и поверил во внезапно свалившееся на него счастье, в свой звездный час. Думал надолго взял быка за рога. Не предполагал, что обстановка самым недвусмысленным образом может выйти из-под контроля, если, до конца не разобравшись в сути, подмахивать финансовые документы, и что трюк, который не так давно недосыгаемо вознёс его над остальными, может так же быстро опустить его ниже уровня земли. Но такова бравада ловцов удачи».

«Ты тогда была ещё избыточно добрым человеком», – заметила я подруге.

«Я шефу позарез нужна была только для разбега, но вообразила, что пересеклись наши взаимные интересы. Такого вот партнёра подбросила мне судьба в начале моей предпринимательской деятельности. Жизнь учила и лишала «невинности»-наивности молотком по голове. Не с той карты пошла, промахнулась и проиграла. Помню, глупая, всю свою ярость вложила в наш последний с ним разговор. Мол, не отступлюсь, хотя знаю, что не во всяком человеке импульсу жестокой агрессии противостоит добро. А он смеялся мне в лицо. Потому что хищник.

Знакомый юрист, увидев меня, убитую горем, после того как я ему живописала свою историю, иронично пожурил меня и очень просто прокомментировал ситуацию: «Знаю, у тебя слова не расходятся с делом, но всё равно плакали твои денежки. Поверь мне на слово: теперь закон что загон. Как в старину говаривали? Закон что дышло, куда барин захотел, туда и вышло. Тебе бы раньше ко мне обратиться, а теперь твой поезд ушёл». Прямым текстом он объяснил мне, «что такое бизнес и с чем его едят». Втолковал дура наивной азы современной жизни. Да я и сама уже поняла, что доли в бизнесе моего нанимателя мне не видать. Отделаться от меня захотел начальничек и преуспел. Пришлось мне спешно и постыдно покидать офис под сочувствующие и утешающие взгляды персонала. Шла и в уме жестоко, на чём свет стоит костерила шефа. Не успела я сама уйти, как щенка молочного выбросил он меня на помойку. Вот так теперь воспитыва-

ется в людях достаточная внутренняя зрелость. Это раньше всё больше словами, уговорами... Мы же родились под другим небом.

После неудачи я некоторое время была сама не своя: присмирела, поутихла как-то. Горько было, обидно, стыдно. Вроде бы умной считалась, а подседа на лживые обещания дешёвого торгаша. Получается, обстоятельства оказались выше меня? Пути Господни неисповедимы? Пыталась себя оправдать. А бывший шеф ещё и досаждал, с колкой насмешкой подтрунивал при встрече, ломал передо мной комедию, притормаживая рядом со мной с демонстративной неистовой удалью свою шикарную серебристую иномарку с непроглядно-затемнёнными окнами. И небрежно так, с непристойным смешком ронял, что, мол, пришло время узнать тебе правду. «Мне не впервой обувать честных наивных дурочек. Верила? Я угораю! Заладила одно и то же: конструктивный подход, прогнозирование. А в бизнесе то пруха, то понос, то золотуха. Включи свои аналитические мозги, пересмотри свои социалистические взгляды, проведи сравнительный анализ. Ты же дотошная, въедливая, скрупулезная... Пеняй на себя, упрекнуть меня не в чем, я ничего не обещал, сама в охотку потрудилась на капиталистической ниве как при социализме, без навару... Или, если хочешь, – по глупости. А теперь сидишь как на иголках? Непреклонная, неповторимая! Прими предельно аргументированное, прозрачное решение – и скатертью дорога из бизнеса. На

кой хрен ты так искренне носилась со своими идеями? Вот и утрись ими! Утихомирься, мы квиты. Усекла? Эта наука проще пареной репы. Наше общение было прелестно и ни в какое сравнение не шло с тем, что я испытывал, получая барыши», – издевался он в открытую. Считал, что оба мы остались при своём. Уверовал, гадёныш, в свою наглую удачу, безнаказанность и прямо-таки крысиное чутьё. «Но дьявол тоже умеет смеяться над тем, кто продаёт ему свою душу», – со слезой думала я пристыженно. Досталось мне и на орехи, и на семечки. И как на грех ответить было нечем. Я даже не пыталась возражать. Представляешь, честность поставил мне в вину! Ну ладно бы безграмотный недосмотр или халатность меня подвели, а то ведь глупая совковая вера в порядочность!»

«Ты можешь кому-то нравиться своей напористостью и прямолинейностью, кому-то нет, но никто не скажет, что ты плохой специалист, – успокоила я Алису. – В своей профессии ты на двадцать метров вглубь видишь».

«В общем, нахлынула на меня минутная мерзкая, почти истеричная жалость к себе. Сотрясали рыдания, ноги подкашивались. Не в силах была совладать с отчаянием и обидой. Ведь иногда и себя хочется немного пожалеть, когда никто больше не сочувствует. Я думала: «Хотя бы малейший всплеск доброты или сожаления в его голосе! Хотя бы копеечная надежда на глубоко закопанную в недрах души порядочность!» Наши родители, крещённые огнём и голодом,

были покрепче духом».

Алиса закрыла глаза, словно хотела защититься от нахлынувших горьких воспоминаний, и плотно сжала безвольно расслабленные губы. Потом резко изогнула их в выразительную своенравную породистую линию и продолжила:

«И ведь не косвенно, не намёком, напрямую, вполне ясно дал понять, что я дура. Обидно. Я в глупых никогда не значилась. Ох уж этот мне обезоруживающий цинизм! Перебарщивал шеф, упивался моей бедой. Убила бы гада! «Откуда берутся такие гниды?» – бесилась я. Обычно мало что на работе могло вывести меня из себя. Только ведь сама виновата, необдуманно в пекло полезла, что же теперь плакаться и вскипать горячим гневом? Что-то и я получила от этого фарса. Горький урок прежде всего. Иногда он бывает дороже любых денег. Ты, наверное, считала, что я буду вспоминать свои прошлые ошибки с известной долей иронии? Не получается. Душа-то нежная, чувствительная, женская. Ты не находишь? – Алиса грустно усмехнулась. – Конечно, я тогда уже понимала, что, к сожалению, в нынешней жизни, руководствуясь только честностью и порядочностью, человек остается в минусах, действует себе во вред. Не надо подличать, но хитрить и быть настороже не возбраняется. Есть какие-то там допуски, припуски, которые можно себе позволять. И чиновники наталкивали на эту мысль, с лёгкостью и большой охотой принимая подношения. «Но должны же всё-таки существовать допустимые границы!» – злилась я,

не желая мириться «с неизбежностью» законов современно-го реального, теперь уже капиталистического мира.

К слову сказать, этот мой наниматель ещё некоторое время продержался на плаву, а потом глупо всё просадила. Как в нашей среде говорят: размахнулся, да промахнулся. И како-во же было его изумление, когда налоговая отозвала лицен-зию. Он обанкротился и настолько подорвался в материаль-ном отношении, что не смог больше всплыть. Ничем хоро-шим не обернулись его наглость и некомпетентность. Наде-ялся изловчиться, вывернуться. Не вышло. Знаний не хвати-ло. Чего больше всего хотел, тем и захлебнулся. Думал, мне до него как до звезды. И где теперь его самоуверенная хвале-ная удача? Всё-таки есть Бог. Встретила как-то своего быв-шего нанимателя, с трудом признала. Шёл какой-то опущен-ный, обтрёпанный, глаз от земли не отрывал. Может, поум-нел с тех пор? А я ещё долго и мучительно искала свой соб-ственный путь. Страх и неуверенность гнездились в душе».

«Рузвельт в свое время утверждал, что единственное, чего нам следует бояться, так это страха», – вылезла я со своим замечанием.

«Стоит отметить, что после краха предприятия мнение моего бывшего нанимателя обо мне претерпело столь же глубокое изменение, как и моё о нём. Вдобавок ко всему мне небезынтересно было узнать, что когда он чуть-чуть очухался от неожиданного провала, то «вентилировал поч-ву» на предмет моего настроения и даже предпринял сла-

бую попытку подбить меня ещё на один проект. Мол, нам стоит произвести перезагрузку наших отношений. Помыслы мои были совершенно чисты и безобидны. Я добросовестно пытался создать что-то особенное, из ряда вон выходящее. Ну, получилось чуть хуже, чем хотелось, но то были в высшей степени досадные обстоятельства. Этому немало способствовал тот факт, что вы ушли от меня. Но всё это мелочи жизни... «Не прельститесь ли моими новыми идеями?» – бодро предложил он мне без малейшей тени смущения. Щеки продолжал надувать. Но ситуация изменилась, и его поведение выглядело комичным. «С чего это он снова хвост павлином распустил?» – удивилась я, уже всерьёз не принимая его в расчёт. Как говорится, провинившегося по головке гладить – себе гадить. Я не стала делать вид, будто не заметила его «невинной» хитрости и открыто безжалостно врезала ему. «Вы же считали меня не заслуживающей вашего внимания, а дружба хороша только среди равных», – ответила я с ледяной ехидной улыбкой, придавая голосу соответствующую интонацию, и рассмеялась, сделав пренебрежительный жест рукой: точно смахнула его в придорожную пыль. А потом, не моргнув глазом, рубанула со всем своим «умиляющим» простодушием, потому что не получилось у меня простить ему моё унижение: «Прочисть мозги. Цена твоим идеям – копейка в базарный день. Ты для меня слишком мелкая сошка».

А сама подумала: «Попользовался и угомонись. Хватит

распоряжаться чужой судьбой! Легковерной дурочки больше нет. Ничего больше не удастся тебе из меня выжать». Не премину заметить: его лицо вытянулось от злости. Можно подумать, не ожидал отказа. И всё же он взял себя в руки и отшутился, правда, весьма скованно и своеобразно: «И что же во мне вам не приглянулось? Понимаю, прошлые обстоятельства мало способствуют нашему дуэту. Вполне разумно рассуждая, сознаюсь, что напрасно вбил себе в голову надежду осчастливить вас и теперь предусмотрительно оставляю её».

«Что за двусмысленные намеки? – изумилась я. – Это ты-то хотел меня осчастливить?! Ну никак не может мужчина уйти побеждённым! Хотя на лживых уверениях, да вознесется перед женщиной, теща своё оскорблённое самолюбие!»

Теперь он опять где-то что-то покупает задёшево и пытается продать втридорога. Как я могу прокомментировать этот случай? «Кто сеет ветер, тот пожинает бурю», – с некоторым стервозным удовольствием думала я тогда. Было бы преувеличением сказать, что я стопроцентно обрадовалась его неудаче. Людей жалко, они рабочих мест лишились. Когда сколотила небольшой капиталец, некоторых взяла к себе, но у меня тоже не благотворительное заведение. Мне лучшие из них потребовались.

Среди наших общих знакомых, за исключением моей дочери, ты единственный человек, который знает этот постыдный факт начала моей предпринимательской карьеры».

– Таковую вот исповедь я услышала от своей подруги десять лет назад. Это уже история, – грустно сказала Инна и продолжила рассказывать о мытарствах Алисы уже на путях создания собственного предприятия.

– Времени на раздумья и сомнения у Алисы было не так уж много, да и не привыкла она ждать у моря погоды. Огляделась немного, восстановила прошлые связи и снова в бой, по ходу дела продумывая и просчитывая очередной шаг в сложной и жестокой игре, называемой бизнесом. В партнеры ни друзей, ни родственников не брала и мужчинам больше не доверяла. На пушечный выстрел не подпускала их к своему «детищу». Все делала сама, и свои идеи предпочитала держать при себе. От всех предложений уходила скромно, без вызова: «Поживём – увидим». Одна рогом упиралась. Отвечала за всё только своей головой. Успехи превзошли ожидания: через год она получила аккредитацию и лицензию. Теперь процветает.

Алиса сама себе дорогу пробилла, сама правит бал и в этой ипостаси достигла изрядных высот. Меня до сих поражает исчерпывающая точность её прогнозов на перспективу не только собственного бизнеса, но и всей отрасли, в которой она работала. Смеялась, что совковый менталитет не всё в ней задавил. Она не суетится, в опасные игры не играет, денег ни у кого не занимает. Боится, чтобы подло, намеренно не обанкротили и не поставили на счётчик. Сколько таких

случаев вокруг! Остерегается всё ещё штормящей действительности, хотя прав и защиты у предпринимателей теперь не в пример стало больше. Нет особой надобности подчёркивать, что отличается чрезвычайной умеренностью запросов, осторожная, потому что слишком много шишек набил, пока добилась стабильности своего предприятия. Шутит: «Хоть Бог хранит простаков и жалеет дураков, но слепо надеяться на это не стоит. Пятящимся и ежеминутно опрокидываемым и Господь не успевает подстилать соломку».

Алиса как-то рассказывала мне: «В моих бедах просматриваются социальные мотивы. Загнали, буквально затолкали проблемы в нищету».

– А твой принцип жизни: не отодвигать их в сторону, а взваливать на себя», – заметила я.

– Для организации бизнеса потребовалась мне сумма, невысказанно большая по тем временам. Для получения ссуды пришлось прибегнуть к услугам чиновников. Я-то и раньше о них слышала нелестное: будто бы все беды идут от них и что львиная доля прибыли предпринимателей прилипает к их рукам. Их алчность, продажность, нежелание ничего менять, пассивность, поиск лёгких путей – вечные враги любой личной инициативы. Ещё будто бы они всегда дают понять, как сильны, что в сговоре с судами и милицией. Но при Советах они боялись воровать по-крупному и до нитки инициативных людей не обирали».

«С чиновниками заводиться – дохлый номер. Себе в убыток», – согласилась я.

«Едва-едва я наскребла кое-какие деньжата и загорелось мне поскорее фирму зарегистрировать. «ООО», сама понимаешь. Я не имела ни малейшего представления о том, как общаться с чиновниками. Чего только со мной не выделявали эти наши «пастухи» – гнилая лицемерная элита, думающая только о себе, – пока я обивала пороги их кабинетов! Какие только препятствия не ставила, какие препоны не чинила мне их орда! Обложили со всех сторон. Идёшь, бывало, трясешься: а ну как опять откажут!»

«Я технарь, и для меня элита – не чиновники, не гламурные артисты, а наши великие ученые», – подчеркнула я свое согласие с подругой.

«Простой народ понимала, профессоров тоже, а вот чиновников – не получалось. Стоит им занять кресло, как они тут же забывают, что не мы для них, а они для нас существуют. Они считают не только возможным, но и необходимым душить всякого, кто просто выражается не так, как им хочется, и это даже при условии, что суть произносимого их вполне устраивает. А если не устраивает, они ищут в твоих словах такой подтекст, который ты и вообразить себе не можешь. Они мыслят другими, непонятными и неприемлемыми для нас категориями. И фразы говорят какие-то округлые, скользкие: есть мнение, есть видение, есть понимание...

У них там все вежливо, чинно, любезно. Прекрасно встре-

чают, прекрасно провожают, но ничем не помогают. Обещания иного слушаешь – ну прямо пир души. Соловьём заливаются. Отлично симулируют добродетель. И это данность. Поначалу безоговорочно веришь всему, что говорят. Но толку нет. Потом начинаешь приглядываться, соображать. У кого выражение святости в лице, у кого завышенное чувство собственного достоинства просматривается. Таким надо непременно окоротить посетителя надменным взглядом, продолжительным молчанием или мерным постукиванием карандаша по столу. Это тебя сразу настраивает по-иному: превращает в трусливого просителя.

«Изысканная», капризная публика. Помню одну особу. Раньше была директором школы, где училась моя дочь. Хотя она рядилась под порядочную, мы уже тогда понимали, что она блатная, из бывшей партийной элиты. Видно, потеснили её наверху и временно спустили в нашу школу, где она и пересиживала трудные времена, выжидая лучшего места. И дождалась. В своё время она горячо кляла коррумпированность, а сама стала самой жесткой из всех встреченных мной женщин-чиновниц. Сполна проявила свой непотребный характер. Максимально торговала возможностями, данными ей новой властью, давила поборами, требовала улещивать подарками, очевидно считая их неотъемлемой частью своих доходов. Понятное дело, не одну тысячу положила в свой карман. Настаивала на оскорбляющем просителей чиновничестве. Чувствовала себя на своём месте. Наконец-то

нашла себя! Но с чего она такая борзая?

Выслушала меня с холодным любопытством, посмотрела долгим презрительным взглядом и надменно отфутболила, поняв, что я бедна как церковная мышь. Ты бы видела убогость её лица, говорящую об отсутствии интеллекта. Одна хищная наглость, высокомерие и превосходство, навеянное должностью. Тогда у меня ещё не было чувства страха перед начальниками, потому что не знала об их подлой мстительности. А подобострастием я и сейчас не отличаюсь. Может, поэтому достаточно спокойно, даже с долей юмора перенесла эту первую встречу.

Я всегда с некоторым подозрением относилась к людям, которые слишком уж точно совпадают с ориентирами своего времени. Я не имею в виду наш социализм, о переходном периоде говорю. Мне кажется, что они становятся такими, перечеркнув своё прошлое, отказавшись от всего, что с ним было связано и хорошего, и плохого. Внешне они полностью отмежевываются от него, что не делает им чести, а на самом деле просто перекрашиваются, оставив своё пакостное нутро прежним. А дальше дело техники: варьируют своими знаниями в угоду новому времени, новой ситуации в стране, суждения меняют как перчатки, льстят, это уж как водится, и нашим, и вашим. И, естественно, сходят за своих. На полную катушку используют старые связи, которые вдруг становятся новыми. У них это как «умение внашивать в любую обувь». Хаос в стране, мутная водичка – это и есть их родная

среда. Не чиновники, крепкие профессиональные эксперты должны нами командовать».

«Поставила клеймо на всей чиновничьей братии и яркий ярлык повесила, мол, будьте бдительны: эти люди – совершенно особая статья. И никаких на этот счёт иллюзий? – фыркнула я неодобрительно. – И всё же ты связывала с ними определённые надежды. Думала: а вдруг помогут?»

«Коммунисты – молодцы, даже перекрасившись, своих верноподданных холуев, «делающих под козырёк», не бросают. Хорошо отлаженная десятилетиями система. Неустрашимы, потому что неуловимы, или крепки круговой порукой? Есть ли у них совесть? Смешно поднимать этот вопрос. Обмелевшие, остывшие души, усохшие от постоянной коварной подковёрной борьбы за портфели и кресла, не могут понять страждущих, им подавай «заслуженное»... С гнильцой народец».

«Подпорченные, с душком, – поддакнула я. – Но не сломать им хребет. Живучи, как вирусы. Жестоко борются за своё место под солнцем. Амбициозны, деспотичны. Постоянно мутируют».

«А у некоторых чиновников слышится этакая стервозная ласковость в густом вальяжном баритоне. Мол, тут такое дело... надо бы... а как же без этого... при этом, заметьте, я вам советую... предупреждаю... Их не мучают размышления на предмет удобно-неудобно, страшно-нестрашно, ни на мгновение не омрачит их ум совесть. Тот, кто начи-

нает ласковостью, заканчивает властью над тобой. Мнимой заботой будто бы оказывает тебе услугу и тут же командовать начинает. Знала я таких умников. Деньгами их оскорбить невозможно. Помню, стою перед одним, ног под собой не чувствую, ватными стали. И чего тряслась? Пытаюсь честно следовать голосу совести, но хитрые переплетения его слов заставляют пугаться, трепетать. Меня заклинивает, и я отвечаю зомбированно и коленопреклоненно, украдкой поглядывая из-под полуприкрытых ресниц: «О чём речь, конечно, пожалуйста». Он бесстрастно выслушивает и кивает, мол, идите с миром. А сам искоса остро всматривается в моё лицо и оставляет в «счастливом неведении».

Тем не менее я почему-то ухожу от него полная надежд, хотя и «поджав от волнения хвост». А ведь если рассудить, что моя зарплата по сравнению с его запросами? Слёзы, а не деньги. Иду и думаю: «Должен же замолвить словечко перед тем, кто выше стоит, к кому мне, бедолаге, как до Луны самой не добраться. Мы – старшее поколение – привыкли верить на слово. Нас учили профессора советской выделки.

Но что удивительно: время шло, а дело с места не сдвигалось – хоть расшибись об эту стену. Одна говорильня и пустая чиновничья круговерть. Зачем тогда было мурожить понапрасну? Конечно, и там, наверху, человек человеку – рознь. Всякие встречались, особенно среди женщин, с их накрашенными губами, искривленными презрительными улыбочками: и гниды, и такие, что ничего ещё, просто прибед-

нялись, хитрили, хотя всё ясно было – белыми нитками шито. И вспомнилось мне тогда смешное замечание моего друга о чиновниках – ему довелось попасть на завод, где управленцев было больше, чем рабочих, – о том, что они – «чудесный пример размножения людей неполовым путём». Они там все перегрызлись, подглядывая друг за другом и стремясь доказать свою значимость в работе, используя основной лозунг: «Знание – сила, особенно если знать кое-что плохое о ком нужно».

Дали мне чиновники прикурить. Запомнила я эту эпопею на всю оставшуюся жизнь. Самое главное, вели себя так, что можно подумать, будто и солнце без них уже не всходит! За каждую бумажку, за каждую подпись требовали платить. Но откуда у меня деньги, если я только начинала разворачиваться? А у них рука руку моет. Обдирали просителей без зазрения совести. На всех этажах начальственной лестницы у чиновников парализована чувствительность. С ними по-свойски каши не сварить. Понимали, что, обращаясь к ним с просьбой, ты посвящаешь их в свою личную информацию и уже тем попадаешь им в зависимость. «Они по-братски только чужое готовое делить согласны. О какой тут помощи можно мечтать или о судьбе страны думать!.. И так у нас во все века было, – думала я обреченно. – Но при Советах явно меньше».

Многие из тех, с кем я начинала, не выдержали, бросили «хождения по мукам», мол, «выходит, не на себя горбатить-

ся приходится, а на дядю Ваню, да еще впустую. А раз нет ходу без взятки, так проще влачить нищенское существование, отсиживаться дома. Зато ни клят, ни мят и голова ничем не забита. Ради чего на ушах стоять? Нам из-за их потребностей последние зубы на полку класть? Они-то в работе не переломятся. Обрыдло всё. Хватит им глаза мозолить, радовать своей беспомощностью. Их, этих нахлебников, на одного с сошкой семеро с ложкой. Нам хоть удавись, но плати. Всё равно чиновники считают, что все мы далеко не таланты и мерзавцы. Думают, мы на седьмом небе от счастья, получая из их рук скудные подачки из государственной казны. А может, дело не в силе их натиска, а в том, что нет им должного сопротивления? Интеллигентничаем, вот и вырастает их эгоизм над нуждой и страданием народа. Для них страна и люди становятся своей вотчиной, частью их собственного «я».

Теперь-то я понимаю, что истребить эту прослойку нельзя, можно только уменьшить, как-то ограничить её непомерные желания. Всегда охотники на лёгкие деньги находятся... Но деваться мне было уже некуда, я всерьёз запряглась. Боялась, что если остановится моё дело, тогда хоть в петлю лезь. Пришлось «расшевелить и смягчить» холодные, равнодушные, ленивые и скупые души только одним им и мне известным методом... опуская долу глаза, с блёстками гнева и ненависти.

Но один раз не выдержала. Задел меня чиновник за жи-

вое, старикашка чёртов, оскорбил этак подленько и гаденько. Такому не мешало бы уже подумать о мире ином, а ему каверзничать приспичило. Сначала даже не удостоил меня кивком головы, явно давая понять, на какой ступени он и где я. Но я хороший специалист и привыкла к уважению. Потом он ещё учить меня взялся после беглого знакомства с моей просьбой: «Тут смотря как дело повести. Принимая во внимание, что промахи неизбежны в каждом деле... это будет вам помехой...» А в жестах просматривалась недосказанность», – рассказывала мне Алиса, уморительно копируя осторожные, но узнаваемые движения рук и старческое шамканье. – Нет, ты представляешь, из ерунды, прямо из ничего на глазах слепил мой отрицательный образ! А сам, чувствую, ни сном ни рылом в экономике; так, общие слова ещё из работ Маркса и Энгельса без учёта конкретной обстановки в нашей стране мне преподносил. Неприятно меня покоробили его слова, но я опять стерпела по свойству своей доброй оптимистичной натуры, подавила в себе негативные чувства и ответила ему мягко и ненавязчиво: «Это, положим, не довод, и не стоит относиться к моим идеям с обидным недоверием, потому что я имею не только понятие, но и опыт, и знаю, что моё время не ушло. Я не сомневаюсь в успехе. Когда человек убеждён, он всё осилит. Ведь так нас всегда учили? Всем сейчас приходится разрываться, но я умею совмещать в себе и бухгалтера, и директора. Я экономист и разбираюсь в решающих и основополагающих моментах затевае-

мого мной бизнеса, умею выстраивать мосты между клиентами – при социализме в договорной системе трудилась, – никогда не довожу отношения до конфликта, зная по горькому опыту друзей, чем кончаются иски в суде», – говорила я, идиотка, всё больше воодушевляясь. Я считала почву уже достаточно подготовленной.

Понимаешь, нам легко отождествлять себя с теми, кто наверху, а им представить себя на нашем месте куда сложнее. Вот и не находим общего языка.

«А может, наоборот?» – усмехнулась я, не сумев представить себя в роли чиновника.

«Чиновник слушал внимательно. Ну, думаю, это хороший знак, на этот раз мы смотрим на вещи одинаково, вот-вот вслед моим словам грянет положительный ответ. Умно ведь всё обосновала, даже процитировала недавно «сверху» спущенный указ о поддержке предпринимательства, эрудицию проявила. Посчитала, что восхитит его моя осведомлённость, невольно зауважает. Не зря же перед походом к нему как студентка засела за конспекты и газеты. Загодя готовилась, чтобы не попасть впросак. Корячилась, красноречием блистала перед гадом, надеялась, что оценит. Но в азарте не заметила насмешки в его тусклых глазах и скептически искривленного рта. Дубина стоеросовая. А ему, если можно так выразиться, моя опытность не пришлась по нраву, задела его самолюбие, костью поперёк горла встала. На деловую непредсказуемую бабёнку, да ещё юридически подкованную

нарвался, какую голыми руками не взять. Понадеялся, что дилетантка, а учить-то меня, оказалось, нечему. Коту под хвост теперь его непререкаемый авторитет. Ясное дело, не пристало ему с его-то опытом попадать в подобные ситуации.

Смотрю, чиновника неприятно передернуло, потупился, сразу не нашёлся что ответить. Лицо сделалось ещё суше, суровее. Сидит, не мычит, не телится. Поскучнел как-то. Чувствую, погрузился в думу и никак не может оттуда вынырнуть. Что-то меня во всем этом насторожило, но я не реагирую, терпеливо жду его «приговора». И тут старикашка сменил презрительно-унижающее выражение лица на невыносимо-обжигающее, злое, потом – на каменно-беспощадное. Сидит точно памятник мифическому повелителю мёртвых. Похоже, обнаглевший от безнаказанности, сладко вообразил себя Голиафом. Ну, думаю, такой за милую душу проглотит. Опять потянулись минуты тяжёлой паузы. Я чуть не застонала от нетерпения. Совсем неважноту мне стало. Чувствую, я на грани. Ещё минута – и я рухну. Долгое молчание меня очень обеспокоило.

«Держу пари, не посмеет отказать», – больше себе в утешение подумала я.

И вдруг злая улыбка перекривила его бледные синеватые губы и маленький подбородок приподнялся уверенно и надменно. «Ну – решила я, – убить не убьёт, а нагадит крепко». И он зло этак прошипел: «Не по чину себя ведёшь. Надеюсь, на телеса твои клюну?» «Уйди», – прибавил несколько

тише, но ещё более ядовито и так повелительно, что я мгновенно повиновалась.

И конечно... накося, выкуси... Ему я была неминуемо обязана окончательным провалом. И ничто больше не оскорбляло немедленно воцарившейся тишины. Долго соображал, но придумал-таки чем меня унижить и найти повод для категоричного отказа. «Я перед ним на цырлах стояла, а он и не помышлял помочь мне! – психовала я потом, пытаюсь утолить восплавшее желание мучительной мести. – Я его интеллектом, а он – гнида! подонок! – оскорбить меня решил гадким намёком, будто я готова была с ним, со старикашкой, в постель лечь! Я научу тебя свободу любить! Ты у меня, зараза, ещё попляшешь на горячих угольках! В мою честь будет играть музыка! – распалялась я обидами, как сухим хворостом, швыряя свой многострадальный портфель с документами то на стол, то на диван, а то и об стену. – Думаешь, я безгласная! Если захочу, я то же самое над тобой смогу проделать. Ты у меня как ужаленный подскочишь!» В пространство кричала...

А на самом же деле всё внутри меня гулко опустилось, опало. И в пустой душе будто собака завывала горько и безнадежно. Я была в плену страданий. От всех проблем хотелось нырнуть в тихий тёмный уголок или даже запить. Откуда в нас это физиологическое чувство раба? Как избавиться от униженного почитания власти, от страха перед ней? – сдерживая совсем уж грустные нотки, прорывающиеся в го-

лосе, жаловалась мне Алиса. – И поделом мне. Не нарывайся. Чиновники воспринимают и усваивают только информацию, подслащенную комплиментами, любят, чтобы им поддакивали. Тогда они слушают и млеют. Даже простой народ не против, чтобы ему тёплую лапшичку на уши навешивали.

А следующий оратор на меня стал. Нравилось, видно, покрикивать да командовать. Взглядом прожигал насквозь. Думал, я из страха перед его чином вынуждена буду помалкивать в тряпочку и всё исполнять. Я могу уважать за ум, за руки золотые, но не за кресло, добытое по блату. Напряг он меня. Ох и дорвалась я! В надлежащем порядке выдала ему всё, что о нём думала, выплеснула в его наглую рожу всё, что накопилось во мне, пока бесполезно блуждала по коридорам власти. Дала волю нервам... Чёрт дернул меня высказываться! Вне всякого сомнения, благоразумие подсказывало не задираться, притихнуть в присутствии чиновника. У нас даже шутка тогда между предпринимателями появилась: «Человек – хозяин своего молчания». А я сорвалась, как бешеная колотила руками по столу. Ну и чего добилась? А, да бог с ним: сгорела хата, гори сарай! Так в моем детстве говорили», – с трагическим надрывом закончила Алиса.

«Я бы ещё в рыло заехала», – успокоила я подругу.

«Знаю, отстаивая свою точку зрения, ты могла бы... Вот и я вознамерилась справедливость восстанавливать! Ясно как день, что глупо себя повела. Ему же от меня ничего, кроме денег, не надо было. Но так вдруг захотелось порядочности!

А она всякий раз ускользала... как сквозь пальцы. Смотрю, глаза у чиновника сделались бешеные. Чувствую, пора лить. Не слишком я огорчилась, знала исход. Долго учили меня «жизни». Не я одна оказалась такой по-советски непонятливой. Повальное тупо-умие было и неосведомленность. Мы привыкли, чтобы всё в нашей жизни было расписано до мелочей. Поучительная история. Но ведь обидно, время упускала.

Вспоминается мне нервно ропщущая толпа людей, оказавшихся в длинном перечне лиц, не попавших к кормушке, – я ни в коей мере их не осуждаю, даже сочувствую, – тревожным диким табуном рванула она в приёмную, где их и перехватили... Некоторые, которые поумней или предупрежденные осторожными друзьями, миновали скандала, отхлынув в боковую дверь. Мне тогда невероятно повезло остаться на месте... Всякое было. Душу мне чиновники вывернули наизнанку. Только и помню пренебрежительную жестикуляцию их рук, то и дело отсылающих всех куда-то вверх, поверх голов. На таких кулак сам лезет. Тому отстегни, другому... Одни траты. Теперь я их не боюсь, потому что ничего от них не жду.

«С гоголевских времен ничего не изменилось в России», – беззаботно-невозмутимо прокомментировала я слова подруги.

«И все же я в основном считаю причиной моих бед в бизнесе не систему власти, а личные качества некоторых, встре-

чающихся на моём пути людей, их гнусную природу. И при социализме такие вот перекрывали кислород, требуя мзду или твою неприкосновенную плоть. Они тоже могли отторгнуть, отхватить что-то уж совсем никаким боком им не принадлежащее. Но денежные ставки были меньше, боялись. А теперь беспредел.

В общем, не дали мне чиновники ни копейки и тем обрekli на самостоятельное выживание. Да и надоело мне становиться в строй просителей по денежному ранжиру. Сама справилась. Ты же знаешь, я та ещё штучка. Многие боялись мне пальцы в рот класть. Недаром мужчины шутили: «Где чёрт не сможет, там женщина управится». Это теперь законы появились, государство ошутимее помогать стало. Но я всё равно больше никуда не суюсь с протянутой рукой. Бог с ними, я не блатная и откаты никому не хочу делать».

«Ты определись с терминами «не хочу» и «не могу». Наведи между ними порядок», – пошутила я.

Но Алиса продолжила серьёзно:

«В те трудные времена начала перестройки многое в человеческой натуре, едва различимое ранее, стало чётко проявляться, становиться более выпуклым, рельефным. И плохое, и хорошее тоже. Долго чиновники и разного рода начальнички в мутной воде ловили рыбку, пока в стране наводился порядок. Да и теперь ещё достаточно любителей содрать чужую шкуру на свой полушубок. Всех не переловишь. Из давних лет тянется эта верёвочка. Особенно если

городок небольшой. А всё это

безобразие ложится на плечи простого народа.

Дочка, бывало, увидит, как я убиваюсь, жалеть меня начинает: «Ну что ты, мама, надо не надо трепыхаешься, как воробышек? Стоит ли брать в расчёт такие мелочи? Всё образуется, обойдётся. Береги себя. Тебе обязательно надо самой всюду поспевать? Может, я чем смогу помочь?» Боялась без меня остаться, студенткой тогда была. Конечно, вовремя и к месту оказанное содействие никому бы не помешало, но я не сидела у власти на коленях и помощи ни от кого не ждала. Совковая наивность – моя ахиллесова пята, но осторожность – мой внутренний редактор по жизни: надеюсь на лучшее, а готовлюсь к худшему. Меня один из бывших друзей детства предупредил в самом начале моего пути: «Если собираешься хоть чуть-чуть возвыситься над массами – готовься к большим проблемам. Иначе в нашем деле нельзя. В этом есть свой резон». И я его совет учитывала.

Бизнес мой набирал обороты, поднимался на новый непоставимый уровень. Но, как выяснилось, нельзя долго оставаться независимой и успешной одиночкой. Конкуренты не позволят. И зависть не забывает творить своё чёрное дело. К тому же откуда-то набежало слишком много желающих на халяву прибрать к рукам моё маленькое отлаженное производство со всеми его потрохами. Все, кому не лень – нашествие бандитов! – кинулись на беззащитную женщину. Слов-

но из-под земли вырастали молодые подонки. Только голову начинаю поднимать, а они тут как тут. Некоторые вкрадчиво прозрачно намекали на якобы объединение, другие откровенно угрожали. Как выйти из щекотливого положения? Сначала я не сочла правильным откликаться на их предложения, отмалчивалась, как глупая старушка непонимающе хлопала глазами. А в голове крутилось: «Фиг вам, так вот сразу и побегу, спешу и падаю! Вода и масло не соединимы». Но как ни крути – стычек не удавалось избегать. Опутали, обвили меня, как опоясывающий лишай. Долго кошмарили. Такая вот недоля.

А тут ещё бывшие спортсмены ринулись со всех сторон предлагать свои высокооплачиваемые услуги, милиция вязалась. И мне ничего не оставалось, как постоянно держать ухо востро. Я всех осторожно отшивала. Иначе оглянуться не успеешь – вмиг всё растащат по кусочкам за милую душу. Своих неприятностей я сроду ни на кого не вешала, и чужие мне не нужны. А меня «грузили» по полной программе. Человек я в основе своей излишне лирический – есть такой недостаток, признаю за собой, – но чтобы позволять чужим нос в свои дела совать – ни-ни!

Я не торгаш, и все же «крыши» избежать не удалось. Не убереглась, подстерёг меня тут один и присосался по-тихому. Не бог весть какой умный, но хитрый, и рожа для поборов самая что ни на есть подходящая. Взгляд ледяной, подавляющий. Сидит в кресле надутый, чванливый, мститель-

но гоняет желваки. Я, когда первый раз гадкая судьба свела нас, в страхе застыла. Показалось, будто из-под земли передо мной монстр вырос. От него веяло мертвечиной. Самодовольный, не сворачиваемый в сторону, гордый своей уверенностью. Ненавижу таких!

«Это сколько же надо пережить и перетерпеть, чтобы сказать такие слова!» – подумала я тогда об Алисе.

Отчего же не иметь сомнений, если в карманах... оружие. Совесть бессильна, власть бессовестна. Бандита нельзя представить в затруднительном положении. Он кого угодно легко уничтожит и переварит всякого, кто попытается помешать ему положить ноги на чужой стол. Такой и должок не простит, и отсрочки платежа не даст. Такому вынь да положь – хоть тресни. Каждый месяц на огромном джипе с охранником объезжал «должников» по всему городу, а может, и по области. Чиновник, по телевизору его часто показывают. На угрюмом лице печать собственной значимости».

«Небось при своём начальстве на нём выражение, будто на одну зарплату живёт?» – рассмеялась я.

«Заломил неслыханную, грабительскую сумму за свои «услуги». «Ну, думаю, этот своего не упустит, не миновать разборки: пришлёт бандюков. Выпотрошит этот мордovorot за милую душу, раздолбает мой бизнес. Его не колышет, что я женщина, что из последних сил рвусь. Слезы не возымеют на него реального действия. Нет чтобы проявить благородство по отношению к слабому полу. И рядом оно с ним

не ночевало! С этим у него глухо. И всё же подумала: «А вдруг пронесёт?» И ещё одна мысль мелькнула: «Неужели не найдётся смельчак по его душу?» Попыталась договориться. Долго держалась. Признаться, струхнула один только раз и сразу на его крючок подседа, когда поняла, что разговоры реально грозят перейти в действия.

Увидела перестрелку совсем близко, подробно, зрелищно. Сама оказалась стиснутой со всех четырёх сторон. Может, это было нечто незапланированное, но только страшно мне стало, чуть ли... не того... в штанишки... Все надеялась, что до меня, ни в чём неповинной, не доберётся устрашающий миг чужого воздаяния – и такой, оказывается, бывает. Но не минул меня этот страшный рок. Увы и ох! Вот где они у меня, эти неожиданные параллели страха и бизнеса. Изогнулись и сошлись в точку. И, как говорят у нас в деревне, настало время молитвы. Помню, ну и денёк выдался! «Всё, – подумала – часы мои сочтены, не выдержу проверки на прочность». Душа точно в пятки опустилась. Повалилась я на пол, зашлась слезами. Орала как оглашенная, совершенно не осознавая своего поведения. Оплакивала и одновременно проклинала тот час, когда взялась за бизнес. Никогда такого искреннего, глобального ужаса не приходилось переживать. Это был уже не кулуарный трёп или немые крики души, не грошовой дамские переживания. Не сыскать человека, который встретил бы подобное спокойно... «Зря понадеялась на свои силы, – решила я. – Что же я никак не могу

выйти из прошлого и постоянно попадаюсь на совковых иллюзиях! Брошу всё к чертовой матери и буду в мире с самой собой и со всей вселенной». О эта подлая минута страха!..»

У каждого, наверное, в сердце есть боль, которую не стоит показывать. Я осталась жива благодаря – прости, Господи, мою душу грешную! – смерти случайного человека. Вот ведь говорят: не запрашивай у Бога лишнего... (А может, всё-таки он был целью бандитов?) Я сама собиралась кинуться убежать по этому переулку, но почему-то остановилась как вкопанная. Какая сила отвела меня от смерти? Но видеть того, кто ни за что, по чистой случайности положил свою жизнь... Ужасное зрелище... Что произошло в следующий момент, не поддаётся никакому описанию... Цепкая темнота. В момент вспышки вижу: руки-ноги разбросаны по кустам, что росли вдоль асфальта рядом с моим офисом. Даже кубики металлических гаражей зашатались. «Раздобревшие» от бронезилетов, не снимающие пальцев со пусковых крючков чёрные, как ночные тени, сгорбленные фигуры... Мысли и чувства мои были похожи на бушующее море. Волны страха в груди набегали, сталкивались, закипали и пенились, но не гасили друг друга. Вот тут-то я и поняла фразу: «В такой ситуации каждый за себя». Из всех событий того дня я не могла выделить ни одного часа, где логический ход вещей был бы мне до конца ясен.

Додалил чиновник меня этой «картиной маслом», сдалась я. Удалась ему, сволоте, «невинная шалость»... Прости, про-

сти Инна. Это не то, что можно обсуждать без сердечной боли...»

Алиса стиснула ладонями виски и неподвижно замерла минуты на три.

«А он, гад, потом при очередной встрече в его кабинете, не в силах до конца скрыть своё торжество, старательно сгоял с лица недоразвившуюся улыбочку, прятал глаза и умело проводил отвлекающий момент, уводя разговор в нужную ему сторону. Мол, «лучше я один, чем милиция со всей её вертикалью власти и субординацией. Знаете, сколько их нанижется, как бусы на леску-удавку? Вы своё выполняйте, а остальное предоставьте мне. (Что остальное?) Я предельно ясно выразился?» Таков мне был дан совет. Потом в виде «дружеского» назидания погрозил мне пальцем и сказал: «Не смею задерживать». А сам с мстительным удовольствием наблюдал за моим преобразившимся лицом. Ему очень нравилось потешаться над чужим страхом. Я подарила ему уникальную возможность познакомиться с его женским вариантом. Наверное, по его шкале развлечений это был высший пилотаж.

...И вдруг под каким-то благовидным предлогом вошел его начальник. Голос и манеры моего мучителя странным образом переменялись. Передо мной оказался не требовательный, жестокий, надменный тип, а сама доброжелательность. Какая открытая располагающая внешность! Как он сыпал вежливыми словами! Я даже оторопела от такой неожидан-

ной трансформации личности. А я, как ты знаешь, не девочка с периферии, многое повидала. «Высокие должности похожи на крутые скалы: на них взбираются только орлы и пресмыкающиеся». Это я ещё в школе поняла, когда мы на уроке литературы Максима Горького изучали. И хотя закономерность без сомнения прослеживалась, я окончательно так и не решила для себя: в сговоре он с начальником или только для себя меня будет обдирать? Последнее время я перестала доверять своей интуиции. До сих пор плачу этому гаду. И ведь не за то берёт, что может чем-то помочь в работе, а только за то, что не будет мешать! Ненавижу эту сытую самоуверенную рожу! Не думай обо мне хуже, чем я есть на самом деле. Я вспоминала о тебе, о том, как бы ты отнеслась к этому, если бы была рядом. Что бередить раны? Как ни стараюсь разуверить себя, всё равно продолжаю считать себя слабачкой. Но ведь взорвёт, сожжёт, сволочь... Понимаешь, слишком многое поставлено на карту: моя семья, судьбы людей, поверивших мне. Думаешь, мне легко? Считаешь, мораль – этот стержень человеческий – вещь генетическая? Я что-то в последнее время совсем запуталась в философских понятиях, а когда-то была отличницей, не поверхностно знакомилась, осознанно, вдумчиво училась. Может, это до известной степени мешает мне легко, как некоторым, перешагивать через препятствия? Мне до сих пор страшно неприятно протискиваться и двигаться вперёд мимо поверженных, скорбящих, разорившихся. Мне еще повезло, деньгами всё

закончилось. А бывает так, что и жизнь, и карьера человека оказывается в руках одного чиновника, опытного аппаратчика. И тогда его судьба зависит от сиюминутного настроения этого монстра – вот что страшно!

Некоторые мужчины обвиняют нас, чего-то добившихся своим каторжным трудом женщин, в жёсткости, утверждают, что изысканная бессердечность стала символом женской независимости. Это далеко не так. Всё зависит от того, какие мужчины поперёк нашего пути становятся. Один даже обозвал меня «бизнес-Кармен». Мужское начало в нас поднимает голову и требует уважения поневоле. Может, это и плохо, только процесс не остановить. Не дают нам мужчины оставаться нежными. Без сильной воли нельзя противостоять всем напастям, обманам и подставам. Нам приходится быть стойкими, иначе конкуренты сожрут с потрохами и не подавятся. А они ещё и подшучивают, мол, «только критические дни напоминают вам о том, что вы женщины?»

Был бы рядом со мной стоящий мужчина, может быть, он шуганул или вообще вышиб бы этого паразита из кресла, и я с радостью вновь приняла бы приятное женское обличье. Но в помощники мне напрашиваются только нахлебники и приживалы. В основной массе своей я их быстро выпроваживаю. А иногда с боем. И всё же ещё жива оборотная, внутренняя сторона моей души, которая не даёт мне озлобляться, звереть, затачиваться на одно – на достижение прибыли, обирать своих работников и клиентов. В наши бурные вре-

мена многим не хватает простых вечных истин – я о молодых говорю. Они, эти истины-заповеди, у них сейчас не в чести. Может, поэтому я считаю: «лучше меньше, но надёжней». Зачем завистников плодить? Они за превосходство по головке не погладят. В один миг обрушат всё, что выстраивалось мною годами. Теперь ты представляешь себе просто-го предпринимателя перед лицом этих диких обстоятельств? То-то и оно.

И ещё один важный момент. Я никогда ни у кого не одалживаю денег. И у государства не беру займы. Такой у меня жесткий принцип – рисковать только своим капиталом. Думаешь, на воду дую? Да. Поэтому и не проигрываю последнее время, сумела вписаться в структуру, отвоевав себе жизненное пространство. Ещё, наверное, женская интуиция выручает. Часто бывает, что ощущаю приближающуюся неприятность. А почему такое происходит – не знаю. Это не поддаётся «прочтению» и пониманию. Просто чувствую, грызёт меня что-то и всё. Естественно, начинаю искать причины и принимать меры. Как-то банк поменяла. А предыдущий через месяц обанкротился. И плакали денежки у тех, кто в нём остался.

За эти годы и неожиданные взлёты случались, и падения. Конкуренты то взвинчивали цены, то опускали, пытаюсь меня разорить, потом снова вздували их. Часто страх ошпаривал нутро горячим паром. Понимала, что иногда пулю в голову могла схлопотать за несговорчивость. Вне вся-

кого сомнения, жизнь преподавала мне уроки то жестокости, то абсурдной терпимости. Хорошие договоры никто не спешил давать. А перебивать и отнимать я не умела и не хотела. Впаривали мне поначалу, как охламону, всякую ерунду, предлагали сомнительные связи, пытались втягивать в липовые предприятия за обладание квадратными метрами. Вела борьбу ни на жизнь, а на смерть. Но, разъяренная очередным коммерческим поражением, не сдавалась. Уходила обманутая, пусть даже в мелочах, на прощанье со всей силы лягнув дверь. Душил беспомощный гнев, кипела обида, но преподанный урок запоминала на всю жизнь и начинала искать новые связи. И каждый раз это была новая баталия. Многие не платили за выполненную работу, потому что я верила слезным обещаниям. Потом были бессмысленные суды... Некоторые по привычке требовали отстегивать... Борьба за договоры – самый сложный аспект в моей работе».

«В НИИ принято говорить «договора». По типу Мурманск, а не общепринятый Мурманск», – напомнила я Алисе. Она, усмехнувшись, кивнула.

«До сих пор приходится надевать разные маски – это надёжное средство высвобождения или сокрытия личности, – представляться белой, мягкой и пушистой, бросаться комплиментами, метать бисер перед нужными людьми, опять-таки терпеть заносчивость чиновников – у них же там гад на гаде сидит и гадом погоняет! – стоять перед ними на цырлах. А самой в то же время делать шаг влево, шаг вправо, хамить

конкурентам, предотвращая их подлые выходы, остерегаться нового рэкета. Что там ни говори – это такие дополнительные моральные нагрузки для меня, идеалистки, взращённой при социализме! Работа руководителя предприятия – гонка, работа на износ: ни выходных тебе, ни праздников.

Мужчины не щадили меня, особенно молодые. С ними тяжелей всего. Они смелы, раскованы в общении, свободно называют вещи своими именами, насмешливы, абсолютно несентиментальны. С ними совсем по-другому приходится выстраивать отношения. У них иное мироощущение, новые принципы отношения к жизни. И вокруг них спланивается такая же истовая компания. Их доминанта – деньги. Нравится это мне или нет – их не волнует. Я, стыдно признаться, побаиваюсь их. Такие типчики и к физиономии приложиться могут. И, если это возможно, я уклоняюсь от взаимодействия с ними, стремлюсь ускользнуть от их нахрапистого давления. Учусь у них. Смешно, согласись? А что поделаешь?

Когда друзья упрекают меня в излишней щепетильности в вопросах бизнеса, я им обычно отвечаю: «Сами попробуйте покрутиться. Критиковать всегда легче, чем самим делать». Жизнь перевернулась с ног на голову, но она продолжается. Много чего пришлось пережить, но это стоило того. «В конце концов, – убеждаю я себя, – через это сейчас не по своей воле проходят все те, кто, не имея мохнатой лапы, стремится наладить пусть небольшое, но настоящее производство, что-

бы выжить самому и дать работу ещё нескольким десяткам людей».

Компьютер имею. Собственные технологические программы делаю. Вот чем похвастаться не могу, так это знанием языков. Мой немецкий оставляет желать лучшего, а минимальный английский я освоила, работая на компьютере. Это подкашивало меня сильно. Дочку припахала. Сначала она на подхвате у меня была, теперь выучилась: и в языках, и в экономике сильна. Я хотя и не сразу, но поняла, что означает для некоторых современная фраза, что «человек определяется тем, что у него можно отнять – у одного орден, у другого возможность работать, а у кого-то деньги», – и выдержала-таки и соперничество, и прессинг, и противостояние.

Легче стало, когда обозначились основные направления развития страны. Наступило странное зыбкое спокойствие, похожее на стабилизацию. Но до сих пор не покидает чувство, что меня пытаются надуть все кому не лень. Может, когда-нибудь и справятся с коррупцией или хотя бы хвост ей прижмут. Ведь, как было принято по-марксистски утверждать в старые добрые времена: «нарастание внутреннего конфликта неизбежно, что, собственно, и приведёт к необходимости борьбы». Мы употребляли, но не понимали эту фразу, пока на своей собственной шкуре не почувствовали её жестокую силу.

На жизнь не обижаюсь, не ною. В детстве мама говори-

ла мне: «Не тони в слезах, не падай духом. Оглянувшись назад, задумайся: сколько лишней муки ты создаешь себе самой преждевременными волнениями. Не помогут тебе страхи. Каждая пролитая слеза отнимает силы, а каждая побеждённая беда – возводит человека на новую ступень возможностей. Приведи в порядок свой внутренний мир, как приводишь в порядок свою внешность. Меньше думай о себе, больше о деле». Потрясающе мудрой была. Я хорошо запомнила её слова, но всё равно непрестанное соприкосновение с людьми, с их порывами злости и отчаяния, с их горем и слезами очень утомляет меня. Да и у самой обидные проблемы случаются. Обучаешь, воспитываешь человека, а он, получив крепкую базу знаний и практику, в другую, более крупную фирму уходит, где платят больше. Прессовать, доставать, заставлять вернуться? Нет, конечно. У каждого должна быть свобода выбора. Люди ищут себя. Это естественный процесс. Только от понимания ситуации мне не легче.

Многое у человека зависит от уровня его ожиданий. Я знала, что никто не подготовит мне место под солнцем, не надеялась получить всё и сразу. Понимала, что никто ничем мне не обязан, что самой необходимо заставлять реальность поворачиваться ко мне значимой стороной или придётся приспособливаться, поэтому была терпелива и вкалывала первое время по-чёрному. Переживала, конечно, неудачи, но относилась к ним философски, мол, такова теперешняя жизнь. Советские пряники кончились, и это надо понимать.

Я барахтаюсь в жизни, как та лягушка в горшке со сметаной. Никто не принуждал, сама взялась за гуж. Самой пахать, самой и по башке получать, если оказалась в чём-то недостаточно ответственной или совершила промашку. Если кого и поругиваю за неосмотрительность или недалёковидность, так только себя. Что поделаешь, крутиться приходится в мощном потоке новой жизни. С большим трудом удаётся вырывать и выныривать на поверхность из затягивающих в глубь проблем воронок. Работы пока много – только успевай поворачиваться. Это бесконечно радует, значит – живу! Правда, иногда друзья упрекают меня в излишней осторожности, мол, бизнес не брезглив. Ну это кому как. У некоторых, как запахнет деньгами – все принципы летят... к той самой прабабушке. Мои потребности не велики. С собой ещё никто на тот свет не смог прихватить наворованного.

Могу дать совет: если не испытываешь склонность к бизнесу, лучше не берись, выбирай себе более приемлемый путь выживания и процветания. Главное не прозябать! (*Не позабылись старые лозунги!*) Вот, например, героическое дело – внуков растить мне не по характеру. Одна моя подруга с ума сходит от счастья, общаясь со своей малышкой – у неё их целый выводок; другая же балдеет от разведения георгин. Каждому своё. А захочешь – я всегда рада буду тебе помочь. Ты человек надёжный. Все мы варимся в одном котле, но кому быть счастливым, а кому несчастным – зависит от характера каждого из нас. Я вот не могу без бурной деятельности,

хоть и устаю до потери пульса. Меня спасает только то, что когда мне невыносимо грустно или очень тяжело, я на короткое время погружаюсь в трогательно-патриархальное время, связанное с годами моего счастливого детства. Там черпаю силы. Маму, бабушку вспоминаю.

Принято считать, что женщины гибче, терпеливее мужчин. А я так скажу – всякие есть и среди мужчин. Смотря что им в детстве привили. Вот моя терпеливость – результат самовоспитания. А сколько среди мужчин тупых и бездарных, но хитрых! Не счесть... Как ты думаешь, что помогает мне жить, что стимулирует? Да что и всегда – мой ребёнок, моё чудо. А теперь ещё и внученька – счастье моё разьединственное. Наглядеться на них не могу. Всё для них сделаю, лишь бы были они здоровы и к делу достойному приложены. И сама я еще кое-что могу. Не набалована судьбой.

Ненавижу, когда ругают страну, в которой живут, унижают своих сограждан. Некоторых хлебом не корми, только дай обгадить. Не постучишься – не откроют. Вкалывать надо, а не разводить политесы и слюни распускать на чужую, как некоторым кажется, удачу. Собственно, это распространённое и глубинное заблуждение многих россиян, продиктованное первым впечатлением, которое считается у нас самым верным. Не стоит путать удачу и адов труд. Наверное, это общий недостаток нашей культуры. А там кто его знает? Не специалист я в высоких материях. Не могу объяснить почему, но не чувствую я доверия к нематериальным сфе-

рам в приложении к реальной жизни. Только верю, что всё у нас наладится, если разберёмся с коррупцией. Разболталась я что-то с тобой...»

«Бернард Шоу как-то сказал: «Разумный человек приспосабливается к миру; неразумный упорно пытается приспособить мир к себе. Поэтому прогресс зависит от неразумных людей».

«Так выпьем же за неразумных», – поддержала меня Алиса. И добавила: «Ты спрашивала как выстраивать отношения с чиновниками? По возможности от них дистанцироваться и опираться на знания и свою природную мудрую женскую интуицию».

Мы с ней слегка приняли на грудь, и она грустно закончила свою мысль:

«Многое в своей жизни я предпочитаю не выставлять на всеобщее обозрение. Есть вопросы болезненно важные для меня. Не люблю, когда трогают интимные стороны моей жизни. Для чего я тебе всё это рассказываю? Наболело. К тому же ты понять можешь. Тебе тоже доставалось... Не было у тебя, как и у меня, ни настоящих помощников, ни защитников-утешителей. «Мужчины, мужчины, мужчины! Вы помните званье свое?» История замалчивает и этот факт?».

– Весь мой разговор с Алисой был выдержан примерно в том же тоне и стиле. Я могу смело утверждать, что передала её слова с большой степенью достоверности. Ну, может

быть, только с излишней эмоциональностью. Ты же знаешь мой неугасающий темперамент. Да, трудная, и пока, слава богу, ещё незавершенная у Алисы судьба. Но при всем при том дочери прекрасную квартиру построила. И у внучки теперь есть своя крыша над головой и достойное будущее, если ничего в стране не случится...

– Какой смысл теперь Алисе вспоминать о прошлых обидах и проблемах? Сейчас для неё настало время всех прощать. Может, прорежется поразительный, почти религиозный талант всех любить, всем помогать? Да пребудет с нею успех! Это материя самого высокого порядка. А как ты думаешь? – заинтересованно спросила Жанна.

Инна с подозрением взглянула на неё и сказала:

– Разве постоянно прощая чужую подлость, мы не губим свои души? Твоя совесть не бьет в колокол? Подумай над этим. Как-то я похвалила Алису. «Что ты! – ответила она. – Какие там таланты? Я всего-навсего раба своего беспокойного характера. Да, я нестигаемая, я стоик, но только потому, что у меня не было другого выхода. Я вцеплялась руками и зубами, чтобы не упасть в пропасть».

– Скромничает. Мол, так выживали все культурные люди в некультурных обстоятельствах, – усмехнулась Жанна. – Откуда в ней такая жизнестойкость? Наверное, некоторые гены в нас спят и начинают просыпаться, только когда жизнь прижмёт.

– Ещё в самом начале своего самостоятельного пути Али-

са весьма настоятельно приглашала меня к себе, – напомнила Инна. – Во время одного из периодов «грустной застойной задумчивости» я чуть было не согласилась, но потом пошла в НИИ к Елене. А сейчас тем более предпочитаю спокойные и надёжные методы добывания дополнительного приработка к пенсии. И пусть солнце тысячекратно не отражается в зеркалах моего жизненного пути, я им довольна. Не волнует меня всё затмевающая прелесть зелёных бумажек. О продлении лет своих на земле Всевышнего молю. Как проста жизнь, когда человек здоров!

Жанна удивлённо и недоверчиво посмотрела на Инну, но ничего не сказала. Она не знала о её проблемах со здоровьем.

Ирина и Борис

– Ирина! Я ею всегда восхищалась. Чемпионка страны, красавица, умница! А она, с присущей ей скромностью, свой успех объясняла только трудолюбием, о таланте не заикалась. Расскажите что-нибудь о ней. Сложилось у них с Борисом? Как она его любила! Ирина из тех нежных и тонких натур, для которых слова из песни: «И не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами...» в применении к себе были флагом, фетишем. А Борис, как мне тогда со стороны казалось, только снисходительно принимал её любовь. Не замечала я в нём уважения к ней, да и вообще к девушкам.

– Ты ожидала увидеть почтительное рыцарское восхище-

ние и преклонение? – фыркнула Инна в ответ на Ленино откровение.

– Его, с моей точки зрения, отличало потребительское отношение к окружающим. Он на всех смотрел сверху вниз из-под полуприкрытых глаз. Избалован был высокопоставленными родителями, ни в чём не знал отказа. Самонадеянный, упрямый, заносчивый. Может, конечно, я и ошибалась. У меня тогда были провинциальные, слишком стерильные взгляды на жизнь, – улыбнулась Лена.

Инна с готовностью придвинулась к подруге и начала свой грустный, насыщенный сочувствием монолог.

– Помнишь, что Лариска учудила в колхозе, куда нас загнали на уборку картошки? Борька как-то не очень уважительно в присутствии нас высказался о девушках, а она мгновенно вспыхнула как спичка: «Ирина! Борис по сравнению с тобой, ноль, ничтожество! И почему мы влюбляемся в недостойных? Один приглянулся – оказался подлым. Красавчик! Так в том не его заслуга, матери. Второй вроде неплохой был парень. И вдруг один случай опустил его в моих глазах ниже некуда. Мелкий, примитивный. Фу! Сейчас ещё один за мной увязывается. Так он ни себе, ни людям... Никак не отошью, не отлипает. Ничего в нём интересного, замечательного. Ему бы только крыльями хлопать, да, задрав голову, орать «кукареку», созывая легковерных клуш. А несёт себя выше некуда! Неужели так и не встречу достойного, родственную душу?» Она резко развернулась и ушла, оставив в онемении

и смущении оторопевших слушателей. Грубо, с обидой сказала, но правильно. Интересно будет завтра узнать, повезло ли ей в жизни?

Ну, так вот, об Ирине. Вы обе оказались правы. Семь лет она с Борькой мучилась, жила под аккомпанемент его нытья и ругани. Каждый день проходила урок терпения и самообладания. Ты не представляешь, как тяжелы порой в обыденной жизни невыдержанные эгоистичные люди! Всё его что-то не устраивало, разговаривал с Ириной с выражением победоносной иронии. Его манеры и до свадьбы не очень соответствовали поведению воспитанного человека, а после женитьбы и вовсе всё плохое у него пошло развиваться по нарастающей. В начале семейной жизни Ира, как большинство из нас, была слишком неопытна, вот Борька и «выстроил» ее под себя, думаю, можно так сказать. Как она ни подступалась к нему, желая наладить отношения, старания оказывали действие прямо противоположное желаемому. Напрасно она взывала к его совести. Он нагло отстаивал свои позиции, забывая о правилах приличия и о мужском великодушии.

В представлении Ирины любить – значит, всё отдавать и ничего не просить взамен. При этом душа не разоряется, а укрепляется, и человек открывает в себе глубину, чувствует силу, поднимающую его над повседневностью. Она считала, что гармония семьи состоит не в том, чтобы все её члены думали и делали одинаково, а чтобы в искренне расточаемой ими любви и радости все были приятны и полезны друг дру-

гу. И тогда они проникают в таинство, при котором из двоих любящих сердец получается одно целое. Надо только стремиться удерживать и продлять эти чудные мгновения жизни. Идеалисткой была. Любовь – это прежде всего зависимость. Мы всегда боимся за тех, кого любим. И солировать в семье нельзя. Ирине хотелось делиться с мужем своими проблемами, заботами, но он не интересовался ими, хотя она немало сил прилагала для их сближения. И она, не умея сократить дистанцию между ними, от обиды впадала в вязкое опустошающее забытие. Борис относился к Ирине и её взглядам на жизнь свысока, презрительно-снисходительно. Она слова доброго от него не слышала. Его передёргивало всякий раз, когда она, прильнув к нему, с сожалением заговаривала об их внутренней разъединённости. Считал разлад в их семье следствием её нежизненного простодушия. Ему в голову не приходили высокие материи. Он был слишком циничным. Ирина уже догадывалась, что она в любви отдаёт всю себя, а Борис – лишь небольшую часть. «В семье оба должны быть дороги друг другу и идти путём гармонии, а они идут кто как умеет», – горько констатировала она.

Борис был по-своему интересным человеком, много читал, мог увлечь приятным разговором. Иначе Ирина не полюбила бы его. Только, видно, внешняя культурность, не затрагивающая душу, не равнозначна духовной. Борис вёл себя с женой примитивно-нагло, вызывающе. Утверждал, что каждый муж мечтает уйти в разнос, что не поддавалось её по-

ниманию. Уже перед самым разводом Ирина говорила ему: «Ты живёшь как дикарь. В любви и заботе надо проявлять эмоции, а в ссорах – сдержанность. Учись находить мягкие формы для выражения своих пусть даже очень неприятных чувств. Был бы ты больной на голову, тебя надо было бы пожалеть и простить, но ты нормальный, так зачем же мне спускать тебе невоздержанность и просто элементарное хамство? Твоё странное поведение – имитация силы слабым человеком, целенаправленное желание неуверенного или завистливого мужчины обидеть любящую его женщину. Может, тебе кое-что пересмотреть в твоём отношении ко мне и сыну? За семь лет я ни разу не повысила голос, не позволила себе ни одного непорядочного поступка. Для меня между нами не мог встать какой-нибудь мужчина, сама мысль об измене не укладывалась в моей голове. Я не могла отъединить себя от тебя. Понимаю, трудно изживать плохие привычки, но попробуй, я помогу. Ты находишь, что я не права? Ты не устаёшь от самого себя?»

А Борис, переполненный чувством собственного превосходства, в ответ отчеканивал то брезгливо, то враждебно какую-нибудь унижающую жену пошлость. У него была манера выражаться твёрдо и категорично в любых ситуациях в независимости от того, прав он или нет. Собственно, он всегда считал себя правым и не принимал возражений. Ты же, Лена, знаешь, такие мужчины вместо того, чтобы согласиться с очевидным, кричат: «Это ваша женская логика! Раску-

дахталась. Тебе бы только воду мутить!» А всё почему? Лень вникнуть в суть вопроса, терпеливо разобраться. А ещё из страха быть побеждёнными в споре. И вот за эту лень, за трусость и нежелание понять нас по законам формальной логики мы ещё должны делать им послабление?» – фыркнула Инна.

– Многое в Борисе не сходилось с обликом того человека, за которого он до свадьбы себя выдавал. С ним в ее жизнь пришло то, о чем раньше она не догадывалась. Ирина не раз говорила мужу: «Я теряюсь в догадках, как может подниматься со дна твоей души всё самое плохое именно тогда, когда я стараюсь сделать тебе что-то приятное? Что вводит тебя в иступление? Взгляни на себя в зеркало в момент крика. В минуты гнева ты похож на эпилептика или на больного, поражённого церебральным параличом. Тебя же корёжит, как грешника в аду на раскалённой сковороде. Неприятное зрелище, скажу я тебе. Уважающий себя человек не позволит себе так вести ни в присутствии близких ему людей, ни при чужих. Сказывается отсутствие воспитания или, напротив, воспитание вседозволенности? Но умный человек меняет себя всю жизнь, он настойчиво корректирует свои недостатки. У тебя абсолютно отсутствуют тормоза. Когда разойдёшься, ты не способен мыслить на два хода вперёд. Вот почему ты сейчас на меня накричал? Опять вымещал на мне свои неудачи? Как бы ни было мне трудно на работе, я не переношу свои неприятности на тебя. Я хочу, чтобы ни-

что плохое во вне не отражалось на климате нашей семьи. Ты же хороший, не спеши давать людям повод к неверным о тебе заключениям, неправильно истолковывая вспышки твоего непредсказуемого раздражения. Не навлекай на себя дополнительные проблемы», – пыталась внушить мужу Ирина.

В наших беседах я поддакивала ей и выдавала свои тезисы: «Знавала подобных субчиков. Распинаются о своей любви к семье, а на самом деле тираны. Такие люди – преступники не меньше, чем воры, крадущие чужие ценности. Они отнимают у близких людей чувства, радость, жизнь. Мужчина, не владеющий собой, постоянно переживающий пароксизмы раздражения и приступы бешенства – дикое двуногое животное. Он просто больной».

«Борис не понимает меня, не ценит моей любви и заботы о нём», – жаловалась мне Ира.

«Заботу больше ценят в старости, а в молодости, сама понимаешь, интересуется другое...» – грубовато шутила я.

Для Бориса их ссоры были сущими пустяками. В его жизни никогда не было места ни чьим слезам, ни ропоту. Легко шёл по жизни. Он будто и не подозревал, какие бури чувств переживала Ирина от их размолвок, а ведь хотя он и сковывал её своей резкостью, она не раз обнажала перед ним раны своего страдающего сердца. Но он не пытался обуздать себя. Конечно, научиться видеть различные грани другого человека можно только с опытом, и то если хочешь этого.

Просто доходит только себе созвучное. Не умела Ирина разгадать и постичь потаённый смысл поведения мужа. Сам же он никаких серьёзных попыток к примирению не предпринимал. Горько ей было от бессилия, от ощущения ненужности. Даже сынок, видя, что творит отец, разделял глубокую неудовлетворённость мамы их совместной жизнью. Но сама она никому в этом не сознавалась. Несла своё страдание так, чтобы от него не терпели боль другие. Решительно отказывалась с кем-нибудь из близких обсуждать эту тему, хотя тяжёлые мысли постоянно не шли у неё из головы, так и рыскали по отдалённым уголкам ее сознания. Они зомбировали, растравляли душу, оставляя Ирину в полном смятении. Даже мне она редко открывалась.

Уроки жизни никому не даются легко, но сердце Ирины до замужества не знало драмы любви и скорби, поэтому, надеясь на лучшее, она трогательно и храбро делала вид, что всё у неё хорошо. Она жила, оберегаемая светлой силой своей любви, и долго не могла осознать, кем на самом деле является для мужа. И только когда беда нашла дорогу в их дом и открыто вошла в него, высокая поэзия любви Ирины стала проваливаться в чёрную яму боли, и она очнулась от прекрасного сна своих фантазий и поняла, что в её жизни с Борисом одни потери. А когда осознала, что причина ярости мужа не в ней, а в нём самом, то ей пришлось понимание их неизбежного разрыва. Зло наполняло этого человека не потому, что его в избытке вокруг, а потому лишь, что «внутри

его сердца бурлил кратер жестокости», а неудачи только подливали горючее в огонь. «Вот так и догнала меня его нелюбовь...», – сказала мне как-то Ирина печально.

Нелепость жизни состоит в том, что подчас только несчастья помогают человеку понять своё место в жизни другого и толкнуть на решительные действия. Ещё с самого начала их дружбы, когда Борис одним взглядом сразил её, она вообразила, что он всецело принадлежит ей, что она – его первейшая забота, и всю ценность своей жизни он видит только в ней. Как и она в нём. Она считала, что цельные натуры не могут отдавать свои сердца наполовину. Как она ошибалась!

– Если девушка увидела в молодом человеке принца, то ничто не спасёт его от её любви, – усмехнулась Лена.

– На самом же деле большинство увлечений Бориса не имело никакого отношения к интересам жены. Он не знал чувства привязанности к семье. Ему была ближе гармония мыслей и вкусов его друзей. К тому же он так и не порвал с привычкой воспринимать близких ему людей как полную опору только лично себе. Слова «мама», «папа» и связанные с ними возможности и потребности не отошли на второй план. Взрослым человек становится тогда, когда научится рассчитывать только на себя. А этот вечный мальчик, капризный маменькин сынок так и не стал отцом семейства. Детство мы все хороним трудно. Хотя и по разным причинам... Но когда-то мы обязаны становиться взрослыми. Может быть, скорби, потери и разочарования быстрее учат жен-

щин избавляться от иллюзий?

– Я была знакома с очень богатым человеком, но восхищалась тем, как он воспитывал своих сыновей. Обожал, баловал и в то же время закладывал в них чувство собственного достоинства, понимание своей ответственности и уважение к людям, – поделилась Аня своим наблюдением. – Я экзаменовала его детей по математике. Меня пригласили за мою принципиальность. Знали, что за деньги я не стану незаслуженно нахваливать мальчишек.

– Женская любовь способна что угодно оправдать, – прозорливо заметила Жанна, вникнув в рассказ Инны.

– Да, упустила из виду: Ирина таки ушла от Бориса, но после моего с ней разговора один раз всё же предоставила ему шанс хоть частично загладить перед ней вину. Надеялась, что утихомирится, может, даже пересмотрит свою жизнь. И как муж себя повёл? Он не собирался укрощать свой нрав. Убеждённый в собственном величии (за папин счёт, конечно), вразнос пошёл. Ирине было противно вспоминать ту встречу.

Борис предстал перед ней с торжествующим видом: элегантный, самоуверенный, властный, голосом и взглядом выражая бесконечное к ней презрение. Стоял невозмутимо победно, говорил с напором. Глаза горели. Губы цвета раскалённого железа. Бровями поигрывал, хмыкал, довольный собой. Петух в оперении орла. Да, он был не из числа умных и порядочных. Привык оскорблять всех, кто не мог в силу

своего деликатного воспитания ответить ему тем же. Едва ли будет преувеличением сказать, что изображал гордое снисхождение. «Сама позвала!» Он наслаждался её унижением и не сомневался, что она окажется у его ног. Вообразил, что она «приползёт к нему на коленях». Это был его последний удар... Он не учёл, что всему бывает предел, и абсурдному терпению тоже. Любовь – она ведь как ртуть, её не удержишь, сжав руки в кулаки.

«Скошенные травы и цветы сильнее пахнут. Не затем ли Борька садистски мучает тебя?» – спрашивала я Ирину. Но она разубеждала меня: «Безразличный он».

Порезвился Борька, нечего сказать. Его выходка перешла все мыслимые границы. Эта его издевательская фраза «сама приползла!» – нарочито показная, рассчитанная на уязвление, произвела на Ирину впечатление выстрела в сердце. Она не хотела верить в человеческую подлость и получила по полной программе. Вот тогда-то на неё окончательно повеяло отрезвляющим холодом и она взорвалась: «Не прикасайся ко мне! Убирайся! От тебя только смрад в душе». Борька не ожидал от жены такой мощной враждебности и растерянно пробормотал: «Что ты мелешь? Ты соображаешь, что говоришь? Ты даёшь мне от ворот поворот?!»

Он неожиданно оказался не на высоте и потому взбешенно прохрипел: «На кону судьба твоего ребёнка. Запомни, предпочтение будет отдано мне. Папа добьётся». И отступил.

Стало быть, не допускал, что Ирина всерьёз может от него отречься. А когда понял, что это не минутный порыв, то уже в следующее мгновение оттолкнул её с такой яростной решительностью, словно готов был убить. И выскочил вон.

«Я знала, что мой топор войны давно уже наточен, но не представляла, что смогу его занести», – говорила мне Ирина после этой их встречи.

Пока Борис не верил, что Ирина может оставить его, он был к ней безразличен и считал, что вправе третировать жену сколько душе угодно. Но теперь, когда это произошло, его инстинкт самосохранения стал искать болеутоляющее средство для своей открытой раны самолюбия. Он всегда тяжело сносил любые огорчения, и, будучи тщеславным, неподвижную потерю жены переживал злобно и мстительно. Состоятельные мужчины – если они не зарабатывали своё богатство – часто ведут себя как красивые глупые женщины, – сделала вывод Инна.

– Откуда в Борисе тщеславие? Психологи утверждают, что из детства, мол, если ребёнка мало хвалили, то, становясь взрослым, он добирает недополученное. Но мне кажется – наоборот, от излишней незаслуженной похвалы, получаемой в юном возрасте, – ответила Аня на свой же вопрос. – Мне кажется, за тщеславием и грубостью часто скрывается неуверенность в себе, в своих способностях.

– Скромные люди тоже часто в достаточной степени не ве-

рят в себя и ждут похвалы и подтверждения своим возможностям на стороне, от других людей. Но это не приводит их к негативному тщеславию, – возразила Жанна.

– В этом я согласна с тобой, – сказала Инна. – Не стану анатомировать переживания Бориса, я их не знаю и тешить себя выдумками не стану, но думаю, память об Иренином отречении ещё долго причиняла ему боль и будила не глубокую печаль, свойственную добрым людям, а ненависть. Собственнический инстинкт разгорался и вздымался в нём с огромной силой. Он надеялся, помирившись, со временем с лихвой отплатить жене, получить за оскорбленное самолюбие компенсацию. Ведь только тогда к удовлетворению будет примешиваться не смутно-тревожное чувство жалости к себе, а удовольствие. Он не мог поверить в то, что его бросили и своё непомерное себялюбие стремился утолить любым способом.

Этот развод в жизни Ирины я могла бы назвать беспрецедентным, даже революционным. Разве он не доказывал, что долготерпение должно заканчиваться разрушением оков? Да, это больно. Да, это как смерть части себя, и ты будто тонешь... Но жизнь слишком коротка, чтобы ее тратить на таких вот экземпляров, как Борис. Но я Ирине тогда сказала: «Поверженный кумир перестал держать тебя в своей власти. Я слышу в твоём голосе нормальные эмоции. Борис хотел, чтобы ты принимала его манеру жить вне семьи, по сути дела, как единственно правильную, мол, все так сосу-

ществуют, вот и пусть остаётся при своём мнении, а ты живи, уважая себя». В личной жизни Ирина, в силу своего воспитания, была слишком робкой, и я была рада, что ей хватило решимости положить конец неудачному сценарию их семейных отношений. Это был её первый, и, уж поверь мне, не последний решительный шаг. И я не вижу в этом ничего предосудительного. За себя надо бороться. Разве это счастье, если их глаза смотрят в разные стороны?

Разведясь, Борька продолжал безобразно вести себя с Ириной. Ему хотелось умничать перед ней, скрывая свою ничтожную натуру. Он не давал затухнуть своему костру непомерной злобы. И это уже не оспаривалось ею. Ирина уже жалела, что, дав Борису шанс на примирение, и попытавшись пролонгировать их отношения, она ещё больше уронила себя, сделала из себя посмешище. И уже не защищала мужа. Это раньше тёмные стороны его жизни служили предметом её бесконечных споров с самой собой. Мне ли не знать, как сильна искупительная сила слов в жизни тех, кто пусть даже временно, как Ирина, теряет или на самом деле не имеет собственного «я». Ей, как, может быть, никому другому, всегда нужна была эта спасительная ниточка, этот виртуальный диалог, это самоочищение, благородное самобичевание.

С Борькой Ирина познала зло, боль и страдание. Они доводили её до полного изнеможения. Какая вообще возможна личная ответственность за что-то хорошее в семье, когда в другом, рядом живущем человеке сплав порочных качеств?

Я бы на месте Ирины возненавидела Борьку до конца жизни. Кто-то сказал, что никакой добротой не иссушить реки мирового зла. Понимаю, очень пессимистичное заявление. Но знаешь, Лена, если пристально всмотреться во все печальные жизненные истории, которые я слышала от женщин за всю свою жизнь, то не такое ещё можно сказать или хотя бы подумать.

Помню первую исповедь Ирины. Она в тот вечер доверила мне тайну своего сердца. Конечно, у всякого свой жизненный путь и пройти хотя бы малую толику чужого – невозможно. Но облегчить страдания сочувствием по силам даже мне. Тронули меня её тихие слова. Такая мучительная горечь звучала в них! Ирина так спешила выговориться, будто боялась, что другой раз такого случая ей не представится. Она словно открыла до сих пор задранные шлюзы, сдерживавшие годами копившиеся обиды. На её лице при этом проявился прямо-таки первозданный ужас детской души. Тогда страх остаться без любимого был в ней сильнее любых доводов разума.

Я явилась к Ирине самым неожиданным образом по своему поводу, а попала в самый разгар печальных событий её жизни, в момент, когда у неё возникла настоятельная потребность исповедаться. Боже мой, какие у нее при этом были пустые, скорбно расширенные глаза и взгляд, полный муки разочарования и смертной тоски! Я увидела в нём па-

нихиду по её любви и браку. Этим глазам предназначалось смотреть с любовью, а доля им далась – плакать. Ира казалась мне жалкой, пришибленной. Она сидела растрёпанная, несчастная, обречённая, с почерневшим страдальческим лицом.

Оказывается, накануне, самым скандальным образом обнаружилось, что Борис путается с очередной женщиной. Ира, исповедуя верность, порядочность и всепрощение, тешила себя мыслью, что всё плохое уже в прошлом, а он опять ударил наотмашь... Он метался по квартире, как воздушный шарик, со свистом выпускающий воздух. Он лгал, выкручивался, оскорблял, нападал. Альтиметр его гордыни зашкаливал.

Слово за слово... Не совладала Ирина с ревностью, видно, в ней произошёл эмоциональный срыв. Не знаю, как такое классифицировать. Не помня себя, она вцепилась ему в волосы и давай колошматить. Её смелость не имела никакого отношения к мышечной силе. Моральных сил на тот момент в ней было намного больше, чем физических. Вот что нервы с человеком сотворили. Такая милая, нежная и вдруг такое обескураживающее поведение... полный конфуз... Ну, ты, Лена, понимаешь. Она впервые сорвалась. Ей казалось, что все несчастья уже позади. Она уже готова была поверить и простить. И ничего не предвещало беды, а он... «О любовь! Сколько лжи говорится во имя твое!» И почему же у лгущего не немеют губы и не отсыхает язык?.. Нет, всё-таки чело-

вечество переоценивает свою заикленность на счастье.

– И на Боге... – осторожно заметила Аня.

– «Мы разные. Мужчина, влюбившись, не в пример женщине, не способен продолжительное время довольствоваться платонической любовью. Женщины гораздо лучше умеют говорить «нет». Любить одного по большей части тоже привилегия женщин. Брак – это много больше, чем любовь, но не всем мужьям он по плечу, отсюда измены. Когда нет сил для любви, остаётся только ревновать. Сердце и ум имеют пол. Только мысли бесполое... Я к тому времени уже многое испытала, а Ирине такое пока в голову не приходит, – думала я, с грустью глядя на заплаканную подругу. – Как поддерживает нас наивная вера в вечное, безоблачное счастье! Как низводит нас обида!»

А Ира совсем потеряла волю к жизни и только тихо бормотала:

«Отчего люди часто несчастны? Не находят достойного своей душе человека?.. Моя жизнь была насквозь пропитана Борей. Я утвердила себя в мысли, что он – одно из необходимых и неизбежных слагаемых моей жизни. Я ни разу не высказала ему своего разочарования в связи со своими расстроившимися планами, ни разу не выразила что-либо похожее на досаду, не мелькало и раздражение, что было бы обычно для моей ситуации, будь на моём месте Борис. Хотя я и не берусь определить, что такое счастье, но я на самом деле бывала счастлива, когда мы по вечерам всей семьёй со-

бирались дома. Мне большего не хотелось и не требовалось.

А измена, ты же знаешь, опрокидывает все понятия и снижает розовые очки. Ужасно жить пронизанной, отравленной, изъеденной ревностью. У одних эта боль годами гниёт внутри, других сразу приводит к суициду... Я лелеяла в душе идею совершенной семьи, теперь понимаю, недостижимую, как бы прискорбно это ни звучало. Оказалось, что моя собственная семья – юдоль страданий. Этот ужас невозможно стереть из памяти, он остаётся на сердце глубокими шрамами. Моя любовь не достигала Бориного сердца. Он похитил мою радость, по пустой прихоти своей сгубил. Я повержена, изломана, я совсем одна... забытая и одинокая».

«Полмира плачет – это о нас, женщинах, а полмира скачет – это о мужчинах, сама понимаешь», – пробовала я пошутить, чтобы убавить накал эмоций Ирины. Не получилось.

«Я жила в вымышленном мире, была переполнена искренней любовью, и для строгого рассудка не оставалось места. Я думала, мы завязаны друг на друге, мечтала об идеальном счастье, и никакого другого мне было не надо, потому что во мне любовь замерла в той максимально высокой точке, в которой она находилась еще в юные годы, в пору влюблённости. Я мечтала всю жизнь идти рука об руку с любимым. Как пишут в книгах. Это ли ни счастье... которого мне не досталось... Для меня любить – это как дышать. А теперь для меня пропали цвета, звуки, запахи, всё лучшее, что было между нами. Во мне почти не осталось жизненных сил», –

сквозь судорожные вздохи делилась со мной Ирина.

А я думала: «В каких мощных красках проявляется в каждом из нас малейшее обожание, пока между нами нет сексуальных отношений! А потом оно вместо того, чтобы расти и шириться...»

«Родился сынок, и я решила, что он укрепит наши отношения, Боря научится любить, быть нежным, а у нас, наоборот, всё пошло вкривь и вкось. Он так и не осознал, что детей можно любить до слез, до дрожи, до умопомрачения. Но, понимая, что я не захочу лишить сына отца, Борис почувствовал себя хозяином положения, выворачивал мою душу, как карманы, подминал меня под себя, изматывал. А теперь, когда я узнала... по мне будто дорожным катком прошлись. Корчится от боли, стонет моя душа... Наверное, есть люди, которые переносят такую беду гораздо легче. Может, для этого какая-то мудрость нужна или особое смирение? Но куда уж быть смиреннее? Мне кажется, что женское страдание много глубже и сильнее мужского. Я ошибаюсь?» – спрашивала меня с отрешенным меланхолическим выражением глаз Ирина.

«Разве ты не слышала, как наглеют некоторые мужья после рождения детей, считая жён закабалёнными материнством? Ты не примеряла на себя случай с Машей из нашей группы? Ты думала, твой не такой? – удивилась я. – Предлагаю завести лёгкий адюльтер. Обычно срабатывает. Постарайся вознаградить себя за холодность мужа. Маленькая ра-

дость – лучшая гигиена души и тела», – привычно закончила я серьёзный совет простенькой шуткой.

«Это не в моей природе. Я в такие игры не играю», – смутилась Ирина, и тень брезгливости пробежала по её лицу.

Взяв себя в руки, она добавила спокойнее:

«Я не вижу радости во временном, ненадёжном и унижительном».

«Прости, я неудачно пошутила. Надеюсь, рассмеёшься, отвлечёшься», – спохватилась я, поняв, что сказала пошлую чушь.

«Для Бориса стало истинным удовольствием наблюдать, как я страдаю, и моя мама для него не препятствие. А она сердилась, мол, не хватало ещё выполнять каждый каприз мужа! Но я сразу не всполошилась, не прислушалась к маминим словам. Если бы я не любила Бориса, у него не было бы надо мной этой кошмарной власти. Меня словно подменили. Он полностью взял надо мной верх, я попала в силки своей любви.

А он, как оказалось, всегда вёл себя как совершенно свободный человек, и, женившись, оставил за собой право иметь и осуществлять бесстыдные, запретные желания, – рыдая, рассказывала мне Ирина, преданная и верная спутница, приносившая любимому мужу в жертву свою единственную жизнь. – Я сперва не знала. Потом стала кое-что подмечать и открылась эта горькая тайна. Представляешь, я, бледная, озябшая до нервной дрожи, окутанная страхом неизвестно-

сти, неслышно кралась по разбуженным ветром теням деревьев и кустов, по тёмным переулкам... задними дворами... пряталась за киоски... И эта тусклая стареющая луна над головой, и черные тучи... Я увидела полыхающие дерзким призывным сладострастием глаза, и тела, насквозь пропахшие солнцем и алкоголем на неостывшем ещё после дневного жара песке пляжа... их яростные ритмичные движения...

У меня в голове ни единой мысли, только изумление. Я в безгласной истерике, закусив губу, извиваясь, как в судорогах, каталась за кустами по земле, приминая влажную от ночной росы траву, не замечая, что вся вымокла. Меня разрывали эмоции. Лицо моё горело, во рту пересохло так, что язык не мог пошевелиться, пальцы сжимались в кулаки. В голове стучало невыносимо громко. Я задыхалась... Потом ноги ослабели, сделались точно вялые обезвоженные стебли растений. Сердце превратилось в тяжелый холодный камень, я его уже не слышала. Я не могла подняться. Дозналась себе на горе. Меня будто изодрали, исполосовали, переехали... Обманутая, опозоренная... лишняя».

«Затравленная, осмеянная, одинокая. Загнанная ревностью. А «для танго нужны двое», – добавила я грустно, вспомнив свою первую любовь. Это нелегко осознать, в это трудно поверить. Ревность – ненасытная бездна, она, как чёрная дыра, засасывающая в себя слабого человека, самому себе накидывающего петлю на шею. Возьми себя в руки, мобилизуйся. Ты в разладе с самой собой. Ты не долж-

на себе позволять, чтобы твоя минутная слабость обернулась постоянным сценарием жизни. Спрячь обиды в самый глубокий колодец своей памяти и действуй. Сама покончи со своей бедой и отрешённостью и прекрати свои злключения. Ты осрамлена, пристыжена, принижена. У тебя страхом исковерканы и затоптаны самые главные инстинкты, ревностью отравлен рассудок. Ты наглухо закрыта для множества возможных вариантов. Борись наперекор обидам и неблагоприятию. Ты тонешь в море своей печали. «Спокойствие – душевная подлость», – писал Толстой. Я бы слово «спокойствие» заменила на «безразличие». Действуй без промедления. Ничего хорошего в жизни с Борисом у тебя больше не будет».

«Выходя замуж, мы не знаем, каков на самом деле тот человек, которому собираемся посвятить свою жизнь. Наша с Борей женитьба – его прикрытие, ширма для меня, а не для других женщин. Он, оказывается, приходит ко мне, когда ему наскучит в компании, всеми помыслами оставаясь там, вне семьи. Нимало не смущаясь, он лжёт мне. Я жду его ласковых слов, прикосновений, а получаю скучные или мрачные взгляды. Он бесчестит меня, а я терплю и хожу с высоко поднятой головой, изображая, что живу смело, свободно и красиво. Мы сами делаем из мужей богов, а они, возгордившись, нас же предают и топчут».

«Я тоже не была избавлена от подобных унижений, потому-то многое в своей жизни проворонила, пропустила, на-

писала начерно, а надо было бы сразу начисто, – словно пытаясь своей бедой ослабить боль Ирины, говорила я. – А та... хоть хороша? Оглушительно красива?» – спросила я тихо, осторожничая.

«Не так чтобы... на любителя. Не скульптурная красота. Наглая, резкая, прожжённая женщина, далеко не молоденькая. Самовлюбленная, королевой себя держит. Но он перед ней стоял на коленях и говорил: «Вот перед кем я могу склонить свою непокорную голову. Ради тебя я без сожаления брошу всё, что мне когда-то было дорого: мечту, веру, семью». Книжные слова, много раз повторяемые...»

«Эта женщина из тех, что восклицают: «Где мои мужчины? Где мой верноподданный народ!» И те сбегаются как мухи на мёд. А она уж из них выбирает». – Я опять попыталась пошутить.

«Семья, доверие. Да было ли всё это ему на самом деле когда-либо дорого? – болезненно сжавшись, пробормотала Ирина. – Правильно говорила моя мама: «В любви, как и в диагнозе, главное не ошибиться».

«Ей виднее, она же у тебя врач, – улыбнулась я, обнимая подругу. – Некоторые мужчины стремятся к тому, что им недоступно. Их притягивает призрачное, несбыточное, с их точки зрения, неземное. О эти чары непредсказуемых долгожданных удовольствий! Холодные загадочные стервы их с ума сводят. Сами-то мужики земные, обыкновенные, но желают небесного, фантастического, эфемерного. Умные и хит-

рые женщины, зная мужскую психологию, умеют это использовать: включают рычаги «влияния» и предоставляют требуемое».

«Борис как-то сказал, что если бы встретил ещё одну подобную, опять пошёл бы за нею, потому что такая женщина – праздник. А в чём ее праздник? Не знает быта, не обременена детьми? Раскованна, живёт ради секса? Кутит на чужие деньги? Хотела бы я её увидеть дома одну, без мужчины. Думаю, она наверняка злая и тоскливая. А что мой муж сделает для такой женщины? Да ничего! Не женится же. Потешит себя, бросит ей к ногам наши общие деньги – герой! – ползает перед нею на коленях и домой вернётся. Всю жизнь так жить невозможно. Только он мне после этих игрищ тоже не нужен! Принять его назад? Ни за что! Обидно, что история моей любви и жизни с Борисом оказалась такой тривиальной. Боже мой, что за всем этим стоит?!.. За что?!» – упавшим голосом спрашивала меня Ирина.

А я отвечала: «Не казись. Ревнивая растревоженная память похожа на шар. Куда ни пойдёт, всё равно вернётся в ту же точку, откуда начала движение, к той беде, которую ни забыть, ни вычеркнуть. Не спрашивай у Всевышнего «за что?». Этот вопрос обращён в прошлое. Попрошай «зачем? для чего?» И смотри в будущее. Не дай гневу и обидам поглотить тебя».

«Я не могла бы оставить семью, изгваздать её... В моей жизни всё обязательное, а у него только желаемое, говоря

языком спортсменов, – показательное выступление, произвольная программа. А это совсем другая система ценностей. После подсмотренной встречи на пляже я каждую ночь просыпалась на отдельном диване в ледяном поту и в слезах. В голове тяжело шевелились, перемалывались и пульсировали мерзкие обидные эпизоды... Они вызывали во мне тошнотворное отвращение. Я много думала... И поняла, что Боря не из тех мужей, потерю которых можно остро и больно почувствовать. И сама поставила точку в наших отношениях.

Я так и не поняла, куда вела Бориса эта странная, неодолимо безжалостная влюбленность? Почему, бегая за этой женщиной, он не испытывал колебаний, почему не считал себя предателем? Чем эта женщина его изумляла, притягивала? Ведь знал, что с нею его ждёт унижение, и был готов к нему? Ему достаточно было мечтать о ней, ползти за ней? Рабская любовь к недостижимому, труднодостижимому? Это же не любовь, а дикая, звериная страсть, лишённая нежности, трепетного обожания! Этого ему не хватало в нашей семье? Он любил в ней её опытность, злость, язвительность, её бесчисленные связи с другими мужчинами – то, что нормальный человек должен ненавидеть. Ничто в ней не останавливало, не отталкивало его. Что она давала Борису? Почему он так к ней рвался? Почему сходил с ума? Это просто голая страсть достижения победы? Может, отвергая духовность в любви, он стремился достичь максимума в телесном вождении?

Как, в какой момент возникает такая странная влюблен-

ность? Может, она всегда была в голове Бориса и только ждала объекта приложения? Он считал себя эксцентричной натурой? Он зомбирован своей страстью, как игрок? Кто их познакомил, кто внушил ему, что она представляет собой что-то особенное? Почему он не смог устоять? Не хотел? В ней было нечто, на что слетались мужчины? Что представляет собой это нечто? Невероятный взлет бесконечной вселенной чувственности? Иррациональная любовь другого измерения? Это вопрос особенности путей достижения мужского оргазма, основанного на способности к ярким фантазиям? Это Боря искал в той женщине? Нашел ли? Мне он не ответил. Может, даже максимально распалив себя, но не достигнув желаемого, он не мог в этом признаться, потому что самолюбие не позволило?

Я видела фильм, в котором женщина доводила жажду мужчин обладать ею до исступления, месяцами не допуская к себе, но обнадёживая и выманивая у них огромные деньги. Так она разжигала их желание. Добившись, многие были недовольны её холодностью, но помалкивали, провоцируя своих знакомых на те же «подвиги» тем, что страшно гордились, что были её любовниками, что обладали ею. Может, и эта проститутка ведёт ту же игру, внушая и обещая мужчинам неземной рай? И накал их телесных чувств чаще всего уже не зависел от того, что они получали от нее на самом деле. Я же тоже любила человека, который не заслуживал высоты моей любви».

«Я знаю женщину, муж которой ежедневно доводил её до состояния блаженства. Он и не догадывался, что особенный. Думал, все мужчины такие...», – зачем-то сказала я.

Ирина остановила меня:

«Понимаешь, эти мысли делали мне больно, но не подталкивали действовать. Оступение, что ли, меня сковывало? Себя ли винила? Я словно боялась подвергнуть случившееся глубокому анализу и принять радикальное решение. Я не пыталась привести в порядок свои мысли. Гиблые эмоции владели моим разумом. Я страшно мучилась обидой и непониманием. Психологи и невропатологи в такой ситуации не советуют молча глотать обиды, утверждают, что надо больше говорить с мужем, чтобы не получить наслоения обид типа торта «Наполеон». А как его заставить говорить, если он не хочет, они сами не знают. И хотя чары любви развеялись, я убеждала себя, вопреки очевидным фактам, что нельзя, чтобы случившееся ворвалось в нашу жизнь и разрушило её. Никому не хочется верить в горькую правду. И я пыталась скрывать от самой себя то, что узнала о муже. Потребность сердца в любви бесконечна. Её и так нам постоянно не достаёт. И я страшилась потерять свою».

«Сердце без любви что алмаз без огранки», – соглашалась я.

«Мне так хотелось чувствовать тепло простой мужской нежности! Как же жить без любви, ведь она придаёт смысл всему, что мы делаем. Как трудно, оказывается, быть люби-

мой... Все трагедии возникают и настаиваются на любви и нелюбви. Боже мой, почему всегда кажется, что такое может произойти с кем угодно, только не со мной?! Но, видно, подспудно я уже понимала, что это начало конца, потому что беда, как я её ни маскировала своими логическими построениями, вылезала из всех щелей моего сознания, преследовала ежеминутно... Но я еще хотела быть рядом с любимым, единственным...»

«Все мечтают об единственном, ищут и не находят», – встала я на защиту неудачливых.

«Я испытывала робкое посвящение себя любимому как наивысшее блаженство... В угоду Борису я забывала свои привычки и желания, даря ему каждую свободную минуту. Я ни в чём не могла ему отказать. А как же иначе, если любишь? Доверие – стержень семейных отношений. Иначе лучше не жениться, чтобы не мучиться, – считала я. – И моё искреннее доверие не осталось безнаказанным...»

Теперь меня бросает то в жар, то в холод, я вздрагиваю от каждого телефонного звонка. Я постоянно пребываю в прострации, в сотый, в тысячный раз проигрывая в памяти сцену, увиденную на пляже, и моя обида нашептывает мне мрачные советы. Ревность – всегда путь к беде, но от неё невозможно избавиться: она мучает, гложет, убивает. Личная жизнь для меня сомкнулась в сплошную глухую зону обид. Я заблудилась в ней. Время ожидания мужа с работы – слишком жестокое время. За один миг испуганное вообра-

жение успевало пролететь бездны чёрного отчаяния, унося меня в самую гущу безжалостного ужаса. Я задыхалась от безысходности, проводила наждачным языком по небу пересохшего рта и не могла вымолвить ни слова. Не было сил даже стонать. Я вся была комочком боли. Боже мой, какая мука ждать и не верить. Она горше смерти. Каким эликсиром исцелить выжженную бесплодными ожиданиями душу, чем её заполнить? Мой главный мучитель – надежда.

... Часто ли для Бори «законом жизни становилось неверное сердце», я не знала. Но это уже было неважно. Одна из величайших тайн жизни – беспредельное желание единственной, при полном безразличии к другим, ему была недоступна. Он претворял в жизнь собственные навязчивые представления и преобразовывал кризис своей личности в мои мучения, в боль, от которой заходило сердце и туманились мозги. «Как он мог требовать от меня то, чего сам не умел потребовать от себя? Разве может интеллигентный человек так себя вести?» – думала я. Во всяком случае, при всех его недостатках, я раньше считала его таковым.

Боря обрёл меня на унижительное существование. Я не знала, как обезопасить себя, как сбросить бремя горьких обид и отмахнуться от унылых и скорбных мыслей. Я понимала, что ревность – патологическое проявление любящего сознания, искажённого болью обид. Но непомерные страдания поглощали меня целиком. Я находилась в каком-то полубморочном состоянии, была нервной, дерганной, делала

бессмысленные вещи. Я старалась уклоняться от обид, отдаваясь мутному потоку ежедневных забот, успокаивала себя своей жертвенностью, довольствовалась малым, но это не приносило облегчения. Неясность, неопределённость нагнетали депрессию. Медленно тянущееся время ощущалось как физическая боль. Иногда я чувствовала кратковременную смертельную ненависть к своему обидчику и угнетателю. Она еще больше обессиливала, и тогда я тонула в сером малопроницаемом тумане своей тоски.

Считая мужа незаслуженно без меры осчастливленным, я попыталась победить свою боль гневом, но не смогла. Не хотелось жить. Мечталось исчезнуть мыслями в недавнем прекрасном прошлом – в детстве. Вспоминала свои поездки к бабушке в Сибирь. Знаешь, я где-то читала, а потом многократно испытывала на себе... что если долго глядеть на мир из окна движущегося поезда, то забываешь о себе. Остаётся только то, что видишь: горы, реки, поля... И вдруг краем сознания замечаешь, что за окном непостижимо прекрасный пейзаж существует без тебя и потом будет существовать без тебя... И если вдруг... то в мире ничего не изменится, кроме того, что сынок станет несчастным в бесприютном окружении чужих людей. А это уже совсем простая, не требующая осмысления концепция...

Я испугалась и пошла на попятную. И хотя чувствовала себя предателем, решила, что соглашусь со всем, что бы Борис ни предложил. Думала: «Что я натворила? А как же

сын будет без отца? Может, муж больше не станет переступать черту?» А он даже не обещал. Говорил, что жизнь по наезженной дороге неинтересна, что совершать безумные нелогичные поступки – это счастье. «Ну и совершай их сколько хочешь, только без меня. Делай что тебе нравится и только собой плати за это», – отвечала я. А сама себе противоречила, закрывала на всё глаза до тех пор, пока не поняла, что ничего уже нельзя улучшить.

Это же безумие, когда все помыслы сосредоточены исключительно на одном человеке, а остальной мир просто перестаёт существовать... Но ведь ребёнок... По правде сказать, я потеряла всякое чувство реальности. Я словно была на грани... Никогда не ожидала от себя такого. А может, эта паразитическая особенность моей души ниспослана мне свыше?.. Конечно, Богу можно вечно поклоняться, Он неизменен. Но воспитание... Я уже не знала кому направлять свои молитвы и просьбы о помощи. В моей голове всё перепуталось: ребёнок, муж, попытки верить в непонятное... Глупо творить из объекта своей любви кумира, тем более что моё чувство привязанности, испытываемое к мужу, постоянно наталкивалось на чинимые им препятствия, – говорила Ирина, нервно проводя рукой по лбу, точно стирая с него тоскливые мысли. – Смешно, но Борис ревновал меня даже к сыну. То же отклонение? А еще он говорил: «То, что я прощу любому, лишь тебе я не прощу», – добавила она со странной улыбкой.

«Это объяснимо. Когда мужчина сам легко идёт на вре-

менные связи, он подозревает, что его жена такая же, как он, лживая, готовая переметнуться к любому, кто её позовёт. Гуляки – самые страшные ревнивцы. «А может, – думает он, – она, как и я, гордится своими победами и тем уже счастлива?» По себе меряет. Интересно, был бы Борька так же счастлив на стороне, не имея надёжного тыла – верной жены?»

«Как на духу тебе скажу: в Борисе есть что-то такое, что я не могу ни понять, ни забыть, оно влечёт меня к нему. Мне не дано это осмыслить. Видно эта премудрость для избранных. Он взглянет на меня... поверх головы – и меня нет. Уничтожает... Говорят, «можно любить и цепи свои, и око-вы»...

«Плоха любовь, если она рабски связывает по рукам и ногам. Как крепка бывает железная клетка человеческих страстей и пороков! – сочувственно заметила я. – Только мне кажется, что не Борька к себе притягивает, а твоя любовь как магнит влечёт тебя к нему. А это разные вещи».

«Я была несчастна с Борисом. Но теперь, когда я в мыслях уже одна, мне всё равно невыносимо тяжело и кажется, что душа расстаётся с телом. Он же часть меня самой, а я хочу его отрезать. Я слышала, будто подсознание не знает логики. Наверное. Меня оно завело в непролазные дебри...»

«Не волнуйся, время лечит. По себе знаю», – успокаивала я Ирину.

«Мне всегда хотелось подтверждения Бориной любви, а

его непонимание и главное нежелание изводили меня. Душа моя жива, пока в ней есть любовь. Тогда есть чем жить и для чего жить. Я живу своей и его любовью ко мне. Мне надо, чтобы меня любили и доказывали это. Но навязать любовь нельзя. Ссоры всё больше разрушали наши отношения. «Зачем ему нужна жизнь, омраченная бесчисленными скандалами?» – горестно недоумевала я. Борис довёл меня до чего-то такого, чему и названия нет в русском языке. По крайней мере, я не знаю такого медицинского термина. Я думала: придёт ли для него время беспощадного неумолимо-отчаянного раскаяния? Не пришло. Наша вера – вечная инфекция идеалистических соблазнов!.. Возможно, ему казалось, что моя любовь беспредельна, но она оборвалась, истаяла, истлела вместе с верой в его любовь... А хотелось, чтобы мы как две яркие звезды горели одинаково и одновременно. Несбывшаяся мечта.

Боже мой, семь лет непереносимых кошмаров! И ради чего? Такого варианта своей жизни я не предусматривала. Я считала замужество одним из главных прекрасных моментов жизни. Но счастье требует от обоих партнёров высокой внутренней культуры. И почему, чтобы что-то изменить в лучшую сторону, нам обязательно нужны трагедии?.. Потом я словно прозрела. Весь мир стал иной, и я смогла преодолеть себя. Я ушла от Бориса и считала, что больше не отрекусь от своего решения. Наверное, это был акт отчаянной храбрости, а может, просто непредсказуемый жест безысходно-

сти. Иногда мы совершаем важные шаги, даже оказываясь в условиях совершенной обезличенности, или когда вдруг на какой-то момент нам кажется, что мы олицетворяем что-то очень значительное – допустим, оберегаем детей – и это служит нам источником силы и вдохновения. Правда, ненадолго...»

«А некоторыми руководит лишь подленькое желание расчитаться с кем-либо за свои неудачи. Но я думаю, что подобные желания, как правило, не доводят до добра. Такими людьми движет внутренняя потребность любым способом защитить себя, даже неправого. И это прискорбно. Вражда в любом случае губительна. Но во имя мнимого добра тоже совершается много зла. Ловушки всегда открыты. Но ведь можно туда и не войти...» – говорила я Ирине общие фразы. Но они не отвлекали её.

«Подумать только, неужели я когда-то видела в Борисе самого главного для себя человека? Я разве что не молилась на него, а он растоптал мою любовь. Я желала нежного проникновения в души друг друга: прикоснуться, взглянуть, улыбнуться – и вот оно счастье! Он же не чувствовал его, не подпускал к себе, отталкивая грубостью, капризным упрямством. Скажу больше: основные атрибуты возбуждения моего мужа – слова. Боре требовалось, чтобы ему каждый день во весь голос кричали «Я люблю тебя!». А мне казалось, что любовь не нуждается в громких воззваниях, что они её огрубляют, упрощают. Истинные чувства в повсе-

дневной жизни должны проявляться скромно, нежно. Моя любовь к Борису была музыкой в душе, у меня к нему было столько нежности! Я окутывала его ею как облаком и стремилась унести с ним в небо. А он не улетал... Ему нравилось, что я люблю его, и этого ему хватало. В этом он видел свое наслаждение и счастье. «Я же прихожу к тебе ночью. Я молодец. Я муж, я Бог, я твой! Хвали меня». Но такое же удовольствие, но более сильное, он испытывал от того, что нравился другим женщинам, тем, «особенным».

«Я знаю мужчин, которые не замечают красоты природы. Она им не нужна. Они глухи к ликующим звукам природы. Это вовсе не значит, что у них нет чувства прекрасного. Они не ощущают себя обделенными, потому что любят что-то другое. Например, какие-то виды музыки, литературы. Они хорошие люди, у них работа, семьи. Может, вот так же некоторые люди не замечают красоты чувств другого человека, потому что сами их не испытывают», – предположила я.

«Но это же трагедия! Любовь – это вершина положительных человеческих эмоций. Даже обезьяны проявляют нежность друг к другу. Мне иногда хотелось, чтобы он просто обнял меня, прижал к себе, сказал доброе слово. Я устала, мне грустно, мне нужна моральная поддержка, а он не понимал и опять предлагал постель как замену всех возможных чувств, которые он не испытывал и поэтому считал выдумкой, ахинеей. Для него проявлением любви мог быть только секс. В моей любви Борису трудно, он в ней словно по глубо-

кой воде ходит. Она мешает его свободному передвижению.

Я вдруг представила нашу дальнейшую жизнь: женщины зовут Бориса и он, подчиняясь животному зову плоти, идёт за той, какая заывает призывнее. Всегда кто-то будет его притягивать, и всегда он будет куда-то бежать. Пока не постареет. А дома его должна ждать верная жена, которая обязана принимать его, от кого бы он ни приходил. Она нужна ему вместо мамы, – ей надоело с ним возиться, – как домработница, как необходимое приложение, которое можно использовать в любых жизненных ситуациях и так, как ему заблагорассудится. Вот что он видел во мне. А я искала в нём глубину и не находила. Я считала, что прочные отношения не могут опираться только на секс. Я верила, что надо идти по жизни с постоянным чувством высокого и прекрасного... Боже мой, в каком угаре я жила! Зачем столько лет несла груз внутреннего разлада? Кому я отдавала свою любовь? Он же примитивный. У него абсолютно нет уважения к чужой жизни, к чужой душе. Получается, что я вовсе не умная...»

«Любовь иногда оглушает, – грустно подтвердила я Ирину острожное предположение. – Главное, чтобы ненадолго».

«Когда я покинула Борю, он продолжал преследовать меня, поддразнивать, подковыривать, устраивать грандиозные скандалы, не стесняясь соседей. С каким трудом я выпроваживала незваного гостя! А ему было забавно моё горе. Он настойчиво и страстно втолковывал мне, что я дура, что мне

надо развивать свои мыслительные возможности. А я училась в ответ холодно усмехаться. Он сделал унижение меня одним из самых острых, самых сладостных своих развлечений. Даже пытался руки распускать, похоже, забыл, что я спортсменка. Донимал и по телефону. Номер пришлось сменить. Борис мстил мне за уход, потому что он не из тех, кто прощает. Как я посмела оставить его, такого богатого и красивого! От злости он приходил в бешенство, терял голову».

«Далеко не образец утонченности», – прокомментировала я слова Ирины.

«Когда я первый раз огорошила Бориса своим решением, он обрушил на меня лавину гадостей, а я лишь вяло огрызнулась, потому что не хотела продолжения ссор. Я устала от них. Сказала – отрезала. Конечно, Борису, как виновному в происшедшем, разумнее всего было бы самоустраниться, но не по силам ему было преодолеть свой эгоизм. Раненое самолюбие руководило его действиями. Неужели он не мог трезво оценить своё поведение? Собственно, чему я удивляюсь? Мне моя любовь туманила мозги, ему – себялюбие... Многих скорбных размышлений стоил мне этот шаг, но я перешла Рубикон. На деле это оказалось много труднее, чем в мыслях. Я точно вытаскивала из сердца огромную занозу. А Борис понятия не имел о сострадании, сопереживании. Лишившись своей привычной игрушки, он стал ещё более неистов, груб, непримирим, уничтожал меня гадкими словами, лгал, оговаривал, оглашая руганью весь подъезд. В об-

щем, спускал на меня всех собак».

«Это уж как водится», – грустно усмехнулась я, припоминая свои жизненные коллизии, и смахнула с щеки слезу своей боли.

– Лена, ты же понимаешь, что нам с Ириной нечего было стыдиться друг друга. Мы обе на тот момент были безумно одиноки. Слушай о чём она поведала мне дальше:

«...Борис растоптал мою душу. Я не могла сомневаться в свидетельстве собственных глаз и ушей и больше не хотела мириться с ложью. И тут вовсе ни при чём то, что я одержима жаждой справедливости. Сколько из-за Бориса на меня обрушилось непоправимо жестокого! Он так круто изменил мою жизнь, что я сама уже стала задаваться вопросами «а что дальше?», «моя жизнь – кучка пепла?», «я никогда с ним не обрету покоя?», «мне стыдно и за него, и за себя?» «Это не пустые слова, с меня хватит, я не собираюсь отступать! У меня уже нет ни малейших сомнений, что я смогу, устою. Я слишком долго откладывала кульминационный момент, но теперь он наступил. И это правильный ход. Теперь каждый сам за себя, и уже никто не сможет меня переубедить в этом. Наши отношения исчерпали себя», – убеждала я сама себя.

«Предай их забвению», – поддержала я Ирину.

«Я не допущу издевательств над собой. После измен Бориса в моем сердце больше не существует алтаря. Мы разошлись настолько, что уже никогда не сможем дотянуться

друг до друга, и это, наверное, к лучшему. Может, и правда, лишения и беды учат мудрости...», – думала я, ещё не предполагая, какую огромную часть своей души придётся потратить на ликвидацию последствий распада нашей семьи».

В голосе Ирины не звучало ничего похожего на воодушевление. Она констатировала неизбежное, необходимое, но такое трудное для неё, выстраданное решение, и явно не ждала с моей стороны каких бы то ни было комментариев. Она хотела выговориться, ей нужен был терпеливый, внимательный слушатель её длинных бессвязных монологов. А я и не собиралась попусту трещать. Не та ситуация.

«Инночка, я так устала. Мне надо дать короткую передышку своему измученному сердцу, отдохнуть от Бориса и от самой себя. Единственный, кто меня сейчас волнует, так это сынок. Но он меня понимает и одобряет. Ему, наверное, тоже хотелось бы радоваться при виде отца... Конечно, желательно переменить сыну обстановку, свозить его куда-нибудь отдохнуть, но это невозможно. Мне неловко перед тобой. Расхныкалась. Раньше я считала себя сильной. Но такой я была, когда дело касалось меня одной».

«Расскажи это кому-нибудь другому. Моё сердце, не однажды иссушавшееся скорбью, неспособно осуждать другого бедолагу или тяготиться чужим горем и слезами. – И я увлекла Ирину в водоворот своей гораздо более неудачной жизни. Ведь у нее был ребёнок – её счастье. – Ты не можешь упрекнуть себя в несправедливом отношении к Борису. Что

открылось тебе в браке? Нельзя любить человека, который не умеет управлять своим настроением, который тебя уничтожает. Но сравни свою беду с горем матерей, потерявших детей, и пересмотри взгляд на своё несчастье.

Поведение Бориса – факт его биографии, а не твоей. Ты не должна строить свою жизнь исходя из его прихотей. Выплачься всласть и суши вёсла. Отпевать тебе себя ещё рано. Нельзя от себя отрекаться. Сделай небольшую передышку, только ненадолго, не продляй переживания, а то они затянут тебя в тоску – имею опыт, – и в бой за лучшей долей, – энергично советовала я Ирине, настраивая её на оптимизм. – Для того чтобы смягчить горечь жизни, нам дарованы три очень даже полезные вещи: сон, смех, пусть даже ироничный, и работа. Вооружайся ими до зубов, мудро принимай изменяющиеся обстоятельства, меняйся сама. Я понимаю, во многом ты сейчас не согласна со мной, но пройдёт время, и ты поймёшь, что я была права. Одна знакомая как-то сказала мне: «Я дошла до бездны, убедилась, что там нет ничего интересного и в обратный путь пошла дорогой юмора и иронии».

«Знаешь, слыша наши ссоры, одна соседка все время толковала мне о длительном страдании. Она призывала к продолжению добровольного самоистязания. Не понимаю, почему я должна искупать грехи мужа? А другая соседка советовала мне простить его. Мол, поменьше выступай, прощение – это прекращение отрицательных эмоций к этому человеку. Нет обиды, нет и губительных чувств. Ты даже отдалённо не

представляешь, насколько это верно. Возможно, она и права, но я же не могу мгновенно задавить в себе все свои негативные чувства. Я совсем запуталась. Столько свалилось на меня... Я в смятении хватаюсь за голову... Может, соседки зря суются не в своё дело? Беду не разгребёшь чужими руками. Ты, Инна, единственно разумная женщина, я тебе доверяю. Конечно, ещё и мама. Но она предвзята, потому что очень любит меня».

«Непозволительная роскошь жить в зле и ненависти. Лучше разбежаться. Я никогда не растягивала подобные «удовольствия». Говорила себе: «Когда?» И сама себе отвечала шуточной фразой: «На днях... или раньше». И вперёд! Я не сомневаюсь, что твоя мама со мной солидарна».

«Ты права. Боже мой, Боже праведный», – застонала Ирина и бурные слезы опять полились из её опухших глаз.

Вижу, Ирина совсем до точки дошла, раз Всевышнего на помощь призывает. Я сама была в панике, но всё больше и больше воодушевлялась, желая спасти подругу. Я чувствовала себя вовлечённой в проблемы жизни Ирины и потому ответственной за ее решения. «Так вести себя с беззаветно любящим тебя человеком! Даже немой в такой ситуации способен изречь слова сочувствия!» – заводилась я. Конечно, я понимала, что, берясь помочь ближнему своему, надо трезво оценивать свои возможности и делать всё так, чтобы помощь не привела к недоразумениям и обидам. В этом залог успеха «скорой помощи». Я не собиралась улаживать и при-

водить к общему знаменателю отношения Ирины с Борисом. Я разговаривала с ней достаточно резко и определённо. Иногда это действует как сильное лекарство и оказывается более уместным, чем всякие «сю-сю и лю-лю». Я была совершенно уверена, что помогает не тот, кто плачет вместе с обиженным, а тот, кто действует, кто добавляет бодрости и уверенности. Моя позиция была сильна. Я имела достаточно большой опыт по части приведения в чувство подруг после подобных трагедий. И это давало мне право презирать мужчин и быть беспощадной к женским слабостям.

Прежде всего, я плеснула Ирине в лицо холодной водой. Точнее сказать, окатила её, чтобы прекратить бурные слёзы. Тому, кто бьётся в истерике, бесполезно советовать взять себя в руки. Человек в таком состоянии ничего не воспринимает. Потом я заговорила чуть грубовато, без приторных нот:

«Не лезь в бутылку. Перестань причитать и копать в своих переживаниях, ты слишком склонна к рефлексии. Не растравляй себя, заканчивай путешествие в страну абсурдов, спустись на грешную землю. Не тешь себя иллюзиями, не подсчитывай моральный урон. Постарайся в полной мере осознать поистине животворное значение этого исторического момента в твоей жизни. Жизнь так устроена, что радость редко ничем не омрачается, безоблачное счастье обычно бывает кратковременным, но пусть это не вселяет в тебя страх, не стоит заранее мучиться всеми грядущими бедами. Живи настоящим, строй его по собственному разуме-

нию. Как говорится, если пришло время бить в набат, так бей. Выдержи характер, будь твёрдой до конца.

Рано или поздно тебе всё равно стало бы невмоготу и пришлось бы пересматривать свои взгляды на вашу жизнь. Ты же осознаёшь, что ваше счастливое будущее, мягко говоря, уже под огромным вопросом? Разве ты не сыта по горло фокусами мужа? В твоём отношении к нему остались только жалость, сожаление и обиды – всё что угодно, только не любовь. Счастье не должно состоять из одной боли, потому что это уже не счастье. Разве ты чувствуешь себя с Борисом спокойной? Уверенность в завтрашнем дне вытекает из твоих размышлений? – долбила я вопросами Ирину. – Что пригорюнилась? Не поддавайся эмоциям. Один раз на все случаи жизни планы не заготовишь. Прочитанные страницы надо уметь переворачивать. Не собирай осколки, которых уже не склеить. Отстранись от Бориса, вычеркни его из жизни. Правильно сказала тебе соседка: к чему вновь и вновь переживать сердечную боль? И Борьке более чем полезно получить щелчок по носу. Небольшая встряска ему не помешает, может, образумится, одумается. Хотя в этом я как раз очень сомневаюсь. Мы не «чеховские интеллигенты» и должны чётко понимать происходящее. Теперь, когда для тебя всё прояснилось, ощути смехотворность ваших отношений. Разве ты много теряешь? Сделай шаг в сторону, а на самом деле он окажется движением вперед, к новой жизни. Развод – поворотная точка в твоей судьбе. Измени тактику своего пове-

дения, возьми всё в свои руки. Будь готова к любым трудностям. Ты умная и сильная женщина. Это мужчины могут позволять себе жить по принципу «будь что будет». Я склоняюсь к мысли, что не повредит тебе задуматься и о своём здоровье, оно тебе необходимо для воспитания сына. И твоя задача, среди многих прочих, не забывать о карьере. (*Как невообразимо многословны эмоциональные люди!*)

Не стоит сокрушаться из-за несовершенства окружающего мира. В одиночку нам его не изменить, но в свою жизнь мы обязаны вносить существенные коррективы. К сожалению, менее сложные люди часто уничтожают более глубоких и тонких. Жизнь, если задуматься, вообще штука несправедливая, а любовь между мужчиной и женщиной – до сих пор неразгаданная тайна. Эти отношения – вечный замкнутый, часто порочный круг. Ладно, обойдём эту тему стороной. Сделай над собой усилие, отбрось всякое беспокойство по поводу мужа – допёк уж! – и пусть тебя больше не одолевают демоны абстрактного философствования, старайся не подпускать их к себе на расстояние выстрела. Хватит, настрадалась. Твоя любовь сопровождалась болью, стыдом и злой досадой. Разве этого тебе мало для понимания? Есть слова: «выстрадать свое счастье», а ты ради чего страдаешь? Может я чего-то не знаю? – распекала я Ирину. – Зачем тебе всё это «добро»? Ждешь, когда зловонные миазмы лжи окончательно погубят тебя? Мне еще привести аргументы в пользу развода? Махни на Борьку рукой. Пойми, чувство собственного

превосходства – хотя бы в чём-то – чуждо обиде, поэтому-то оно иногда полезно, а может быть, даже в некоторых случаях необходимо. Вспомни, какой ты была: прелесть девчонка, умная, уверенная в себе! Подумай, в чём ты лучше мужа. Оцени его ничтожность. Положи всё это на весы и убедись, что он не стоит тебя. Не реви. Ты понимаешь меня? – тормозила я Ирину. – Не опускай рук, успокойся, наведи глянец на физиономию и начни новую самостоятельную жизнь. Как говорят сильные люди? «Хочешь войны? Ты её получишь!» Но ты готовься к бою в первую очередь с самой собой. Победив себя, ты победишь Бориса и любого, кто ещё встретится на твоём пути».

Я и сама тогда не подозревала, какие пророческие слова произносила.

«Хотелось бы не согласиться с тобой, но боюсь, что у меня на самом деле уже не получится вернуться к прежней жизни рабыни», – пролепетала Ирина, всё ещё не избавившись от слёз.

Она понимала, что, несмотря на примитивные понятия, к которым мне приходилось прибегать в нашей беседе, я была близка к истине.

«Говорят, – продолжала я бомбить подругу, – что мужчины, когда их отвергают, нарочно отыскивают в женах мелкие недостатки и, раздувая их в своём воображении до невероятных размеров, принижают ими, чтобы было легче пережить разрыв. А я тебе предлагаю честную арифметику. И

ещё запомни: чувство осознания собственного ничтожества необходимо только для понимания пределов возможностей твоего терпения, иначе в критике себя можно дойти до грани, до полного разрушения своей личности. Что расквасилась? Оглянись, кем ты стала? Ты же молодая и красивая, у тебя всё впереди. Горе, с моей точки зрения, обязано высекают искры, а не источать слёзы. Но искры высекают только сильные личности. Вырви Бориса из сердца. Повторяй чаще: «Он подлец, подлец, подлец...» Смотри не возвратись к прежней жизни, а то потом об этом очень пожалеешь. Попытайся начать всё сначала, займись тем, что радует душу. Так будет лучше для тебя же самой. Ну, так как, Ирина? Мне станет легче, если я смогу хоть что-то для тебя сделать. Пусть наша встреча станет началом возврата тебя к себе прежней».

Много чего я наговорила Ирине. Но ей нужно было время, чтобы переболеть своей бедой. И дело тут даже не в том, что она очень долго страдала – такое нередко случается со многими из нас, – ей надо было окончательно решиться поменять судьбу. Но трудно достигнуть ободряющей объективности человеку, обладающему на тот момент отрешённой созерцательностью и когда в голове творится хаос. Я понимала, что время для строгого анализа было не вполне благоприятным. Перед тем как совершить решительный шаг, Ирине для начала требовалось выплакаться и трезво оценить ситуацию. Именно поэтому в ответ на мои резкие слова она только тихо пробормотала:

«Свергают тирана, когда ненавидят, а я не могу ненавидеть Бориса. Я только в своём обиженном воображении готова разнести в щепки всё, что с ним связано... Я не отвечаю за весь мир, за насилие в целом, я всего лишь хочу, чтобы в моей семье не было лжи».

«Все хотят, – ответила я резонно. И добавила шутливо: «Только ведь ты знаешь, что невозможно построить коммунизм в отдельно взятой стране».

– Глядя на страдания Ирины, я ощущала бессильную ярость и подкрадывающуюся тошноту, потому-то и сама заплакала, чем невольно помогла подруге расслабиться. Мне неловко признаваться, но я на самом деле тогда испытывала к Борьке удушающий спазм ненависти. Бедная Иришка! Лена, ты же, как никто другой, знаешь, что люди тонкой душевной организации много видят, остро чувствуют, их терзают многочисленные противоречия, они лезут в подробности, когда это меньше всего нужно. Помнишь прекрасную книжку «Физики шутят»? Там была великолепная фраза о внесении бесконечно малых величин в бесконечно большие государственные дела одним великим математиком, которого сделали чиновником. С Ириной, с некоторыми поправками и допущениями, по сути дела, происходило то же самое. Она стремилась подходить ко всему детально, подробно, на «молекулярном уровне». Но мелочи запутывают, делают людей нервными, неприспособленными к жизни. Им не хватает

умения просто и объективно констатировать факты, мгновенно делать необходимые выводы. У Ирины именно такая надрывная сентиментальность. И как она при такой чудовищной чувствительности могла достичь огромных успехов в спорте? Наверное, любовь к мужчине – отдельная строка в человеческой психике.

Как-то я, не подумав, спросила Ирину: «Не покажется ли тебе нескромным, если я спрошу: устраивает ли тебя Борька? Может быть, в силу своих консервативных сексуальных предпочтений ты сама не склонна...» Тень неловкости прошла по лицу Ирины, и я не смогла продолжить разговор. А ведь меня трудно смутить чем бы то ни было, я привыкла выспрашивать больше, чем допускают рамки приличий. Но тут растерялась и замолчала. По натуре я неисправимый любитель суматохи, обожаю чужие драмы – своя-то жизнь серая, – но тут меня нимало не позабавила роль утешителя. Успокаивая Ирину, я неожиданно для себя довольно остро испытала неприятное чувство полной её беспомощности и Борькиной безнаказанности как свою беду. До этого печального случая я об этом не задумывалась. Может, заостенела своей болью? Я часто видела в чужих жизнях интересные сюжеты о слепых порывах юности и молодости, так необходимые моему ненасытному любопытству.

Я не злока, но тогда, обнимая несчастную Иру, я определённо думала о том, что не хотела бы быть свидетелем благоденствия её обидчика... Не забываются муки страданий тех,

кто испытал калечащую душу несправедливость. Вот вспоминаю Иру, и темнота её того беспросветного существования переполняет меня. Нет, все-таки хорошо, что Борька так и не сумел тогда внушить и навязать ей своё мнение. Молодец, Ирка, устояла! Судьба дала ей шанс изменить свою жизнь, и она сделала-таки решительный шаг. Ира долго думала о причинах своего неудачного замужества и пришла к казалась бы абсурдному выводу, что не сумела стать любимой потому, что была абсолютно не эгоистична и не расчётлива в любви. Её чувства возобладали над разумом. В человеке всего должно быть в меру, даже доброты. Доля эгоизма обязана присутствовать в характере и защищать от таких вот экземпляров, как Борис. Эгоизм в малых дозах и умеренных пропорциях позволяет трезво взглянуть на ситуацию, сложившуюся в процессе взаимодействия двух индивидов.

Я тогда в шутку сказала Ирине: «Теперь я могу засвидетельствовать, что ты и впрямь поумнела». Она не обиделась, только тяжело вздохнула, будто с сожалением проводила в небытие свою юношескую глупость. Не скрою, в тот момент я почувствовала, что ей всё ещё хочется быть той наивной, искренне любящей девушкой. Но то хорошо, что хорошо кончается. Ирина победила Бориса и, прежде всего, себя».

Справившись со сбившимся дыханием – стенокардия давала знать, – Инна продолжила обрушивать на подруг массу эмоциональной информации.

– Не распознал Борька своего счастья. (*А может, ему не нужно было этого стерильного счастья?*) Конечно, редко кому удаётся прожить свою жизнь без помарок, но когда у человека сплошь одни ошибки, это заставляет задуматься. Ты уже знаешь, что первое время после развода Борис захаживал к Ирине. Болезненное самолюбие разъедало его душу. «Сама ушла! И к кому? Не к маме, самостоятельно живёт». Хотел убедиться, что её мучает раскаяние в своём поступке, хотел позлорадствовать. Какое самомнение! Надеялся, что она прозябает в нищете, сожалениях и сомнениях, думал покрасоваться перед ней.

Возможно, в каждом из нас есть эта глупая, глубоко за-
прятанная зло-вредность – желание сделать назло – и в ми-
нуты обид она выплывает наружу. Особенно в детстве. Го-
ворят, что только святые не унижают других. Но Ирине не
хотелось унижать Бориса. Она сама была слишком ранима
и не могла позволить себе оскорбить даже врага. Она молча
закрывала перед Борисом дверь. Может, считала, что выста-
вить человека за порог – лучший способ заставить его по-
размыслить о жизни или ей самой нужно было время, чтобы
подавить, изжить в себе неприязненное чувство к бывшему
мужу, научиться спокойно реагировать на его появление? А
он досаждал и досаждал ей своей болезненной назойливо-
стью. Понимал, что с глаз долой – из сердца вон... А вдруг
для него самого назойливость была самым простым спосо-
бом борьбы с оскорбленным самолюбием? Не знаю. Не ве-

рю я в дружеские отношения после развода. Что до меня – это не про меня. Мне кажется, что бывшие партнёры должны исчезать из жизни друг друга навеки. Зачем будить призраки былого, тем более гадкого? Но и собачиться незачем. Всё выяснили, обрубали концы и разбежались. В любой ситуации надо оставаться людьми.

После Ирининого развода я не беспокоилась насчёт Бориса: такой всегда приземлится на чьи-либо молодые длинные ноги или крепкие богатые руки. Так и вышло: он легко и быстро утешился в объятьях очередной жены. Его опять «любовь за собой повела», точнее – очередная влюблённость. Ещё три раза женился. Я склонна рассматривать каждый его брак как попытку удовлетворить свои амбиции. Прошли годы, и перестройка Бориса окончательно сгубила.

– При чем тут перестройка? – не поняла Жанна. – Она ударила по всем.

– Борис не смог выжить потому, что не умел бороться, цепляться за жизнь. Привык всё получать готовым. Недальновидно считал, что административное положение его отца в любой ситуации незыблемо, поэтому и финансовое – непоколебимо. Надо сказать, я не слишком удивлялась, когда жены уходили от него. Они горюшко с ним хватили не по причине голода и холода, а от его стервозного характера. Гоношистый был больно. На пустом месте возносился до небес, хотя своих заслуг так и не заимел. Зная свою неуживчивость, зачем детей заводил? За детские слёзы, за их искалеченные

души нет ему прощения! – вскипела Аня.

Инна продолжила рассказывать:

– Борькина третья жена Новелла жаловалась мне: «Нам, женщинам после сорока пяти лет, когда дети выросли, себя как-то реализовать хочется, а у них, у мужиков, кризис среднего возраста, видите ли, занудствуют, дико комплексуют, стремятся самоутвердиться на стороне, блуд им застилает глаза. И это в лучшем случае».

«А у некоторых, как оказывается, вся жизнь состоит из периодов возрастных кризисов. У нормальной зрелой личности «перепадов» не бывает, их слабаки, неспособные побороть отрицательные черты своего характера, придумали», – одобрила я её мнение.

«Не будем так категоричны. Иногда в жизни случаются очень веские причины для глубокого внутреннего кризиса, – улыбнулась Новелла. – Но мой первый муж тоже только перед пенсией начал оценивать своё поведение и понимать, что не за тем гонялся, не тому служил. А я считаю, нечего всю жизнь спать и просыпаться для семьи только после пятидесяти, а то и шестидесяти, в надежде потом наверстать, потому что «потом» может и не быть... Сразу надо гнать таких мужей из своего сердца, сдувать как ненужную пену с кружки пива. Всем хочется, чтобы душа парила от счастья всю жизнь. Только приходится признать, что непозволительная роскошь иметь много счастья. Но я искала, надеялась. Нашла Бориса, подобрала то, что другая женщина бросила, хо-

рошо пристроила. Думала, осмотрится, попривыкнет и взовьётся, взорлит. А я помогу. Возможности были. Понапредставляла, сама себя разожгла. Наконец-то всё честь по чести будет! И опять конфуз вышел. Борис сердце сорвал с петьель на слишком короткое время. Быстро утолил свою жажду любви, недолго был щедрым через край, разыгрывая заботу. Его чувства – буря в стакане воды. Обманулась я в своих ожиданиях.

Ох и досталось мне! На «ровном месте» мог до инфаркта довести. Иной раз голову об стену ему размозжить хотелось. Его поведение озадачивало и возмущало. Как можно создать в семье атмосферу согласия, если этого добивалась только я? Не хочется вспоминать жуткие дни нашей совместной жизни, не стоил он моих слёз и нервов. Ну, да речь не о том. Такие субчики в принципе не остепеняются. Гнилое семя. Я сама прервала его массирующее вторжение в мою жизнь. Потом проходила мимо него с высоко поднятой головой и злорадно думала (прости меня, Господи!): «Нарвёшься на заразу, умоешься слезами. Вот будет интересная парочка – гусь да гагарочка!» Но после меня не нашёл он больше дурёхи, которая бы его содержала и нянчила. Бомжом Борис стал, к вину пристрастился, всё рвался к удовольствиям, которые его убивали. Метался, совсем запутался в своих желаниях. Не зря говорят, что судьба человека – его характер. Его выковывать надо. До пенсии Борис так и не дожил. Жалкий конец. Ни одна из бывших жён не приехала его хоронить», –

закончила свой невеселый рассказ Новелла.

– Неправда, Ирина о нём позаботилась, – возмутилась Аня, тоже краем уха слушавшая историю жизни Бориса. – Сердца Ирина на него не держала. Первой и последней её любовью он оказался, хоть и не достоин был. Но так уж сложилось... Я, наверное, не смогла бы вознестись на такую высоту, чтобы забыть все горести и унижения совместной жизни и ухаживать за прикованным к постели бывшим мужем, столько лет отравлявшим её жизнь. Может тогда, в последние свои месяцы Борис наконец понял, что влюбленность поманит да обманет, а настоящая любовь – никогда.

– Аня, не заскакивай вперёд. Слушайте, что произошло с Ириной после развода с Борисом. Она всё же решилась попытать счастья во втором браке. В незамужней жизни много ли радости? Душе привольно, а сердцу грустно и тоскливо. Со вторым мужем у неё всё обстояло совсем по-другому, но, можно сказать, ещё хуже. Ирина уже ведущим специалистом в НИИ в то время была, но всё бросила и за офицера замуж пошла. Нарисовался он ей некстати. Но, знаешь ли, каждой женщине хочется услышать слова негромкие, неизбитые. Вот он и говорил, что есть в ней и земное, и нечто небесное, ангельское – тут я с ним полностью согласна, – называл её «моя королева». Ирине показалось, что перед ней неожиданно разверзся долгожданный мир блаженства, который залечит её душевные раны. С мамой она не посоветова-

лась, боясь спугнуть внезапное шальное счастье. А та до последнего дня не хотела отпускать дочь, надеялась переубедить, образумить. Чувствовала беду. Ей одного взгляда хватило, чтобы распознать в женихе гения зла. Она сразу оценила его странно обострённое чутье на женские души, его патологическую, сексуальную озабоченность. Но Ирина не поверила, а в итоге мама, как всегда, оказалась права. Быстро офицеру удалось её заполучить, приступом взял. Видимо, психологом был прекрасным. Только хитрым садистом оказался, дьяволом с лицом Аполлона.

Много позже Ира рассказывала мне с непередаваемой тоской, как при виде Юрия, бывшего второго мужа, тёмный страх заползал в самые глубины её души и липким холодом охватывал всё сердце, как впадала она в состояние душевного окоченения. А ему это доставляло безотчетное, какое-то наркотическое удовольствие. Любовь и страх не могут сосуществовать... На год хватило Ирине терпения, беременной на восьмом месяце от него сбежала. Вместе с мамой они двоих прекрасных сыновей вырастили. К счастью, дети и внешне, и внутренне в их породу пошли. По истечении многих лет, все события жизни с Борисом и Юрием кажутся Ирине нелепым нагромождением абсурдов. Страх, рабство, обиды, ненависть знаменовали то сложное время. И только разделившись со всем этим аморальным хламом, она по-настоящему сумела оценить последовавшую свободу. Теперь Ирина смотрит на всё происходившее с ней иначе, проще. Но

до сих пор не может понять, почему любовь принижала её, лишала уверенности, заставляла так долго терпеть несправедливость. Видно, наше женское сознание слишком сложно организовано. В нём глубоко и неоднозначно переплетены разные его пласты и сферы влияния. И если в мозгу из-за стрессов рвутся или смещаются какие-то связи, то нередко это предвещает изменения и в других областях его деятельности, возможно, даже наступает временное локальное торможение в них электрических сигналов. Здесь даже специалистам непочатый край работы, куда уж нам, сирым.

Я люблю изучать интересные ситуации. Как-то спросила у подруги Альбины Смирновой: в чём причина её долгой и вроде бы достаточно счастливой семейной жизни? И знаешь, что она мне ответила? «Каждый мужчина мечтает, чтобы женщина растворялась в нём. И к чему это приводит, ты тоже знаешь. А моему мужу приходится всю жизнь доказывать, что он стоит моей любви и моего внимания». Я тогда подумала: «Как же надо было суметь сначала принизить мужчину, прежде чем заставить его служить себе? Такое, наверное, доступно не просто умной, но ещё и очень хитрой женщине.

– А вдруг ей повезло найти идеальный вариант? – Это Аня попыталась заступиться за чету Смирновых. Но Инна не позволила.

– Может, у них там всё много проще: муж зависел от её родителей материально или перспективой хорошей должности. Мне встречались такие семьи. В них мужья по струнке

ходили». Но я промолчала, не стала разочаровывать и при-
нижать Альбину в её собственных глазах. Но про одного зна-
кового офицера всё же рассказала. «Подкаблучником был.
Все в семье им командовали: и жена, и дочери. А он, в от-
местку, всю жизнь втихаря погуливал».

Услышав про Альбину, Жанна усмехнулась про себя:
«Совсем не обязательно, чтобы женщина была очарователь-
ной, особенной или слишком умной. Мне кажется, в этом
случае важно, каков мужчина. Знала я одну стерву – лживая
до мозга костей, хитрая, злая и пакостливая, в общем – змея,
ничего собой не представляющая ни внешне, ни внутренне,
блеклая во всех смыслах, но муж обожал её до потери пуль-
са. Она мне по секрету хвалилась, мол, я звезда небесная в
его глазах, такой и чувствую себя. Он каждый сантиметр мо-
его тела обцелует... Не было в том заслуги женщины. Тот
мужчина умел редкостно любить. Видела его в парке с сыно-
вьями: заботливый, красивый. Я намеренно съездила, чтобы
убедиться, что моя знакомая не врет.

Всем нам хочется нежного, ласкового мужа, чтобы насла-
ждаться с ним постоянным осязанием радости, чтобы по-
нимал он милые переливы женского настроения, жалел, це-
нил. Женщина ищет мужчину не за тем, чтобы иногда чув-
ствовать оргазм. Она хочет быть счастливой. Иной прекрас-
ной женщине судьба такое дерьмо пошлёт, что в ноль низве-
дёт он все её достоинства и принизит так, что ей и жить не
захочется. Он только и может, что посягать на её порядоч-

ность, измываться над её добротой и мягкостью. И почему так причудливо тасуются колоды карт... человеческих жизней? Судьба – безусловно, гениальный композитор, только не всем дано суметь прочитать партитуру своей жизни. А некоторые и не изъявляют желание изучать, плывут по течению, не оставляя себе и тени сомнения в правильности выбора, ни минуты не веря в свои способности к чему-то более высокому, не пытаются бороться, ломать барьеры. И тем до минимума упрощают свою жизнь, делают её пустой и примитивной».

И тут же Жанна мысленно проехала в свой адрес: «Я сама придумала или кто-то это нашептал мне на ухо?»

– А недавно Ирина пригласила меня по старой памяти к себе домой. Она была такая домашняя, уютная. Мы были необыкновенно расположены друг к другу, вспоминали молодость. Только своих мужей не касались. Остроумно, но не ядовито перемыли косточки общим знакомым. Славно посидели! – закончила Инна свой рассказ.

Аня слушала и восхищалась способностью Инны не только просто и легко принимать этот огромный странный мир во всем его завораживающем, а иногда и пугающем разнообразии, в который она, очевидно, надёжно встроилась, но и её поразительной готовностью ориентироваться в самом немыслимом нагромождении обстоятельств, объясняя себе и другим их причинно-следственные связи; желанием Инны – и это при всех ее недостатках! – помочь, спасти, огра-

дить кого-то, отстегнуть что-то доброе от своих моральных и материальных запасов. Анино мнение об Инне начинало меняться в лучшую сторону. И всё же она засомневалась: «А вдруг у неё вместо сострадания обыкновенная сентиментальность и любопытство к чужой жизни? Ну, зачем я так?» – сделала сама себе строгое внушение Аня.

Не всякая жизнь достойна реквиема

– Жанна, ты помнишь Лину с химического факультета? – спросила Аня. – Забыла? Добро пожаловать в клуб склеротиков. Я в нём уж лет пять состою.

– Она была много старше нас?

– Да. Лина в общежитии через комнату от нас жила. Так вот я тебе про её сына хотела рассказать. Он из породы талантливых. Это когда мозг сам всё время требует напряжённой работы. Лина это поняла, когда сынок был ещё совсем маленьким. У него с раннего детства было прекрасно развито воображение и фантазия, он беспрерывно сочинял «трактаты» на любую тему. И если начинал говорить, «выключить» его было трудно. Мальчик уже в дошкольном возрасте «открывал» вокруг себя законы физики и химии, а в школьные годы – искал им экспериментальное подтверждение. В старших классах Лина обнаружила у сына помимо таланта учёного еще и прекрасные педагогические данные. Она сама была незаурядной женщиной, но потратила свою молодость на семью и только в предпенсионном возрасте наконец поз-

волила себе выйти из тени мужа и начать проявлять себя хотя бы в некоторой части своих способностей. Мужу она нужна была как домработница, его не волновали её способности и возможности. Помню, он как-то при мне пренебрежительно сказал: «Ты умеешь решать задачи из «Эврики» и «Кванта»? Она побелела и сдержанно ответила: «Ты забыл, что это я в МГУ училась, а ты всего-навсего в военном училище». Муж Лины мимо ушей пропустил её слова. Он и в своем ребенке не замечал особых талантов, не занимался им, как и ничем другим, что касалось их семьи.

А Витя и в вузе с легкостью решал задачи и не считал их серьёзными, достойными научных статей. На первом курсе руководитель секции сразу понял, что перед ним конкурент, угроза его сыновьям и «прихлопнул» парня, не выпустив на конференцию, потому что его работа оказалась самой сильной на всём факультете. А Лениному сыну и в голову не приходило, что она чего-то стоит. Он же делал её легко, с удовольствием, будто играя. Профессор из Пензы, муж моей подруги, попросил прислать ему эту работу, чтобы сравнить её с уровнем научных разработок своих студентов-дипломников. Она оказалась настолько сложной, что он попросил прокомментировать каждый ее пункт, потому что молодой человек в окончательном варианте опускал промежуточные выкладки и целые блоки расчётов, которые казались ему слишком тривиальными. Правда, сын Лины отмахнулся, мол, нет времени на расшифровку простой задачи, пусть его студен-

ты сами этим займутся. Не захотел он возвращаться к пройденному, его тогда уже интересовали другие темы.

«Не для данных Виктора наш вуз, ему бы в Новосибирск, в кузницу талантов, в Москву или Питер. Только как пошлешь ребёнка в другой город, если перестройка, если нет денег? Сейчас никто никому не нужен. И муж против, ему помощник нужен. В наше время отпустить детей учиться туда, куда им хочется, – родительский подвиг», – сетовала Лина.

Потом, будучи в аспирантуре, каждый семестр её сын разрабатывал новые лекционные курсы и практические занятия современных спецкурсов, которые до этого в их институте не читались. Но у парня не было времени их оформлять как методические пособия и статьи, хотя много чего предвидевшая мама неоднократно просила сына об этом. И заведующему кафедрой выгоден был такой молодой специалист. Руководитель диссертации не смог оценить уровня таланта своего аспиранта, но сумел использовать. Лихо обошёлся с ним. Когда молодой человек нашел ошибки в его научной работе, он отказался с ним дальше работать и отдал результаты расчетов сына Лины другому аспиранту, своему покладистому родственнику. Собственно, как я теперь понимаю, такая была давняя задумка его жены, её хитрый ход. Решила обойтись малой кровью. На готовеньком-то... Родственник руководителя защищался на бывшей Лениной кафедре. И все сотрудники считали, что это был ее сын. Такой вот казус

вышел.

– Вот так победа правды одних оборачивается поражением совести других, – усмехнулась Жанна.

– Лина согласилась на настойчивое предложение профессора послать сына к нему в аспирантуру, потому что до переезда в наш город они вместе проработали много лет. Она не ожидала от него подлости. Так случилось, что тогда она занималась маленькими внуками старших детей и упустила момент, когда ещё можно было помочь сыну. Обыкновенная история. Сын Лины зарабатывает больше того профессора, но деньги для него не главное, он чувствует, что в нём пропадает учёный.

Жанна задумалась о чем-то своем, но Аня продолжила рассказ.

– Сгубил тот профессор талант Виктора, обломал на взлете...

– Не то слово! – вздохнула Жанна.

– Да бог с ним... с этим руководителем... Но мозг молодого человека опять требовал достойной нагрузки, жаждал творческой работы. Ум-то никуда не делся. Виктор хватался за интересные ему темы в Интернете, разрабатывал их, делал расчёты, строил графики, собирал и исследовал статистические данные. И, по сути дела, готовые главы диссертаций отправлял в Интернет, для «дяди», мол, кому-нибудь пригодятся. А в вузе преподавал за гроши, для души. Горел в нём педагог ярким пламенем. Лина корила себя, предлага-

ла сыну другие варианты аспирантур, но он больше никому не верил. А она страдала и переживала, что слишком подчинялась мужу и не сумела в своё время стать амбразурой для себя, а теперь и для сына. Потом вуз рассыпаться стал. Профессорам и доцентам работы не хватало. Перестройка многое поломала и в головах, и в судьбах людей. Надо было о хлебе насущном думать, зарабатывать деньги на жильё. И занялся сын не своим делом – бизнесом. И там у него дело ладилось, но параллельно он увлечённо, самозабвенно, бесплатно, занимался любимым делом, потому что не мог иначе жить. Такая вот судьба. Так вот и получают люди, проживающие чужие жизни, не использовавшие до конца свой талант. Самые плодотворные молодые годы быстро пролетели. Сын Лины и сейчас на досуге продолжает творить. Пусть работает, раз хорошая голова дана. А талант педагога, если захочет когда-нибудь, на репетиторство потратит, хоть в какой-то степени его использует. Жаль, конечно. Уметь с юмором легко и интересно объяснять самые сложные вещи – величайшая редкость. Преподнесённое таким образом осознаётся и впитывается студентами с восторгом и запоминается на всю жизнь. В МГУ – Лина рассказывала – только один подобный педагог ей встретился. А уж там талантливых людей хватало!

– Хорошие учителя запоминаются на всю жизнь, – согласилась Жанна.

– Как-то я спросила Лину:

«Ты была на похоронах бывшего научного руководителя своего сына?»»

Она ответила грустно:

«Сначала не думала идти, хотела намеренно проигнорировать. Обида пересиливала. После известия о его смерти на душе было стыло, тоскливо, беспокойно, противоречиво. Обрушились воспоминания. Как ни старалась их избежать, они наплывали. Чередой захлестывали жалость, обида и раздражение. Местами заносчивая испепеляющая бессильная ярость налетала. Ночь прошла в кошмарах. Не шли из головы неприятные мысли. И всё же приехала. И не пожалела. Поправила бумажный венчик, что лежал поперёк лба, и сказала над ним: «Простила. Прощайте». Ни на что больше не отважилась. И правильно... Беспробудного горя от «встречи» не ощутила, но стало легче. Что теперь старое ворошить? Душа смягчилась, на место вернулась, перестала дергаться, умиротворилась, отрешилась от терзавших воспоминаний, острых обид. Ему ведь теперь ничего не исправить, а у меня появилась возможность хотя бы простить. Конечно, горький осадок до конца не избыла, но всё же... Не испытала я и волнующего ощущения собственной праведности, – усмехнулась Лина. – Я считаю, что люди обладают врождённой способностью ощущать нравственные ценности. Ведь не одним же естественным отбором объясняется стремление человека к самосовершенствованию. У коллеги этот стержень казался мне надёжным. Но зло умеет скры-

ваться, обольщать и соблазнять...

Переформатировала профессора жена, умело манипулируя его привязанностями и слабостями, в шоры взяла, и сдался он, безоговорочно во всём ей поверив. Стал смотреть на мир через призму её понятий. Он так и не сумел привыкнуть к замысловатой логике своей жены и не научился ей противостоять. Был простой деревенский парень, трудыга. Никогда не нарывался на неприятности, не делал ничего противозаконного. Но постепенно с лица его исчезло добродушие, искренность, благородная печать ума. В глазах появилась хитринка, недоверчивость, некоторое злорадство и затаённое беспокойство. Стал взятки брать, а потом дошёл до того, что родственнику жены диссертацию сделал за счёт чужих данных, бросив на полпути всех своих учеников. Помню, как он отправил неоперенных птенцов-аспирантов на научную конференцию совершенно неподготовленными, чем надломил в умных молодых людях уверенность в себе. Они вернулись растерянные, задумчивые. Но руководитель не поддержал их, потому что занимался только своим любимчиком. Коллеги сочувственно говорили о нём: «Оказался человеком, потерявшимся в определённых обстоятельствах».

У каждого поступка есть последствия. Несогласное сердце профессора стонало и мучилось. Он даже в религию ударился, чем вызвал недоумение и иронические усмешки коллег. Я понимала его: ищет себе оправдание, успокоение ду-

ше, замаливает грешки. Пытается истребить в себе раздвоенность, сшить куски разорванного сознания воедино. Ею он старался защитить себя от грязи, от непорядочности в своих деяниях. Молился не устами и перстами, а измученной душой. Но, видно, не получалось простить самого себя. Слишком часто заставляла его эта хитрая злобная завистливая женщина переступать через себя, нарушать принципы, идти вразрез совести. Умела нащупать его тонкие струны, округить, повязать, разубедить, надавить. Талантливо играла на его мелких слабостях, растравляя их, разжигая, опутывающая ложью, подтасовывая факты.

Представляешь, как-то уже после всего случившегося, профессор заявил мне: «Вы распускали слухи о том, что у меня слабая диссертация и что на защите меня пожалели». Я возмутилась: «Я слышала об этом от профессора, который приезжал в наш институт на чью-то защиту как оппонент. Но неужели вы считаете, что я так глупа, что могла бы плохо говорить о руководителе своего сына, портить с ним отношения и тем более пользоваться неподтверждённой информацией? Я не имею привычки сплетничать и поэтому не смогла даже вам рассказать об услышанном от «заезжего» человека. Посчитала это бестактным». А он мне начал объяснять, мол, моя жена... И осекся. Понял, кто настроил его против меня и почему. Потом он ещё много подобных «фактов» мне рассказывал. Видно, оправдаться хотел. Я, конечно, все их опровергла. Да что толку после драки кулаками махать?

Его жена всегда действовала решительно, потому что привыкла бороться за «свою собственность». А он отступал и уступал... Но долговременная неудовлетворённость своей жизнью, как известно, ведёт к болезни. Вот и ушёл он раньше отмеренного ему природой срока. Источил его рак. А какой поначалу был добрый, искренний, честный и неглупый человек!.. Здоровый во всех смыслах.

Хоронили его по-новому, без музыки. Тишина навалилась на всех присутствующих тяжёлым грузом. Мне подумалось: «В молчании очень трудно простаться с человеком». Я бы предпочла, как в советские годы, духовые инструменты. И ещё скрипку. А его по старинке отпевали в церкви. Оказывается, это два несовместимых ритуала. Священник был молодой, мал росточком, худ, суетлив и равнодушен. Его блеклое, ничего не говорящее лицо раздражало. В моём представлении батюшка должен быть солидным, представительным, вызывающим доверие. Несоответствие моим канонам злило. Религиозный обряд проходил нудно, заунывно. Отсутствовал торжественный трагизм ухода человека в иной мир. Тщедушный священник бубнил что-то себе под нос как-то буднично, скороговоркой. Глаз от пола ни разу не поднял. Совсем как двоечник на экзамене. Я понимаю, традиции нужны как целительная успокоительная сила, они для людей – непреложная истина. И с этим надо считаться.

Потом речи над гробом, стоя у края разверстой могилы, сотрудники говорили тихими голосами. И они не помогли

мне к покойному с сочувствием приблизиться душой... Опустили, закопали. Будто кусок дороги выровняли, холмик насыпали и венками обложили. Без музыки не чувствовалось торжественно-таинственного, печального завершения земных дней человека. И потом не было минуты сосредоточенного молчания, когда у присутствующих в головах происходит непривычная работа сакральных мыслей, когда через тишину можно услышать недосказанность, почувствовать любовь или горе... Постояли, потоптались неловко в сторонке от могилы, как бы не решаясь всерьёз прикоснуться к чужому горю, словно боясь унести его с собой... И пошли к автобусу растерянные, неудовлетворенные качеством свершившегося ритуала, какие-то немного испуганные. Пожилые коллеги глаза отводили. У некоторых лица были сосредоточенные, точно погружённые в сложные научные расчёты своего... возможно, близкого конца. Молодые люди посторонние неуместные разговоры завели. Был один из обиженных аспирантов. Он достаточно громко выражал своё недовольство усопшим. Я его слегка окоротила, мол, неприлично, неудобно сейчас...

Я стояла и смотрела на непривычные для лета чёрные костюмы мужчин, скромные, приглаженные причёски женщин и не переставала задаваться вопросами: «Ушёл из жизни, а что у него дальше?.. Одному Богу ведомо?..» Еще пару лет назад такая мысль у меня просто не могла возникнуть. А вот теперь после череды одних за другими ушедших... рано

отозванных Всевышним... Неожиданная вспышка понимания обожгла холодом горечи... и страха. Стала искать, чем бы мысленно в себе примириться со смертью... или хотя бы отвлечься... Вспомнила похороны своей коллеги в деревне. Батюшка что-то строго и торжественно говорил, певчие печально вторили ему высокими красивыми голосами. Вдруг на гроб бросилась немолодая женщина в черном и громко жалостливо завывала: «На кого же ты нас покинула». У присутствующих невольно потекли слезы. Это были слезы очищения, прощения и прощания. И я ощутила, как на душе моей полегчало и посветлело, будто вопли плакальщицы унесли и мою скорбь... И подругу в такой же ситуации вспомнила. Она была печальная, поверженная, молчаливая... Тихое горе – обычное дело на похоронах немолодого человека. Я только прикоснулась к её плечу. Сочувствие на похоронах не доходит, оно отталкивается болью... А тут... Кто оспорит? Мы же не знаем сокровенных мыслей и чувств друг друга. Но глаза не обманывают... И на меня она неприязненно косилась. Не ожидала, что приду.

Жена провожала профессора как-то по деловому, без особой печали, будто горе ещё не прочувствовала. Могла бы хоть в этот день сколько-нибудь скорби почерпнуть из своего очерстневшего сердца. Муж долго не мучил её своей болезнью, из последних сил работал... Заплакать прилюдно над человеком, с которым долго прожила, значит при всех, не скрывая, засвидетельствовать ему свою любовь и оказать

уважение. А она слезинки не уронила. И всё говорила и говорила... Хочется верить, что ещё не слишком углубилась в свои последние переживания.

Почивший любил жену, верой-правдой служил ей и её прихотям. Был хорошим семьянином и добытчиком. Ей одной дарил свою светлую душу. Отдал полностью, всю без остатка, себе ничего не оставил... А она его только использовала. Ложью и мелкой подлостью удерживала рядом. И он безоглядно ей верил. А каким прекрасным человеком был в молодые годы! Почему правильных не любят, хотя они заслуживают уважение и восхищение?.. Когда и чем жена надломил его так, что всё в нем пошло наперекосяк? Его бы в хорошие руки... Куда как достойней могла бы стать его жизнь! Да что уж теперь...

Может, только по ребёнку горюют безраздельно, разрывая сердце напополам? Вот где тоска, неистовство, ярость на неоправданную изошрённую жестокость слепой безжалостной судьбы. Но ведь сорок лет под одной крышей – тоже срок. И это надо уметь ценить.

Вспомнила своего свёкра. Видела его всего два раза и успела полюбить. Сердце ночью почувствовало беду... Как оно болело предчувствием его утраты! Слез не могла остановить. А у жены профессора их не было. Может, какая-то до конца ещё не прощённая обида высушила ей глаза? Не похоже... не тот он человек...

...Опять у меня перед глазами открытый звериный – вол-

чий – посмертный оскал усопшего. Неприятно поразил он меня. С чем он боролся в последние минуты своей жизни: с физической болью или с демонами страха, преследующими его последние годы?..

За этот месяц я третий раз на кладбище. Сосед Юра – крепыш, беззаботный балагур – выглядел усталым, похудевшим, очень посерьезневшим. Он будто сам был удивлен с ним происшедшим. Черты лица сделались более тонкими, какими-то даже благородными... А внешность профессора Михаила Андреевича, прекрасного человека, уже не была значительной. Он страшно исхудал, выглядел подростком. Личико с кулачок... Только его выпуклый лоб был, как и прежде, высок и чист. Какого ума и души был человек! Слез я не сдерживала...

Я стояла посреди кладбища, погружённая в мысли, соответствующие скорбному месту, овеянному печалью многих тысяч... «Раньше на похоронах удары в литавры мне душу прожигали. Казалось, что боль утраты на их звуках доносится до небес. Печальный голос трубы заставлял моё сердце трепетать. Тоскливо-возвышенная траурная музыка навевала массу хороших мыслей об усопшем, и я омывала уход человека слезами благоговейной жалости, вспоминала и личные потери, думала о бренности существования всего живого на земле и будто давала отчёт о своей жизни, исповедовалась перед собой. Ещё любимую бабушку всегда вспоминала. Намучилась-настрадалась, бедная, смерть ей избавле-

нием казалась... И уходила я с кладбища размягчённая, настроенная философски, готовая прощать, помогать, по пустякам не тревожить и не тревожиться... Если бы я могла открыть портал или параллельный мир, где возможно теперь обитает бабушкина ангельская душа, я бы ей столько теплых благодарных слов сказала!»

Своё печальное вдруг вспомнила. Давно не ездила на родину, не стояла у могил родственников. Остро почувствовала нехватку чего-то очень важного... Растрогалась, слёзы навернулись... Решила в ближайшее время посетить их последнее прибежище.

Очнувшись, не сразу сообразила, где нахожусь. Будто на время утратила связь с реальностью. Проходя между могил, наткнулась на бомжей, елозивших по свежесрезанным цветам на старой могиле. Двое жестко делили стаканчик водки, стоявший на приступке памятника. Третий был под ними... Рассудок свело судорогой омерзения. Разве на такое поминание чужими людьми надеялась родня усопшего, рано покинувшего этот бранный мир?.. Закрыть глаза, отвлечься, убежать... От себя?..

Заторопилась к автобусу. Вошла последней».

Аня замолчала.

Её Величество Женщина

1

Лена наконец-то расслабилась и настроилась на сон, но

уже через минуту поняла, что оптимизм её был неоправданный, потому что Жанна тихо сказала, обращаясь к Инне:

– Неудачным оказался марьяж Эммы с Фёдором.

«Ох, чувствую, заведутся сейчас девчонки. Лучше бы они эту тему не трогали», – заволновалась Лена.

Инна, конечно же, мгновенно отреагировала на слова Жанны, хоть и шепотом, но очень бурно.

– По недоразумению мужем обзавелась. И откуда только этот Федька нарисовался? Заглотила, бедная, наживку и заполучила «брильянт». Как же! Счастье нежданно-негаданно привалило. Прекрасная партия, достойное приобретение! Он – ключевая фигура в её судьбе! Не верила свалившемуся на неё счастью. На свадьбе, как счастливая дуручка, бесперечь улыбалась, губы не смыкала. В самое сердце поразила её отравленная стрела амура. Нет, в голову. «Околдована, очарована!» – презрительно пропела она и выразительно закатила глаза. – Смотрела Федьке в рот. Не могла на него надыхаться. Как же, верх совершенства! Не на того поставила. Собственно, ошибки – тоже неотъемлемая часть нашей жизни...

– Инна, что на тебя нашло? Успокойся, – тихо попросила Лена.

– Крутой диагноз. Тонкий психоанализ. На горе подвернулся Фёдор Эмме. На свете существует связь всего со всем. Злая судьба их свела. Эмма стала заложницей её пакостливого случая, – зачастила Жанна.

– Надеюсь, что «для единоличного употребления» мужа заимела. Это результат сочетания научных методов и изумительной интуиции? Что ж, и на старуху бывает проруха. И ведь не скажешь, что без царя в голове была, но не скоро прозрела. Не продумала ни тактику, ни стратегию своей жизни.

– Что тут удивительного? Много о себе замалчивая, Фёдор был не тем, каким его видели окружающие. Он умышленно искажал правду, роль играл, – заметила Аня.

– И вот, испытывая Эмму на прочность, судьба ударила бедняжку наотмашь и превратила её жизнь в цепь непрекращающихся проблем. Впрочем, как у многих из нас. Но я бы у Федьки в долгу не осталась. Так отбрила бы, чтобы на всю жизнь меня запомнил!

– Смотри, Инна, поймаю на слове, – усмехнулась Жанна. – Значит, Фёдор – обыкновенное «причудливое безобразие»?

– Гадёныш, деспот, прелюбодей чёртов! Изверг рода человеческого. Устроил из Эмминой жизни свистопляску.

«Не переговоришь Инну, не остановишь. И остальных сейчас вовлечёт. Ее захлестывает волна тёмных чувств. Бельмом в её глазу стоит беда Эммы. Не усну теперь», – недовольно подумала Лена, но отнесла своё занудство на счёт усталости и нездоровья и постаралась отвлечься приятными мыслями.

– Крепко, терпко загнула! – покачала головой Аня.

– Речь идёт ни много ни мало о судьбе, которая каким-то непостижимым образом превратилась из прекрасной мечты

в беду. Станным образом переплетаются пути-дороги людей. Иногда возникают обстоятельства, делающие невозможными события, которые сторонним наблюдателям кажутся очевидными. А в результате оказывается, что юношеские мечты не имеют ничего общего с прожитыми годами, – авторитетно заявила Жанна.

– Мужа отхватила! Угораздило же Эмму влипнуть. Она считала, что равные притягивают равных? Только забыла, что привязанность часто начинается с иллюзий. Не проявила должной осмотрительности. Как же, любовь – светоч жизни! Отдала своё счастье на волю слепого случая. Вот так и возникают неустроенные женские судьбы. Никакой другой причины, кроме как глупой влюблённости, я здесь не вижу. Она была отправной точкой, началом всех её несчастий. (*«По себе знаю», – усмехнулась Инна в свой адрес*).

Оно, конечно, от любовного жара никто не застрахован. И Эмма, находясь в беспечной счастливой уверенности, попала в западню. То была её пиррова победа, её трагический триумф. Федькино появление в жизни Эммы, как теперь принято говорить, спутало все нити её судьбы. Закономерность случайности? Любовь – божественное чудо! О сладкая боль высокой безумной любви! Такова была предыстория... И что от любви осталось? Кучка серого пепла, которую рассеял сквозняк обид».

Аня обратила на Инну недоуменный взгляд, не вполне уверенная, что поняла истинный смысл её слов: «О подруге

и так резко? Каждый человек может оказаться на грани или у последней черты. Ему помочь надо, а не критиковать».

«Легко Инна осуждает. Если бы мне довелось классифицировать подруг по степени жёсткости, Инна, безусловно, возглавила бы этот список», – подумала Жанна, но вслух ничего не сказала.

– Не пойму, как Федьке так скоропалительно удалось заполучить Эмму? Как он добился её расположения? Можно подумать, целое море необыкновенного обаяния на неё вылил! Чем она пленилась? С подкупающей искренностью стихами окроплял, цветами осыпал, на коленях стоял? Одухотворённая личность! Восхищаться некоторыми эффектными качествами можно, но не долго. А вот чувствовать уважение хочется всю жизнь. Но было ли оно? А честность и доверие? Где они? Заморочил Эмме голову лирикой – и она под колпаком?

Федька не производил на меня впечатление человека, способного на серьёзные самостоятельные поступки. Я никогда не видела его в роли мужа и отца. А у меня глаз намётанный. Он же пустое место. Чем до свадьбы хвалился на стороне? Выпитым, гулянками, грубостью. А перед Эммой – сама любезность! Не понимаю, как он сумел поставить себя в исключительное положение, взять над нею верх и закабалить? А я ей говорила: «Не связывайся с ним, не твой он человек, не станет тебе родным! Я в этом убеждена так же, как в том, что зовут меня Инна».

«Разошлась... Понятно. Ночами человек наиболее уязвим перед своими и чужими бедами», – подумала Лена.

– Теперь, задним числом, мы отдаём себе отчёт в том, что совершали, а раньше... – Аня привычно вздохнула.

– Видно, наступил такой момент, когда Эмма стала тяготиться одиночеством, захотела создать семью. Мысли теснились, теснились... и вот результат, – предположила Жанна, уловив основную мысль Инны. И продолжила рассуждать:

– Ей надо было кого-то жалеть, о ком-то заботиться и обязательно поднимать любимого до небес. А любовь – это родство душ, девяносто процентов её – общие интересы.

– Для сумасшедшей страсти и головокружительной влюблённости ничего этого не нужно, – рассмеялась Инна. – Но именно они – эти страстные чувства – вдребезги разбивают на первый взгляд крепкие семьи.

Только Жанна свою линию продолжила гнуть.

– В семьях, понимающих это, минимум разводов. А то ведь как часто бывает: для него одно хорошо, для неё – другое, а это уже плохо. Требуется единодушие. Надо, чтобы её понятия любви, чести и достоинства совпадали с его пониманием этих базовых истин. А если нет? Где Эмма с Фёдором встречалась до свадьбы? В кино бывали, по паркам гуляли. Им бы вместе в походы отправляться, по горам лазить или ежедневно собак выгуливать. Когда лучше всего раскрывается человек? В действии, в работе. Я знаю крепкие семьи, в которых три поколения вместе в походы ходят. Женщины

в них не красавицы, но мужья за них горой стоят. Ещё хорошо, когда муж и жена одной профессии, тогда друг другу сразу видны все их достоинства и недостатки.

– Ты права, пока Эмма на прогулки ходила, Верочка воспитывала своего будущего мужа, под себя подстраивала, пока он без памяти в неё был влюблён. И теперь у них прекрасная семья, – рассказала о своем наблюдении Аня.

– «Тебе судьбу мою вершить!» Не в те руки Эмма себя вверила. Видно, Федька как-то сумел зайти с разных сторон и добиться своего. Меня бы он не поймал на крючок. Прохиндей, бабник. Идёт, бывало, патлы свои разлохматит... Остриги – и останется от него всего ничего. Если только истерия да неявный маниакально депрессивный психоз. Не послушала меня Эмма, и досталась ей доля страшно болезненной обнажённости. И кто это сказал, что потрясения очищают? Убила бы того гада.

«Наша судьба – наш выбор. Хотелось бы услышать не отредактированную биографию Фёдора, не «житие», а рассказ о становлении обыкновенного человека, совершавшего много плохих поступков, берущего за них ответственность и изменившегося к лучшему... Или хотя бы качественную, объективную оценку его поведения. В каждом человеке борются светлые и тёмные стороны. Светлое по большей части побеждает. Но, похоже, здесь не тот случай... Я услышу сейчас предвзятые выводы обиженной жизнью женщины. А может, и правда, её персонаж не такой уж «геройский»?.. Многосло-

вие Инны в этом возрасте признак неврастении или результат длительного одиночества?» – Лена поставила под сомнение свой собственный диагноз.

– От заблуждений тоже рождаются дети, – пошутила Жанна.

– Юморист Михаил Жванецкий как-то изрёк: «Веди себя естественно, и женщина сама найдет, за что тебя полюбить», – вставила непонятно к чему своё замечание Аня. Наверное, о какой-нибудь своей знакомой подумала.

А Инна бурно отреагировала:

– Вот и нашла. Не нравился мне Федька. Не жаловала я его и никогда не скрывала этого. И сейчас от своих слов не отказываюсь. В порошок бы стёрла гада. Психопаты бывают дружелюбные и агрессивные, а этот – гибрид какой-то недоношенный. В шестидесятые годы идеалисты верили в красоту и величие человека, в то, что он способен к самосовершенствованию. И Эмма из их числа. А теперь биологи смеются над этим.

– Ну и напрасно. Влияние среды и воспитания они не могут отрицать. Хорошая семья может уберечь от совершения преступлений, – возразила Аня.

– Идеального генома в природе не существует. И идеальных условий жизни тоже. Многое в характере человека зависит от условий жизни и случайного сочетания генов. В геноме человека что-то порядка двадцати пяти миллионов вариантов. Цифра говорит сама за себя! Отсюда разные лю-

ди. Попробуй подобрать к каждому индивиду метод воспитания. Даже близнецы в утробе матери ведут себя по-разному, – не согласилась Инна. Ей хотелось поспорить. – Биологи уже забрались в такие глубины, что их начали одолевают бредовые идеи типа: «Человеческое сознание возникает на пустом месте? Есть ли семимерное пространство и сможет ли там жить человек или только его сознание? Будет ли компьютеру больно, если его отключить от питания? Поможет ли нам компьютер заглянуть в иной мир?» Раньше подобные вопросы считались фантастикой и метафизикой, а теперь их задают ученые.

Жанна наводящих вопросов ей задавать не стала. Поддакивать и подталкивать к беседе тоже не захотела, ограничилась неопределённым пожиманием плеча. Но Аня твердо стояла на своём:

– И, тем не менее, воспитание даёт положительные результаты.

И она заспорила с Инной. Но до Лены уже долетали только отрывочные фразы. И смысл их терялся.

– ...Хотят отредактировать геном человека и подстегнуть эволюцию?

– ...Подсаживают дополнительные гены животных и даже растений. Не ставят морально-этические вопросы... Имеем ли право вмешиваться в живую материю, в естественный ход развития?.. Решать за Творца? Использовать науку во зло человечеству?

– ...Мутируют. Родилось животное с лицом человека.
Ужас.

– ...Выживут только крысы и тараканы. Заскучавшее человечество сходит с ума...

– Я лично выделяла Фёдора из общей массы, – неуверенно произнесла Жанна.

– Вот это новость! – приподняла Инна высокие брови.

– Всё мое существо восставало против него, – пояснила Жанна, опережая возможные вопросы.

– Фёдор хоть по очереди женщин перебирал и «оприходовал», а Ритин так сразу к нескольким ходил пополнять свой багаж «знаний» и удовлетворять свои жеребьячи наклонности, – покривив свои тонкие бледные губы, прошептала Аня. – Это же разложение, падение ниже некуда! Он моральный урод.

– Талантливый растлитель, – рассмеялась Инна.

– Ты смеешься? Но это же страшно! – заволновалась Аня.

– Нет, это жизнь, – спокойно ответила Инна.

– Что до Ритинового бывшего мужа, так у него патология.

Не отдельные рецидивы случались, он постоянно «отрывался» на полную катушку. Поставил своё «дело» на поток и исполнял его с ловкостью человека, безнравственного от природы. Купался в своём «прекрасном Эдеме», просто горел этим. «Бедолага», еле успевал отряхиваться. «Как прелестен порок, как скучна добродетель!» Тот ещё повеса. Нашёл се-

бя в «публичном» доме. Он дальнобойщик или таксист. Говорят, его некоторые... рвали из рук друг у друга. Снискал себе славу. Любопытно, он со всеми подряд или выборочно? Наверное, ему всё равно с кем, лишь бы познать новую женщину. Рита как-то приподняла в его кабине шофёрское сиденье – кто-то подсказал, – а там залежи презервативов! Глаза муженька заметались, лицо задрожало от злости. Ну и сами понимаете... Рита сразу развелась, – доверительным тоном рассказала Аня.

– Не знал, что добродетель открывает дорогу в рай. Наблюдаю кризис морали. Наверное, он стремился к максимуму наслаждений с этими женщинами, но не мог его достичь без духовного контакта с ними, – строго заметила Жанна.

– Спать надо с достойными, – рассмеялась Инна.

– А сам был таковым? Я слышала, будто он ревновал жену к героям её взрослых книг. Ему казалось, что физическое и моральное наслаждение, которое испытывали её персонажи, – отголоски того, что она ощущала к кому-то, только не к нему, – сообщила Аня смущенно.

– Это надо же! – насмешливо фыркнула Инна. – Ритин муж напоминает мне мышь в одном из экспериментов учёных-биологов. Помните, она не могла ни есть, ни пить, только удовольствий жаждала. Так и погибла. А человек может силой своей воли контролировать и подавлять в мозгу центры порочных увлечений. В голове у нас существуют два способа, два пути принятия решений: эмоциональный и рацио-

нальный. Эмоциональная сигнальная система – быстрая, но часто выдает ошибки по причине необдуманности выводов. Как-то так.

– Большинство глупостей мы совершаем по причине несдержанности. Сначала надо потерпеть – посчитать до десяти, – и только потом принимать решения, – согласилась Жанна.

– Ритин бывший – человек со слабым интеллектом, у него в основном развита эмоциональная составляющая, как у мыши. Я думаю, он нас ещё не единожды удивит, тем более что для него количество «любимых» женщин – повод и пища для его тщеславия. А Федька просто насмотрелся ярких «громкоголосых» журналов. Хотя душа его и колобродила, одновременно на нескольких фронтах он не мог воевать, пороху не хватало. Не того калибра оружие, не того полёта птица. Пытался, но не потянул, жидковат для этого оказался. Он – маленький «герой» «большого» секса.

– Жидковат – категория не юридическая, скорее медицинская, – не присоединилась к насмешке Аня.

– Оба тщеславны. Женщины помutilи им разум, – не согласилась с Инной Жанна. – Еще бы, испытывают торжество плоти... над разумом!

– Они сами не знают, чего ищут в себе и в женщинах. Ходят туда, не зная куда, ищут то, не зная что, – предположила Аня. – Мужья Эммы и Риты слишком поздно родились. Им бы попасть в насмерть запрещённое сообщество времён

поэта Игоря Северянина «Долой стыд!» Вот где было бы им раздолье!

– Причудливые неологизмы жизни и поэзии того времени, когда гнев или растление гения только прибавляли популярности... «Глаза парят над головами...» «Лирический ажур его стихов», – медленно и задумчиво пробормотала Инна, что-то припоминая.

– В голове не укладывается странная, недоступная мне парадоксальность мышления их мужей. Мерзость вселенского масштаба! Как больно видеть такое в семьях! Как это скребёт мне сердце!

– Мышления? – в шутку переставила ударение Жанна, только для того, чтобы взбодрить приунывшую Аню.

– А спроси, почему они так себя ведут, ответят: «Хочу и буду». Не в состоянии осмыслить мотивацию своих поступков. Их лозунг: как можно меньше душевных затрат и максимум удовольствий. Казановы доморощенные. Только недостойны они этого звания, – сердито пробурчала Аня. – Они оправдывают своё развратное поведение неконтролируемостью порочного влечения и своей беспомощностью перед ним. Мол, секс глух к разуму. Только у взрослых людей выбор поведения – результат коренных убеждений, а не стихийных выбросов эмоций. Мне кажется, что поведение в интимной жизни – прежде всего духовное выражение личности. Ничтожного человека тянет на сексуальные приключения, на кратковременные иллюзии собственной значимости.

Самостоятельный мужчина не стремится на стороне утвердиться в собственной ценности. Его душа и зов плоти не конфликтуют. Он не испытывает страсть к женщине, которую не уважает. К проститутке, например. А если испытывает, то не может достичь истинного наслаждения – слияния физического и духовного. Любовь рождается из восхищения.

– Кем? С собой? – насмешливо спросила Инна. – Аня, что ты в толк не возьму к чему ты клонишь? Ты хочешь сказать, что человек, устремлённый к высоким идеалам и в интимной жизни стремится к истинно прекрасному?

– По-моему, да. Как бы тебе объяснить... Чувствовать глубоко интимное – это как искать связь между запахом, контуром и окраской цветка.

– Ну, не знаю... – удивленно протянула Инна.

– Если не знаешь, что сказать, говори правду, – насмешливо заметила Жанна.

– Какие-то странные фантазии и ассоциации. Тебе бы мужчин наставлять! – съехидничала Инна. А для себя заключила: «Мой горький опыт говорит о том, что у мужчин физическое доминирует над духовным».

– У преступников не задействован участок мозга, отвечающий за запрет насилия. И у мужей наших невезучих подруг тоже каких-то шариков-роликов в голове не хватает. И совесть у них спит или вовсе отсутствует, – заявила Жанна.

– Разбуженная совесть – источник огромной энергии.

Только не чувствую я в их мужьях силы, способной на созидание. Непонятно на что её растрачивают. Пусть меня извинят мои подруги, если я прямо скажу: некоторые мужчины, как я сегодня окончательно поняла, в этом деле вообще не включают мозги, – сказала Аня невесело.

– Для таких особей главное, чтобы им говорили о любви, а кто – им безразлично, – презрительно заметила Жанна.

– Интересно излагаешь. Но Эмма любила Фёдора! – возмутилась Аня.

– Ну и что? Это не спасает положения. Кому из мужиков это когда мешало? – рассмеялась Инна.

– Проехали, – раздражённо буркнула поставленная в тупик Жанна и с немым укором в глазах упёрлась взглядом «в лаконичную утилитарность» гостевой спальни мебели» – в матрас на полу. И чтобы отвлечься от неприятных мыслей, подумала с легкой усмешкой: «Когда к нам приезжают дети и внуки, интерьер нашего зала меняется аналогичным образом. Традиции – по бедности – те же, но цветовая гамма другая».

– От ума зрелость мыслей и поступков. От ума и вкус к жизни, – тихо сказала Лена.

«Только ум в каждом секторе жизни человека разный: в работе он одним способом проявляется, в семье – другим. Поведение в интимной сфере больше от темперамента зависит или от воспитания?», – задумалась Инна.

– Как Фёдор посмел так обойтись с Эммой? Это так унижительно! Она в согбенной позе... и перед кем?! Чувство собственного достоинства – это умение себя сохранить. Почему у неё не получилось? – сочувственно спросила Аня.

– Иногда «унижение паче гордости», – криво усмехнулась Инна. В интонации её слов Лена почувствовала острую боль, пронизавшую сердце близкого ей человека. Её руки автоматически мягко задвигались в темпе блюза по напряжённым плечам подруги, массируя их и расслабляя.

Аня наморщила лоб. На её лице читалась усиленная работа мысли. Она пыталась понять Инну, а может, и себя в предложенной ситуации. «Что в человеке самое ценное? Талант, с которым он родился? Все дети появляются на свет с какими-то способностями. Даже у моей дебильной подружки детства был дар поразительной силы – доброта. А Фёдор считает своим талантом и смыслом всей жизни блуд? Но ведь это просто жажда наслаждений, как у некоторых стремление к власти или к наживе. Значит, он так и не нашёл себя в чём-то существенном? Ни он сам, ни семья, ни школа не раскрыли заложенных в нём прекрасных данных? А без этого жизнь человека не может быть по-настоящему осмысленной, интересной, полезной. Неужели Фёдор прожил жизнь, не пытаясь в ней разобраться? Неужели секс так ослепляет и «обезглавливает»? Сколько же в нем человеческого? Он... как живот-

ное? – простодушно удивилась своему выводу Аня. – А вдруг он не хуже всякого другого? Не может того быть! Иначе весь человеческий мир давно бы рухнул. Почему Федор изменяет? Не любит? А где брак без любви, там любовь без брака».

Но вслух она ничего не сказала. Побоялась выглядеть в глазах подруг слишком наивной.

– Ха! Можно подумать, мужчины знают толк в женщинах, – усмехнулась Инна, вспомнив своих мужей.

– Они изучают нас только для того, чтобы управлять нами. Сенека утверждал: «Золото проверяют огнём, женщину – золотом, мужчину – женщиной». Гениально сказано, не правда ли? Впечатлило? – спросила Аня, довольная своей эрудицией.

Зная мнительность Ани, Инна, прежде чем утвердительно кивнуть, с удовольствием растянула паузу.

В комнате на какое-то время стало совсем тихо.

– И вот на наших глазах, в Эмминых огромных райкинских очах...

– И до тебя докатывались слухи, будто Эмма безропотно расплачивается за свою ошибку или сегодня впервые услышала? – прервала Инна Жанну.

– Хватит стонать, рабыня Изаура, – прошептала Лена. – Есть неписанный закон: не сплетничать и не злословить по поводу отсутствующих.

– Я сочувствую Эмме, – насупилась Инна и продолжила:

– Охмурил, усыпил бдительность и завоевал. Видно, это ему трудно далось: штурмовать, оспаривать, доказывать своё право владеть. Устал, отдохнуть захотел. Закрываясь ежедневной, бессовестной ложью, не стал он делить с Эммой хлеб дальнейших жизненных испытаний, легко отрешился от семейных забот. И с тех пор живёт в своём восхитительно простом беспечном мире, стремясь на максимум выжать из него всё ему интересное и полезное. А Эмма не умела, вернее, не могла следовать Федькиному примеру. Нянчилась с ним. Приняла эстафету от его мамы и гордо самостоятельно взошла на эшафот. Как сладко выполнять желания любимого! Знать бы ей заранее, какие муки стыда, горечи и разочарования ждут её в этом союзе. Опозорил Федька свою семью, в грязи жену вывалял. Собственно, нечто подобное произошло и с Галей, но там корни другие: сумасшедшая ревность мужа. – Инна не сладила с чувствами и уронила-таки слезу. *(Пробить её на слезу?.. Столь слабая защита от нахлынувших эмоций? Разве можно было такое себе представить ещё год назад! Скорее... забористый мат.)*

– Крепко приложила! Похоже, Фёдор – объект твоей горячей ненависти, – заметила Жанна.

– Не выношу его холодное рыбе равнодушие. Конечно, редко кому дано читать знаки судьбы, но Федька дал почувствовать Эммочке всю меру стыда за свою непорядочность и за её собственное бессилие – вот она и выпала в осадок. Здесь бы ей и поставить точку, сделать хотя бы первый шаг к

пониманию главного в жизни, но она, порабощённая любовью, терпела. И перестаралась. Дождалась, пока всё сплелось в неразрешимый клубок противоречий. Ей бы сразу муженька приструнить. Ведь не единичный был эпизод измены. Что теперь-то кукситься?

– Обуздать, стреножить, чтобы навытяжку стоял и руки по швам держал? Нельзя загнать пасту назад в тубик. Любить в рабстве? Если только в состоянии гипнотического транса.

– Федьку никто не держал, он сам не уходил. Эмма никогда не бросалась на колени, заклиная мужа не оставлять семью, не ударялась в слезы, подавляя желание устроить истерику. Ей претил этот старый как мир унижительный способ сохранения семьи. Ей ближе гордое молчание, – набросилась на Жанну Инна. – Федька, наверное, считал, что делает одолжение своим присутствием в семье.

– Своей нелюбовью Федор поставил Эмму на колени и уничтожил! Известно, что, смеясь, легче выживать, выходить из ступора и выздоравливать. А она даже взглядом всех отталкивала, боялась общаться, не хотела поддержки, – вздохнула Аня, крепко пропитанная настоями коллективизма.

– Боль выражать через смех? Ты сама-то пробовала шутить в подобной ситуации? Поделись опытом, – раздраженно возразила Инна.

«Она повергает меня в недоумение. Как быстро в ней разгорается «спортивный» дух спорщика! Надо срочно выправ-

лять ситуацию, пока она окончательно не завелась», – решила Жанна.

– По-моему, любовь в человеке живёт всегда – мы по законам вселенной подспудно стремимся друг к другу, – но когда она направляется на недостойных, то взаимодействие оказывается непредсказуемым и зачастую плачевным, – пасторским тоном поведала она. – Если человек любит кого-то, то достоинства любимого его восхищают и радуют, а недостатки умиляют. А тут... Боже ты мой! Жизнь Эммы – странное смешение всплесков радости, горечи и вспышек нервного возбуждения. Своеобразные составляющие... Это же атмосфера катастрофы!

– Эмма говорила, что такого ощущения подлинности любви до Фёдора не знала, – сказала Аня.

– Своей, но не его. Почувствуй разницу, – возмутилась Инна.

– Напрасно она скрывала свою беду. Обычная страусиная политика замалчивания, – опять высказала своё мнение Аня, меряя Эмму по себе.

– Осуждаешь? Мы за этим тут? О трагедии не кричат, – заметила Лена.

– Видимо, так для Эммы звёзды сошлись.

– Не звёздам надо верить, не Богам, а чувствам, – не согласилась с Жанной Аня.

– И что в результате этих чувств Эмма имеет? Столько лет стыдилась своего униженного положения, наедине со свои-

ми бедами оставалась. Ей бы ударить во все колокола, попросить помощи у друзей и родни. – Аня упрямо продолжила «долбить» своим мнением подруг.

– Обременять собственными проблемами, ждать сочувствия? Ты что! Эмме даже перед собой было неловко за всё, что с ней происходило, – раздраженно заметила Инна.

– От неё в студенческие годы исходила чистота, честность и открытость, а тут замкнулась, отеклась от внешнего мира, – вздохнула Жанна.

«Такой разговор – и на публику?» – поморщилась Лена.

– Проморгала Эмма своё счастье. Может, она упустила какой-то важный момент, укрепляющий семейные отношения? – спросила Жанна.

– Мне нравятся твои вопросы, потому что в них уже заключен ответ, – усмехнулась Инна. – Это Федька-то счастье? Да попадись мне такое дерьмо, я бы ему так впаяла, чтобы небу жарко стало! В два счёта выставила бы за порог.

– В состоянии отчаянной храбрости, замешанной на горе и ярости? Ты у нас всегда свои трудности переживала как интересные приключения.

– Да, я человек эгоцентричный, неудержимый, не люблю тишины, ищу бури. Я всегда жила как на вулкане: в состоянии мобилизации и на высоком эмоциональном уровне, – ответила Инна, швырнув в Жанну тем, что подвернулось под руки – подушкой, – и спокойно продолжила:

– Печальный вывод напрашивается сам собой: заела Эмму

кручина. И оставалось ей в слезах топить свою боль и расписываться в беспомощности. Представляете, как-то сказала: «Федю ничто не радует, ему ничего во мне не интересно. Я ничем не могу заслужить его расположения. Ему не нужны мои сложности, высокие материи. Они его раздражают и бесят. Он всё отрицает, всё презирает, над всем издевается, топчет красивое, доброе, искреннее. На флаг, на ура поднимает в себе самое худшее. И считает это нормальным. Он принижает меня. Говорит: «То, что тебя трогает, – ерунда, мелочь». И всё потому, что ему самому хватает общения на уровне тел. Стал как переходящее знамя, как приз от одной к другой, из рук в руки. А я корю себя и не могу простить себе единственную в жизни серьезную ошибку. Знать бы во что она выльется». В ответ я буквально вспыхнула дикой злостью: «Да бога ради! Да без вопросов! Вали куда подальше, пока целёхонек. Видали мы таких, готовых в любую минуту сбежать налево. Он же в восторге только от себя. Такие типы не умеют ни ценить, ни наслаждаться тем, что им дано».

– Инна, ты это о ком? Я что-то пропустила? – очнувшись от задумчивости, вскинулась Аня и тут же прикрыла еще пустые после кратковременной дремы глаза.

– Спи спокойно, я обычно присутствующих не имею в виду, – усмехнулась Инна.

– Фёдор всё получил из рук Эммы, но не стал её домашним животным, убежал туда, где ему интересней. Пошёл на поводу у своих инстинктов. Получается, принимая от жены

свидетельства её любви, уважения и обожания, сам не торопился предоставлять свои, – грустно сказала Жанна.

– Бывает любовь невероятной силы, над которой почти не властен разум человека. Мне кажется, она случается только раз в жизни. А у Фёдора их вон сколько. Это ненормально, – сказала Аня, теперь уже окончательно придя в себя, и направила на Инну свой пристально-внимательный, настороженный взгляд.

– Экая невидаль! Он одержим бесами необузданного вождения! У меня тоже не раз башку сносило от влюбленности в других мужчин, когда я бывала замужем за недостойными. Очаровывалась, была симпатия, восторг, трепет. Ну, чувствовала в груди предательское стеснение, ну, голова шла кругом. Рыдала, конечно. Думала: «Классный мужик! Какая мощная мужская энергетика! Вот был бы уникальный тандем! Но два огненных темперамента могут взорвать, убить друг друга или загасить». Вибрации чувств случались такие мощные, будто меня бросало на оголённые провода с напряжением триста восемьдесят вольт. Бывало, не могла спокойно пройти мимо обожаемого объекта. Готова была вцепиться в него губами, руками... Ничего не поделаешь – темперамент! Влюблялась как сумасшедшая, но не до полной же потери бдительности, чтобы не помнить себя. Ничего, брала себя в руки, успокаивалась. Понимала: дороже сохранить чистое обожание.

– Какие плотоядные желания! – усмехнулась Жанна.

– И всё от того, что мне не хватало внимания в семье. Это досаждало, бесило. Могла бы целенаправленно добиться своего. Мол, давай, смелее, и всё получится... Но я же понимала, что это моя излишняя возбудимость, а не дыхание судьбы. Не хотела быть разлучницей и за свою семью неслала ответственность. Умела останавливаться, не теряла соображения. Сознавала, что меня могут неправильно понять. Не запараллеливала любовь и влюбленность.

Конечно, мне нравилось играть на очаровании ветренности, чтобы кровь не прокисала, замирать от неожиданно нахлынувшей нежности и тревоги. Были мужчины-друзья, с которыми хорошо беседовать, были поиски настоящего, единственного... Всё бывает, когда живешь с мужем как с квартирантом... Жалко тех глупых лет. Но ведь пока разберёшься в своих чувствах... – созналась Инна и с насмешливым интересом взглянула на Аню. Но та не среагировала, а может, не захотела про себя откровенничать. Но о Фёдоре высказалась вполне определённо:

– У него не любовь – блудливость, круги на воде. Он, видите ли, непредсказуемый. Насобачился... по кустам. Пошлит – и в норку, к жене. А та пожинает плоды его вольностей. Он плыл по течению, куда влекла очередная профурсетка. (*Слово-то какое откопала!*) Простите, пассия. И даже не ужасался своей черствости. Он противен мне до омерзения. Нельзя давать воли страстям, потакать подлости и пошлости. Нельзя прощать предательство!

– Всё запрещенное интересно. Зачем ты так о невезучих женщинах? Коробит меня твоя безжалостность. Забыла шёпот искушения? Пробуди в себе память прошлых чувств. Никому не известно, отчего вдруг между двумя разнополюсными особями рождается не предполагаемая, ничем не спровоцированная взаимная страсть. Она как горячий ветер. Ночь, звёзды с блюдце. И вдруг полёт! И мир прекрасный и удивительный!

– Ты серьёзно? Страсть испепеляет. Скрывают стыдное, позорное, гадкое! – попалась на удочку Инниного трёпа Аня. – У моей подруги муж умер, а её душа до сих пор переполнена человеком, которого давно уже нет, его прошлыми глубокими, сильными чувствами.

– Только им? Только к ней?

– Всё-то ты опошляешь. Пропала в тебе романтическая приподнятость.

– Я не оцениваю прошлое с позиции увядающих сморчков. – Инна попыталась сменить горькую тональность Аниных эмоций на насмешливо-ироничную. – Если все наши высказывания сложить, получится несколько иная картина.

«Как всё у неё гладко сошлось и склеилось! Чтобы мне досадить, так сказала?» – включила свою мнительность Аня.

– И спросит Всевышний Фёдора пред вратами: «Любил ли ты кого-либо так, чтобы твоя любовь достигала вершин прозрения, или ты признавал только себя и свои желания?» – возвестила Жанна тоном проповедника.

Женщины не откликнулись на религиозные сентенции подруги.

– Да, прошла Эмма через горнило... Только смерть освободит её от многолетнего, глубокого до отчаяния разочарования, в которое повергла её жизнь с Фёдором. Холодно ей жить на свете. – Аня последней фразой выдохнула и свою боль несостоявшейся личной жизни. – Как хочется иногда пожить в детской счастливой справедливости! Это старость?

– Она самая. Ты у нас непревзойденный мастер пессимизма, – ответила ей Жанна.

– Оптимизм у меня украли ещё в детстве.

– И с концами, – подтвердила Инна.

– В сырой земле холоднее. Не кляни свою судьбу, каждый день встречай с радостью. Пока мы ругаем жизнь, она проходит мимо, – непререкаемо заявила Жанна и принялась кончиками пальцев нервно растирать виски.

«Даже когда злится, не забывает о том, что женщина всегда должна выглядеть изящно и грациозно. Инна зажала бы голову в основаниях ладоней», – произвольно мелькнуло у Лены.

«А Ленка хотя бы словом обмолвилась. Не интересно ей? Презирает нас? – с обидой подумала Аня. – В череде других фобий эта для меня особенно важная или обычная?»

– Муж – человек, который может защитить жену от всех бед, кроме себя. Если захочет, – засмеялась Инна.

– Я помню Эмму обаятельной, улыбочливой, непосредственной, трогательной, органичной и благожелательной. «С лицом небесной лепки».

– «В тени лиловой врубелевских крыл», – продолжила Инна мысль Ани строкой поэта Александра Межирова.

– И вот теперь она несчастливая, бездарно и тоскливо несущая свою перевозданную, собственноручно загубленную красоту. А у Фёдора всё с точностью наоборот.

– Ну, допустим, не бездарно и не собственноручно, а посредством постоянного подавления мужем, – остудила Жанна пылкий монолог Ани. – Когда любим, мы дарим себя, а мужчины часто не ценят легко достающееся даже в семейной жизни. Их все время надо на взводе держать, чтобы старались, добивались. Чтобы любовная лодка не разбилась о быт и держалась правильного направления, надо постоянно искать способы укрепления её курса.

– Можно подумать, Эмма не искала. Такими жёнами не разбрасываются. Ему, дураку, неслыханно повезло: женщина его любила, чуть ли не с радостью носила свои оковы, а он распоясался! – вспыхнула Инна.

– Эмма говорила, что, когда была счастлива, на крыльях любви летала и никогда не уставала. Когда ждала мужа, ласковая, нежная тишина окутывала её каким-то удивительным покоем. И всё, что происходило вокруг, как бы к ней никак не относилось. Настроение было точно ровная линия. Но стоило любимому появиться, она начинала кружиться, на-

певать что-нибудь беззаботно-радостное или бравурное. А теперь она вся изломанная, взгляд плывущий. Руки стали какие-то нервные, несуразные. Доброта тоже должна быть разумной, иначе она может такое натворить с человеком! – вздохнула Аня, как всегда, находясь во все-оружии своей незащитности.

– Эммино счастье расплзлось, как старая ветхая ткань, и она ухнула в обиду. Наверное, дурное в Федьке существовало всегда, но дремало до поры до времени. И вдруг очнулось, встрепенулось и подсказало, что не отягощён он морально-нравственными нормами. И снизошло на него «озарение» – новое видение своей семейной жизни, – съязвила Инна. – Вот и верь мужьям беззаветно. «Любовь моя – верши своё добро!» Вершила, чёрт побери!

– Только не брал он Фёдора, – по-своему быстро отреагировала Жанна.

– Можно подумать, у Эммы не было искушений, но она же держала себя в рамках. Влюблённость – радость, а любовь по большей части – страдание. Любовь без ревности, верная, верящая – святая! – провозгласила Аня.

«В ней интересно сочетается наивное, доброе и трагичное. Никакого интриганства, двойных стандартов. Легко с ней», – промелькнуло в голове Лены.

– Верить мужчине – значит, по меньшей мере, демонстрировать своё простодушие, а простота, сами знаете, – хуже воровства. Вот и судите, – сказала Инна. «Давно ли я сама это

поняла?» – напомнила она себе.

– А говорят, что простодушие одних делает других людей добрее.

– Таким, как ты, Аня, говорят.

– Фёдор ставку во взаимоотношениях с женой делал на агрессию, а опорой жизни Эммы были вера, любовь и доброта. Но теперь под натиском гадких фактов остался в ней только грустно-философский взгляд на жизнь. Горькую пилюлю преподнесла ей судьба. И как тут найти общий язык?.. Вот и сдала позиции. А муж для себя её трагедию превратил в фарс. Я к таким субъектам поворачиваюсь спиной.

– Анечка, поражаешь пронизательностью. Какие мы теперь все умные! – улыбнулась Лена.

– Я где-то читала, что в момент искреннего признания в любви человек открывается во всей своей потрясающей красоте, а Федька, когда они целовались...

«Надо думать, что скрывать, а что выносить... Пикантные подробности на весь белый свет? Это не тема для прилюдных обсуждений. К чему этот стриптиз? Вряд ли Эмма одобрила бы подобную обескураживающую откровенность. О сокровенном лучше не распространяться», – прошептала Лена на ухо Инне. И, сама того не замечая, стала отбивать кончиками пальцев на её плече нервный ритм.

Та отстранилась и посмотрела на подругу. В её глазах читалось: «Я лишь слегка приоткрыла правду об их взаимоотношениях. Сболтнула лишнее? Сверлишь гневным взгля-

дом, наставляешь на путь истинный? Неужели ты думаешь, что это меня остановит»? Но тон несколько изменила.

«Ну, хоть что-то», – усмехнулась Лена и прикрыла усталые веки.

– ...Потом, когда подозрения превратились в реальность – против фактов не возразишь, – Эмма уже ни на минуту не сомневалась. Вот тут-то вся её предыдущая жизнь с Федькой предстала перед ней в ином свете. Но она еще пыталась отсрочить развязку, оберегала свое железное чувство долга, укрепляла в себе стойкость к невзгодам, всё на что-то надеясь. А Федька, зараза, заложив большие пальцы за проймы модного жилета – помните его привычку? – зависал над ней в горделивой позе победителя. Самовлюблённая посредственность! Как же в нём властно заявили о себе новые желания! Таковыми оказались его воззрения. И это не шло ни в какое сравнение с тем, что Эмма от него ожидала. Штмп в паспорте не гарантирует незыблемость семейных устоев. А возмездие, как всегда, не торопится, чтобы воздать предателю. И жила Эмма в ощущении постоянных потерь, – похоже, довольная своей осведомленностью, эмоционально доложила Инна.

«Разговор об Эмме развернулся не так, как я ожидала. Он какой-то безнадежно вульгарный. Вот и поверяй подругам сердечные тайны», – нервно поежилась Лена.

– Устроила разбор полётов? Душераздирающая история.

Какие «муки счастья» еще преподнесешь? Певец страданий, и только! Ты у нас прямо-таки Шекспир...

– Доморощенный, самодеятельный, – договорила за Жанну Аня.

– Высказалась весьма исчерпывающе. Скорее уж Мопассан. Тронула сердце? – не признавая за Аней способности к иронии, спросила Инна.

– Я, к стыду своему, в их отношениях долго не видела признаков разлада или раскола, – повинулась Аня.

– А то бы фитиля вставила?

– У всех случаются маленькие размолвки. Я даже сначала отчаянно им завидовала.

– Ну, если подходить к людям с позиции презумпции невиновности и симпатии...

– Конечно, будучи у них в гостях, я кое-что замечала, чувствовала их замешательство, но в общую картину это не складывалось. Я считала, что всё у них устоялось и стабилизировалось. Выходит, ошибалась. Жаль, что Эмма увязла в болоте хронической «болезни» мужа, да ещё позволяла вить из себя верёвки. Она более чем кто-либо заслуживает любви и уважения.

– Коль чем заниматься, так уж по-настоящему, без халтуры и разгильдяйства, – съязвила Инна в адрес презируемого «субъекта».

– В мире нет ничего страшнее нас самих, – еле слышно пробурчала Жанна и грустно разродилась избитой шуткой:

– Так уж получается, что всё приятное в нашей жизни либо противозаконно, либо аморально или приводит к ожирению.

После некоторой паузы Аня, смущаясь, зашептала:

– Девчонки, может, наша многострадальная Эмма и Фёдор в чём-то друг друга не устраивали? Скажем, не подошли темпераментами или их биоритмы не совпадали. И вкус к удовольствиям и наслаждениям у всех разный. Кто-то гурман в еде, у кого-то склонность... к разврату – к этой пошлой разновидности физической «плотоядной» любви. Может, женившись, Фёдор не нашёл воплощения своих фантазий, вот и стала его привлекать пикантная таинственность замужних дам и разведенков.

– Когда каждый день тебя кормят пирожными, хочется чёрной засушенной корочки? – хихикнула Жанна.

Аня вдруг почувствовала отчаянную и, может быть, не совсем обоснованную потребность быть понятой.

– Я не ханжа, но не приветствую распутство. Жизнь подчас скучна и примитивна, а каждому хочется каких-то позитивных переживаний, ярких событий... Вдруг Фёдор решил претворить в жизнь свои трудно осуществимые, нешуточные сексуальные фантазии? Это его бесконечное, неукротимое влечение стало единственно желанным способом самовыражения, главной радостью. Оно звало, влекло, терзало, вызывало бурю неумных страстей. Он жил ожиданием

новых встреч. Возможно, в нём схлестнулись совесть и азарт. Может, сдерживая себя, он платил за это душевным покоем. Понимаете, к жене у него любовь, уважение, а тут страсть... Это мало с чем сравнимый комплекс чувств. И Фёдор как бы ощутил в себе способность к новому... прекрасному... к физическому разрыванию себя на грани возможного, к мощному взрыву эмоций. Ему было довольно странно и страшно чувствовать себя сверхспособным.

Не сразу он осознал себя обделённым. Вот и посчитал, что отважился на фактически невозможное чудо, потому что получил вызов, на который раньше не умел и не решался ответить. Даже представить себе боялся... А теперь должен совершить прорыв, – в возбуждении привстав с матраса, сказала Аня. – И вдруг он, не сумевший исполниться святости, одержимый демоном страсти – неуправляемой сексуальностью, или, как там её, – чувственностью, взорвавшую в какой-то неведомый момент его серую жизнь... будто проснулся. Он мечтал, мечтал, и только потом безоглядно бросился в бездну сладострастия как в буйное похмелье. Одна, ещё одна, ещё... Облом. И снова на поиски. Всё его внимание приковано к одному... В погоне за наслаждением он ничего не видит, не слышит... Для него это именно то, ради чего он живет... Он кожей чувствует... И на это поначалу тоже требовалось внутреннее мужество. *(Какая мозговая атака! Шторм!)* Это как болезнь, которая хуже, чем игра в карты и алкоголь. Он не может обуздать свой порок. Его словно пе-

реклинивает. Для него удерживать себя в рамках порядочности всё равно что убивать свою природу, естественное, мужское, здоровое проявление. Таким создал его Господь Бог. Его съедала страсть. Он такой – и ничего не мог с этим поделать. С его широкими запросами ему мало одной, двух, трёх... Саднила жажда новых впечатлений, жадность до сексуальных приключений. Азарт застилал глаза, оглуплял мозги. В нем кричала похоть. У него были крылья не из любви... а из пепла. Влюбляться и стирать!

Я бы тоже не против такой обоюдной любви. Чтобы лететь навстречу друг другу... Но только с одним на всю жизнь. Но страсть кратковременна. И мне это не подходит. А Фёдора, наверное, именно это устраивало. Потому что он часто вспыхивал. И тогда для него не существовало ни семьи, ни детей. Он не контролировал себя. В моменты страсти он не существовал как личность, жил под её наркозом. Помните, у Достоевского?.. И у Толстого. Наверное, трудно сохранять равновесие между страстью и порядочностью? Страсть заставляет людей ошибаться, совершать преступления...

Инна зашла в еле подавляемом смехе и ничком повалилась на подушку.

– Ну, мать, ты даешь! Фантазёрка. Но Федька, к сожалению, вовсе не такой. Я удивлена до крайности. Ты с такой яростью и искренностью пытаешься в поведении Федьки обнаружить причинно-следственные связи? Нашупала? Есть люди, которые неистово любят, а, впадая в гнев, до сумасше-

ствия ненавидят. Только подвиги хороши на пути благородства, а не распутства.

Жанна не поняла причины смеха Инны и строго процитировала:

– Единство духовного и плотского – это, может быть, одна из самых прекрасных нравственных ценностей. Она наиболее трудно достижима... для женщин. Я, например, только после тридцати лет, после рождения второго ребёнка, поняла вкус к сексу, а мужа всё равно любила. Поэтому сначала тоже считала, что духовное отдельно, телесное отдельно. Но при чём здесь Фёдор с его непорядочностью?

– Какая там духовность в сексе, если мужчина получает удовольствие даже при яростном нежелании женщины! Единение необходимо только нам, женщинам.

– Инна, я не думаю, что ты права, – сказала Жанна.

– Может, мы напрасно заставляем испепеляющее пламя страсти улечься? В этом есть некоторое противоприродное лукавство. Невозможно противостоять, если сердце настойчиво требует высоких амплитуд чувств. А если человек всерьёз ещё раз полюбил? Ведь есть же потребность верить себе, – осторожно продолжила свою мысль Аня, и румянец робкого смущения залил её бледное лицо. – Много вопросов задаю?

«Она до сих пор краснеет? Будто зарницей лицо полыхнуло. Растерянность звучит и в словах, и во взгляде. Какую тему подняла! Вот вам и тихоня», – подумала Лена, внима-

тельно изучая новое для себя лицо выступающей.

«К чему им мои откровения? Всё, о чем бы я ни говорила, Инна всегда оборачивает против меня. Я могу ошибаться. Это моя болезненная мнительность? Но ведь для неё имеют-ся причины», – грустно оценила себя и свой монолог Аня.

– Страсть – только одна из составляющих любви, дорогой мой страж справедливости и порядочности! Забыла, кому приходится расплачиваться за последствия сиюминутной сумасшедшей любви, этого неконтролируемого влечения? Это у мужчин авантюризм и мужская гордость обладателя. Ты могла бы простить неумение управлять страстью, если бы её следствием стало разрушение семьи? Думаю, нет. Я тоже, – вызываясь сдвинув брови, напустилась на Аню Жанна.

«Её волнует не что делать, а кого винить?» – удивилась Лена.

– Да-да, понимаю, сдерживающие факторы... – совсем уж робко, будто в своё оправдание, сказала сразу присмиревшая Аня. – А может, у Фёдора было сильно развито желание получать удовольствие и радость? Это отклонение? – бестолково залепетала она, совсем запутавшись в своих теориях. И окончательно затихла.

«Как откровенна! – растерялась Лена. – Может, она посчитала, что мы поймем её лучше, чем подруги по работе? Возможно, она не стесняется нас, зная, что мы как встретились, так и разбежимся, а её любознательность требует разъяснения и осмысления некоторых тонких вопросов».

– Откуда в Фёдоре эта хмельная в себе уверенность и надежда на возможность достижения никак не сбывающейся мечты? Кто и как промыл ему мозги? А спесь? Ну не из ничего же детства? – спросила Жанна и после некоторой паузы добавила презрительно:

– Понимаешь, Аня, у него не откладывалось в голове, что он подонок. Он счастливый человек!.. Ох уж эта пресловутая теория стакана воды! Вскружила голову мужикам. Видно, по сердцу им пришлась. Во времена Пушкина люди были более нравственны. Помнишь, как Аполлон Григорьев страдал и плакал... стихами, увидев на пальчике своей возлюбленной колечко? Какое целомудрие! В его строках навечно остались и любовь, и боль, и мука... узреть туфельку на ножке любимой было потрясением и очарованием. А видение на миг мелькнувших коленей вызывало у юных обожателей бурю тайных эротических эмоций.

Жанна романтично закатила глаза. Она явно не подыгрывала Ане.

– Раньше мужчины на портреты любимых смотрели, а теперь им порно подавай... О времена, о нравы! – вздохнула Аня.

– ...Страсть в этой замороженной рыбе? Да он спит на ходу! – бурно возроптала Инна. В этот момент Лене показалось, что у подруги нет лица, только огромные, горящие ненавистью глаза в тёмных полукружьях век. И она подума-

да, что все же глаза – самая заметная и самая выразительная часть на лице человека.

– Может, Фёдор только внешне такой?.. А вдруг положение, в которое он себя ставит, мучительно для него, расшатывает его устои?.. Инна, не смотри под руку, я начинаю волноваться и сбиваться с мысли.

– Аня, ты нам перед этим описывала наркомана или ма-
нюка? Тогда его лечить надо, – убеждённо сказала Жанна.

– Фанатичное увлечение профессией – тоже страсть, подобная наркотической, – сказала Аня, чтобы увести Жанну от её неожиданных выводов.

Но та почувствовала, что наличие любой, даже отрицательной одержимости приподнимет и оправдает в её глазах примитивного Фёдора. Этого она не хотела себе позволить, поэтому продолжила свою линию нападения:

– После страсти ничего не остается, кроме горечи и тоски.

– У кого как. Муж одной моей подруги говорил: «Брось свои стирки и приборки. Я это сам сделаю. Ты мне не для этого нужна». Наверное, трудно лишать себя удовольствий, – выдержав выразительную паузу, осторожно предположила Аня и тут же сконфузилась, встретившись с полными любопытства глазами Инны, и нервно затеребила край подола своей ночной рубашки. Две другие слушательницы, шокированные наивной откровенностью Ани «по чистой случайности», дружно отвели свои безразличные взгляды в разные стороны. И в воздухе повисла деликатная пауза.

– Оправдываешь Федьку? Ах, какая извилистая траектория судьбы, какой запутанный лабиринт жизни! В них затаённый трагизм несчастной, неудовлетворённой души великого человека! Ты ещё скажи, что Федька святой и падший в одном лице! Любящую, единственную разменял на десятков других... И кто же это на пустом месте привил ему чувство собственной исключительности? Ему всё позволено! А люди с чувством долга, верности и ответственности обязаны исполнять его капризы, терпеть, служить ему? Ха! В глазах других женщин он видел тайны Мира и глубину Себя!

– Какая простая и верная мысль! – поддержала Жанна ехидный настрой Инны.

3

– Объясните мне, бестолковой: почему мужчина бросает прекрасную во всех отношениях жену с двумя детьми, положившую на алтарь семьи карьеру, здоровье, жизнь, и женится на пьющей, разбитной стерве? Боится ей слово против сказать, выполняет все её капризы, переписывает на нее дачу. Я бы поняла, если бы он ушёл к более молодой, красивой или умной. Но она – черт-те что и сбоку бантик!

Ответом Ане было молчание. И она сменила тему.

– Есть предел, до которого женщина способна закрывать глаза на фокусы мужа. Но Фёдор его постоянно расширял, просто через него перешагивал. Такому лучше бы вовсе не

жениться. Ему нужен «дом свиданий», – в робком смущении, запинаясь, добавила Аня, чтобы смазать впечатление от своей неожиданно наивной речи. – А если там, у тех женщин, болезни, наркотики? Они смертельны... И СПИД рядом. Тоже не дай Бог. Почему не боится занести жене? Ему надо искать что-то более морально-нравственное? Оно сослужило бы хорошую службу?... – продолжила растерянно и бессвязно бормотать Аня.

Произносимое ею превосходило любые ожидания подруг. – В наших рядах СПИД? Тормози, старушка. Не боишься сорвать «овации»? – сказала Инна и наградила Аню непоощрительным шлепком по спине. И тут же спросила себя: «В её словах бывает хоть доля лукавства или она и на него не способна?»

– «Знаем слово мы в слово приговор твой суровый». Брось кривляться, отвяжись от Ани, – неожиданно взвинтилась Жанна и замолчала от внезапно возникшей между нею и Инной отчуждённости.

– Да не дергайся ты, – отмахнулась от неё Инна. – В отличие от Ани я всё про Эмму сразу поняла. Аня у нас теоретик, у неё огромный опыт только неразделённой любви, от которой не бывает... физической ломки.

Аня не обиделась на Инну и заступничества Жанны не приняла, но продолжила неуверенно:

– Супруги разбегаются, когда один из них требует невозможных вещей, когда надоели друг другу до чёртиков и

больше нечем завлечь. Может, Фёдору не хватало в жизни мечты, цели? У женщин всегда есть перспектива. Они то детьми, то внуками, как гроздьями винограда, обвешаны. А мужчины, если на работе не клеится, ищут отдушины. Кто пьёт, кто по женщинам... Есть тяга к перемене мест, а бывает к перемене... женщин. Что же делать, чтобы сохранить семью, когда всё серо, буднично, обыкновенно и... зачастую нудно-противно? Или секрет крепкой семьи давно утерян?

– И тебе пришло время обнажать скрытые пружины механизма семейной политики? – удивилась Инна.

– Настаивать на неотлучном присутствии мужа в семье? Терпеливо вести постыдную жизнь в надежде, что он остепенится? Разве есть универсальные рецепты? Кто-то из наших друзей сказал об Эмме: «Она истинно русская женщина: стойкая и трогательная, мужественная и одновременно такая слабая!.. Сильная, когда дело касается других и надо помочь, но ранимая и неуверенная – если ее. Она верная, надёжная и решительная, но иногда на удивление беспомощная. А возле мягкой женщины, как правило, появляется недостойный мужчина». Что тут можно посоветовать?.. Если уж Эмма несчастливая, то чего уж мне было трепыхаться? – В голосе Ани звучало тоскливое отчаяние. – Я в принципе, познавателью... У одной моей знакомой статная фигура, мощный темперамент, острый, но не злой язычок – полный набор прекрасных качеств, – а счастья не было. Бывало, шла – толпу рассекала! Мужчины оглядывались, вслед

смотрели, а муж не замечал её достоинств. Но она не уходила от него – дочь у них, – и по сути дела сама семью содержала. И вдруг муж в пятьдесят лет в школьницу влюбляется! Ни уют, ни умопомрачительные борщи и соленья жены ему больше не нужны. Нос от них воротит.

История получила неожиданное развитие и завершение: через год он отбыл с молодой женой в неизвестном направлении, чем, конечно, страшно всех озадачил. А меня что-то неприятно толкнуло изнутри: «Бедная девочка! Её ожидает крушение надежд по всем статьям. Куда её мать смотрела? Ну, был бы хоть «мужик – только держись!» – молодой необъезженный мустанг. А то ведь так себе, старая развалина: капризный, вялый, сухой какой-то. Не та харизма». Может, он изменится и станет героем? Мужчины не умеют себя трезво оценивать и соизмерять свои желания и возможности? А Сократ говорил, что «непознанная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой».

– Давай, равняй всех по гениям, – буркнула Жанна.

– И на бровях этому горе-жениху случалось приходиться, в хлам пьяному. Бывало, назюсюкается, «подгробет» к подъезду, а подняться на пятый этаж не может. Жена забирала, доволакивала. Какая-то у нее Христова любовь к нему была. Правда, красивые слова ее муж по молодости умел «петь». Я ему иногда говорила, мол, нельзя вам пить, вы слишком быстро деградируете нравственно и умственно. Пока не употребляли, вы любили жену, а теперь демонстрируете ей свое

неуважение. А-а... бесполезно мужчине о чем-то толковать, если мозги у него чем-то затуманены. Не важно чем, – безучастным голосом закончила рассказ Аня и плашмя устало плюхнулась на матрас.

– Не сплетничай, – сделала ей замечание Жанна.

– Я же не называю имен, – с негодованием огрызнулась Аня и продолжила:

– Может, у мужчин есть юношеская любовь и любовь зрелого мужчины?

– Ищешь дураку оправдание?

– Да уж, наверное, не дурак, коль молоденькую охмурил. Жалко глупышку.

– А первая жена обездолила без муженька? Небось, наконец поняла, какое ярмо сбросила, – рассмеялась Инна.

«Истории о плохих мужьях – Анин Клондайк, и повод для продолжения разговора», – подумала Лена.

– Один мой коллега десять лет добивался своей дамы сердца, укротил-таки ведьму. Но принесло ли это ему счастье? Когда слишком много ожидаешь, получаешь разочарование. Мне так кажется. А одна моя подруга второй раз замуж вышла, но первого мужа не отпустила. По сути дела, обоих при себе держит, не может выбрать между ними. Первого к себе зазывает, и он приходит. Почему?

– По правде говоря, звучит заманчиво, – рассмеялась Инна.

– Она подумывает к нему вернуться? Может, уже и засо-

биралась? А зачем тогда разводилась? Гарем завела. Вот и пойми их всех... Наверное, есть вещи, сознательное объяснение которых невозможно.

Аня растерянно развела руками. У нее, как всегда, на все случаи жизни нашлись примеры неудачных или оригинальных судеб своих знакомых. Но они не прибавляли ей понимания жизни.

– Говорят, женщину «просчитать» труднее, чем мужчину. Сегодня она мягкая и пушистая, а завтра коготки выпустит. А я легко предвижу поведение героев в фильмах, потому что их создают в основном мужчины? – спросила Аня.

«Вышла на новый виток муже- и женоненавистничества», – недобро подумала о ней Жанна.

«Вот ведь натура у Аннушки! Почему концентрируется в основном на несчастливых судьбах? Изучает?» – удивилась Лена.

– А может, не надо стремиться глубоко понимать друг друга? Иначе жить станет неинтересно, – сделала неожиданный вывод из своей речи Аня.

– Надо, Федя, надо, – всем известной фразой из кинофильма серьезно ответила Инна. – Анюта, ты хочешь создать «теорию равновесия» семейных отношений?

– Куда мне! – отмахнулась та. – Это ты у нас не страдаешь недостатком воображения и логики.

– Судьба – сумма случайностей и, похоже, она не всегда выбирает лучший вариант для своих объектов-субъек-

тов. Стоило ли Эмме сохранять свою семью? Я бы сказала Федьке «пока!», и все дела, – заявила Инна. – А Эмма в любой ситуации выбирала семью. Даже ценой нечеловеческих усилий.

– Что касается Федора. Надо выяснить, что ведет его по тропам распущенности. Главное, поставить правильный диагноз, а потом подобрать «лекарство», – уверенно сказала Жанна.

– И начать упражняться в благородстве? Перебьется! Но ты у нас крупный специалист по семейным патологиям. Вальд, советуй! – издевательски ласково разрешила Инна.

– А если человек не может освободиться от любви, если она как неизлечимая болезнь в нем застряла? – снова задала риторический вопрос Аня.

– Придется повеситься, – с серьезной миной отреагировала Инна.

– Самоубийства случаются, если люди зацикливаются на себе, на своих бедах, – не менее серьезно заметила Жанна. – Лучше развестись и переключиться со своего горя на проблемы детей. Не усмирять свой характер надо, а менять акценты.

– Здравсте-пожалуйста! А я о чем толкую? Эмме с Федькой давно надо было разбежаться по разным галактикам.

– Инна, умерь свой пыл. Аня, хочешь знать рецепт счастливой семейной жизни? Мужчине надо давать то, что он желает, но сам еще об этом не догадывается. Способ, проверен-

ный веками. Я бы именно с этого начала.

– Поясни, что ты имеешь в виду. Жена должна увидеть в муже то, что он сам в себе не видит? Она подсознательно должна это почувствовать? Как женщине угадать желания мужчины? – растерялась Аня. – А если он захочет юную особу? Помолодеть ни у кого не получается. Молодости ничего не противопоставишь. По понятиям мужчин и ум, и доброта ей проигрывают, поэтому возможность такого варианта я даже рассматривать не буду.

– У Федьки другие запросы. Проще. Он из тех: куда смотрит «перископ», туда же и «башня». Слышала такой анекдот? И еще он из тех, которые за комплименты кого угодно продадут. Такие руководствуются в своей жизни не делами людей, а их словами, – рассмеялась Инна.

– Жанна, ты не ответила на мой вопрос, – капризно поджала тонкие губы Аня.

– И ты на мой тоже, – отшутилась та. Но пояснила свой тезис:

– Разнообразить надо семейную жизнь. Спокойная – даже счастливая – подобна монотонной поездке с постоянной скоростью. Нужны положительные встряски, вспышки встречных составов. Необходимы новые и лучше если долговременные увлечения. Понимаешь, самой надо благоверному желания придумывать, с учетом его характера, и направлять по ним. И тем выставлять заслон нежелательным явлениям. Ты помнишь Олю, мою подругу по оркестру? Так вот, чтобы

супруг не забаловался от безделья, она нахваливала его деловые качества, а потом, когда он уши развесил, сад ему купила. Он там уже много лет дом строит, а она рядом счастливая ходит, цветочки выращивает. Божественная гармония! Надо менять не только привычки мужа, но и его желания, потому что они – двигатель жизни. В этом я вижу залог надежности и стабильности семьи. И еще. Француженки говорят, что если мужу не нравятся твои духи – поменяй мужа. Так это шутка. Если человек тебе дорог, ты сама тоже обязана смирять свой нрав. Дружно жить в семье, не меняя своего характера, не получится. Где-то на мужа надавишь, в чем-то сама подладишься. Семья – это сплошные компромиссы. По-другому поступать недальновидно.

– Сад всучила! Козел везде капусту сыщет, – со скучающе-досадливым выражением заметила Инна.

– Менять себя, свою суть, чтобы понравиться мужчине? Стоит ли оно того? – неуверенно пожала плечами Аня.

– Маленькое резюме: мои советы не догма, а руководство к действию. Ладно, предлагаю еще один, самый простой способ: советоваться с мужем по всем проблемам, даже самым мелким. Это возвышает его в собственных глазах: он царь и Бог, он герой! Беспроигрышная тактика.

– Посвящать мужа в каждый свой чих? Вываливать ему на голову все свои проблемы? Себя глупой выставить? В поддавки играть! Такого удовольствия я мужчине не доставила бы. К тому же на ниве вранья ни у меня, ни у Эммы никогда

не было заметных успехов. И второй вариант я отмечаю, – с жаром запротестовала Аня.

– Ты слышишь глас народа и смеешь пренебрегать общим мнением многих поколений жен и выражать несогласие? По какому праву? – рассмеялась Инна.

– Иногда нужно немного проиграть, чтобы много выиграть. Живой интерес к себе надо подогревать тем, что нравится мужу, что он любит в тебе. Вот тогда и доживешь с ним до «своего отчетного периода». Есть еще один метод: не указывать мужчине на его недостатки, не злить. Безотказный прием. Мужчины не любят, когда им в лицо тычут справедливой критикой, напоминают об их плохих или неудачных поступках, – продолжила советовать Жанна.

Брови Инны недоуменно выгнулись.

– Хотят, чтобы их любили и уважали больше, чем они того заслуживают?

– Да. Это им необходимо, чтобы чувствовать себя комфортно, – авторитетно подтвердила Жанна.

– Во всем надо соблюдать меру. Видела я на родительском собрании одного захваленного мужа. Он просто светился от осознания собственного «великолепия» и желания похвалы. Он жаждал ее как наркоман. Мне хотелось подойти к нему и сказать: «Не воспринимайте себя и свои заслуги слишком серьезно, будьте скромней. Сравните себя не с теми, кто хуже вас, а с теми, кто много лучше», – сердито возразила Аня.

– Не замечать недостатков мужей? Потому-то некоторые из них в мужской компании гордятся не достоинствами, а своей подлостью и непорядочностью, да еще с самодовольным смешком. Горазды трепаться, когда больше особо нечем выделиться. И по глупости, сами того не желая, изрядно себя подставляют. Сарафанное радио, я думаю, не женское изобретение. Однажды... – тут Инна перешла на заговорщицкий шепот.

Но Жанна не дала ей высказаться.

– Возражений не принимаю. Я вот иногда тоже критикую Колю, приходится. Но с улыбочкой это делаю, чтобы в подтексте всё равно звучало: люблю, ценю, прощаю. Мужчину усмирить можно только лаской. Их надо холить, лелеять, «поливать» комплиментами. Они, как хрупкие цветы, без этого вянут.

– Расщедрилась! Жеманничать? Многоходовая ситуация. Не по наущению, своим умом дошла? Бог с тобой! Такой совет меня и подавно не устраивает. Я не сильна ни в кокетстве, ни в легкомыслии. Можно подумать, ты нашла новый, неожиданный ракурс решения проблемы! Опустись с небес, приземлись. Эмма много лет улыбалась мужу, и что? И эта твоя версия рассыпалась в прах, – ответила решительным отказом Аня. У нее даже вырвался нервный смешок.

– Неужели Жанна сказала что-то, чего кто-то из присутствующих не знал? Аня, а ты надеялась установить с мужчиной суровый молчаливый контакт? – вклинила замечание

Инна. Не утерпела, чтобы не проехаться.

– Язвительность тебе удастся гораздо лучше. Она не идет ни в какое сравнение с твоим юмором, – кольнула ее Жанна.

– Юмор и не твоя сильная сторона, – мгновенно отреагировала Инна.

Но Жанна уже обратилась к Ане:

– Разве ты не замечала, что женщины, использующие слабости мужчин, добиваются своего счастья с большим успехом, чем умные, но прямолинейные. Мужчины хитрят и лгут для нашего закабаления, а ты отказываешь женщинам в такой малости, как кокетство?

– Я за честные отношения, без виляний и унижений, – заупрямилась та.

– Все-таки ты идеалистка, – недоверчиво покачала головой Жанна, не обращая внимания на «перестрелку» подруг глазами.

– Да куда уж быть практичнее?

– Запомни, умной и хитрой женщине всякий мужчина подчинится.

– Не всякий. А от подчинения некоторых мужчин тошнит. Они кажутся еще более противными, – брезгливо передернула плечами Инна.

– Всё, сдаюсь! – шутливо подняла руки кверху Жанна. – Какие способы ни применяй, стопроцентную гарантию счастья может дать только Господь Бог и то, если пожелает. В противном случае хоть обревись – все равно не удержишь

мужчину, уйдет, и никакими калачами не заманишь, если у него тараканы в голове завелись... «Ариадна разбрасывает нити судьбы, а мы их на лету ловим или с земли подбираем». И неизвестно, кому какая из них достанется и какой из нее получится узор. Во все времена были грешники и праведники, умные и не очень. Нравственное состояние общества зависит от количественного соотношения в нем плохого и хорошего.

– Жанна, а если мужчина упрям как баран и дух противоречия превосходит в нем все остальные качества, что посоветуешь? – поинтересовалась Инна.

– Надо запрещать ему делать то, что на самом деле необходимо выполнить.

– Он с удовольствием воспримет любой запрет, только бы ничего не делать. Да еще в «благодарность» восполнит отсутствие изящества мыслей и речей чем-либо... покрепче, – насколько могла нейтрально сказала Инна и перед ее внутренним взором замелькали «незабываемые» картины ее собственного общения с мужьями. Они оставляли желать лучшего.

И даже Аня почувствовала по воцарившейся паузе, что Инна меньше сказала, чем скрыла.

– Мы часто судим о многих вещах не по подлинникам, а по их приукрашенным копиям или по тому, что сами себе вообразили. Отсюда ошибки, – сделала свое вкрапление в разговор Лена.

– А мне кажется, что мужчина сам знает, что должен, чего не должен делать, – заявила Аня, не вникнув в Ленино замечание. И уловила тихий смешок, донесшийся со стороны, где лежала Инна, а потом и грустные слова:

– Это верно в случае, если он на самом деле умный, тонкий, понимающий, добрый, снисходительный. Такого сама не станешь обрывать, дергать, направлять. С таким можно всё спокойно обсудить, выяснить. С ним одно удовольствие что-то вместе делать. Только где же таких гладких, без острых углов мужиков отыскать! Может, они когда-то где-то были, да все вышли.

– Как все мужчины предсказуемы! Любовница моего знакомого чинила ему бушлат. Так он хвалился мне, мол, какая она хорошая, заботливая, все руки ради него исколола. А когда жена делала то же самое, он не замечал, – возмутилась Аня.

– Вот тебе наглядный урок. Надо было афишировать каждое свое деяние, а не считать свою работу делом обыденным. Мужья, пока им под нос не сунешь, не видят трудностей, которые жены преодолевают, и не ценят заботы о себе, – вынуждена была признать Жанна.

– Так почему же женщины теряют этих предсказуемых?

– Потому что мы считаем их лучше, чем они есть на самом деле, – объяснила Жанна.

– Ты знаешь, мой знакомый потом жалел, что поддался

любовнице. Он с ее ребенком так общего языка и не нашел, и свои дети после развода любовью к нему не пылали, хотя бывшая жена не только не запрещала, а, наоборот, сына к нему подталкивала, приваживала. Совесть его замучила. Рано умер. А ведь в принципе добрый был парень, только легковверный и слабохарактерный.

– Нет чтобы вернуться в первую семью. Гонор не позволил?

– Любовница такой фейерверк с его разводом на весь город устроила, после которого отступать ему было некуда. Хитрая, опытная. Жалко мужика. Он сдуру пожаловался ей на проблемы с женой, а она и воспользовалась, приголубила. Пожалела! Будь мужиком, я бы вернулась и этим унизила бы любовницу, – выдала свою версию Аня.

– Уходят мужчины из семьи, когда верят, что кто-то их подберет и обогреет. Только теперь таких дурочек немного. Были, да почти все «вымерли» в условиях мужского душевного холода и безразличия. Как динозавры. Некоторые, правда, поодиночке в своих норах отсиживаются. Выживают только стервы, которые ради квартир подлавливают глупых мужиков. Таким бабёнкам и черт не брат. Да ладно, шучу я, – усмехнулась Инна. – Хотя в каждой шутке только доля шутки.

– Надо чаще напоминать нашим мужчинам слова поэта Андрея Дементьева: «Не впадайте в благодать. Без женского пристрастия и упора нам эту жизнь вовек не обуздать», –

сказала Жанна.

Женщины разговаривали еле слышно, словно не желали нарушать камерности обстановки, а на самом деле чуть смущаясь затронутой темы.

– А что мужчина должен делать для сохранения семьи? – спросила Аня. Вопрос прозвучал наивно, но Жанна ответила:

– То же самое, что и женщина. Заботиться. Русскую женщину легко сделать счастливой. Она не требовательная, не забалованная ни жизнью вообще, ни мужчинами в частности. Плечи расправит, нос на Полярную звезду – и вперед, на борьбу с трудностями!

– По мне так радость – главный стимул жизни, ее топливо. Все трудности человек преодолеет в надежде на дальнейшую радость, – сказала Аня. – Без нее, как без солнца.

– И без воды, и без воздуха, – насмешливо добавила Инна.

– ...У моей подруги была прекрасная семья. И вдруг муж влюбился. Теперь водку как воду глушит. Все у них в семье кувыркком пошло. Он изнемогает от любви, а уйти не может набраться смелости. Шлейф старых семейных проблем его назад тянет.

«Аня опять не преминула привести конкретный пример из жизни своих знакомых. Похоже, умеет она заговаривать чужие беды, перетирая их в сочувствие. Вот и исповедуются перед нею», – подумала Лена. Она еще полностью не стях-

нула с себя остатки дремоты и пыталась привести в порядок разбегающиеся мысли.

– Боится разочароваться в той, второй. В мечтах всё идеально. Но когда всё слишком стерильно, то так и кажется, что именно там должна быть масса секретов и неувязок? – предположила Жанна. – Когда мой знакомый влюбился, я у него спросила: «Стоит ли твоя подруга того, чтобы ради нее менять свою жизнь? Может, сначала детей доростишь?»

«А потом всю оставшуюся жизнь жалеть об упущенном счастливом времени?» – ответил он.

«Воображаешь, что оно будет для тебя счастливым? – усмехнулась я. – Опять ты только о себе? Когда человек начинает думать о других, все в его семейной жизни становится на свои места. Может, выход из ситуации там же, где и вход? Иногда бывает так, что за счастьем далеко ходить не надо, а мы не видим его, всё мчимся куда-то. Издали оно кажется и ярче, и слаще? Большие мечты часто идут в комплекте с большими нагрузками, так сказать, с тяжелыми прицепами... Ведь снова будут пеленки-распашонки, бессонные ночи... И возраст будет о себе напоминать».

– Каждой жене хотелось бы, чтобы в ответ на приставание другой женщины ее муж ответил: «У меня хорошая семья, и мне этого не надо». Да еще тоном, в котором звучало бы честное, грозное предупреждение! Сказки венского леса. Приятно иногда предаваться фантастическим мечтам. Мужики считают, что, отказывая женщине, они теряют свое

мужское достоинство. Они боятся показаться слабаками в глазах любой женщины, кроме жены. Для них это хуже смерти, – как кошка фыркнула Инна и напустила на себя холодно-неприступный вид. – Как по-разному мы с мужчинами смотрим на одну и ту же ситуацию!

– По мнению юмориста Жванецкого, «идеальная жена та, которая возбуждает и успокаивает», – вспомнила Жанна недавнее выступление артиста по телевидению.

– Не в бровь, а в глаз. Четкое мужское понимание брака! Вот что для них в жизни главное! А ты: дети, внуки.

– От первого до последнего вздоха для человека самое важное – семья, – уперлась Аня. – Услышать бы от Жванецкого понятие идеального мужа.

– Это определение должна придумать женщина.

– Переадресовала и успокоилась? Учитывая душевную и эмоциональную сложность женской природы, боюсь, определение не будет так однозначно, – серьезно заявила Жанна.

В комнате наступила звенящая тишина. Подруги пытались формулировать.

– Идеальная жена, оказывается, годится не каждому, – вздохнула Аня. Она намекала на Федора.

– И все-таки у Эммы не все дома. Столько лет пребывать в полном неведении! Отдуться за двоих! Свидетельствую долговременное завихрение помрачившегося от любви сознания, – насмешливо высказалась Инна.

– Противоречишь себе: то жалеешь Эмму, то насмехаешься. Ты способна уничтожить в человеке самое лучшее.

«Преувеличения и обобщения – Анины слабости, – мысленно отметила Лена. – Шумит, разоряется, а во взгляде все та же готовность к жертве. Я не скуплюсь ей на «комплименты»?»

– Жестокая ты, – почувствовав поддержку Ани, Жанна продолжила воспитывать Инну. – Эмма просто не знала, как к мужу подступиться, не умела сдерживать «бесчинства ошалевших стихий его сердца». Ты бы научила ее отторгать и забывать беды, чтобы они не продлевали страданий. Она же, наверное, мечтает избавиться от своей ненормальной любви, стать спокойной, непроницаемой для боли, безразличной к мужу. Она устала бороться с ненавистью, с жалостью к себе. Ты бы подкинула ей свой рецепт. У тебя, я слышала, хорошо получается справляться с самыми трудными семейными проблемами. Ты же у нас пофигистка. (*Знала бы она, чем платит Инна за маску самоуверенности!*) Но ты, я вижу, не в меру заносчива, – тихо и вкрадчиво добавила она.

– А в меру можно?

– Нужно.

«Ну, если бы сгоряча или по недосмотру, а то ведь нарочно выпендривается. Воображает, что её ай-кью зашкаливает и ей все позволено, – подумала Аня об Инне, сердито дернув себя за непокорный вихор. – Ей бы над собой так издеваться. Была бы реальная польза».

«Ох уж эта мне шоковая, назидательная педагогическая терапия! Ох уж эта большевистская интеллектуальность...», – вяло мелькнула в голове Лены ироничная мысль непонятно в чей адрес.

Она одними глазами мягко укорила Инну, мол, сделай одолжение, и та будто спохватилась:

– Прости, увлеклась.

«Фу, пронесло. Меня точно жаром обдало. Лена вмиг поставила подругу на место. Знать, ее влияние не иссякло, – преждевременно порадовалась Аня. – И Жанна правильно поступила, осаживая Инну», – привычно, по-учительски рассудила она.

– Бисмарк говорил, что только глупцы учатся на своем опыте, – сказала Аня.

– Мура все эти изношенные осточертевшие фразы! Только дураки прикрываются «обломками» чужих философских мыслей, – раздраженно откликнулась Инна.

– Усомнилась в правильности его изречения? Хочешь конкурировать с великими мыслителями? Тебя не пугает глубина их мыслей и чувств?

– Они тоже были людьми.

– Но какими!

– Я лучше тебе слова Гиппократу приведу.

– Не откажу себе в удовольствии послушать.

– «Брак – это лихорадка навыворот: он начинается жаром

и кончается холодом».

– Да он был с юмором!

– Скорее, обладал иронией. Видать достали его семейные радости.

– Для Эммы брак – не приключение, а обязанность, выполняемая с любовью. Для нее рай – это любовь, счастье в семье и высокое чистое небо над головой, – с уважительной симпатией сказала Аня.

– И где она очутилась со своей любовью?

– А для Федора счастье – это, прежде всего, свобода и блуд. Только пресытиться удовольствием, как и наркотиком, невозможно. Это явления одного порядка, – предположила Жанна.

– А для меня такое пристрастие – шоколад, – как-то совсем по-детски сообщила Аня.

«У каждого свои слабости: Инна прикрывает обиды остервенелой иронией, Федор реализует комплексы количеством... Такого типа мужчина меньше обидится на критику своих умственных способностей, нежели на сомнение в его мужских возможностях. Ладно бы только он...» – вздохнула Лена. Настроение ее покатило как санки с горы.

– Вот говорят, снисходительность порождает ложь и зло, а доброта развращает, – продолжила серьезный разговор Аня.

– Говорят, говорят... Все мы в той или иной степени страдаем пороком «говорильни», – усмехнулась Жанна. – Особенно педагоги.

– В гробу и в белых тапочках я видела всех философов. Я доступно излагаю? Может, и мне покопаться в хламных закромах моей памяти и выдать что-то совсем уж свое, но страшно замысловатое? Я запросто и всегда – пожалуйста.

Охотников выслушивать Иннины перлы и вникать в предложенные Аней теоретические взаимоотношения базовых, нравственных понятий не нашлось.

– ... Упал Федор в моих глазах ниже некуда. Я не уследила, что было первопричиной разлада в их отношениях. Ведь не на пустом же месте сложилась такая дикая ситуация? Обычно эта «хворь» – хождение налево – симптом неудавшейся семейной жизни. Я не хочу создавать собственную реконструкцию их жизни. Объясните мне ее суть в общих чертах. Что и почему у них пошло не так? Может, Эмма сама чего-то не учла, вовремя не распознала, не додумала, что для Федора самое важное в жизни, вот и пошло у них всё вверх тормашками, – сказала Жанна.

– Эмма виновата? – вскипела Аня.

– Где корни проблем ее семьи? – настойчиво спросила Жанна.

«О Боже, сейчас опять завяжется долгий, нудный разговор», – занервничала Лена.

– Как с ножом к горлу пристала. От праздного жгучего любопытства до сплетен и злословия один шаг. И пойдут круги по воде, – завредничала Инна и окинула Жанну испытую-

ющим взглядом. – А потом задним числом удивляемся... Во избежание эксцессов...

– Опять эти намеки и восточная уклончивая недосказанность. В кои-то веки вырвешься из дому, приедешь, а тут... на тебе – обвинение. Если человек всегда поступает правильно, ему не нужно завоевывать доверие. Оппоненту достаточно разумно проанализировать его прежнее поведение и сделать вывод. А вот тот, кто почему-то упорно желает заручиться доверием другого, сам часто имеет нечестные намерения. И это верно независимо от того, признается он себе в этом или нет. Никаких дурных мыслей у меня нет, и не может быть. Я живу на краю света, проделала долгий путь, чтобы встретиться, а ты... Плохо ты меня знаешь. Я от чистого сердца, из добрых побуждений, из сочувствия к Эмме, – взялась сердито и обидчиво оправдываться Жанна. – Может, ты ревнуешь меня к ней?

– Скажешь тоже! Начало твоей дружбы с Эммой восходит к временам студенчества, а мое – с детства, что особенно важно. Мы в одном дворе жили до того, как родители отправили меня в деревню и возложили заботу обо мне на бабушку. Освежила свою память? Вот под знаком этой предваряющей информации и рассуждай теперь уж без оговорок. Кстати, почему вы перестали переписываться? Некогда, быт заел?

Жанна не пожелала ответить.

– Бернард Шоу говорил: «Я счастлив потому, что мне

некогда было подумать о том, что я несчастлив», – сказала Аня, желая хоть чем-то успокоить начинающих заводиться подруг.

И добавила грустно:

– Порой мне кажется, что в семьях с детьми люди становятся еще более уязвимыми, беззащитными друг относительно друга, чем живя порознь. В жизни на их пути – всё время «ремонт дорог». Дети становятся серьезным аргументом в спорах родителей. Не лучше ли сразу изживать из сердца любовь, пока она там не укоренилась? Ох и странная это авантюра под многоговорящим названием «брак». Я, конечно, понимаю и допускаю...

«Все-таки Жанна несколько поверхностна. Как Евтушенко писал? «Поверхностность, ты хуже слепоты». С ее стороны несколько бесцеремонно вторгаться в чужое запретное. Ей мало того, что с излишней откровенностью уже выдала Инна? Ах, если бы люди были хоть немного более чутки друг к другу!» – вздохнула Аня.

«Однако же, недурно сказано про занятость! Эти слова очень подходят Лене», – подумала Инна, но хвалить Аню и развивать предложенную тему не захотела.

– Инна! Не заставляй себя упрашивать. Рассказывай. Не подкачай, – капризным тоном попросила Жанна. – Аня, твое предисловие что-то слишком затянулось.

– Хочешь что-то услышать – лучше помолчи, – огрызнулась Инна, но к повествованию приступила решительнее.

– Исполняется впервые... – мною! – артистично начала она, но под взглядом Лены осеклась и с патетики перешла на деловой тон. – Запасись терпением, долгая история, доложу я тебе, двумя словами не обойдусь. Я не стану блокировать подробности и расскажу все как на духу. Сведения достоверные, так сказать, исключительно из первых рук, из уст самой Эммы. И, как в шутку говорят, я знала, «что она знала, о том что я знала», но помалкивала. Я ничего не выведывала, не выуживала, не вызывала Эмму на откровенность. Она сама со мной делилась, сама душу свою обнажала.

Инна заметила искорку интереса в глазах Жанны и с удовольствием продолжила «тянуть резину»:

– Раньше я по рукам и ногам была связана обещанием. Эмма просила ни под каким видом не открывать ее тайны, даже не упоминать ее имени в разговорах. И я до сегодняшней ночи скрывала, что много лет служила ей жилеткой для слез. Глупая, гордость долго не позволяла ей даже передо мной полностью открываться. А я сама не приставала, речи об их семейных неурядицах первая не заводила, но внушала: «Освобождайся от боли, легче станет. Чаще вспоминай счастливые моменты». Но Эмма отвечала, что ей трудно думать о чем-то радостном, когда сердцу больно, когда тоскливое не покидает голову. Собственно, она права. А теперь, когда всё уже вышло наружу и рассекретилось... Даже я шокирована спонтанным откровением Эммы. Видно, вином язык развязала. А может, накопилось в душе сверх меры... Не ста-

ну томить, совершу экскурсию в ее прошлое, хотя это невыразимо трудно. Неважные подробности, конечно, опущу.

4

– Не завидно сложилась Эммина жизнь. Во-первых, я не могла понять, чем Федька ее покорила, чем сразил наповал. С наскоку взял своим трёпом? Он же селедка замороженная, белоглазая. Ха! «Холодная парадность его лица!..» В его геномном аппарате явный дефект. Он же скучный, неэмоциональный. Услышать от него что-то восторженное по какому бы то ни было поводу невозможно. И вдруг у Эммы такая мощная, яркая любовь к этому, с позволения сказать... Не тот портрет предпочла сделать иконой. Ладно. Не стану предварять события.

«Знаешь, что такое мучительная, разрушающая тебя любовь? – спрашивала меня Эмма. – Это когда тебя нет, вообще никого нет, везде только он один. Я во всех мужчинах видела Федю».

Меня испугало то, что Эмма была слишком взволнованна, и я попыталась перевести наш разговор в иное русло:

«Один философ писал, что «всякая усиленная привязанность приносит страдания». Крайности в любом деле вредны. Возьми хотя бы сыроедение. Ешь морковь, капусту, репу. Но зачем употреблять рыбу и мясо без термообработки?»

Но Эмма не потеряла своей нити в разговоре:

«Федя – мое наваждение. Я не могу противиться его гипнозу. Я будто им зомбирована, душой прикипела к нему намертво. Не отскоблить. Весь мой мир сузился до одного человека. Никто мне больше не нужен!»

«Верю, со мной тоже нечто подобное случилось, – отвечала я, подавленная полнейшей невозможностью облегчить беду подружки. – Мало того, что я презирала любимого человека, я его просто жутко ненавидела, и тем не менее никак не могла сбросить бремя постылой безнадежной зависимости, потому что влекло меня к нему как мощным магнитом. И не пугало меня все большее обнажение им своей неприглядной сущности. На меня какой-то умственный паралич напал, когда он был рядом. Я словно оказывалась в своего рода долговременном психологическом ступоре. Мужчин, находящихся в таком состоянии, не страшит ни развод, ни потеря детей.

Но не пора ли тебе прозреть? Тот, кого ты обрядила в одежды Бога и вознесла до небес, на самом деле не более чем посредственность. Почитать мужа за добродетели, которых он не имеет? Вкалывать ему на пользу? Ты соображаешь лучше него, а он не позволяет тебе высказывать свое мнение, поступать по своей воле. Он распоряжается твоей судьбой, как своей. (*Инна настолько сведуща?*) Наглые люди часто управляют мягкими и умными. Разумно ли это?

Федька не сомневается, что ты будешь верна ему до конца своих дней, но, когда ты заболеешь или вовсе свалишься, он

найдет себе другую жертву. У таких мужчин нюх на добрых и порядочных женщин. Человек не должен жить ради другого, если только это не малый ребенок. Люди в семье должны соучаствовать друг в друге. Твой Федька хочет незаслуженной любви и восхищения собой, требует от тебя посвятить ему жизнь, а сам в принципе не способен на полную отдачу кому бы то ни было, кроме себя. Да еще и относится к тебе с изрядной долей насмешки.

Ты сама себе цель, а не средство для осуществления прихотей мужа. Такая власть держится на молчаливом согласии жертвы, которая мирится с деспотизмом. Вот твой муж и застолбил за собой право командовать».

«В семье мне хотелось, чтобы муж до мозга костей понимал меня. Я стремилась к сотворчеству, а Феде надо было доминировать», – согласилась со мной Эмма. – Как-то при очередной ссоре Федя спросил меня: «Ты хочешь быть правой или счастливой?» Я ответила, что для меня эти понятия рядом стоят. Если я не права, я несчастлива и стремлюсь исправить положение дел. А что ты понимаешь под своей фразой?» «Я уже сказал: или-или», – усмехнулся он.

«Он благоденствует, пока ты позволяешь пахать на себе. Быть терпимой к мужу только ради его права на мнение, отличное от твоего? А если оно закабальет тебя? А он терпим? Это называется жить по разуму, отрицая разум. Вот и пусть катится со своими эгоистическими сентенциями куда подальше! Я, конечно, не вправе подозревать, что всё у вас

именно так и есть, но...» – тяжелым, как налитым свинцом голосом внушала я Эмме.

– Это совсем уж... слишком. Надо соизмерять в себе... – возмутилась Аня не то поведением Федора, не то откровенностью Инны. – При такой зыбкости отношений я бы не стала длить годы обид и надежд. Сама бы ушла.

– И я знаю такое, – деликатно слукавила Жанна, чтобы интересная тема продолжилась. – В жизни и похлеще бывает. Странные существа эти мужчины. Моя подруга ушла с ребенком, а бывший муж остался жить в ее квартире. «И не было изгнания подлей». Многое во взаимоотношениях между супругами открыл мне этот случай. Мой собственный дед оставил красавицу жену, великую труженицу с двумя малыши детьми ради женщины, которая умела только отдыхать и развлекаться. Спасая себя от таких мужчин, я старалась не находиться в опасной зоне.

– Круг очерчивала, как в гоголевской байке? – усмехнулась Инна и продолжила рассказ.

– Помню, Эмма признавалась мне с беспросветным отчаянием в голосе: «Федор был такой необыкновенный! Любили. Целовались так, словно не могли насладиться, насытиться. Казалось, мы нашли друг друга и крепко вцепились... Я сама себе завидовала. Он пожирал меня глазами».

«И это взгляд решил твою участь, поставив жирную точку в твоей судьбе», – попыталась я остановить Эмму.

«Врезалось мне в память его ликующее лицо перед одним из наших свиданий. И закрутилась карусель любви. И я счастливо растворилась в нем... Обычная романтическая предыстория. Я никогда не допускала мысли об изменах, верила, что стыдливый, совестливый. Он – моя первая осознанная любовь, мой единственный мужчина. Он стал смыслом моего существования. Я считала, что должна деятельно участвовать в жизни мужа и обязана сделать его счастливым».

Инна продолжила Эммин монолог, прерванный недовольным взглядом Лены:

«Правда, иногда по ночам неведомо почему в мое сердце закрадывалась какая-то непонятная грусть, но я не считала ее предчувствием беды. Ведь сначала шли рука об руку, мечтали, строили прекрасные планы. Был ряд неуловимых и, как я теперь понимаю, безошибочных признаков лжи, но я не верила этому и относила их к своей необоснованной мнительности. А оказалось, что созданная моей верой неуязвимость мужа и возможность безнаказанности кружили ему голову. Мысли Феди четко работали только в направлении своей выгоды, и он быстро отбился от семьи. Боюсь, его поведение уже перешло ту грань, когда прощение в общепринятом смысле уже неуместно и невозможно.

Разве много мне было нужно от Феди? Ощущение покоя и защищенности. И чтобы они ограждали меня не от будущего, а от прошлого, от того, что я видела в семье мамы. А

огребла предостаточно чего угодно, только не надежности. Я уже не жду от него понимания».

«Он ответит за свою неразборчивость и тогда поймет, что семья – это непреложно. Судьба позаботится об этом, – зло сквозь зубы пробурчала я. – Верила! Презумпцию невиновности ставила во главу своих взаимоотношений в семье! Вера – это щадящая форма самообмана. Принцип «доверяй, но проверяй» меня никогда не подводил. А ты даже в ваших ссорах не хотела искать симптомы глубокого разлада. Всё списывала на его маму, на нездоровье и нервы мужа. Жалела его. Оставь жалость достойным. Воображение часто играет с нами злые шутки. Мы часто живем иллюзиями, которые заводят нас невесть куда. Придумываем себе героев и молимся на них, пока они не оседлают нас. Ха! «Как мы любим их, восхищаемся ими, пока они не разочаровывают нас своим присутствием»... Поведение твоего мужа – ясная иллюстрация моего тезиса. Нет, я, конечно, признаю за мужчинами несомненные достоинства... если они присутствуют в них. Федька – твой Порт-Артур, твоя Цусима. Для таких мужчин жена – нечто прикладное, не имеющее самостоятельного статуса».

Я говорила тихо, монотонно, в надежде усмирить, усыпить эмоции Эммы, а она снова и снова пыталась разобраться в своих чувствах. В ее взгляде я читала массу вопросов.

«Я любила безоговорочно, без всяких оценок. Никому не пожелаю подобного. Не приходи ради, не от скуки или оди-

ночества меня к нему потянуло. Мое чувство было выше любого бытового житейского счастья. Мне казалось, что все люди, которые общались с Федей, отнимают у меня время, которое я могла бы провести с любимым. Моя любовь была так сильна, что я ничего плохого вокруг не видела, а если и замечала что-то по мелочи, то тут же забывала. В таком состоянии я обреталась целый год. Но оно отпустило меня, когда мы поженились. Любовь моя сделалась осмысленной, спокойной, без бурной страсти, но всеохватывающей. Не знаю, можно ли любить сильнее. И я почувствовала себя по-настоящему счастливой. Я старалась рассмотреть в муже хорошее, перетерпеть то, что мне не нравилось. Уже в самом начале с Федей и его мамой было непросто, болезненно непросто, но я любила мужа и всё прощала. Я же понимала: мама есть мама. И ничего тут не поделаешь. Придется мириться с ее сложным характером. Я даже пыталась с ней подружиться. Но душами мы с ней так и не приняли друг друга. У нас никогда не было близких отношений. Ты представляешь, она требовала от меня не нарушать устоявшийся порядок вещей, хотела моего полного слепого подчинения!»

«Какое «позитивное» начало семейной жизни! Твоя любовь как мягкий ровный благодатный свет, а у Федьки – лишь отдельные эротические вспышки. И ты с тупым добросердечным упорством норовила его перевоспитать? Только не ты, а они тебя ваяли, под себя хитро приспособливали, «прошивали» так, чтобы тебя в семье не стало видно. Та-

ков был их хитрый многоходовой расчет. Но тебе это казалось душевно-интеллектуальной близостью. Пойми, Федька – не причина твоей любви. Он только объект приложения твоей прекрасной способности любить», – с болью в голосе разубеждала я Эмму.

Жанна остановила Инну и поделилась своим наблюдением:

– Был у меня эффектный, с офицерской выправкой парень, трубку с длинным чубуком курил, красиво ухаживал. С ума я по нему сходила. Пожаловалась своей хорошей старшей подруге, тете, мол, и с ним не могу и без него тоже. Так она мне четко выдала: «Замуж надо выходить за того, с кем можешь и без кого можешь. Иначе будет сплошная маята. Доверяй своей природной интуиции, не торопись в чувствах, чтобы они длились всю жизнь». Она понимала меня и мой характер. И я сочла за благо ее послушать. И не разочаровалась в своем решении. Я и дочке, и внукам своим, а заодно и их подружкам говорила и продолжаю говорить, чтобы боялись слишком много и красиво говорящих юношей. Они этим к себе внимание привлекают. Хотят всем нравиться – это их сверхзадача, – потому что себя больше всего любят. Замуж надо выходить, будучи хорошо подкованной, теоретически вооруженной, чтобы и словами отбрызгать могла, защищая свое достоинство, и чтобы за «практикой» дело не стало, если понадобится. Я советую им не ждать принца на

белом коне, а искать человека близкого своей душе.

А еще я им предлагаю не заикливаться на мужчинах, потому что найти достойного – задача не из легких. Мужчина – это только часть вашей жизни и при том не самая надежная и часто не самая позитивная. Может оказаться, что без мужчины вам будет лучше, чем рядом с каким-нибудь психом или дураком. В жизни много чему еще можно радоваться».

Инна недовольно покосилась на Жанну, но выговаривать ей не стала. Продолжила рассказывать.

– А много позже Эмма писала мне с трагической иронией: «В глазах Федора всегда было что-то еще, кроме того, что я понимала о нем».

«Ларошфуко говорил, что «истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто её видел». Ты это подтверждаешь?» – шуткой отвечала я Эмме.

«Не могла я решить: искреннее чувство у Феде или нет. Он не проявлял себя... И попала я в плен света, исходящего из его глаз. И была ослеплена им».

«Было бы чем ослепляться! – злилась я. – Эмма, запомни, уверенная женщина говорит мужчине игриво: «Смотри не влюбись в меня!» или «И за что это я тебя люблю?», а неуверенная спрашивает: «Ты меня любишь?» И никогда не показывай, что ждешь его звонков.

Только чувствовала я, что она слабо воспринимала мои слова, не доходили до нее мои, казалось бы, очевидные истины. Вот и напоролась. А в результате – холодная сиротли-

вая постель и редкие минуты счастья с детьми на фоне постоянного семейного кошмара.

Жанна выразила свое мнение:

– Понимаешь, Инна, несмотря на массу прекрасных данных, у Эммы, наверное, энергетика жертвы, притягивающей к себе злую судьбу. Мистика присутствует в жизни женщин, сживающихся с ролью неудачниц, таким в мужа попадают либо спасатели, либо тираны. Эмме не повезло. Качество ауры человека зависит от наследственных черт и от условий жизни. Очевидно, в детстве семья не способствовала развитию уверенности в ее характере.

– Так ведь с отчимом жила, – напомнила Аня.

– Напророчила! Не отвлекай, – рассердилась Инна на Жанну.

Успокоившись, она продолжила свой рассказ.

– «Жизнь – печальная штука, если она без иллюзий и мечты, – говорила мне Эмма. – Всем нам хочется верить, что ради нас любимые поднимут алые паруса. Для меня любовь – это воздух, которым я дышу. Всё в жизни имеет смысл, если оно освещено любовью.

Магию обаяния – этот момент яркой индивидуальности – разгадать невозможно. А у Федора она была фальшивая. Где радость от совместного проживания, где многоцветье эмоциональных красок? Я его считала легким, артистичным, порыцарски благородным, а он играл. Иного пошиба оказался,

с пустой душой. Только печали множил. Но и этот факт не стал поворотным пунктом в моей жизни, потому что я не представляла себя вне брака, даже когда наши отношения висели на волоске. Не готова я была к такому повороту событий. Я еще доподлинно не понимала, сколь несовершенна его любовь ко мне, что то был камуфляж, прикрытие... Ни тяги к возвышенному, ни воли в быту... Прекрасное почему-то всегда хрупкое. Счастье или эфемерно, или недолговечно...

Я пыталась понять мужа, а он меня – нет. И это показатель его отношения ко мне. Он отвел мне место рабыни. Вот и ношу постоянно за плечами мешок с обидами и сбросить не могу. Я мечтала насладиться заботой и преданностью любимого человека, наполнить нашу жизнь гармонией и светом, слиться с его чувствами и мыслями, но все его фразы – вытяжка из мнений матери, с которой он до сих пор крепко связан невидимой пуповиной... толщиной с канат и верой в то, что он только ее собственность, и ее слово для него – закон. Не удалось мне разрубить гордиев узел их взаимоотношений. «Святая наука – расслышать друг друга» оказалась Феде недоступной. Я не нашла в его душе ни созвучия, ни отклика. Запланированное счастье не получилось. Дорога к нему мне заказана. Не скоро я поняла, что люди не меняются. Мы с ним «гвозди из разных стен...» Чем он сполна отплатил мне за любовь и преданность? И после всего этого он считает, что я обязана великодушно прощать его безнрав-

ственность?»

«Плохи твои дела. Любить и прощать молот, который вгоняет тебя в гроб? Мы нуждаемся в обществе хоть сколько-нибудь себе подобных, а Федька не чувствует чужой боли и не видит чужой души. Это ему неинтересно. Он не умеет любить простой человеческой любовью, когда любят кого-то, а не себя. Ох, я бы ему припомнила все обиды!»

«Молодыми мы не знаем, через что нам придется пройти в своей жизни. Понимаешь... Федя хочет делать мне больно... и делает. Для него нанесение обиды – наглядное свидетельство его превосходства. Я даже себе не могу признаться в этом. Ничто не может объяснить мне его поступки. Ну, были бы какие-то неполадки, проблемы с моей стороны. Истеричная воинственность, например, или стремление переспорить. Но ведь нет же. Я совершенно не капризная. Претензий не предъявляю, не пилю, упреков не высказываю, что бы не навлечь на себя его раздражение... Хорошо, когда ощущение радости жизни у человека вызывает красота. А у Фе-ди... я устаю от постоянного негатива, исходящего от него».

Взгляд Эммы сделался тусклым и холодным.

«Я каждый раз наталкиваюсь на Федин бессознательный эгоизм. А ему даже не приходит в голову, что он что-то делает плохо или неправильно. Я ему спокойно, без надрыва разъясняю и доказываю свою правоту, он соглашается с моими доводами, но тут же о них забывает. Он не воспринимает их сердцем, они не проникают в него, не прививаются. Он

может несколько раз за день поменять мнение по одному и тому же вопросу, потому что не имеет собственного. Откуда ветер сильнее подует, туда и склоняется. Мне это непонятно. Казалось бы, умный, так отчего же в нем эта странность?.. На него ни в чем нельзя положиться. Обещает, но никогда не выполняет. Подводит и в большом и в малом. Он человек без внутреннего стержня.

А иной раз скажет какую-нибудь глупость и настаивает на ней до изнеможения. Федя человек без чувства меры. Зачем на ерунде заикливаться? Стоит ему подметить в человеке какую-нибудь неприятную для него мелочь, и тот становится для него абсолютно невыносимым. Он быстро разочаровывается в людях, потому что не имеет к ним снисхождения. Мы все далеко не идеальные. Люди ему прощают много большее, а он этого не замечает и тем еще больше усугубляет неловкость в общении. И в моих глазах он не боится упасть. Вот так постепенно рушится его облик. Слабый, развращенный, с безудержным интересом только к своим желаниям... Меня изводит непонимание. Я прихожу в отчаяние.

«У вас обоюдное соревнование в жестокости?»

«Бог с тобой, как можно! Только с его стороны. Он ревнует меня к прошлой жизни, к той ее части, в которой его еще не было, и даже к профессии, и к моему успеху. Ему нужна удобная, серенькая жена, вот он и принижает меня до необходимого ему уровня».

«Было бы желание, а точку приложения своей ревности

всегда можно придумать. Кондовый мужик! – с внезапной злостью выпалила я. – У него не возникает потребности раскаяться в своих грехах?»

«Федя не считает свое поведение недостойным и тем более греховным. Он не признает своих недостатков и ошибок. Как-то не выдержала и решила на примере пояснить ему свою мысль, рассказав маленькую историю из своей юности. «Ехали мы в гости к родне отчима. Машина таксиста сломалась и нам пришлось перебираться через перевал верхом на лошадях. Я страшно боялась упасть в ущелье: дрожа всем телом, вжималась в седло, двумя руками вцеплялась в гриву и даже глаза закрывала, когда мы оказывались на очень узком участке дороги. Моя лошадка все время отставала от остальных «путешественников», потому что ощущала мой страх, сочувствовала мне и, оберегая свою трусливую наездницу, шла очень осторожно, мелко переступая передними ногами и притормаживая на крутых спусках задними. Спину она буквально в дугу изгибала. Я чувствовала, как напрягается ее сильное тело, я видела, как внимательно всматривается она в камни, на которые ей предстояло наступить. Она расслаблялась только когда мы оказывались на ровных, достаточно широких отрезках пути». А ты человек, но не умеешь беречь, жалеть и сочувствовать», – печально заключила я свой рассказ. И ты думаешь он тронул моего мужа? Федя умеет так уйти от неприятных ему вопросов, что потом трудно к ним вернуться».

«О Боже, Эмма постоянно чувствует себя несправедливо обиженной! Не стала бы ее горькая и такая навязчивая обида серьезной потребностью, приводящей к неадекватной оценке событий. Как удержать ее в границах? Только ли выслушивая ее бурные, жалостливые возлияния или еще жестко критикуя? Может, поводить ее по магазинам, отвлечь? А что? Мощное терапевтическое средство, мне помогает от депрессии. Нет, не в ее случае. Тут необходимо что-то более радикальное, – вела я сама с собой душеспасительный диалог. – Вот говорят, что страдания делают людей людьми. Не всех. Кого-то они могут сломать и превратить в зверя. Что же Федора сделало жестоким?»

«Помню, впервые совсем чуть-чуть замаячило передо мной смутное недоверие. Но оно не застряло в мозгу. Я отгоняла от себя подобные мысли, не хотела замечать очевидного, мол, откуда взяться беззаботно-беспощадной наглой подлости? Это немислимо! У нас светлая, безоглядная, радостная любовь. Горло перехватывало от одной только мысли, что такое у кого-то бывает. Добрые юношеские мечты, что ли, привили мне неистребимую безмятежную веру в людскую порядочность? Не хотела смотреть в глаза реальности, вот и жила в мире иллюзий... Я же раньше была веселая, улыбчивая. Меня в университете называли солнышком. Все считали, что у меня легкий, уживчивый характер. А Федор загубил и потушил меня», – с грустью говорила Эмма.

«Всё когда-то бывает в первый раз, – хмыкнула я в ответ

ей невесело. И подумала, насмехаясь над собой: «Первый раз трудно исповедоваться, сознаваться в позоре, а потом ничего, даже с юмором плачешься».

«Сначала мои коллеги сделали легкий проброс, упомянув о возможных изменах, мол, этот случай не может быть простым совпадением. Пытались раскрыть мне глаза, занести бациллу недоверия. Но внутри меня ни один маячок опасности не блеснул. Я не кокетничала с мужчинами, не давала повода дурно говорить о себе. Правда, иногда некоторые мужчины неправильно понимали мою открытость, но я, заметив это, прямо и откровенно разъясняла им ситуацию. Я не ревновала мужа, потому что была уверена в своей порядочности, и Феде верила как себе, пока...» – Эмма замолчала.

«Трудны только первые сомнения в непогрешимости», – заметила я с большой долей сарказма.

«Обращу твое внимание на тот факт, что посеянные сомнения опять не дали богатые всходы. Сердце только на миг упало в предчувствии беды. Не подключилась я к расследованию. Не могла себя заставить. В разумность такого поведения мужа не верилось. Ведь Федя присутствовал во мне как центр, как смысл и необходимость бытия, потому что только с ним я связывала ощущения настоящей радости, полноты жизни и счастья. Особенно я тосковала, когда он уезжал в командировки. Я была предана Феде в каждом мгновении нашей жизни и от него ждала того же.

Я отвечала коллегам, что не располагаю подобными сведениями и у меня нет оснований не верить мужу, что все их доводы из области предположений, недобросовестная заварушка, фатальная мешанина фактов. Уверяла, что их подозрения напрасны, мол, все это ложь от первого до последнего слова. Не возводите между нами стену недоверия. Кто-то проверяет нас на вшивость. А может, у кого-то из вас нервы развинтились. Даже кое с кем рассорилась. Дело чуть не дошло до раздора в коллективе, потому что многие сотрудники сочли меня слишком самонадеянной».

«Вымыслы нужны для остроты сюжета. У-у... жалкие шептуны! Как часто в жизни злое меньшинство заявляет громче доброго большинства. И в политике такое не редкость», – комментировала я слова Эммы, увлекая ее в область, далекую от личных бед.

«Но слухи поползли. Вслед за первым известием как лавина с горы посыпались другие, еще более гадкие факты во всей их неприглядности и наготе. И во мне впервые шевельнулось чувство, о существовании которого в себе я не подозревала. Не описать, как разволновалась. Всем моим существом овладела мысль, которую я раньше, отчаянно переубеждая себя, силилась не допускать в свое сознание».

«Положение не из приятных. К сожалению, такой поддельной реальностью подменяют свою жизнь большинство людей. Рады обманываться, только бы сохранить иллюзию стабильности», – с суровой нотой в голосе заметила я. И

спросила, интимно понизив голос:

«Послушай, Федька такой... темпераментный и горячий? Не верится что-то».

«Как бы тебе объяснить... Скорее... сладострастный, что ли. Моя душа просила исцеляющей чистоты и красоты отношений. А тут такое... Я боялась потерять рассудок от обрушившихся на меня бед. Ведь чем сильнее любишь, тем тяжелее выносить разочарование. Мне хотелось умереть, чтобы вся эта грязь сразу исчезла. Но дети... Кажется в Евангелие от Матфея написано что-то типа: бойся тех, кто не тело, а душу убивает», – тоскливо и обреченно, но терпеливо объясняла мне Эмма.

«Твое желание продолжать верить мужу в значительной степени продиктовано страхом перед оскорбительным для тебя знанием. Это обыкновенная самозащита. И ты, онемевшая от ужаса перед тем, что еще могут поведать коллеги, чуть не падала в обморок. А они потом, уже как бы в порядке вещей, просто, без выпендрежа докладывались? Преподносили факты, так сказать, пропущенные через собственное восприятие? – подталкивала я Эмму к откровенности. – Раскрывая глаза, осчастливливали... себя. Сволочи. Гадюшник, серпентарий! Это равносильно полостной операции без наркоза. Ох уж эти мне сплетни о семейных дрызгах и неурядицах! Врагу не пожелаю».

«Заронили и, указав на факты, укрепили подозрения, навели на страшные думы. И кто только не прикладывал к это-

му свои... языки! Сколько неловкости, стыда и боли причинили! В сердце стонала безысходность и отрешенность. В горле клокотала обида. И пошатнулся привычный мир. Я словно потерялась во времени. Мне не нужна была эта правда. От нее хотелось убежать, скрыться.

Оказывается, одна моя завистливая коллега вступила на тропу войны, стала тайной сообщницей моей свекрови. Вместе они с удовольствием сочиняли мои «романы» и докладывали о них моему мужу. Представляешь, их стараниями рождались сплетни, о которых знали все, кроме меня», – сокрушенно говорила Эмма и смотрела на меня взглядом женщины, которой внезапно открылось то, о чем она догадывалась с самого начала, но до сих пор упорно не хотела замечать, которая и теперь никак не могла примирить услышанное с желанием отказать ему в праве на существование, потому что в ней еще теплился ничтожно малый огонек надежды на то, что всё это несерьезно.

«Коллектив единомышленников! Нехристи. О эти горькие пилюли лжи и оговора, обернутые в тонкую оболочку правды! – демонстрировала я Эмме свою полную солидарность. – Ты знаешь, исследования показывают, что мужчины больше сплетничают. Начальники часто используют женщин для распространения своей гадкой информации. Особенно секретарей. Они просто «негласно» приказывают им «довести до сведения... общественности», чтобы все отвернулись от человека... И болтают мужчины больше. Женщины»

нам некогда, у них масса домашних дел. Мужья моих подруг вечно «висят» на телефонах. Один из них жаловался мне: «Если в выходной никто не звонит, я нервничаю и сам ищу повод кому-нибудь звякнуть».

«Неведение иногда может уберечь от неприятностей и проблем. Но чаще – подвести, – вздохнула Эмма. – Фазиль Искандер, кажется, писал, что порядочность не предполагает героичности, она предполагает неучастие в подлости. Что-то вроде того. И я не хотела даже слышать... Смешно надеяться, когда накрывает море грязи и лжи... Теперь внутри меня все пусто и безжизненно».

«А мне больше нравится фраза небезызвестной Фаины Раневской: «Я слышала о вас столько гадостей, что сразу поняла – вы замечательный человек». Она меня успокаивает. Ты сплеховала, когда не поверила коллегам, поэтому полное просветление у тебя не проявилось. Ты пребывала в дурмане, в любовном угаре. Я бы не стала ждать подтверждения своим подозрениям, а сразу бы взяла быка за рога. Уверенность в себе – вот твоя козырная карта, а ты ее не разыграла».

«Я думала, оболгали Федю, как лгут и сплетничают обо мне. Пеняла себе за мнительность. Мол, все это домыслы».

«Ну как же! Он составил твое счастье! Твои мозги затянуты паутиной наивности, как реставрируемый дом строительными лесами. Милая, прекраснодушная. А теперь не можешь оклематься. Я бы вмиг надела на Федьку и на сплетников и всё у всех выпытала. Не успокоилась бы, пока не

вывела на чистую воду. И это не составило бы мне большого труда. Учись! Пойми, твоя жизнь не полигон для Федькиного тщеславия и не место, где он сбрасывает шкуру ягненка, превращаясь в волка», – резко выражала я Эмме свое неодобрение.

«И наступило в моей душе тихое бездонное отчаяние. Бесчувствие этого момента было передышкой перед агонией, чтобы я была в силах ее перенести. Потом я кинулась обзванивать подруг, и те тоже открывали мне глаза на неблагоприятные поступки мужа. То был нескончаемый горестный день... Телефон раскалялся. Не могу передать, что со мной было в последовавшие за этим дни, когда всё вскрылось, и я впервые окончательно убедилась и поверила... Пол из-под ног уплывал, стены кружились перед глазами. И мои боги стали рушиться... и превращаться в прах... Судьба испытывает мои чувства на прочность? В чем моя ошибка? Почему моя семья рассыпалась? Я же всё делала для ее сохранения и укрепления!»

«Честь и хвала тебе за это!» – отвечала я Эмме.

«Разное мировоззрение, разные семейные ценности? Превратное понимание понятия «свобода» сыграло с Федей злую шутку, сделало из него подонка? – безмолвно вопрошала я сама себя. – Но свобода – не вседозволенность! Где вседозволенность, там безответственность. Может, это его метод проб и ошибок?.. Смогу ли я оправиться после такого стресса?.. Если понадобится, ради детей я всё проглочу и

стерплю. Что мне еще остается? А он будет шагать по жизни с уверенностью праведника или... лунатика, не проявляя озабоченности по поводу моих переживаний?.. Что ему горечь моих тревог! Он не знает ценности радости, куска хлеба, счастливого утра... Он не станет переосмысливать свою жизнь».

И я говорила мужу:

«Умный человек должен уметь думать и распоряжаться свободой, прежде всего, во благо своей семьи. Жить можно по-разному: красиво, с пользой, с любовью, а можно, как сучонок... если понимать жизнь как свободу от порядочности, от обязанностей. Мои и твои подвиги, совершаемые на работе, скоро забудутся, а вот хорошие порядочные дети – наше бессмертие. Ради них мы живем. Мы им пример». Я открыто и прямо смотрела ему в глаза. Мне нечего было скрывать. Я чувствовала себя правой и потому уверенной.

Как жутко Федя молчал! Я терпеть не могла его обезображенное злостью лицо... Я считала, что супруги, помимо всего прочего, должны быть верными друзьями, делиться друг с другом и хорошим, и плохим. И моя мама говорила, что самый лучший секс бывает с тем, с кем и без секса хорошо. А Федя не понимал этого. Как-то задумалась над фразами: «она была ему другом», «она была ему подругой». У них абсолютно разный смысл!.. А у меня ни того, ни этого не было. Он дурачил меня, умело избегая разоблачения и виртуозно выпутываясь. Боже мой, через что я прошла!..

Потом я весьма опрометчиво подступилась к нему, мол, заслуживаю объяснения. А он врал и смеялся мне в лицо, мол, ты все время требуешь от меня какой-то непонятной правды. Дерзкий, вздорный, резкий, самодовольный, желчный, он даже лживо не демонстрировал душевные муки... Мерзавец! А я-то ему потворствовала, угождала, жалела... Больной, слабенький».

«Жалость мужчину оскорбляет. Так то мужчину...» – фыркнула я брезгливо.

«Только оказалось, что вся его жизнь – постоянная, ежедневная, ежечасная ложь. Это его суть. Он вне ее себя не представляет. Для него она естественна и необходима, как кожа.

И теперь я говорю себе: «Не познавший любви не знает смирения». Не раз я приставала к нему: «Откуда в тебе эта заносчивость? Что ожесточает тебя? Как ты огрубел! Что тебя делает таким неуживчивым? Подскажи. Я своей вины не вижу. Я не строила воздушных замков, когда мечтала о жизни, наполненной невыразимым счастьем. Я всё делаю для семьи с любовью и радостью. Поделись, в чем ты видишь свое счастье? Идет ли в твоей душе хотя бы подспудная работа или ты живешь бездумно... как бурьян?.. Когда же наконец произойдет твое пробуждение и прозрение?.. Наступит ли оно?» Я пыталась его понять. К чему только не прибегала, чтобы разговорить мужа! А он не желал объясняться, отталкивал меня грубостью».

«Тирания в природе человеческой, – усмехалась я. – Залюбленные мужчины или находящиеся под грозной пятой матерей особенно остро хотят, чтобы и у них кто-то был под каблуком: сотрудники или семья. Чаще всего жена. Это им важно. Вот и твой Федька, сам будучи марионеткой в руках своей коварной и властной матери, тебя избрал объектом для компенсации ущемленных амбиций. Да и вообще, мужчины влюбляются в яркие личности, но, женившись, хотят видеть в них тихих, послушных их воле и капризам домработниц, не высывающих носа за порог. Как тебе их логика?»

«Вот и мое замужество обернулось незаслуженным наказанием, невысказанным страданием. Это чудовищно! От Фе-ди одна горечь. Лучше бы не знать всей этой грязи, тогда я не терзалась бы мыслью о его жестокости. Кажется, Лариса из Липецка полушутя писала мне: «Не разрушай иллюзий и будешь счастлива». А меня теперь мучают приступы жгучей ревности и праведного гнева. Сама себе противной бываю, – затравленно бормотала Эмма. – Как он не понимает, что выбивает кирпичи из фундамента собственной семьи? Женился – кончай с сибаритской вольницей, будь готов к трудностям, а не бегай от них... Такой вот печальный гротеск моей семейной «идиллии». Получается, я путаюсь у Фе-ди под ногами, мешаю жить так, как ему хочется. Выходя замуж, мы видим только гладкую скорлупу, а что обнаружим в один «прекрасный» день в ядре ореха, узнаём слишком поздно. А оно бывает гнилым и червивым. Как неподъемно тяжела,

как велика цена надежды на счастье!»

«Другие грешат, но каются, обещают исправиться, а твой... хоть о стену лбом бейся. Тебе несказанно «повезло». Он, видите ли, не может сказать женщине «нет». А ты таки ему не женщина»!

«Знаешь, почему мне особенно тяжело? Если бы я до замужества предполагала, что Федя может быть таким, тогда это был бы мой выбор – оставаться с ним или нет... В моем сознании произошел страшный разрушительный переворот, и теперь на свое геройство, на жертвенность в семье я смотрю как на великую глупость. Мои «подвиги» являлись следствием безответственности, разгильдяйства, обыкновенной лени или даже подлости... мужа. Я считала, что каждый человек должен жить так, чтобы не создавать трудных ситуаций для другого, стараться избегать неприятностей, а не нарываться на них... Где тот предел, за которым недопустимо жертвовать теми, кто тебя любит? Для Федора его нет. Понимаешь, Инна, его поведение не пощечина мне, это избивание!»

«Эгоисты губят тех, кто их любит, – сурово выдала я свое четкое понимание этого вопроса. – Все люди знают, что они когда-нибудь умрут, но они же не думают об этом каждый день. И ты заставь себя не думать о Федьке. Перестань себя изводить. Небо не упадет на землю, если ты разведешься с ним. Всё надо делать вовремя, и ошибки исправлять тоже».

«Ради Феди я себя забывала. Работала за двоих, ничего

от него не требовала... даже в постели. А он развлекался и насмеялся над моей любовью и доверчивостью!»

«Да... ты не на коне... и даже не под ним, – грубо пошутила я и добавила: это называется злоупотребление доверием и наказывается по соответствующей статье уголовного кодекса. Мужчины нуждаются в жертвах и предпочитают, чтобы их приносили другие, которые потом... будут ими презираемы. Помнишь «Пышку» Мопассана? Тебя на «голодном пайке» держал?! Гад! Безудержный сокрушитель остывающих женских сердец! Лев в своем стареющем прайде! Я бы его так раскрутила! Вот было бы представление!» – самодовольно заявила я. *(Еле удержалась от хвастливого, хотя и критического замечания о себе.)*

«Не забывай: «я» должна быть с маленькой буквы, – недовольно заметила мне Эмма. – Я ведь почему на многое не претендовала? Считала: раз не хочет, значит, не может. Предъявлять претензии больному непорядочно. А если узнает, что я... не против еще... и еще, так ревновать станет сильнее. Ведь ему, чтобы попрекать, повода не надо. Представляешь, если бы я рассказывала ему о своих эротических снах и необузданных фантазиях... Я сама их стеснялась. Я привыкла отказывать себе в удовольствиях. Жалела и его, и себя. Правда, по-разному... А он избегал, берег себя для тех... Бред несущу? Во мне ни крупицы рационального? Семья не место для борьбы двух эго. Супруги – это два локатора, способные принимать волны друг друга. Семья – главная

точка опоры человека и место приложения всех его усилий. А Федя ничего не хотел слышать. Для него...»

Слезы брызнули из Эмминых глаз.

«Бедная, как убивается! Какая мука в голосе! Как она это все выносит! Как долго и отчаянно старалась она не показывать, что несчастна, что шокирована всем с ней происходящим! – Меня аж холодный пот прошиб. – Как кур в ошип попала. (А у нас в деревне говорили: как кур во щи.) Сгорит в печи чужой подлости, хитрости, сплетен и лжи, страдает, мучается ревностью. Надолго лишилась покоя. Будто над ней тяготеет проклятье. Собственно... в каком-то смысле да. Одна зависимость у нее сменилась другой. Отчим – муж. Не удастся ей соединить в себе безумие любви и ревности с умом. Крутятся в голове и не находят выхода невыносимость совместного проживания, необходимость расстаться с мужем и невозможность его отпустить. И образование не сделало Эмму уверенной и независимой в собственной семье. И это единственное, что она в себе не преодолела, испортило ей жизнь. Исходя из соображений целесообразности, могла бы постараться. Не понимала? Не замечала за собой этой слабости? Мне это самой только что в голову пришло.

Тоскливо выть, скулить, упиваться своим горем? Да ни за что на свете я бы этого так не оставила! Я бы такому гаду сразу дала отставку. И что бы он вякнул мне в ответ? Я бы пресекла даже попытку унижить меня таким образом. В мо-

их мужьях подобное не предполагалось, даже не подразумевалось. С моей-то способностью заездить любого. А Эмма не претендовала на многое. Как же, он больной. Боже мой! Так у нее не просто любовь к Федьке, а еще мощная, чуть ли не материнская жалость сильного человека к слабому существу! – поняла я вдруг. – А он, дрянь, так с ней обошелся... отблагодарил, гаденыш. Она теперь, наверное, похоронит себя в четырех стенах и до конца дней своих будет нянчить свою беду. Я понимаю – любовь! Только плохо, когда мир сужается до масштаба одного человека, тем более недостойного», – опять завел со мной беседу мой внутренний голос. Но в глаза Эмме я сказала другое.

«Ничего фатального. Успокойся. «Под каждой маской – тайна жизни». Ты же верила ему как себе. «Верить можно, только осторожно», без фанатизма, с оглядкой. «Все узнавать последней от других? Благодарю, мне этого не надо!» – пеняла я ей, пытаюсь закончить наш отрывочно-бестолковый, непоследовательный разговор. – Разум в тебе должен во-зобладать. Ты обязана сделать выбор. В жизни так: или ты управляешь обстоятельствами, или они тобой. Всегда смотри не на воду, а на берега реки, на направляющие. А ты качаешься на волнах своих бед, как на качелях. Ты же умная, узнав Федькин характер, неужели не предвидела или хотя бы не предчувствовала появления в его жизни этих женщин?»

«Если уж быть до конца честной: мелькали такие мысли. Наверное, я боялась этого, потому и не хотела ни думать, ни

признаваться себе, – созналась Эмма. – Счастье... Для меня это отсутствие постоянной душевной боли».

«Инна виртуозно, на ходу переделывает, подстраивая под ситуацию, и прозу и стихи», – молча восхитилась Аня. – Какая скрупулезная достоверность в ее воспоминаниях! Но не слишком ли она вдаётся в подробности?»

– И во взаимоотношениях между государствами, и в семьях важен диалог, – отреагировала Жанна на длинный рассказ Инны.

– Диалог с Федором? Это из области фантастики, – усмехнулась Лена. – Я не смогла, как Эмма, опуститься до выяснения отношений с Андреем. И не жалею. Зачем заставлять врать и этим унижать и себя, и его? Обнулила свою жизнь и полностью перезагрузила, взяв направление на распределение в другой город. Общались с новыми друзьями, старых вспоминая по ночам.

– Взаимное уважение при полном отсутствии любви возможно во взаимоотношениях между странами, когда сила если и не используется, то демонстрируется или хотя бы обозначается. В семьях это не работает, потому что разумное на бытовом уровне не совпадает с разумным на уровне договаривающихся сторон в масштабах планеты Земля. В семьях главное не пудрить друг другу мозги и не мешать жить. И еще помнить, что любовь и дружба – это не слова, а поступки, – рассмеялась Инна и опять принялась рассказывать об

Эмме.

– «Ты же знаешь, женщина всегда стремится к организованности в жизни, к определенности и логической завершенности в отношениях с мужчиной», – печально говорила мне Эмма.

«Будь он мужем или любовником», – шутливо продолжила я ее мысль, сбивая трагической накал откровений.

«А нужна ли эта определенность мужчине?»

«В каком-то смысле да. Хотят иметь жену, любовницу и комфорт в доме», – съязвила я.

«Я не хотела поддаваться обстоятельствам, пыталась относить свои чувства к разряду порочных, укоряла себя, стремилась не воскрешать в памяти плохие моменты. Но возникало упадочное настроение, переходящее в болезнь, в депрессию, и я забывалась в мучительном желании провалиться сквозь землю и сгинуть. Душа металась в путанице страстей и обид. А Федор изолгался. Он патологически неверен. *(Боже мой, какой в ней запас доброты и монашеского смирения!)* Иногда во мне шевелились недобрые надежды. Было, все было. Потом упрекала себя. Я так хотела сделать мужа счастливым, потому что, любя, была счастлива. Как больно терять любовь! Я – стыдно признаться – столько лет внимала лживым речам Федора, вверяла себя в руки подонка. Но «всюду клевета сопутствовала мне». Как непростительно я была слепа!»

«Соврет – недорого возьмет, – подтверждала я. – Из клас-

сики известно, что ложь и фальшь – атрибуты светского человека! – ерничала я, пытаюсь избавить Эмму от слез. – Я, недолго думая, как фурия на мужа набросилась бы, а ты миндальничаешь».

«Мощный поток любви, переполнявший меня сознанием неизбежности и правоты, иссяк. Я не знаю, как дальше распорядиться своей семейной жизнью. Я ни о чем не могу думать, кроме обиды. Она навсегда прописалась в моем сердце. Отчуждение, бесчувствие мужа губят меня. Его мысли мне недоступны. Он то скандалит, то изводит своей угрюмостью или высокомерной занудливостью. Его жестокие слова впиваются мне в сердце, впитываются в кровь. Теперь я понимаю, что его упрямство – не признак ума, а неумение и нежелание находить компромиссы. И то, что он никогда не извиняется, вовсе не говорит о его чувстве собственного достоинства, а скорее о его слабости и дурном самолюбивом характере, – вернулась Эмма к «излюбленной» теме. – Сколько раз просила Федю: спокойно сознайся, что был не прав, учти свои ошибки и постарайся их не повторять. Это же так просто! Каждый человек имеет право на ошибки и на их исправление. Разве можно унижить себя откровенным признанием!» Будь честным хотя бы с самим собой. Ложь, как ее не прячь, всегда найдет брешь, чтобы просочиться, а потом расцвести пышным букетом.

У меня на работе был очень странный доцент. Нам в институт периодически поставлялись приборы, и я их распре-

деляла по лабораториям. Бывало, предложу ему что-нибудь приличное, а он выламываться начинал, чтобы я его упрасивала, хотя прибор ему очень требовался. Первое время я удивлялась его манере, но уговаривала, но как-то рассердилась и решила проучить. Не нравится, не надо. При нашем-то дефиците другие с радостью возьмут. Как говорится: с руками и ногами оторвут. Такое происходило не раз, но доцент так и не преодолел себя. Потом выпрашивал эти приборы у других преподавателей во временное пользование, но не сдавался. Абсолютно не логичное поведение неглупого человека. Вот и Федя такой. То ли не хочет, то ли не может просить прощения? Не пойму, он сам придумал этот способ общения, мама ли внушила или он уже сидел в его подкорке?»

«Одни грубят, потом извиняются, другие губят женам здоровье, потом их лечат. А некоторые ни того, ни другого не хотят делать. И неизвестно, что хуже. Один мой знакомый признает свои ошибки с обезоруживающей откровенностью, но это нисколько не мешает ему продолжать творить безобразия», – рассказала я Эмме. И тут же думала о другом: «Моя линия жизни похожа на пилу. Я сама ее выстроила своим несдержанным характером. У Лены она как синусоида малой амплитуды с двумя мощными отрицательными всплесками. Но у нее наблюдается раздвоение и несовпадение графиков карьерного роста и личного счастья. А какую картину представляет собой линия жизни Эммы?»

«Обидно. За что я плачу столь непомерную цену? Я разу-

чилась улыбаться, мои глаза утратили блеск, я превратилась в мумию».

«За всё, что мы любим, приходится платить. Но обиды длиной в целую жизнь? Это неправильно! Разве есть такие печали, чтобы вовсе перестать радоваться? Никакой мужчина не стоит такой жертвы. Не улыбаться противоестественно, чуждо самой Природе. Даже травинки после дождя улыбаются капельками дождя, – возмущалась я. – Желание и умение радоваться заложено в человеке».

Аня недоверчиво покосилась на Инну. Такой она ее не знала. «По поступкам не скажешь. Хотя порой...»

– А Эмма опять мне жаловалась:

«Ну, были бы моложе, красивей или умнее меня, а то ведь каракатицы с интеллектом в зародышевом состоянии, противно вспоминать, одна хуже другой. Я могла бы понять, если бы его окружали талантливые, независимые женщины. Но такие особы не позволяют себе унижения быть в «стаде» любовниц. Уж не знаю, в каких совершенствах состязаются его «дамы». Если только в хитрости, в нахрапистости и подлости? А он еще и бравирует, аплодирует собственной безвкусице. Это далеко выходит за пределы моего понимания».

«Наверное, это вопрос индивидуальной мотивации, – осторожно предположила я. – У меня был знакомый, так он шастал по замужним дамам после сорока не потому, что они были в его вкусе, просто боялся опутать себя «неудобны-

ми наследниками» и требованиями узаконить отношения. А другой – умница, интеллеktуал! – постоянно попадал в лапы темным, грубым бабищам. Притяжение противоположностей? Ужас!»

«Я мечтала об особом духе открытости и доверительности. Хотела, чтобы в моей семье разговаривали тихо, ласково, любили тепло, нежно. Способны ли на это мужчины? Если нет, то зачем мы нужны друг другу, такие неподходящие? В детстве я изнутри видела непарадную сторону жизни своих родителей, наблюдала неурядицы в других семьях и думала: «У меня все будет иначе. Я постараюсь». А Федю эти мои качества волнуют не больше, чем погода на Сатурне. Я не заслуживала боли, но получила ее в виде непонятной мне зависти, злых сплетен, беспредельной глупости и бессмысленной жестокости. Да-а, много чего гадкого муж привнес в нашу жизнь. Не нашлось в его сердце места для верной любви к жене и детям. не нуждается он в прочном браке. Почему я повторяю несчастливый сценарий судьбы мамы?»

«Убить такую любовь и доверие – это же преступление! Жить жизнью, полной надежд, – и вдруг бессмысленность существования! – горячо сочувствовала я Эмме. – И главное – это непоправимо. Между вами дистанция огромного размера. Надо было сразу обуздать его страсть и покончить с напористой чехардой его грехов, а ты не посмела разойтись. Я вот иной раз думаю: женщина создана для любви к миру, к детям, к мужчине, а мужчина к разрушению того же?»

Но Эмма опять прервала меня:

«Ну, был бы не женат – делай, что хочешь, но имея семью, детей... Понимаешь, он не знает нежности, которая укрепляет семейные узы. Она одна из граней любви. Это не столько телесное, эротическое, сколько духовное чувство. Я, кажется, уже упоминала об этом? Он не испытывает нежности ни к детям, ни к своей матери. Он не проявляет ее даже в интимных отношениях, хотя, правда, там она совсем другая. Не ласков он и в моменты интимной близости. Он настолько любит себя, что ни сопереживание, ни сочувствие, ни единение душ ему недоступны. Только совокупление. Мне не удастся в нем пробудить эти чувства. Я теряюсь. Какая любовь без нежности? Что уж говорить об обожании, о благоговении... Просто обладание. Он безразличен к эмоциональным оттенкам в наших отношениях. Торопливые бестолковые ласки... сделал дело, получил что хотел, и всё. Мужская глухота, слепота и никакого просвета в этом вопросе. Я сначала многого не понимала, потом вникла, когда ссориться стали.

Подруга рассказывала: «Я вожусь на кухне. Муж подходит ко мне сзади, обнимает за плечи, касается моих волос губами – и я с ума схожу от счастья!» А Федя ласкает меня, только когда хочет разжечь... себя. Я понимаю, любовь для женщины – главный смысл жизни. Я имею в виду многогранную, всеобъемлющую. А для мужчин она часто далеко не на первом месте. Она – только один из двигателей его жизни».

«И ты опустила руки? Ты же деятельная, активная. С возрастом мужчины начинают больше ценить любовь жен», – пыталась я обнадежить Эмму. Но она грустно продолжила:

«А Федор полушутя распинался насчет мужской свободы, примеры из классики приводил, мол, книги воспитывают. С литературой дружил! А я ему отвечала: «Каждый берет из книг то, что ему интересно и близко – кто вульгарность и жестокость, кто честь и достоинство». На что в ответ получила вроде бы шуточные непристойные похотливые слова и удивительное довольство собой. На чем оно у него основывается? Ну, если бы было обаяние человека, которому все по плечу... или наблюдалась мощная агрессивная сексуальность... Я могла бы понять, если бы Федя всерьез полюбил другую женщину и ушел к ней, я бы удерживать не стала, но ведь он как перекасти-поле. Дом у человека там, где его сердце. А я знаю только где его желудок».

«Честь – говорить гадости той, которая тебя любит? Мне это знакомо. Мы с тобой знаем что почему», – грустно сказала я и тут же добавила бесшабашно-шутливо:

«Жизнь скучна, многие ищут приключений».

Уж больно мне было тоскливо выслушивать ее жалобы.

«А как-то хвалился, что не дает себя в обиду даже женщинам. И до чего же могут дойти такие вот Федоры? До открытых свободных взаимоотношений или еще каких сумасбродных вольностей?»

Эмма с трудом подавила в себе вздох недоумения и него-

дования.

«Ты имеешь в виду однополюе связи? Покрываешь его?»

«Ну что ты!» – задохнулась Эмма то ли испугом, то ли возмущением.

«Федька развлекается, а ты мужественно исполняешь свой долг, бессменно, неразделенно, считай, единолично. Почему не развелась? – с некоторым нажимом спросила я, потому что этот вопрос не давал мне покоя и в своей личной жизни. Меня всегда интересовали границы свободы человека в семье и в обществе. – Бросить жалко, тащить тяжело? Решила повременить? А он, судя по всему... тоже?» – жестоко проехала я, надеясь образумить подругу.

«Я понимаю, что несправедливость, к сожалению, одно из основополагающих свойств человеческой жизни. Мир по сути своей такой. В нем изначально что-то было не так заложено и построено. Из истории народов это видно. Но если бы каждый по мере сил вносил свой добрый вклад, свою лепту справедливости, то жизнь стала бы намного лучше и легче. Вполне приемлемой.

«Для поддержки твоей оптимистической мысли сошлемся на цитаты великих умов?» – шутливо спросила я.

«Я не отказываюсь от всего хорошего, что было в нашей жизни, но его так мало! Я знаю, праздник не может и не должен длиться вечно, но даже будни, полные забот, могут быть радостными. Я еще в детстве слышала от бабушки, что любовь – это когда хочется не раздеть, а, наоборот, укутать,

обогреть, сберечь, – убитым голосом отозвалась Эмма не на мой вопрос, а на свои мысли. – Завелась в нашем доме беда. Живем с Федей вместе, но эмоционально абсолютно разделены. Вход в его душу мне наглухо закрыт».

«Разве нужна она тебе такая? – скептически возражала я. – А катись этот Федька на все четыре стороны! Расклад-то теперь другой и разрешать тебе его требуется без промедления. Бросать таких мужиков надо, холера их заberi! Пока мы таких гадов нянчим, они так и будут плодиться и на нашей шее кататься. Станешь оспаривать? Давай попробуй вынести Федьке немилосердный приговор. Решись, иначе ты никогда себе не простишь, что отказалась послушать меня.

Я и Галкиному мужу говорила: «Если ваши отношения исчерпали себя и если в тебе есть хоть капля порядочности, не мучай жену – сам уйди. Галя будет благодарна тебе за то, что ты взял на себя эту трудную задачу. Она не сможет оторвать тебя от сердца, пока этого не хотят ваши дети. Она угадает под тяжестью своих жертв. Помоги ей избавиться от тебя. Ты что есть, что нет тебя. Но Галка чувствует тебя, как безногий чувствует ногу, которой давно уже нет, потому что фантомные боли продолжают нещадно мучить. Уйдешь, ей легче станет. Я всегда уйду не оборачиваясь».

Не вразумила. Не ушел. Присосался как клещ. Живет «без протокола о намерениях». Беззастенчивый, оголтелый, безудержный эгоист. Его поведение на грани фола. Ест, пьет, гуляет неизвестно с кем и где. Какое свинство с его стороны!

И чего от него дальше ждать?.. Хотел к себе избранного отношения и получил. Зачем ему уходить? Он же трус. Сначала от мамы боялся оторваться, теперь от жены. И при всем при том не готов сдерживать свой пакостный характер. Тощий, нервный, визгливый. Галина своей кротостью этому в еще большей степени способствует. По мне так это высшая степень непорядочности и предательства: блудить, использовать жену, да еще и измываться над ней. Смелость нужна в том, чтобы признавать свои ошибки. Но его и на это не хватает. Вот на кого она истратила свою жизнь?»

«Не всякая любовь благо. Иная разрушает», – вздохнула Эмма.

«Нельзя так любить. Ты знаешь, почему жестокосердие Федьки не исключает потребительской придирчивости? Мне это совсем недавно стало понятно. И теперь я мало чему удивляюсь. «Раз сносит издевательства, значит, в чем-то виновата», – такова его логика. А то, что ты терпишь его из-за детей, по любви или доброте – он не может догадаться, потому что сам таких чувств не испытывает. Конечно, самое главное в жизни человека – любовь, ради нее он живет, только слово это по отношению друг к другу люди понимают по-разному. Я никогда твоего Федьку не любила. Брезгливый, привередливый, нудный, вечно брюзжащий, да еще и свое нравный. Ни на минуту не дает о себе забыть. На каком языке с ним говорить? И как тут не прекословить? Какая уж там гармония и концепция бесконфликтности! Разум беспомо-

щен перед таким «букетом» черт. Да-а... далеко не Ричард Гир. Не попадались нам с тобой ни Баталовы, ни Папановы, ни Мягковы... Какие-то наши мужики... все как под копирку. Одно и то же, одно и то же... Противно! Предать бы их всех анафеме!»

– Я думала, что блудливые мужчины жен не пилят, на задних лапках перед ними ходят. Грехи замаливают, – призналась Аня.

Инна не услышала реплики. Далека была в своих мыслях. Но Жанна заметила насмешливо:

– И такие «совестливые» среди мужей случаются.

– А Эмма меня не слушала, как заведенная о своем толковала: «Помнишь у Высоцкого: «Я лег на сгибе бытия, на полдороге к бездне...» Я точно рухнула с крыши пятнадцатизэтажного дома... Ссориться не умею. Быстро теряю запал негодования и замолкаю».

«Ты, наверное, и сама не знаешь, то ли до сих пор Федьку любишь, то ли из-за своего мягкого характера быстро прощаешь?»

А Эмма вместо ответа интимно и грустно-мечтательно забормотала:

«Раньше Федя представлялся мне символом думающей России. Мне казалось, что у него лицо русского интеллигента».

«Интеллигент в первом поколении. Посконный, поместь рязанского с нижегородским. Его предки никогда не покидали деревни, не тронутой прогрессом. Скажи еще, что похож на аристократа. Его вымышленное генеалогическое древо восходит к временам Ивана Грозного?».

«Я сейчас не в том настроении, чтобы шутить», – рассердилась Эмма и замолчала.

Жанна поделилась своими познаниями:

– Вокруг каждого физического тела существует духовная ментальная оболочка. Аура. Это то, что человек нарабатывает в течение своей жизни.

– Ты же говорила, что, живя, человек портит ауру, которая ему по наследству досталась. Только я считаю, что духовное внутри человека, а не вне его, – не согласилась Аня с обеими теориями.

Но Инна не позволила подругам сменить тему:

– «Федя страшно боялся погрязнуть в быту», – объясняла мне Эмма.

«Потому и сваливал его на тебя, – сердилась я. – Зато ты ничего не боялась! Он же, помнится, если иногда чем-то и помогал, то будто делал тебе великое одолжение. Да еще с криками и нервами. Ему свою грязную посуду после ужина в раковину положить – великий труд. Потому-то и незнакомо ему счастье совместного преодоления трудностей жизни».

«Он говорил, что хочет иметь больше времени для разви-

тия, для карьеры».

«Продвинутый, черт его побери! Не заступайся. Он стремился отжать больше жизненного пространства и свободы для блуда. Прониклась, чем продиктовано его желание?.. И потом, аристократизм не во внешности. Просто он иногда «выходит» наружу, оставляя отпечаток на лице. Только этому, как правило, должно предшествовать несколько поколений с благородным воспитанием и голубой кровью. А мы тут все от сохи, – пошутила я. – Федькино самодовольство ты приняла за аристократизм. Наверное, он неплохо играл свою роль. Впредь внимательней приглядывайся к своему «артисту», – разумно напомнила я Эмме.

«Было время, когда Федя жадно ловил мои взгляды, часами не спускал с меня влюбленных глаз, а теперь мне не удастся их поймать, чтобы наладить диалог. Лидерство в семье он пытается удерживать грубостью и жесткостью. Разве имеет право один человек губить другого? Диктатура уничтожает личность притесняемого, а постоянные вынужденные компромиссы убивают в ней самоуважение. Для меня понятие личности в первую очередь ассоциируется со свободой мышления без выгоды... И к спиртному у Феде пристрастие появилось».

«И теперь между вами – «взглядов расстоянья». Ты собственными руками создала эту ситуацию. Ты позволяла срывать на себе зло, «до омерзения послушно безмолвствуя». Злая сила нас ловит, когда мы «летаем» в мечтах или со-

всем себя ни во что не ставим. Мне кажется, что твое окончательное закабаление произошло после рождения третьего ребенка. Именно тогда ты утратила уверенность в себе, как женщине, способной своими чарами привлечь мужчину. Ты слишком много сил отдавала детям. А он не помогал, отлынивал. Утверждал, что кропотливый однообразный домашний труд мужчины не выдерживают. В жизни так: кто-то везет, а кто-то едет. И всё это не случайно. Насколько я помню, Федька никогда не был настроен вникать в твои проблемы. Ваша семья жила по принципу: мужик сказал, баба сделала», – зло фыркнула я».

«У Феде есть интересное качество: он умеет стоять в стороне. Мол, я на краешке, ни на что не претендую, ни за что не отвечаю, ни во что не вмешиваюсь, стою спиной и ничего не вижу. Всего избегает. Поэтому и матери позволяет издеваться надо мной. Он не только не защищает, но и сваливает на меня ее вину. Как и свою... А если интересуется, то навязывает свои непрактичные, бестолковые произвольные решения, исходя из собственных, далеких от нужд семьи представлений, и требует их безоговорочного исполнения. И разубедить его невозможно. Когда же выясняется, что он был не прав, все равно не сознается, криками и руганью принуждает замолчать», – добавила горечи к моим словам Эмма.

Перед свадьбой она делилась со мной: «Когда полюбила, у меня появилось яркое желание готовить для любимого. Я от этого испытывала удивительное удовольствие! Я не ходи-

ла около плиты, а пританцовывала и напевала что-то беззаботно-радостное. Я была такая счастливая!

А потом... ты знаешь, я дважды была по ту сторону... на грани жизни и смерти. Остановка сердца на фоне усталости и нервных стрессов. Но судьба дарила еще и еще один шанс...»

«Досталось тебе так, что... мама не горюй! Постоянно жить в полушаге от беды? Со смертью нельзя заигрывать. Ее уважать надо». – Я попыталась разрядить в себе самой ужас от услышанного.

– Огретла, бедная, все что угодно, кроме счастья, обрела возможность «проявить» себя во всех ипостасях. Наконец-то смогла дать волю своему призванию, – горько сказала Аня. – Федор взял на вооружение модель жизни своих родителей. В их семье было принято, чтобы мужчина не касался быта. Но его мама, тетя и бабушка не работали, хотя жили страшно бедно. Этим женщинам их «минимальная» жизнь устраивала. Они не слишком утруждали себя и тем уже были счастливы. А Федор не мог обеспечить жене домработницу, но не принимал во внимание обстоятельств своей семьи и не желал вносить в уклад коррективы.

– Ты еще скажи, что не давал отчета в своем поведении, не вдавался в психологические тонкости взаимоотношений в семье. Он вообще не умел думать и жил по заведенным матерью правилам? Эти факты позволяют мне подробнее судить о характере Федора. Я готова согласиться с тобой, но...

– начала развивать тему Жанна.

– Редко кто из мужчин способен на ежедневные героические подвиги в кругу семьи. Так уж повелось, что в основном это прерогатива женщин. Ну так хотя бы ценили, – возмущенно перебила ее Аня.

– «Нельзя решить проблему на уровне самой проблемы. Надо выйти за ее пределы, осмыслить». Так считают мужчины. А на самом деле всё намного проще: пока они сами не вкусят «радостей» быта – не поймут, не посочувствуют, – сказала Жанна. – И тогда возникает другая не менее сложная проблема: как заставить их решиться на эти подвиги? Мужчины способны иногда приготовить что-нибудь вкусненькое, особенно в компании друзей, чтобы похвалиться своим талантом, но ежедневно стоять у плиты у них в основном терпения не хватает.

– Вот так и с сексом. Иногда «выступить» с чужой женщиной у них, наверное, неплохо получается, а на ежедневные «бальные танцы» с женой – кишка тонка. – Инна не упустила возможности провести аналогию. – Эх, хотелось бы хоть раз в жизни испытать с мужчиной такое острое наслаждение, перед которым все яркие земные радости показались бы только прообразом, тенью совершенного счастья! – мечтательно воскликнула она. – Я читала, что женское наслаждение на порядок выше мужского. Это утверждал греческий мудрец, фиванский слепой прорицатель и полубог Тиресий, по легенде побывавший существом обоих полов.

– Сомневаюсь. С чего бы тогда мужчины так вождедеют этого, а не мы? – не поверила Аня.

– Познать и умереть? – насмешливо удивилась Жанна Инниному желанию.

– Чего далеко ходить? Об этом можно и теперь спросить у тех, кто сделал операцию по смене пола, – продолжила свою мысль Аня.

– Где гарантия, что той бывшей женщине до операции повезло познать вершину наслаждения? А тогда зачем было оперироваться? И потом, статистика утверждает, что, как правило, если позволяют возможности физиологии, двуполые особи стремятся стать мужчинами. Это тебе о чем-то говорит? – с усмешкой спросила Инна.

– Ты всё о том же... – сердито забурчала Жанна.

– Меня к спору на эту тему толкает чувство справедливости, – отшутилась Инна.

Аня шутки не поняла, но молча удивилась:

«Оказывается, при всей невыносимости характера Инна по жизни бывает терпеливой и терпимой».

«Похоже, разговор идет на спад», – подумала Лена. Но эта мысль ее уже не очень порадовала. В голове трещало, виски ломило, позвоночник изнемогал, что явно не способствовало засыпанию.

– ...Ясное дело, Федор не достоин любви Эммы, – вернулась Жанна к началу разговора. – Но чья вина в том, что

они сошлись? Это оплошность проведения? Было какое-то странное совпадение фактов, а она восприняла его как знак судьбы?

Подруги не «проснулись» к диалогу на эту тему.

– ...«Захотела свободы и уважения в обществе, – а это вызов многовековым традициям; твой оптимизм достоин восхищения! – вот и ешь их, вот и тащи сама воз домашних забот. Я впрягаться в быт не стану и со своей свободой расставаться не собираюсь». Так рассуждал Федька, потому что таков был уклад в его семье. Представляете, его мать предлагала Эмме бросить работу! – возмущенно воскликнула Инна.

– А семью он один мог обеспечить? Вот то-то и оно. Она хотела для детей сына нищеты типа той, в которой вырос он сам? Разве она не видела, как он страдал, глядя на других детей, или ее это не волновало? – удивленно спросила Жанна.

– Я стопроцентно уверена, что Федор был против того, чтобы жена сидела дома. Голову ей мамаша морочила. Времени у Эммы было бы больше. А ему это надо с его вольной жизнью? Можно подумать, если бы она занималась только домом, он не глядел бы на сторону. Наоборот. Еще большим злом для Эммы обернулось бы ее затворничество. Прибавилась бы финансовая зависимость, отсутствие моральной разрядки в хорошем коллективе, – по-своему рассудила ситуацию Аня.

– Да, приложила руку Федькина мамаша к Эмминой судьбе. Не последнюю скрипку играла в ее семье. И основу блюду

сына она заложила, а партийно-профсоюзные сборища начальничков только послужили поводом, толчком к разврату. Он уже морально был подготовлен к распущенности. Мать не учила сына тому, что в семье любая свобода одного начинается там, где заканчивается свобода другого, и что надо уметь находить общие точки соприкосновения или даже сферы и плоскости, содержащие совокупности и множества этих точек. Она хотела ему такого счастья, каким оно виделось ей: «Гуляй, сынок, а жена пусть вкалывает». Видно, в другой ипостаси она его не представляла.

– Кто бы сомневался! Понесло тебя в математику. Инна, тормози, – рассмеялась Жанна. – Я более чем уверена, что и в первую, и во вторую, и в третью очередь во всем виноват элементарный эгоизм Федора, воспитанный семьей.

– Элементарный? Махровый, – торжествующе уточнила Инна, – который на пустом месте не возникает и не произрастает. Фраза: «Ты – женщина, и этим ты права» его бы не устроила ни в плане шутки, ни тем более всерьез. Эмма, обидевшись, как-то сказала Федору, мол, сильно загажена наша песочница. А он ей ответил: «Свое говно не воняет». Сказал намеренную грубость и был в восторге от себя. Это же конец света!

– Молодым желательно жить отдельно, чтобы строить собственный уклад жизни, основанный на любви, а не на подчинении старшим. Сколько проблем при этом сразу снимается! – заметила Жанна.

– Только часть. А быт? – спросила Аня.

– Я в омут от отчаяния не кидалась из-за того, что у меня была куча домашней работы. Я относилась к ней философски и даже научилась получать от нее удовольствие. Ведь для любимых людей старалась, – призналась Жанна. – И как сказал кто-то мудрый: «Трудное стало привычным, привычное – легким, а легкое – прекрасным».

– А мужчине за собой тарелку вымыть – великий труд.

– Если он к нему не приучен с детства, – возразила Аня Лена.

– Доискиваешься до истины? Твоя щепетильность не идет ни в какое сравнение с моей. Вызвалась мне помочь? – шутливо похвалила Аню Инна.

– По гороскопу Федор рак, а раки парами не ходят. Они индивидуалисты, – сказала Жанна.

– К тому же они не ходят, а пьются, – заметила Лена с улыбкой.

– Ха, полное совпадение характеристик!

– Лена, и ты примкнула к верящим в астрологию? Тоже блуждаешь во тьме знания и незнания? – поразилась Аня.

– Нет, она демонстрирует нам свою эрудицию, – рассмеялась Инна.

– И за что Бог наказал Эмму Федором? Не укладывается это в моей голове.

– Все дело в том, что браки заключаются на небесах, а жить приходится на грешной земле, – ответила Аня Жанне

известной фразой.

«Исследуя события жизни Эммы, они сличают их со своими», – опять оправдала Лена своих подруг.

– Я анекдот вспомнила: «Почему глаза у козы злые? Потому что муж у нее козел», – попыталась рассмешить подруг Инна.

– Любовь зла, а козлы всегда этим пользуются, – добавила она без особого энтузиазма.

– Как ты смотришь на то, чтобы хотя бы мысленно собрать вокруг себя побольше положительных семей, чтобы не казалось, что все мужики животные? – обратилась к Ане Жанна.

– У меня не получится, – вздохнула та.

– Вот мы и посплетничали. Но совсем-совсем немножко, – усмехнулась Инна.

Ей тут же припомнилась фраза: «Если о женщине перестали сплетничать, значит, она постарела и никому уже не нужна, кроме своего старого мужа». Но на этот раз фраза ее не взбодрила.

– Любовь к мужчине. Зачем она? – спросила Аня. – У меня на этот вопрос как не было ответа, так и нет. Неужели и тут одна биология? Только для продолжения рода?

– Еще для того, чтобы украсить жизнь, подвигнуть человека на великие дела, пусть даже бытовые, – ответила ей Жанна вполне серьезно.

Инна подала голос.

– «Много у нас семей, где один угнетает другого. Забыли люди послание святого апостола Павла: «Носите бремена друг друга». Дерзну высказать пессимистическую мысль: «Некоторым ни знание заповедей, ни взвешенный подход уже не поможет», – говорила я Эмме.

«Ты у нас в эпицентре всех событий. Тебе всегда всё ясно, а я не представляла, на что Федя способен, хотя прожила с ним достаточно много лет. Как он стал далек от деликатности! А эта бессрочная пытка безразличием! Чужой, равнодушный. Я расстараюсь, наготовлю много чего вкусенького, а он молча поест и даже не похвалит. Заботу принимает как должное. Поддай, принеси и никакого спасибо. Да еще начинает привязываться, выговаривать из-за пустяков, противно цепляться, стараясь вывести меня из равновесия. Там-то... у тех... не поругаешься».

«А ты бы не приглашала к столу».

«Сам садится».

«Семейная идиллия, черт ее возьми! Как мне всё это знакомо!» – вздохнула я.

«Поест и в телевизор уставится или на кровать завалится к стенке лицом. Обидно. А когда-то я чувствовала себя с ним особенной, единственной для него во всем мире. Ох эта наша беспредельная жажда ответного чувства!»

«Сюжет, доложу я тебе, «а-ля тривиаль». Прежде чем куда-то входить, надо узнать, есть ли выход и где он», – усмехнулась я, вспоминая свои семейные коллизии и их вариации.

– Мне кажется, муж, сделавший жене зло, даже подспудно ее ненавидит уже за то, что она своим присутствием напоминает ему об его подлом поступке. А если еще присовокупить сюда то, что жена, допустим, – свидетельница его конфузоз и неудач... А если он еще жутко самолюбив... Тяжелый случай! – Это Аня внесла свой комментарий в рассказ Инны. – А мы слишком добрые, жалостливые и легковверные. Потому-то и возникают среди нас личности глубоко трагичные, надломленные и неулыбчивые.

– Христос тоже никогда не улыбался, – сказала Жанна. – А Достоевский призывал «уничтожить это «я», отдать себя целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. И это есть рай Христов».

«Вызубрила как молитву», – неприязненно подумала Инна.

– А сам не умел, – подметила Аня.

– Он же мужчина, – усмехнулась Инна. – Это он нам, женщинам, советовал.

Лена сквозь легкую дрему слышала голос Инны, пересказывающей свою очередную беседу с Эммой.

– ...«Я считала Федю хладнокровным, а он оказался холодно-рассудочным и нудным, как хронический осенний дождь. Моя жизнь, как «гигантские шаги», что стоят в детском парке напротив моего института. Там все по кругу, по

кругу... до изнеможения».

«На удивление точно подметила», – отвечала я Эмме.

У меня сердце разрывалось от жалости, но не могла же я в тот момент сказать ей, что насильно осчастливить или загнать человека в рамки своих понятий невозможно, даже если считаешь его поведение неправомерным. А она всё говорила и говорила, не давая мне слова вставить. Я, конечно, улучала момент, когда она останавливалась, чтобы наладить дыхание, но у меня не хватало времени придумать, чем бы оградить ее от своих собственных тоскливых мыслей. И она не горела желанием меня слушать, ей хотелось самой высказаться.

– Иначе она замкнулась бы в себе. А это плохо. – Аня поторопилась подвести черту под рассказом Инны.

«Неразделенная любовь – это тоже своего рода мечта, недостижимая сияющая вершина, что-то вроде любви к Богу», – начала я, не зная, обратить эту фразу в шутку или завести с Эммой отвлекающий, серьезный, философский разговор.

Лена не знала, сколько времени она находилась в состоянии «глушняка», перед тем как снова услышала высокий голос подруги.

– Эмма рассказывала: «Раз случайно услышала, как Федя делает комплименты очередной пассии. Нос к носу столкнулась с ним. Увидела и едва не закричала от боли в сердце.

И окончательно поверила в его виновность. А он не заметил меня, был увлечен. Женщина стояла, прижавшись к нему, обвив руками его шею. Он шептал ей хорошо отрепетированные на мне и не лишённые театральности «изысканные» речи, которые, наверное, теперь говорил каждой. Старался. Кто же хочет быть безликим перед объектом вожделения?»

(О Боже, Инна опять «включила проигрыватель».)

«Федька считает, что женщина его, если даже она так не считает», – услышанной где-то фразой умышленно вслух оскорбила я мужа Эммы. И тут же мысленно защитила невезучих женщин. «Если женщина часто меняет мужчин, это вовсе не значит, что она распутная и ее надо презирать. Скорее всего, ее избранники оказывались никчемными легкомысленными лгунами, типа Федьки, и ей снова и снова приходилось отправляться «на охоту» в поисках более-менее достойного экземпляра на роль мужа», – оправдала я подруг по несчастью». А о себе подумала с гордостью: «Я женатых не трогала. Я не разлучница. Считала: сегодня ты ломаешь чью-то жизнь, завтра кто-то ломает ее тебе. Не нужен мне такой, которого легко увести».

«Должно быть, эта встреча много для тебя значила. Она перевернула всю твою жизнь? И ты «разумно» окружила мужа еще большей неусыпной заботой, спешила в любой момент прийти к нему на помощь. Пытаясь удержать, не отпускала от себя ни на шаг. А ему только того и надо было. Чтобы нянчилась. А сбежать на случайку всегда можно и в рабочее

время», – продолжила я вслух жестоко анализировать Эммину жизнь.

«Потом я получила огорчительное письмо на условном языке. Оно было как нельзя более кстати. Надо было Федю фактами прижать. Случалось, что в раздражении он и сам высказывал то, в чем не имел намерения признаваться, а потом лгал, выкручивался, говорил, что этого не было. У него была собственная жесткая установка: ни в чем не сознаваться. Наплетет «целую бочку арестантов» и разбирайся в ней как хочешь. О эти бесконечные бесплодные ночные выяснения отношений, в которых найти на мужа управу не представлялось возможным! Безмерно жаль этих страшно долгих бессмысленно тяжелых часов. Я говорила тихо, а он кричал, обвинял меня в том, что я все безосновательно выдумываю даже тогда, когда я видела всё своими глазами. Мол, самой себя бойся, а не сплетен. Да еще издевался: «Когда страдаешь, чувствуешь, что живешь?» А до свадьбы держал себя в руках. После подобных «разборок» у меня от обиды немилосердно жгло в области сердца, и я с трудом подавляла в себе желание бросить в Федю чем-нибудь тяжелым. Я посвящаю ему жизнь, а он... Я считала, что страсть может проявляться только в любви. А у него она всюду в повседневной жизни, до грубости, до жестокости...»

«Не обольщайся, у Федьки ни в чем нет страсти. Одна распущенность», – возмутилась я.

«Вот так и рухнуло выдуманное мною величие его души.

Мне осталось неразделенное одиночество посреди растоптанной изгаженной жизни и зависть к счастливым обладательницам надежной уверенности. Но что самое обидное – сыновья льнут к нему. И я подозреваю, что, повзрослев, они станут на его сторону. Мы же при детях не ссоримся. Я щажу их нервы. А они, видя отношение отца к матери, могут счесть его нормальным. Меня это очень беспокоит».

«И ты наконец-то похоронила свою любовь? Правильно. Забей на всё, связанное с Федькой. На поле отчаяния ничего не растет. Попробуй его бросить. Сам к тебе прибежит. Где еще он такой рай найдет? Даже его недалекая, стервозная мамаша, желающая для своего любимого сыночка идеальной, не существующей в природе жены, это понимает», – уговаривала я подругу.

«Думаешь, у тебя прорезался дар прорицательницы? Ничего на Федю не действует, ничего не волнует. Хлюст. Что ему моя благословенная любовь, если она не вписывается в его планы и путает все карты. Моя душа разъята, опустошена. Оттенки моих чувств ему недоступны. Что ему моя несправедливо загубленная жизнь! Для него мои слезы как слону дробинки. Только раздражают, – на эмоциях восклицала Эмма. – Какие авансы он раздает тем женщинам, как внушает неоправданные надежды? На что они надеются, чего от него ждут?.. Одна из них мне неоднократно жаловалась, что мой муж ее никак не повышает... Вот так и развенчала я миф, созданный моим же воображением, но продол-

жала возродить и поддерживать в себе это великое чудо – веру в порядочность. Искала мужу оправдание. Боже, какая была глупая!

Утехи любовниц слаще супружеских. Так, кажется, говорят? Не приедались ему женские прелести только благодаря разнообразию. А в души он не влезал. Не знаю, может, остатками рационального ума он и пытался остудить жар вождения... а охладел ко мне, перегорел под натиском плотских желаний и устранился от семьи. Да и вряд ли он пытался бороться с собой. Нравится ему быть постоянно безоглядно влюбленным в кого-нибудь. Все равно в кого.

Я считаю, что в этих условиях о физической близости между нами не может быть и речи. Без любви она кажется мне бесстыдством, отбыванием повинности. Да и опротивело мне после стресса семейное ложе, пропало желание... Вот и перебралась на раскладушку. Уклоняюсь, отстраняюсь, чтобы даже не притрагивался, откровенно брезгливо отталкиваю. Первое время я еще хотела к нему прикоснуться, но перед глазами в самый неподходящий момент неизменно всплывали воображаемые картины, где он не со мной. К чему эта постылая обязанность? Меня подавляет сама мысль, что мы никогда не бываем вдвоем, будто между нами все время кто-то третий. И тогда мне кажется, что радость – одна из главных составляющих жизни человека – уходит из меня... И отношения я предпочитаю не выяснять, когда он поздно возвращается... Если только сам затеет, – сбивчи-

во продолжала свое грустное повествование Эмма. – Когда я была маленькой, моя бабушка говорила дедушке: «Живи так, чтобы не стыдно было умирать. Вот призовет тебя Бог, предстанешь ты пред вратами и спросит Он тебя: «Нашел ли ты радость в жизни? Принес ли ты ее своим близким? И отправишься в ад». Я запомнила. А что Федя сообщил бы на исповеди? Чем оправдался бы перед Всевышним?»

«Сказал бы: «Я пожертвовал вечностью ради сиюминутности», – рассмеялась я и подумала об Эмме: «Изысканное духовное и чувственное... Твое воздержание – своего рода мазохизм. Поставила крест на своей женской судьбе?.. Я бы не смогла». Но вслух повела разговор совсем не о том:

«Без запретного плода Федьке рай не рай. Допустимые границы? Барьеры запретов? Порядочность? Во имя долга перед семьей он не станет жертвовать ни собой, ни «персональными» радостями жизни, так что решай...»

«О эти Федины недобрые снисходительные усмешки, ироничные взгляды, двусмысленные замечания, засасывающие и втягивающие меня в адовы пределы... – орошая мои руки слезами, продолжала Эмма. – Вот так и живу: в одной руке валидол, в другой – снотворное. Но я свое внезапное раздражение первое время направляла против самой себя... Себя винила... За что мне эта ненужная боль, эти танталовы муки? Мое замужество было ошибкой. А может, разрыв станет еще большей? Я в первую очередь думаю о мальчиках. Что для них лучше? За дочь я не волнуюсь, она на моей стороне.

А для меня? Ждать, когда он почтит меня своим вниманием, так унизительно! Но ведь было же поразительное блаженство первых счастливых лет любви! Или только для меня? Я любила, верила, что любима, и мне для счастья этого было достаточно. Ради него я была готова преодолевать любые трудности. Я дарила семье чувство покоя, то, что сама ценила превыше всего. Я стремилась приподнять семейные отношения над обыденностью, внести больше радости, разнообразия. Но... будто кто-то проклятье наложил на мое счастье».

«Опять мотивы обреченности. Ох уж эта наша женская генетическая внутренняя готовность к сказке! Ох уж эта наша прекрасная славянская сентиментальность! Сколько в ней милоты, чистоты и стремления жить беззаветно, просто и честно! Отсюда запрос на такую же прекрасную любовь партнера. Нам хочется, чтобы всем было хорошо. Но в реальной жизни так не бывает», – сказала я Эмме.

«После всего грязного... минуты нежности к Феде у меня, по сути дела, вообще больше не возникали. Но я не сдавалась. Мне еще мечталось, чтобы был полет счастливых мыслей, трепет чувств. Я хотела жить, а не существовать. Но муж окончательно отнял у меня энергию желаний, загнал мои чувства внутрь, убил способность радоваться. Он настойчиво вызывал во мне отвращение к жизни... Как всё это могло случиться при моем безукоризненном отношении к нему?.. Он не обещал мне золотые горы, не клялся сделать мое сча-

стве целью своей жизни...»

«Но это как бы само собой подразумевалось?» – подсказывала я Эмме.

«Я не любила говорить красивые слова, предпочитала делами доказывать свое расположение. Когда любишь, преднамеренно не выпячиваешь свою заботу. Любовь не терпит громогласных воззваний. Я считала, что от частого употребления слов любви они теряют свою свежесть и ценность. Чувства лучше выражать жестами, прикосновениями. Да мало ли еще как... Мне хотелось говорить Феде ласковые слова, но что-то внутри меня сдерживало, не позволяло высказываться вслух. Бывало, молчу рядом с ним, а душа радуется. И столько в ней к мужу всего удивительного, безудержно нежного! Напрасно стеснялась?.. Но моя мама говорила, что молчаливый журавль выше кукарекающего петуха. Вершин любви достигают немногие. Может, один на тысячу. Дар любви как талант... Кстати, Федя после свадьбы больше не произносил слов любви. Добился меня и успокоился. А от меня ждал и требовал».

«Дочь моих родственников никогда не говорила отцу: «Я люблю тебя, папа». Но когда он сильно поранился, она подошла к нему, осторожно обняла его больную ногу и нежно поцеловала запачканный йодом и кровью бинт. Дочке тогда было два с половиной года. Отец был потрясен».

«Что не помешало ему через год оставить семью и уйти к богатенькой разведенке, – напомнила мне Эмма, как выяс-

нилось, ранее слышавшая от меня эту милую историю. – Вот говорят, когда любишь человека, то принимаешь его таким, какой он есть. Но как можно заставить себя принять такого, как Федя?»

«Так недолго и спятить», – подумала я тогда.

«Нет ничего тайного, что для Инны не стало бы явным. Но ее пересказ чужой беды – почти неприличная открытость. Я, конечно, нисколько не сомневаюсь в его правдивости, но... это как читать чужие письма. И ведь бывает информация под грифом «секретно»...», – задумчиво и неодобрительно размышляла Лена.

– Не испытывая взаимной привязанности, Эмма с Федором, тем не менее, как-то уживались и на людях не выходили за рамки приличия, – неожиданно для себя вслух подумала Аня.

– Какие рамки! Федька сам себе расширял диапазон возможного поведения до желаемого. Кое-кто, стремясь раздвинуть стены своей свободы, забывал, что они могут оказаться несущими. Я о своих мужьях. Что ты понимаешь под «уживались»? Федькины издевательства, скандалы и Эммино адское терпение и достойное восхищения самообладание? – Иннины высокие брови резко взметнулись.

– У нее ангельское терпение, требующее дьявольской силы воли, – подтвердила Жанна.

– Да, руку он ей подавал, выходя из автобуса, чтобы все

восхищались его обходительностью и считали идеальным мужем. Он сам по этому поводу противно шутил. «Все видели, какой я хороший?» – вспыхнула Инна. – Какой цинизм! А под руку ее брал как собственник, а не галантный мужчина.

– Его семья – внешне изящно упакованная мерзость, – буркнула Жанна.

– Он, а не семья.

– Познав горький опыт, Эмма потом и своих студенток в шутливой форме остерегала, чтобы боялись слишком обходительных мужчин. Мол, они не для вас, для себя стараются. Это их способ заманивания очередных жертв. А еще советовала, чтобы бежали они подальше от мужчин, которые сильно, слишком по-детски привязаны к матерям и потому всю жизнь будут отодвигать жен на третье место.

– Я тоже предупреждаю, – напомнила о себе Жанна.

– Сколько не учи, от всех бед не убережешь, – хмыкнула Инна.

– Смотря как учиться, – подковырнула ее Жанна.

– Эмма такая красивая! Помните, ее на еврейский манер звали Абигаиль. А Федор – стыдно признаться – умудрялся с издевкой проезжаться даже по ее внешности. Вот наглец, умеет отрицать очевидное. Это еще один из его «талантов», – сердито сказала Аня.

«Отчим меня тоже обзывал уродиной и страхолюдиной.

Изводил язвительными замечаниями, поднимал на смех, говорил, что я неликвид. Натерпелась от него... Тот же способ принижения использовал, – вспомнила Лена. – И это при том, что в своем классе я считалась самой симпатичной. Думал, буду злиться, бесноваться. Не вышло... Но где-то в подкорке все равно застряла непредсказуемая неуверенность. Что-то негативное отложилось и царапало... Только теперь я поняла, насколько Эммин муж похож на моего отчима».

– Бывает деспотичное обожание, – сказала Инна, предоставляя подругам самим расшифровывать смысл и подтекст того, что она заложила в свои слова.

– Мерзость. Апофеоз мужской логики! – фыркнула Аня.

– А Эмма, в силу своей воспитанности, никогда не касалась недостатков «интеллигентской» фигуры мужа. Об одном она иногда осторожно упоминала, покупая ему костюм или брюки чуть большего размера из желания скрыть его удачным покроем одежды. Федька любил носить всё в обтяжку, сильно прилегающее, что подчеркивало его «особенности». Эмма для него старалась, а он бесился, упрекал ее в предвзятости. Тоже мне, Аполлон Бельведерский!

– Ты это о чем? – не поняла Аня.

– О его достаточно мощной и тяжелой пятой точке и узких плечах? – догадалась Жанна. – Крепкие ягодички – достоинство. Помнишь визит бравого солдата Швейка к жене своего начальника?

«Не совсем безобидный разговор. Не обошлись без ба-

бых базарных пересудов. Эмма не унизилась бы до общественного обсуждения «огрехов» во внешности своего мужа. Какой-то нескромный, неприятный интерес к чужой личной жизни, – поморщилась Лена. – Мне кажется, Эмма вчера, впервые рассекретившись, говорила только о нравственной системе координат. Разговор девчонок вызывает во мне чувство неловкости».

Она взглянула на Инну, давая понять, что та говорит лишнее, но, не достигнув желаемого результата, достаточно сильно сжала плечо подруги и прошептала ей на ухо:

– Безнравственно смаковать чужие физические недостатки. Хромает деликатность или напрочь отсутствует?

– Это просто дурной тон! – наигранно-легкомысленно защитилась Инна.

– Это еще и сплетни. Доставляешь себе злорадное удовольствие?

– Нет. В познавательных и воспитательных целях такие беседы иногда полезны, – тихо оправдалась Инна.

– Для молодежи, – сухо уточнила Лена.

– Бабушка говорила своей дочери, моей приемной маме: «Пригаси свое «я», и тогда у него будет целая жизнь, чтобы исправить себя». Но это верно, если муж любит жену больше, чем себя, или, по крайней мере, не меньше, – сказала Жанна.

– Любовь – это нечто такое, что оба должны возвращать

вместе. Эмма была мягка и послушна. И Господь, если Он есть, должен был вознаградить ее за это, а Он наказал. Почему? Знаменитый путешественник Конюхов говорил, что для него главное по жизни – уметь любить и никого не обижать. И Эмма жила по такому же принципу. Только прав был Достоевский, когда утверждал, что легко любить все человечество, но трудно полюбить соседа. Даже хорошего человека не каждый может оценить, – вздохнула Аня.

– Боязнь обидеть, расстроить, причинить неудобство – признак силы. Только что-то я ее действия у Эммы не заметила, – сказала Жанна.

– Это скорее свидетельство не силы, но воспитанности. Эмма никогда ничем не выдавала перед Федором своего превосходства. И свои обиды на мужа и его маму – до его измен – не выставляла напоказ. Если он больно ее задевал, она без упреков и объяснений оттаивала внутри себя, ночами плакала и тешила себя надеждами. Позже, успокоившись, пыталась поговорить с мужем, – заметила Аня.

– Напрасно, в таких делах надо сразу ставить мужчин на место. Нельзя иначе, – отрезала Инна.

– Это потом, заболев, Эмма, безмерно уставая, тоже стала иногда срываться. Но ее резкие слова были не желанием причинить Федьке боль, а защитой гордости забытой жены, её скрытой... любовью; не способом пытки, а формой отчаяния. Как-то она сказала мужу с обидой: «Я прощала тебя, когда ты будучи здоровым обижал меня, а ты даже мне боль-

ной не прощаешь нервных вспышек». Федор из тех, которые считают долгом чести вовремя вернуть друзьям занятые деньги, но долга любви или хотя бы уважения перед женой не признают, – продолжила Аня доносить подругам свое понимание отношений в семье Эммы. – Не во власти Эммы было удержать Федора от блуда. Они разговаривали на разных языках.

– Ты считаешь, что это кому-то по силам? – усмехнулась Инна.

5

Аня прильнула к уху Жанны и, смущаясь, зашептала:

– Ни в школе, ни в вузе я не слышала, чтобы девчонки говорили о сексе, только о высокой любви мечтали. А ребята постоянно на что-то намекали, вечно секретничали, пошлые непонятные анекдоты рассказывали об э т о м. Даже не считали для себя зазорным опускаться до скабрезных шуток. Почему?

– У кого что болит, тот о том и говорит, – ответила Жанна, но в разъяснение своего «тезиса» не пустилась. Инну принялась внимательно слушать.

«Наша жизнь в школе и в институте была так заполнена делами, что думать об эротических и сексуальных тонкостях любви нам не хватало времени. Мы даже не задавались этими вопросами», – вспомнила Аня и сняла решение этой про-

блемы с повестки «собрания» и тоже все свое внимание обратила на Инну.

– Эмма жаловалась мне: «Ложь, беспутство! Несется не ясно куда, закусив удила, да еще ставит мне в упрек мою порядочность. Федю тошнит от сознания моей правоты. Театр абсурда! А мне чужда его атмосфера. Она отторгается моим сознанием. Доброта! У него нет ее и в помине. Где прекрасная бескорыстная любовь? Где широкая открытая улыбка любимого? Моя душа каждый день по кусочкам, по отдельным частичкам отмирает. Федя всегда пасмурный, неуютный... Вот рассказала тебе, и мне чуть легче стало, словно от части ноши избавилась».

«Для твоей голубиной души «и небо падало... и тьма...». А для него: «Небеса могут подождать!» – отреагировала я.

«Моя любовь стала неотделимой от боли... с каким-то мучительным оттенком, но первое время еще оставалась всепоглощающей. А может, то была уже не любовь... Федя сделался изумительно невозмутимым. Его не волнуют мои заботы, проблемы наших детей, его раздражает мое постоянно тревожное выражение лица, обеспокоенный голос. Дети часто болеют. Младшенький даже в больницу попадал. Но когда дети выздоравливают, это служит наградой за мои бессонные ночи, за безмолвную борьбу с отчаянием. А Федя воспринимает мое желание делиться с ним заботами как непрошибаемое занудство, как попытку навязать ему противоестественное. А когда ухаживал, добивался меня, утверждал, что лю-

бит детей.

Что может быть выше такой формы близости супругов, как ощущение радости видеть спасенного ими родного человечка? Это счастье, исполненное глубокого смысла и любви. Мне казалось, муж должен чувствовать то же самое, что и я. Это же наши дети! К тому же вдвоем боль за детей легче переносить. А он не находит для меня слов утешения, не поддерживает, не разделяет мои волнения. Он даже не подходит ко мне. И это дополнительная, двойная боль. Она рвет мне душу. И в моей голове складывается какая-то странная мозаика нашей семейной жизни... А по радио в это время тихо лились прекрасные слова песен, те... что на разрыв души... От них я чувствовала себя еще более несчастной. Но не хотелось об этом думать, хотелось верить... И дети заслоняли всё.

Федя желает только чего-то красивого, беззаботного, безоблачного, радостного. Кто бы не хотел? А сам радости не доставляет. Откуда быть общности вбираемых приятных и грустных впечатлений, если он не играет с детьми? Он ни разу не был с ними в поликлинике, не водит в детсад, не учит с ними уроков. Хотя бы раз приласкал или потискал... Так ведь нет... Мы считаемся семьей, но нас редко видят вместе. И вместо того, чтобы хоть чем-то помочь, муж только вредит, мешает, глупыми спорами и руганью нарочно доводит меня до слез. И я в порыве гнева разрешаю наши затруднения не в свою пользу. Я вижу тщетность своих усилий, но все

еще надеюсь выстоять, доказать свою правоту. Я хочу, чтобы муж победил самого себя.

...Он умеет поворачивать ситуацию так, чтобы обратить ее в выгоду для себя. И добивается этого тем, что абсурдными замечаниями выводит меня из рациональной зоны в зону иррациональную, в которой проще манипулировать. Грубостью, высокими амплитудами шума берет. Я ему объясняю, что голос разума тих, к нему надо чутко прислушиваться, а не забивать криком. Но он глух ко всему, что ему неинтересно и непонятно».

«Странная тактика давить на оппонента истерикой. Это женская прерогатива, манера слабого человека», – возмущалась я услышанным.

«И мне же еще претензии предъявляет, мол, провоцирую и устраиваю ссоры. Видит только следствия, но не причины. Ведет себя так, словно ничего плохого от него в семье нет и что сама мысль о какой-то недоброжелательности к нему совершенно невозможна. Будто он идеальный, а его грубость оплачена авансом моих многочисленных грехов. Я не могу с ним быстро сладить, но не хочу продолжать ссоры на потеху соседям, тем более что шоу далеко не водевильные. А главное, при детях стараюсь быстро погасить отрицательные эмоции Федора и только тихо взываю жестокосердного мужа к его лучшим чувствам, и, сцепив зубы, про себя бормочу: «Не выйдет у тебя разрушить семью, не позволю испортить жизнь детям!» Чтобы сдерживаться, я произношу внутрен-

ние монологи. Он грубит, а стыдно мне. Он орет, а я молчу. Внутри себя кричу. Я не привыкла, чтобы со мной разговаривали в таком тоне, но иначе его не остановить».

«Как кричит полоска света, прищемленная дверьми». Строка из Вознесенского очень к тебе подходит», – с пониманием отнеслась я к словам Эммы. Ей понравилась моя находка. И она уже более спокойно закончила свою мысль:

«В шутку я такое общение называю режимом сохранения внутренней энергии».

«Поорать – святое дело, – рассмеялась я. – Один в один моя история с последним хахалем. У меня сил на разборки с ним тогда уже не хватало, и я говорила ему насмешливо: «Чем кричать, лучше бы пел».

«Как жить, чтобы не разрушать семью, не губить нервы детей и не унижать собственное достоинство? Надо уметь в игольное ушко пролезать? Я понимаю, если иногда человек разнервничается, но когда ежедневно – это неправильно. У любого равнодушного человека есть внутренний камертон. Кого-то он принимает полностью, кого-то частично; что-то ему нравится, что-то нет. Это нормальная реакция. Когда люди ежедневно находятся рядом, накапливается раздражение, и его надо стараться нейтрализовать таким способом, чтобы не наносить обиды друг другу А Федя, видимо, того и добивался, чтобы я поневоле всегда первая замолкала, тем самым якобы подтверждая его победу...»

«Но существуют психологически несовместимые лично-

сти. А если таких в семье несколько, то их жизнь превращается в ад, и, чтобы они не уничтожили друг друга, им надо разбегаться как можно быстрее и дальше. Родителям от детей, женам от мужей», – сказала я.

«Воспитанность в жизни Федора занимает явно не первое место. Я так и не научилась с этим жить: страдаю, сердце чуть не обрывается от каждого его окрика. Может, потому что у меня до него не было опыта громких семейных конфликтов? Проблемы были, но решались они в основном молчанием. А Феде ссоры привычны, может быть, даже необходимы. Он с детства проходил эту своеобразную школу «усмирения и укрепления» характера.

Когда туман любви полностью рассеялся и вместо вершин счастья я обнаружила пропасть, то окончательно поняла, что мы не подходим друг другу. Но было поздно что-то перерешивать. Дети, мои болезни... А теперь для Федора все настолько упростилось, что он уже не скрывает своих походов ипостаси... И я вижу, как он опять уже там, в своей греховной ипостаси, в своей пагубной страсти. Он наслаждается своей развращенностью. Срамота... И я пала духом. Сделалась съезжившейся, приниженной, безликой, как серая нечеткая тень раннего зимнего вечера. Не хотелось по утрам просыпаться, но дети... пусть даже уже большие. Я им всегда нужна. Знаешь, Инна, дети полностью меняют женщину.

Как-то сказала Федору, что больше не хочу. Не могу и не буду терзаться сомнениями, теряться в догадках, пытаться

понять его, поэтому в лоб спрашиваю: «Что для тебя представляет главную ценность жизни? Ты сам? Чем ты дорожишь?» Он рассмеялся, мол, ответ тебе причинит большую боль, чем мое молчание. А я ему: «Для тебя удовольствие сломать человека, увидеть его покорность? Но я не покорна. Я живу сама по себе, ты сам по себе. Вот и всё». И вдруг он мне заявил, что самая главная его победа – победа над собственным негативным мышлением. А я ему с усмешкой ответила, что эгоисты всегда имеют позитивное мышление. Их не волнуют беды и трудности тех, кто живет рядом. Им нечего в себе преодолевать. Они счастливы за счет других, на которых сбрасывают свои отрицательные эмоции».

Эмма провела ладонью по лицу так, словно старалась стереть с него следы горечи от тоскливых воспоминаний о своей жизни с Федором.

«Когда удовольствие одного покупается ценой страданий другого, когда один всё время выигрывает, а другой проигрывает... – размышляла я вслух, пытаюсь подыскать более точные формулировки. – Говорят, внутренняя свобода не зависит от внешних условий, мол, даже в тюрьме... Но как-то не верится.

А что ты на этот счет извлекла из собственного опыта? За время долгой семейной жизни твоя внутренняя свобода пригнана, полностью обесценена, забыта? О внешней я уж и не говорю. Смирясь в бессильном гневе, ты теряешь всё! Твоя жизнь – величайшая ценность, а ты тратишь ее на Федьку.

Ты самодостаточна и свое мнение должна ставить превыше всего, а не подчиняться чужому, даже ради детей».

«Это другая крайность», – хмуро заметила Эмма.

«С таким, как Федька, это оправданно. Ждешь от судьбы поблажек, подарков, воздаяний? Не надейся! У тебя страх потерять свою морально убогую жизнь? Это не поддается определению! Какие еще печали должны посетить твой уютный дом, чтобы ты проснулась?» – возмущалась я, пытаясь встряхнуть подругу. И перед моим мысленным взором, как всегда, пробежали собственные беды и неудачи, с которыми я могла справиться, лишь отторгая их причину.

«Ты отчасти права. Федор разрушает все, что я создаю. Он не понимает и не принимает элементарных житейских истин, признает только собственное, пусть даже неадекватное, абсурдное мнение, и своротить его с этого пути мне не представляется возможным. Я борюсь с ним, если только дело касается детей. Уж тут я не соглашаюсь с его некомпетентностью, отсутствием интуиции и упрямством, ни в чем не уступаю, всё делаю по-своему. Не позволяю детей калечить. Я взяла на себя смелость исподволь, без согласования с ним влиять на детей. Это сначала я мечтала о полном во всем единодушии с мужем. Собственно, Федор и сам с удовольствием самоустраняется. Последнее время, анализируя наши отношения, я все чаще прихожу к мнению, что он сознательно ведет ситуацию в семье к такому положению дел, чтобы быть независимым и полностью свободным от любых

семейных забот».

«А тут еще ночью «дежурит страх... не ведая рассвета...» На всех семейных фронтах у тебя проигрыши! – сокрушалась я. – Когда-то я тоже считала, что возможно сосуществование, потому что умные люди способны притираться».

«У нас не получилось. Я не могу подчиняться абсурдным желаниям и «заскокам» мужа. Кант писал: «Каждого человека привлекает звездное небо и нравственные законы внутри нас». Да, видно, не каждого. Некоторые люди все время находятся на границе ада или внутри него и считают это состояние нормальным. Об этом писали Достоевский, Данте и Босх».

«Небо, конечно, над нами одно на всех, только кое-кому наш небесный Покровитель, наш Спаситель много чего хорошего не доложил. Не нагнетай тоску, не изнывай. Во всем происходящем в вашей семье нет твоей вины», – успокаивала я Эмму.

«Я с себя вины не снимаю. В беде всегда виноваты оба».

«Если человек не умеет и если не хочет – степень вины разная, – сердилась я. – Священник Илларион в телепередаче как-то сказал, что когда человек ограничивает себя, тогда он замечает других. Мне эта мысль кажется правильной. Проникнуться бы этими умными словами Федьке... Любовь – краеугольный камень твоей жизни, но с ней ты оказалась такой беззащитной! Надо быть решительнее. Когда сомневаешься в себе, пребываешь в растерянности, то начинаешь

оправдывать поступки других, забывая о себе. Это неправильно. На горе судьба наградила тебя талантом любить. Она посмеялась над тобой. В студенческие годы я представляла тебя в возрасте за сорок эффектной, блистательной и достаточно властной светской дамой. А ты...»

«На работе я строга, ответственна и справедлива. Меня ценят».

«Там царишь, а дома ты будто совсем другой человек».

«Почему Федя не понимает, что пагубное влечение не только делает его непорядочным, но и обедняет, лишает счастья в семье, любви близких? Почему не задумывается, что испакостил свою и мою с детьми жизнь? Непонимание от недостатка ума и упрямства, от умышленного нежелания сообразовываться с мнениями других? От разного восприятия слова счастья? Для меня понятия семья, любовь, уважение, достоинство – простые, естественные истины, а для него они – темный лес. А эти его беспорядочные связи, нездоровые наклонности в интимной жизни... А чего стоят его бессмысленные взрывы, припадки умоисступления, когда любой пустяк, любое досадное недоразумение у него вырастает до размеров кошмара...»

«Это самая поразительная Федькина черта», – подтвердила я.

«Сколько их таких у него оказалось!.. И меня же еще потом распекает. Каждый раз одно и то же, слово в слово. «У попа была собака...» Это кого угодно доведет до коматозно-

го состояния. Не могу я проникнуть в мрачные недра его души. Как жить, чтобы в такой обстановке не потерять лицо? Что делать, чтобы об тебя не вытирали ноги? Малоприятные подробности... Как тут станешь держаться с достоинством королевы? Нет, я понимаю, все люди не идеальны. И у меня куча недостатков, но я борюсь с ними. подтруниваю над собой, мол, «села в лужу» со своими идеалами. А когда совсем уж становится тошно, пореву в одиночестве и прихожу к детям, напевая беззаботно «Без женщин жить нельзя на свете. Нет!..» или «Пускай капризен успех, но он выбирает из тех, кто может просто посмеяться над собой». Хотя, сама понимаешь, смеяться над крушением своих надежд так трудно!»

«Как всегда самоедством занимаешься. Безнадежное и жестокое стойко воспринимаешь», – понимающе вздыхала я.

«Как-то не выдержала и выразила Феде свою обиду: «Отчего ты такой нервный, дерганый? Не распускайся, не считай каждую мелочь трагедией. Ты же умный. У тебя есть чувство юмора – комплиментами его «подмазывала», – посмейся над собой, скажи себе: я виноват, я ошибся. Вернись на грешную землю. У всех есть недостатки и комплексы неполноценности». Так он такую бучу поднял! Он – и виноват! Кричал, обзывал, ахинею нес. И я опять терзалась, вспоминая свой позор, свои слезы и думала, что мне легче переспорить сто женщин, чем одного мужа, потому что он не логичен. – Эмма горько усмехнулась. – В других семьях как-то обходятся без скандалов, грубости и нервоотрепки. Может, конечно, иногда

и спорят, но ведь не каждый же день».

«Один прекрасный психолог сказал: «Бойтесь людей с комплексом полноценности и превосходства. В них присутствуют нарциссизм, самовозвеличивание и отсутствуют сомнения. Крайности в переоценке своих достоинств непредсказуемо страшны. Это полный паралич личности». Вот и твой Федька «лишь такой приемлет мир, в котором сам себе кумир».

«Есть люди внутреннего покоя и гармонии, а есть неумные на пустом месте. Счастье любит тишину. Не понимает Федя, что семейное духовное единство не стирает индивидуальность, а, наоборот, воссоздает, развивает, закрепляет и возвышает».

«Не разглядел Федька в тебе сокровище. За миражом гоняется. Да еще считает себя правым. Потаскушек коллекционирует. Он, как никто другой, должен был знать, что отсутствие эмоций на твоём лице является главным доказательством их наличия, свидетельством отчаянной попытки удержать их под контролем. А он кричал, пытаясь вывести тебя из равновесия, шел на поводу у чувств, напоминающих наслаждение, испытываемое садистом. Помню, как ты сидела, вцепившись в спинку стула, для того, чтобы не дать воли рукам. И в отрывистости твоих тихих слов звучала невысвобожденная ярость. А твой муж стоял напротив со счастливым видом в позе Наполеона. О это его искреннее естественное позерство! Он не живет, он играет роль победите-

ля! Артист погорелого театра, черт его побери! Мне хотелось закричать ему: «Федька, не делай из жизни сцену для своих гадких спектаклей!»

С чего всё это у него началось? С маленькой детской радости, за которую было немного стыдно? А потом, взрослея, получал удовольствие от мелких пакостей, уже не стыдись?.. И чем дальше, тем больше?.. «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу». А Федька кого и для чего выбирал? Слезы – естественное человеческое выражение чувств. Говорят, кто не плакал, тот не жил. Но нельзя же, чтобы они, пусть даже в скрытом виде, проливались тобой ежедневно. Ты часто видела мужа страдающим?»

«Ни разу, чтобы по поводу других. Только по себе», – ответила Эмма растерянно, видно впервые обратив внимание на этот вопиющий факт.

– «О негодующая Федра!» «Ей предназначено быть несчастливой!» Мистицизм чужд и противоестественен ясному чистому христианскому духу. Но так, видно, в народном сознании преломляется вера в чудо, стремление найти причину своих бед вовне, – сказала я задумчиво. – Терпением ты задавила в себе способность к сопротивлению. Это малодушие. Самое страшное – это неверие в себя. Нельзя отрицать себя и свои возможности!»

«При чём здесь порочная страсть Федры? Ты меня еще Медеей обзови, – рассердилась Эмма. – Нет, у меня не малодушие, а неумение противостоять нахрапистости и подло-

сти».

«Я так оценила уровень твоих эмоций», – оправдалась я, поняв, что Эмме в таком состоянии не до понимания моей иронии.

– Ну и тип этот Федька! Эксклюзив, аналогов ему среди моих знакомых нет! – зло выдохнула Инна, откинулась на подушку, привычным движением отбросила волосы со лба и тяжело прерывисто задышала.

– Из-за меня ты «уболтала» себя. Прости, – смутилась Жанна.

Но Инна уже продолжила рассказ.

...«Ссоры, мелкие размолвки – это нормально. Главное, чтобы они не заканчивались для тебя безутешной обидой. У Федьки-то утешительниц хватает, – брякнула я, не подумав. И тут же пожалела о своей ставшей уже автоматической привычке «цеплять за живое», потому что Эмма сразу замкнулась и отгородилась от меня обидчивым молчанием, пробормотав: «Не бери на себя слишком много. Потрудись выбирать выражения. Мне нечего тебе больше сказать». Она была еще слишком ранима.

«Какая уж тут изысканность чувств и слов... Прости, я не хотела тебя задеть. В горе кому-то легче, чтобы от него все отстали, а кому-то необходимо, чтобы близкие люди более открыто выражали свое сочувствие. Поверь, тебе надо выговориться. Опасно уходить в себя, отделяться от людей. Тоска

и обиды – голодные звери, которые могут тебя сожрать. Одиночество и желание побыть одной не одно и то же. Так и запить можно. Понимаешь, бывает кризис творческий, духовный и личностный. Последний – самый страшный», – упрасивала я Эмму. Но была наказана за бестактность.

«Женщина у нас – символ надежности. Я как-то услышала фразу: «Вожжи России в руках женщин» и подумала, что это не комплимент нашим мужчинам», – попыталась я снова разговорить Эмму, но она больше не открылась.

Я разозлилась, но не стала ей напоминать о том, что еще до свадьбы предупреждала ее о скрытности и уклончивости, лежащих в основе характера ее жениха, что он низкий, бесчестный и что хватит она с ним горя, наплачется. Пожалела. Я, помнится, чтобы разрядиться, в тот день на Федьку свое раздражение направила. Сказала ему, пока Эмма была на кухне: «Ты как тетерев-глухарь в период тока – ничего не видишь и не слышишь, кроме новой тетёрки. Шалопутный. Ты недостоин Эммы».

– Я не раз тонко подводила наш разговор именно к этой неприятной теме, намекала, что ее обожаемый жених страдает болезненной гордыней, что такие хлыщи, если начинают глядеть налево, то уже никогда не заканчивают. А она смеялась: «Любовь сильнее гордыни. Служить тому, кого любишь – счастье». По себе его мерила. Она вообразила, что мои слова – очередная хохма. Милая, наивная...

– Ну ты у нас провидица, Кассандра, – сказала Жанна. – Тебе, наверное, многие не могут простить того, что ты о них слишком много знаешь?

В ответ Инна только загадочно усмехнулась.

– ...Ну, так вот, прошло некоторое время, и опять Эмма мне звонит: «Не заговоришь судьбу. Федор будто сердце из меня вынул, он начисто стер желание жить, окунул в тревогу, в неуверенность, опустил в крошечный ад. Семья не должна быть колесом пыток, она нужна, чтобы людям жить легче было. Любить – значит, всю себя выкладывать перед любимым. Погружение в другого человека всегда сопровождается раздеванием собственной души. А он не открывается. Муж чувствует себя псом на привязи, но не оставляет нас в покое, не желает жить, как поется в одной бардовской песне: «Любовники – по рабочим дням, по выходным – отцы». Он приходит в плохое расположение духа не только по причине неготового ужина, но и от моего отсутствия в доме к его приходу с работы. Он, оказывается, всегда искал только моей заботы о нем, а я принимала это за любовь. Терпела, мирилась с его несносным вспыльчивым характером, хотя всё моё существо противилось этому. Я жалела его, думала, что он сам от него страдает. Правда, замечала нестыковки в моих оправданиях его поведения, но искать их причины у меня не было времени».

«Федька, как и его мамаша, не может жить без объекта

для разрядки своего дурного настроения, ему требуется мишень для избиения, ему нужно кого-то изводить», – сердито утверждала я.

«Чем труднее мне сдерживаться после болезни, тем с большим удовольствием он пытается вывести меня из себя. Чем объяснить в неглупом человеке подобную странность? Добивает? Грубо, беспардонно издевается, с каким-то восторженным ожесточением. Делает все назло, наперекор. Это стало его второй натурой. Я не могу спокойно смотреть на то, как гордо и громко в нем заявляют о себе плохие черты характера. Сам себя выставляет в невыгодном свете, но не признает этого. И что интересно, ни разу ничем не пожертвовав в защиту своих суждений, яростно нападает на меня, без всякой логики охаивает мои доводы. При детях мне приходится лавировать, осторожничать, чтобы он еще больше не распоясался. Но когда мы одни, я иногда делаю ему замечания. Когда-то я должна напоминать ему, что он муж и отец, а не квартирант. И еще что он деспот. И, конечно же, навлекаю на себя поток злого сарказма, произносимого на высоких тонах, с раздувающимися от раздражения ноздрями и энергичной жестикуляцией. На что я сдержанно отвечала: «Сарказм хорош, когда он продуктивен». Представляешь, обвинив меня во всех смертных грехах, он кидается на диван, принимает позу безысходного отчаяния с глазами умирающей дикой газели, «надевает» на лицо маску оскорбленного негодования или обиженного несчастного и дуется.

Такое поведение проводит меня в замешательство. Он как... истеричная женщина. В нем мужское меняется на женское? Он и в этом копирует свою мать?» – рассказывая, растерянно недоумевала Эмма.

«Сейчас среди мужчин большой процент инфантильных взрослых «мальчиков». Прекрасно ухаживают, потому что это им самим нравится, ярко и празднично женятся, а когда «опадает брачное оперение», не знают, что дальше делать. Они оказываются невероятно ранимыми, обидчивыми и абсолютно неприспособленными. Им нужно поклонение, восхищение. А чем в них восторгаться?.. И возникает недовольство, которое проявляется в хамстве и загулах», – выразила я Эмме свою точку зрения.

«И в полном отсутствии искренности и честности», – добавила она.

«Нет, Федька вполне искренен во лжи и самолюбии. Кичится своей невоспитанностью, тем, что дипломатия в семье не его сильная сторона. Но он побеждает! И внешне устойчивый корабль семейной жизни начинает тонуть. Тебе достался один из ярких представителей этого племени», – сказала я Эмме полушутя.

«Глупая, я думала для себя мужа берегу. Сначала его «отклонения» мало в чем проявлялись, и их причину я относила на свой счет. В себе искала недостатки и склонялась к тому, что это скорее моя вина. Она в неопытности. А Федор... Ничто из того дня не удержалось в моей памяти, кроме...

ужасного известия... Его не волновало, как выглядело его поведение с точки зрения элементарных норм порядочности и человеколюбия. Он восторгался собой!»

«Федька свободен от «предрассудков», а ты себя винила», – зло рассмеялась я.

– Боль звучала в словах Эммы. А у меня она в стучала в висках и вызывала чувство жестокой неприязни к Федьке. Я так любила и жалела Эмму в минуты ее откровений, я так сочувствовала ей! – с неожиданной теплотой в голосе сказала Инна и вздохнула.

6

– За каждой большой чистой любовью ищи огромное доброе сердце, – сказала Жанна.

– Сердце. Оно только прекрасный насос или все-таки в нем заключена и некоторая метафизическая, божественная суть? – спросила Аня.

– Ну и вопросыки! Я думаю, сердце тут ни при чем. Душа составляет суть человека. А когда он умирает, она отлетает, пополняя биоинформационный слой мироздания, – ответила за всех Жанна.

– А где она находится? – с усмешкой спросила Инна.

– Я думаю, в голове.

– А сердце почему отзывается на горькие ситуации?

– Мозг посылает ему импульсы. Когда прикоснешься к горячему, почему руку отдергиваешь?

– Спасибо, напомнила. Мне больше не потребуется консультация биолога. Я надеялась услышать что-то новое, экстраординарное, – ответила Инна раздраженно.

– Помните, у поэта Дементьева: «Я живу открыто, как мишень на поле». Это об Эмме. Такой она была в студенчестве, – сказала Аня.

– Совесть – голос Бога в душе человека, – это тоже о ней. Ее мама во многом тому поспособствовала, – добавила Жанна.

– Я думаю, легкость в общении привлекла Эмму в Федьке, – сказала Инна.

– Легок он с чужими людьми, а в своей семье – несносный. Эмма не трогает его, но все время настороже. Знаете, как тяжело общаться с человеком, от которого постоянно ждешь грубые выходки! Ведь Федор ведет себя так, будто всё время защищается, отбивается от нападков. Любые ее слова в штыки принимает и поднимает бучу. То ли мнительный такой, то ли каждодневные семейные ссоры с детства приучили его во всем искать подвох и подтекст? Эмма, бывало, уговаривает его: «Живи проще, не придумывай проблем. Я не хочу твоей покорности, мне твое разумное соучастие и сопереживание нужно», – формулировала она мужу свое понимание отношений в семье. Но он же тупо упертый. Он ее обвинял в бес-

чувствии. Предъявлял претензии женщине, заслуживающей не только одобрения и уважения, но и восхищения! Наверное, судьба сама затаивала дыхание, наблюдая такую дикуую несправедливость! А Федор с удовольствием свои недостатки жене приписывал. Таким способом, как правило, защищаются виновные, – возмущенно заявила Аня.

– Ты права, Федька понимал, что виноват, но, устраивая истерики, старался переложить бремя своей вины на жертву. Только нечестные люди так ненормально болезненно реагируют, когда им не верят, и тем самым желают убедить, задурить голову. Таков его метод существования в семье. Его душа – помойка, – еще более резко высказалась Инна.

– Я тоже очень обижаюсь, когда мне не верят, – сердито не согласилась с ней Жанна.

– Сравнила! Разница в вашем поведении налицо! Ты логично доказываешь свою правоту, а он в дурь лезет, – объяснила Аня.

– Федору, наверное, казалось, что чувством вины его хотят привязать к семье, лишить свободы, – предположила Жанна.

– Такого ничем не привяжешь, пока он сам не уgomонится. Гоняясь за химерами, он прозевал настоящую любовь прекрасного человека, – вздохнула Аня.

Она сидела на матрасе, придвинув колени к подбородку и обхватив их кольцом рук, вся компактно подобравшись, и казалась сама себе маленькой, той одиннадцатилетней де-

вочкой, какой была тогда, оставшись одной-одинёшенькой на всем белом свете...

– Ну, если их взращивала любимая мамочка... – съехидничала Инна. А она знала, о чем говорила. – Не сумел Федор отстоять перед матерью свое право на любовь к кому бы то ни было, кроме нее – в данном случае к Эмме, – и навсегда распрощался с нею. Только влюбляться был способен.

– Разменял любовь и уважение на капризы и вредности своего и маминого характера. И Эмма подчинялась такому? Невероятно! – возмутилась Жанна.

– Сначала с радостью, потому что любила. Ей хотелось заранее во всем соглашаться с Федором, что бы он ни сказал, что бы ни сделал. Это много позже она разочаровалась, когда пелена с глаз сошла. Эмма долго боролась с мужем, отстаивая свое право на любовь, потом отстранилась. Сколько раз ночами она думала о разводе! Но в свете просыпающегося дня решимость ее таяла, как утренний туман, который она в детстве любила наблюдать на рыбалке. Жила с мужем, как с квартирантом. Ждала, когда дети подрастут. Его присутствие равнялось отсутствию, – объяснила Аня.

– Нет, она в минусах была, потому что переживала, но продолжала с ним нянчиться. А он барствовал, – не согласилась Инна.

– Несносный! Эмма, выходя замуж, не нанималась ему в объект для битья, – возмутилась Жанна. – Дочь моих друзей десять лет была замужем. А потом сказала: «Зачем я, глу-

пая, столько лет терпела, страдала? Поведение мужа выбивалось из моих ясных устоявшихся представлений о семье. Он мне все нервы издергал. Мне все время хотелось выбить это лишнее звено из цепочки связей своего мира. Разведясь, я словно заново родилась. Я замирала от возможностей, раскрывшихся передо мной». Она шутила: «С мужчинами надо вести себя, как с собаками: строго по заслугам награды выдавать и по величине проступков наказывать, чтобы порядок знали, уважали и боялись. Мы сами благодушествуем с ними, а потом скулим».

– Федор первый отстранился от семьи, и бороться уже было не за кого. Судьба поманила Эмму и обманула, – вздохнула Аня.

– Судьба ли? – усмехнулась Инна. – Чужая жена – лебедь белая, своя – горе горькое. С чужой одни шашни и никаких забот.

– За терпение и добродетель Эмме воздастся. – Конечно же, это Жанна сказала.

– Медаль получит? – насмешливо спросила Аня. – Помните шутку юмориста Задорнова? «Сочетаясь браком, что получает женщина вместе с кольцом? Медаль «замужества» или «за мужество»?

– Воздастся на том свете?.. «Бог наказал любовью всех, чтоб в муках верить научились», – пропела Инна.

– Верить? Ну, если только в Бога, – усмехнулась Аня.

– Грех гордыни обрекает на одиночество, – в ответ про-

цитировала Жанна.

«О ком она? – не поняла Аня. – Она против развода Эммы с Федором?»

«Неподходящее время для длительных излияний выбрали подруги», – подумала Лена, поняв, что разговор этот продолжится, затянется надолго, и попыталась погрузиться в сладкий сон. Но ее обволокла лишь тяжелая липкая полудрема.

– ...Любовь – это так страшно и... так счастливо. Она – дар небес! – мечтательно вздохнула Аня.

– Одно дело знать, что такое шквальная любовь, совсем другое – ее чувствовать. «Любовь – навзрыд и насмерть – болезненная связь», – сказала Инна.

– И непостижимая, – вклинилась в разговор Жанна.

– Это легкое помешательство.

– А иногда и очень тяжелое.

– «Разве можно понять что-нибудь о любви», – выразительно продекламировала Инна строчку из песни Окуджавы. – Вечные страсти и трагедии. «Я неведомой силой прикован к тебе». Ничто не приносит столько несчастий и счастья, как любовь.

– Это касается всех видов любви? – спросила Аня.

– Ох уж эта похоть и связанная с ней низость! Ох уж эта изысканная пытка любовью! «Кто же боль такую выдумал и за что она тебе?»

– И жемчуг слез на бархате цветка...

– Любовь как безумие.

– И как рабство? Не понимаю...

– Кто-то видит в ней присутствие дьявола, кто-то Бога.

– Аристотель считал, что дружба – это «одна душа в двух телах». Я бы о настоящей любви то же самое сказала.

– Если бы одна...

– У любви нет срока давности.

– Кажется, Горький сказал, что «дружба – любовь не плохая».

– Разве не Макаренко?

– Главное, в сути нет разночтения.

– Пушкин считал, что нет истины без любви.

– Да уж точно: без любви ничего в жизни не вертится. «И жизнь, и слезы и любовь».

– И без красоты. Даже в математике. Один профессор, глядя на работу своего ученика сказал: «Красиво, значит верно!»

– Любовь навсегда! Какое глупое, многообещающее слово «навсегда», – без перехода о другом заговорила Аня. – Но как прекрасна французская песня «Вечная любовь» в исполнении Шарля Азнавура!

– Любовь всегда начинается со сказки, – поддержала тему Жанна.

– А обман с доверия, – не преминула добавить Инна. – Все мы в юности мечтаем о любви до гробовой доски. Когда любишь, стремишься в небо. Любовь и верность! В отличие

от рубля – они уж точно валюта вечная, но не бесконечная, – пошутила Инна, ломая романтический настрой Жанны. – Бесконечной может быть только ненависть, но никак не любовь или горе.

– Так-то оно так, но после свадьбы, как правило, сказки, стишки и розы быстро заканчиваются. Это и есть правда жизни.

– Розы осыпаются, шипы остаются.

– Любовь – это одухотворенная чувственность.

– Не у всех одухотворенная.

– Таковы жестокие объятия обстоятельств. Хоть ложись да умирай.

– Особенно если вся жизнь будто срежиссирована кем-то вроде... Высшей силы, пренебречь которой не получается, – опять «проникла» Инна в тихий «школьный» диалог Ани с Жанной. И пропела беззаботно: «Все слова, слова, слова».

– Только поступки не врут, – подытожила Жанна.

«Пинг-понг какой-то. Для чего этот ликбез? Загрустили?» – не поняла Лена.

В расплывчатом диалоге подруг звучало сожаление без сочувствия, словно они говорили о постороннем, их не касающемся, просто репетировали урок. «Потому что постарели?» Лена, лежа с закрытыми глазами, не вслушивалась в их шепот и не оценивала, кому принадлежали те или иные фразы. Они вяло проплывали в ее голове, почти не задерживаясь.

– ...Будем вить ниточку дальше? – спросила скучным голосом Инна.

– Эмма надеялась прожить с мужем так, чтобы ничто не нарушало ее благостного мировосприятия, но так и осталась непонятой. Мечтала о гармонии. Счастливые люди не ищут войн в семьях, – изрекла Аня.

– И не хотят их между странами, – добавила она тихо и мечтательно. Помните, как английский лорд Ричард, претендент на власть, отрекся от нее во имя любви к простой женщине! Вот это любовь!

– Нечасто бывает так, как мечтается, – со зловещим спокойствием сказала Инна. – Сначала я внушала Эмме, что падения и взлеты – это обычное явление в семейной жизни. Успокаивала. Потом говорила: «Зачем тебе этот неразборчивый в связях гад, постоянные стрессы, грязные ссоры, бесполезные попытки найти компромиссы? Пойми, предмет твоей любви неадекватен уровню твоей любви. Не обманывай себя. У тебя не брак, а убожество».

– Хирургически точное замечание, – отметила Жанна.

– Я как-то сказала Федору: «Тебе выпало счастье, цени его». А он мне ответил: «Я – счастливый». Я ему о жене, а он мне опять о себе, – вздохнула Аня.

– «Посмей однажды посметь и ты поймешь, что освободилась от рабства. Разорви эту странную зависимость, и ты узнаешь, что есть другие, более интересные и богатые отно-

шения. Нельзя намеренно лишать себя возможного счастья, нельзя его бояться, – твердила я Эмме. – Ты же утрачиваешь себя! Доброта должна быть разумной, созидательной. Зачем тебе эта запредельная тяжесть? Гнойник в душе должен прорываться наружу, а ты его внутрь загоняешь, отравляя организм. Когда назревает разрыв, не стоит думать об отсрочке, надо поскорее ставить точку, иначе он «разъест» тебя. Ведь ясно как божий день, что ты уже и без того чудовищно изломана, опалена своей несчастливой жизнью. Ты каждый раз со страхом ожидаешь, какое еще коленце выкинет Федька, не ударится ли в бега за очередной... Не губи себя. Уходи без лишних проволочек от греха подальше или мужа попытайся «выслать» из семьи.. Неужели твоя душа не устала мириться? Ее еще не затопили обиды? Федька тебя полностью под себя подмял. У тебя забот выше крыши? Так они без него убавятся. По себе знаю. Твой муженек ограждает себя не только от забот, но даже от волнений по поводу семьи и оставляет в своей жизни и в своей памяти только радостное, интересное, возбуждающее. Оттого и кажется легким человеком. Его жизнерадостность, несмотря ни на что, не комплимент ему. В ней звучит... глупость и легковесность. Федька просто беззаботный и безответственный, не умеющий жить радостями и проблемами других, не знающий сомнений, колебаний и страданий. Он лодырь. А лень, как ты заешь, мать всех пороков. Все плохие дела рождаются от безделья.

В школе нас учили элементарным понятиям. Допустим, тому, что в поступках надо руководствоваться не только своими собственными интересами, но и принимать во внимание желания близких нам людей. Только, видно, Федька быстро понял, что ему это невыгодно, и прочно обосновался на твоей шее, используя твою простодушие и природную невинность. У него к этому несомненные способности, и, судя по мамаше, может быть, даже наследственные. Беззастенчиво заграбастал твою жизнь и хозяйничает в ней, как в своей собственной. Ты же понимаешь, что жить в свое удовольствие в семье можно только попирая права других. Я уже говорила тебе, что свобода всегда достигается за чей-то счет. Избавься от ига. Каждому человеку дается второй шанс. Главное – не упустить его. Ты веришь в перевоспитание мужа? Глупо».

И еще я говорила ей, что прошлое нельзя стереть, что неприглядная правда до самой смерти будет стоять между вами и напоминать о себе в самые неожиданные моменты. Это точно, без вариантов. Тебе не удастся сбросить с себя груз прошлого, избавиться от призраков. Жизнь никогда уже не будет прежней. И от твоих переживаний ничего не изменится в лучшую сторону. Человек не забывает ни плохого, ни хорошего. Наш срок на земле для этого слишком короток. Это старая избитая истина, и не надо строить иллюзий... А если суметь забыть всё свое прошлое, кем же тогда станет человек? Овощем?»

Но сама я такой вывод сделала из стонов Эммы: «Боится

остаться одна». Думает, наверное: «Другие поневоле упорные в своем одиночестве, а я своими руками должна лишиться себя мужа? Мне стыдно быть не замужем. Пусть будет хотя бы видимость семьи, ведь статус жены в головах людей намного выше статуса разведенки и тем более любовницы».

Инна закрыла глаза и некоторое время лежала неподвижно. Устала от своего длинного выступления. А отдохнув, продолжила рассказ.

– Эмма ответила: «Не смущай меня мнимой свободой. Развод – не панацея от всех бед. И хотя эта мысль постоянно нестерпимо зудит в моей голове, я из-за детей болезненно и мучительно чувствую себя жертвой без права выбора. А еще многое зависит от степени вовлечения в проблему участников обеих семей. Сложно принимать решение, когда знаешь, что кто-то еще от него может пострадать. В такой ситуации дистанцируешься от романтики. Думаешь, я проживаю не свою жизнь? Развод – это, прежде всего, поражение. Я помню, как была унижена разводом моя мама. Некоторые моменты из детства не забываются всю жизнь. Мне было очень больно и за маму, и за себя. Я не могла простить отцу предательства. Разумом понимала, а сердце не отпускало. Нет, один раз можно было бы... Влюбился, понял, что ошибся. Но если многократно... А теперь я не могу простить мужа».

«Знаю, тяжело дается прощение, но иногда приходится пересиливать, настраивать себя хотя бы на частичное... Иначе не вместить в себя всё плохое, что накапливает жизнь», –

отвечала я Эмме, имея в виду ее отца.

«Я постарела душой, изнасилась и словно потеряла чувство реальности. Семь пудов горя на сердце. Как его снять? Я на грани моих физических и моральных возможностей. Моя голова будто зажата между рельсов, и я... с ужасом жду приближающегося поезда. Пока не знала правды о муже, я говорила сама себе: «У меня трудное, но все же счастье». К сожалению, «радости любви длятся недолго, а боль любви – всю жизнь». Так поется в одной французской песне».

«И в русской тоже. Ты комплексуешь? – Я даже прикрикнула на нее. – «Умница, красавица! Это уму непостижимо! Жить болью прошлого глупо. Знаешь, что излечивает от комплексов? Любовь другого мужчины. Я бы интрижку на стороне завела, чтобы отомстить. Знаю, не сможешь. А ты полюби! Вдруг счастливая судьба настигнет тебя и разрушит великую любовь всей твоей жизни и ты узнаешь другую систему отношений между людьми, основанную на уважении, обожании и заботе? Помнишь, как Жванецкий шутил? «Может ли человек полюбить сразу двоих? Теоретически – нет, а практически – повсеместно». А ты до сих пор молишься на человека, который тебя давно предал.

«Нам с тобой только «гариков» Губермана не хватает, – отмахнулась от меня Эмма. – Не могу я ни того, ни другого», – уныло и обреченно простонала она в ответ на мое предложение.

«Считаешь, что ты «крылом печали венчана»? Не ввергай

себя в пучину обид. Тоской меркнет человек, обиды его сушат. Просто влюбись – и тебе сразу станет легче. Почувствуешь новые неповторимые эмоции. Они растопят твое сердце, вылечат душу. Обожание не мешает, напротив, дает стимул, дополнительную энергию, пробуждает желание жить. Между вами может оказаться много больше общего, чем с мужем. Любовь бестелесная может продолжаться всю жизнь. Правда, редко кому дано так любить», – сказала я тоном, сдобренным значительной дозой снисхождения.

«Нет в моем сердце места другому мужчине. Одолжи мне своего оптимизма», – отвечала мне Эмма печально.

«А инъекции здравомыслия не хочешь? Вот тебе чего не достаёт! Слишком большую власть позволила ты взять Федьке над собой. А любая власть суть насилие. Ты все так же верна себе? Согласись, это... ненормально».

«Ты меня осуждаешь?»

«Уважаю и жалею», – ответила я чистосердечно.

– Другой мужчина? Чего у нее не было, того не было. А зря, – усмехнулась Инна. – Замужним женщинам тоже часто не хватает в жизни радостного куража или хотя бы веселых моментов. Все заботы, проблемы...

– У нас право на адюльтер дается только мужчинам, а для женщин... – начала рассуждать Аня, по-своему, прямолинейно поняв усмешку Инны. – К тому же, глядя на Эмму, можно думать только о высшей духовной красоте.

– Это нам, женщинам. А Федька заявлял, что, вспоминая о ком-либо, он, прежде всего, видел изящные ножки и представлял...

– Пошлые примитивные натуры легко влюбляются и легко расстаются с объектами своей влюбленности, а натурам цельным, утонченным, сложным, трудно встретить свой идеал, – сказала Жанна. – Для таких личностей влюбленность превращается из созерцания в настоящую любовь и в познание себя. А это непросто...

– А Эмма мне всё про свою беду с тоской «пела», мол, стала выговаривать Феде: «Много энергии? Говоришь, что матереешь? Так сделай для семьи что-то захватывающее, особенное. Стоит ценить каждый момент жизни, проведенный с семьей. Подари себя детям! Пойдем всей семьей на концерт, на выставку, на рыбалку, или в лес по ягоды и грибы. Я в них азартна. Только темнота и невозможность продолжать увлекательные поиски приводят меня в чувство. Эти вылазки для меня как радостные отголоски детства. А с тобой такие походы будут настоящим счастьем для всей нашей семьи... Веди детей по жизни, учи, люби...» А он не поддержал меня, не пошел на сближение. Не нашла я понимания у мужа. Он человек берущий, но не дающий».

«Я бы прямо спросила Федьку: «Тебе скучно? Так сделай нашу жизнь более интересной. Осчастливь детей. Кто тебя должен развлекать? Задайся этим вопросом и будешь возна-

гражден любовью детей. Или ты и в этом деле хочешь быть на всем готовеньком?»

«Я – эмоциональный центр нашей семьи, но за домашними делами у меня остается мало свободного времени, поэтому мне мужа хотелось вовлечь. Я считала, что бороться с недостатками менее перспективно, чем взращивать и развивать достоинства. Но не тут-то было... Он был глух и слеп к моим просьбам, доводам, к моим желаниям. Странное категоричное неприятие всего, что касается семьи... Я пыталась взывать к его отцовским чувствам. Так нет же: «Шиш тебе с маслом! – так свекровь моя обычно говорит. – Зашивайся, но сама отдувайся». Не хочет Федя участвовать в жизни семьи. Только присутствует и пользуется. Ни души наши не совпадают, ни тела... Ему претит – как он выражается – моя материнская гипертрофированная любовь вне реального поля, мое еврейское кудахтанье над детьми. Укоряет за повышенное внимание к ним. «Мне больше любить стирки и мытьё полов, чем наших малышек?» – спрашивала я мужа, намекая на его излишнюю щепетильность в вопросах чистоты, которая в нем проявлялась только в требовании постоянно и тщательно прибираться за ним. Сам-то он неаккуратный, но пальцем не шевелит, чтобы что-то сделать для создания себе комфортного условия существования.

Федора я своей заботой не обделяла. Даже наоборот. Он для меня как самый трудный ребенок. Но ему все мало, потому что он не ценит моего внимания. Такие вот у нас с ним

расхождения... И получается для него «ярким» и запоминающимся только время наших ссор, которые сам же и разжигает. Как-то опять пришел домой злой, раздраженный, наорал на всех. Молча поужинали. Федя отдохнул, пока я возилась на кухне. И тут я говорю ему: «Твое поведение ни с чем не соотнобразуется. Разве усталость достаточная причина для того, чтобы кричать на детей, доводить их до слез? Это как молитву произносить, топая ногами. Сдерживайся, береги их нервную систему. Наши ошибки возвратятся к нам бумерангом. Сегодня ты кричишь на них, а завтра они могут тебе ответить тем же. Может, придумаешь другие способы общения? Я хочу оградить от будущих проблем и детей, и тебя». И как ты думаешь, что он мне ответил? «Мне в голову не приходят такие идеи и отговорки, которые ты не восприняла бы в штыки. У меня фантазии не хватает придумать. Сама сочини. Какой вариант легенды ты бы выбрала?»

«И конечно, на лице ни тени понимания своей вины», — уверенно заявила я.

«Ты бы слышала, каким тоном он это произносил! Сколько в нем было сарказма и пренебрежения. В глазах сквозил отблеск злой усмешки и гордыни. Вот, мол, Я какой умный! Он считает подобное поведение нормальным. Воображает, что я должна ценить его юмор и не держать на него зла, потому что понимание юмора обязано побеждать обиду. Только что-то за ним подобного умения я не замечала. Тем более что и эти слова не из его копилки. У какой-нибудь из сво-

их «дамочек» позаимствовал. Я пыталась не реагировать на иронию Феди, внушала себе, что муж так неудачно шутит. Не всем дано. Но мое молчание только разжигало его желание злее зацепить, больнее уколоть. Как-то не выдержала и сказала: «Ты думаешь, я не могу иронизировать, как ты? Я просто не позволяю себе быть грубой и бестактной. А ты говоришь любую гадость и пошлость, а потом утверждаешь, что это была шутка. Наверное, таков мужской юмор, но не забывай, что я женщина и твои слова не по адресу».

Дети подрастали. Я стала водить их в кружки, студии, сама с ними занималась и мужа пыталась за собой повести, как в игру втянуть. Я объясняла ему, что этим мы не отдаляемся друг от друга, а спланиваемся. Просила больше уделять времени детям, потому что семья – самое дорогое, что есть у человека. Но он ничего не хотел делать для нас. Глухая стена его безразличия разделяла нас. Видно, не хватило у меня гибкости или красноречия, чтобы втолковать, увлечь. Ему проще было в дурь, в грязь лезть. Легче обвинить меня в том, что я своими заботами убиваю в нем радость, опускаю с небес на землю, не позволяю быть счастливым. Справедливости ради замечу: случалось иногда вместе куда-нибудь выбраться, если его желание совпадало с моим. Но так редко! А когда я узнала... так он и вовсе перестал интересоваться семьей».

«Чувствую стойкий, густой, настоящий на неудачах запах разбитых надежд. Но нам не привыкать воевать!» – Я

попыталась своим оптимизмом отвлечь Эмму от грустных мыслей, но, не достигнув результата, вскипела:

«Не хочет семьей заниматься? Ты везешь, он погоняет. Начальник, черт его побери! Ха! Он занят своим «огромным» внутренним миром. Какой «творческий» человек! Он и не думает ослаблять удавку на твоей шее. И, если уж быть совершенно точной, только затягивает ее, подсовывая тебе все новые виды работ: то ремонт, то сад, то огород, да еще ищет, в чем бы еще тебя обвинить. Я бы сказала Федьке: «Дорогой, пора раскрыть свои намерения. Сформулируй свое жизненное кредо. Что, трудно вынимать смысл оттуда, где его нет? Тогда проваливай, да побыстрей!» Я бы не оставила ему выбора».

«Этими вопросами нам надо задаваться до свадьбы, – грустной молчаливой усмешкой отреагировала Лена на рассказ Инны. – ...И в работе, и в похвальбе нет тебе равных, подруга!»

– Еще Конфуций предупреждал: «Остерегайтесь тех, кто хочет вменить вам чувство вины, ибо они жаждут власти над вами». – Это Жанна сделала свою умную врезку в осмысление рассказа Инны. – Аня, ты хотела бы власти?

– Если только для того, чтобы помогать детдомовским детям.

– Тебя бы в депутаты.

– «Федя не хочет замечать свои недостатки и не терпит напоминания о них. Говорить об его ошибках, что злую собаку против шерсти гладить. Но я же свои не скрываю и стараюсь изживать. Только он все равно придирается к мелочам, под лупой выискивает недочеты, изъяны, и, если не находит, приписывает мне придуманные, чаще всего свои. Он не догадывается, как огорчительны для меня любые его нечестные замечания или не видит в этом ничего дурного?.. А попробуй я его тронуть за дело... Какой-то рок висит надо мной. Как же все это хочется поскорее забыть!»

«Но нет покоя голове в венце» беды», – посочувствовала я подруге.

«Иной раз задумаюсь... Может, Федя все понимает и умышленно себя так ведет?» – в который раз спрашивала меня Эмма с болезненным надрывом.

А я уходила от ответа. Не добивать же ее? Я о другом ей говорила:

«Красота семейных отношений дарит людям желание жить и радоваться. А Федька в домашнем счастье не нуждается. Ему хватает радости на стороне и любви к матери. Он так и не понял, что любовь к жене, детям и матери – разные сферы чувств, разные потоки энергии, перемещающиеся по отдельным «трубопроводам» души. Они не перемешиваются и не сливаются. Любовь к своей семье не уменьшает любви к матери. Их нельзя сравнивать, приравнивать, ни делить, ни складывать. Меняться может только количество, но не каче-

ство внимания. Меня поражает его незнание простых житейских истин. Это не говорит в пользу его ума».

«Этого, прежде всего, не понимала его мама», – горько заметила Эмма. – Еще Федя не понимает главного: единственный смысл жизни человека – это сама жизнь. И дети – наше продолжение. А всё остальное, самое хорошее, пусть и трудное, вокруг них вращается, ради них достигается».

«В такой ситуации довольно самой малости, едва заметной трещины, чтобы разладить и без того ненадежное, разбалансированное устройство – ваш семейный механизм. А ты его чинишь, латаешь... сохраняешь ювелирное равновесие. Страшна в человеке слепая сила тупости, но еще хуже, если она сопряжена с хитростью, как у твоего муженька», – зло отреагировала я.

«Он услаждает плоть, не задумываясь о вершинах собственного духа. Ему кажется, что он по скромности упустил свою раннюю молодость и теперь лихо наверстывает, реабилитируется в собственных глазах. И тем творит ад в семье, – упавшим голосом делилась Эмма своей болью. – Как к такому приспособишься, если он шаг за шагом уничтожает все то, что было мне дорого».

«Да уж... Далек от сентиментальности. Федькины комплексы восходят к временам становления его ранней юности? Мысль не нова. Ах, у него ностальгия по утраченному!.. А у тебя что? Не хочешь быть с ним на одной волне? Думаешь, неприемлемо? Да-а... та еще задачка! Ладно, ладно, не

кипятись. Знаю, что не твое. Ох и возьмусь я за твое перевоспитание!» – шутливо пригрозила я.

«Я говорила Феде: «Ты не скучаешь без семьи в командировках, в отпуске. Тебя не печалят болезни наших детей, ты не радуешься их успехам в школе, не развиваешь их способности. Дети у нас талантливые, особенно младшенький, а тебе дела до них нет. А я одна многое не успеваю, как ни стараюсь. Ты лишен даже того, что доступно животным – заботы о потомстве. Ты как медведь-шатун. Только о себе голова болит. Откуда в тебе это безразличие и первобытная жестокость? Нет, современная, изощренная... Богатые часто не признают чужих страданий, а ты вырос в очень бедной семье, был любим, балован по мере сил. Почему же не любишь и не балуешь своих детей? Считаешь, что мало получил любви в детстве? Нечего отдавать? Мы с тобой почти не разговариваем, ничего не обсуждаем. Ты не замечаешь тех, кто рядом. Ты вне семьи ищешь с кем делиться своими проблемами?» А он злится и уходит в свою комнату. Так ушел бы совсем!»

«Ты же сама ответила: был любим, балован. Жил бедно, но горестей особых не знал, разве что завидовал более зажиточным. И что самое главное – трудностей никаких не преодолевал. Я как-то сильный фильм посмотрела. Там молодой человек, не знавший забот и проблем поехал в глубинку хоронить свою няню. Машина его застряла в снегу. Он сбился с дороги и чуть не замерз. В деревеньке некому было сколотить гроб и он впервые в жизни взял в руки пилу и моло-

ток. Потом по пояс в снегу добирался до кладбища и долбил мерзлую землю... Я думаю, домой он вернулся другим человеком. Федьке стоило бы получить хотя бы малую часть того испытания... А ты оберегала своего больного-притворного мужа.

Федька понимает, что ты по большей части в бытовых вопросах осведомленнее и опытнее его, но выглядеть победленным не хочет. А на стороне, на словах он умница, герой! А это так приятно! «Заливай», пой соловьем, обещаю что угодно...»

«Я уж и так и сяк к нему приноравливаюсь. Но он категорически считает, что если не по его, значит, плохо. Бесится, чуть ли не бьется в падучей. Артист. А что мне делать с ним, если он в откровенную глупость лезет, да еще требует воплощать свои с пылу с жару «великие» идеи? Тем более что сам ничего не делает, только командует. Хотя бы иногда соотносил себя и свои знания с чужим опытом. Я уж не говорю о моем. Любое «соприкосновение» с ним кончается ссорами и нервами. Мой муж – большой неблагодарный жестокий ребенок. По поведению ему всегда будет от пяти – максимум до пятнадцати. У него подростковый комплекс обидчивости, мнимого превосходства и эгоизма. Федя уже не станет по-настоящему взрослым, потому что это ему не нужно».

– У нас в семье закон: никогда не уезжать в командировку рассорившись. Мы даже спать не ложимся, пока не поми-

римся, – похвалилась Жанна. – А еще Коля не боится быть передо мной слабым. Я очень ценю искренность мужа и испытываю особую нежность, видя его беспомощным и немного смешным. Наверное, это и есть любовь, – добавила она очень тихо, будто чего-то побаиваясь.

– Некоторые мужчины всегда и во всем хотят оставаться детьми, чтобы их жалели, баловали, – подтвердила Инна. – Мой знакомый так объяснял мне причину своего развода: «Понимаешь, как это часто бывает с мужчинами, мне просто стало скучно. Захотелось легкости, яркой карнавальнойности, чтобы вновь почувствовать себя мальчишкой, испытать свежие чувства. В общем, потешить свое эго... Я тогда не думал, что предаю. Голова другим была занята. А вторая жена оказалась стервой. Я не выдержал ее прессинга. Она только требовала, а взамен ничего не давала. Вот тут-то я и вспомнил, какая мягкая, заботливая, ласковая и честная была моя первая и что дети – моя кровь, частичка меня и то, что полностью от них уйти нельзя».

«И что? Удалось склеить семью?» – спросила я.

«С годами. Но до конца жена так и не смогла меня простить. Не получилось у меня вынуть занозу из ее сердца. Я, конечно, старался, но себя все равно больше любил».

Я тогда подумала: «Не всякое предательство можно простить. Не всякая боль проходит. Не всякие долги можно вернуть». Я о моральных.

«И только теперь, когда ее не стало, я понял, что многого

в своей жизни не замечал, не фиксировал, что ни слава, ни деньги, а жена была моей единственной судьбой».

«А как нам с вами бывает жутко скучно!» – сказала я ему напоследок.

7

Лене, наверное, все-таки удалось ненадолго уснуть. И она услышала только конец разговора Инны с Жанной.

– «...Федя никогда не просит прощения, сколь бы ни был виноват, он не уговаривает успокоиться и даже не отнекивается», – пожаловалась мне Эмма.

«Серьезно попросить прощение способен только сильный человек, а у твоего Федьки на этот счет слабо в коленках», – недовольно отметила я.

А она без перехода, непонятно зачем, вдруг сказала совсем уж не к месту:

«Теперь я всех его... шлюшек наперечет знаю».

Похоже, это слово далось ей не с первой попытки. Наверное, долго не решалась сознаться.

«Всех ли?» – недоверчиво усмехнулась я.

«Не цепляйся к словам. И этих мне за глаза хватает. То с одной, то с другой сталкиваюсь. Одна, самая наглая, телефон постоянно обрывает».

«Та самая замужня кикимора и чувырла из чиновниц?»

«Другая. О той не стану рассказывать, а то в обморок упа-»

дешь или спать не сможешь».

«А эта тоже шмакодявка и мымра? Знаю его вкус».

«Скорее обыкновенная хищница».

«Присушила дурманом или другим каким зельем?»

«Околдовала, загипнотизировала Федю лестью. И он забыл, что ложь и откровенная лесть – близкие родственники, они исходят от гадких и подлых людей, и что поддающиеся лести беззащитны. С этой, тоже замужней, у него роман затянулся дольше обычного, потому что она сама его постоянно настойчиво атаковывала. Хитрая, настырная, уверенная, она не отлипала от него, преследовала, заманивала. Она ближе всех к нему подобралась, глубже других изучила его психику. До нее Федя был еще сносный. Именно эта его окончательно изменила, сделала злым и жестоким».

«Разве проститутки умней нас? Чем взяла? Может, тем, что будучи замужней, бросилась ему в объятья, семьей пожертвовала? Жена скучная, потому что не безрассудная, не хочет и не может изменять. Так он рассуждал? Любил шлюху за то, за что жену ненавидел бы? Где логика?» – спрашивала я Эмму.

«Ничем она не жертвовала, хитро скрывала от мужа свои похождения. А когда он узнал, то с холодным оружием носился за предполагаемыми любовниками. Невинным людям нервы портил. Понимаю, ему обидно было: он пахал ради нее, а она платила неблагодарностью и подлостью. Мужчины часто сначала делают, а потом думают. А некоторые, как

твой Федька, вообще не умеют думать и живут, подчиняясь обволакивающему «пению» хитрых особ.

Я поняла ее метод завлечения и удержания мужчин: постоянно атаковать, напоминать о себе. Она ни на день не оставляет объект своего преследования без внимания. Звонит, внушает, что любит, жить без него не может, ждет».

«Можно подумать, жена не любит мужа. Но ей некогда соловьем заливаться, надо семью обиходить», – фыркнула я.

«А любовница ни на миг не ослабляет поводок ошейника. Как тут вырвешься из ее «любовных» пут? Тем более если он, по привычке, и ей объяснялся в любви. Иначе заполнить... Артист! А она приняла его слова за чистую монету».

«Потом эта шлюшка то же самое своему мужу «поет». И все счастливы. И она порядочная! – рассмеялась я. – Мужчины по себе о нас судят, приписывают свои качества, утверждая, что нас притягивают их комплименты. Такое заявление частично справедливо только в период девичьей влюбленности. Женщина сердцем всегда права, а не умом».

«Ты знаешь, и о следующей любовнице Федя говорил, что она порядочная, потому что религиозная. «И в чем заключается религиозность этой проститутки? – спрашивала я у мужа насмешливо. – В том, что она прелюбодеяние не считает грехом или в том, что воровала мои украшения? Ты совсем умом повелся на сексуальной почве?» Федя никогда не умел сам отделяться от женщин. Иногда мне приходилось ему помогать в этом. Так вот, когда они с «липучкой» нако-

нец-то разбежались, я на какое-то время поверила, что это был день победы нашей любви... А она сказала мне: «Я не помню зла». Ты представляешь, она терроризировала мою семью и еще говорила о каком-то зле с моей стороны!» – удивилась Эмма.

«Она не помнит своего зла, – рассмеялась я. – Твой Федька тоже в разговорах часто упоминает, что он добрый и никому никогда ничего плохого не делал. Они же два сапога на одну ногу».

«А еще она заявляла подругам: «Жена не стена, подвинется... Хоть год, да мой». Так и слышу ее хорошо натренированный, приторный, с придыханием капризный «умирающий» голосок, которым она разговаривала только с мужчинами. Почему им нравятся вычурные слащавые кокетки? А ты бы видела, как она ведет себя с людьми, которые ниже ее чином! Будто «большая шишка» и все обязаны ей угождать. Слава Богу, теперь она рядовая, никому не нужная пенсионерка».

«Мир широк, но тесен... Ты же сама знаешь, чем умней и порядочней человек, тем он тише и проще. Ему не надо себя по-особому подавать, возносить. Он и так выше многих. Зачастую чем меньше чин, тем больше гонор. То, что она не сумела воспитать и выучить бесплатно свою дочь и не нашла общего языка с внуком, не говорит о ее уме. Чтобы «дурить» мужиков, достаточно хитрости и большого опыта в «работе передком», которого, видно, ей было не занимать, – сказала

я. – Хорошо помню и эту Федькину фитюльку. Видела эту чучундру в один из своих к вам приездов. Подражая тебе, она сделала стрижку и вырядилась в шляпу, похожую на ту, что ты носишь. Под тебя прихорашивалась. Но ты-то высокая, а она моська. Маленькая, страшенькая, корявенькая. Шляпа на ней смотрелась как на корове седло, как огромный зонтик гриба на тонкой ножке. Ужас. Тебе любые самые экстравагантные головные уборы идут. Ты даже на рыбалку и в лес платка не надеваешь. А пуховик? В нем эта дамочка в плечах была вдвое шире, чем в бедрах. Уродство! Она вкус под обломками своей хитрости похоронила или его у нее вообще не было? Да, кстати, ты читала ее научный труд? Великое исследование? Кишками чувствую, что «гора родила мышь».

«Непорядочное поведение не лишает таланта, если он был в наличии. Пока не читала, ты не имеешь права голоса. А если бы о тебе так бездоказательно? Хватит о ней», – жестко остановила меня Эмма.

И я сразу переключилась:

«Эта стерва всего лишь одно звено в цепи трагических событий твоей жизни. Послушай, после этой моськи у Федьки была другая, и еще... Чем он мотивировал свои походы на сторону? Две женщины у мужика – это уже катастрофа, а у него их... Я могла бы понять, если бы он обладал агрессивной сексуальностью...»

«Ничем. Просто хотел свежих чувств и новых впечатлений. Он не может пропустить ни одну, пожелавшую его,

пусть даже ради денег. А через все компромиссы совести он, наверное, давно уже прошел».

«В твоём голосе я не слышу уверенности, но мне тоже иногда кажется, что он идет к любой, какая глаз на него положит. Не он завоевывает женщин, они затаскивают его в постель, потому что он слабак и ненасытно нуждается в обожании! Чудны дела твои, Господи!» – Я молитвенно подняла глаза к небу.

«Все ополчились против Федора. Нельзя осуждать человека да еще с таким злорадным презрением, глубоко и все-сторонне не изучив его. Не понимаю я девчонок. Эмму явно покоробил бы подобный стриптиз-откровение», – подумала Лена, всё еще надеясь услышать о Федоре что-то положительное.

– ...«Эмма, ты прошла все круги ада. Он, видите ли, хочет! Все хотят, – отрезала я. – Да не все позволяют себе. Федор все время лжет, импровизирует. Но ведет себя так, будто за стенами нашей квартиры ничего предосудительного не делает. И нестыковки в своих объяснениях во внимание не принимает».

«Он врет не только тебе, но и себе, – рассмеялась я. – Знаешь Федькину фишку? Мне кажется, он дает возможность женщинам завоевывать себя, чтобы легче их оставлять. Мол, сами... Мол, я не воспринимал всерьез ни себя, ни измен-

чивую судьбу».

«Не знаю насколько ты права. Мне как-то пришлось наблюдать сцену его расставания с одной бывшей. Неприглядная картина. Он трясся от страха, боялся, что она не отстанет от него. А она неожиданно обрадовалась, будто сама не знала, как от него избавиться. А от другой он прятался, а она бегала за ним и шантажировала его чем-то. Мне кажется, он всегда ждет, пока сама женщина от него отстанет. Он трус и боится скандалов».

«А может, он тебя боится потерять? Не задумывалась? Не хочет доводить до грани... Такая вот «незначительная» деталь... Некоторым мужчинам нужен бордель. Это все же лучше, чем «индивидуальное предпринимательство», – шуткой смягчила я свое серьезное мнение на проблему. И о другом заговорила:

«Эмма, ты стала совсем неэмоциональной, слишком здравомыслящей, практичной, сухарем, что ли? Напрягает меня твой внешний вид».

«Я слишком замотана, даже ночью не удастся расслабиться».

«Зато у Федора есть время на фантазии и на их воплощение», – зло брякнула я.

«Знаешь, я хочу смотреть на солнце, на звезды, на счастливых людей, наблюдать их добрые поступки... Чтобы рожь колосилась, деревья цвели... Как давно я всего этого не видела! Мне не хватает положительных эмоций».

«Понимаю, чудовищно устаешь. Трое детей, полторы ставки и всё в одни руки».

«Вот подрастет маленький, тогда все вместе будем ездить любоваться природой».

(Тогда она еще была здоровой.)

«Льстишь себе надеждой».

«Вот увидишь, всё будет, как я говорю», – ответила Эмма твердо.

А я и не сомневалась.

– Любовницы для мужчин как второй эшелон, как запасной аэродром? – спросила Аня.

– В основном как объект для развлечений, как отдых от семьи. Случается, что мужья увязают по самое не хочу, тогда разводятся и женятся по новой. Влюбленные, они часто не способны объективно смотреть на обыденные вещи, считают, что ими движут исключительно положительные побуждения, ну и садятся голым задом на раскаленную печь. И всё повторяется по кругу: маленькие дети, заботы. Все как обычно. Ничего нового, – ответила Инна.

«Лекция для подростков или дебилов? Не пора ли положить конец гнетущим воспоминаниям?» – сердито ежится Лена.

– Знаете, я один спектакль трижды смотрела, только в разных театрах и с разным составом артистов. Одни его играли как трагедию, другие – как иронию, а третьи – как ве-

сельый фарс: широко, размашисто, весело. Вроде бы и в душу главного героя не заглядывали, не понимали истоков его горя, будто куражились, а герой в конце спектакля опять-таки умирал, отравившись газом. У меня был шок от этого абсурда. И был он сильнее, чем от трагедии, – поделилась Аня воспоминанием, навеянным Иннинными рассуждениями о семейных перипетиях.

– Ну, прямо как в жизни: каждый играет то, что ему близко, и так, как ему понятно, – поддакнула Жанна.

– А конец один, – усмехнулась Инна.

Аня после этих слов неожиданно рассмеялась:

– Моя знакомая Лида в детстве любила наблюдать за голубями, которые у нее на балконе жили. Так вот она рассказывала, что если по какой-то причине голубь оставался один, он начинал искать себе пару, разбивая другую семью. А как-то она разглядела птичью драму. У одной ее молоденькой голубки погиб голубок. В это время старшая пара уже высиживала яйца. Так голубь-отец начал усиленно ворковать и кружиться возле молодой «вдовушки», совершенно забыв о своей жене. А та, бедная, никуда не вылетала из гнезда, ожидая подмены. Лидочке было очень жалко старую голубку. Тогда она поймала этого ловеласа, готового свить другое гнездо и завести новую семью, отпустила полетать его голубку, а непутевого папашу водворила на его законное место: закрыла в родном гнезде. Оно было в посылочном ящике. Лида насильно посадила гуляку на яйца, напомнив тем

самым о его родительских обязанностях. И так проделывала несколько раз. А тут на счастье появился другой молодой голубь и образовал с «вдовушкой» свою семью. Пришлось гуляке возвращаться домой. Голубь, нахохлившись и слегка раздувая зоб, что-то тихо ворковал, а жена любовно перебирала ему перышки на голове возле глаз и клюва... Идиллия! Все как у людей.

Сквозь туман забытия Лена опять услышала громкий шепот Инны.

– «...Оплел, обманул. Где-то глубоко внутри созревало понимание, но мне было больно сознавать... Хотелось сказать мужу что-то подходящее случаю, да разве он станет слушать, разве поймет?.. Я мечтала встретить настоящего мужчину, чтобы видел мои любящие глаза, чувствовал мое верное сердце, чтобы купаться мне в своей женственности, чтобы не было сил оторваться друг от друга, жить, благоговеяно замирая от счастья, будто вдыхая медовую благодать лип и белой акации. Чтобы хотелось предугадывать малейшие движения души и желания друг друга. И тогда никакие трудности не страшны. За таким хоть на край света. А в голове у Феди ничего, кроме блуда, не произрастало. Только мерзость подлости... «Мечты, мечты, где ваши радости, мечты ушли, остались гадости». Как избавиться от ада в себе?» – спросила меня Эмма и горько взвыла.

– Вечный наш хлеб – наши прекрасные мечты, – сказала Жанна. – Мечты о времени, когда люди не будут убивать друг друга на войне и изощренно мучить в семьях.

– Ты о загробном мире? – с невинным видом спросила Инна.

– Инна, я тебя умоляю...

– Эх, пошто напрасно страдает?.. – Это Аня вздохнула. – Попадись Эмме хороший парень, как бы засветилась каждая грань ее прекрасной души! Честная, пронзительно чуткая. А теперь у нее в глазах жуткая неизбывная и такая неизбежная в ее положении тоска... Прошлого, прожитого не отменить... Всем хотелось бы, чтобы давалась одна судьба на двоих...

– Да, видно, не всем.

– Тоска – это самоистязание, ниспосланное человеку небесами со времён Адама и Евы.

– Опять ты за своё! Пророчествуешь тут под руку, – раздраженно одернула Жанну Инна.

– Не сильна ты в доброте, – беззлобно огрызнулась та и быстро переключилась:

– Здорово сочиняешь про Эмму. Пользуешься слухами? Не придумываешь лишнего? Не искажаешь события? Учтывая твой характер и темперамент... Давай условимся: не «заливать».

– Обижаешь! – совершенно искренне выдохнула рассказчица. – Я головой отвечаю за каждое свое слово. Мне хотя

бы частично успеть описать, хотя бы пунктирно, как судьба управилась с Эммой. Но я, конечно, наделена в высшей степени художественной правдой...

Инна с Аней переглянулись и понимающе улыбнулись друг другу. А Лена подумала с симпатией: «Хотите верьте, хотите нет, но Инна одна такая, единственная и неповторимая».

– Как давно ты приобрела специальность психотерапевта? – не удержалась от ехидного замечания Жанна.

Инна, конечно же, восприняла ее слова как комплимент. «Почему еще в общезнании многие девчонки бросались к ней, чтобы поведать о своих страданиях и переложить бремя своих бед на ее достаточно хрупкие плечи и таким образом если не избавиться от них, то хотя бы ослабить давление. Не раз я заставляла ее за подобной терапией. Почему именно к ней шли за словом сочувствия? Разве она располагала к откровению? Она лучше других понимала взлеты и падения, искореженные судьбы и даже опустившихся... до низшего уровня горького сиротства?.. Чтобы Инна знала и не проболталась? Не поверю. Она была бы последней, кому я доверила бы свои сердечные тайны. Я бы предпочла Лену». – Так размышляла Жанна.

А Лена в это же самое время подумала: «Как мы умны и прозорливы, с исчерпывающей полнотой оценивая чужие поступки, и как слепы в собственной судьбе и в ситуациях со своими родными».

– Непригляден порой этот мир, – вздохнула Аня. – Федор отверг в лице Эммы не только ученого, друга, но в первую очередь женщину. Наверное, это самое обидное.

– Вправе ли человек требовать от другого благосклонности, словно причитающегося ему долга, вот в чем вопрос? – Это Лена спросила.

– Как же без чувства долга? – растерялась Аня. – Где и в чем эта твоя хваленая золотая середина?

– Она в порядочности, – строго ответила Жанна.

– Раз уж речь зашла конкретно о Федоре, я позволю себе прибегнуть к более резким выражениям. Я считаю, что проблемы в их семье от того, что Эмма умнее. Думаешь, Федор к женщинам ходил? Он от жены убежал, вот что обидно, – сказала Аня, вдруг помрачнев. – Не по себе Федор ношу взял. Не удалось ему стать вровень с женой, но и принять ее превосходства не смог, вот и бесился. Кто он? Так... огрызок, обломок, обмылок. Не король, жалкая пешка. Я издавна питала к нему необъяснимое отвращение, но не проявляла его. С чего начинается мужчина? С ответственности за кого-то. А еще с сомнения в собственном совершенстве, чтобы мог расти во всех смыслах.

– Ого! «Хулой поспешной» не грешишь? Сквозь толстый слой доброты прорвалась наружу давняя обида? – лаская

Аню коварно-насмешливым взглядом, спросила Инна.

«Емко, лаконично выразилась, но с явным намерением лишний раз уронить Аню в глазах подруг», – тут же подумала Жанна.

– Но ты, Аня, права. Не удалось Федьке преодолеть барьер их умственной несовместимости. Везде, во всем и над всем оказывалась только она. Такого ему было не потянуть, – закончила свою мысль Инна.

«Поддерживая Аню, она не боится показаться смешной, нелепой и пошатнуть свой авторитет?» – удивилась Жанна.

– У меня тоже существуют некоторые сомнения относительно ярких умственных способностей Федора. Только зачем ему много ума при дефиците сердца? Но я думаю, что проблема Эммы в ее бесхитростности. Федору она на руку. Он, как я теперь понимаю, тот еще гусь! Вот и пришлось ей расписываться в своей беспомощности. Думаете, напраслину возвожу? Хитренькие уловки не помешали еще ни одной даже самой умной женщине. Они-то и оказываются мужчинам не по зубам, – выразила свое категоричное мнение Жанна. – Что, угодила в самую точку?

– Вряд ли, – усомнилась неопытная Аня. – Я склоняюсь к мысли, что...

– Мужчинам нравятся кокетки, их милые капризы. Они обожают игру. Она их заводит, возбуждает. Иначе у них может не получиться... желаемое. А это жестокий удар по самолюбию. Мужчины не любят пассивного «потребления» их

любви. А перед Федором была жена, постоянно измученная бессонными ночами с маленькими детьми, по горло заваленная работой. Мужчины не прощают женам потери привлекательности, игривости, того, что вызывают в них желание женщины. А еще их бесит отсутствие в свой адрес ярких похвал, потому что у большинства из них секс на первом месте. Иначе они не чувствуют себя мужчинами. Вот и сбегают на время или навсегда туда, где их будто бы больше ценят. И ничто их не удержит. Уверены, что на это счет у них имеются предпочтения.

– Странное, однобокое понимание мужской сути. Так помогайте женам быть такими, какими хотите их видеть... А как же нравственность и воздержанность? Иначе мы – животные, – ужаснулась Аня.

– Нравственность они оставляют женам, – пошутила Жанна.

– Эмма подыгрывала Федьке в постели, стонала, будто от удовольствия, потому что он ждал этих стонов и возгласов, – заговорщицким шепотом поведала Инна Ане, – но это когда души в нем не чаяла. А потом настали черные дни, и она...

– Противно.

– Многим женщинам приходится... сквозь прорывающуюся обиду. И что-то глухое и темное разливается в их душах... – таинственным шепотом «подсластила» сказанное еще одной пилюлей Инна. – С ходу я еще много чего интересного могу тебе сообщить.

– Не хило! (*Из лексикона подопечных?*) Беззастенчиво вкрапляешь вымысел?

– Чудачка. А ты, ясное дело, ожидала услышать мощный экспрессионистский, космический хор небес, хвалу во славу мужчин? Почитай увлекательные сказки Ветхого Завета, не такое еще познаешь о коварстве, предательстве и бытовой непорядочности. Там неоспоримые доказательства порочной и подлой сути человека, – победно-насмешливо посоветовала Инна.

– Я понимаю, Эмма – очень... настоящая. Бесценный налет естественности – это прекрасно, но чтобы вернуть свежесть восприятия друг друга, ей надо было фасон держать: наряжаться, подкрашиваться, пеньюарчики красивые надевать, нижним бюстом перед мужем вилять. В общем, пускать в ход свои чары, чтобы держать мужа в тонусе. Вот что мужчин манит и притягивает. Это, если честно, самое главное неписанное правило. В таких делах незначительных вещей не бывает, всё имеет свой смысл и свою цену. Моя бабушка говорила, что даже быка трудно заставить осеменить вялую неигривую корову, – высказала свое мнение Жанна.

– Какие пеньюары при Федькиной зарплате да с тремя детьми? Эмме хотя бы выспаться, отдохнуть... А ему нужен ее взгляд, таящий некий невысказанный мучительно загадочный смысл? – спросила Инна. И ее губы сложились в невеселую усмешку. – Хотела бы я взглянуть на Федькино лицо после нескольких бессонных ночей! Хотя, ты, навер-

ное, права. Насколько я знаю, раскол у них наметился именно в те сложные для Эммы годы. Год рождения третьего ребенка на моей памяти у них был самым трудным.

Лена с пониманием посмотрела на подругу.

– Эмма должна чаще улыбаться в компании, показывать, что нравится другим. Загадочность – это такой манок! – настойчиво продолжала свою линию Жанна, сделав вид, что не заметила взгляда Лены.

– Эмма говорила, что за всю жизнь ни разу не делала в парикмахерской маникюра, макияжа, массажа, не знает что такое маски на лицо, не имеет понятия о стилистах, визажистах. На свою внешность и на свой взыскательный вкус полагалась, – напонила Аня.

– Нашла чем хвалиться! Не познать триумфа искусства над Природой! Не знать природы соблазнения мужчины? Не умно, – удивленно сказала Жанна. – На работе Федор наверняка видит ухоженных женщин.

– Вся наша жизнь – притворство, так хоть дома хочется побыть самой собой. А тут... кривляйся перед мужем, – возмутилась Аня.

– А я думаю, вернее умасливать своего супруга раскованностью с ним в любви, а то мы слишком зажаты, мол, мы не развратные. Но что касается детдомовских... Откуда быть этой раскованности, если в детстве им открыто говорили, что вы «подкидыши» и что ваши матери «б», хотя в их беде причиной была война. Клеймо в душе на всю жизнь. Страх по-

казаться вульгарной. Это уже комплекс, – сказала Инна. – Современные молодые женщины другие. Как вспомню табуны девиц по вечерам в нашем парке...

– Эмма не детдомовская. Отца не было. Воспитание получила строгое, пуританское, – напомнила Лена. – Она любила мужа «как никто никого и никогда». Разве этого мало?

– Я о телесной составляющей. Еще я бы предложила Эмме после ссор наказывать Федора молчанием. Очень даже действенное средство, – опять встряла Жанна со своим советом.

– Эмма сама не умела выдерживать такой пытки. Я предлагала ей заставить Федьку ревновать.

– Отчаянная попытка вернуть мужа в семью, дав ему понять, кого он теряет? Да у Федора глаза были зашорены и уши заткнуты чужими комплиментами и ласками. Когда ей было потворствовать прихотям мужа? Это он должен был ее ублажать. Теперь поздно. Поезд ушел. Упустили они время, – сказала Аня, «вдохновленная» возражением Инны.

А Жанна вкрадчиво добавила:

– Не разгадала Эмма маневр мужа. Хочу сразу обозначить свою позицию по этому вопросу: Федор специально ее детьми по рукам и ногам повязал. Понял, что ради них она все стерпит. С моей подругой такая же история случилась.

– Оставила бы Федора да замуж пошла за другого, если бы подвернулся кто-то поприличнее. И начала бы жизнь заново. Хотя бы пристрелку сделала. Взяла бы в пример Лилию. Она запросто уходила от мужей и до сих пор жизнерадостная.

– Что за чушь! Нашла чем утешить. Тебе это во сне при-
виделось? Лиля долго «выздоровливала» после второго раз-
вода. Того человека уж нет в живых... Она говорила, что все,
что осталось от того, которого любила, со временем стало
для нее особенно дорогим... Замуж! А потом строить семью
на зыбкой почве одной лишь благодарности к новому мужу?
Ты же на своем опыте знаешь, как мужчины относятся к чу-
жим детям, – укорила Инну Аня. – Да и за Федора Эмма не
цеплялась. Если бы не сыновья, на фиг он был бы ей нужен
такой.

– Виды на замужество с тремя детьми весьма туманные, –
мягко заметила Жанна. – И даже не в детях дело. Вдруг на-
рвалась бы на еще худшего?

– Куда уж хуже?! – изумилась Аня.

– Люди живут страстями, любовью. Но абсолютно свобод-
ны они только в мечтах... Вот и ошибаются, «ломают кости»,
не удается полностью состояться. И получают недовоplo-
щенные судьбы. Мы хотим дышать, мечтать, любить, верить!
А нас... мордой в грязь. Эх, мать моя женщина!

«Не коррелирует это Иннин образ с ее прежним поведе-
нием, – засомневалась Жанна. – Такой я ее не знала. Надо
отдать ей должное: и в нынешнем возрасте она не растеря-
ла ни ума, ни очарования. Несмотря на невоздержанность
и слишком вольный язык, есть в ней какая-то изюминка,
что-то мало осязаемое, непередаваемое словами, на уровне
чувств. Трагический трепетный темперамент, что ли?»

И не удержалась, разоткровенничалась:

– Все равно надо мечтать! Мечты задают вектор жизни. Человек без руля как частица в броуновском движении. Без цели он – ничто. Есть цель, есть смысл жизни. А если она ничтожна или порочна?.. Не понимаю я некоторых мужчин. Почему они легко ломают свои семьи? У них нет ничего святого или они просто глупые?

Есть у моего мужа друг. Собственно, мы семьями дружили, по грибы вместе ездили, на рыбалку. Отправляясь с удочками на речку, всегда шутили: «Отомстим окуням за прошлую неудачу!» Они с женой составляли прекрасную пару! И вдруг узнаю: изменяет! Жена в трансе, дети переживают. Спрашиваю виновника бед: «Как это могло случиться? Она-то разведенка, тут и ежу понятно (*Какие у нас ежи умные!*), но ты же был порядочным!» «Даже не знаю, – отвечает, – побеседовали, почувствовали притяжение... Все было так мило, свежо, по-новому. Переживал, конечно, но думал, все будет шито-крыто, а жена дозналась. Подруги «посодействовали», – тут Жанна коротко одобрительно хохотнула. – Ну, прямо несмышлениш какой-то, а не зрелый мужчина! Я понимаю, если бы жизнь без любви оборачивалась пустотой, а тут... от «конфетки» не смог отказаться. Перестала я его уважать. Да и он порога нашего дома больше не переступает, если я дома. Знает, что я такие вещи не прощаю. И Коля при мне не заступает за него. Переживает за друга. А кто ему виноват? Коля понимает, что, оправдывая друга, он, по

сути дела, как бы оправдывает любого, предающего семью. Потому и молчит, точно воды в рот набрал.

– А жена его простила? – нетерпеливо спросила Аня.

– Человека, который за несколько минут общения способен настолько увлечься женщиной, чтобы лечь с ней в постель?

– Сын моей знакомой женился, а потом мне жаловался, мол, сам не могу взять в толк, что заставило меня сказать «да»? А один из моих подопечных хотел развестись, но я их обоих так любила! Вот и сказала: «Ничего это тебе не даст, кроме муки. Вернись». И они всю ночь в моей квартире возвращали друг другу счастье. Вот иногда ненароком задумаешься... Как все в жизни сложно! Все мои воспитанники проходят через мое сердце. Для меня огромное счастье узнать об их удачно сложившейся жизни. Важно не только любить детей, но и быть внимательным к ним, уметь выслушивать, говорить с ними, быть им другом. Этого детям больше всего не хватает.

Аня еще что-то продолжала бурчать себе под нос, но Лена ее уже не слышала.

Жанна рассказывала:

– ... Меня неоднократно поражал интересный факт. Сидя в веселой компании, я случайно касалась своими коленками коленей рядом сидящих мужчин, но в азарте этого не замечала до тех пор, пока не обнаруживала на лицах соседей по

столу напряженно-блаженное выражение. Такое происходило не только с молодыми. Я знала, что они любят своих жен, у них хорошие семьи. Любя Колю, я никогда не испытывала вожделения к другим мужчинам. Почему же у них такая реакция? Она вызывала у меня недоумение и неуважение к этим, в общем-то, неплохим людям. Женщине, чтобы испытать физическое влечение, надо если не любить, то хотя бы по уши влюбиться, а мужчине достаточно просто немного симпатизировать женщине, лишь бы она ему не была противна? Получается, что мужчины заводятся почти от любой женщины? Неприятное открытие. Я тоже иногда немного симпатизировала некоторым достойным мужчинам, но иначе, на духовном уровне. Преклонялась перед их умом, красотой, обаянием, но без чувственных влечений.

На эти грустные размышления меня впервые натолкнула еще в студенческие годы беседа с врачом-гинекологом. Помню, он положил свою ладонь на мою и спросил: «Вы чувствуете мои токи, они вас не возбуждают?» А я таращила на него испуганные глаза и надеялась поскорее избавиться от странного доктора. Я тогда сочла его маньяком и больше не ходила к нему на прием. К женщинам записывалась лечить свои застуженные придатки.

– Так ведь мужчины... – усмехнулась Инна.

– ...Жене приходится делить свою любовь и время между мужем и детьми, а любовница клянется мужику, что ни-

кого, кроме него, не любила и не любит. Ну что может быть приятнее! Еще как льстит. И клюет он на эту приманку, и увязает. А потом думает: я ли глупый, она ли такая умная? – рассмеялась Инна.

– Хорошо, если думает, а то обычно... – презрительно скривила губы Жанна. – Ой, совсем вылетело из головы. У меня ещё есть яркий пример. Она из прекрасной династии врачей, умная, волевая, интересная. Он – несостоявшийся спортсмен местного масштаба, посредственный инженер. Так он открыто ей изменял, на весь город позорил! И это при том, что они отлично подходили в постели. На лесть, как на крючок, попался. Она для него была дороже секса? Но лесть и ложь – подводные камни, о которые разбивается много чего хорошего в человеке. Их семья чуть было не распалась. Жена мудрой и терпеливой оказалась. Перебесился он, одумался и вернулся домой, поджав хвост.

– Удивила, великое открытие сделала. На лесть мужики быстрее всего покупаются. Этого у них не отнять, – насмешливо подтвердила Инна. – Но если вдуматься, откровенная лесть – это насмешка. И понимая это, мы, женщины, на нее всерьез редко клюем.

– Федор не осознавал, какое сокровище его жена? – спросила Аня. – Все знали, а он нет, точно с луны свалился?

– Всё он понимал, иначе совсем ушел бы из семьи. Просто свою свободу ценил больше всего на свете, жил по закону чувств и ему нравилось «сидеть сразу на двух стульях». А

вот Эмма, в силу своей порядочности, не могла в это поверить, потому и оправдывала эгоистичное поведение мужа в семье то его слабым здоровьем, то патологическим влиянием матери, пока факты не пригвоздили к стенке. А помните, у Шолохова в «Тихом Доне»? «Вырвать из себя надо сердце, которое тебя не слушается!» Вырвет... разбежался...

И почему слабые и беспомощные мужики вызывают у нас умиление и нежность? Материнские чувства? Вот они этим и пользуются. А у жен из-за них... паутиной зарастает... Приходится секс заменять суррогатными вариантами и утверждать, что, мол, мне э т о г о уже не требуется. С некоторых и не такое станется... придумывать на безрыбье.

Женщины сделали вид, что не расслышали последних фраз Инны.

«В общем, видимо, проглядел Федор свою Эмму. Закопал в грязи... А девчонкам надо во всё влезть, до всего дознаться. Не можем мы без проникновения в суть. А не поняв что-то, злимся на самих себя, домысливаем. Вот и Жанна приступила к распутыванию клубка противоречий в судьбе Эммы. Вроде бы пытается разобраться в ее семейных затруднениях, а на самом деле – в своих... Может, и правда, современные мужчины устали от проблем, от перестройки и хотят легко жить? Прячутся за спинами женщин? Только некоторые. Я слишком оптимистично настроена?» – вяло размышляет Лена, не особенно вслушиваясь в разговор подруг.

– ...Эмма как жемчужину в раковине берегла и наращивала свою любовь, а мелкая душонка Федора не вмещала этой огромной любви, отталкивала ее! – в запальчивости воскликнула Аня. Ее «завела» мерзкая ухмылка Инны.

– Человек доподлинно не знает, какой он есть на самом деле, пока не пройдет через серьезные испытания, – будто оправдывая Федора, сказала Жанна.

– Человек всю жизнь себя воспитывает. Но только не Федор. «Зачем мне меняться? Я себе вполне нравлюсь, а если кого-то что-то не устраивает, это ваши проблемы». Так, наверное, он рассуждает. Эгоист не самокритичен и не терпит критики извне, – заявила Аня.

«Прямолинейная, честная, безыскусная. Но все-таки скучновата и пресновата. Перчику в ней не хватает», – мелькнуло у Лены.

– Воспитывать себя! А когда жить? – взялась дразнить Аню Инна. – Нечего тешить себя надеждой. Того, «кто надеется восторжествовать над человеческими слабостями, обычно постигает разочарование», – произнесла она, обнажив в довольно откровенной усмешке ровные, белые, явно искусственные зубы. И добавила уже с грустью:

– Отсюда годы, изглоданные внутренней опустошенностью, истерзанное сердце, потерянность. Нахлебалась Эмма Федькиного дерьма и не выплыла. И откуда, черт возьми, этот гад появился в ее жизни! Как из воздуха соткался. Знакомство с ним с самого начала ничего хорошего не сулило.

– И что ты такое говоришь! – рассердилась Аня. – Не сразу, конечно, но справилась Эмма. Победила, выстояла. Сила отчаяния помогла ей. Она чуть было полностью не умерла внутри себя. Про таких говорят: «Здесь не умерла, там не воскресла». Но ради детей она боролась и одолела свою боль, свою слабость. Это была ее победа не только над обстоятельствами, но и над собой.

Несправедливость в семье возможна благодаря полному или частичному согласию жертвы. Власть эгоиста и хама реализуется даже при условии, если её допускают очень разумные люди. Вот и Эмме пришлось заново учиться быть самой собой. Человечество, к сожалению, всегда поклонялось идолам силы и наглости, их ставило на пьесталы. И отдельные простые, но хитрые человеческие особи тоже придерживаются тех же принципов.

– И теперь у Эммы в глазах гордость человека, дорого заплатившего за то, что того не стоило? – надменно приподняла свои и без того высокие брови Инна.

– Напрасно иронизируешь. Победа над собой – это самое трудное.

Лена, поправляя затекшие ноги, бессильно завалилась набок и чуть не застонала от острой боли. «Как бы не заболеть в гостях, – испугалась она, и это беспокойство поглотило все ее мысли. – И бабушка перед смертью совсем обезножила, даже по дому с великим трудом перемещалась... Смерть дана людям, чтобы они ценили время и берегли друг друга. Но

они об этом начинают вспоминать слишком поздно, когда уже на грани».

Лена быстро взяла себя в руки и переключилась с грустных мыслей на простые, бытовые.

– «Страсти не рвутся в бой лишь по приказу добродетели». Насильно мил не будешь. – Это Аня кого-то грустно процитировала. – Мужчина, увлекшись другой женщиной, отдается на волю волн и уже не думает о семье.

От Лены не ускользнула ехидная улыбочка Инны: «Наш великий теоретик!»

– Не все такие, – гневно воскликнула Жанна. – Ты рискуешь нарваться на возражение.

– Но многие. Хочется в физиономию дать? Как я тебя понимаю! – насмешливо фыркнула Инна. – Я в молодые годы проводила опыт: на улице нагло и зазывно смотрела в глаза незнакомым мужчинам. Знаешь, встречались такие, что отводили глаза. Я завидовала их женам. Помню, тот эксперимент не принес мне облегчения, не вызвал подъема. Мужчины казались мне невыразимо ничтожными и подлыми. И я думала: «Где оно, настоящее мужское благородство? Где тот мужчина, который счел бы для себя позором бегать за каждой юбкой?» Мне и сейчас больно об этом вспоминать, – поведала Инна. – С недоступным мужчиной чувствуешь себя в полной безопасности. И тогда проступает уважение к нему, даже обожание, начинаешь замечать и ценить в нем то,

что у других, может, и есть, но скрывается за жеребьячьими потребностями и наклонностями. И возникает простая, чистая, честная, даже иногда возвышенная дружба, в которой нет ничего порочащего, пошлого и фривольного.

Инна грустно и разочарованно вздохнула.

– Значит, устыдиться самого себя, перестать быть гадом Федору уже не дано? Честь, достоинство, совесть – для него навечно химера? – осторожно высказала свое предположение Аня.

– Думаю, да, – четко и однозначно провозгласила свое мнение Инна. – Мне в этой связи высокие слова белого офицера Корнилова вспомнились: «Душа – Богу, сердце – женщине, голову – Отчизне. Честь – никому!» Да, были люди... в то время. Для них любовь, долг, верность, преданность – не фантазии, а истинные, прекрасные сильные чувства. Мелькает народ. Разве смог бы Федор задушить в себе «вдохновение любви» к разным женщинам и выбрать честь? Совесть к Фedyке может частично вернуться, когда он уже не будет нуждаться в женщинах. Но можно ли это будет назвать совестью?

– Иногда человек взглянет на закат, услышит музыку, созвучную глубоко запрятанной струне своего сердца, или в книге прочтет несколько строк, резанувших его, – и перевернет свою жизнь, – с романтическим блеском в глазах сказала Жанна. – Со мной такое случилось. Во мне поначалу тоже было мало культуры. Если только в корнях... Но я вос-

питывалась, образовывалась. Бабушка говорила: ходи с гордо поднятой головой, живи по совести и хорошие люди тебя поймут и оценят».

– Если сил для того, чтобы перевернуть свою жизнь, окажется достаточно.

– Если есть в нем эта струна.

– А кому-то дубина нужна, чтобы по башке...

– Если, если... Мифы Древней Греции.

– У Федьки только хорошо поставленная вера в собственную гениальную... сексуальность. Ему ли меняться, – встала шпильку Инна.

– Давайте прекратим блуждать в дебрях и потемках чужих душ, – попросила Жанна. Разговор стал ее раздражать и тяготить.

– Предложение отклоняется. Я полагаю, что самое время поговорить. Назрел вопрос. Сошлюсь на важность и незавершенность темы. – Инна весело, заговорщицки взглянула на Аню, ожидая от нее поддержки. – Сначала мужчина год-другой обхаживает, завоевывает женщину, а потом она всю жизнь старается его удержать, потому что он считает себя вольной птицей. А у женщины свобода пригвожденных к полу ботинок. Детишки. Какая перспектива! А противоречие состоит в том, что мужчина и женщина представляют себе семейную жизнь по-разному. И каждый не знает скрытых желаний партнера.

«Нынче откровения в цене. С Инниным острым язычком

молчать – преступление», – усмехнулась Лена.

– Ни завоевывать, ни дать почувствовать себя женщиной мои мужчины не умели. Их так называемая любовь не выдерживала испытаний временем, бытом. Они обнаруживали во всем полную беспомощность и главное – нежелание. Им бы только попытаться сухими из воды выйти, да поменьше проблем на свою голову. Ну, и пивка побольше. Вот и показывала на дверь.

«Забыла, как сгорала в огне страстей, как ревновала, металась, словно в бреду, будто в угаре носилась на свидания», – по-доброму улыбнулась Лена, глядя на разволновавшуюся подругу, скрывавшую свои прежние истинные чувства к мужьям и выставившую напоказ только копившиеся годами обиды.

– Беспомощность у многих мужчин несравнимо большая, чем у нас, женщин, а, казалось бы, должно быть наоборот, – сказала Аня.

«С чем связана откровенность девчат? Случай представился? При иных обстоятельствах они бы не разговорились? – недоумевает Лена и снова окунается в свои размышления.

9

Аня сказала, обращаясь к Инне:

– Не унижай Эмму сочувствием. Не впадай в ошибку. Жизнь проста только для овоща. Счастья, ты же сама зна-

ешь, без примеси страдания не бывает. Эмма приказала себе: «Очнись, напрягись, устрой себе мозговой штурм». И победила невзгоды. Она оправилась от шока и продолжает жить достойно, с чувством самоуважения.

– Когда поняла, что необходимо избавиться от жалости к себе? – мудро предположила Жанна.

– Конечно, теперь у нее нет широко распахнутых, безмятежных застенчиво-счастливых глаз. А у кого они сохранились? Даже у Аллы и Вали они полны печали. Наверное, о таких женщинах, как Эмма, писал Хемингуэй: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Федор унижил жену, но не сломал. Она смогла возродиться. Я уважаю ее.

«Ну, это уж совсем масло масляное. Эмма – героиня для школьного сочинения, – подумала Лена, ожесточенно массируя себе занывшие вдруг виски. – Надо же, в Ане от всегдашней скованности и настороженности не осталось и следа. Растет в моих глазах! Возьму на заметку».

– Нам по этому поводу визжать от восторга? – непонятно почему огрызнулась Инна, подхватила со своего временного ложа, и насмешливо запела: «Ах, какое блаженство, знать, что ты совершенство, знать, что ты идеал!»

– Завидуешь? Иронизируешь? – рассердилась Аня.

– Ирония нравится умным, глупых она обижает.

– Тонкая нравится, – смягчила Иннино высказывание Лена.

– Трудно, больно жить стерильно любящим людям, –

вздохнула Аня. – Любовь объяснить невозможно. Вот почему иногда обернется один человек на другого, и все... и на всю жизнь. Он еще и сам не понимает, отчего обернулся, что его привлекло, а вот поди ж ты... готов.

Женщины замолчали. Момент требовал тишины. Аня сидела вполоборота к Жанне, обняв колени, застыв в задумчивой позе, и старательно изучала темный угол, куда не доходил слабый свет ночника. И вдруг изрекла сердито:

– А ну их, этих мужиков, от греха подальше!

Дружный смех подруг был ей достойным ответом.

– ...Что теперь можно сказать об Эммином «благоверном»? В каких отношениях они сейчас состоят? Насмерть разругались, не общаются или как-то приспособились друг к другу? Совместная жизнь нужна для радости. Наверное, теперь непосредственная искренняя любовь к внукам их соединила?

Инна не успела ответить Жанне. Аня опередила ее:

– Федьке интересны внуки?! Займемся детальным исследованием этого вопроса?

– Я вот даже Федора в этой связи хотела бы пожалеть. Заладили мы: плохой, плохой. Клянем «за всё, в чем был и не был виноват», – непонятно почему тихо и сконфуженно сказала Жанна. – У всех нас в характерах есть сложносоставные и полярные качества. Ведь живые люди. То любим, то ненавидим.

– Как трогательно! – задохнулась от злости Инна. – Пожалеть! С какого перепугу? За что сочувствовать этому гнилому, паршивому представителю великой половины человечества? Где же твоя женская солидарность?

И та смутилась так, что лицо полностью сделалось малиновым. Когда неловкость несколько спала, Аня заговорила уверенно:

– Я вот подумала о человеческой натуре: сколько в ней положительных и отрицательных качеств? Хорошие чувства по пальцам пересчитала. Радость, удовольствие, нежность, ласковость, доброта, трудолюбие... Потом за плохие черты взялась. И со счету сбилась. Злость, раздражительность, обидчивость, зависть, агрессивность, зазнайство, тщеславие, жестокость, гордыня, гадливость, вспыльчивость... Ну, и так далее. Такой вот в нас неутешительный конгломерат. Зачем нам так много гадкого?

Высказалась и настороженно покосилась на Инну.

– Чтобы с ним бороться. Иначе кирдык нам всем, – влет объяснила Жанна.

– Про лживость забыла? – мстительно потирая руки, подсказала Инна.

– Вспоминая поразительно искреннюю, чистосердечную и какую-то удивительно артистичную ложь моего старшего сына, я приходила к выводу, что она у него врожденная. В три года так шикарно импровизационно врать, не понимая, что такое ложь, – это надо было иметь за плечами опыт ни

одного поколения лгунов, – с улыбкой поведала Лена подружкам поразивший ее факт сыновьего поведения.

– Похоже, ты близко подобралась к полной или частичной разгадке... феномена мужской души. Свыше, что ли, пришло?

– Но я сына вовремя переориентировала, – не ответила на шпильку Инны Лена. – В дальнейшем он забавно, неординарно, талантливо сочинял на любую тему, скрупулезно и дотошно оперируя неожиданными фантастическими подробностями, но уже не врал.

– Сын в твоей жизни единственный стопроцентно честный мужчина, – опять бессердечно проехала на счет подруги Инна.

– В этой связи мне репетиторство вспомнилось. Юноша не только физики не знал, но и математики. Он не мог поделить дробь на дробь и не представлял себе, что такое уравнение. А это понятие вводится во втором классе. Я была потрясена уровнем незнания школьника и не понимала, как он мог «добраться» до одиннадцатого класса. Поэтому при его высокопоставленном отце спросила молодого человека: «Как же надо было не любить свою мать, чтобы ежедневно врать ей, что ты выучил уроки?» Я объяснила родителям, что их сын, при всем моем опыте, не сможет за десять месяцев освоить программу десяти лет и отказалась от индивидуальных занятий с ним.

– Невезучесть в семейной жизни тоже, наверное, явление наследственное, – сказала Аня.

– Есть предрасположенность, обуславливающая вкусы, – предположила Инна.

– Это, скорее, один из результатов влияния на мужчин антигравитационной энергии темной материи, – рассмеялась Жанна, не желая вникать и углубляться в грустную тему.

– Если бы моя мать до свадьбы узнала о «подвигах» моего отчима, она ни за что не пошла бы за него, – не согласилась с обеими подругами Лена.

– Его оправдывает лишь то, что...

– Да ничего его не извиняет и не оправдывает! – неожиданно резко полыхнула Лена. И даже с лица сошла.

– Лживость у мужчин идет еще от Каина, – заметила Аня.

– Мужчина сам по себе является символом опасности. Это даже Жванецкий подтвердил, – поддала жару Инна.

– Куда женскому, бескорыстному вранью до мужской прагматичной, бессовестной, жестокой лжи. Помню, в каком-то диспуте на телевидении мужчина так и заявил: «Мы больше врем».

– Аня, не рви мне сердце! Шла бы ты куда подальше со своими теориями, пока совсем не... опростоволосилась, – взмолилась Жанна.

– Да не вопрос. Мои всем искренние извинения, – неожиданно легко согласилась Аня и трогательно улыбнулась.

– Талант!

– Нет, это возраст и усталость, – прямолинейно объяснила свое быстрое отступление Аня.

– В мире животных обман – запрограммированное искусство выживания. И люди как часть могучей креативной Природы не могли не позаимствовать столь виртуозное качество. Только человеческая ложь далеко не всегда оправдана необходимостью, – сказала, будто подвела итог спору, Лена.

Аня было вскинулась – наверное, хотела что-то добавить, – но тут же привычным выверенным движением вздохнула себе волосы на затылке, словно усмиряя себя.

А Лена подумала: «При малейшем волнении у Ани кровь отливает от лица, а у Инны приливает. Она покрывается малиновыми пятнами. Как удивительно точно эта способность характеризует каждую из них!»

Жанна, надеясь переменить тему беседы, стала рассказывать:

– Дочь моей подруги долго не выходила замуж. Говорила: «Как только поменяю статус любимой девушки на жену, жених перестанет меня добиваться и сразу пропадет очарование любви. С него вмиг слетит благодущие и галантность. Вот и продляю как можно дольше конфетно-букетный период». Еще бы! Кому охота падать с заоблачных высот в мясорубку быта!

– Таково твое скорбное исследование? Она рассуждала, как мужчина, потому что не знала, что такое настоящая лю-

бовь. У таких дамочек лозунг: «Мужчина должен добиваться, женщина этим распорядиться». Соплячка. Ей надо было втрескаться по уши и тогда попробовать рассуждать трезво, – возмутилась Инна.

– Внесу ясность: сломил жених ее сопротивление, но не поработил. Она оказалась права и счастливо развелась с ним уже на втором году их семейной жизни.

– Что значит счастливо? – не поняла Аня.

– Без последствий. Без ребенка – печального свидетельства нахлынувшего и быстро улетучившегося порыва любви, – усмехнулась Жанна. – Она сказала ему: «У меня большие планы, но тебя в них нет».

– И куда делась у жениха его верноподданническая дрожь в коленях? – спросила Инна. – «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид»? В быту сгорела?

– Ой, девчонки, я строчки из одного шикарного стихотворения вспомнила. – Жанна буквально подпрыгнула на своем матрасе. – Слушайте!

«Как бездарно с ней жили другие.

Как бы я с этой женщиной жил!

...Как он с женщиной этой живет?

Ах, как сволочь, глаза б не глядели...»

– Здорово подмечено! В яблочко. Правда? – то ли восхитилась, то ли возмутилась Аня. – Мужчины сволочи?

– Твоя постановка вопроса меня несколько не смутила, – рассмеялась Инна в ответ на Анин крайний пессимизм.

– Пошуруй в уголках своей заплесневелой памяти, может, и выкопаешь что-то позитивное, – сердито буркнула Жанна.

«Искрометная полемика» сонных мух... Такое количество информации не укладывается в моей усталой голове, – подумала Лена, то открывая, то закрывая осоловевшие глаза. Она выхватывала отдельные обрывки из разговоров подруг, и, вычлняя интересное, с трудом осмысливала услышанное. – Ну, Иннина ирония и мстительное омерзение мне понятно. У нее свои счета с мужчинами. В порыве «благородного» бешенства она еще не то наговорит. Не зря же она избрала критический способ диалога».

– ... Чехов говорил: «Женишься по любви или не по любви – результат один».

– По причине болезни он был пессимистом.

– Молодым он вращался в артистической среде, общался с проститутками, это и заставляло его задумываться о порочности человека.

– ... Хочу в далекую спокойную Австралию, – рассмеялась Аня, смягчая слишком грустный настрой подруг.

– Спокойную? Она тоже подлегла под Америку.

– И там нет настоящей любви? Один золотой телец в головах и сердцах? Ой, меня так и обдало холодом.

– ... На Западе мужья тоже пьют и жен бьют.

– Может, в меньшей степени?

– Это от уровня культуры зависит, от воспитания.

– Но не от образования.

– Я лучше промолчу.

– ...Рассказываешь так, точно сама у них в ногах стояла.

Инна с удовольствием приняла слова Жанны за полновесный комплимент.

– Мужчины слишком часто говорят о духовной экологии женщины, много требуют за свою верность, а сами... не боятся расплескать в себе главного. И что в них такого ценного?..

Нет чтобы обнять, найти слова поддержки. Где ваши речи, окрашенные мягким юмором, где мудрая великодушная ирония? Всё мелко, глупо, пошло, грубо. А Федор... Я не нахожу слов. Его подлость безгранична, – обиженным щеночком заскулила Аня. – Откуда ему брать доброты и нежности, если в его сердце один эгоизм. Именно в этом я вижу кричащие разногласия в их с Эммой жизни.

– ...Колом Федька женщин к себе не загонял. Наверное, они видели в нем легкую добычу, слабака, которого можно окрутить и задействовать себе на пользу или замуж за него выйти. А ему казалось, будто он сам «пришел, увидел, победил», и страшно этим гордился.

– Он завлекал их, но, когда они уже готовы были оказаться уговоренными «на всю жизнь», надевал маску привычной угрюмости и давал задний ход. Они же гневались, теряли над собой контроль, – предположила Жанна в ответ на «теорию» Инны.

– Вы вините в его донжуанстве женщин?

– Да ни боже мой! Только некоторых, тех, которые знали, что Федор женат, – сказала Инна.

– Я обманутых им жалею, – уточнила Жанна.

«О чем бы девчонки ни затевали спор, все равно сбиваются на разговор о Федоре и Эмме. Как слепой на стезжку набредают», – удивилась Лена, окончательно проснувшись.

А Инна подумала: «Говорим, говорим... И о чем?.. Вот так я по вечерам смотрю телевизор. А утром ничего не могу вспомнить».

10

– ...Хотелось бы, чтобы у любимого и помыслов не было об измене, чтобы он считал для себя такое поведение невозможным, чтобы его оскорбляла сама мысль, что о нем могут подумать что-то плохое в этой связи. Помните рассказ из нашего детства, где офицер застрелился только потому, что товарищи подумали, будто это он украл часы. Знала я одного такого. Человек безукоризненного интеллигентного воспитания, – поделилась Жанна.

– И женщина должна ему соответствовать, – заметила Лена как бы вскользь.

– Люблю мужчин умных и с перцем! А мои мужья гордились пошлостью, подлостью, тем, что умели виртуозно лгать. Мне попадались жалкие или оголтелые в своем цинизме особи. Да... одни мужчины делают нашу жизнь прекрасной,

другие – ужасной. Из моих порой такое вылезало!.. – брезгливо передернула плечами Инна.

«Надоела со своими мужьями, как горькая редька!» – раздраженно подумала Жанна.

– Били? – испугалась Аня.

– Побаивались, знали, что могу ответить, да еще и послать прямым текстом... Жизнь научила. И так, и эдак прикидываю: воспоминания о них не греют. Вся эта дрянь в них от бескультурия. Но нам надо было кого-то любить, кому-то доверять, а достойных объектов на всех не хватало. Вот мне говорят: шальная! А всё отчего? Да от того, что тоска грызет, неудовлетворенность. Я, много претерпевшая в детстве, представляла, какую семью хочу сложить, а мой второй, забалованный – из нищей семьи! – знал одно: что ему требовать от жены. Он из тех, которые «мне и опять мне». Я в его жизни присутствовала в «форме кошелька». Ничем его было не пронять. А все потому, что был уверен, что я от него никуда не денусь. А я ушла и замуж за другого вышла. И пусть не полетят в меня камни за это. Надеялась, обогреет мой дом, заполнит его своей любовью, и я почувствую себя женщиной. Красивой женщиной. У меня всегда была потребность хорошо выглядеть. Это же так прекрасно! Я же многого не требовала. А у него другое было в голове. При мужьях я была много меньше женщиной, чем без них.

– С ними ты была няней, кухаркой, тяжеловозом. А у них к тебе был один постоянный вопрос: «Как там «насчет кар-

тошки дров поджарить», – студенческой шуткой отметилась в разговоре Жанна.

– К сожалению, даже неплохая жизнь часто состоит из не совсем удачных эпизодов. Не бывает бесконечно долгих счастливых историй. Мне не встречались.

– Почему?

– Потому что редко кому удается сразу найти с в о е г о человека, – ответила Жанна на вопрос Ани.

– Третий муж как-то при случайной встрече спросил с ехидством, мол, как встретим и проводим очередную годовщину нашего расставания? Я ответила: «Минутой гордого молчания». Начхать мне было на его инсинуации. (*Услужливое сознание вычеркнуло из ее памяти главную причину ее последнего развода – отсутствие детей, – да и подсознание не зашевелилось в бесполезных попытках вскрыть истину.*)

Рок мой – влюбляться в плохих мужчин.

– Небось, сама замордовала и заездила своих мужиков, – шутливо заметила Аня.

– Изголодавшись по настоящему мужчине? – не согласилась Жанна.

Инна не ответила Ане, хотя ее разум в этот момент удивленно и ехидненько заметил: «Разбирается, черт возьми, наша Анюта не только в колбасных обрезках!»

Инна вспомнила:

– Эмма как-то размечталась: «Эх, встретить бы такого,

чтобы был заботливый, внимательный, обходительный, чтобы отсек все мелкое, наносное. С таким любые лишения не страшны. За ним не грех пойти хоть на край света».

«Как Жанна? Может, и Валя Кискина поехала за мужем в глухую деревеньку по тем же соображениям и «закопала» там свой мощный талант. А я-то всё доискивалась до причин, – неожиданно осенило Лену. – И ее умненькие сестрички не сделали карьеры. Тоже о надежном плече мечтали, о прекрасной семье? Ее на первое место ставили. Но не повезло им в личной жизни. Почему? Понять бы... Наверное, потому среди Инниных сокурсниц много учителей, что за мужьями поехали? А в маленьких городках какая им работа: учитель да воспитатель в детсаду».

Инна опять об Эмме заговорила.

– Рассказывала как-то: «Опыт я один раз провела. Вырезала из черной бумаги огромные очки, надела на нос и все воскресенья не снимала. Но муж так и не заметил. А я, любя, все время держала его в поле зрения, каждый взгляд, каждое слово ловила. Ты же знаешь как больно вздрагивают наши сердечки от равнодушного взгляда человека, которого любишь. Когда он сквозь тебя, словно через стекло смотрит. Как горько, когда нами пренебрегают! И ради кого?! Вкусы Феи по части женщин весьма специфичны. Я бы сказала, они оставляют желать лучшего. Это особенно неприятно, потому что задевает мое женское самолюбие. Эта боль существует во мне отдельно от других невзгод и никак не утиха-

ет».

И что я могла ей на это ответить? – Инна замолчала, будто растворилась в пространстве грусти.

Неожиданная мысль оборвала критический настрой Лены: «Не ищут ли девчонки в Эмминой горе утешение самим себе, оправдание своим неудачам? В каждом их обидном замечании мужчинам слышится боль и отчаянное желание счастья с человеком своей мечты, вовсе не с идеальным, но любимым и главное – верным и любящим».

– Многие мужья свое невнимание объясняют тем, что женщины и мужчины различны по природе своей. Да, мужчины отличаются тем, что в силу своего эгоизма оберегают себя от так называемых мелочей, не видят того, чего не хотят видеть. Им не свойственно думать о том, что их не волнует. Для этого у них есть жены. У моей подруги мама трудилась на кухне, на огороде, во дворе возилась с домашними животными. А отец после работы в сапожной мастерской – из-за ранения у него ноги плохо слушались – один занимался воспитанием своих трех дочек и прекрасно справлялся. Значит, могут, если хотят? Или только если жизнь прижмет? Думаете не у всякого получится? При желании и гору можно своротить.

Сколько понимания они проявляют, когда обхаживают нас! Только надолго их не хватает. Женятся и становятся безжалостно обыкновенными, скучными, хмурыми. Забы-

вают, что такое нежность, преклонение. Не дождешься от них, чтобы соизволили ласково взглянуть, порадовать добрым словом. Не хотят понять, что именно это, нечто нежно-интимное, и есть для нас куда более важное, чем деньги... или постель. А всю вину на нас валят, мол, в хозяйстве погрязли. Но помогать не спешат. Никто не заставляет мужей носки чинить, но сумки с провизией таскать им сам Бог повелел. Так ведь не дождешься. Хотя, должна признать, случаются среди мужчин приятные исключения, – усмехнулась Инна.

– Не замечают, что жена прическу сделала, халатик новый надела. И все потому, что не туда смотрят. А женам невдомек... – вознамерилась всерьез вторить Инне Аня, вспоминая жалобы подруг по работе. – Ну как же, они живут множественной жизнью, их интересы лежат в разных плоскостях: политика, девочки, футбол, рыбалка. Для друзей они всегда выкроют время. А у жен всего-то дети да кухня.

– Ты не понимаешь, как можно не любить цветы, а он не представляет, что бывают люди, не воспринимающие тяжелый рок, – сказала Жанна. Мой сын очень хороший человек, но я была поражена, совсем недавно узнав, что он безразличен к природе. А я ведь всех детей одинаково воспитывала.

– Я, разумеется, против феминизма. Но мужчины лишили нас женственности, но сами мужественнее не стали. Я не могу отделаться от мысли, что они смотрят на нас как на дешевую рабсилу. Еще древний философ Платон выступал за

равенство полов, а у нас до сих пор даже в оплате труда нет настоящего полного равенства. Женщина помимо работы на производстве еще на двух-трех домашних фронтах ежедневно пашет. Но это не ценится!

– Заболела я как-то. Муж попросил рабочего, который у нас в то время перестилал в квартире полы, за деньги заняться приборкой: помыть кафель на кухне и в ванной, окна, ну и так по мелочи кое-что сделать, нам, женщинам, привычное, незаметное, ежедневное. Так он умотался на этих мелких делах намного больше, чем на ремонте квартиры и просил больше подобной работы ему не предлагать, – сообщила Жанна в подтверждение Аниных слов.

Инна опять об Эмме вспомнила.

– Она говорила: «Мне кажется, человек с рождения знает, что такое любовь и нежность. Понимание этого дается нам свыше. Без ласкового любовного прикосновения все живое страдает, болеет, хиреет. Такова великая энергия нежности».

«Наверное, не всем дается, – возражала я. – Все – мужчины и женщины – мечтают о великой любви, но не каждый на нее способен и не всякий стремится эту мечту осуществить в своей семье».

«Не понимать что такое нежность, бережное отношение друг к другу – это как не радоваться весеннему цветению, не восхищаться прелестными запахами. Нежность – сердцеви-

на любовных отношений, когда перевиваются и сплетаются, как лианы, не только тела, но, главное, души. Нежность выводит людей, приводит к состоянию просветления. И тогда любовь из временного пласта переходит в вечность. Что-то похожее сказал знаменитый театральный режиссер Виктюк».

«Ну и память!»

«Я запомнила его слова, потому что они легли мне на душу».

«Я редко заучиваю стихотворения полностью. Обычно выбираю отдельные строки, потрясшие меня».

«Я тоже».

Эмма вздохнула и продолжила:

«У Феде ни нежности, ни безумия любви. Так... похоть... без затей. Для меня всегда была важна духовная любовь близкого мне человека, а у него на первом месте примитивное плотское желание. И на втором, и на третьем тоже. Не замечая внутренней красоты людей, он сам себе сокращает особое светлое сакральное пространство любви. Он беден душой, его жалко. У таких только слова, слова, но нет чувств. Я Феде как-то сказала, чуть подправив Шекспира: «Поверни глаза зрачками внутрь» себя. Не понял. Только плохо от такого человека не ему самому – он не чувствует своей ущербности, – а тому, кто его полюбит. Мерилом основных понятий в моей жизни было отношение к семье. Для меня жить – значит любить, верить, стремиться к чему-то важному, высокому. И вот словно в насмешку над самым ценным во мне

– я несчастлива. Это, по меньшей мере, жестоко. Чем я мужа отпугнула? Ты знаешь, Инна, Федя, по сути дела, в любви мне не признавался, как-то всё само собой случилось».

«В чем признаваться? Тут твой муж абсолютно честен. Он только себя любит и всё себе полезное и выгодное. Любящие прорастают друг в друга, сливаются воедино. А твой Федька не прорастал. Он вообще без корней. Он даже своим детям не сочувствует, не жалеет их, не заботится. И это совсем как-то не по-людски. Видно, не всем хватает душевных ресурсов полюбить еще кого-нибудь, кроме своей персоны. Знала я таких, которые в пьяном виде у своих детей последнее отбирали», – отвечала я ей.

– То пьянчуги... Федор, наверное, не отбирал, – засомневалась Жанна.

– Ты прослушала. Он в начале перестройки, когда семье было особенно туго, отдавал деньги любовнице! – вскипела Аня.

– Он, наверное, не задумывался над тем, что делал.

– Не задумывался! Дитя пятилетнее. У любого человека есть философия собственной жизни.

– Иногда надо помочь человеку осознать свои желания, свое поведение.

– Чтобы понять себя, надо в ком-то отразиться. А Федор признавал только свои желания. Это Эмма, даже узнав о похождениях мужа, продолжала волноваться за него. Он уни-

жал ее, уничтожал, а она стремилась доказать ему, что лучше всех этих его... А он уяснил это себе на пользу, в том смысле, что жена не оставит детей без куска хлеба, вывернется из себя, но заработает. Вот так живут люди рядом, а радуются совершенно разному, – продолжала горячиться Аня. – Боже мой! До чего же может дойти эгоистичный человек! Больнее всего то, что Федор непьющий, казалось бы, здравомыслящий. Враг, отбирая добычу, несет ее своим детям. А он, воруя у своей семьи, выполнял прихоти хитрой любовницы. У своих детей крал! Ну, если бы с более бедным человеком делился, но ведь нет... Оставлять семью в трудное время без поддержки... обречь на выживание... Это нонсенс. Родительское чувство обычно сильнее всех прочих.

– У настоящих мужчин и женщин, – уточнила Инна.

– Любовь к детям – это всегда в большей степени жертвоприношение, а Федор на него не был способен. Почему в нем перевешивала подлость и жестокость? Я не отслеживала его причины, но мои мысли отсылают меня в его детство. А может, любовь и эгоизм никогда в одном сердце не уживаются?.. Ужас! Он же хуже фрица. Митридат чертов, – изумилась Аня. До нее самой только что дошел смысл ею же сказанного. – До чего же я так могу додуматься? Кошмар. Ой, не надо...

– Чувствую восхитительное облегчение, когда меня понимают, – серьезно сказала Инна и тут же насмешливо подзадорила Аню:

– Вся наша жизнь – непрерывная цепь собственных «великих» открытий?

– Нет, ты представляешь, Федька влюбился, и ребенок любовницы для него уже родной, а свои – забыты! Они стали чужими?! Но они же его плоть и кровь. Я могла бы понять, если бы он всех любил. Почему не заботился о своих? Не прирос сердцем или это не имеет значение? Имеет! У меня в голове такое поведение не укладывается. Страсть всё затмевает? Это свойственно только мужчинам? Как Федор и Борис в этом схожи, хотя разнятся социальным положением: один из бедной, а другой из богатой семьи.

– Борис из жадности не платил на сына алименты, – не согласилась Аня.

– Можно подумать, что Федька для семьи не жадный! – фыркнула Инна.

– Тосклива и безрадостна жизнь Эммы при таком муже, – вздохнула Аня. – Мучилась, а от сердца не могла оторвать. Вот она, приговоренная к смерти любовь!

– Значит, все еще не разлюбила, хотя трудно любить и не уважать. Наверное, было в нем что-то, – неуверенно предположила Жанна.

– В ней.

– За что любила? Вот ведь загадка природы.

– И пик этого чуда – нереальность.

– «Самое страшное злодеяние – задушить любовь», – пи-

сал Пруст.

«Девчонки с полуслова понимают друг друга, – подумала Лена. – Но какое это занудство сидеть в компании двух школьных педагогов!» (*Себя Лена воспринимает в большей степени инженером?*)

«А что по поводу любви может сказать выстрадавшая мудрость Лены? – задала себе вопрос Жанна. – А Инка, при всех ее закидонах, абсолютно честна и с собой, и с окружающими. Говорит не то, что от нее ожидают, а то, что сама считает истинным. Не ломает комедию».

– Эммину судьбу решила их с Федькой случайная встреча на танцах в Доме офицеров, где мы с девчонками любили «зажигать». Не все знакомятся в библиотеках. Похоже, эта встреча была предопределена. Только увидела его – и будто всё в ее жизни решилось. Ах, да! Она почувствовала, что в этом человеке, есть что-то, без чего она дальше не сможет жить. Ее точно заклинило на максимуме любви, и этот накал не снижался много лет. Как важен счастливый случай в жизни человека! – начала заводиться Инна. – Но не предугадать, как из миллионов вариантов в бесконечном лоне возможностей рука судьбы выуживает для нас ту одну, единственную, которая и свершается. Наверное, часто случается так, что вездесущая причинно-следственная связь событий, застигнутая врасплох, внезапно нарушается и удачная судьба человека непредсказуемо летит в тартарары.

Занесла Эмму нелегкая на те самые танцы! Злой, насмешливый рок подкараулил ее там, чтобы поиздеваться над ней, по каким-то только ему известным соображениям. А может, Эмминому знакомству предшествовала череда заранее обдуманных кем-то событий? Кто знает, как Он обделяет свои делишки? Кто бы меня вразумил: как и зачем пересеклись пути-дороги Эммы и Федора в том приснопамятном году, каким ловким манером свела их пакостливая судьба и каковы были тому побудительные мотивы? – продолжила возмущаться Инна.

– Я уже объясняла: их встреча – сложная игра случайностей и закономерностей. Как же иначе!

– Черт бы побрал этого Федьку с его эгоистичным душевным онанизмом! Может, сам Бог повелел Эмме воспользоваться Его «благосклонностью»? – насмешливо прокомментировала Инна мнение Жанны.

Жанна промолчала. Вопрос повис в воздухе. Нервные пальцы Лены опять заплясали на плече Инны, выбивая мелкую жесткую барабанную дробь.

«Лучше бы голос повысила», – раздраженно подумала Инна, отстраняясь от настойчивого «музыкального» ритма подруги.

«Какие у Лены сверхдлинные и невероятно подвижные пальцы! Ими бы на пианино играть», – отметила про себя Жанна.

– Как все сложно! Невыносимо тягостно чувство отверженности... Эмме бы мужа с могучей нравственной привлекательностью, чтобы любовь и общение на равных. Чтобы встряхнул, в душе радостный фурор произвел, – сочувственно выразила запоздалое желание Жанна. – Чтобы стала она для него центром Вселенной, а он для нее.

– Всем бы нам... припасть к сильному плечу, – чуть осипшим от волнения голосом выдавила из себя Аня. – Люблю сказки. А вокруг грязный подлый неуютный мир.

– Обобщаешь. От единичного к общему? – усмехнулась Лена. – Мир сложный, но не такой уж и гадкий.

– Посмотри на женщин, сотрудников своего факультета. Много среди них счастливых? Я знаю только троих. А остальные?.. – В голосе Инны было столько искренней скорби!

– В сказках царь с царицей всегда рядком сидели. Уважение было, – мечтательно сказала Аня.

– Как незатейливо! – артистично застонала Инна.

Женщины дружно рассмеялись.

– Как сотворить людей, которые не причиняли бы друг другу зла? Ведь у одного душа – алмаз, а у другого она как эфирная ткань. И когда нечем заслониться от проблем и переживаний, ее можно легко повредить. А потом шизофрения или еще чего похуже, – вздохнула Аня.

– Господь Бог этого не сумел, – грустно усмехнулась Инна.

– ...В жизни многое направляется любовью и терпением, а не сексом, – заметила Жанна.

– Мужчинам в подтверждении нашей к ним любви нужно видеть наши страдания, – сказала Аня и поперхнулась смущением, испугавшись, что подруги неправильно поймут ее тезис.

– Какая глупость! – возразила Жанна.

– Не скажи.

– Любовь! Я давно не верю в подобный вздор, – насмешливо вставила свою реплику Инна.

– Почему мужчины не могут общаться с женщинами на духовном уровне: уважать, обожать, преклоняться? Они так устроены? – с нажимом спросила Аня.

– Могут. – Это Лена промолвила. А подумала она о другом: «Почему женщины часто говорят о грустном? Мало в жизни видели легкого и радостного? Кому не повезло в браке, как правило, живо интересуются семейными неурядицами подруг. Сопереживают? Но Жанна относит себя к разряду счастливых. А на самом деле? Чем обусловлена жестокость жизненных обстоятельств Эммы? В пересказе Инны ее жизнь выглядит сплошным кошмаром... Вот и я не осталась в стороне, впряглась в тему, тем более что настроение весьма к тому располагает. К сожалению, счастливый брак – безусловно, редкий феномен».

– ...Нам бы снизить стартовый этический накал беседы, – пошутила Инна. А может, и серьезно сказала. Кто ее разбе-

рет?

– ...Лиля в любых обстоятельствах умеет быть счастливой. Она – неисчерпаемый источник оптимизма и положительной энергии. Золотой характер. По поводу второго замужества она шутила: «Не утвердил Господь там, наверху, мой второй брак, хотя у меня уже двое детей было, вот и пошла замуж в третий раз. Думала, теперь уж точно наступит моя эра, моя эпоха. Бог любит троицу». Слышите? Не у нас, у меня двое детей, сказала. Понимаете, о чем это говорит? Мне подруги писали, что Лилин неродной сын воспринял ее характер и даже стал чем-то лицом на нее похож. Здорово! Вот она, сила любви, в действии. А еще Лиля говорила, что бывших мужей не бывает. И если кому-то из них будет плохо, она всегда чем может поможет. Лена, а ты как считаешь? – сказала Аня.

– Выручить могла бы, но постоянно тянуть на себе ляжку чьей-то глупой несостоятельности – увольте! – строго рассудила Лена.

«Лена замуж не пошла, потому что поняла, что никто никогда не сможет заменить ей Андрея», – подумала Инна.

– Лиля доверчивая или неразборчивая? – спросила Жанна.

– Не везло ей. Тебе не понять Лилиного горького оптимизма. Долго она отходила от предательства второго мужа. Работой излечивалась. Но говорила мне: «Сейчас пустота, вакуум внутри меня. Только я не стану плакать, что любовь

кончилась, буду помнить, что она была. Я имела счастье, и его мне хватит до конца жизни». А я пошутила: «Лилька, как ты много понимаешь! Ты такая мудрая. Ты сама себя не боишься?»

Это тебе, Жанна, грех жаловаться на жизнь. О такой удаче, как твой Николай, только мечтать можно. А Эмме и Лиле, давай уж будем говорить откровенно, достались далеко не идеальные субъекты. Лиле – алкаш, любимой шуткой которого были слова: «Только собаки едят чебуреки без рюмки», Эмме – вызывающе надменный избалованный индюк. У Федьки только две вещи в постоянной боевой готовности: любимым способом защитить себя и желание другой женщины. Если не сказать жестче... про «корень жизни».

– Аня, по-твоему получается, чтобы проникнуться несчастьем другого человека надо обязательно самому испытать такое же горе и отчаяние? А так, умом, не дойдет? – взрп-тала Жанна.

– ...У Федьки в жилах течет кобелиная кровь. Вот и пришлось Эмме распроститься с мечтами.

– Я давно поняла, что к реальной жизни мечты не имеют никакого отношения. Чего Федору не хватает?

– Хорошей эпитафии их браку, – зло ответила Инна Ане. «Жестокая, злая оценка. Слова доброго о Федоре не сказали. Утонули в горячих слезах сочувствия подруге. Кругом виноват! А вдруг он только внешне легковесный и бесша-

башный? Если бы... Не могу понять, что все-таки в Федоре не так... Шквал взволнованной болтовни так и не прояснил мне его характер. Не хотелось бы становиться слушателем не деликатных... и омерзительных подробностей. От их «разнообразия» на меня то меланхолия накатывает, то kloкочущий хаос в душе нарастает», – молча раздражается Лена.

– Продолжай бесцеремонно костерить Федора. Даю отмашку, – «милостиво» позволила Жанна.

– Так и никак иначе? – удивилась Инна.

– Заслужил. Наказание ему еще ждет своего часа. Оно лишит его ничем не омраченного жизнелюбия, – с апломбом заявила Жанна, будто сама собиралась его назначить или даже исполнить.

– Жди, – хмыкнула Инна. – «Тому судья лишь Бог и Совесть?»

– Если бы. Ждать, когда в Федоре возобладает разум и совесть? – сердито забурчала Аня. – Для Эммы теперь любовь – символ унижения. А она должна соединять людей без боли. Иначе какой в ней смысл? Любовь должна торжествовать!

– Опять «должна»! Тошнит от твоего толстовского проповедничества! – разозлилась на Аню Инна. – Толстой часто говорил одно, а делал совсем другое. Очень противоречивой фигурой был.

– Но жене не изменял.

– В семье приходится многим жертвовать, – менторским тоном заявила Жанна.

– Эксклюзивное заявление! А если вся семейная жизнь – жертва? Что остается такой женщине? Вечное пессимистическое моцартовское счастье? – вспыхнула Инна.

– Жизнь любящих такая счастливая и такая... безысходная, – вздохнула Аня непонятно по какому поводу.

– Счастливая?

Почувствовав, что Инна собирается вступить с ней в дискуссию, Аня тихонько вскрикнула: «Ой, не начинай» и быстро отвернулась к стене.

«Лена, как всегда, загадочно молчаливая. Могла бы высказаться. Будто игнорирует нас. Тема не приглянулась? Можно подумать, полна собственной значимости. Какова природа ее неразговорчивости? Молчание бывает более сокрушительным, чем самые гадкие слова. Она считает, что бессловесность более выигрышна? Лена существует как бы отдельно от нас, в другом мире? – перебирает варианты Аня. – Она просто дремлет полусидя, прислонившись к стене. Вон головой совсем поникла».

– Какое уж тут счастье, если кто-то в семье пьет, бьет или гуляет, не помогает в тяжелую критическую минуту. Да если еще делает это злонамеренно. Ха! Мазл... вейз... Полное счастье! Ладно бы только по молодости колобродили, а то ведь всю жизнь... Нечего выгораживать подонков! – Конечно же, это Иннин барабан заглушил грустную музыку дуэта

флейт Жанны и Ани.

– Если в семье кто-то болеет, и то легче. Знаешь, что все силы отдаешь на доброе дело – спасение близкого тебе человека. Это созидание. А тут женщины растрачивают себя на борьбу со снедающей их глубокой, сверлящей ревностью или непроизводительно воют с глупостью мужей, их тягой к алкоголю, и тогда жизнь для тех, кто любит, превращается в пытку. И какой глупец сказал, что ревность придает остроту отношениям? «Одним лишь взором ревность убивает», – тихо и раздумчиво изложила Аня свои печальные мысли.

– Могу добавить еще один стебелек в букет твоих высказываний. Муж Лили хоть между запоями был ласковым и заботливым. Во сне часто горько плакал, переживая свою слабость. А Федька всегда один и тот же: эгоист и форменный гад. До чего можно докатиться, если не чувствовать рамок! Все в родословной Федора и по мужской, и по женской линии с какими-то вывихами. Где была Эммина бдительность? – пожала плечами Инна.

– Не все, через одного, – возразила Аня.

«Кирина квартира – братская могила безвозвратно погибших женских сердец»? – подумала Лена.

Жанна с Аней опять склонили головы друг к дружке.

– ...Ревность – побочный продукт любви.

– Она – зависть к более красивому и успешному?

– Уходят к другой не потому, что та более совершенная,

часто даже наоборот.

– Изнуряющую ревность Эммы я понимаю прежде всего как обиду на себя, за то, что не разглядела этого подонка.

– Ревнует себя к себе? Это что-то новенькое в психологической практике. Причина ревности в голове ревнующего? Без объекта? Что за ерунда?

– Мне нравился один мужчина. И вдруг я увидела рядом с ним женщину. И хотя в ее взгляде был грустный отказ от надежды, я почувствовала постыдный укол ревности. Значит, я очень ревнивая, – решила я. – Это Аня смущенно поделилась своим небогатым опытом.

– Ревность, по-моему, – это прежде всего обида на любимого за то, что не ценит, не хочет понять.

– В любом случае приятного от нее мало. Много бед у женщин возникает оттого, что мужчины даже ради близких людей не хотят ограничивать свои порочные желания. Желать любви и уметь ее дарить – разные понятия. Эгоисты они! – в который раз нервно подчеркнула Аня.

– Уперлась в стену рогом.

«Очень свежее заявление! – усмехнулась Лена. – Девчонки отождествляют себя с Эммой, поэтому их реакции так эмоциональны. Но ведь не секрет, что память на чужие беды коротка и не так остра. И это спасает».

– Когда Эмма первый раз заболела – между прочим, по вине мужа, – тот сразу старших детей к ее бабушке отвез, а младшего на круглосуточное проживание оформил. Осво-

бодил себя от забот. Даже в выходные дни из детсада не забирал. А жене ничего не сказал, чтобы не упрекала. Эмма так не поступила бы, она всегда старалась пораньше собрать всех детей в семью, – сердито доложила Аня.

– Я внучку недавно замуж выдала, а она, бедная, через месяц ногу сломала. Я примчалась к ним, хотела больную к себе увезти, а зять удивился, даже вроде как обиделся и сказал твердо: «Мы – семья, и я должен за женой ухаживать». Я чуть не расплакалась от счастья, – с гордостью поделилась Жанна своей радостью.

– Завидую, – призналась Инна.

– Да уж, грехов Федьке водой не смыть, – заметила Аня.

– И ацетоном тоже, – насмешливо подтвердила Инна. – Права Марго в том, что не выходила замуж. Ее история кажется мне поучительной. Она тоже коллекционировала мужчин.

Жанна только неопределенно пожала плечами. Таков был ее безмолвный ответ.

– Марго мужа достойного искала, а Федор, имея жену, бегал налево, – отметила разницу в целях Аня.

– Откуда такая информация? Ты же не входила в ее близкий круг? – удивилась Жанна. Но ответа не получила.

– А еще женщины мстят загулявшим мужьям, – сказала Аня.

– А Федьке какое оправдание придумаешь? – усмехнулась Инна и почему-то вспомнила встречу однокурсников пяти-

летней давности. «Игорек не смотрелся рядом с сильно постаревшей женой. Иван старательно доказывал, что друзья в его жизни на первом месте, а сам не спускал с колен внучонка. Александр сидел задумчивый, будто сравнивал и оценивал свои прожитые годы с судьбами остальных. И только толстяк Николай, профессор-атомщик, лучился юмором и довольством».

«Прекрасное настроение у девчонок будет завтра. Особая атмосфера праздника не позволит им ныть. А сегодня нет недостатка в пессимистических высказываниях. Они, похоже, не угомонятся, пока не счистят с себя накипь грусти и не снимут с души старую растрескавшуюся кору бед и печалей.

Помнится, в школе на выпускном вечере все пели, плясали, хохотали до упаду. А сколько было открытых улыбок и радостных надежд на заключительном студенческом балу! Молоды были. Смеха и песен на завтрашней встрече будет предостаточно, но они, наверное, окажутся с легким привкусом грустинки. Возраст, жизненный опыт. Это уже не будет состязание в положительном тщеславии. Даже те, которые молодыми блистали жизнерадостным юмором, с годами зачастую становятся ироничными циниками. Интересно, многие ли наши «седовласые мальчишки» до сих пор сохранили юношеский задор? Ну, если только те счастливчики, которых не била жизнь, которые легко по ней прошли. Думаю, девчонки будут хлопотать и привычно ободрять мальчишек», — размышляла Лена под аккомпанемент долетавших до нее

разрозненных сумбурных высказываний подруг.

11

– ...И все же без достойного мужского обрамления даже красавица не смотрится. Мне приходилось наблюдать прекрасных женщин с «серенькими» мужчинами. Лучше бы их рядом с ними не было! – категорично высказалась Инна.

– Лишь бы человек был хороший, – не менее определенно возразила Жанна.

– Я пришла к выводу, что женщины любят ни за что, а мужчины за красоту, – осторожно предположила некоторое время молчавшая Аня.

– За красоту? Чувство красоты – это чувство соразмерности во всем, в том числе и в любви. И ты его приписываешь мужчинам? – удивилась Инна.

– У Федора, наверно, его вовсе не было, – ответила Аня.

– Не стану возражать, – быстро согласилась с ней Инна. – Красота современной женщины в ее уверенности и самостоятельности.

– У меня есть подруга. Некрасивая, но полная жизненной силы, – поделилась Аня. – Она любит и уважает себя!

– Так, чтобы и кофе в постель? – рассмеялась Жанна.

– Глупый фетиш. Кофе пить с сонной немывтой физиономией? Надо же побывать в ванной комнате, зубы почистить – как всегда впрямую восприняла слова подруги Аня.

– Красоту не любят, ей злобно завидуют те, кому она не досталась. По моим наблюдениям мужья нечасто гордятся красивыми женами, в основном ревнуют их и жестоко гнобят, – сердито высказалась Инна.

– Точное попадание в образ! Ох уж эта мне удручающая банальность зла! Не в красоте счастье, а в уме и хитрости, – заметила Жанна.

– Получается, Федор мстит Эмме за ее красоту и обаяние унижением, потому что она усугубляет его чувство неполноценности? Надо же додуматься до такого! Нельзя допускать попракия красоты и достоинства! Это аморально.

– И давно тебя посетила эта великая мысль? О темные разрушительные страсти! – принялась насмешничать Инна над серьезностью Ани. – И к красоте, и к жизни подлой и гадкой мы привыкаем, потому и не ценим. Мы ежедневно пробегаем мимо чудной природы, не замечая ее. А разве мы ее не любим? Некогда нам любоваться. Так и Федька возле жены-красавицы ходит как около обычного предмета обихода.

– Сравнила! Он же не любит, – возмутилась Аня.

– Эмма говорила мне: «Откуда во мне мучительная, испепеляющая нежность к этому слабенькому, бледному и, как мне казалось, умному... Это неподъемная ноша обиды... А он, ты представляешь, ободренный моей уступчивостью и отходчивостью, хамил, грозил мне разводом!»

«А ты мечтала, «чтобы в его словах был Бог?» – грустно спрашивала я.

«Мой притеснитель в моей любви, заботе и нежности видел только слабость и боязнь его потерять!».

«И ты металась, разрываясь между двумя противоречивыми желаниями: врезать и пожалеть?» – невеликодушно спрашивала я, сердясь то ли на нее, то ли на себя.

– Посмотрим правде в глаза: именно из-за Эмминой материнской опеки Федор так и не повзрослел. Он по-прежнему все тот же безответственный, капризный, безбашенный, стихийный ребенок, – сказала Жанна. – Чего еще можно ожидать, если всегда торопиться самой улаживать все конфликты, одной выполнять любую домашнюю работу, включая мужскую?

– Так ведь больным притворялся. А теперь он вредный психованный старик, – заключила Аня.

– И ваще... – хихикнула Инна.

– С чего начинается эгоизм? С того, что человек слишком любит и жалеет себя, сначала привыкает сваливать на других свою вину, потом работу... Некоторые матери слишком балуют сыновей, и они считают, что кто-то – допустим, жены, – до конца своей жизни должны с ними нянчиться.

– Понять причину своих проблем у Федора ума не хватало, а чтобы пахать на других, ему достаточно было хитрости, – поддакнула Ане Жанна.

– Эмма любила Федора, потому-то верила и жалела, но базу эгоизма заложила в нем не она, а его мать. Познав материнскую любовь, он должен был в своем развитии идти дальше, но мать не отпустила его, и он задержался рядом с ней дольше положенного срока, по сути дела, до конца ее жизни. А ведь даже Библия советует оставить мать и отца своих и прилепиться друг к другу. А Федор так и не оторвался от маминой юбки. И была Эмма в их семье третьей. А вынести такое – подвиг. Любовь проявляется в радостном служении и жертвенности друг для друга, а не в подчинении.

– Аня, такова твоя точка зрения на природу эгоизма? – уточнила Инна.

– Да. До пяти лет ребенок только свои интересы учитывает. И лишь повзрослев, начинает защищать других.

– Между прочим, в стрессовой ситуации большинство людей временно опускаются на более низкий интеллектуальный уровень и думают только о своем спасении. Наверное, в такие моменты они борются за жизнь еще и ради сохранения своих семей, – смягчила свое же категоричное высказывание Жанна.

– Так вот, – вернулась к своей теории Аня, – забалованные дети часто застревают в своем детстве и остаются на уровне пятилетних. Из них и вырастают эгоисты типа Федора. Это не мои домыслы. Психологи пришли к такому выводу.

– Я наблюдала, как мой трехлетний сын в парке на детской площадке мужественно защищал свою пятилетнюю сестрен-

ку. Он не подпадает под общее правило? – с улыбкой спросила Жанна.

– Психологи выводят среднестатистические характеристики.

– А меня больше интересуют индивидуальные качества. Знала я одну мамашу. Она мозги выклеывала детям своей любовью. Обрушивала на них ее как Ниагарский водопад. И это было уже не прекрасно, а ужасно! – сказала Инна.

– Здесь совсем другое. Не столько своих отпрысков, сколько себя любят и жалеют такие женщины. А подлинная материнская любовь разумная, она побеждает в себе эгоизм, – заверила Аня.

– Будь то дочь или сын – они все равно сбегут от истязавших душу требовательных, несчастных, потерянных глаз своей мамы. Или так и будут, раздваиваясь, всю жизнь мучиться сознанием вины, которую та им внушила, – добавила Жанна информации к рассказу Инны.

– Ей это надо? – удивилась Аня.

– К сожалению. В моем окружении таких матерей хватает. Появления в молодой семье тещи или свекрови с подобным характером часто более чем достаточно, чтобы разрушить любой союз. Мне повезло, мы с Колей сами строили свое гнездышко.

– Я понимаю страх одиноких матерей упустить сыновей. В подростковом возрасте мальчишки часто уходят из-под влияния родителей в детско-юношеские компании, в среду,

неуправляемую взрослыми, – повела серьезный разговор о проблемах воспитания молодежи Аня.

Но ее подруг в данный момент волновало иное.

– Одинокой матери труднее оторвать от себя ребенка, когда он становится взрослым. Она ведь на самом деле жизнь на него положила. Вот и боится потерять единственный источник любви и внимания к себе. Ей же больше нечем заполнить пустоту в сердце. Такая мать иногда жертвует счастьем ребенка во имя своей эгоистической любви, заставляя его прозябать рядом с собой. Ей даже трудно позволить себе уменьшить ее, разделив с невесткой или зятем. Жениться, детей заводить не позволяет. Любя только себя, она не может полюбить даже внуков. Вот почему Федька был безразличен к своим детям. Мать его так отформатировала.

Такие матери не ищут в себе силы жить дальше, а высасывают жизнь из своего ребенка. Как правило, такие дети умирают вслед за матерями... Своих легче гробить. Могу привести примеры наших общих знакомых... – Жанна не стала договаривать свою мысль.

– Не наводи тень на плетень. У Федькиной мамы был муж. Просто его мать – я знала эту злую старую гримзу – сумела ложью и подлостью крепко и надежно опутать и привязать сына своей так называемой любовью, – нервно уточнила Инна. – Знаешь, как она умерла? Внучка предложила ночью провожать ее в туалет, мол, у вас голова кружится. А она закапризничала, выламываться стала. Помещичья кровь

взыграла. Ждала, что ее, как всегда, упрасивать станут. А девочка второй раз свою помощь не предложила. Не хотите, как хотите. Так она в ту же ночь упала и здорово расшиблась и после этого скоро ушла из жизни. Сама себя наказала. Еще лет десять могла бы радовать себя, измываясь над родней. Да, видно, Бог не допустил.

– И поделом ей, – очень тихо обронила Аня.

– Моя бабушка укрепляла семью, была ее совестью. Ни мелочности, ни ревности я в ней не замечала. Ради детей и внуков жила. Всю свою любовь им отдавала, ничего не требуя взамен. С ней было легко. Так как она, никто меня больше не понимал, – тепло и немного печально поведала Лена. – Мы, нынешние дедушки и бабушки, совсем не те, что были в пятидесятые. У нас компьютеры, модная одежда. Мы моложе, но суетнее...

– Семья необходима для поддержки друг друга, для счастья. Она воспитывает в детях интеллект, вкусы, эмоции, интуицию и еще много чего хорошего. А свою жизнь одинокие женщины, если они не умеют никого любить, кроме себя, должны постараться наполнить дополнительными смыслами, интересами и заботами, – строго сказала Аня.

– Должны. Для этого трудиться надо, проще готовенькую заботу получать. Федькина мать, например, себе другое счастье запрограммировала: издеваться над невесткой.

– Перерождение – мучительный процесс, добровольно и самостоятельно его осилит не всякий. Ни Федор, ни его мать

с этим не справились, – сделала неутешительный вывод Жанна.

– А оно им надо было? – насмешливо спросила Инна.

– Еще одно соображение выскажу. Желательно, чтобы разлучение с такой матерью происходило быстро. Женился – уходи. Затягивание усиливает сопротивление, а значит, и боль. Главное, что должны понять обе стороны: разлучение – не отречение, не обречение на одиночество, – сказала Аня.

– Вот это и есть самое трудное и часто недостижимое, – заметила Инна.

– А моя соседка говорила, что устала пятерых сыновей тянуть. Все хотела их поскорее оженить и из дому выпроводить, – поделилась информацией Аня.

– Так то пятерых и при муже. И все-таки матери-эгоистки – редкость, патология, – категорично заявила Жанна.

– Как-то Эмма спросила Федора: «Когда мы с тобой собирались пожениться, ты о чем мечтал?» «О сексе», – ответил он. «Ты размышлял о том, как будешь заботиться обо мне, водить детей в детсад, играть с ними, баловать, всегда и всюду быть вместе с ними?» «Нет, я не собирался заниматься домашними делами», – сказал он и пожал плечами. «А какой смысл ты вкладывал в слова, утверждая, что любишь детей?» «Я думал, что тебе будет приятно это услышать». «И всё? – поразилась Эмма. – Значит, ты уже тогда мне врал!» «А как иначе я мог бы тебя завоевать?» – искренне удивился Федор. Он не рефлексировал, не осуждал своего поведения

– вот что самое страшное. Он считал его нормальным. И когда говорил: «Я хороший», он в это искренне верил.

Он из тех мужчин, которые живут одним днем, одним мгновением, бездумно, – подвела черту в разговоре Аня.

«Вот и причина», – подумала Лена.

– Эмма – красивая, гордая, женственная – вылитая королева! Я была очарована ею. В ней была какая-то неизъяснимая прелесть. Но к встрече со злом она не была готова. Красивые и образованные женщины редко бывают счастливыми. Им чаще делают непристойные предложения. «Красавица! Глаз не оторвать, как хороша! Ну, я тебе покажу, ты у меня попляшешь!» – слышала я от их мужей и посторонних мужчин. Завидуют, ревнуют? – продолжила неоконченную линию разговора Аня. Она явно провоцировала подруг.

– Во времена наших дедушек и бабушек считалось, что природная женственность проявляется в деторождении, доброте, нежности, заботливости, но не в сиюминутной красоте, о которой нам теперь вешают с экранов телевизоров ради миллионных прибылей представители косметических корпораций, – вклинила свое замечание Инна.

– Нашим дедушкам в голову не приходило требовать от своих уже немолодых жен тонких талий и отсутствия морщин. А мы разучились стареть. Мы боремся со старостью. Это противоестественно. Где красота мудрых стариков? Надо во всем соответствовать своему возрасту и чувствовать

себя в нем комфортно, – провозгласила Аня. – А теперь то грудь увеличивает, кто нос уменьшает. И все ради мужчин.

– Кто пол меняет, – рассмеялась Инна.

– Я бы тем, кто хочет поменять пол, сначала посоветовала починить «крышу», – серьезно сказала Аня. – Почему раньше семейные пары вместе старели и мужья были счастливы со своими пухленькими, домовитыми женушками, окруженными детьми и кучей внуков? Что же это теперь мужчины с ума посходили? Ни любви, ни уважения не знают.

– Семнадцатый век еще держал в рамках чувства и страсти. Французская революция убила Христа и принесла разочарование в культе разума. Исчезла ориентация человека в мире. Он – ничто, и остается один на один со своими страхами и демонами. Фрейд кое-что объяснил, конечно. Но нравочениями человечество не удержишь... А мои приемные старики семьдесят лет вместе прожили! – неожиданно гордо похвалилась Жанна. – Бабушкина смерть день в день совпала с дедушкиной. Только он двумя годами ушел раньше, потому что был старше на два года. В этом был какой то мистический знак или роковое совпадение? Наверное, на том свете их души быстро найдут друг друга. Умерев, они не расстанутся, не потеряются. Я склонна так думать. Я так чувствую.

– Да ты что! Вот повезло твоим старикам! – восхитилась Аня. – Вот откуда у тебя запрос на такую же прекрасную семейную жизнь. Вот что тебя подвигло на подвиг. Или просто так совпало?

– Я знала их тридцать лет и ни разу не слышала, чтобы они ругались. Возились вместе во дворе, в огороде. А теперь рекламы мужчин портят.

– Глупости говоришь. Копай глубже, – возразила Инна.

– В моем понимании Эмма была олицетворением решительности и уверенности – и вдруг... ее гордость, замученная компромиссами, поникла, поблекла, пожухла, отрадность в ней погасла. И сама она сильно сдала, сложила крылья. Чему приписать эту в ней перемену? Только ли любви и интеллигентности?

– Зачем ты так. В мужестве ей не откажешь. Войди в ее положение. Просто не справилась с Федором, – ответила Жанне Аня. – «Жизнь – это искусство рисовать без ластика». Я завидую тем, кто обладает такой способностью.

– Всегда можно найти кому завидовать. Допустим, богатым, – воспользовавшись короткой заминкой в разговоре, продолжила Жанна тему, начатую ею раньше.

– Я не богатым, а счастливым парам завидую, и то совсем чуть-чуть, – смущаясь, пояснила Аня. – Эмма мне как-то рассказывала: «Недавно в нашем доме женщину хоронили. Ее муж сказал: «Мечтали в один день, на одной подушке умереть, а она поторопилась, раньше ушла». И я загрустила: «Такие семейные пары, как правило, живут почти вровень и долго друг без друга на земле не задерживаются». Федя так обо мне не подумает. Его бабушка и мать только себе бла-

годенствия желали. Их мужья ушли на сорок лет раньше. А меня что ждет с таким эгоистом?» Эмме не позавидуешь.

– Слава богу, и у тебя, Аня, нашлось слабое место, а то я с ног сбилась искать, – засмеялась Инна, охотно меняя направление надоевшего бестолкового диспута.

– Я вот хотела кое-что спросить по поводу слабых мест в характерах людей и непонимания между полами. Моя знакомая подмечает за своим мужем каждую мелочь и так ими на него давит, что превратила умного парня в никчемную тряпку. И гордится этим, считает себя намного умнее его. А он просто воспитанный и потому беззащитный, – сказала Аня.

– Ничего удивительного. Жена Сократа тоже мужа ни во что не ставила, а уж какой мыслитель был, гений! Она его даже лупила, – блеснула эрудицией Жанна.

– Гадина.

– Хотелось бы обойтись без грубостей, – раздраженно попросила Жанна Аню.

– Жизнь – величайшее благо, и жена Сократа смогла по-своему ощутить ее радость, оттачивая на муже свои издевки. И, несомненно, проявила приличные способности в этой области общения, – ехидно заметила Инна. – Она все то, что было выше ее понимания, просто не замечала. Вот и диссертация Эммы, и вся ее научная работа для Федора тоже не имели значения, как бы не существовали. Они не входили в систему его ценностей. Ее умение варить щи его больше интересовало. И даже на кухне он умудрялся совать нос в

кастрюли и давать «ценные» советы, ничего не смысля в кулинарии. Не мог не указывать. У него же все пальцы указательные! Он же гений. Ох уж это его занудство...

– Ты знаешь, Эмма у нас на курсе первая защитилась, потому что ее изыскания были на стыке физики и медицины. В чистой физике сделать открытие много сложнее. Удачная тема – считай половина успеха, – напомнила Аня.

– Женщина в одном сильна – допустим, в бытовых вопросах, мужчина с его системным мышлением – в другом, – вернулась к обсуждаемому вопросу Жанна. – Эти качества в нормальной семейной жизни суммируются. Но некоторые неординарные люди пользуются заведомой некомпетентностью партнера в той или иной области для унижения и ослабления его позиций. А другие не хотят или не умеют это делать.

– Незнание и неумение не избавляют от ответственности, – пошутила Инна. – Недавно в гостях я присутствовала при комичной ситуации. Хозяйка «зашивалась» на кухне и попросила мужа, который минуту назад умно изощрялся перед друзьями на ниве политических дебатов, что-то размешать, пока она колдует над другим блюдом. Я доставала тарелки, а хозяин дома стоял посреди кухни с кастрюлькой в одной руке и венчиком в другой и совершал какие-то неловкие движения. «Энергичнее, пока не остыл. Чтобы комочков не было», – приказала жена, стоя спиной к мужу. Она по звуку определяла качество его работы. Он «поднажал»,

а в результате крем вместе с перевернутой кверху дном тарой оказался на полу. «А на стол поставить кастрюлю не догадался? Когда ты чинишь какой-нибудь прибор, ты же его не держишь на весу?» – удивленно спросила жена, глядя на растерянного мужа. Я бы разоралась, а она только вздохнула. А ты, Аня, наверное, еще и пожалела бы бестолкового мужика.

– Я никогда не хотела кого-либо принижать. Такие атаки трудно выдерживать. Для нежной души они даром не проходят, – вместо ответа вздохнула Аня.

– Жалеем, поэтому и пашем за них, – резко отреагировала Инна.

– Я в детстве и юности верила, что если вдруг кто позволит себе безнравственный поступок, то он ему обязательно аукнется. Это меня какое-то время спасало от агрессии. Если бы так было... Кому и зачем нужны бесконечные разборки в семьях? Почему люди не могут договориться о самых простых вещах, чтобы жить дружно и мирно? Где их обоюдная снисходительность? А потом говорим, что жизнь чудовищно несправедлива. Мы сами делаем ее таковой своей хитростью, подлостью, жадностью, ленью, стремлением командовать. Ген разрушения в нас сидит, что ли? Говорят, Господь не дает ноши большей, чем человек может вынести. Дает! Иначе бы не гибли от рака, диабета или в психушках самые лучшие: умные, добрые и нежные. Стресс затрагивает самые

слабые места в организме. А они у каждого человека разные. Врачи говорят по телевизору, что для здоровья нужно заниматься спортом, не иметь вредных привычек, употреблять меньше соли и сахара. А я бы на первое место поставила хороший климат в семье. Нервы и болезни связаны как причина и следствие, – задумчиво произнесла Аня. – Любители походов должны знать, что происходит с их женами, пока они развлекаются. Но ведь не хотят знать.

– Виноваты те, кто узаконил право господства мужчины над женщиной, право сильного над слабым, кто забыл, что «все женщины и все мужчины пред ликом Господа равны». Войны и революции тоже происходят для передела собственности, для захвата власти. А лозунги: равенство, братство, справедливость – преподносимая «верхами» дымовая завеса, – изрекла, как по учебнику прочла, Жанна.

– А женщины тут совсем ни при чем? – обратилась к ней Аня.

– Беды исходят от мужчин, мы только защищаемся, – вынесла свой суровый личный вердикт Инна с едва уловимым оттенком чуть ли не генетической неприязни к сильной половине человечества. Так Лене показалось.

«Ленка слушает нас со скрытым скепсисом? Почему она безучастна к происходящему? Устала или умничает? Как же, писатель! Как рентген всех насквозь видит. Почитает себя не иначе как самой-самой!.. Ни одна мелочь от нее не ускользнет, всё зафиксирует. Они с Инной по многим позициям не

совпадают. Когда Инке самой себя не хватает, она начинает «добавлять», цепляясь, задираясь... А эта самодостаточна. На моей памяти... я никогда не видела ее другой», – завистливо подумала Жанна.

12

– ...Обновление, свежесть и яркость чувств мужей нам тоже не противопоказаны. А то подарят веточку мимозы на Восьмое марта – и радуйся на нее целый год. Любовь и семейные отношения – большой терпеливый каждодневный труд. Надо дружно и слаженно вдвоем везти семейный воз, – с учительским назиданием в голосе заявила Жанна.

– Надо, надо. Пургу гонишь. Лекцию по семейной этике школярам читаешь? Ну, прямо-таки как политики по телеку токуешь. Сами знаем, что надо. А вот как это сделать, как добиться от мужчин помощи и внимания? О этот «прекрасный» неподъемный семейный груз! Частенько оказывается, что мужчины не хотят его тащить. Им просто лень. Интересней и легче на стороне кайф ловить. И во что это выливается? Все беды и радости от них, мужиков проклятых, – расмеялась Инна. И тут же подумала: «Не можем мы не поносить мужчин. Они нам всю плешь проели... Ха! А плешь-то у них».

– Прописные истины, а в каждую голову не вложишь и выполнять не заставишь, – поддержала Аня Жанну. – Но ведь

надо.

– В семье, с раннего детства надо закладывать базовые основы, – продолжила воспитательную тему Жанна. – Школа их только закрепляет.

– Недавно один тип по телеку пытался доказать, что эгоисты – несчастные люди, мол, их никто не любит. К жалости зывал. Если им так плохо, что же их развелось без меры? Мать честная! Любить только себя, да еще и сочувствия требовать! Это ли не эгоизм в квадрате? И по радио чего только не услышишь. Один участник телешоу вполне серьезно утверждал, что в семье главой должен быть мужчина и его дело наказывать жену и детей. А если он тупой и упертый или алкаш? Мне так хотелось спросить у него: «Кто же тебя станет наказывать за проделки? Бог, что ли?» Так не дождемся... – сердито взбрыкнула Инна.

– Не задался наш сегодняшний диспут. Не все проблемы перетерли и обсосали? Может, прекратим исповедоваться? – попросила Жанна.

– Мы не можем не говорить об этом. Слишком наболело, – во второй раз не согласилась с ней Аня.

– ...Когда мужчина был единственным кормильцем в семье, его невнимание к мелочам в какой-то степени было оправданно, – принялась философствовать Аня.

«Проснулась. Понесло на перекладных со свежими силами, не остановить, не затормозить, – усмехнулась Лена. – Как

хорошо, что их только трое».

– Мне ясен ход твоих мыслей, но... – попыталась пробиться сквозь Анин поток слов Жанна. Но ей не удалось.

– В современной жизни поведение некоторых мужчин принимает уродливые формы: как глава семьи он никудышный и как воспитатель детей ноль. Уважать его не за что. Он сам всю жизнь желает быть захребетником. Балуй его, прощай, желей, а он будет злобно капризничать, слюни до полу распускать, хамить и гулять под одним только предлогом, что он мужчина, – продолжила возмущаться Аня. – А что в нем мужского, кроме того... что в штанах? И когда он кичится своей сексуальной «неординарностью», то еще неизвестно, какого она качества... Супружеская неверность для них перестала быть чем-то из ряда вон выходящим. Не обременены угрызением совести. А в результате полное ветшание чувств и атрофирование порядочности.

– Их оскорбительные выходки, как правило, следствие неудовлетворенного тщеславия, – вклинилась Жанна.

– Знаете, почему комнатные цветы не пахнут? Им пчел не надо привлекать. Когда эти цветы были дикими, возможно, они обладали ароматом. Наши мужчины теряют мужественность, способность содержать и защищать свою семью. Нужны они нам такие? Нет, – сделала оригинальный категоричный вывод Аня.

«Предвидела, что ты именно это скажешь. Перебарщиваешь с «эпитетами». Ох уж это мне «все мужчины». Все да не

все. Тебя послушать, так... – Лена вздохнула. – Знаю, про-рицательниц не прощают. Промолчу».

Но тут Инна тихо-тихо зашептала Лене чуть ли не в самое ухо:

– Вопрос на засыпку. Я рискую показаться излишне любопытной и нетактичной... Но объясни... Никогда не решалась спросить: как ты обходилась без мужчины? Ты же к себе никого не допускала. Я не вижу тебя среди холодных... Как ты сумела задавить в себе сексуальность? Не одним же спортом? Ты ощущала себя бесполом существом или желанной женщиной? По ночам отгоняла непрошенные мысли, скрипела зубами? Я и сейчас... хотя бы два-три раза в месяц не против порции добротного секса. Самообладание не восполняет потребности организма. С моими мужьями не было никаких преимуществ в ощущениях по сравнению с «самообслуживанием», а вот минусов сколько угодно: грубость партнера, развращенность, жестокое разочарование. А у многих женщин еще и возможность залететь. Но ведь только хороший секс дает ощущение внутреннего, эмоционального физического взрыва, – продолжала она по инерции, по привычке открыто рассуждать об интимном, будто спорить с собой, чем вызвала понятное смущение подруги.

Лена сделала жест недовольства и прикрыла усталые веки. До Инны дошло, что не готова она отвечать, уклоняется от неудобной темы, напоминает, что не терпит прямого вмешательства ни в свою, ни в чужую интимную жизнь. Инна

оставила тему, словно она перестала ее занимать. Но мысли продолжали крутиться в ее голове: «Не подходила ты, Ленка, под стандартные мерки. После Андрея сторонилаcь мужчин, затворницей жила. Боялась разрушить свои непоколебимые устои? Не встретила достойного? Неискушенная ты в любовных делах. Как знать, а вдруг тебе повезло бы больше, чем мне? Наверное, где-то на задворках сознания шевелилась, а может, и зрела мысль о другом мужчине, но она не оформлялась и не приобретала более или менее удобоваримую форму, потому что ты гнала ее от себя. Привыкла к монашескому воздержанию, добровольному целомудрию. Была ли права? Твои чувства, твоя бескорыстная любовь – чистый самообман. Всю жизнь ободряла себя верой в любовь Андрея. Ты бы за него и в огонь, и в воду, а он?.. Неужели за одну ночь он стал тебе так близок? Он открыл тебе счастье жить с женщиной или... нет? А может, между вами было что-то другое, совсем уж идеалистически-возвышенное?.. Я нахожу это забавным. Предчувствие, ожидание любви тоже счастье? Нет, это дистиллированная любовь... Куда мне до твоих утонченных вкусов, – усмехнулась она. – Другое дело, если бы...»

Инне вдруг пришла в голову омерзительная, подленькая мыслишка, но она мгновенно и без особых усилий отказалась от нее. Ей не хотелось плохо думать о Лене. Уж лучше о себе. Или о ком-то еще...

– А как же Аня? – неожиданно для себя вслух произнесла

Инна. Ей в первый момент показалось, что она продолжает размышлять молча.

Но Лена ответила:

– Настрой имеет большое значение. Мозг руководит человеком. Например, меня долго мучила одна неразрешимая неприятная проблема. Но я запретила себе о ней думать. Получилось. Даже если я и вспоминала о ней, то она уже не приносила мне столько боли, как раньше. Скользнет и улетит, не оставив следа. Иногда мозг, спасая психику, сам тормозит память человека. Он даже на время отключает некоторые функции органов внутренней секреции.

– Ну-ну, – не поверила Инна. – Хотя... Галка рассказывала, как бесился ее муж – предохраняться не хотел. Так она стала взывать к своему организму, чтобы скорее «отмылся». И представляешь, ее ежемесячные проблемные дни больше ни разу не пришли. А ей было только сорок. Мистика!

– Не терплю мистики. Она говорит только о недостатке знаний. Но утверждать что-нибудь определенное по твоему вопросу нахожу для себя преждевременным. Мне нужно изучить каждый конкретный случай, обобщить и потом только сделать вывод. Ограничусь предположением, что...

Инна прервала ее:

– Совпадение, чудо, особая чувствительность нервной системы? Рискованный эксперимент! Никогда нельзя заранее знать, чем он может закончиться. Иногда стоит опасаться своих желаний. Например, проклятия матерей страшны тем,

что часто сбываются. Помнишь, наш молодой сосед в деревне жутко пил? Так ведь погиб под колесами грузовика, как мать в сердцах ему посулила. А Невежина не забыла? Тридцать лет в первом браке продержался. Я ему говорила: «Не разводишься, жена тебя любит без памяти, может не отпустить. И дети тебе не простят обиды матери». Он только рассмеялся в ответ, мол не боишься навредить советами? Что сказано – твое, что недосказано – мое? Я склонна считать, что куражился. Я ему опять принималась толковать, мол, мужчины в основном стопроцентные агностики, а жизнь намного сложнее, чем вы ее себе рисуете. Не прислушался. Такой довольный ходил! Развелся, женился. Говорил, что он в потрясающей форме, что полюбил мощно, болезненно... и прекрасно, что с наслаждением делает всё, что нравится любимой. Родился ребенок. А через два месяца его не стало. Сгорел. Скоротечный рак. Тяжелая была кончина. И с Толиком та же история вышла. И у тебя в жизни было много случаев, которые ничем, кроме как влиянием судьбы, объяснить нельзя.

– Инна, не надо, – попросила Лена, а сама подумала: «Киринина квартира – место притяжения друзей, но стоит ли ее превращать в исповедальню, тем более в ночную?»

– Вертится у меня на языке еще один интересный вопрос... – осторожно «закинула удочку» Инна.

– Валяй, – разрешила Лена.

– Понимаешь, я считаю, что человек любит один раз. А зачем тогда ему все эти влюбленности?

– В юности, влюбляясь, человек учится распознавать характеры, учится любить. Это тот неповторимый опыт, который не заменишь никакими нравами мам и бабушек.

– А много позже? Будучи замужем? Может, эти влюбленности и обожания не только от отсутствия внимания в семье, но и от ощущения... сексуальной неудовлетворённости? Но разве физиологическое возбуждение гасится или восполняется платоническим обожанием? Сомневаюсь. Оно душу теплом наполняет, а не тело. Мне кажется, всё индивидуально. Кому чего больше не хватает, то и является причиной, тем и надо компенсировать.

– Я об этом никогда не задумывалась. Но точно знаю: если любовь обоюдная и настоящая, супругам не требуется дополнительных обожаний и влюбленностей.

– И еще вот что. Получается, что мужчина всегда испытывает оргазм, а женщина редко бывает удовлетворена. Большинство женщин вообще не знают, что это такое и с чем его едят. Нет, они, конечно, испытывают какие-то приятные ощущения, но без должного накала. Природа несправедлива к женщинам?

– Законы природы тут ни при чём. Отчасти виной тому слабость мужчин, но главная причина – наша общая с ними некомпетентность в вопросах секса. Это же целая наука! Если тебя это успокоит, выскажу свое мнение: мне кажется, уровень ощущений у разных мужчин тоже неодинаковый. Даже пиво одни любят больше, другие меньше. – Лена огля-

нулась на Аню, будто хотела по ней выяснить доступность понимания своего сравнения – Помню, лежала я в больнице и от тоски и скуки читала всё, что попадалось под руку. Так вот, герой одного из романов – автора не знаю, книга была без обложки – воскликнул после полового акта: «Какое жалкое подобие онанизма!» Почему-то эта фраза тогда покорила меня, но потом я подумала: что-то в этом есть.

«Анализирует проблему, как выходные данные компьютерных программ», – подумала Инна и задала еще один вопрос:

– Чем, с твоей точки зрения, определяется острота ощущений мужчины? Нервной системой индивида, степенью его возбудимости, возрастом, состоянием здоровья?

– Не знаю. Думаю, не одной физиологией. Может, еще любовью, уровнем влюбленности, раскованностью или способностью к фантазиям.

«Отвечает мне, а сама, наверное, думает, что меня слишком занимают разговоры на уровне ширинки. Ну и пусть. Не для себя стараюсь, мое время ушло, для племянниц «прозреваю». О них, родненьких, пекусь», – сердится на свою мнительность Инна.

– Лена, а вдруг не стоило тебе заковывать себя в броню и лишать мгновений счастья?

– Так вот ты к чему затронула эту тему. Думаешь, имело смысл гоняться за несбыточной мечтой? – вопросом на вопрос ответила подруга. – Да и не было у меня такой мечты.

По мне так лучше направить все свои силы и эмоции на детей и любимое дело. В нашем с тобой достаточно широком окружении только две женщины знали, что такое оргазм. Даже Марго, упорно стремящейся к достижению острого пронзающего пика наслаждения, не особенно повезло.

– А Алле? Они с Сашей на фото, как пара с обложки журнала! Они – одно целое: одна улыбка на двоих, одна душа!.. Алла держалась за Сашу как за мечту, за знамя, за путеводную звезду. Но и в их случае земля не прекратила вращаться, когда его не стало...

– Говоря о счастье, как не вспомнить Аллу с Александром, их прекрасно выстроенный семейный дуэт! Я думаю, у нее был постоянный душевный оргазм от любви и заботы мужа, а он, мне кажется, намного дороже телесного. Но я не знаю глубинных тонкостей их личной жизни. Для этой темы тебе стоит подыскать другого собеседника, может, даже врача. Я не компетентна, – заметила Лена. И добавила с усмешкой:

– Смотри кто на чём помешан. Что вызывает максимальное удовольствие и удовлетворение, в том и проявляет себя человек. Я знала одного мужчину, которому, кроме музыки, почти ничего не требовалось. А кто-то преуспевает на многих фронтах.

Женщины надолго задумались, а может, просто задремали. Немного отдохнув, Инна снова попыталась спровоцировать Лену на продолжение разговора, но у неё больше не по-

лучилось вернуть подругу к этой теме.

Но Инна уже не могла остановиться и обратила свой вопрос к Жанне:

– Почему мужчине, который ни на что уже не способен в постели, жениться на молодой женщине считается нормальным, а женщине – противоестественно? Казалось бы, наоборот. Она сторона принимающая, ей легче. У нее в этом деле нет проблем.

– Уже обсуждали. Что тут непонятного? Общественное мнение формируют мужчины. Ты сексуально озабоченная или в научном плане об этом голова болит?

Инна не посчитала нужным ответить Жанне.

– Некоторые мужчины открыто попирают морально-духовные ценности да еще пытаются научно обосновать свое недостойное поведение, неправильно трактуя результаты исследований. Это же растление! – сердито заявила Аня и тем приняла огонь на себя.

– Ты о прелюбодеяниях, описанных в Библии, или о современных веяниях? – насмешливо поинтересовалась Инна.

– На прошлой неделе по телевизору доктор полтора часа прополаскивал слушателям мозги на тему мужской полигамии. И это вместо того, чтобы воспитывать уважение к семье, к женщине. Он с очень серьезным видом вбивал, втолковывал, вдаблывал в голову, что измена – это нормально, так и должно быть. Низкий поклон редактору этой программы за то, что просветил нас, глупых, стремящихся воспитать

из своих детей достойных мужчин, создающих хорошие семьи на благо здоровой нации и крепкого надежного государства! А потом удивляемся, откуда появляются такие, как Федор, родом «из королевства кривых зеркал», для которых не существует простых житейских понятий.

Я слушала эту «теорию» и думала: кто и зачем ее придумал и внедряет в умы молодежи? Она же ведет мир к уничтожению. Каждая девушка хочет выйти замуж за порядочного парня. А если все юные девы поверят в то, что мужчины изначально лгуны и подлецы – с чем я категорически не согласна, – они же не пожелают создавать семьи. Многие женщины и без того обижены сексуальной несостоятельностью своих мужей как половых партнеров, а тут еще блуд и его оправдание. Мужчины стремятся усилить свою власть над женщинами путем лжи, жестокости и подлости. Они переворачивают с ног на голову идеи добра, чистоты и достоинства, вводя в нашу жизнь двойные стандарты. Мол, нам все можно! И всё потому, что всюду у нас в руководстве доминируют мужчины. Я считаю, что вопрос гендерного равенства – это вопрос для власти. И наша задача усиленно внедрять женщин в руководящие структуры. Достичь бы соотношения пятьдесят на пятьдесят. А выйдя на авансцену наравне с мужчинами, они, я думаю, блистательно, с замечательной наглядностью продемонстрируют свои способности и возможности.

– В своей речи ты опять забыла уточнить: «некоторые мужчины», – с улыбкой заметила Ане Лена.

– Дорогие мужчины, где ваше благородство и элементарная порядочность? Ускакали в прошлое? Мужчины в моральном плане стали ниже предков на целую голову! – возвестила Аня.

– А женщины выше? – насмешливо спросила Лена. – Понимаю, сочувствуешь коллегам и подругам с не очень удачно сложившимися судьбами.

– Истинное рыцарство проявляется не на войне, а в мирное время: в быту, в семьях!

Аня разошлась так, что только лишь кулачками о пол не стучала.

– Мужчины давно и прочно перевели средневековые доблести в честолюбивые карьерные устремления. Я доходчиво объяснила? – спросила Инна.

– Вопиющая глупость и галиматья, – раздраженно не согласилась Жанна. – Мужчина без галантности как цветок без запаха. Разве карьерный рост исключает благородство и рыцарство?

– Да уж, что касается запахов... Внутреннее чутье мне подсказывает... – Инна, не договорив, рассмеялась.

«Раздражает меня твоя привычка недосказывать фразы», – разозлилась Жанна.

– Мужчины проповедуют с экрана полигамию для того, чтобы женщины подсознательно свыкались с их «теориями». Как вы эту мысль находите? – спросила Аня.

– Надоело, – фыркнула Инна. Но это вовсе не означало, что она против диспута, потому что следующие слова она произнесла с большим удовольствием:

– Я не вижу другого выхода, как в отместку вести себя по типу мужчин. Почему им можно, а нам нельзя?

«Шаблонные фразы часто теряют не только эмоциональную составляющую, но и смысловую», – подумала Лена.

– Пить, курить, блудить? – растерянно прошептала Аня.

– Сходи в парк и увидишь подтверждение моим словам. Удручающее зрелище. Там девушки на лавочках наравне с парнями пиво глушат.

– Инна, хватит дразнить Аню. Не смешно, – остановила не в меру разошедшуюся подругу Лена.

– А если не задумываться над «глобальными сексуальными» проблемами, а просто нормально жить? – пробурчала Жанна в пространство, не ожидая ответа.

– ...Влюбленности головы мужчинам «срывают», – на всякий случай беззаботным тоном сказала Жанна, чтобы своим легкомысленным отношением загасить пыл и жар неожиданных эмоций подруг, если таковые возникнут.

– У женщин тоже сносит. Мозги сбиваются набекрень, рождают что-то неподотчетное, обрастают фантазиями... Мы тоже, как мужчины, заводимся, у нас есть не менее яркие желания, поэтому-то по молодости, по глупости делаем ошибки. Потом в чувство приходим, – тяжело сказала Инна.

– Но мы не считаем, что любовь – неконтролируемое безумие. Не до потери же личности! – возмутилась Жанна.

– А если это безумие нравится, если оно близко твоему внутреннему содержанию, непреодолимо влечет и сводит с ума? Ты же сама про Федора... – смущенно забормотала Аня.

«Боже мой, наша Аня как метафора беззащитности... без сеточного защитного экрана», – мысленно улыбнулась Лена.

– Человек тем отличается от животного, что может и должен управлять своими чувствами и действиями, по крайней мере в зрелом возрасте. А мужчины вместо этого целенаправленно «научно» обосновывают свою безответственность, неспособностью себя контролировать, и тем самым становятся на одну доску с животными и, по сути дела, опускают себя в развитии на ступень ниже женщин. Зачем? Они же себя выставляют на посмешище, – удивилась Аня. – А женщин за это же самое не уважают и презирают. Чудно.

– Недоразвитые? Интересный вариант. Это... глупость несусветная, – рассмеялась Инна. – Ты далека от реальной жизни как дитя малое. Я вижу в несдержанности некоторой части мужчин только недостаток воспитания.

Аня продолжила выступать:

– Я считаю, что надо ввести закон, обязывающий мужчин отвечать за ребенка, рожденного вне брака так же, как и за того, что в браке. Теперь существует генетическая экспертиза, не отвертятся, не удастся им избежать ответственности.

А то у нас привыкли во всем женщин винить, будто мужчины вовсе ни при чем. Может, тогда меньше гулять станут. Я уж не говорю о том, что эта, так называемая, теория приводит зрелых женщин к нервным болезням, а молодежь к наркотикам и венерическим болезням, а это, в свою очередь, к ослаблению генофонда нации. Надо же сообразовываться со здравым смыслом.

Инна хотела что-то добавить или возразить, но задохнулась и только раскрыла опаленные жаром болезни губы. Потом тяжело откинулась на подушку и устало пробормотала:

– Ты не ошибаешься на этот счет? У молоденьких девушек тоже бывают неконтролируемые эмоции.

– Я не беру во внимание глупый юный возраст, – объяснила Аня.

– Ты о вечно юных мужчинах? – пошутила Лена.

– Жениться мужчинам надо после сорока, как в пушкинские времена, когда нагуляются, поуспеют и начнут жить без черновиков: без ошибок и падений, – серьезно провозгласила Аня.

– Истреплются донельзя морально и физически, – возразила Инна.

– Что же делать, если некоторые из них начинают понимать, что такое семья и любовь к детям только в преклонном возрасте? – рассмеялась Жанна. – А иногда эти простые истины и позже не доходят, потому что после того не значит вследствие того.

– А мы так все умные, – усмехнулась Лена.

– Да уж поумнее будем, – обронила Жанна.

– Не женщины у нас очень умные, некоторые мужчины слишком глупые и слабые... в некоторых вопросах. Вот и ловят их на лесть, на обнаженную грудь... и прочее, а жены с ними, не готовыми к семейной жизни, мучаются, – упрямо продолжила свою мысль Аня. – Я смотрю передачи про артистов и вижу, что взрослеют они в основном только к третьему браку, наверное, когда как мужчины уже на пределе своих возможностей.

«Надо же, даже в запале выполняет мою просьбу не говорить «все мужчины», – улыбнулась Лена.

– Опять ты путаешься в мелочах. Советуешь мужчинам длительное безбрачие, связанное с обетом целомудрия? Дружбу и любовь, не обремененные близким общением? Интересное, но неудачное предложение. Замуж надо выходить за молодых, неиспорченных, – сердито процедила Инна и объяснила вполне серьезно:

– Все беды у нас оттого, что мужчины хотят и рыбку съесть и на... кое-что сесть.

– Опять ты всех под одну гребенку, – тихо сделала Лена замечание подруге.

– После собственной трагедии в семнадцать лет мне хотелось мстить зрелым, жестоким мужчинам: взять в руки автомат и методично уничтожать всех подонков. Я понимала, что это глупо, но никак не могла выбросить из головы свою

беду. Я искала способы избавиться от нее или хотя бы заглушить боль. Да... на ошибках мы взрослеем... Но лучше бы их не было... И только потом начался осознанный период моей жизни.

– «И такая на кровавом блюде голову Крестителя несла!» Где-то я читала, что у русской души нет состояния счастья. Она постоянно рефлексит, чего-то ищет, сама от себя убегает, – сказала Лена, пытаясь увести Инну от личных проблем в область философии. А та все равно о своем наблевшем продолжила говорить:

– Не выношу современные жестокие фильмы, особенно те, в которых обижают ни в чем не повинных женщин и детей... Им, сволочам, несколько минут злого удовольствия, а у несчастных вся жизнь в тартарары. Поубивала бы всю эту нечисть... Маньяки, мерзкие твари... Их ведь не переделаешь!

– Вот поэтому нельзя эмоциональному русскому человеку давать в руки оружие, – сказала Лена.

– Я слышала, что существует некая странная зависимость от оружия. Если оно есть, то очень хочется выстрелить, – осторожно заметила Аня.

– Она есть только у детей, – успокоила ее Жанна.

– Телевидение не должно быть распространителем нетерпимости, жестокости, насилия и грязи, – раздраженно продолжила кипятиться Инна.

– Успокойся. Изобрази лицо попроще и отдыхай с удо-

вольствием. Сейчас тебе о своем здоровье надо думать, а мировые проблемы пусть молодые решают. Ты сделала все, что было в твоих силах. Твои-то племянники – прекрасные ребята, – опять попыталась затормозить подругу Лена, старатель-но разворачивая разговор в положительном направлении.

– Каковы корешки, таковы и отросточки, – наконец расплылась в улыбке Инна. – Недаром я тратила себя на близких мне по душе людей. Старые кадры не ржавеют. А твой внучок радуется тебе?

– Хитренький. Удивляет он меня. Недавно собирал с отцом из конструктора машину, но считать сколько винтиков нужно для закрепления кузова не захотел, а просто разложил их против каждого отверстия с таким видом, что, мол, чего с ерундой пристаёте. Или вот еще. Учился малыш сверлить своей детской дрелью, а толщина доски оказалась больше длины сверла. Андрюша спросил сына: «Что делать будем?» Малыш подумал и ответил: «Перевернем доску». Я была в восторге! А вот учиться читать не хочет. Не удается нам увлечь его абстрактным делом, по его мнению, не имеющим прямого интересного практического применения. Пробовала учить находить информацию в Интернете, делая запрос на клавиатуре. Но как только он узнал о возможности голосового приказа, то тут же отказался мучиться с буквами. Ему уже четыре года, а он только машинками интересуется. Просто помешан на них. Нас, взрослых, не устраивает его однобокое развитие, и мы всячески пытаемся расширить

ареал его интересов.

Инна одобрительно закивала.

– Недавно я смотрела американский фильм. Там двое древних старичков, прощаясь, как-то слишком эротично и эмоционально целовались враспашку. Мне было противно смотреть на их возбужденные сморщенные физиономии. Мне кажется, отношения между разнополюсными субъектами в этом возрасте должны переходить в другую, дружескую, добросердечную стадию, направленную в сторону заботы и чуткости друг о друге, что ли, – предположила Аня.

– Согласна с тобой, – сказала Жанна. – Да и в молодости, мне кажется, нам, женщинам, не столько сам секс важен, сколько нежность, ласка, взаимопонимание. Не представляю как, поспорившись, можно

э т и м заниматься. Ведь это вершина... позитивных чувств. Ну, если только этим мириться.

Некоторые зарубежные фильмы я от внучек прячу. Те, в которых молодые люди друг с другом... как кошки с котами без любви и непрерывно партнерами меняются. Ужас! Запад нам нездоровые развлечения прививает и навязывает, в болото, в ад тянет. А нам бы задуматься: стоит ли настоящую радость менять на разгул пошлости и сомнительные кратковременные удовольствия? Нежностью и душевностью человек, как хлебом, никогда не пресыщается, а чтобы насытить-

ся запретным, дозы приходится каждый раз увеличивать, и заканчивается это быстро и трагически. Я в родительском комитете несколько лет заседала. Наслушалась всякого.

– Так они эти фильмы специально для нас «пекут», а наши чиновники от искусства за взятки берут все, что им предлагают. Своих-то детей они оберегают, а чужих им не жалко, – поддержала Жанну Аня. – С детства ненавижу чиновников. Помню, послали нас, городских детей, в поле собирать колоски. А там, на земле, между рядками полные канавки зерна пшеницы – хоть пригоршнями черпай. Я спросила одними глазами у бригадира: «Почему?» И он мне шепотом ответил, мол, из области не поступало разрешение на уборку, а потом дожди хлынули и ветра. Получалось, что за килограмм украденного зерна простого человека сажали в тюрьму, а чиновника, сгубившего весь урожай на корню, никто тронуть не смел. Я молча негодовала.

– Я в пятьдесят восьмом то же самое наблюдала, – подтвердила Жанна слова Ани. – Я предложила бабушке зерно для наших курочек с земли собирать, так она испугалась, на меня руками замахала. И все оглядывалась, не услышал ли кто из соседей мои слова. Сталина уже не было, а страх в людях оставался.

– Лена, помнишь как в шестьдесят четвертом нашего соседа за пять килограммов зерна посадили? Дурак, конечно. Самогонкой глаза залил. Так он на суде возмутился и с матами послал чиновников в поля посмотреть на результаты сво-

ей работы. Ну, ему и впаяли на максимум. Хорошо добавили за неподчинение властям. Все что можно приплюсовали. Долго дочка без отца росла, – припомнила Инна.

– Неискоренимые... – выразила общее мнение Аня.

«То секс, то чиновники... предметы их излюбленного брюзжания. Не ко времени...» – вздохнула Лена. И взор ее затуманился наплывающей дремотой.

– ...Наши предки женились один раз на всю жизнь. И в мыслях развод не держали, – вернулась к прежней теме Аня.

– Мне вспомнились в этой связи слова из прекрасного романа конца девятнадцатого века: «Связан с другой навсегда ты безотрадной судьбой». Его автор – Николай Зубов – был безнадежно влюблен в несравненную Анастасию Вяльцеву, – усмехнулась Инна.

– А мне дороги минуты упоительного общения с его потрясающим романсом «Не уходи», – с грустным восхищением сказала Жанна.

– Так вот, в деревнях и посеичас еще мужчины традиционно надежнее городских, потому что не только девушек, но и парней там в строгости держат. Общественное и соседское мнение их контролирует. С ним считаются. Исконная традиционная культура из почвы, из многовекового уклада вышла. В ней есть то, что не дает разрушить грубой действительности высочайшую степень связи между супругами в семьях, их огромные духовные и душевные силы. Потому что в ней

великая истина, – сказала Аня.

– А в городе принято считать, что бескультурье и неуважение к женщине пришло из деревни, – заметила Инна.

– Ошибочное мнение. Классическую музыку деревенские, может, и не слушают, но и на асфальт мусор бросать не станут, потому что не привыкли, чтобы за ними дворники убрали, – поддержала Аню Жанна.

– Ваши взгляды не устарели?

– Слава богу, пока еще нет. Хотя, конечно, телевидение вносит свои коррективы и в деревенское воспитание.

Лена подумала удивленно: «Аня о деревне совсем как Жанна заговорила. У той ностальгия, а эта почему? Ей не хватает положительных эмоций. Работает-то с детдомовцами».

– Пожалуй, не столько телевидение, сколько наш непутевый капитализм решительно губит деревню, – сказала Инна. Женщины надолго замолчали. Наверное, просто устали.

13

– ...Знала я одного сексуального маньяка-насильника. Пока его сын был маленьким, он жалел маму, а подрос, так сам стал обманом «поставлять» отцу своих друзей и подруг, – шепотком поведала Жанна. – Перенял модель поведения отца?

Реакции подруг Лена уже не слышала.

– ...Я бы с треском его выставила, потому что свои эмоции всегда направляла в сторону жесткого рассудка, – самоуверенно сказала Инна.

– ...Мужчины обвиняют женщин в легкомыслии. Но мое легкомыслие заключается в том, что я кофточку себе красивую купила или шторы на кухне решила поменять на более яркие. А как можно назвать поведение Федора, если не легкомыслием?..

– Они свои пороки нам приписывают. Какую цель этим преследуют?

– Себя стремятся обелить, называя легкомысленными тех девушек, которым сами же сломали жизнь? Таково их пещерное мышление? Самодурство – способ маскировки собственных недостатков? – засыпала Аня подруг вопросами. – Они считают: если получается, почему бы не взять? Если чего-то можно добиться обманом – обмани. Хочу и буду пить, курить, колобродить. А мы всю жизнь должны опираться на слово «надо» и всю вину брать на себя. Вот и вся между нами разница. А почему бы тогда не украсть или не убить, если есть возможность? Та же логика. Я даже от женщин слышала: «Пьет? Но он же мужчина. Это женщине непростительно». А почему мужчин надо прощать?

– ...Есть женщины, которые мирятся с изменами мужей, если они обеспеченные, внимательные и в постели устраивают. А у Эммы во всем облом. Вот в чем казус, – вздохнула Жанна.

– Казуистика, – сердито буркнула Инна.

– Может, и Эмма на самом деле что-то с чем-то соотносила и делала выводы?

– Не выдумывай, – сердито возразила Аня.

– ...Слышала я, как один представитель сильного пола с восхищением утверждал, что настоящий мужчина зол, волосат и вонюч. И этот же «идеал мужчины» говорил, что целовать курящую женщину все равно, что пепельницу. А почему его нежная, чистая, как белая лилия, жена должна целовать его, противного? Почему ей это должно нравиться? Ему такое в голову не приходило?

В девятом классе я недолго была «своим парнем» в компании взрослых рабочих ребят соседнего с детдомом двора. Я как бы в шутку находилась под их охраной. Меня шокировала их грубая похвальба. Откровенные разговоры с ними запали мне в душу. Они словно кровавыми когтями вцепились в мое сердце. Представляете: девушка отдала парню свою любовь, юность, честь, а он ее – в дерьмо. Когда схлынуло ослепление влюбленностью и угасло вожделение, он почувствовал себя победителем. Он презирал свою бывшую невесту за то, что она поверила его лживым обещаниям и отдалась. Ему даже не было ее жалко. Он предлагал ее друзьям! Отвратительная, омерзительная история. Оказывается, он только «пенки снимал». Такой доведет до самоубийства и ничего не почувствует. Мне казалось, будь у меня пистолет – убила бы гада, не задумываясь. Я знаю, что это глупо, что я

никогда ни на кого не смогу поднять руку, если только на захватчика, врага родины... Но я тогда поняла две вещи: катализатором отношений между молодыми мужчинами является женщина, и по тому, как мужчина отзывается о женщине среди «своих», можно многое сказать о нем, как о человеке. Получила урок на всю жизнь, – горько поведала Аня.

В замкнутом пространстве, до отказа заполненном эмоциями четырех женщин, наступила тишина, подобная той, какую каждому случалось переживать в детстве между мощной вспышкой молнии и страшным ударом грома.

– ...Общеизвестно, что люди Запада и Востока по-разному членят мир, по-разному думают о нем. Допустим, на Западе четко знают: это хорошо, это плохо. А на Востоке: с одного боку посмотреть – это добро, а с другого оно же – уже нет. И так далее и тому подобное. И эти различия глубоко и крепко сидят в их сознании, а возможно, и в подсознании. Отсюда непонимание между нациями в вопросах культуры, религии и политики, – глубокомысленно произнесла Аня.

– Между мужчиной и женщиной разного рода непониманий не меньше. Сознание человека зависит от его культуры. Воспитывать молодежь надо лучше, – сказала Инна, надеясь, что Аня подхватит тему. – Почему женщины должны прощать мужчинам измены, отсутствие чувства отцовства чуть ли не до шестидесяти лет? Мол, не дозрели, не доросли... И находиться в состоянии безмятежной уверенности в том,

что иначе быть не может. Этим мы создаем следующее, еще более неполноценное поколение мужчин. Они же полностью деградируют! Как-то услышала по телевизору от достаточно известной актрисы, мол, что поделаешь, они, мужчины, непостоянные, у них нет чувства семьи, их надолго не хватает. А сама одна воюет с двумя сыновьями. И кого она вырастит?

Когда человек рос в адекватной любви родителей, это сразу видно. И у девочек, и у мальчиков надо воспитывать ответственность перед своей будущей семьей, тогда они все заботы в ней будут делить между собой. Моя подруга несколько лет втолковывала своему будущему мужу, что он обязан сблизиться с сыном от первого брака, быть рядом с ним, что это нормально и естественно, как то, что он должен уступать старушке место в транспорте. Но для этого тридцатилетнего маменькиного сыночка – здоровяка и спортсмена – собственная обида стояла на первом месте. Вообразил, что жена его обманула. Ушел из семьи. Но сын-то тут при чем! Все-таки уговорила она жениха, помирила с сыном и только после этого вышла за него замуж, посчитав его готовым отвечать за свою новую семью. Трудно ей было перекраивать мамино эгоистичное воспитание. Спасло их брак то, что они вместе сумели преодолеть все возражения и истерики его мамы и стали жить отдельно.

Но Аню в данную минуту, как оказалось, семейные проблемы Эммы больше волновали.

– Сколько Эмма «по милости» Федора выстрадала! «Ах, любовь, облагороженная страданиями! Это так романтично!» – сказала бы я в юности, прочитав нечто подобное в книге. Глупая была. Это же всего-навсего горькая жестокая правда жизни.

– Запредельная порабощающая любовь как помешательство. Ее лечить надо, – жестко прокомментировала Инна поведение Эммы в семье. – Имеет смысл оправдание не страдания, а только сострадания.

– Страдание – не привилегия разума. Можно подумать, что человек мучается по желанию! – энергично запротестовала Аня.

– И осталось Эмме с маниакальной бдительностью надзирать за мужем, – неожиданно «выдала» Жанна, чем безмерно ошарашила Аню. – Говорят, что зло гаснет, наталкиваясь на чистое существо, которое само мучается, но не пытается свои страдания передать другим людям дальше, как по цепочке, – добавила она проповедническим тоном. *(Каждая из подруг стремится навязать свою тему, свое мнение?)*

– Неправда! Пример Федора ни о чем тебе не говорит? И я много раз так поступала, а в ответ получала недовольство. Никуда зло не девается! Плохой человек не верит в искренность добрых намерений, он видит в них поиск выгоды, подлость или просто трусость, – разозлилась Аня.

– И ты наслаждаешься своим положением несчастной? У тебя трагическое мироощущение? – странно томным голо-

сом спросила Жанна. *(Вот дает, монашка!)*

– Ошибаешься, я не садистка и не враг себе. Но человек рождается со своим «я» и всю жизнь сверяет с ним всё, что творится вокруг, борется, мучается.

– Ты замечаешь только темные стороны жизни, просто тяготеешь к несчастьям.

– А ты, как беззаботная бабочка, только светлые и яркие? Наверное, ни одна минута твоей счастливой жизни не была омрачена даже тенью неприятности. Оставь, пожалуйста, меня в покое, побереги проповеди для других, упивайся своим благочестием. Вот ты говорила, что все мы призваны быть святыми и можем ими стать, утверждала, что у каждого святого есть тяжелое прошлое, а у каждого грешника – светлое будущее. Наверное, это правда. Я тоже пробовала рассуждать подобным образом. Но своим правдолюбием, добротой и терпением мы сами себе строим ловушки. Мужчины воспринимают нашу мягкость как слабость и уступчивость, а великодушие принимают как должное. Эмму Федор, используя ее покладистость, даже от подруг отлучил, на цепь к кухне приковал. Друзей-сотрудников отвадил. Изначально намеревался и с родней ее рассорить, да не вышло.

– И все-то ты знаешь, – с трогательным наигранным простодушием удивилась Жанна. – С подругами Эмма мало общалась, скорее всего, по причине занятости.

– А почему ты о себе ничего не рассказываешь? У бабушки исповедуешься, а с нами не хочешь откровенничать? –

поинтересовалась Аня.

«Как бесконечное кружево плетут пустой житейский вздор. Людей тасуют, точно карты: того налево, этого направо, тот хороший, этот плохой», – устало вздохнула Лена. И вдруг вспомнила себя маленькой школьницей, делающей матери замечание за то, что та «ни о чем» долго разговаривала с соседкой. Мать ей тогда что-то насчет элементарной вежливости в общении между людьми толковала, а она не нашла этот факт для себя важным...»

– Вот ты, Жанна, спрашивала, чего мне не хватает в жизни? Мне, лично, всего хватает. Но что касается моей внутренней сути... когда вокруг несправедливость... Сердце кровью обливается, если вижу дурное и гадкое.

В голосе Ани зазвучали слезы.

– А во мне при виде несправедливости просыпаются гены неандертальца. Крушить все вокруг хочется, – усмехнулась Инна.

Тема зашла в тупик, и Аня обратилась к предыдущей, уже, казалось бы, исследованной ранее.

– С одной стороны, некоторые мужчины трусы, несносны во время болезней, страшно боятся смерти – мне подруги жаловались, – а с другой – ищут ее. Помнишь их азартную рыбную ловлю в ледяной воде? Герои, черт возьми! Мастера создавать критические ситуации? Риск ради риска? Мужчи-нам в жизни не хватает экстрима и парадоксальности? У пьяных сильно снижен порог страха? Ну совершали бы что-то

достойное, а то ведь сплошной неоправданный риск и дурь! Я могла бы понять, если бы хотели привлечь к себе внимание женщин, купались бы в своем бессознательном желании выделиться... но ведь просто как сумасшедшие гонялись за рыбешками. Право, как дети малые. Можно подумать, что цена их жизни – ломаный грош и им совсем нет дела до себя, до своего здоровья. Это еще одна нелогичность и непоследовательность в их натуре, – сердито забубнила Аня.

– Как-то всё это у тебя выглядит довольно мелко, общо... и бездоказательно. Ты во всем ищешь креативность? Правильно ли это? – пожалала плечами Жанна. – Не закапывайся в хламе плохих поступков. Свыкнись с мыслью, что у «мальчиков» должны быть игрушки: рыбалка, машина и прочее.

– Мастер по разоблачению! Этот рассказ только повод, чтобы поведение мужчин примерить на себя? – усмехнулась Инна. – Решила в себе «мужское мужество» воспитывать? Ищешь способы и средства?

– Не в себе, в мальчишках.

Лена уже не борется со сном, и тяжелая дрема побеждает. Она опять в состоянии выхватывать только отдельные, не связанные между собой эпизоды из разговоров, и поэтому не может создать целостную картину Эмминых бед, преподносимую и анализируемую ее подругами, и тем более вникать в новую тему.

– ...А тут еще эти бесконечные разъезды, отлучки, командировки. Большие расстояния не укрепляют брачные узы. Я

на все сто процентов уверена, что любовь крепнет не в разлуках, а в совместной жизни...

– ...Наверное, первый раз такое с Федором произошло непреднамеренно, нелегкая его попутала. Думаю, та женщина сама помогла ему «не устоять», перешагнуть грань дозволенного, может, даже подпоила бедолагу. Возможно, он даже сначала боялся от неуверенности. И свершился невероятный переворот в его судьбе. Это много позже женщины полностью стали занимать все его свободное время и гедонистическая программа жизни сделалась для него главной. И дома он стал источать непреступное самодовольство и упоение властью над постоянной жертвой – женой, – сказала Аня.

– Безусловно, это была приятная, возвышающая его поза, – покривила губы Жанна.

– И он не забыл, что «первый и главный половой признак мужчины – деньги?!» – расхохоталась Инна и тут же, оглянувшись на дверь, «нырнула» лицом в подушку.

– Видно, та, первая, сумела внушить Федору то, что он жаждал услышать. И ее слова приятной, чувствительной, слегка щекочущей занозой засели в его воспрянувшем самолюбии. Потом очередная пассия за деньги закрепила его «успех». И покатилося... Он решил, что сатанеет без разнообразия в любви, – предположила Жанна, но так, будто только этим всё и объяснялось. – Поэтому он так и не понял, что не годится в любовники. Не прозрел наш донжуан. О этот

вечный огонь желания быть тем, кем мы определили себя в мечтах юности!

– Бес распутства в Федоре всегда таился и ждал своего часа, а когда его поманила другая женщина, он выбрался из темницы неуверенности наружу и овладел им. Когда бес зла поселяется в душе, добро уходит из нее, – высказалась Аня. – Говорят, пока грех не всплыл наружу, понятие морали спит.

– А у Федора оно так и не проснулось. Жанна, ты кое в чем права. Мне бывший сокурсник как-то, под коньячок, вполне искренне хвалился тем, что способен за ночь на многократные «подвиги». Пришлось ему растолковать, что количество в данной области человеческого общения никогда не переходит в качество. Он был потрясен. Я тоже. Вроде неглупый парень, а в некоторых вопросах абсолютно безграмотный, знания на уровне подростка. Я весь вечер его просвещала. Делать было нечего. Мы дежурили на участке, будучи членами комиссии по каким-то выборам. Старушки в сторонке вязали или дремали, а мы сидели за столом, обложившись документами, и тихонько делились секретами, – рассказала Инна, конкретным примером отреагировав на «донжуана». И продолжила вспоминать об Эмме:

– Помню, она говорила: «Достаточно сказать, что у меня от всех Фединых «выступлений» начались дикие опустошающие приступы ревности. Нет, не ревности, обиды. Они лишали меня присутствия духа, да и сил вообще. А он даже не защищался от моих нападков. Коротко все отрицал, как от-

резал, или молча запирался в своей комнате. Он не чувствовал ни необходимости, ни неизбежности предстоящих выяснений отношений. И этим съедал последние, жалкие крохи моей в него веры. А если и «удостаивал» своим вниманием, то говорил со мной таким тоном, будто это я являюсь причиной наших ссор, а не его подлое поведение».

«Умышленно «путал» причину и следствие. Известный прием. У моей школьной подруги муж так умело смутился, разыгрывая невинность, будто не его, а кого-то другого жена только что выволокла из еще теплого гнездышка любовницы. Артист. Обхохочешься! Не делай такое скорбное лицо. Да, трагедия. Да, застала и на нервной почве лишилась ребенка. Пришлось ей наладить мужа. Развелась, потому что поняла свои «прекрасные перспективы» с таким человеком. И правильно сделала. Чем такой, лучше никакого», – к месту рассказала я Эмме печальную историю своей одноклассницы.

«До сорока лет Федя худо-бедно еще замечал меня, а потом... С возрастом тяга достичь желаемого еще больше обострилась, пошла по нарастающей. Боясь не успеть насладиться «любовью», он стал ухлестывать без разбору: хватать любую, которая предлагала или не отказывала. Не обладал ни разборчивостью, ни вкусом».

«Заматерел и пустился во все тяжкие, хоть всех святых выноси. У «перезрелых» и одиноких любовь бывает более жадная, терпкая, уязвимая», – усмехнулась я.

«Как-то не выдержала, спросила у Феде: «А они стоили того?» Промолчал. «А моего здоровья и нервов детей? Ушел от ответа. О это Федино каждодневное, неподдающееся объяснению раздражение!.. И я стала срываться по поводу и без повода. Вера, надежда, любовь! Опровержение этих жизнеутверждающих истин налицо. Кто-то правильно сказал: «Не давай лишку ни в вере, ни в надежде».

«Надежда и вера – самые мощные стимуляторы семейной жизни, – усмехалась я, оценивая свой богатый жизненный опыт. – Вот и пою от безысходности: «На белых клавишах – надежда, на черных клавишах – беда». И стараюсь не касаться черных».

«Уметь верить – это тоже своего рода талант. У Феде его нет. И его это не напрягает. Конечно, когда верила, я исходила из своих моральных принципов. А теперь в моей душе не осталось ничего, кроме крика боли. Почему Федя избрал низкий постыдный путь, который позволяют себе, как я считала, только бесхребетные беспутные алкаши? Есть ли хоть капля здравомыслия в его поведении? Он не оперирует понятиями чести, порядочности, добра. Они в его «исполнении» звучали бы кощунственно? Каждый его шаг – минутная, пошлая прихоть. Почему? Этот вопрос так и остался для меня открытым», – глубоким вздохом закончила свой рассказ Эмма. И что я могла ей ответить?

«Я плохо помню Эмму. Тогда, на первом курсе, до моей

поездки в Москву, мы учились в разных группах. И студенческих фотографий у меня очень мало. Фотоаппарата ни у кого из нас не было. Прежде чем делать выводы, неплохо бы выслушать аргументы обеих сторон. Закон причинных связей и в природе работает, и в семье. Я, правда, не нацелена на расследование... Разум, по логике, не должен противоречить любви. Но ведь противоречит...» – подумала Лена, вяло вслушиваясь в рассказ Инны.

– Эмма писала мне: «Любовь, счастье – все в песок ушло. Когда это началось? Почему именно мне достался опыт боли и ошибок? Отринуть бы его. Всё забыл... накажи его Бог. Когда телесное начало неосознанно и необоснованно много требует, духовное молчит. Говорила я Феде: «Загляни в свое сердце – оно пустое...» Когда-то я считала себя самым счастливым человеком только потому, что каждый вечер проводила с любимым. Ведь мои мечты были вытканы не только пылким воображением, но и долгими раздумьями о будущей семье... И почему до сих пор для меня кругом только он, он... Иногда любовь как проклятье. Может, поэтому меня долго удерживала мысль, что еще не поздно все исправить? Я верила, что любовью можно изменить человека... А его любви ко мне нет как нет. И лучшее тому доказательство – наша неудачная семейная жизнь. Что ушло из сердца – не вернуть. Слишком редки были наши мгновения счастья. Как солнечные или лунные затмения. А потом их вовсе не ста-

ло».

«Вселенский голос немоты звучит безлунными ночами». Чего стонешь? Тебе хоть смолоду кое-чего перепадало», – брякнула я, непонятно почему разозлившись.

Чувствую, Эмма испытала слабое подобие неловкости, но возражать не стала, продолжила:

«После работы, как подобает хорошей жене, я безвылазно дома сидела. Ждала Федю, боялась надолго отлучиться. Даже к подругам не ходила. Как под гипнозом была».

«Наша жизнь принадлежит тем, кого мы любим», – подтвердила я.

«А он стал путаным, скучным, прижимистым. Понятное дело: с женой незачем быть остроумным и внимательным, она уже завоевана, взята в плен. Это перед чужими женщинами надо гоголем ходить».

«Человек большой души ни в чем не бывает жадным. Держи руку на пульсе, делай выводы и не поощряй».

«Похоть, зависть, жадность в семье не помощники. Очко в твою пользу, – согласилась со мной Эмма.

«Может, Федор из трусости попадал в ловушку некоторых предприимчивых женщин? С мужчинами такое тоже случается. Я знала преподавателя, который спал с пожилой начальницей. Она была руководителем его диссертации. Так жена от него ушла. И их сын не признавал отца, – попыталась я смягчить Эммино раздражение. – Хотя... бывают в

жизни мгновения, за которые можно дорого заплатить. Есть женщины, ради которых мужчины могут поступиться своей честью, и существуют мужчины, которые заслуживают таких женщин. Но здесь не тот случай. Не взлетел Федька вверх по карьерной лестнице и с помощью женщин. Наверное... не заслужил. Он просто ради мелких сиюминутных желаний жертвовал семьей и своим добрым именем, – со злой усмешкой сказала я. – Мопассан писал, что «женщины часто выводят нас в люди. Если есть данные, которые нравятся женщинам, почему бы их не использовать?» Очень современное и своевременное замечание! Но какое отношение это изречение имеет к твоему мужу?.. – Я выдержала многозначительную паузу. – Думаешь, поведение Федора – не пощечина нашему нынешнему обществу, которое болеет теми же болезнями?» – съехидничала я. Но Эмма не вникла и спросила:

«Ты об обаянии Феди?»

«О деньгах! – разозлилась я. – Какой из мужчин для тебя хуже: тот, кто плохо поступает необдуманно, на эмоциях или который намеренно?»

«Какая разница? – осадил меня Эмма. – Мне и того и другого через голову хватает.»

«Настоящая любовь – это чудо, а чудя много не бывает, – терпеливо успокаивала я подругу. – Уметь любить – тоже талант, и не такой уж частый».

«Но я-то умею. Я смогла сохранить свою любовь, несмотря на все трудности, которых у меня было много больше, чем

у Феде. Вот говорят: доверься судьбе, ее ведет Бог. И куда она меня завела? А этот несносный ходок, набегавшись и взбодрившись «дозой восторгов», возвращается домой и, как ни в чем ни бывало, «житие продолжает земное». Имея в полном своем распоряжении семью, получает удовольствие, издеваясь над ней. Да еще двусмысленно подшучивает, мол, смысл жизни в любви ко всем и каждому. Где-то я читала, что тирания несет в себе зерно гибели. Да только губит она не тирана, а жертву».

«Эта фраза применима к странам и эпохам, а не к отдельным людям», – возражала я.

«У Федора всё, как всегда, – нормально! Хорошо устроился. «Вписался», получает все тридцать три удовольствия, да еще свободу ему подавай», – продолжала нервно развивать болезную тему Эмма.

«Свобода – такое же непрочное виртуальное понятие, как и счастье. Ее всегда не хватает», – не отказывалась я от полусутоливого тона.

«В моральной семейной жизни свобода не имеет особой ценности, а вот правда всегда важна».

«Самое печальное состоит в том, что ты всё положила к ногам любимого человека. От таких жен не уходят, но таким изменяют. Нельзя развестись с женщиной, к которой относишься как к матери, и с мужчиной, которого нянчишь как ребенка. Тебе бы перенять от Федьки хоть чуточку безмятежности его эгоизма, познать ощущение полного или хотя

бы частичного освобождения от ига семьи», – говорила я.

«Освобождение от семьи? – Эмма удивленно пожала плечами. – Вот ты говоришь, относился ко мне как к матери. Он со мной грубый, несдержанный, своенравный, черствый. С матерью он не такой. В разговорах с ней он не впадает в намеренную бессмыслицу, не произносит высокопарную ахи-нею с неприятным злым задором, произвольно не истолковывает ее слова, не извращает их смысл».

«Значит, как к домработнице», – поправила я себя.

«Хуже», – вздохнула Эмма. – Перед чужими людьми он на задних лапках ходит».

– Никогда Эмма, имея детей, не сможет достигнуть полной, как у Федора, свободы. Да и не лежит ее душа к этому, – сказала Жанна.

– Слабое утешение, – вплела свое скромное мнение в ткань разговора Аня. – Не помню, кто сказал, что «свобода – это выбор рабства по своему вкусу». Одни выбирают зависимость от вина или наркотиков, другие – от женщин. И всё это позорные слабости. Но от водки и курева есть вред, а от секса человеку только польза, поэтому блуд неискореним.

– Насчет рабства замечательно сказано! Хотя на первый взгляд совершенно абсурдное заявление. Эмме эту фразу стоит донести супругу, напомнить, куда завела его беззастенчивая свобода. Он стал рабом своего «хобби», – воскликнула Жанна.

– Оригинальная трактовка! Я думаю, этот лозунг в применении к Эмме Федору понравился бы еще больше, – рассмеялась Инна. – «Она сама выбрала рабство?» «Любовь выбирает рабство?» Надо же, эта мысль почему-то никогда не приходила мне в голову!

Какое у Федора рабство? Живет без руля и без ветрил. Если память мне не изменяет, именно он утверждал, что женщины не дают состариться сердцу. Они – как кирпичики здоровья, как эликсир молодости.

– Его тошнит от добропорядочной жизни. Он не знает, что такое раскаяние в подло содеянном. Он семейную жизнь считает рабством, – подпела Аня.

– А ты предпочла бы всю жизнь любоваться робко-беспомощной нежностью, скромными поцелуями, осторожными стыдливými заключениями в любовные объятия... мало на что способного мужчины? – Ироничный вызов и насмешка слышались в голосе Инны.

– А это здесь при чем? Не ко мне вопрос. Как мне истолковать твои слова? Как издевку? Ломаешь комедию? А ты при тех... воздержанных свечку держала? Чего ж тогда разглагольствуешь?

– Все мы прикованы к своим историям и ревниво оберегаем их от непрошенного вторжения, – усмехнулась Инна. – Мужчины, вспоминая свое счастливое прошлое, говорят: «Сколько женщин я любил, сколько вина выпил!» А женщины? «Я счастливая! Мой муж не пил, не курил и на-

лево не ходил». Мы влюбляемся и не задумываемся над тем, что скоро, очень скоро подставим свою шею и спину под ярмо ежедневных будней и будем терпеть, терпеть... А наши мужья привыкнут считать, что только то, что они мужчины, уже дает им над нами осязаемое преимущество. И мы за подкупающим фасадом будто бы ума и обхождения начнем видеть глупость, станем каждодневно наталкиваться на лень, безразличие и грубость...

– Неправда, мы, женщины, задумываемся и готовим себя к семейной жизни, – приняла как оскорбление слова Инны Жанна.

«У нас что ни скажи, обязательно кому-нибудь на ботинок наступишь», оскорбишь чьи-либо чувства», – подумала Лена.

– А мужчины не задумываются, – рассмеялась Инна.

– Ты за всех не расписывайся.

– Свобода, счастье! Где они? Ха, помните у Ильфа и Петрова: мы думали, что если научимся передавать мысли на расстояние, то сразу станем счастливыми. Радио есть, а счастья как не было, так и нет. Что-то вроде этого. Близко к тексту.

– Компьютеры есть, а счастья нет. Быт не отменишь. Похоже, он главное препятствие на пути к счастью, – насмешливо поддакнула Аня.

– Но его можно и нужно облегчать, – возразила Жанна.

– Ты забыла о цифровой матрице современной цивилиза-

ции? Сейчас миром правит цифра. Под ее знаком живем, – усмехнулась Инна.

Аня задумалась, пытаюсь найти связь между развитием цивилизации, примитивным бытом и «качеством» современных мужчин. Похоже, задача ей оказалась не по силам.

– Еще древние греки говорили: «Мир меняется, но не улучшается». Получается, что человеческие отношения не подвержены прогрессу.

– Только в отчаянии от собственного несовершенства можно такое выдумать, – намеренно проехала Инна по Жанне. – Но в какой-то мере ты права. Человеческие качества остаются, но видоизменяются в зависимости от внешней обстановки. Одни усиливаются, другие ослабляются. Добродетели и пороки по всем временам распределялись порозному.

Жанна больше не решилась выразить свое мнение по этому вопросу. Зато Аня посетовала:

– Теперь нет секретов во взаимоотношениях между женщиной и женщиной. Сексуальность перешла из разряда тайны в разряд СМС. Голос, запах и взгляд – побудительные причины желания – СМСками не передать. Вот вам одна из причин фатальной фригидности обоих полов.

– Глупость несусветная, – мгновенно резко отреагировала Инна.

– И во всех современных фильмах до противного одни и

те же слова и позы. Переключишь канал и не сразу поймешь – это тот же фильм или совсем другой. А когда целуются, губы девушкам жуют, будто голодные, – закончила свою мысль Аня.

Жанна одобрительно засмеялась, а потом сказала:

– Жизнь доказала, что экономические союзы намного долговечнее тех, что построены на якобы возвышенной, но быстро вспыхивающей и быстро сгорающей любви.

– Они долговечнее тех, что построены на влюбленности, но не на любви, – уточнила Аня.

«Аня зачинщица наших споров? Она их возглавляет? Ей многое хочется понять, чтобы использовать в воспитании своих подопечных? И меня надеется втянуть в новую «обстоятельную» беседу? Не выйдет, не поддамся на провокацию. Я слишком устала. Лучше вздремну под выразительный шепот подруг», – подумала Лена.

– ...А Эмма продолжала делиться со мной своей болью: «Ослепленный неутолимой жадой восхваления, Федор недолго разделял со мной восторг нашей счастливой семейной жизни... Теперь он уже не чувствует ни неловкости, ни двусмысленности своего положения в семье. Ради комплимента готов на любые ухищрения и ложь, ради минутного удовольствия может отдать свою жизнь в любые руки. Я бессильна повлиять на его поведение. Он обращает внимание только на женщин, обладающих гадкой тайной, наделен-

ных самомнением, на тех, которые сами не против... «удружить», на тех, что с голодным блеском в глазах. Они производят на него «неизгладимое впечатление».

«И ты согласна всех собак на них спустить? А может, лучше на него? Довольно, сама доводишь себя до состояния полного внутреннего насыщения тоской», – возмущалась я.

«Федора уже не переделаешь, – перебила меня Эмма. – Порядочные для него стали бесцветны и безвкусны, как дистиллированная вода. Он сделался падким на грязь. Мне казалось, что после свадьбы он многое понял и принял во мне. Тогда я была еще убеждена, правда, без всяких к тому оснований, что ради меня он... – Эмма тяжело и судорожно вздохнула. – Что меня ждет в обозримом будущем, если даже не брезжит намек на его перерождение в лучшую сторону? Может, все же развестись?»

«Госпожа Элеонора Рузвельт – жена одного из американских президентов – говорила: «Уверенность приобретается тогда, когда вы начинаете делать то, что казалось вам не по силам».

«Если бы дело касалось только меня, я без сомнения давно бы сбросила оковы».

«Воображаемое и действительное – вещи несоизмеримые и не соразмерные, – констатировала я строго. – Я, лично, за развод. Сама встань за командный пульт управления семьей и заново обретешь весь мир».

«Я и так у руля. Глупая, поначалу я верила в непреднаме-

ренность поведения Феди, старалась смягчить ему муки совести, хоть и воротило меня от собственной неестественности, наигранности. Своим осторожным, неприметным участием я пыталась помочь мужу выбраться из лжи, чтобы он остался достойным человеком, казнилась, если была с ним резка. Но все это не помогало к нему приблизиться. Я хваталась за соломинку. Конечно, меня преследовало ощущение бесполезности моих стараний. Я совершенно раздавлена, честно говоря, давно ожидаемым...

Сунулась к его отцу – он с ними давно в разводе, – но ушла не солоно хлебавши. Вот тогда-то во мне что-то окончательно, разрушительно изменилось. Я больше не верила в способность мужчин любить. И гнетущие мысли, от которых я упорно старалась отделаться, больше не покидали меня. Собственно, они стали периодически ко мне возвращаться после каждой ссоры, подкрепляя и подпитывая ревность... А Федор еще на мне вымещал и свои неудачи на стороне. Как я поняла, для него такое поведение в порядке вещей. Злитесь на одних, всех собак спускает на других. Хотя на фоне всего остального эта такая малость!

Сделав пугающее открытие, я запаниковала. Стала задумываться о своей незавидной доле, всеми правдами и неправдами пыталась держать мужа под контролем, под пристальным вниманием. Как же, семья – это святое! Многие так живут. Была терпелива и добродетельна, худо-бедно склеивала наш общий быт. На многое закрывала глаза,

пыталась не придавать значения задержкам. Сквозь пальцы смотрела на Федину нетрезвость. Надеялась, образумится. Но фривольные приключения все равно выплывали наружу, обиды не улечивались. Они все длились и длились...»

«Нежелание видеть не делает слепым», – злоотреагировала я на плач Эммы.

«Все мои попытки наладить отношения наталкивались на ледяное безразличие. Я чувствовала себя несчастной и полностью опустошенной, но еще не сознавала, что на руинах моей любви уже не воскресить и не взрастить прежних отношений. Не понимала, что дальше будет только хуже», – говорила Эмма задумчиво, точно загипнотизированная этой жестокой мыслью.

Она смолкла, словно нырнула в глубину своих переживаний и затерялась в мире печального воображения.

«Инна, остановись! Я изнемогаю...» – тяжело шевельнулось в голове Лены. Но звукового оформления ее мысли не получили.

«Ничего тут другого не скажешь: в разрушении семьи Федька преуспел. А ты не от мира сего, моя девочка. Ох, попадись он мне, вмиг с него сползла бы самодовольная ухмылка! Я бы пистон ему в одно место вставила... и так отфутболила... Он бы пулей от меня полетел. Я бы так его отделала всем, что под руки подвернулось, век бы меня помнил и больше никогда не посмел...» – говорила я в запале, и глаза мои наполнялись злыми холодными слезами мести.

«Перерождение возможно разве что только в тюрьме, да и то, как правило, в худшую сторону. Вот и я наконец поняла бесполезность своих усилий. А может, исчерпала свое терпение и всепрощение. Но ведь происходило же превращение некоторых наших вроде бы никудышных девчонок в достойных!»

«Там совсем другое было. Они хотели стать лучше».

«Я утвердилась в своем мнении и наконец прекратила бороться. И все у нас покатило по заведенной Федей наезженной колее. А в голове моей, как на старой затертой пластинке, всё продолжало крутиться: «за что, за что, за что?..»

Ни разумом, ни сердцем я не понимаю, как ослабить неутихающие душевные муки, как положить конец этой пытке. Я не впадаю в проstration, я не выхожу из нее вот уж несколько лет. Я все эти годы нахожусь в состоянии стресса. Если бы я плакала, мне было бы легче. Но у меня уже нет сил на слезы, на эти тусклые алмазы сердца. Я внутри будто вся высохла и кристаллизовалась».

«Еще бы. После того, как этот гаденыш на слезные железы будто ногами давил...»

«Я почему-то лет пять совсем не могла думать о своей беде, только страдала. Зомбированный мозг настойчиво отвергал все попытки анализа. Душила и держала в тисках обида. Во мне будто сломалась система охраны души. Боль заполонила ее до предела, и она больше ничего не вмещала. Моя любовь как зубная боль. Это не жизнь, а низвержение

в ад... Наконец произошел перелом. Как сказали бы врачи, я преодолела кризис и стала осознанно делать попытки рассуждать и запрещать самой себя жалеть», – голосом усталого безразличия рассказывала мне Эмма.

«Мне Ленина бабушка говорила, что такие долговременные «столбняки» для организма бесследно не проходят. Перебарывай себя, – остерегала я Эмму. – И запомни одно жестокое правило: если виновный не наказан, то расплачивается невинный. А я считаю, что каждый сам должен платить за свои грехи, и стараюсь в своей жизни этого придерживаться».

«Чтобы быть наказанной, не обязательно быть виновной». Это я поняла еще в детстве», – грустно усмехнулась Эмма.

«Да тут целая трагическая поэма! И кто из нас больше писатель? – сквозь дрему слушая подругу, усмехнулась Лена. – Знали бы мужчины мысли и чувства оскорбленных женщин, решающихся на невозможное!.. Еще быстрее сбегали бы от них?.. Да... неизвестно, за какой стеной и за каким забором сумасшедший дом... А мужчины грешат тем же? Они в той же степени чувствительны? Только реакции, наверное, иные, чем у женщин».

Голос Инны опять пробился в Ленино затуманенное полусном сознание.

«Федя лгал, что завязал, что шашней за ним больше не

числится. А сам не мог устоять перед искушением и продолжал гулять под прикрытием работы. Но, странное дело, теперь видеть в моих глазах муку стало для него еще большим удовольствием! Да, он не только ходил налево – ему этого было мало, – он с наслаждением издевался. И не считал, что такое поведение вступает в противоречие с кодексом чести мужчины. Получается, что когда Федор таился, то еще немного стыдился, потому что в этих проявлениях он был не полностью самим собой. И только теперь... достиг «совершенства». Я заметила, чем больше он мучает близких ему людей, тем легче успокаивается... Его не трогают ни моя верность, ни моя заботливость, ни ревность».

«Может, все же у него не было понимания того, что он тебя ранит? Вдруг он подсознательно холодно жесток?» – пыталась я хоть как-то расслабить подругу.

«Как можно не понимать такие простые вещи?» – удивлялась Эмма.

«Возможно, он считал, что случай тебе не представился, чтобы изменить? Или, наоборот, рисовал в своем испорченном воображении картины твоих страстных измен. Второе даже вернее. Не понимал, что в твоём презрительном молчании было гордое удовлетворение порядочности. По себе мерил. Беда в том, что подлые поступают с порядочными, как с подлецами, а порядочные с этими гадами, как с нормальными, хорошими людьми. Вот и вся арифметика. А я тебя предупреждала, что цена свободы от негодяев – бдительность

или развод».

«Этак Инна договорится до того, что Эмма стопроцентно несчастна. Глупо заикливаться на мужчине. Просто даюсь ее сентиментальности, – неодобрительно оценила Лена эмоции подруги. – Эммина беда – гвоздь сегодняшней программы? Мне, конечно, понятен прицельный смысл Инниных высказываний, но не пора ли сменить повестку дня, то есть ночи? Итак припозднились. Справедливости ради надо отметить, что Инна искренне сочувствует Эмме».

– «Что сделал бы русский мужчина, узнав о неверности своей жены? Побил бы изменщицу и запил в неосознанном ожидании, что всё как-нибудь само собой образуется, рассосется», – попробовала я расслабить Эмму. Но мне это не удалось. Она усмехнулась, дав понять, что моя мысль ею понята и принята, и продолжила свою горькую исповедь.

«Что творится в Фединой темной душе? Он умеет не допускать даже мысли о своей вине, о непозволительности своей жестокости. «Я – хороший. Не верить мне – значит поставить крест на нашей любви», – патетически провозглашает он. И продолжает жить легко и радостно, словно нет людей, которых он оскорбляет, будто они обязаны мгновенно забывать все обиды, как сам он забывает о своих грехах.

В горе люди часто оказываются ближе друг к другу, чем в радости. Но в нашей семье несчастлива только я, а Федя не

знает и не желает знать ни о трудностях, ни о бедах. Оберегая себя, он даже о грустном ничего слышать не хочет. Я ли болею, дети ли... он не замечает. Он существует сам по себе.

Где-то у Бунина я читала, что мужчина живет памятью. А какой памятью живет мой муж? О чем он помнит? У него же нет запросов на работу души, в ней прочно обосновался порок. Погулял – забыл, нагадил кому-то в душу – забыл. Чего проще? Вся его жизнь – беспросветная непрерывная ложь. Всем и во всем врет. Разве это нормально?»

«А ты искала в нем породу, аристократические корни, воображала рыцарем без страха и упрека!» – не сдержалась я.

«Федора не интересуется то, что уже прошло, он смотрит только вперед, – язвительно подумала Лена. – Конечно, память – это то, что мы есть. Но цепляться за прошлое, уходить в него с головой неблагоприятно. Это значит умирать вместе с ним. Старое ворошить – только жизнь себе омрачать... Но если настоящее не отличается от гадкого прошлого, чего ожидать в будущем?.. Разговорам девчонок не видно конца. Если я выживу после сегодняшней ночи, мне можно будет поставить памятник», – сказала она сама себе, осторожно вытянула онемевшие ноги и в который раз попробовала отключиться.

– Порода! О человеке, как о животном, говоришь, – неодобрительно качнула головой Жанна. – Случай мне припомнился. Катались мы в Сочи на лошадях. Внучка и гово-

рит: «Морда у лошади неблагородная. Тяжеловес – не арабский скакун. Совсем как у людей...» А я ей: «За непривлекательной внешностью иногда скрывается добрейшая душа».

– Женщина – это уж точно – на самом деле живет памятью своих редких моментов счастья. Иначе свихнулась бы, – вернулась Инна от Жанниних лошадей к обсуждаемой теме. – Федька, наверное, не отрицал, что первое время после женитьбы Эмма была предметом его величайшей влюбленности. Это несколько позже он перестал обращать внимание на боль, причиняемую им жене. Ему стало невыносимо слышать ее спокойный деловой тон. Он хотел видеть ее слезы и всё делал, чтобы довести до истерики и превратить в послушную своей воле...

– Святую мученицу, – дополнила Жанна.

– Не по-ни-ма-ю, – произнесла свое сакраментальное Аня.

– История знает много подобных случаев И нечего тут разводить антимионии, – сарказмом отреагировала Инна.

– Вкусив семейного «счастья», Эмма поняла, что все прежние неприятности в ее жизни были пустяшные и не шли ни в какое сравнение с нынешними. Мстил ли Федор Эмме за что-то выдуманное сплетниками и его мамашей или поначалу это были спонтанные вспышки раздражения, кончавшиеся удовлетворением самолюбия? Поди теперь разбери. Но они привели к жестокости. Да, выпало на долю Эммы... Пылинки с него сдувала, баловала. Вот оно, чистое пламя любви! Только «Оды к радости» Бетховена не хвата-

ет, – вслух горько размышляет Аня. – Жене в этом треугольнике приходится хуже всего. Они-то там развлекаются...

– И так будет до скончания дней. И ныне, и присно, и во веки веков. Это неискоренимо по причине человеческого скудоумия. Не скрутишь в бараний рог... Пессимистично? Что голову повесила, безутешная царица Несмеяна?

– Душераздирающее заявление. Ты права. Видевшие много горя навсегда остаются безутешными, – по-своему расшифровала Аня слова Инны. – Ты думаешь, теперь еще необходимость в э т о м у Федора не отпала?

– Я о масштабном, а ты опять о Федьке. Думаю, при наличии денег с возрастом поклонниц у него не убавится. Лишнее подтверждение тому, что не секс их в нем привлекает, – презрительно заметила Инна. – Некоторые мужчины до старости имеют о себе романтические представления, сформированные еще в пору туманной юности, и не могут их вытравить до конца жизни. Как известно, тело стареет быстрее, чем чувства. Вот в чем причина. В этом фишка.

– Хорошо, когда влюбленность со временем переходит в спокойную, глубокую любовь или хотя бы в мудрую привязанность. У Федора не получается, но он не чувствует в этом потребности и не видит необходимости. Не всех мужчин устраивает простая обыденная понятная семейная жизнь. У некоторых проявляется неистребимое своеволие к отклонениям, – сделала вывод Аня.

– Семейная жизнь ответственным людям не позволяет

скупать. В ней слишком много забот. Лодыри от безделья маются, вот и тянет их на «сладенькое», – сказала Жанна. – Личная жизнь в замужестве часто оказывается совсем не похожей на ожидаемую. У Эммы – это водоворот нескончаемых страданий.

– Истина постигается в тисках отчаяния, – зло хмыкнула Инна.

– Жить, никому не причиняя боли, не получается. Но надо, чтобы все члены семьи хотели друг другу только добра. И кто это запустил в народ «утку», будто после измены и последующего прощения супруги становятся ближе и дороже друг другу и их отношения выходят на новый, более высокий виток? Ложь! Измена острым шипом, направленным на пострадавшего, всегда будет стоять между ними. Конечно, со временем боль глубоко упрятывают, прикрывают иронией, но ни восстановить, ни склеить любовь уже не удастся. Супруги делают вид, что все нормально. Иногда гнойный нарыв прорывается стихийным смерчем ругани, – категорично заявила Жанна.

– Я слышала от мужчин, что измена – это когда душа мужа уже не с тобой, поэтому случайные связи по пьяному делу у них не считаются, – сообщила Аня.

– Фу, какая нечистоплотность с обеих сторон. Даже кошки не любого самца принимают, и кобели не запрыгивают, если... – брезгливо фыркнула Жанна.

Лена неожиданно заговорила.

– Был у меня очень хороший товарищ. И вдруг узнаю о его связи с ассистенткой. Я осторожно намекаю ему об этом. А он мне отвечает: «Вы же знаете, я очень люблю мою Людочку. А эта? Она хочет защититься, я ей помогаю. Она платит мне вниманием, только и всего». «Жена разделяет ваши взгляды?» – спрашиваю. Он настороженно взглянул на меня и неопределенно пожал плечами.

Не знаю, может, для кого-то эта история – маловажный факт, но я перестала уважать своего коллегу. Нет, я ценю его как талантливое преподавателя и отличного руководителя, но как прекрасный человек, как яркая индивидуальность он для меня перестал существовать. Что-то внутри меня разом его отвергло. А я так его уважала! Даже обожала, – с легкой грустинкой поведала Лена.

– Федор оправдывал себя тем, что влюблялся, а не просто так, как животное, – сказала Аня.

– Во всех влюблялся?! Да он гигант! Именно это его как нельзя лучше характеризует! – презрительно рассмеялась Инна.

– Сначала Эмма надеялась, что страсть пройдет, что Федор переболеет влюбленностью и его сердце повернется к ней. Иногда ей казалось, что все недоразумения останутся в прошлом и он снова станет мил и предупредителен, как в первый год ее замужества... Но вдруг без видимой причины на него напала холодная враждебность, он становился тяжелым, неприятным, начинал сбрасывать на нее дурное на-

строение и всё, что было плохого в его несносном характере. Отторжение усиливалось, и она понимала, что он завел очередную пассию. И опять его ложь становилась нестерпимой, – вздохнула Аня.

«Девчонки склеивают разные, казалось бы, не связанные между собой события. Начинают одну тему, она незаметно перетекает в другую, которая быстро стопорится как неважная, не главная, и разговор снова возвращается к наболевшему, остро беспокоящему...» – вяло размышляла Лена.

– Ложь – один из действенных методов в искусстве семейной дипломатии, – иронично усмехнулась Инна, выражая солидарность с «потерпевшей». – Такова страшная изюминка некоторых внешне благополучных семей.

– Ложь убивает любовь, – зло сказала Аня.

– Ее много чего убивает, – философски заметила Жанна.

– Зайду с другого конца и спрошу вот о чем: может, мужья, чувствуя свою вину за неспособность удовлетворить жен, легче относятся к их изменам? – предположила неопытная в семейных перипетиях Аня, начиная этим вопросом изучение новой для себя проблемы.

– Насколько я знаю, мужчины, как правило, не признают своей слабости и сваливают всю вину на женщин: сама холодная! или напротив: ты – «бэ» ненасытная, посему реагируют куда злее и стремятся на стороне получить доказательства своей «мощи». И получают. Там же их всегда притворно нахваляют, чтобы получить какую-нибудь выгоду.

Вот и Федька, я слышала, гордится собой, считает себя человеком, температура кипения жизни которого зашкаливает, сравнивает свою энергетику со взрывом. А одна разведенка из их же дома, хохотала, делясь со мной результатами их не совсем, скажем так, удачных проб. Мол, облажался в натуре. Развлекла, не представляешь как! – доложила Инна.

– Не упрекнешь Федьку в отсутствии гордыни. Понятное дело, герой на час... и каждая новая женщина – другой огромный мир! – насмешливо хмыкнула Инна.

– Он им интересовался? Тогда при чем здесь постель? – опять не поняла Аня. – Включи заднюю скорость.

– С каждой он, не терзаясь муками раскаяния, будто впервые по-настоящему осваивает и обживает неведомое пространство своего и чужого естества, – рассмеялась Инна. – И в эти минуты все самые лучшие черты характера его жены как-то съеживаются, становятся для него незначительными, неразличимыми. Потому что на первый план выходит его восхитительное «я» и секс, в котором, как ему кажется, он неповторимо особенный. Ха! В этот момент он способен весь мир духовного и телесного вместить в единую оболочку!.. О это его поразительное неистребимое самодовольство! Знали мы таких. Может, для себя Федька и восхитительный, но только не для женщин.

– Зачем ты так? А вдруг, и правда, он способен на самое

лучшее и на самое худшее, что может сделать человек? – спросила Аня осторожно.

– Хотела бы я представить себе это его «самое лучшее», – презрительно фыркнула Инна. – С его-то непостоянством, непоследовательностью, нетерпеливостью, подозрительностью и многими другими слабостями, список которых слишком велик, чтобы тут его приводить.

14

– «Зерна зла падали в хорошо подготовленную почву, – жаловалась мне Эмма. – Не на пустом месте возникала эта порочная тяга. Мать подталкивала Федю к загулам».

«Своего безвольного хлюпика», – зло вставила я.

«Ее постоянное влияние на нашу жизнь подобно присутствию постороннего в супружеской спальне. Ему бы задуматься, разобраться в себе, в наших отношениях... Быстро она отвратила сына от семьи».

«Несамостоятельные мужчины вечно стоят перед выбором: мама – жена, жена – любовница. А самостоятельные женщины решают свои ребусы: муж – свекровь, муж – дети, – вклинилась я в ее рассказ со своим удачным экспромтом. – У цельного, с глубоким понятием верности мужчины сердце снаружи твердое, внутри мягкое».

«А у самостоятельных с одинокой душой порядочных женщин – всё жесткое. Такой их натуру делают бывшие му-

жья. Душу слабого мужчины часто полностью заполняет его мать, – завершила Эмма. – Она порабощает ее».

«Может, именно мамочкина ревность спровоцировала Федьку и повела на «подвиги»? – предположила я. – Нет, я, конечно, понимаю, матери непогрешимы... и тем не менее... У жизни нет логики. А у Федькиных детей кто будет в сердце? Не папочка и не бабушка!» – горячо воскликнула я.

«К сожалению, это не однозначно. Растит жена детей, терпит эту парочку жестоких эгоистов, здоровье на них расходует, и вдруг получает под дых: сынок к папочке уходит. Переманили. Так-то оно... Такое часто случается, если мать из лучших побуждений не охаивает, не порочит бывшего мужа, даже если он с ними не живет. Реальность никого не щадит».

«Лишь бы ложью не восстанавливали против мамы. Некоторые родственнички не боятся идти путем травли, чтобы заполучить уже взрослого сына или внука. И такое случается».

«Недавно по телевизору один артист хвалился, что у него три прекрасных взрослых сына от двух жен и еще один внебрачный. Сидел такой счастливый! А я смотрела на него и думала: «Чем он гордится в себе? Детей жены воспитали. Не благодаря ему сыновья стали хорошими людьми. Он им даже алименты не платил».

«У меня в основном другие примеры. Я отслеживала судьбы наших разведенных сокурсниц», – успокоила я Эмму.

«Была у меня знакомая: педагог, кандидат наук. Но как

только я узнала, что она третирует свою невестку, сразу перестала с ней общаться. Не может, не должен умный человек такое творить. Я ей так прямо и сказала: «Не для себя матери растят детей, а для их счастья и успешного будущего. Если сыновья дались нам трудно – потом и кровью, – это вовсе не значит, что невестки должны их матерям платить за мужей своим счастьем. За всю жизнь не расплатятся, а семьи погибнут».

«А как ты дозналась о проблемах ее невестки?»

«Я сказала той девушке, что свекровь при мне ведет с ней неестественно внимательно и ласково, а та вдруг расплакалась. Ей объяснять мне ничего не пришлось. Насквозь я вижу таких матерей».

– Человек не всегда сам падает с лестницы и разбивается, чаще всего лестница под ним ломается, если ее подпилили. И обычно это делается под лозунгом «хотели как лучше», – поддержала я Эмму. – Бестолковому проведению было угодно и тебе подсунуть далеко не лучший вариант сценария жизни».

«Так бог знает до чего можно додуматься», – прервала меня Эмма. И грустно рассмеялась:

«В старину женщины говорили, что Бог создал три идеальные вещи: женщину, лошадь и розу. И всё это отдал в распоряжение мужчины».

– Они про соловья забыли, – подсказала я Эмме.

– Кому роза, кому соловушка, – задумчиво ответила она,

мысленно удаляясь слишком высоко, чтобы быстро вернуться на грешную землю.

Лена отвлеклась от спокойных, убаюкивающих ее воспоминаний и обратила свое внимание на подруг. Жанна проповедовала:

– Не надо забывать, что насильно сделать человека счастливым невозможно. Я, кажется, об этом уже говорила... Так что «жевать» Эмме было нечего.

Жанна нарочно употребила это слово, чтобы ее фраза не прозвучала намеком на остальных. Но оно неожиданно навело ее на мысль о том, что люди очень разные и даже такие близкие для всех слова «радость» и «счастье» каждый воспринимает по-своему. И поэтому они не характеризуют человека однозначно. Веселый человек, допустим, совсем не значит, что радостный. Печальный, против ожидания, может быть счастливым, если печаль его светла. Истина не в словах, а в том смысле, который мы им придаем. В языке, как и в чувствах, столько нюансов! Может, еще и поэтому люди не понимают друг друга.

Молчание затягивалось, женщины не поддержали предложенную Жанной тему. Возможно, не готовы были осознать. Каждая размышляла о чем-то своем. Аня, например о том, что ее поражает удивительное монументальное спокойствие Лены. «Меня распирает от волнения, а у нее годами выработанная привычка не показывать своих чувств или она по

рождению слишком спокойная?»

А Инна, глядя на упорную борьбу подруги со сном, тепло думала: «Ее бабушка в таких случаях говорила, что Ленка блымкает глазами. А скажи это вслух, никто кроме нас двоих, ничего бы не понял. Великий и могучий...».

До чуткого даже в полусне слуха Лены донеслись стенания Ани по Эмме:

– ...Эмма и раньше весь быт на себе тащила. «Великое счастье» – имея мужа, одной впрягаться в лямку семейных забот. Что является источником ее жизненной энергии?

– Ее несомненная правота, – четко и коротко сформулировала ответ Жанна.

– ...Вот почему, разведясь, мужчина может смотреть на их ситуацию с юмором, а женщина, как правило, – нет?

– Женщина острее понимает, что при разводе ее дети теряют много больше, чем деньги. Они теряют уверенность в жизни, в незыблемость ее основ, и это часто плохо сказывается на воспитании их личности, не прибавляет оптимизма ни детям, ни матери. А какой юмор без оптимизма? – ответила Ане Жанна. – Эмма знала, что именно этой малости – присутствия отца в семье – особенно не будет хватать детям для их душевного равновесия, что в дальнейшем может привести к повторению один в один ее судьбы. Вот и терпела, ждала, пока их психика хотя бы немного окрепнет. Ведь детское отчаяние самое горькое и безысходное. Отец ушел – это

же трагедия! Но, раздавленная обидами, надругательством над всем лучшим, что было в ней, она приобрела множество недугов, в том числе сахарный диабет. Оттого-то и позже не ушла от мужа. Я это так понимаю. Зря Эмма не давала выхода отрицательным эмоциям, копила их.

– А теперь еще она платит за вспышки раздражительности Федыки сердечными приступами. Видно, ему неизвестно, что основа исцеления и поддержания здоровья – хорошее настроение больного и нормальный климат в семье, – зло фыркнула Инна.

– Ты права. Эмма так и сказала: «Поздно, точка невозврата пройдена». Ее нервы обожжены. Она слабенькой стала, слезы всегда наготове, но держится молодцом. Немаловажная деталь ее характера. Загнала себя, столько лет подряд работала на износ, мужественно вынося невероятные физические и моральные нагрузки. Говорила, повторяя уже не раз слышанное мною от других женщин, мол, я жена, а все эти его... сама знаешь кто... – сказала Аня.

– Судьба подкинула ей загадку, вот она ее всю жизнь и разгадывает. Судьбу не переиграешь.

– Выстояла. Погибая, побеждала, поднималась над ситуацией, – вклинила свое замечание Инна. И было трудно понять, чего в нём было больше: уважения, сочувствия или горечи.

Жанна продолжила анализировать:

– Каждодневная ответственность за детей, постоянные за-

боты и волнения не дают женщинам шутить на эту тему. Ведь с них при неполноценных мужьях или при их полном отсутствии двойной спрос. Оттого-то в основном они способны только иронизировать. Мужчины худо-бедно позволяют себе расслабляться: то пивко у них, то друзья-товарищи, то бабенка шалая. А женщины считают для себя верхом непорядочности надолго задержаться у подруги, если дети дома одни.

– Значит, они сами себя так поставили, – кольнула ее Инна.

– Можно подумать – как бы точнее выразиться, – у тебя получалось отвоевать свободу без баталий, и мужья по первому требованию добровольно отпускали тебя на все четыре стороны. Небось, не один коготок обломала о своих твердолобых, толстокожих, упертых мужичков, – огрызнулась Жанна. – А тут дети без присмотра... Почувствовала разницу? Соображать надо.

Инна тут же заговорила о другом.

– Эмма мне как-то пожаловалась, что при ее занятости ей не хватает музыки, чтения книг, бесед о культуре, походов в театр и филармонию. «Я так хочу сходить на оперетту! Но Феде мои желания не понятны и не интересны. А из-за меня он не хочет сам сидеть с детьми или, тем более, просить об этом маму. О прогулках на природу я и не мечтаю, – вздыхала она. – Жду, когда детки подрастут. Тогда вместе будем всюду ходить. А пока я коплю деньги на новый телевизор,

чтобы старый наконец-то поставить на кухню, где я могла бы слушать любимые программы, и хотя бы «спиной» их смотреть».

А я пошутила: «Мать-Природа тебе прописки пока не даст? Живешь в урбанистической культуре, но чувствуешь, что отрываться от природы не имеешь права?» Я хотела чуть-чуть развеселить Эмму.

– Да, да... конечно... – пробурчала Аня, одновременно что-то усиленно обдумывая.

– ... Я вот вдруг подумала: какая боль тяжелее – моральная или физическая? – спросила Жанна, привстав на постели.

– Серьезный вопрос и многоплановый. Пожалуй, сравнивать их нельзя. И чувствительность к разным типам боли у людей неодинаковая. Некорректно поставленная задача, – заметила Инна. – Мне кажется, уровень физической боли и способность ее терпеть сильно зависят от морального состояния человека. Если накрутить себя... В детстве я до умопомрачения боялась зубной боли, не зная, что это такое. А потом, помнится, после онкологической операции я почти не чувствовала боли, меня не волновали уколы, перевязки, потому что я знала – они во имя моей жизни!

– Разделяй два понятия: ощущать боль и терпеть ее, – сказала Аня.

– К не очень сильной долговременной боли можно привыкнуть и почти не замечать ее. Я почками страдаю уж лет

двадцать, – сообщила Лена.

– Физические страдания можно ослабить обезболивающими уколами, а моральные – не получится, – сказала Инна. – Моральная боль, как правило, долговременная, и она, что самое гадкое, накапливается и приводит к взрывам, нервным срывам и даже к тяжелым неизлечимым болезням.

– Физическая боль тоже сильно подсаживает сердце, – не согласилась Аня.

– Моральная – еще больше.

Лена предостерегающе подняла руку, и Инна не стала больше спорить.

Женщины молчали, чувствуя свою теоретическую неподготовленность в этом вопросе, поэтому погрузились в воспоминания и осмысление своего личного опыта.

– ...В голосе Эммы было столько горькой сдержанной страсти! Ее и сейчас не оставляют опасения.

– Может, космос на Федьку влияет?

Насмешливый тон Инны не смутил Аню.

– Так ведь и влияет. Погода, например.

– Она в глобальном смысле, – обиделась за Аню Жанна.

И от ее легкого неглубокого дружелюбия к Инне не осталось и следа.

– Слишком умная? – отрезала Инна.

– Грубость – это всё, чем ты располагаешь? – неожиданно ехидно спросила Жанна. – Течение человеческой жизни

подчиняется непреложному закону, властвующему над всем нашим временным миром. В ней многое предопределено. Плюс тонкие случайные события, из которых сотканы индивидуальные человеческие судьбы. Я не боюсь на этом настаивать. В жизни каждого человека есть моменты счастья и несчастья, происходит много странных вещей, и в сумме они составляют некий рисунок, смысл которого ускользает от нас. И только космический голос...

– При чем здесь законы природы? – резко остановила ее Инна.

– Рвешь и мечешь. Тебе бы исповедоваться, облегчить душу, причаститься, – мягко, с благодетельной интонацией посоветовала ей Жанна.

– Дорого не просто дать совет, а суметь сделать так, чтобы человек сам понял, куда ему дальше идти. Я не стану подвергать критике общие религиозные доктрины и исповедоваться перед каким-то там... служителем культа, а абстрагируясь от твоих сомнительных представлений, причащусь великой литературой, мировой сокровищницей исполинских умов.

– Наша компания не полигон для разнузданных высказываний. Не извращай мои слова в угоду своему... тупому... непониманию, – наливаясь праведным гневом, пунцово вспыхнула Жанна.

– Может, обойдемся без взаимных наездов? Не пойму, что первоначально стало камнем преткновения в вашем споре? – пожала плечами Аня. – Зачем нервничать? Избавьте

друг друга от необходимости объясняться и оправдываться. Пусть каждый остается при своем мнении.

– Соломоново решение! Так вот, я утверждаю, что беды Эммы – обычная человеческая, индивидуальная ошибка. И судьба здесь ни при чем. В своих избранниках мы видим то, что хотим, а не то, что они есть на самом деле. Тривиальная истина и, тем не менее, большинство людей горят именно на этом. К тому же у всех разные понятия счастья. Одному важнее гулять, принижать, другому – гордиться семьей. Федька в одних случаях мягкотелый и ленивый, а в других – эгоистичный, жестокий и непримиримый. Бороться с природным диктатом инстинктов и с навязанными обществом и матерью понятиями ему не по силам. «Мужчине мыть посуду, смотреть за детьми?! Как можно!» Вот я и доказывала Эмме, что на таких взаимоотношениях надо смело ставить крест. Я бы такому сразу сказала: «А катись ты... и забудь даже как меня звать-величать», – объяснила Инна.

– Это Эмме решать, – сухо заметила Лена. Но разговора этим не прекратила.

– Сгинула любовь. «Смертелен уровень воды, когда в него выпадают слезы». (И она обожает Валентина Гафта?) Испила Эмма до дна горькую чашу «любви», ощутила в полной мере женское «счастье»! В ее откровениях не было ни вызова, ни позы. Знание беды открыло ей глаза, но не разорвало узы брака. Очевидно, лимит оптимизма еще не исчерпала.

Настоящая любовь многое прощает.

– И допрощалась, – одновременно, не сговариваясь, ска-
зали Инна и Аня.

– Аня, ты и тут с Инной заодно? – удивилась Жанна.

– Всю жизнь, бедная, следовала в фарватере своего му-
жа. А эти многочасовые вахты у плиты ради его приверед-
ливого вкуса! Забыла, что сама представляет нетривиальную
личность? А он каплю за каплей пил из нее кровь. Такова
судьба тонко чувствующей, талантливой женщины в абсурд-
ном мире... непорядочного мужа, – возмущенно провозгла-
сила Инна. – В Эмме накапливалось тяжелое темное раздра-
жение, из которого не было другого выхода, кроме тоски. А
причина тому – ее тупая бетонная преданность и непонятная
болезненная покорность.

– Даже между самыми близкими людьми бывает глухое
непонимание, о чем неопровержимо свидетельствует при-
мер Эмминой семьи, – вздохнула Аня.

– Близкими? Ха! Это с Федькой она близка?

– Эмма не случайно утратила чувство свободы. В жизни
ничего не бывает просто так. Были предпосылки, была пред-
расположенность. Помните, ей было неинтересно в компа-
нии, если в ней отсутствовал Федор, – припомнила Жанна.

– Так ведь любила, – подсказала Аня.

– Эмма забыла слова Конфуция: «Счастье – это когда тебя
понимают». И продолжение: «Еще большее счастье – когда
тебя любят». А Федор не понимал и не любил ее.

– «А самое большое счастье – когда любишь ты», – добавила Аня уверенно.

– И это успокаивает? Поднимешь эту мысль на щит? Есть дети, внуки, деньги, признание, но когда нет взаимной любви, теплоты, жизнь кажется несостоявшейся, – возразила Ане Жанна. – Настоящая любовь не потерпит предательства и безразличия, а Эмма терпела.

– Так ведь из-за детей, – заметила Аня.

Инна неожиданно заявила с угрюмой категоричностью:

– Эмма сама себя предала.

– Ого!? – дружно выдохнули три женщины.

– Не смогла вовремя раз и навсегда отринуть Федьку, не ушла, а теперь локти кусает. Если бы оставила его, давно бы успокоилась и не рвала себе сердце. Люди, находясь в трудном положении, быстро изобретают для себя наиболее рациональный, удобный или хотя бы вполне приемлемый способ выживания.

При этих словах Аня зябко и нервно обхватила руками свои худенькие плечи и застыла в ожидании продолжения обмена мнениями. А в ее голове прокручивалась мысленная поддержка Эмме: «Не все на это способны. Когда любишь, доводы логики бессильны. Федор заслонил ей весь мир. Вот и сносила все. Такое иногда бывает».

– А что скажет наш главный эксперт-теоретик, апологет справедливости? – еле разомкнув губы, «уронила» насмешливую фразу Инна. И добавила более эмоционально:

– Мужчины! Бойтесь гнева терпеливой женщины! Это смерч, это тайфун!

– Это цунами, – с улыбкой дополнила Иннин список природных явлений Жанна.

– ...Бесконечное однообразие семейной жизни – пленки, плач детей в течение нескольких лет подряд – многих разрушает. И, конечно, первыми не выдерживают мужчины. Мне один знакомый рассказывал, что жена после родов выглядела непривлекательно, от нее все время пахло молоком, потому что его было в избытке, вот он и увлекся одной дамочкой. Та всегда была прибранная, ухоженная. Ну я, конечно, высказала ему свое грозное мнение! – долетел до слуха Лены тихий заунывный голос Ани. – А другой растеряно мямлил, что претензий к жене никаких не имел. Она очень хорошей была, ради моей карьеры бросила любимую работу, устроилась рядом с домом не по специальности. В семье всегда царил любовь, уют и покой. А почему разошелся, не знаю. Наверное кризис среднего возраста. Уходя мы думаем только о себе. Собственно, вообще не думаем. А со второй, чтобы доказать серьезность намерений, я обвенчался. Но и это не удержало от развода. А теперь мне режет сердце, что ее новый муж стал для моего сына другом, а не я. Думал, больше никогда не женюсь. И вот в пятьдесят пять снова надел кандалы. Она на тридцать лет моложе, и у нас ребенок. Горжусь собой: я еще могу... я мужик! А удержу ли рядом?.. Поче-

му я такой? Где начало той ниточки за которую должен был держаться, я так и не знаю. До сих пор не нашел.

«Сейчас опять набросятся на Федора, как голодные стервятники? С рвением инспекторов или судебных приставов будут копаются в причинах его поведения. Потом скажут: он полностью изобличен! Так ли его фигура однозначна? Хотя, если вспомнить судьбы Ирины, Лили, Гали, Риты, Эммы... До чего же похожи сценарии семейных неурядиц моих подруг! Вырисовываются очень четкие параллели. А нюансы зависят только от характеров действующих лиц. Пил, гулял, был лодырем, эгоистом. Ушла, терпит, выгнала, болеет. И что было этим женщинам бонусом?.. Кто-то очень умный грустно пошутил: «Земля – это огромный театр, в котором под различными названиями играется одна и та же трагедия».

Предпочитаю избегать подобных диспутов. Я склонна свободное время тратить более рационально. И от этого разговора я не ожидаю для себя ничего интересного. А Аня на удивление жадно ловит каждое слово Инны. Наверное, по какой-то личной причине рассуждения Инны больно цепляют ее или чужого живого опыта набирается, чтобы донести его своим подопечным? Чехов писал: «Умный любит учиться, дурак учить». Аня – молодчина-дивчина», – устало подумала Лена. И ее мысли стали разбегаться и рассеиваться как утренний туман под первыми лучами летнего солнца. – А Инна умеет хранить чужие тайны? Она как сейф с двойными

стенками? Даже мне не рассказывала об Эмме. А я думала, она только ради меня надежно держит язык за зубами. Вот так живешь рядом с человеком, дружишь десятилетиями и не знаешь его редких достоинств», – внутренне улыбнулась Лена и «поплыла» в царство Морфея.

15

Инна шепчется с Жанной. В тиши ночи четко слышно каждое слово:

– «...Саднит душа, раненная отравленными шипами розы... Осталась я загнанная, одинокая, ущемленная, обиженная на весь мир, неспособная избавиться от своей беды... Только себя извожу», – плакалась у меня на плече Эмма.

«Вы так долго притирались, подгонялись... и вдруг такое: он ведущий, ты ведомая. Ты же умная! Как это могло случиться? Подловил на жалости, запряг, и ты в одночасье пропала?» – удивлялась я.

«...Какой болезненный удар в сердце: себя делил между ними и мной! Если бы не любила...» – опять слезами отвечала Эмма на мои вопросы-упреки, извиваясь на острие собственной боли.

А в глазах ее была такая смертная тоска! Мне хотелось проучить этого гада так, чтобы развились в нем органы чувств, с помощью которых человек распознает дурное и хорошее. И я, охваченная нестерпимой жалостью, советовала

Эмме: «У тебя столько забот о настоящем, что некогда думать о будущем? Пойми, мир больше, чем твои беды. Не расстривай себя, не трепли свои нервы. Выйди из ступора и живи, раз дана такая награда! Я тебе уже советовала найти себе предмет обожания. Обожание – не преступление против брака. Это не любовь и даже не влюбленность. Это когда тебе просто приятно видеть этого человека, когда от встречи с ним повышается настроение, забываются неприятности. И не более того. Оно не идет в разрез с совестью. В твоей постылой, унылой, постылой судьбе надо уцепиться для отвлечения хотя бы за какой-то ничтожно малый шанс. Трудно вести жизнь, наполненную только горем и трудами праведными. – В моем тоне звучал вызов. – ...Я бы на твоём месте сыграла ва-банк. Мне не посчастливилось: не случилось, не выпал козырь. Не вышла я в дамки. Может, тебе больше повезет. – Я так резко говорила, боясь, что Федька выжмет из нее все соки и сбежит. А этого неподготовленная Эмма не сможет вынести. – Ну, или хотя бы в гости чаще ходи. Помнишь, у Окуджавы: «И слаще друзей голоса». Ты совсем отрёклась от подруг. Не звонишь даже».

Правда теперь говорят, что «лучшие друзья девушек – бриллианты», – вспомнилось мне. Но вслух я этого не сказала. Не тот момент, чтобы шутить.

А Эмма, не сдерживая досады, все о своем плакала:

«Это я до свадьбы была кошкой, гуляющей сама по себе».

«А после свадьбы Федька стал «бродячим» котом», – пы-

талась я перевести Эммины слезы в шутку или в злую решимость.

«Ну сказал бы, что эти женщины для него ничего не значат. Я готова поверить. Но он их превозносит, хотя подбирает всех, кто попадает на пути, без разбору. Он окончательно потерял в своих желаниях и многочисленных привязанностях понимание истинности чувств. И все это в нем от бесхарактерности. И даже то, что делает он мне гадости на зло, как вредный ребенок. А я от всего этого испытываю к себе полное отвращение. И в чем мне искать спасение? Откуда его ждать?» – горько сознавалась Эмма и замирала в доверчивом ожидании сочувствия.

Что я на это могла изречь? «Пусть мужество не покидает нас, коль наш грозный Бог заломил за счастье женщины тройную цену»? Нет, я сердито отвечала, что Федька изначально был слишком жалок и мелок для большого чувства. Он, видите ли, застоялся в браке! Бьет копытом. Динамику взаимоотношений ему подавай с тремя детьми. А что он сам сделал, чтобы облегчить тебе жизнь? Ты ведь тоже работаешь. И тебе не меньше Федьки нужна яркая любовь и положительные эмоции. Знала я подобных субчиков».

«А ты, можно подумать, сегодня идеально интеллигентна. Бездумно полощешь чужое белье как енот-полоскун. Язык чешется без сплетен, деревенеет без жареных фактов? Где же я слышала эту жесткую фразу: «онанирующее сознание»?

Но ведь не агонизирующее, – подумала Лена и почему-то взглянула на Аню. Та лежала с обычным для нее тревожно-печальным лицом, отстраненная, погруженная в свои переживания. – Инна, рассказывая об Эмме, наверное, впервые так мощно выплеснула и свою собственную боль. Что ее всколыхнуло и подтолкнуло, что оказало решительное влияние? Может, опять заболела? Не дай Бог. Мягко говоря, сегодняшний диспут, с моей точки зрения, подруг не украшает... Но я, похоже, зануда, каких мало».

Инна заметила недовольное выражение лица Лены.

– Тебя шокируют Федькины зигзаги?

– Что тобой движет, когда ты так активно внедряешься в чужие секреты? – совсем тихо прошептала Лена.

– Обычно я виртуально, мысленно погружаюсь, но тут... ты же слышала, я «по просьбе трудящихся», – обиделась Инна. – Эмма замуровала себя в четырех стенах, заживо похоронила и в полном замешательстве переживает свои трудности в одиночку. Она не ищет выхода из беды, поэтому совсем сникла. Я помогала ей чем могла. А вчера она будто сломалась и раскрылась перед нами. Что доконало ее? Федька выкинул очередной финт? Может, ей помог расковаться мой недавний совет: выдохни свои несчастья и живи дальше?

Федька злоупотреблял и жестоко манипулировал Эмминой любовью, и это при том, что слишком нуждался в ней, чтобы уйти из семьи.

– Нуждался и не замечал? – не поняла Аня.

– Он тщательно маскировал эту потребность под личиной безразличия и наглости.

– Инна, не увлекайся описанием слез. Преподноси нам готовые мнения и выводы, – попросила Жанна.

– Эмме турнуть бы Федьку или хотя бы попугать, тогда всё и выяснилось бы. А она слишком озабочена проблемой сохранения семьи, что и укрепляет в муже уверенность в его безнаказанности.

– Сообразуясь с вышесказанным, сделаю тривиальное заключение: вот так всегда бывает – заваривают кашу вместе, а расхлебывать приходится одной женщине, – сокрушенно вздохнула Аня.

– Эмма заваривала? – вознегодовала Жанна.

– Я в принципе.

«Я по-ги-баю!.. Понимаю, не могут девчонки молчать, сочувствуя... И все-то у них на уровне примитивных разговоров, а выводы делают, будто дебатировать на научной конференции в стенах РАН, – насмешливо подумала Лена. – Но сегодня им всё прощается».

– Федор не мог жить без того, чтобы не быть окруженным любовью и вниманием. Пусть даже с помощью денег, но он добивался этого. Шутит, мол, ничто человеческое мне не чуждо.

– А женщине чуждо? – хором запротестовали подруги в ответ на Анины слова.

– Мужчины и женщины – совершенно разные вселенные. Жизнь неодинаково преломляется в их сознании. У мужчин другие инстинкты, иное понимание и мироощущение. Но эти миры пересекаются, и им приходится взаимодействовать, – усмехнулась Инна.

– Не вздумай повторять нам мужских бредней, которыми они пытаются оправдать свою непорядочность. Все мы из одного теста, только некоторые жизненно важные функции у нас не совпадают. Физиологическое и социальное распределение обязанностей в семье вынуждает их соответствовать. Некоторым особям, числящим себя сильным полом, не мешало бы задуматься над тем, как оправдать бессмыслицу своего существования и беспощадно оценить в «своем нутре» процентное содержание истинно мужского, как-то: достоинства, способности защитить, обеспечить, – провозгласила Жанна.

– Защищать семью – природное генетическое свойство мужчины, а у Федора его не было. Это сколько же поколений эгоистов должно было пройти, чтобы изжить его из себя на генном уровне? Помню, Эмму потрясла фраза Федора: «Кто я такой, чтобы спорить с матерью?» Она ей многое объяснила в муже. Эмма в тот день сказала мне: «Я вдруг такое неизбывное горе почувствовала, поняв, что мои усилия были напрасны!» А я ответила: «Валить тебе надо оттуда». Но у нее уже были дети.

– Если бы после развода детей – хотя бы мальчиков –

оставляли с отцами, у них появилось бы чувство ответственности.

– Ой ли. Не грузи нереальным, не напрягай понапрасну. Много ты знаешь примеров удачного воспитания детей отцами? По всей России на пальцах одной руки можно посчитать, – рассердилась Аня.

– Женщинам тоже не всегда в одиночку удается хорошо справляться с детьми, – не отступила Жанна.

– Многие мужчины отмахиваются от проблем. Вот и растят женщины без мужской руки женоподобных мальчиков. А с другой стороны: чему могут научить такие мужья, как мои? Пиво пить, на диване валяться, над женой изгаляться? – согласилась с Аней Инна.

– Ты свою теорию строишь на исключениях из правил, а не на статистике, – заметила Лена.

– Благодушествуешь, как Жанна? А про пятьдесят процентов разводов забыла? Это же кризис института семьи, – возмутилась Инна. – Вспомни мой последний коллектив. Много в нем было счастливых женщин? У Вики муж загулял. У Светланы вовсе сбежал. Галина четырнадцать лет своего ждала, в семье его матери жила, да что-то не сладилось у них. Дочь – ее смысл жизни. И у Оли муж непутевый. И все эти женщины очень даже положительные. Только у Кати и Людмилы мужья прекрасные, хотя о них самих можно открыто сказать: одна хитрая, другая стервозная. Обе маленькие злючки, ничего особенного из себя не представляющие.

Вот и соображай.

– Маленький человек может отбрасывать большую и очень черную тень, – усмехнулась Лена.

«Что она этим хотела сказать?» – задумалась Аня.

– Инна, вспомни нашего бухгалтера, декана биологического, моего коллегу с радиопфизики...

– Мне этих примеров мало.

– Ну, если уж женщины-депутаты в Думе руками разводятся, так о чем мы спорим! – сказала Аня.

– Ты это о ком?

– Хакамада говорила, мол, я понимала, что мужчина – это человек, который что-то дает женщине, а остальное оставляет себе. Какстроишь себя, так и ведешь в семье.

– Может, у богатых такие правила, но я про обыкновенные семьи речь веду, где любовь правит, а не деньги.

– Последние годы знакомые юноши и девушки часто жалуются мне, что их партнеры не хотят заводить семьи по любви. Сначала выясняют материальное положение претендентов, – сказала Аня.

– Уже не получается их причесать под себя? – усмехнулась Инна.

– ...Мужчине всё позволено, – услышала Лена голос Жанны.

– Это не общественное, а мужское мнение, и его надо переламывать. Сын одной моей приятельницы в разговоре

как бы мимоходом, но вполне серьезно употребил потрясшую меня фразу: «В чем он должен признаваться и каяться? Мужчина в принципе не может быть виноватым». Вот лозунг жизни таких, как Федор! От них надо бежать побыстрее и подальше... Если их будет много, они же мир разрушат до основания! Помню, я долго переваривала шокировавшее меня заявление, – как всегда, на примерах доказывала свое мнение Аня.

– Так и не переварила? – рассмеялась Инна.

– От фонаря заявление того парня, – сердито сказала Аня.

– И, тем не менее, оно бывает.

– Истинно то, что многократно обсуждено и осмыслено, – хмыкнула Инна. – Займемся? Разоведем или в пух и прах разоведем эту беспардонную теорию? Дело нам привычное!

– Не потянем, – испугалась Аня. И в сердцах повысила голос: – Какой демарш! Страшно, когда жестокий абсурд мужской логики объявляется нормой человеческих отношений.

– Ни бельмеса они не соображают, но много воображают, – рассмеялась Инна. Ей надоел серьезный тон разговора.

– А еще он сказал, что мужчина более свободен в браке. И я ему ответила: «В одной этой фразе ты выразил свой взгляд на семейную жизнь. Умопомрачительное заявление. Тебе не надо жениться. Почему более свободен? Кто определил тебе эту свободу? Отец, мать? А если жена себе ее назначит?».

– Неотъемлемое право мужа быть мужчиной, – твердо заявила Жанна.

Продолжать тему ввиду ее полной ясности смысла не имело.

«Может, тот парень просто пошутил. Только безмужним женщинам часто бывает не до шуток», – мысленно посочувствовала Ане Лена.

Инна, выглянув из-за плеча Лены, вернулась к своей теории:

– Вот и я, бывало, только поверю, что любовь мужчины навсегда, так судьба сразу и разуверяет меня. Мои жалкие мужья умели только нить, пить и... так далее по списку. Изводили. А я еще умудрялась их содержать, держать на цугундере, – черт бы их всех побрал! – надеялась перевоспитать. Да и любовники по мужским качествам от них не далеко стояли. Случалось, моя жалость к ним переходила в нежность... А они не умели ее ценить. Чего хотели? Чтобы я нянчилась с ними до последнего вздоха. Так их всех, перетак...

Но у меня хватало ума относиться к разводам как к законченному действию. Именно они для меня оказывались самыми счастливыми моментами. После них наступало время ожидания чего-то нового, радостного, надежного. Я жадно вдыхала в себя запахи окружающей жизни и вновь расцветала. Я никогда не выполняла чужую волю. Не в моих правилах сохранять с мужьями после разводов хорошие отношения. Я не из тех великих женщин, что всё могут понять и простить. Вспоминая свои замужества, я всегда ловила себя на жела-

нии выразиться «крепче и ярче».

– Есть поговорка: не смотри, как живут люди, смотри, как разводятся, – сказала Лена.

– Я жила тяжело, расходилась легко. Это тебе о чем-то говорит? Мне лично – нет. Вот говорят, память изгоняет всё, с чем ей трудно справиться, а у меня не получается. Как тут вылечишься от прошлого? Оно как черт у пушкинского Балды – на загравке сидит, крепко вцепилось, не столкнешь.

Моей подруге больше повезло. Любовник на самом деле ее любил. Ей с ним было интересно как ни с кем другим. Он выучил ее и вывел в люди. И она его никогда не подводила. Понятное дело, что он страшно ревновал и бесился, когда она вышла замуж, потом еще раз. Детей не от него нарожала. Ей страшно завидовали – чужого счастья люди не прощают, – гадили. Подруга сознавалась мне, что ни один из мужей не делал ей столько хорошего, как этот любовник. С ними ей приходилось самой нянчиться.

После всех моих злоключений я рядом с таким мужчиной согласна была бы оставаться в статусе любовницы столько, сколько он захотел бы сам. И не считала бы это для себя унижением, – сказала Инна.

– Всем нужна любовь. Обычно каждый человек в глубине души тянется к идеальной, прекрасной любви, – сказала Аня.

«Опять затевает ликбез?» – поежилась Лена.

– Но кое-кто ее опошляет своими дурными наклонностями.

ми, – подпела ей Жанна.

«Распотрошили Федора как петуха для поминального стола. Нельзя на всю жизнь приковывать человека к его заблуждениям. Женщинам свойственно преувеличивать, тем более что «никто не герой пред своею женой». И та же Инесса, как правило, не может обойтись без отсебятины. На живую скрепляет отдельные факты и фактики и создает собственную картину. Всё у нее то в трагическом, то в водевильном ключе, – рассудила про себя Лена. – Начал Федор гулять, наверное, по слабости характера или ради забавы, находясь в алкогольном чаду, потом «успех» ударил в голову. Комплименты женщин не одного мужчину сгубили. Возможно, он не так уж и плох, как его «малюют» девчонки. Навешали на него всего и всякого... Лариса как-то писала: «Столкнулась с Федором. Он шел совершенно раздавленный. Меня не узнал или был не в состоянии узнать. Я не рискнула к нему подойти. А когда второй раз увидела, он бежал, как человек, почувствовавший огромное облегчение. Будто ему руки развязали». А вдруг он по-достоевски сложный человек? Хотя, если судить по рассказам моих подруг, вряд ли. Мне бы поговорить с ним на завтрашней встрече. Как говорить-ся, дать высказаться и жертве и палачу. Думаю, он не преминет прийти «повыставляться» перед Эммиными подругами. Мне интересен этот персонаж. Хочу его изучить. Надеюсь разглядеть в нем что-то положительное».

– Федор, наверное, женщин не классифицирует, каждая единственная, неповторимая, несравненная... и роковая, – усмехнулась Инна.

– Для меня слова «глупый», «злой» и «непорядочный» с детства были синонимами. Я не представляла такого, чтобы умный человек был злым, – сказала Аня.

– Очевидное редко бывает истинным, – заметила Лена.

– Умный обязан быть воспитанным, он не должен позволять себе гадкое, – возмущенно заявила Аня. – Вот, допустим, мужчина, оставивший своих детей, для меня не мужчина.

– А как же «злой гений»?

– Это исключение.

– А пятьдесят процентов разводов ты в какую категорию отнесешь?

«Лена, если возникает, то всегда по делу, по существу, только подтекст ее слов не всегда удастся расшифровать», – подумала Жанна.

«Сподобилась. Выказалась наконец наша патентованная молчунья. Это ее линия защиты, таков ее способ обороны? Наверное, многим не по сердцу ее скрытность. Словно боится выболтать великую тайну. Она даже мне действует на нервы, – созналась сама себе Аня. – Правда, Инна еще в общезнании заявляла, что хотя внешне Лена веселая и легкая, внутри она – интроверт. А улыбка – ее маска, «надетая» еще в детстве. Это, конечно, многое объясняет».

– Я, размышляя о Федоре, всегда вспоминала браконьерствующих рыбаков, которые по-своему воспринимали слова Мичурина о том, что природа богата ресурсами и взять их у нее – главная задача людей, – рассмеялась Инна.

«Выковыривает грязь «из-под ногтей» истории Эмминой семьи. Зачем Инне этот душевный стриптиз? Я хотела узнать суть, причину разногласий. И чтобы коротко. Вчера, повинувшись внезапному порыву, я чуть было ей всё своё наболевшее не выложила. Смотрела бы она сейчас на меня с этакой полуулыбкой, словно мы с ней разделили нечто много большее, чем знают другие», – нервно передернула плечами Жанна, уже сожалея о своей просьбе рассказать об Эмме.

– Ведет себя Федька так потому, что у него нет способности к простым радостям жизни. Ему требуется катализатор. Ты же не станешь отрицать, что для создания семейного счастья требуется определенный талант? И еще трудолюбие. А если их нет?

– Уважение друг к другу нужно – это главное, а оно уже повлечет за собой остальное положительное, – ответила Инне Жанна.

– Без любви? Запредельное терпение?

– Эмме хотелось покоя, безмятежности, тихой нежной радости, чтобы без конфликтных ситуаций. Вот она и жила, стараясь не копаться в уже прожитом. И чем вознаграждена? Понимаю, в семьях за доброту не награждают, за жестокость

не наказывают, – сердито забурчала себе под нос Аня. – Эмма для Федора была слишком безупречной. Это его бесило. В армии он служил прижухнув, носа не высовывая. Доходили слухи. А тут, перед женщиной, он герой, командир. Там его унижали – наелся обид, аж из ушей лезло, – мечтал: кто бы взял его под благодушную опеку. Вот и радуется теперь, принижая других, без вины виноватых. Если уж идешь с человеком по жизни – да еще с таким хорошим, – так береги его.

– И все-то ты знаешь, – в который раз удивилась Жанна.

– Если бы всё было так просто, – остановила Анины рассуждения Лена.

– Есть люди, лишенные рая в душе. Они живут так, будто договор с дьяволом заключили, – фыркнула злой кошкой Инна.

– Ты это о Федоре? – наморщила лоб Аня.

– Ну не о тебе же.

– Кстати, – Жанна резко поменяла тему, – женщина без тайны, что летняя лесная поляна без ярких цветов. А Эмма слишком открыта к людям, а значит, и к боли...

– Невпопад бухнула, – заметила Инна.

– Почему же?... – Жанна выдержала лукавую паузу.

Инна опередила ее:

– Федька не умел разглядеть изюминки в жене. Его не тянуло в идиллическое семейное болото. Он искал карнавала,

фейерверков, прелести, новизны и не утруждал себя нравственными соображениями. А женщины это чувствовали и использовали его. Он торопился жить. Говорил: «Любовь на старость отложить нельзя». А Эмма отвечала ему: «У тебя не жизнь, а ожидание жизни и чего-то более важного в ней». Ох, эта пресловутая мечта...

– Ты молчишь многозначительнее и значимее, чем говоришь, – хихикнула Жанна. И тут же встретилась с глазами напрягшейся Лены.

Жанна понимала, что не совсем права, но ей хотелось хоть чем-то уколоть свою обидчицу. Она выжидала и не упускала малейшей возможности. Но Инна тоже умела не замечать необоснованные с ее точки зрения мнения и даже обоснованные.

– У кого из нас был талант превращения обычной жизни в праздник? Мы привыкли, чтобы нас развлекали. Если только у Вали. Она – редкостно солнечный человек, ее веселой энергии хватало на всё и всех. Мы же в основном трудяги, ломовые лошади. Тем лишь и ценны. Помню, Валя рассказывала: «Ногу на даче раздробила бревном, потом машину у нас угнали, еще не застрахованную, квартиру обокрали. Но рядом со мной любимый верный человек, и этого мне достаточно. Выплывем». Она обладала поразительным даром чувствовать себя счастливой. Не женщина, а девяносто килограммов оптимизма! Но даже Валю с ее, казалось бы, неиссякаемым оптимизмом, жизнь сломала, – вздохнула Аня.

– Угробила, – подтвердила Инна.

– Судьба человека – великая тайна, – задумчиво сказала Жанна.

– Ангелы, наверное, беспросветно глухи и слепы, если не слетелись на Валины и Эммины беды.

– Такова их интересная особенность и оригинальность – позволять людям вести себя неподобающе. Жена, любовницы – одно другому не помеха, – принялась поддразнивать Аню Инна.

– Отстань! Навязалась ты на мою голову! Федор – бесодержимый, вылетевший из седла и потерявший свои пределы. Его коснулся ангел зла.

– В моем понимании слова «ангел» и «зло» в одном ряду не стоят. Для меня с детства ангел – безгрешный носитель добра.

– Высокие человеческие чувства основываются на взаимопонимании, общности интересов, нежности в конце концов... – как по книге прочитала Аня. – А Федор вызывающе груб, бестактен. У чужой женщины его каждая мелочь восхищает, а за женой больших и важных дел не замечает. Помню, он с таким восторгом повторял примитивные фразы любовницы как самые умные.

– А всё потому, что она ему говорила то, что он хотел слышать, – объяснила Жанна.

– А я слушала и удивлялась его пьяной глупости. Мне хотелось посмотреть ему в трезвые глаза.

– Что ты там надеялась разглядеть? Совесть, стыд, сожаление? Он же никем не дорожит, ни за кого не тревожится. Взбалмошный, резкий, не признающий чужой правоты. Теперь, наверное, уже отъездился по командировкам и меньше находит приключений, – сказала Инна просто так, не ожидая ответа.

– Разве можно сравнить высокую жертвенную, пусть даже трагическую любовь Эммы с этим... шмыганьем от одной к другой? Сотворить такое с женой! Нет ему оправдания! Это же полная потеря лица! – снова закипела Аня. – Помню, Эмма жаловалась: «Я знаю, мир часто груб, грязен и порочен, но мне хотелось, чтобы хотя бы в моей семье ничего подобного не происходило. И вот видишь...»

«Тоже неплохо заливает. Но не с потолка же берет информацию? – недоверчиво слушала Жанна Аню. – Получается, Эмма не только Инне исповедовалась. Правда, уже после пятилетнего молчания, когда заболела... Понять можно. Такую тяжесть в душе носить... Иногда, чтобы не сойти с ума, требуется скорая помощь от того, кто оказался рядом».

– Подруга мне рассказывала: «Старается для меня старый муж, сына моего от первого брака растит, случается, что и белье мое нижнее стирает...»

– Принимала его любовь и помощь, а свою не торопилась демонстрировать? – не дослушав до конца, прервала Жанну Инна. Ее злая усмешка не ускользнула от присутствующих.

– «...А я убить его готова за то, что он ночью к стенке лицом отворачивается. Десять лет мучаюсь», – закончила преподносить жалобы подружки Жанна. – Ну, тут понятно: он ветеран, она на восемнадцать лет моложе, поэтому оставила его и за ровесника замуж пошла. Нянькой при старике не захотела быть. Пока он при деньгах был, не уходила, а как он вышел на пенсию, – так сразу и бросила.

– Стерва, – резко выразилась Аня.

– Она, может, была на грани срыва из-за его «нетрудоспособности», – не согласилась Инна. – И он тоже хорош, за молоденькой погнался. Взял бы себе ровню.

– Сама вспомни что-нибудь более веселое, – после легкой заминки попросила ее Жанна.

– Всегда пожалуйста. Про Вовку с иныза хочешь? Он бесстрашно семь раз шел под венец. И ведь каждый раз по великой любви. Говорил: «Я не могу быть любовником, я по натуре муж». Скольких детей оставил без отца! Осколки судьбы...

– Грубо. Но они не в детдомах? Точнее определяй и вычлени из всего многообразия жизненных моментов главные, – осадил Инну Жанна. Ее больно задело слово «осколки». Оно ей свое нестабильное детство напомнило.

– А почему женщины шли за Владимира? Медом был обмазан? – удивилась Аня.

– Каждая считала, что уж ее-то он не оставит.

– Неисправимая ты, Инка. С тобой можно общаться толь-

ко ультиматумами. Пойду-ка я лучше проинспектирую содержимое холодильника, – бросила Жанна уже на ходу, на цыпочках пробираясь вдоль стены к двери. Длительное ночное бодрствование и ее позвало в кухню.

– А с тобой шантажом, – не дрогнула и не осталась в долгу Инна, хотя прекрасно знала, что не права.

И добавила уже не для Жанны:

– Говорят, в последнем браке Владимир стал нежнейшим отцом. А когда дочь подросла, он все переживал, правда, в своей прежней манере: «Если я, такой хороший, был таким плохим, что же можно ожидать от этих шалопаев, претендентов на руку и сердце моей дочурки?»

«Можно подумать, девчонки годами в душе носили свои проблемы, а сегодня их прорвало излить друг другу накопленное. А Инна оставит у них о себе не самое лучшее воспоминание», – вздохнула Лена и принялась осторожно массировать колени. Потом она повернулась на правый бок. Ее руки коснулись лица. И вдруг, как в далеком детстве, она почувствовала запах грибов. Перед глазами как наяву поплыли прекрасные картины ранней осени. Лена уже не понимала: сон ли это или явь.

«Утро. Тишина. Воздух, пронизанный золотым дождем лучей, искрится и переливается голубым сиянием. Мое любимое сочетание красок. Поляна расцвечена брызгами солнечных зайчиков. Это картина нарисована моим воображением или природа подарила мне чудо-сказку?!.. Стою заво-

роженная. Закрывает глаза. Открывает. Какое счастье! Несколько минут божественного восторга – и я наконец начинаю замечать россыпи грибов: веселые веснушчатые рожицы опять выглядывают из густых зарослей незабудок, дикой гвоздики и отцветающей душицы. Грибы также гроздьями облепляют замшелые березовые и осиновые пни. Это ранние, летние опять. Меня охватывает азарт...

А теперь утро перламутровое, тихое и влажное. Ночью был легкий морозец... Но сейчас всё вокруг сияет мелкой холодной бриллиантовой росой. Искрятся листья деревьев, сверкают поникшие травы. Слепляют ярко-белые стволы берез. Я иду и тону в живом изумрудном бархате ковров – в высоких мягких мхах под названием кукушкин лен. Я знаю, они будут стелиться подо мной много километров моего путешествия по лесу и радовать своей незабываемой красотой. Меня восхищает чистота и голубизна неба. Мне дышится легко и вкусно. Голова кружится от счастья.

Если есть рай на Земле – так это моя родина! Средняя полоса России – моя неистребимая любовь! Только здесь я чувствую космическую поэзию родной природы и моя душа истинно радуется ее красоте. А как расцветает она на широких просторах! На чужбине мне плохо дышится. Нашего огромного неба мне там не хватает. Я не променяю свою бескрайнюю родину ни на берега южных морей и океанов, ни на экзотику великих гор.

Успокаиваюсь от первых впечатлений встречи с нетро-

нутой природой. Дальше хожу не торопясь, низко наклоняясь к земле. Выискиваю во мху, густо усыпанном золотистыми и красными листьями, глубоко запрятанные серушки и зеленушки. Иногда попадаются волнушки и даже белые. Я увлекаюсь сбором грибов, но не могу не отмечать то вдру полыхнувший затухающим костром куст бересклета, то золотом засиявшую молоденькую березку, не успевшую сбросить праздничный наряд, то неожиданно выскочившего зайца. Эти милые мелочи мне так дороги!.. Наверное, любовь к природе заложена в моем ДНК...»

Воспоминания затуманили сознание Лены и унесли ее в прекрасное царство сна.

16

– ...Страданий не надо стыдиться, их предписывает Природа. Человек больше страдает от разьединенности с Богом, чем от собственных несчастий. Только в предчувствии чуда мы становимся лучше. Когда мы верим, беды обходят нас. – Это Жанна взялась проповедовать.

– Может, об этом стоит поговорить совсем в ином ключе? Я не очень-то верю в чудо превращения и изменения к лучшему человека в зрелом возрасте. Не светит Эмме ничего хорошего. Подлец на всю жизнь подлец, тем более такой патентованный, как Федор. Меня бесит гнусность его поведения. Интересно, как отреагировали бы мужчины, услышав

историю Эммы? – спросила Аня.

– Мужчины тоже разные. Дурак и пошляк посмеется. Хитрец заявит: «Да, злодей, да, чудовище! Но жизнь-то продолжается!» А умный промолчит и задумается, – ответила Инна и задала Жанне прямой вопрос:

– Если бы ты случайно узнала об изменах мужа своей душевной подруги, то сообщила бы ей?

– Не могу ответить однозначно. Жизнь так сложна, в ней столько нюансов! Сказала я одной своей хорошей подруге, что муж ее загулял. Дети у них были совсем маленькие. Люсенька с ними совсем замоталась. Вот я и решила ее дочкам отца сохранить. Люся меня благодарила. И я радовалась. И вроде спасла семью, а счастья там большого все равно не заметила. Потом выяснила, что муж остался в семье только потому, что у любовницы не было квартиры, и не с его зарплатой было идти на съемную. А теперь я думаю, лучше бы помалкивала и всё у них само собой устроилось без Люсиных нервов.

Еще одной подруге доложила, но она мне не поверила. Муж ей представил дело так, будто я из зависти поклеп на него возвела. И я в виноватые попала, хотя рассказала потому, что просто хотела ее по доброму предостеречь. Ведь не с чужих слов говорила, сама лично дважды видела, как он клеился, да женщина серьезная попалась, не клюнула.

Но беда в том, что через год после моего предупреждения эта подруга раком заболела, и ее семья теперь считает меня

причиной несчастья. Я пыталась объяснить пострадавшей, что рак (если это не саркома) проявляется лет так через восемь-десять после стресса, что в ее болезни виновата изводившая ее много лет свекровь. Муж, конечно, обелил свою мамочку и все свалил на меня. Мы насмерть рассорились. Подруга, слава Богу, выжила, но с тех пор я не «благодетельствую», никому не открываю глаза. Не хочу быть крайней. Решила, что не стоит мне думать, будто я лучше разбираюсь в том, что нужно другим людям.

Вот недавно по соседству у нас развелась одна пара. Он женился на молодой. Я год наблюдала за его ухаживаниями, но так и не решилась помочь его преданной жене, хотя и жалко мне было эту хорошую женщину. Кто знает, может, ей теперь лучше без мужа? Тяжелый он человек. Жену не уважал. Она переживала, часто плакала. Надеюсь, судьба его еще накажет.

Глоточек минеральной пришелся бы мне сейчас как нельзя кстати, – сказала Жанна, облизывая пересохшие от волнения губы.

– Меня вполне устроила бы пачка печенья или хотя бы парочка пряников. Кира обещала обеспечить подножным кормом мою ненасытную утробу. Роман с мучным и сладким у меня так и не сошел на нет. Анюта, пошарь, пожалуйста, на тумбочке. Замечталась? Всё печалишься? А на этот раз о ком? – затормошила ее Инна.

– Внутри меня всю жизнь звучит грустная мелодия. Я так

запрограммирована, – вздохнула Аня.

– Прими допинг... сто грамм.

– Перебьюсь, – улыбнулась та, протягивая Инне самодельную искусно сплетенную сухарницу.

Инна, поблагодарив, чуть смущаясь, сказала:

– Я всё не съем, только охотку собью.

– А я в охотку могу смолотить и две пачки печенья разом, но привыкла не позволять себе излишеств.

– Фигуру бережешь? – не поверила Инна.

– Деньги, – усмехнулась Аня.

Аня с Жанной снова шепчутся:

– Эмме было трудно, но она старалась поддерживать в себе и в семье что-то радостное, даже веселое. Праздники устраивала, мужа привлекала, хотя бы как гостя. Как же, разве можно отлучать детей от отца!

– Может, пыталась таким образом сохранить остатки собственного достоинства? Если так, то мне кажется, это ей плохо удавалось.

– Сознание собственной невиновности придавало ей сил и самоуважения.

– Но какой ценой всё это достигалось! Какая там радость, если боль незаживающих, до сих пор постоянно растравливаемых ран невыносима.

– Я замечала, что отношения в Эмминой семье отнюдь не так безмятежны, как она их выставляла напоказ, но чтобы до

такой степени...

«Опять двадцать пять!.. Что же Инна молчит? Дистанцию держит? На нее не похоже. – Лена уже хотела пошутить на этот счет, но луна, вдруг выйдя из облаков, осветила комнату. На лице Инны проявилась печать замороженного, ненатурального спокойствия, граничащего с крайней усталостью. – Какая же я невнимательная», – укорила она себя, испуганно вглядываясь в лицо подруги.

– Дети не удерживают мужчин от амурных глупостей. Они живут одним днем, далеко вперед не заглядывают. Их поведение, пока молоды, диктуется сексуальными пристрастиями.

– Эгоизмом диктуется, – в который раз Аня резко и однозначно выразила свое мнение.

– А я скажу тебе совершенно о другом: дети делают женщину беззащитной, – вздохнула Жанна.

– Но не слабой, – твердо сказала Лена.

«Такая болезненная тема, а Лена молчит, только изредка вставляет краткие замечания, как педагог на вступительных экзаменах в вуз». – Жанна мысленно улыбнулась своему неожиданному сравнению.

А Лена подумала: «Как ни стараюсь отвлекаться, отдельные фразы разговоров девчонок все равно внедряются мне в мозг и нарушают ход моих мыслей».

– Федор с завидным постоянством возвращался к Эмме.

Раз был рядом, значит, что-то его держало. Не то что некоторые, которые вовсе линяли. И похлеще варианты среди моих знакомых случались.

– Ну, а кабы не вернулся? – ехидно фыркнула Инна на Жаннино «послабление» Федору. Но слов поддержки не услышала. – Возвращался он! Это его не оправдывает. От добра добра не ищут. Федька! То же мне, средоточие мира! Гнать его надо было поганой метлой.

– Не исключено, что он просто наскучил сам себе, вот и искал развлечений на стороне. Поначалу засорял свою жизнь компромиссами и полуправдами, потом познал извилистые тропы лжи. И понеслась его телега – все четыре колеса! С тех пор одно вертелось в его одурманенной голове: какая следующая появится на его горизонте... Маньяк. Любовь – не желание иметь, не борьба за обладание, это слишком мало и мелко! Любовь – прежде всего взаимопонимание и приятие другого, а еще достойные поступки. Жаль, нельзя, не уронив себя, нанести ответный удар! – завелась-таки Жанна.

«О Боже!..» – Лена с трудом повернулась к стене.

– Федор говорил, что не может жить тускло. Он играл в любовь. Его воображение немислимо разгоралось. Он утверждал, будучи под градусом, что каждая женщина по-разному волнует в постели (*Какие откровения!*) и тем интересна. Это как попасть из нудного мелкого дождя в грозу или даже присутствовать при извержении вулкана. Страшно и прекрасно! Вот поэтому он не испытывал ни малейшей неловкости. Это

обидно, но все же лучше, чем если бы он на самом деле в них влюблялся.

– Плотоядная влюбленность. Но за игрой он совершенно забывал о семье. – Жанну возмутило объяснение Ани, похожее на оправдание «героя».

– Но из семьи не уходил.

– За харчи прижился! Это делает ему честь?

– А я про что толкую? О таких мужчинах говорят: не уходит и назад не возвращается, – раздраженно перебила Жанну Аня. – Никто его за руку не удерживал. Эмме надо было верить, что муж не оставляет ее не из-за создаваемого ею комфорта, а потому что он не сомневается в безусловной ценности семьи.

– А вдруг он на самом деле понимал, что оставленные дети как оставленные на поле боя раненые товарищи? Та же подлость, то же предательство, – спросила Инна.

– Он об этом никогда не думал! – зло вспыхнула Аня. – В разведку я бы с ним не пошла. Ведет себя с женой так, словно ее нет рядом или ее присутствие не имеет никакого значения. Для него и дети точно мебель: если мешают, можно отодвинуть. Видя от отца одно безразличие, они его не трогали. Понимали, что привлечь к себе его внимание – задача невыполнимая, да и мало желательная. У них на всё про всё мама была. Я бы такого в два счета рассчитала. Федор недавно проявил неудовольствие нерешительностью дочери в каком-то деле, так обычно молчаливая при мне Эмма не то

взорвалась, не то всерьез взбунтовалась: «Что ты внес в ее воспитание? Что ты вложил в детей своими загулами, бездельем, безразличием, неуважением к ним и ко мне, своими вечными издевками и пренебрежением, кроме неуверенности и чувства неполноценности?! Может, радость, восторг, жажду жизни, оптимизм? Или научил их любить, быть верными, добрыми, нежными?» И Федор при его самомнении на этот раз не нашелся что ответить. Не ожидал от жены столь непредсказуемой, эмоциональной реакции при постороннем человеке. Стоял и лыбился, как последний придурок.

– Примитивная душа понимает только свои страдания, – вздохнула Жанна.

– Вот тут я с тобой соглашусь. Федор был матерью воспитан «невоспитанным эгоистом».

Жанна не сразу поняла словосочетание «воспитан невоспитанным». Но когда смысл до нее дошел, удовлетворенно и утвердительно закивала головой, оценив его как экстравагантное, но точное. А Аня вдруг подумала: «Отец у Федора был, но он о нем никогда не упоминал. Наверное, жена с тещей низвели его до уровня плинтуса».

– Не стоит Эмму разубеждать в правильности ее линии поведения, заставляя увидеть себя со стороны будто бы в истинном свете, потому что нельзя пройти сквозь «зеркало правды», не порезавшись об его острые грани. Не надо жу-

рить, разубеждать, предлагать одуматься. И одобрять не стоит, – сказала Жанна.

– Признав свои ошибки, не уронишь себя в своих глазах, – возразила Аня.

– Можно подумать, она о них не знает, – заметила Лена. – Только ей от этого не легче, может, даже наоборот.

– Жалость и сострадание тоже ранят, – сказала Инна.

– А по тебе так лучше открытая насмешка? – пробурчала Аня, припомнив старые обиды.

– Я в нокауте! Не приписывай мне несуществующих садистских наклонностей. Мне своих недостатков с лихвой хватает. Да и у тебя их предостаточно. Выражение неудачницы просто вросло в твое лицо. Есть люди, которые по разным причинам привыкли во всем искать страдания: кого-то ненавидят, на кого-то злятся. Им все плохо, хотя и работа у них есть, и жилье, и даже дети. Что, приземлилась на пятую точку и язык от удивления прикусила?

– А к твоему лицу приклеилось выражение наглого самодовольства и зубоскальства, – быстро придя в себя, выпалила Аня.

– Не боишься оскандалиться? – не осталась в долгу Инна, напористо и жестко глядя в глаза своей вовсе не предполагавшейся на данный момент жертве.

– Не о вас сейчас речь, – остановила по-петушиному раззадорившихся подруг Лена.

И вдруг Инна тихо сказала:

– Запомни, оживленное выражение лица делает тебя более чем красивой.

Блеклые глаза Ани оторопело заморгали.

– ...Без потерь человеку не прожить, но если они позже, когда дети вырастут, вознаградятся, то еще куда ни шло, а если нет? Вот в чем вопрос.

– У Эммы прекрасные дети: умные, добрые. Не напрасно она всю себя им отдавала, – заверила Жанну Инна. – Как-то спросила Эмму: «У тебя не жизнь, а бесконечное преодоление. Зачем она тебе такая?» А она ответила: «Пока дети росли, не задумывалась. Не до того было. Я, как ты говоришь, преодолевала...»

– Дети у нее, наверное, нервные? И еще: благодарность и ответная любовь детей не всегда уравнивают моральные затраты на их воспитание. Все равно внимания мужа хочется. А если всю жизнь одни обязанности и никаких прав... – вздохнула Жанна, не закончив свои рассуждения.

– «Цель воспитания детей – научить их обходиться без родителей». Так говорят французы. И Эмма справилась с этой задачей блестяще. Но она не может не баловать своих уже взрослых детей и маленьких внуков. Они ее счастье, – сказала Аня.

– Успехи детей – главный достойный венец собственной жизни каждой матери, – изрекла Жанна так, будто прочитала эту фразу в энциклопедии или даже на плакате в офици-

альном учреждении.

– Но униженное состояние наносило вред ей как личности. И детям тоже. Оно того стоило?

– Это в арифметике все однозначно. Жизнь – не сумма четких постулатов, а миллионы неожиданных переплетений многозначных функций.

– Не знаю, не знаю... – пробурчала Аня. – Не усложняем ли мы ее сами своим неразумным поведением?

«Как старушки у подъездов», – мелькнула у Лены унылая мысль.

– Мне так жалко людей! Почему они портят друг другу жизнь? Что мешает им жить в любви? Их слабости? Они не знают, что такое счастье? Их учить этому надо? – направила Аня риторические вопросы в пространство.

– Несомненно надо учить. Отряжаю тебя в составе миссионерской группы путешествовать по стране, вразумлять людей и проповедовать теорию добра, – пошутила Инна.

– Любовь держит семью вместе. Ты любишь всех, все любят тебя. Ты забываешь о себе и думаешь только о других. И остальные поступают так же. Получается крепкая неразрывная связь. Возникает гармония... И во всем мире хотелось бы того же самого, – довольно натянуто добавила Жанна.

– Милости просим в «город Солнца». Уже вернулась из поездки в сказку на грешную землю?

– Для сохранения души нужна постоянно действующая

разрядка. Без душевной передышки жить невозможно. Это кончается болезнью. Очень важно иметь отдушину или хотя бы мелкие эгоистичные желания. Шопинг, например, за неимением лучшего. Надо непременно доставлять себе маленькие удовольствия и радости. В них заключена целебная сила расслабления, отвлечения и оптимизма. В этом и состоит мой секрет стабильно хорошего настроения. Рекомендую. – Голос Жанны прозвучал неуместно игриво и громко.

После этого замечания женщины долго лежали, не проронив ни слова. «Подсчитывают расходы», – с улыбкой подумала Лена.

«Жанне бы мои проблемы. Про что она тогда защебетала бы?» – зябко повела плечами Инна.

– ...Любить и терпеть – истинно русское качество, – опять «возникла» Аня.

– На кого Эмма расточает сокровища своей души?! – возмутилась Инна. – Своим терпением мы развращаем мужчин. Федька отвратительно обращается с Эммой, а она, если разобраться, его еще и ублажает, порхая вокруг него. Даже глупец не уйдет от такой «жены-кормушки».

– Терпит ад и ублажает? До сих пор? Не думаю. Жирно ему будет, заразе, – сказала Аня.

– Без любви, по привычке. Он для нее до сих пор как старший и самый трудный ребенок, самая большая ее боль. А материнская любовь безразмерна, она может «растягиваться»

и распространяться на большое количество детей. Ну не прогонит же она мужа из-за стола, где едят их дети? Какой-никакой, а все же отец. Говорят, человек способен терпеть ад в той мере, в какой любим, а получается, что в какой сам любит. Вот вам и открытие, – усмехнулась Инна.

– Не выдержал Федор экзамен на зрелось, – презрительно скривилась Аня. – Эмма жаловалась, что он, словно паук, опутывает и парализует ее, и она не может ему противиться. Сама поражается своей уступчивости.

– Собственная любовь опутала ее крепкой паутиной, а Федька воспользовался ею как ненасытный паук, – возразила Инна.

– Может быть, Эмма теперь уже простила Федора? Говорят: «Высший закон – любовь, высшая справедливость – прощение», – весело сказала Жанна.

– Он же продолжает... Федьку она может и простит когда-нибудь, только себе этого никогда не простит, – усмехнулась Инна.

– Замысловато выражаешься, – задумчиво протянула Аня. – Хотя, конечно... Но он ей единственную жизнь исковеркал. Я бы не простила.

– Сначала вразумление, а потом прощение, – строго пояснила Жанна.

– Федьку вразумить? Ха!

– Всевышний за терпение ей вторую жизнь все равно не подарит. Если только на том свете. Помните: «Не все конча-

ется со смертью».

– Опять апеллируешь к Богу? – рассердилась Аня.

– У этой фразы другой смысл, не бытовой, а высоко духовный, – заметила Инна. – Жанна, а ты, наверное, сказала бы: «Значит, Всевышнему было угодно, чтобы Эмма получила это испытание, эту незаслуженную кару. В мучении и в несчастье человек обретает душу. Лишь через беду можно возвыситься до принятия своей судьбы, до удивительного просветления и всепрощения, и прийти к Богу». Только у Эммы душа и так была прекрасная, просто ангельская! Она то знала, что надо смиряться с недостатками мужа, жить, опираясь на лучшее в нем, на его достоинства. Что же твой Бог бессердечного Федьку не поучил уму-разуму, а на святую женщину свалил все беды? И у Них там, в Божьем царстве то же самое правило: кто везет, на того и грузят? Я не пойму: Эмма оставлена Богом или ревностно Им любима? В чем отличие? Великолепное безумие... точнее, глупость. Тебе, Жанна, надо выскочить из пут предопределенности и веры в загробную жизнь. В человека надо верить. Пусть на земле творит добро и радуется жизни, а не ожидает счастья на том свете.

– Толстой не верил в самостояние человека, утверждал, что Бог ему для подпорки нужен, – сказала Аня.

– А Чехов любил людей и верил в них.

– Сочувствовал, – уточнила Инна мнение Жанны.

«У них сплошное умозрение. Знать бы заранее, что таит-

ся в сердце каждого человека», – вздохнула Лена, тяжело задумалась над чем-то своим и незаметно для себя задремала, положив голову на плечо Инны.

– ...Надо было разубеждать, доказывать, – возразила Инна.

– Эмма объясняла мне, что Федор нервный, слабый духом, а она сильная и не может не заботиться, – сказала Аня.

– Не больной Федька, хитрый. Он лгал жене, бил на жалость, а она верила. У него к Эмме чисто потребительское отношение.

– Значит, виной всему слабость Эмминого нерешительного характера, способного только жертвовать собой, но не бороться, и ее честность?

– Он чувствовал себя рядом с ней сильным, уверенным. Он господин! Вот и наглед. И если она не изменится, впредь он станет еще больше сатанеть.

– Парадокс какой-то. Он слабый и командует? – не поняла Аня. – Проще говоря, она своей любовью, заботливостью и нежностью сама себе на шею петлю накинута? Вот я и задаюсь вопросом: сознание – это функция мозга или души?

– У Эммы – души, у Инны – мозга, – рассмеялась Жанна. – Слабые и хитрые женщины тоже очень даже неплохо ездят на мужчинах.

– Инна, объясни мне, пожалуйста, суть одного моего наблюдения, – попросила Аня. – Случалось мне бывать у моей

подруги на работе. И там я видела странные сцены. Ее начальник ссорился в коридоре со своей любовницей, которой в ту пору было уже под сорок, а весь отдел – это в основном женщины, – бросив работу, активно участвовали в обсуждении спектакля. Сначала любовница в чем-то тихо обвиняла своего обожателя, потом накал страстей возрастал, крики достигали своего предела, и у женщины начиналась истерика. Примерно через час мужчине удавалось уговорить свою расстроенную пассию, посулив ей какие-то подарки.

Получается, выставляя напоказ свою обезоруживающую слабость, она с чисто женской ловкостью с помощью слез «обрабатывала» любовника и вертела им как хотела? Помню, как он бегал по городу, высунув язык, в поисках каких-то особых цветов, чтобы убажить не в меру разволновавшуюся «подругу». Что ни говори, умело не позволяла любовнику расхолаживаться. Проходило некоторое время, и сценарий пьесы на радость искушенным зрителям повторялся один в один. И так было несколько лет, пока этот мужчина оставался начальником.

– Не люблю, когда женщины пользуются жалостью к себе как оружием, – вставила свое презрительное замечание Инна.

– То ли встречаются такие сильные и хитрые женщины, которые из любого мужчины дурака делают, то ли некоторые умницы умеют находить себе таких слабаков, из которых потом что угодно выстраивают? Спросила я об этом своего

знакомого, так тот категорично заявил: «Значит, те мужики уже были дураками».

Есть у меня одна хорошая знакомая. Так вот, чтобы ей плохого про мужа ни говорили – казалось бы, совершенно очевидные вещи, – она никому не верила. Потому что очень любила. И сын у нее умница, даже, пожалуй, в некоторых вопросах еще талантливее матери. Добрейшей души человек. А жена у него – ничего особенного. Так она из него веревки вьет. И мать, теперь уже полностью разочаровавшаяся в своей семейной жизни, плачет, но ничего с сыном поделывать не может. Говорит ему, мол, ты такой же, как я была в молодости – наивный идеалист. Уродился таким. Учти хотя бы мой печальный опыт.

– Наверное, чем-то жена ее сына устраивает, раз он мирится со всем остальным в ней и не ищет иной судьбы, – пожала плечами Жанна.

– Но хорошая его еще больше устроила бы, – не согласилась Аня. – Почему он эту выбрал? Не нашел лучше? Не искал? Влюбился?

– Видно, жена его выбрала, но сделала вид, будто он ее сам добился.

– Отвлеклась я, извините, – сказала Аня с рассеянной улыбкой. – Ну, так вот, представляете, любовница, бывало, своего начальника слезами разжалобит, закопает в своих истериках, спеленает – и давай вязать его по рукам-ногам обе-

щаниями. Ужас! Со стороны он смотрелся абсолютным дебилом. Мне хотелось кричать ему, чтобы задумался он над своим поведением, серьезно осмыслил свою жизнь. «Сколько он еще собирается прилюдно утирать слюни этой жалкой истеричной женщине? И ведь молодой мужчина. Если бы старый маразматик, его еще как-то можно было бы понять», – думала я.

Может, я не права. А вдруг именно этого ему не хватало во взаимоотношениях со своей женой? Мужчины тоже бывают странными. Некоторым нравится исполнять глупые капризы кисейных барышень.

– Возможно, она его чем-то шантажировала? Если любовник не хочет разводиться с женой, то любовница угрозой доложить об их связи может держать мужчину на коротком поводке. Такое часто случается. Человек оступается, запутывается. Ошибки затягивают. Глупости дорого обходятся, – предположила Инна. – А вдруг она из-за него лишилась возможности иметь детей?

– Не думаю. В отделе знали бы. Позже мне рассказали, что она его на жалость брала, говорила, что без него погибнет, грозила суицидом. Он разрывался между нею и семьей, страдал, боялся разорвать отношения, не видел выхода из сложившейся ситуации. Но когда его убрали с руководящей должности, естественно, и ее уволили. Она еще пыталась цепляться за любовника, но на него свои проблемы навалились. А может, и правда, что ему опостытели ее истерики и

он во всем сознался жене и покаялся. А та научила его как отвязаться от любовницы. И он сказал своей бывшей пассии: «Хочешь привести свою угрозу в исполнение? Это твоя жизнь и тебе не пятнадцать лет, ты сама обязана ею распоряжаться. Тебе решать: сделаешь ты глупость или одумаешься. Я тебя не завоевывал, ты сама ко мне пришла. Я ничего не обещал. Мне жалко тебя, но это не любовь, если по принуждению, под дулом пистолета, который может выстрелить в любой момент. Я не хочу и не могу больше обманывать семью. Я тебя предупредил и этим снял с себя ответственность за твое дальнейшее поведение, и не считаю себя виноватым перед тобой, потому что сполна получил за свою ошибку. Я проклинаяю себя за слабость». Откуда я все это знаю? Об этом будто бы рассказала его жена одной из бывших сотрудниц своего мужа. Ну, а она, сами понимаете, всем нам.

А через год я встретила эту женщину на берегу реки с другим мужчиной. На вид он был моложе ее лет на десять. Спортивный парень и, похоже, неглупый. Этаким добрый деревенский крепыш. Он развлекал ее собаку и при этом странно сюсюкал с ней, как это обычно делают женщины, засидевшиеся в девках, или замужние, но бездетные, для которых собака – свет в окошке. Со стороны это смотрелось, по меньшей мере, смешно, если не сказать жестче.

«И тут не упустила свой шанс? Чем взяла? Это случайность или у нее есть продуманная система поиска партнера? – задумалась я. – Во что она превратила этого здоровя-

ка? Конечно, он, наверное, хороший добрый заботливый парень, но разменивать себя на капризы престарелой хитренькой дамочки и на ее собаку... Дикость, тупость какая-то», – недоумевала я.

Тоня меня не узнала, иначе бы не оставила наедине с новым любовником. Наверное, он заметил мой удивленный взгляд и, когда она ушла купаться, спросил меня: «Вы знакомы с Тоней и ее бывшим мужем? Что вы знаете о нем?» «Мужа?» – удивилась я про себя.

«Вы, правда, хотите о них все знать? Я не занимаюсь пересказыванием сплетен. Историю ее жизни вы должны услышать от нее самой. Но если любишь, то не имеет значение, что было раньше», – ответила я.

«В моем возрасте не начинают жизнь заново без оглядки на пройденный путь», – объяснил молодой человек.

«Слышу слова не мальчика, но мужа», – удивленно констатировала я.

«И все же вам что-то не понравилось в наших отношениях. Что именно?»

«Вы молодой, здоровый. Вам детям надо отдавать свою любовь, а не собаке. Хотя, конечно, каждому свое», – сказала я как можно тактичнее. Мне было искренне его жаль.

А сама подумала: «Чем она такого приятного мужчину приворожила? Кто бы меня этому научил? И в лице ее нет ничего особенного, и красоты фигуры я не заметила. Худая, вялая, словно сушеная вобла. Заговор, что ли, какой

знает?» И тут же внутренне посмеялась над своей глупой мыслью.

– Я бы ему показала, кто он такой, покрутила бы у виска пальцем! – вскипела Инна.

– Зачем лезть в чужую жизнь, пусть сам разбирается в своих заморочках. Может, она его тип женщины и именно в ней он видит свое счастье. Не за тем они отыскиали друг друга, чтобы из-за моего бестактного вторжения потерять свою любовь.

– Не думаю, что ты права. Скольких молодых людей, «проснувшихся» слишком поздно, знаю я среди своих знакомых! – гневно возразила Жанна.

– А зимой я встретила Тоню в лесу на лыжне. Она после поворота на боковое ответвление дороги впереди меня оказалась, и я невольно стала разглядывать ее и сравнивать с женщиной, двигавшейся по параллельной лыжне.

Палки Тоня поднимала высоко, смешно вскидывая руки-крылья – как у недельного цыпленка. Опускала же их вяло, мягко и при этом будто приседала в неловком реверансе. Сзади казалось, что при каждом шаге она делала бессильную попытку взлететь. Мне все время представлялось, что вот-вот она мешком осядет в снег и уже не встанет.

Смешно и грустно было следить за нею. Меня раздражала необходимость ее огибать. По соседней лыжне размашисто и уверенно шла немолодая женщина. Она двигалась короткими резкими сильными толчками и прекрасно управля-

ла своим полноватым телом на поворотах. Вскоре она скрылась из глаз. И я перешагнула на ее лыжню и тоже укатила подальше от этой хитрой... «девицы». Она опять мне жутко не нравилась.

«Теперь в лесу ищет себе очередную жертву? Падать на лыжне перед мужчиной станет? – презрительно решила я тогда. – А почему презрительно? Она, наверное, гордится собой. Мне встречались женщины умеющие заставить мужчин делать что-то для них под тем «соусом», что, этим оказывают им честь! Как правило, эти дамочки были капризны, настырны, бесцеремонны и бестактны. Не понимала я тех мужчин.

– Может, именно этой своей беззащитностью и беспомощностью Тоня привлекала к себе мужчин? Они чувствовали себя с ней сильными, уверенными. И попадали в ее цепкие ручки. Жанна, как ты считаешь? – спросила Инна.

– Может быть. – Только и сказала.

17

– Страсть со временем остывает, а нежность – одна из духовных составляющих любви – остается на всю жизнь. Она вечная, как и настоящая любовь. Нельзя строить семью только на страсти. – Аня с самым серьезным видом «ударилась» в философию. Она, будто готовясь к беседе с подопечными старшеклассниками, проговаривала свою речь.

– Пока двоим хорошо вместе в постели, о духовном сбли-

жении у них речи не идет, даже если оно и присутствует. «Природа, матушка, природа!» – рассмеялась Инна.

– Не скажи. Нежность во всем сопровождает настоящую любовь, – заметила Жанна. – Страсть – это начальная фаза любви, а затем она переходит или не переходит в настоящую стабильную любовь. Если духовная связь не рождается, люди чувствуют себя несчастными. Спокойная любовь возникает между женатыми, а женятся люди обычно будучи влюбленными. Отсюда невозможность прогнозирования счастливого будущего семьи. Я так это понимаю.

– Порядочным человеком надо быть, тогда и проблем не будет. А если один гонор и претензии в голове, так на кой такой муж нужен. Ты к нему подходи ищешь, выкладываешься, а он еще и выпендривается: «То не хочу, того делать не стану», – возмутилась Аня.

– Ерунда все эти твои разглагольствования. Сколько людей, столько и вариаций на тему, – фыркнула Инна.

– Не дано Федору любить и жертвовать собой, – вздохнула Аня.

– Только ли ему? – Жанна опять позволила себе улыбку, значение которой подруги прекрасно поняли.

– Эмма не считала, что чем-то жертвовала для семьи. Это было ее потребностью. Правда, до тех пор, пока не знала... – Аня не стала продолжать.

– Мужчины и самоотречение, мужчины и «чистый огонь

самопожертвования»? Не встречала таких. Если бы увидела, глаза на лоб полезли бы от удивления, – засмеялась Инна.

А Жанна вдруг заявила:

– Даже господь не всякую жертву принимает.

– Жанна, что я слышу? А как же: «Подлинные устремления, суть человека, его истинное «я» проявляется в самоотречении, в самопожертвовании»?

– Во имя семьи – не видела, а ради науки и карьеры – приходилось, знаю примеры, – сказала Аня.

– А я знаю такого. Жизнь положил на жену-пьяницу, поэтому многого не успел сделать в литературе, – сказала Жанна.

– Сердце каждого человека – кладбище неосуществленных проектов, – усмехнулась Инна. – Стоила ли та женщина его жертвоприношений?

Она, наверное, об этом не задумывалась?

– Главное, чтобы он об этом не думал, – ответила Инне Аня.

– О детях сам заботился. Удивительный человек! Побольше бы таких, – пожелала Жанна.

– А женщины – думай не думай – тянут и своих непутевых мужей, и неудавшихся детей, – вздохнула Аня. – Стоят ли мужья того?

– Религия требует сострадания, – ответила Жанна.

– Только от женщин?

– Стоят, не стоят. Бог все равно повернет по-своему.

– В инфантильности мужчин обвиняешь Всевышнего? – удивилась Инна.

«Без мужчин подруги не следят за своей речью, не контролируют о ком и что говорят. Все у них на эмоциях. Так ли они понимают Федора? Я почти не слышала их доводов «за» и «против». Из гуляки вырос страшный человек, тиран с полным отсутствием положительных черт? По одному спектру причин представили Эмминого мужа исчадием ада, какого и свет не видывал. А если многослойно просканировать, объемно изучить его жизнь, то картина может выстроиться иная», – вяло размышляла Лена.

– Не скулите, все мы полны противоречий. В нас воюют одновременно любовь и неуважение, страсть и ненависть, зависть и эмпатия. А зависть – движущая сила злобы. Страшна ненависть, замешанная на зависти, – сказала Жанна.

– А говорят, что она – движущая сила творчества, – не согласилась Инна.

– Не зависть, а соперничество. Оно как катализатор, – пояснила Лена.

– Все в нас переплетено. Одно восстает против другого, а что побеждает и почему – вот в чем вопрос. – Инна натянуто усмехнулась. – Вот мы с последним мужем то параллельно шли, то схлестывались в ссорах, пытаюсь взять реванш за прошлые поражения. И что делили? Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что счастливые семьи строятся на здравом смысле. А его-то как раз людям и не хватает.

– Ты хочешь сказать – некоторым мужчинам, которых душат приступы себялюбия? – уточнила Аня.

– Твоя теория выведена из массовых представлений или только на основании личного опыта? – слегка съехидничала Жанна в адрес Инны.

– Не критикую я мужчин, жалею, – стала оправдываться Аня, заметив направленный на себя ироничный взгляд Инны.

– Может, еще и посочувствуешь им? Сомкнем наши ряды и выступим единым фронтом... против них?

– Я хорошим сочувствую, – буркнула Аня и прикрыла лицо простыней.

– В чем состоит причина власти женщины над мужчиной? – Аня посмотрела на Жанну.

– Во власти над тем в нем, что он в себе особенно любит. Любит лесть – лести. Любит разнообразие – будь актрисой. Даже не испытывая мощной страсти, возбуждай, разжигай, доставляй мужу удовольствие, а заодно и себе. Доброму – жалуйся на свое нездоровье, умного – поддерживай. Все просто, как кусок хозяйственного мыла.

– А мужчины над женщиной?

– Аналогично. А у Эммы было полное пренебрежение к своей особе. Она только вкалывать умела. Но ведь известно: как ты себя ценишь, так и к тебе относятся. Не надо, даже безумно любя, стелиться перед мужем, выказывать свои

слабые места, иначе оседлает, да еще пришпоривать станет и безобразно отыгрываться на тебе за свои же слабости. О себе самой тоже надо печься.

– Безжалостно заклеимила, – пробурчала Инна. – Только по чужим шпаргалкам жизнь не проживешь, свои надо писать.

– Но и опыт поколений игнорировать не стоит, – незамедлительно ответила уверенная в своей правоте Жанна.

– Давай поставь всем нам диагноз, выясни причины наших неудач с мужчинами.

– Разрежу, посмотрю, определю, – отшутилась та.

– И все же... – пристала к Жанне Аня.

– Каждому хорошему человеку хочется идеальных отношений. Но вероятность этого варианта слишком мала. Даже достаточно положительные люди слишком разные. Один направляет свой ум на единомыслие в семье, другой себя любит чуточку больше. Вот и приходится уловками и уступками достигать приемлемого баланса «сил». Только продуманная и осмысленная жизнь может быть счастливой, – выдала Жанна свою многократно апробированную и отредактированную теорию.

– Противно приспособливаться, – заявила Аня.

– Надо, если любишь и хочешь иметь нормальную семью, – ответила Жанна. – Уступать можно и нужно, но до определенного предела.

– Ладно, поверю на слово. А в чем слабость мужчин и жен-

щин? – задала риторический вопрос Аня.

Диссертацию на эту тему Жанна защищать перед Аней не стала, к Инне повернулась.

– Нас всех в школе воспитывали лозунгом: главное для человека – преданность своей стране и своей семье. Но некоторые – не будем называть их имен – плохо учили уроки. Как на духу скажу: я тоже, – рассмеялась Инна.

– Мне ничего не остается, как согласиться с тобой. – Это Жанна воспользовалась расслабленным состоянием Инны, чтобы лишний раз ее задеть. Подловила.

Инна внутренне взвилась, но сумела подавить в себе обиду и сделать вид, что укол Жанны не коснулся ее самолюбия.

А та продолжила:

– Расскажу о товарище моего мужа. Как-то он мне сказал: «Я преклоняюсь перед женщиной, но это не значит, что я ставлю ее наравне с собой». Я возмутилась: «Почему? Вы с женой оба учителя, но у нее больше достоинств как педагога, чем у тебя. Ее уроки на порядок интересней. Она умней и энергичней. На чем держится твое непонятное тщеславие и странный снобизм? Только на том, что ты мужчина? А в чем они проявляется? Ты лучше жены справляешься с делами во дворе и в огороде? Не думаю. Я не жена тебе и не стану попусту хвалить. В постели ты ярче? Так это функция парная, в ней оба задействованы. Высота и острота ощущений жены в большей степени от тебя зависит. Но этого все равно мало для уважения. Гонор у тебя глупый и необоснованный». А

ему и сказать нечего. Не понимал, что жена во многом терпит его, за неимением лучшего. Может, он специально выштал себя в своих глазах, чтобы чувствовать уверенней? Хорошо, что мой Коля не такой.

А другой наш товарищ вынуждает жену сидеть дома, но не уважает и не ценит ее, мол, что от нее, домохозяйки, ожидать интересного. Убийственная логика! Ну ладно, если бы она сама не хотела работать.

– Почему женщины жалеют никчемных, неудачников, слабаков, окружают их любовью в некотором смысле даже большей, чем нормальных, достойных? Зачем изливают на них переполняющую их нежность, жизнь им без остатка отдают? Так вести себя им подсказывает подсознание? Мне кажется, в этой любви нет ничего сексуального. Например, ни один из трех мужей Лили не заслуживал ее любви. Они мизинца ее не стоили. Чем притягивали? – совершенно искренне удивилась Аня. – Ну, я понимаю, когда так любят беззащитных детей.

– За неимением лучших объектов любви Лиля брала никомушных в надежде перевоспитать их своей любовью. И превращалась в мамку-няньку. А мужа не ценили, предавали, – резко отозвалась Инна. И Федор так ничего не понял в любви Эммы.

– Ты же нравственно здоровый человек, вот и не догоняешь... отчего так бывает. Больной больного лучше понима-

ет, – хитро подмигнула Ане Жанна. – Прими как данность и успокойся.

– Догадка осенила? Подсластила мне пилюлю! Не поняла я твоих намеков. Тоже дразнишь, выворачиваешь мне душу, прикрываясь грубой лестью? – обижено покачала головой Аня.

– Ты не в себе. Поостынь малость. – Инна не хотела углубляться в суть вопроса. Ночью мозги плохо работали. – Понимаешь, слабые люди не выносят добрых и сильных, завидуют, вот и гадят им по мере возможностей. Именно поэтому в поисках приключений Федька как бабочка с цветка на цветок бездумно перелетает и трубит об этом направо и налево. Собственно, он и сам не знает, что ищет. Бывает, что человек придумает себе нереальную мечту и всю жизнь ею болеет. Иногда скудность фантазий помогает ему избежать разочарований. А Федьке просто понравилась такая жизнь. Образ своей женщины он так и не сформировал. Что он олицетворяет? У него они все разные. Кулаки чешутся. Вот бы посчитаться!

– Триумф мстительности? – откликнулась на угрозу Инны Аня.

«Ох уж эта твоя, Инна, вызывающая изумление однобокая откровенность. Выложила все как на духу. Ну ладно бы еще с оттенком «уважительной» самоиронии, а то ведь в лоб и как-то по-бабьи примитивно», – передернулась Лена.

– Реальная жизнь придавила Эмму. В ней осталось только

чистое чувство скорби, – сочувствуя, поежилась Жанна.

– Еще мучительная жалость к себе и брезгливость к Федору, – добавила Аня. – Наша непонятная метафизическая тоска, возможно, имеет корни... в безответственности, лени и непостоянстве мужчин?

– Похоже на то, – сказала Инна и будто печать поставила.

– Лозунг семидесятых: «Берегите мужчин!» Федор воспринял слишком буквально, – с неожиданно грубым возво-
вом сказала Аня.

– Ему было на кого свалить все заботы. И стала Эмма по его прихоти сама себе швец, жнец и на дуде игрец, – подтвердила ее мнение Жанна.

– Что толку попусту распинаться? Выживают более наглые и аморальные – вот ведь в чем фокус-покус, – с неопределенной интонацией пробурчала Аня, похоже, отвечая на какие-то свои не оптимистичные мысли.

– Самое трудное – это одиночество вдвоем, рядом с совершенно индифферентным человеком.

По лицам подруг Лена поняла, что попала в самое больное место для многих женщин, в их общую беду. И она пожалела о своих словах.

– Общеизвестно, – согласилась Аня, чтобы обратить на себя внимание.

– Федор счастлив сам, а нас интересует счастье всей семьи и прежде всего детей, – сказала Жанна и подумала: «С воз-

растом у многих из нас появилась привычка говорить лозунгами, штампами, фразами от авторитетов».

– Знаешь, как Вуди Аллен объяснял, в чем отличие комедии от трагедии? В комедии люди находят в себе силы справиться со своей бедой, а в трагедии – нет. – Инна попыталась уйти от учительской назидательности Жанны.

– Не всем даже очень хорошим и умным людям это удастся, – печально вздохнула Аня. – С глазу на глаз Эмма мне так и говорила: «Подкараулила меня злая судьба. А за что?» И ее большие кроткие глаза темнели и тускнели, будто налетом печали покрывались. Я забрасывала ее вопросами, пыталась во всем разобраться, чтобы помочь. Да куда там... А она отшучивалась, мол, твое дело предлагать, мое – отказываться. Говорила, что счастье это всего лишь паузы между несчастьями. А я отвечала, что мы сами должны стремиться так жить, чтобы эти паузы были как можно длиннее, что точку опоры надо находить не в прошлом, а в будущем. Хотя после пятидесяти какое будущее?

– Настоящее понимание жизни приходит только с годами. Вон японцы... – попыталась встроиться в разговор со своим мнением Жанна.

– От обид трудно отказаться, они в кровь и в плоть въедаются. Нам бы наш нынешний ум и опыт да в молодые годы.

– Ну, не знаю. Мне кажется, мы, девчонки, в двадцать лет четко представляли свои желания. Просто они не совпадали с желаниями мужчин, которые нам доставались, – возразила

Ане Инна.

– Мы были умными, но не мудрыми. «Главный дежурный по стране» – юморист Жванецкий – четко выразил эту мысль: «Умный человек выкручивается из ситуации, в которую мудрый не попадает», – напомнила Лена. – Нельзя жить одними обидами. Их лучше вообще отсекать.

– А если карты легли иначе, чем мечталось? – лицо Ани померкло в откровенной грусти. – Помню, первое время Эмма имела вид совершенно несчастный, подавленный, растерянный, обиженный, ходила как в воду опущенная. Во всем ее облике сквозила смертельная усталость доведенного до предела человека, уже не ждущего от жизни ничего хорошего. Она являла печальное зрелище женщины, внезапно и непоправимо утратившей смысл жизни, и была прямо-таки олицетворением скорби. Может, ее терзало чувство вины перед детьми? Или к Федору стала испытывать стойкое отвращение? Отсюда полное разочарование и депрессия. Красивая, успешная! Откуда быть низкой самооценке?

– От излишней скромности. Она у нее из детства, – определила Жанна. – Одна моя умная, образованная знакомая была настолько потрясена тем, что от нее ушел муж, что в сорок пять лет превратилась в старуху. Не смогла справиться с обидой. А муж на самом деле ее не стоил. Она его выучила, на прекрасную работу устроила, а он получил все, что хотел, и ушел к женщине попроще, где чувствовал себя големом, хозяином положения. Моя знакомая своим похорон-

ным, безнадежным видом сама себе все портила. Могла бы еще раз замуж выйти. При любых обстоятельствах надо ходить с гордо поднятой головой. Мужчины не любят как в воду опущенных женщин, при виде которых у них создается впечатление об их полной неспособности к чему бы то ни было.

– Мужчины не любят! Нашла на кого сослаться. Можно подумать, Федька умел ценить достоинства. Как-то прихожу к ним, а он нецензурно ругается. Я в штыки, а он мне, мол, я не на жену, по телефону. «Но при ней, – парирую я. – Почему Эмма должна выслушивать твои маты. Это же обыкновенный эгоизм и не более того. Это, в конце концов, элементарная невоспитанность. Наверное, мнишь себя интеллигентом? Если ты не можешь без подобных «украшений», проговаривай их в уме или заменяй на более удобоваримые слова, хотя это не реабилитирует тебя. Но такое сейчас у нас повсеместно.

Аня согласилась с Инной:

– Помню, на свадьбе я услышала, как на просьбы женщин укоротить языки, мужчины отвечали: «Пусть привыкает». Я возмутилась: «Почему женщины должны привыкать к грубости и пошлости? Может, мужчинам пора становиться культурными, порядочными и добрыми? Жизнь сразу станет краше и светлее. Глядишь, и дети ваши будут более воспитанными и умными, а внуки еще лучше разовьют положительные задатки». А они мне: «Жизнь грубая и жестокая». «А

кто ее делает такой? – разозлилась я уже всерьез. – Вы хотя бы в семье не несите грязь и жестокость».

«Она хочет обустроить коммунизм в отдельно взятой семье!» – пьяно изгалялись надо мной мужчины.

«Есть вещи, которые приходится терпеть из жалости, например, стоны больного. Но если здоровый человек не сдержан в словах – он просто распушенный, не уважающий ни себя, ни других. Вы считаете, что грубость – отличительный признак мужчины? Ну, если ничего другого положительного в вас не имеется...»

И, конечно, получила отлуп, мол, не доросла нас учить, – созналась Аня. – Некоторые мужчины не хотят задумываться о «пустяках». Им просто лень. Они живут привычками, навязанными с детства канонами, стереотипами, шаблонным мышлением. Они не делают выводов. «Я так хочу!» А почему, зачем? – не вникают. Им подчас не втолкуешь самые элементарные вещи. Упрутся, не столкнешь с проторенной дорожки. Их полностью устраивает своя натура, а остальные должны к ним приспособливаться.

– Более чем устраивает, – усмехнулась Инна – А в семье оба должны меняться или идти на компромиссы.

– Меня с детства шокировало стремление некоторых мужчин хвалиться своей пошлостью и глупостью. Они в этом видели свое мужское достоинство? «Почему я, маленькая, понимаю, что это гадко, а они нет?» – удивлялась я. – Свадьба – интимное и торжественное дело, а у нас ее превращают в раз-

влекательное представление, в шоу, лишая молодых благоговения в восприятия друг друга, заставляя их терпеть пошлость, а подчас и пьяное хамство. Разве с этого они должны начинать свою новую жизнь? Еще я не терплю, когда считают под крики «горько» во время поцелуев. Меня коробит эта бесцеремонность.

Это Жанна поделилась воспоминаниями.

– Ты же сама сказала, что хвалились глупостью. Вот и делай вывод, какие то были мужчины. Умные не позволят себе подобных высказываний. В крайнем случае просто промолчат, – завершила её Лена.

Аня вернулась к проблемам невезучей подруги:

– Из-за стресса Эмма долго не могла выйти из шокового состояния, была неспособна к беспристрастной оценке своей ситуации, потеряла вкус к жизни и несколько лет не могла войти в норму. Будто что-то отключилось в ее мозгу, и она зависла, ушла в себя. Навязчивые мысли не способствовали избавлению от тревожного состояния, не давали расслабиться, потому что не исчезала причина, державшая ее в напряжении. Отсюда стойкая депрессия.

– Человек попадает в ад по собственному желанию, – резко заявила Жанна. – Эмма концентрировалась на плохом, у нее опускались руки. Надо учиться успокаиваться. Паникеры и на войне гибли в первую очередь.

– Эмма не паникер, – возмутилась Аня. – Подсознание ее

подвело. В его кладовые трудно проникнуть, но еще труднее выбраться из них. Понимаешь, бывают такие моменты, когда в человеке происходит перенасыщение... Именно тогда на уровне подсознания ее организм сдался в плен тоскливым эмоциям. Вот и страдала. Я помню суровую, потустороннюю отрешенность ее гордого лица... Эмма была не готова к такому повороту событий, поэтому сразу не смогла стряхнуть с себя наваждение и навсегда избавиться от «наркотической» зависимости любви. Вот и погрязла в обидах.

– Эмму понять можно. Как обессиливает ежедневное изматывающее, изнуряющее напряжение нервов! – вздохнула Жанна.

– Убивалась? Было бы о ком! – с высокомерной злостью отреагировала Инна на сочувственные рассуждения подруг.

– Эмме переступить бы через себя, но обида до сих пор сжигает ее душу. И почему так получается: как хороший человек, так личная судьба у него сволочная, – вздохнула Аня и надолго замолчала.

– Теперь ее душа – обиталище демонов и духов неверия. Они сеют обиды и губят Эмму, – заметила Жанна.

– Да уж, не сладка ноющая сердечная тоска, – хмыкнула Инна. – Только счастливая женщина выглядит особенно красивой. А если она влачит мерзопакостное существование?.. Надо плевать на обстоятельства!

– Ты умеешь смеяться, когда хочется плакать? – удивилась Аня.

– Стараюсь.

– Махнула Эмма на себя рукой, мол, пропади оно все пропадом! И с тех пор видел Федька ее уныло-понурые скорбные плечи, потерянное безучастное отключенное от всего на свете лицо, тусклые глаза, заполненные неизбывной чеховской тоской или яростную маску... безразличия, за которой не спокойствие, а готовность к взрыву.

Без чувства победы в душе нельзя идти в бой. Вот Эмма и проигрывала Федьке. Говорят, характер формируется в схватке с жизнью. Нет, надо быть готовым к этой схватке. А Федька стрелял в нее оголтелым самодовольством, самодурством и холостыми снарядами беспечности и безразличия. И жерло его «пушки» было направлено точно в цель, в ее любящее сердце. Обиды в ней копились, копились... Эмма часто бывала на грани. Казалось, тронешь – и случится переворот сознания, и разнесет она всё к чертовой прабабушке... Но она держала свои чувства в узде, потому и заболела. Не вынес организм долговременного нервного напряжения, – скорбно вздохнула Инна.

– Получается, чем выше любовь, тем больше недостатков женщина обязана прощать тому, кого любит? В этом состоит благородство любви? Чушь! Любить – это прежде всего уважать и ценить. А за что было уважать Федора? – гневно спросила Аня.

– Любить недостойного жертвенно, а значит, божественно, – сформулировала Жанна позицию христианской церк-

ви. – Помните в Библии притчу о красавице и ее муже-пьянице?

– Не знать настоящей красоты прекрасных мгновений единения... Ну, нет! – энергично воспротивилась Аня. – У Эммы абсолютно разрушена нервная система, она живет с постоянно нарывающей тоской в сердце. Ты насмехаешься? У тебя нервы из канатов? – видно, как-то по-своему поняла она Жанну. – Ты сама попробуй походить уверенной походкой самодостаточной женщины, когда тебя душит обида и горькие метания занимают все мысли. Человека невозможно отделить от его страданий.

– Определилась Эмма к Фedyке на постой на всю оставшуюся жизнь, приютила у себя беду, да так и не рассталась с нею. Горечь не избыть.

– И теперь, естественно, главный недостаток Федора затмил в ее глазах все присущие ему достоинства.

Аня повернулась к Лене. Ей нужен был сочувствующий слушатель. Но та лежала неподвижно и с закрытыми глазами. Похоже, спала.

– Хорошими детьми все жертвы окупаются, – заметила Жанна.

– Нет! Это другое. Не бросай в один котел причины и следствия. А мужчинам что советует религия? – взвилась Аня так, что ее побелевшие глаза чуть не выскакивают из орбит.

– Моя знакомая Лида Прокопьева очень точно выразилась: «Женщина телом прощает, сердцем – нет», – сказала Аня. – Только Эмма ни тем, ни другим не смогла.

– Я слишком гордая, независимая и несговорчивая. Не представляю себя на месте Эммы. Это выше моих сил. Я должна быть единственной и на меньшее не согласна. А она свыклась с поражением, с ролью никчёмной. – заявила Жанна.

Аня рассердилась:

– Добиваешь Эмму! Отбрила. Можно подумать, она не воевала. Да тысячу раз! Но все бесполезно. Мысли обступали и поглощали ее, как омут. С лица спала. Сердце так заглохло, того и гляди душа вон... Легко любить любящего тебя. Но богатство Эмминой души не исчезло из-за беды. Трагедия не бросила ее в руки других мужчин и не превратила в злую мстительную мегеру. Всю свою душу она вкладывала в детей и в работу и оставалась человеком в самом высоком смысле этого слова. Только неразрешимая нескончаемая мука сердца изводила ее.

– Чтобы раскрыть тайну души человеческой, иногда надо давать волю своей фантазии, забыв то, что уже известно, о чем всегда знала. И тогда воображение вырвется на свободу и проникнет в самую суть вещей...

– Романтично! Тебе удавалось?

– Жанна молча качнула головой так, словно уже сказала больше, чем хотела.

Аня не стала ее «допрашивать».

– Несколько лет потребовалось Эмме, чтобы прийти в себя, взять свои эмоции в собственные руки и начать ходить с гордо поднятой головой. Выла от депрессии, но самоотверженно боролась со своим недугом. Как-то сказала мне: «Он перестал быть частью меня самой, обрел наконец в моем сознании отдельное существование, и теперь я могу его отодвинуть, отринуть», – поделилась Инна. – Но до сих пор «улыбка вянет на ее губах».

«Чем блуд Федора отличается от «подвигов» мужа Галины? – от скуки задала себе вопрос Лена. – Тем, что в этих деяниях его целиком и полностью поддерживала мать? Она зародила в сыне ревность и постоянно с наслаждением подпитывала ее оговорами и сплетнями. Но ведь не только невестку, но и сына этим мучила. Он всегда был злой, безрадостный. Это ее не волновало? Она считала, что сын с лихвой компенсировал все потери? Такое трудно понять... А что общего? Оба легко подчинялись любой чужой воле, кроме жен. Почему подчинялись? Слабость и мстительность в характере? Воспитание? А результат один».

18

Аня прислушалась к беседе Лены с Инной.

– ...Александр Николаевич Бессуднов с исторического тоже еще работает?

– Он же моложе нас.

– Прекрасный человек, удивительный педагог! Мой сын одно лето участвовал вместе со студентами разных вузов в раскопках. Его восхищала дружеская и какая-то удивительно теплая и светлая атмосфера, в которой жил и работал этот коллектив. Какое там было уважение друг к другу! А к девушкам просто рыцарское. И это при том, что дисциплина соблюдалась неукоснительно. И что заслуга в том была их талантливого руководителя – не обсуждается. Андрюша уезжал с раскопок чуть ли не со слезами, переполненный оптимизмом и восторгом, влюбленным не только в преподавателя, но и в весь окружающий мир. Он был таким счастливым! Эта встреча много дала ему в плане формирования его характера и взглядов на жизнь. Я благодарна Александру Николаевичу за сына. Их знакомство совпало с трудным подростковым периодом взросления Андрюши. Он был хорошим мальчиком, но его терзали неразрешимые проблемы, требующие правильной мужской поддержки.

– Мне девчонки писали, что Эмма теперь шубы каждый день меняет, – неожиданно громко сказала Жанна.

– Да, сегодня одну, завтра другую, послезавтра опять первую, – ответила ей Аня. – Имеет право. Все что у нее есть, она сама заработала.

– Столько лет жила «на позорном помосте беды», оглушенной до полубессознательного состояния, со стонущим

сердцем, с истекающими болью глазами, смотрящими в никуда! Как в бреду ходила по лабиринтам заблуждений; находясь в унижительном плену своей болезненной любви, шаралась от людей, пытаюсь самостоятельно развеять обиду от «немеркнущей» славы подвигов мужа! Не многовато ли для одной жизни? Ее организм требовал положительных эмоций. Исковерканная душа, изъеденная годами плача, умирала, отравленный рассудок полностью не восстанавливался. Годы без радости, конечно же, привели к болезни. И ведь, наверное, считала свою жизнь праведной. Я говорила Эмме: «До чего можно докатиться, жалея себя? До психушки? А дети? Сколько еще сможешь прожить с неживым сердцем и потерянной душой? Пришло время отрезать беду от ее пуповины и возродить веру во всё прекрасное, в то, ради чего рождаются люди», – грустно поделилась Инна.

– А Федора вина не грызла, не снисходило на него отрезвление, – сердито пробурчала Аня.

– Мотив Христа и Антихриста, – сказала Жанна.

– Миллион ассоциаций.

– Иным жизни не хватает, чтобы осмыслить происходящее и отречься от своей порочной сути – страсти.

– Или от необыкновенной любви.

«Инна говорит об Эмме или грубо намекает на свою лучшую подругу?» – подумала Жанна и обратилась к Лене:

– Каково твое представление о счастливой семье?

– Не скажу ничего нового. Счастливая семья строится на

взаимной любви, взаимопонимании и общности интересов. Эти три кита являются фундаментом всего многообразия прекрасных отношений в семьях. Сюда же включаются доверие, уважение, взаимопомощь и т.д. и т.п. Они как бы предполагаются понятием «взаимопонимание». Все это – азы семейной азбуки. И как шутит молодежь в Интернете: «Борщ тоже неплохо бы уметь готовить». Но как раз этому-то научиться проще всего. А вот хотеть и уметь строить взаимоотношения – задача не всем по плечу. Оттого-то и возникают в семьях проблемы.

– Единомыслие – это счастье, несовпадение взглядов – трагедия – печально сказала Аня.

– Как ты думаешь, Федор жалеет, что не оставил Эмму? – Это Жанна спросила у Инны.

– Жалеет?! С чего бы это? Ухожен, дети сами по себе, без его участия растут. Вот с жиру и бесится. Где гарантия, что в новой семье его ожидает такой же кайф? Он не дурак шило на мыло менять. Но признавать и ценить Эммино смиренное достоинство так и не научился. Ему это не выгодно. Их отношения до сих пор остаются натянутыми, что периодически порождает вспышки гнева с ее стороны и бурную, беспардонную реакцию с его.

– Федор считал, что его жена из тех, кому сам Бог повелел лгать: добрая, доверчивая, искренняя. Думал, так будет до скончания века. А теперь пожинает им же самим порожденное.

– Он пожинаяет? – удивилась словам Жанны Инна. – Можно подумать, его трогает состояние здоровья жены. Пока она «тянет», он будет ею пользоваться, а потом другую бабенку себе приведет.

– Не всякая пойдет, – возразила Аня. – Если только из-за квартиры. Я как-то спросила у своей подруги Кати, почему она не вышла замуж второй раз? Ведь были предложения. Она ответила: «Нет потребности в том, чтобы мужчина был рядом. Первое время очень не хватало мужа, потому что любила его. Хороший был. Твердо стоял на ногах. Знал в чем истина. За химерами не гонялся. Скучала без него, тосковала, томилась. Садилась на электричку и куда-то ехала, ехала... Подруги прихватывали неделю-другую к отпуску, а я, наоборот, с работы домой не спешила. Потом привыкла. А другой мне без любви не нужен. К чужому приспособливаться надо, колготиться вокруг него, обихаживать, душой трагиться, может даже детей ему рожать. Зачем? Одной мне уже не одиноко. Потребность в мужчине?.. Когда они доступны, их не хочется. А теперь возраст. Внуками занимаюсь, все силы им отдаю. Они моя единственная любовь и забота».

– А почему ее подруга Зинаида рискнула? Захотела испытать хотя бы причастность к чему-то новому, мол, мы живем в мире «переменных постоянных»? – усмехнулась Инна. – А ее избраннику надоело жить в состоянии организованного хаоса?

– Ты помнишь ее первого мужа? Намаялась она с ним. А

в этом она вдруг почувствовала человека, которому хочется семьи и который сделает всё, чтобы она была счастливая. Зина промодулировала ситуацию и впервые поняла, что нуждается в муже и именно в таком. У него не было заскоков. Он имел четкие понятия, что хорошо, что плохо. С ним было легко и просто. И с ее ребенком он сразу нашел общий язык.

– Не стану зарекаться на счет Эммы. У них с Федором есть еще время «разнообразить» свои взаимоотношения. Могу сослаться на первоисточники, – криво усмехнулась Инна. Потом беззастенчиво зевнула во весь рот, с удовольствием демонстративно потянулась и повернулась к Ане. Но та даже взглядом не попыталась заставить Инну признаться в позорной невоспитанности. Наверное, устала и решила оставить сей прискорбный для учителя факт без внимания. А может, посчитала, что воспитанному человеку полагается не замечать малых промахов.

– Насмехаешься? К чему это разнообразие в ее годы? Ей теперь о своем здоровье думать надо. Эмма правильно себя ведет. Религия утверждает: милосердие важнее справедливости. Истина в милосердии, – сказала Жанна.

– Чтоб ты провалилась со своим благочестием! Проявлять милосердие к подонку – значит потворствовать подлости. Совсем мозги иссушила себе проповедями и разучилась соображать? Религия – средство порабощения женщин! Представь себя на месте Эммы! Тебе осталось возмутиться: «Сама не гуляет и мужу не дает». Ох, устрою я тебе пенку во всю

стенку, долго меня будешь помнить!

Дальше Инна только рот раскрывала, но по яростной артикуляции угадывался весь набор ее «ярких образных» выражений, который она могла бы выдать Жанне в ответ на ее богословские афоризмы.

– Мне твое утверждение, Жанна, тоже кажется сомнительным, – искренне поддержала Инну Аня. – До чего же Федор до противного фальшивый. Слезы кипят в моей душе, когда вижу женское и детское горе.

– А мужское? – не утерпела Инна.

Аня не ответила.

– Эмме давно бы внять голосу рассудка, а она страдала. Не понимал Федор, что любовь – это одно, а обладание – совсем другое. «Любовь – это когда одного бьют, а второму больно». Много больше, чем пострадавшему. Боль в сердце начинается с понимания чужой беды. Так в Библии сказано. А брак – это долгий разговор друг с другом.

– А Федька, то же мне! – туз в рукаве, мать его... – опять вскинулась Инна с внезапно вспыхнувшей злостью.

Лена сжала виски ладонями. «И по кругу, и по кругу», – почти беззвучно простонала она.

– Христос до сих пор каждую минуту распинаем нашими грехами, – устало сказала Жанна.

«Инна выбрала единственно правильный тон сопереживания и поддержки. А она не такая уж стерва, как иногда кажется. Внешнее поведение не всегда соответствует внутрен-

нему содержанию», – решила Аня.

– Выстоять можно, но как восторжествовать? – задала Аня сложный риторический вопрос. – Страна наша огромная, и мне иногда кажется, что в ней обязательно для каждого человека есть место, где он может быть абсолютно счастлив.

– К сожалению, в подобных фантазиях ты не одинока. Только не искать, а строить надо свое счастье, – назидательно заметила Жанна.

– А я так сложа руки его ждала или гонялась за туманом! – сердито возразила Аня. – Уж и помечтать не даешь, сухарь недогрызанный. Я вот о чем подумала: принято говорить, что поступки без последствий не бывают, что за всё в жизни приходится платить. А чем заплатили за свою счастливую жизнь Федор и его мамаша? За что их таких гадких хранит судьба?

Комната ответила ей звенящей тишиной.

«Я такая же, как они, болтушка. Я может, даже в большей степени обладаю способностью к словоизвержению, потому что постоянно нахожусь в диалоге с самой собой. Свои мысли я проговариваю внутри себя или выкладываю на бумагу, а они выплескивают их наружу». – Лена опять взялась искать оправдание неугомонности своих подруг.

– Говорят, Эмма довела себя до такого состояния, что уже не способна оценить ни розыгрыша, ни шутки.

– Неправда! Веселые – может. Злые и пошлые не приемлет, – встала на защиту Эммы Аня. И по тому, как побледнело и дрогнуло у нее лицо, Жанна поняла меру ее сочувствия сокурснице.

– Я слышала, состояние здоровья Эммы не очень располагает к юмору, разве что к иронии, – заметила Лена и внимательно посмотрела на Жанну. Та первая отвела взгляд.

В последовавшую секундную паузу у Инны мелькнуло: «О, эти всё замечающие и беспощадно понимающие Ленины глаза!»

– Если бы Эмма отвечала на издевки мужа, он почувствовал бы в ней достойного врага и не рисковал бы связываться. А она берегла его нервы. Только он ее не жалел. Загнал как лошадь на скачках. Эмма теперь больная, а он сохранил себя, здоров как лось. Кардиолог, оценивая Эммино самочувствие, указывал на резкие «всплески» на узкой ленте, вытекающей из прибора, и, полушутя, говорил Федьке, что кардиограмма сердца – картина линии жизни человека и просил создать в семье благоприятный климат. А он взбесился, посчитав, что жена нажаловалась на него врачу.

Этого Эмма ждала от жизни? Этого желал Федька? Она и детям теперь не может помочь в той мере, в какой хотела. Федька не умел заглядывать на много лет вперед, не догадывался, к чему может привести его поведение, как оно повлияет на здоровье жены, так как не задумывался об этом, о себе только радел, но Эмма-то предвидела. Почему же позво-

ляла себя губить? Героиню из себя строила, надеялась всё выдержать без потерь? Как-то сказала мне, мол, если бы я не узнала... если бы не стресс... И что? Была бы счастлива с этим психом? Знаю, что выражаюсь резко, но я говорю правду. – Инна вздернула подбородок кверху в знак неодобрения подобных вариантов в сосуществовании двух разнополюх субъектов. Приподняла слегка, ровно на столько, чтобы свидетельствовать не об упрямстве, а о своей внутренней силе и уверенности.

– ...В Эмме какая-то непорочная чистота скорби, – вздохнула Аня.

– «Могущество» Федьки зиждется всего лишь на мягкости Эммы. Ее вера в любовь и попустительство подталкивали его к изменам. Попади он в другие руки... Его бы в ежовые рукавицы... Ох и поплясал бы он у меня! Но моя житейская мудрость подсказывает, что такого ничем не удержишь. С ним Эмме надо было сразу расставаться, – повторила уже не раз сказанное Инна.

– Поздно узнала о похождениях. К тому же всегда теплится надежда на перевоспитание Но Федор гад, и теперь это всем ясно, – отреагировала Аня.

– А как же блоковское: «О, я хочу безумно жить... несбывшееся – воплотить»?

– Подозреваю, что эти слова не о фривольном, а о высоком и великом, – ответила Лена подруге.

– Да уж о подавленной или неудовлетворенной женской сексуальности он точно не поднимал вопрос, – рассмеялась Инна. – Помнится, этим первыми заинтересовались английские врачи. Был такой фильм... Забыла название.

Аня смутилась. Она вспомнила фильм, потрясший ее откровением и повергший в недоумение. Лена неодобрительно взглянула в глаза подруге и предупредительно кашлянула.

– Прости. Не подумала. Великое имя не в той связи упомянула. Глупость сорвалась с языка, – извинилась Инна перед Леной и тут же снова рассмеялась:

– Жанна, помнишь, что говорит на эту «опасную» тему христианство? «Бесценный дар Божий надо использовать на благо ближних». Как двусмысленно!

Аня целомудренно опустила глаза к полу.

– Не по твоей части растолковывать религиозные постулаты? – отвратительно приторным голоском проворковала Инна. И наткнулась на каменное лицо Жанны, раздраженно подумавшей в тот миг: «Что угодно способна извратить, мерзавка!»

– Перво-наперво я перестала бы с Федором нянчиться и отказала бы ему от дома, – заявила Жанна.

– Квартира принадлежит Федору и его маме, – напомнила Аня.

– Я бы, оставляя Федьку, такхватила бы дверь, чтобы вокруг короба по штукатурке трещины до самого потолка

побежали. Чтобы весь подъезд слышал: «Женщина сама уходит! Муж-подонок, довел», – провозгласила Инна. – А Эмма, как старая собака: хозяин бьет, но она не убегает, а только скулит.

– За что на Эмму нападаешь? А Федора с кем сравнишь? – сердито спросила Аня.

– С хорьком. Живет в одном месте, а бегаёт по курятникам всей округи.

– Эмма говорила, что из осажденного города не бегут, его защищают, – заметила Аня.

– Об осаде женщинами говорила? Да она с юмором, не совсем закисла, – удовлетворенно отметила Жанна.

– Был бы Федор настоящим мужиком, собрал бы свои далеко не скромные пожитки и ушел бы жить к своей незамужней тетке, оставив квартиру детям. Я слышала, у его старой незамужней тетки шикарные хоромы, – сказала Аня.

– Федька сподобится уйти? Если бы Эмма подала на развод, он бы из кожи вылез, все деньги на адвокатов извел, только бы оставить жену на минимуме или вообще ни с чем. Помнишь, как мой сосед на двух детей платил шесть рублей в месяц, а сам жил припеваючи?

– А пока Федор спускает зарплату на женщин, – пробурчала Аня.

– Успокойся, закон на стороне детей, – сказала Жанна.

– Теперь главный закон – деньги, – напомнила Аня.

– Я думаю, Федор не настолько богат, чтобы судиться.

– На пакости гроши у него всегда найдутся, – усмехнулась Аня. – А из квартиры он назло Эмме не уйдет, чтобы было над кем измываться.

– Это уж точно, – заверила Жанна. – Моя знакомая никак не могла разменять свою квартиру, так муж в отместку за развод водил на свою «половину» «девочек» и громко с ними развлекался.

– Не раз Эмме казалось: вот-вот нащупает путь к избавлению от наваждения, но... А какая была роскошная девушка! Просто загляденье. Совсем чуть-чуть не дотягивала параметрами до артистки Мордюковой. Русская красавица: высокая, статная, крутобёдрая. В ней будто была заложена первозданная мать-природа: естественная, живая, свежая, сильная. И при том – изумительно очаровательная и элегантная. *(Обычно женщины женщин не хвалят. На детдомовских это правило не распространяется?)* Естественна во всем, общительна, приветлива. Она не стеснялась быть самой собой и это ее очень красило. Говорила, что любит ходить босиком, чувствовать силу земли. И ничего не боится в этой жизни. И вдруг такое...

– В праздники легкая, веселая, солнечная, искристая, как шампанское, в будни серьезная, деловая, – вслед за Аней продолжила делать комплименты Инна. – И если позволительно так выразиться... в ней есть частица глобальной человечности князя Мышкина.

– Достаточно сказать, что ни о ком плохо не говорила, с ней невозможно было поссориться, – вспомнила Жанна.

– А Федька с мамашей сумели. Необъяснимо!

– Хороших людей сближает то, что они любят, а плохих, то что они ненавидят, – усмехнулась Жанна. – С двоими Эмма не справилась.

– И пришлось ей в расцвете сил распрощаться со всем, о чем мечтала в юности. Чморили ее по-черному, а она деликатничала. Не могла позволить себе переступить через свои убеждения, через воспитание. «Старших надо уважать». Было бы за что! И что тут скажешь? Больная на голову. Врезала бы матерком раз-другой, и все вопросы быстро снялись бы сами собой. С такими типчиками иначе нельзя, – уверенно сказала Инна.

– Какой там мат! Эмма была девушкой удивительной искренности и пронзительной трепетности чувств.

– Не могла по вскопанному газону пройти, цветок с клумбы сорвать? – нарушила Инна серьезный тон Ани.

– В студенческие годы выделялась какой-то особой ухоженностью. Во всем чувствовался стиль и вкус: в том, как ходила и говорила, в одежде и в поведении. Не чета нам, детдомовским. (*За что нас высекла?*) Это у нее от мамы. Эмма существовала удивительно гармонично и в простеньком халатике, и в строгом платье. Вечерних нарядов в ту пору ни у кого из нас по бедности не имелось. И Эмма знала цену каждой копейке, но нам казалось, что у нее не было комплексов.

Покинув дом отчима и став студенткой, она расцвела. Ею бы только восхищаться: «Чистейшей прелести чистейший образец», – поддержала мнение Ани Жанна.

Инна иронично отреагировала на Жаннины дифирамбы Эмме:

– Красота, женственность достойная божественного ока! Всё при ней! Просто нашествие совершенств! Мона Лиза! Отличница, прекрасная карьера, достаток. А потом семья, дети. На работе исключительно разумная, а в доме у нее – елки-палки! – почему-то муж – режиссер.

Аня воскликнула горько:

– Бывает ли на свете любовь без страданий? «Чтобы быть красивой, надо быть счастливой!» – воскликнула Аня. – Эти слова звучат в одном американском фильме с участием моей любимой актрисы Одри Хепберн.

– Восхищаться заспанной женой, в застиранном халате орудующей у плиты? – как истинный поборник справедливости возмутилась Инна. И ревниво фыркнула:

– Неотразимая, неповторимая, особенная? Диктовала свой стиль! Красавица, но не Цирцея и не Афродита. Фигуристые уже не в моде. Она опрокидывает современные женские стандарты. Сдержанная, мягкая, женственная? Тощие и плоские теперь в цене, агрессивные, провокативные, не теряющиеся перед авторитетами. Резкие и пылкие, многообещающие и честолюбивые худышки. Женщины-торнадо, злючки. Они всегда поступают по-своему, диктуют правила, за-

дают тон и темп. Может, то, что раньше восхищало в Эмме, теперь Федьку раздражает.

«Я ошибалась на твой счет?» – сердито поморщилась Аня.

«Девчонки, наверное, относятся к Инне как к неизбежному злу», – подумала Лена.

– Это как бы официально. А на самом деле полненькие для мужчин выглядят аппетитнее. Ни один не может спокойно пройти мимо пышногрудой мадонны. В общезнании поговаривали, будто наши ребята считали Эмму одной из самых интересных, мол, она самый яркий цветок на нашей поляне. Не осмеливались к ней подойти, – сказала Аня. – И теперь многие семейные мужчины предпочитают уютных женщин.

«Вот оказывается как?» – удивленно отметила про себя Лена.

– Но теперь это уже неважно, – вздохнула Аня.

– Я сначала переживала, что у меня небольшая грудь, но Коля меня успокоил, когда сказал, что я всегда буду выглядеть как юная девушка.

– Моя мама в молодости гордилась своим роскошным, необъятным бюстом, но сколько мучений с ее-то десятым размером возникало в жару! После двух детей грудь у нее была до пупа. Бывало придет с поля или сенокоса, «разоблачится» во дворе за хатой и начинает лечить потертости. Красная кожа огнем пылает, болячки саднят. Это городским барынькам легко холить свои шикарные тела. А тут ни ванны, ни горячей воды, ни времени... А на следующий день

опять надо идти вкалывать. Жуть! – вспомнила Инна.

– Моду на красоту меняют производители товаров ради наживы. А ее утолить невозможно. Вот они и превращают жизнь женщин «в схватку с возрастом», – сказала Жанна.

– Точно! В нашей молодости считались красивыми изящные ровные зубы и маленькие пальчики на ногах, а сейчас рекламируются длиннющие, как у обезьян, – подтвердила Инна.

– Если в моде двухметровые девицы с размером обуви сорок два, где же им взять маленькие изящные ступни? Все взаимосвязано, – резонно заметила Аня.

– Рабское подчинение мужчин моде? Не в ней дело. Мужчины ищут в женщине что-то особенное, изюминку. Они любят интригу, игру, поэтому стерв предпочитают порядочным и домовитым девушкам. От стервы они готовы стерпеть что угодно. Мол, «брильянту прощаются острые грани». А жене не простят безразличного или неосторожного взгляда мимо себя, любимого, – усмехнулась Инна.

– Жар-птицы им нужны для развлечения, а в жены они все равно предпочитают реальных курочек-наседок. Боятся не сдюжить завышенных требований красоток. Для них ой как вкалывать надо! Я не беру в расчет миллионеров. Мой одноклассник женился на стерве, бывшей проститутке, и считал, что все мужчины должны ему завидовать. Жаль, не знаю, чем эта история закончилась. Помню, она постоянно висела на нем и «лизалась» на виду у всех, а он гордился ею, – с выра-

жением неодобрения сообщила Аня.

– Не все готовы терпеть стерв. Многие хотят семейный уют и друзей. Я не нахожу твой факт заслуживающим внимания, – мрачно возразила Жанна.

– Ну, если только не по карману... Все мужики – птицы одного полета, – уперлась Инна.

– Развенчала мужчин полностью и бесповоротно. Такие-сякие, разэтакие! С дуба рухнула?

– Не совсем, чуть-чуть, с серединки на половинку, – весело ответила Инна на критику Жанны.

– Помню Эмму студенткой: спокойная, чуть ироничная, деловая. Таких уважают и боятся. А теперь о ней с уверенностью можно сказать только одно – несчастливая, – опять грустно вздохнула Аня. (*С собой сравнила?*)

– И всего-то из-за того, что не повезло с мужем? Не драматизируй. Зато в остальном она на высоте, – небрежно бросила Инна.

– Несокрушимо надежная мать своей любовью на всю жизнь связана с детьми. И как утверждает религия: «отречение от себя есть дорога к себе. Наши страдания – путь к совершенствованию и обретению Смысла Бытия». Женщины страдают ради жизни на Земле, – непререкаемо заявила Жанна.

– От плохих мужей они больше страдают, – фыркнула Инна. – А мужчины от чего отрекается, чем жертвует?

– Они семью содержат.

– Ну да, ну да, конечно... И такое бывает, – досадливо усмехнулась Инна. – А Федька, наверное, придерживается байки о том, что Бог возвысил Адама над Евой, дав мужчине духовное превосходство над женщиной за то, что она его, бедненького, совратила яблочком. А зачем поддавался? Зачем перед Богом плакался, мол, не виноват, это всё она. И этот слабак и слюнтяй дан женщине как надёжа и опора?.. Что-то я этого духовного мужского превосходства не наблюдаю. В нашей жизни все больше с точностью наоборот. Где доказательства в пользу этой версии? Не до конца продумали ситуацию составители религиозных сюжетов. Да и с ребром Адама, мне кажется, у них промашка вышла. – Инна раздраженно махнула рукой.

– Сколько всего наговорила! Будто бездна прошла через тебя и остановилась на ступенях перед преисподней. Сама-то понимаешь, что несешь? – возмутилась Жанна.

– Да уж как ты бездумно, ни бельмеса не соображая, не цитирую вызубренное. Впрочем, каждому свое... Пойми, именно в женщине духовные силы возобладали над животным началом и это возвысило ее над мужчиной. О ней можно сказать – Ее Величество Женщина! Вот поэтому всегда принижали и порабощали ее мужчины грубой физической силой и много еще чем непорядочным.

– Схлестнулись и перепутались две линии мнений. Опять это твой иронический скептицизм! Прекрасная тема для

спора в ночи, – усмехнулась Лена.

– ...Сладко подчиняться талантливому, приятно радеть о хорошем человеке!

– И если уж умирать, так с музыкой и в гибельном вос-
торге! – Это Инна шутливо перебила и притушила высокую
интонацию Ани.

– Женщины думают сердцем – вот в чем причина наших
бед.

– Этим твои познания и ограничиваются?

– По-настоящему любящий человек бывает таким трогательным, таким незащищенным.

– Что-то ты, Анечка, совсем расчувствовалась. Луна на
тебя влияет? – с легкой насмешкой спросила Инна.

Лена слышит:

– ...Случись Эмме погибать на глазах у Федьки, он не спас
бы ее, – резко заявила Инна. – И пальцем бы не пошевелил.

– Не может быть, – неуверенно возразила Аня. – А если
бы, допустим, обе тонули?

– Ну уж если в ссорах он становился на сторону любов-
ниц... Ни дна ему ни покрывки! Федька как зверь кидался
на жену, защищая очередную дрянь, чем окончательно до-
бил бедняжку. Эмма, наверное, до сих пор не может оправ-
даться от унижения. Хвалить любовниц при жене – верх
нетактичности и непорядочности, а защищать – верх подло-
сти. Ждать от Федьки добрых дел для жены и детей – все

равно что искать свой завтрак в пасти у льва с горящим факелом в руке, – зло фыркнула Инна.

– И все же когда Федор подошел с любовницей к остановке, где стояла Эмма, он сразу направился к жене. А та женщина потопталась, поерзала, и, распаховавшись, чуть ли не бегом помчалась от них через дорогу. Эмма даже голову не повернула в сторону соперницы, только глаза презрительно сузила. Я сама видела эту сцену, когда приезжала к ней в гости.

– Та женщина, наверное, побоялась публичного скандала. Ох, я бы ей устроила! – воскликнула Инна, услышав уверения Ани.

– Обладание падшей женщиной – а изменяющая замужняя и есть таковая – не доставляло истинного удовольствия, вот Федор намеренно и возвышал ее в своих глазах, мол, порядочная, умная, чтобы гордиться ею и прежде всего собой, мол, какую бабу имею! Он прекрасно знал, что она подлая тварь, но не хотел «слышать» этого, потому что сам был такой же. В его мечтательном воображении любовница – чистая прекрасная возлюбленная, будь она даже Бабой Ягой, а он – прекрасный принц, – предположила Жанна. – А жена в его глазах обыкновенная домработница, независимо от того, кто она вне дома. Любовницу-то он в быту не видит, иначе бы давно от нее сбежал.

«Нам бы «почитать» мысли на этот счет самого Федора», – про себя усмехнулась Лена.

Разговор свернул в другое русло той же темы.

– Эмма, по ее же собственному признанию, не умеет жить одна. Днем еще туда-сюда, вся в делах, а ночью... на нее давила громада горького одиночества и тоскливых мыслей. Страшное дело, «когда ты есть, а тебя не надо», – вздрогнула седыми змейками бровей Аня. – Если Федор долго не приходил домой, Эмма переживала до одурения. Такая вот странная особенность. Вот и молчала. Мне это трудно себе вообразить, тем более что они жили как квартиранты. Да-а, не задалась жизнь Эммы, – печально, но с некоторой запинкой произнесла Аня, очевидно, неоднозначно относясь к рассказанному ею же факту. – Говорят, надо представить себе, что произойдет, если этого человека в твоей жизни вовсе не будет, а потом решать: разводиться или нет. Вот, видно, Эмма и решила.

Моя подруга все время на мужа обижалась. Было за что. И вдруг он скоропостижно умер. На ее глазах рухнул, когда они в театр собирались ее наряды и «брильянты» выгуливать. Подруга разом сникла, потерялась в одиночестве. Все ей стало не мило. Может, поняла как он был ей дорог, как нужен был?

– Ну был бы рядом с Эммой равнодышащий, а так... Не понимаю, – неуверенно пожала плечами Жанна.

– Поплясал бы Федька у меня на горячих угольках!

– На куски порвала бы, в порошок истерла и тесто заме-

сила, – насмешливо отреагировала Аня на привычное хвастовство Инны.

– Ты понимаешь, живя с Федькой, Эмма как бы ежедневно принимает яд, который ее медленно убивает. От яда можно избавиться, лишь поменяв или очистив среду обитания. – четко и однозначно выразила свой взгляд на проблему Инна.

«Ну, положим, я с тобой согласна и что из того? «Обвешиваешься» угрозами: я бы, я бы, и на том все заканчивается», – презрительно передернула плечами Жанна.

– Но как избавиться? – задала прямой вопрос Аня.

И получила не менее прямой ответ:

– Головою в омут! Элементарно! Помнишь эту нашу студенческую фразу? Теперь, правда, говорят: «Элементарно, Ватсон».

– Кому в омут? Мартышкин труд что-то кому-то советовать, – ошеломленная мощным выбросом отрицательных эмоций, попыталась остудить Инну Жанна. – Не лопни от злости. Догадывалась, что ты с «приветом», но чтобы настолько... Если так и дальше пойдет наш разговор, то страшно подумать, чем он может закончиться.

– «Злая ложь и правда мудрая

Пред тобой равны, любовь!»

Осип Манделъштам. Философ! – сказала Лена задумчиво.

А размышляла она совсем о другом: «Завтра Федор не услышит от девчонок ни одного слова порицания, но и добрых слов от них не получит. Будут вежливо не замечать. А

Инна может сорваться. Надеюсь, не при всех».

– Прямо убила бы Федора! – вырвалось у Ани. – Хочется схватить черенок от лопаты и дубасить, дубасить... У нас женщина – опора семьи, а не эти... так называемые мужчины.

– Ну что ты, Аннушка, плохих не так уж и много, – успокоила ее Лена.

– Неверных мужей хочешь уничтожить-извести? Новые появятся. Они же как тараканы. Переползут. Их если только ультразвуком... – посмеялась Инна над взбудораженностью Ани.

«Видно, содрогнулось Анино доброе сердце от пронзительного сопереживания, – вздохнула Жанна. – Душа ее закрыта для пустых и холодных глаз... Всю жизнь привыкла обуздывать себя. С детства жила с осознанием обреченности и беспощадности суровой судьбы, потому и жизнерадостности в ней мало. А с возрастом еще и слишком ясное и покорное знание истины, что жизнь каждого человека – миг во вселенной и часто неудачный, наложило свой отпечаток... Ноет, это да. Но ведь по-своему борется за души, работая с детворой, потому что верит во что-то большее, чем материальное потребление. Не стремится к недостижимому, но есть у нее воля к жизни, есть мужество жить достойно. Молодчина».

– Как-то я ехала в такси по карточке детдома. Разговори-лась с шофером. И вдруг он так искренне-радостно улыбнул-

ся, вспоминая о любовнице. Тут я ему вопросик на засыпку подкинула, мол, хотелось бы вам, чтобы ваша жена, пока вы на работе, вот так же радовалась с другим мужчиной и тоже считала, что ничего плохого не делает, и говорила бы, что грешки жизнь украшают? За что вы уважаете ту женщину, которая развлекается с вами, а может, и не только с вами? За удовольствие, которое она вам доставляет?

Сказали бы вы своей жене: «Поезжай в отпуск, отдохни от меня, а я с детьми понянчусь». Я абсолютно убеждена, что не предложите. А почему же себе позволяете расслабляться, почему оправдываете себя? Я бы хотела, чтобы мой муж считал, что он женат на женщине, ближе которой у него нет, чтобы он даже не помышлял о флирте. Ох, эта моя глупая неоцененная приверженность к порядочности! – грустно проехала я в свой адрес и улыбнулась шоферу так называемой контактной, ничего не значащей американской улыбкой – он увидел ее в зеркале. – Ладно уж, не отвечайте. Каждый человек имеет право на личное пространство, которое не рекомендуется нарушать», – помогла я таксисту выйти из щекотливой ситуации без «ярких» эмоций. Он насупился и до конца маршрута больше не сказал ни слова. И куда его обаяние делось!

«У Ани своих приключений мало, вот она и привыкла «питаться» чужими. Сама их выискивает или провоцирует людей на откровенность. Наверное, это сделалось ее потребностью», – подумала Лена.

– Единственное средство от мужской непорядочности, – женский ум, – заявила Жанна.

– А от женской глупости?

– Мужская снисходительность, – влет ответила она Инне.

– Ты с ней знакома?

– Довелось, – не задумываясь отреагировала Жанна.

«Попала-таки птичка в силки Инниной издевки», – мысленно посочувствовала ей Лена и сказала с улыбкой, чтобы отвлечь раздосадованную Жанну:

– Как-то увидела: идет приятный мужчина лет шестидесяти пяти и так хорошо улыбается! Ну совсем как влюбленный юноша. Радостно так, искренне. Лицо сразу помолодело, просветлело. Я порадовалась за него. Часто ли такое встретишь?

– А может, он как тот таксист?

– Испортила Ленину малину, – досадливо отмахнулась от Инны Аня.

– Навстречу ему шла милая немолодая женщина с двумя внучатами, – пояснила Лена и упреждающе выставила руку ладонью вперед.

Заметив этот жест, Инна подумала:

«Фишка в том, что Ленка всю жизнь непоколебимо, упорно и с высоко поднятой головой несет в себе нравственное достоинство. Она, как и Анька, до сих пор краснеет и чувствует себя неловко, когда слышит пошлый анекдот или обнаженные подробности чьей-то личной жизни. Наверняка ее

коробит наша болтовня. Ей бы раскрыться. Это многое объяснило бы девчонкам в ее поведении. Так ведь не станет. Не понимаю, с чем связана ее недоступность? Привычка скрывать свои сильные чувства, погружаясь в свой собственный мир, где ей особенно никто не нужен? Ее манера сберечь их в себе, чтобы когда-нибудь выплеснуть на бумагу так, чтобы всю душу свою на палитру? Собственно, каждая из нас – вещь в себе».

– Я вдруг вспомнила, как иногда, бывало, проснусь утром, лежу и улыбаюсь без причины. И так мне хорошо! – искренне и тепло сказала Жанна. – Я думаю, это и есть счастье.

– Со мною подобное часто случалось в студенческие годы, – мечтательно вздохнула Аня. – Студенты и преподаватели с такой любовью и заботой ко мне относились! То был мир прекрасных добрых людей. Я тогда возродилась к жизни.

– То была молодость и предвкушение счастья, – сказала Инна.

– Мне Эмма рассказывала, что любит улыбки пожилых людей, с обожанием и нежностью смотрит на старичков, которые вместе ходят в магазин, поддерживая друг друга. Ей кажется, что они всю жизнь дружно прожили. Она по-доброму им завидует и мечтает, чтобы таких пар вокруг было как можно больше.

– Впадает в иллюзию, в идеализм, – не замедлила жестко отозваться Инна. – Сейчас у этих старичков время, когда не

хочется хотеть чего-то хотеть, а где гарантия, что они в молодые годы не изменяли друг другу?

– Твои слова отвратительны! – вспыхнула Аня.

– Я доверяю только инстинктам, – с серьезным лицом пошутила Инна.

– Я недавно ходила на концерт. Дети выступали. Вы бы видели лица пожилых людей в зале, подхватывающих пионерские и спортивные песни из своего детства. Сколько в них было ребяческого задора и счастья! Глаза сияли, морщинки разглаживались. В их позах и движениях было столько желания активно жить и радоваться! Я любовалась ими, – сказала Жанна.

– Существует ли целесообразность зла? Как можно ему поддаться? Допустим, страх может чуть ли не из любого человека сделать животное. Например, в концлагерях. Там с человека слетал тонкий слой гуманности и культуры, и он становился зверем, нелюдь. И все же человеку почему-то трудно убить человека. Он боится наказания? – спросила Аня.

– Ада в душе боится. Человек отличается от животного тем, что примеряет чужую боль на себя, и она вызывает в нем сострадание. А доброта заключается в том, что один человек пытается облегчить страдания другому, – ответила Жанна.

– А Федору нравится издеваться, и вместо сострадания у него насмешки. Значит, он хуже зверя, – сделала неожидан-

ный вывод Аня. – И что это мы все на бедных животных ва-лим? Человек может выбирать между добром и злом, а звери – нет. «Они живут в раю», не зная ни зла, ни добра. «Они не убивают, они едят». Это люди сознательно мучают и губят друг друга.

– У Природы все под неусыпным надзором, – сказала Жанна.

– Кроме человека. Задавать себе вопрос: убить – не убить – уже заблуждение, а может, даже грех. К этому надо прийти... И это уже жутко. Выбор – трудное дело, а иногда и страшное. Страх делает людей жалкими и мерзкими... Мой сосед в молодые годы «стучал». Не знаю, по убеждению или из страха за сына. Я его ненавидела. Нам повезло не делать этот выбор. Но никто не знает заранее, как он поведет себя под пытками. А одна моя знакомая старушка в войну в немецком штабе секретарем целый год работала. На иностранной машинке печатала, не зная языка. Как я могла ее обвинять? Я пыталась ее понять. У нее было четверо маленьких детей и еще двое племянников. И партизан рядом не было, чтобы помочь ей. Наши поезда она не взрывала, никаких злодеяний не совершала, а ее после войны преследовали, пытались расправиться, мол, заискивала, продукты на детей выпрашивала. А мне в голову приходила дурацкая мысль: «Что же вы, мужчины, герои, допустили...» Я, конечно, понимала, что не права. Я знала, что эта женщина тоже обязана была бороться, но жалела маленькую, худенькую тётень-

ку и ее неприкаянных, дразнимых, презираемых ребятишек. Может, потому что сама была незащищенным подростком? Я думала: «Как бы я поступила на ее месте? Позволила бы немцам растерзать своих и чужих детей? Ведь нет же. Схитрила бы, но не допустила. В концлагерях люди тоже не по желанию работали на немцев. И ее заставили. Возможно, попади она в другую ситуацию – допустим, ей было у кого-то на время спрятать детей, – эта тетя стала бы героем войны, орденосцем».

Аня замолчала и вся как-то съежилась под давлением до сих пор неразрешенных вопросов.

«Воробышек, в каждом твоём рассказе обязательно присутствует нотка печали», – подумала Лена.

– ...Почему религия внушает нам, буквально «втирает» в мозги, что рай где-то там... Рай на земле. Он в душах людей. Если бы каждый хотел строить хорошую жизнь в своей семье, в своей стране! А то некоторые гребут только под себя... Не хочется верить, что общество в принципе не может быть справедливым... Попробуй выступить против начальника. И чем это закончится? А если скажешь ему правду, да еще и прилюдно, так перекроет кислород на всю оставшуюся жизнь, куда бы ни уехала. Хоть убейте, не хочу я с этим соглашаться! Права была Ахматова, когда писала, поняв, как гадко живут люди: «...И сквозь тлетворный срам не сметь поднять глаза к высоким небесам». Тоже, наверное, мечтала

о возвышении человеческой личности. Культура оберегает человека от падения? – вопросом закончила свое бестолковое «выступление» Аня.

– Знать истину – не значит жить по ней. Знания аккумулируются, а этика нет. Натура человека с веками не улучшается, не развивается по спирали. Каждое поколение как бы с нуля обзаводится нравственными нормами. Его обучать приходится. А вот какие эти учителя, зависит от многих причин... Нравственные ценности у нас с Западной Европой вроде бы почти одни и те же, да интересы разные. И себестоимость этих ценностей повсеместно не одинаковая, – усмехнулась Инна.

– Русских отличает идеализм, милосердие, высокая степень духовности, коллективизм... – начала перечислять Жанна.

– Ха, коллективизм! Чтобы за чужую спину прятаться? – съязвила Инна.

– Не утрируй, – одернула ее Аня. – Что же растлевает людей? Деньги? Лень? Глупость? Думаешь, религия удерживает человека от совершения зла? Она веками проповедовала любовь и уважение к ближнему. Так почему же не получалось?.. Значит, не бывать раю на земле, потому что не изменить суть человека?

– Но уменьшить количества зла в обществе путем воспитания и обучения можно, – заметила Лена.

– Но воспитывают в разных странах неодинаково.

– Кто спорит. Но религия утверждает, что обещание лучшего мира (бессмертия?) и есть двигатель прогресса... Не по-ни-маю. И там все притянуто за уши? – спросила Аня.

Жанна ответила:

– Религия стоит на постулате: Бог есть. Он – абсолют. И все. В него либо веришь, либо нет. И во всё остальное, с ним связанное. В основе математики тоже лежат постулаты, и мы им безоговорочно верим. Сплав образованности и духовности дает положительный результат.

– Наука выступает против религии. Духовность и религиозность не одно и то же... Душевное общение бывает между людьми, а духовное с тем, кого не видишь?.. С Богом?.. Что-то я совсем запуталась. Ум за разум заходит от размышлений. – Аня недовольно разлохматила свой упрямый вихор.

– Если не лезть куда не надо, то и выпутываться не придется, – засмеялась Инна.

– По-моему, вера объединяет людей, потому что Бог один, а религии разъединяют, потому что люди по-разному Его трактуют. Отсюда непонимание, вражда, религиозное оправдание войн.

– Соображаешь. А так и не скажешь. – Инна изобразила на лице недоумение и удивление.

Аня не обиделась, поняла, что Инна таким оригинальным образом выразила ей свое одобрение.

– Я впервые задумалась о душе в детстве, когда прочитала о том, что Господь забрал к себе сына. Покинула землю не

оболочка, а его душа. «Хорошие люди также уходят в небо. И когда я умру, моя любовь не пропадет, она тоже со мной вместе уйдет в небо», – решила я. – А теперь высказываются предположения, что сознание – свойство Вселенной. Оно как компьютерная программа, в которой все обо всех наперед прописано. Там есть текст жизни каждого. Наш мозг накапливает информацию...

Это Жанна начала осторожно делиться сокровенным, а Инна ее прервала:

– Там, наверху, у Бога и Сына двоевластие? А почему Святой Дух отдельно от них? Если Бог бессмертен, зачем ему сын, да еще внебрачный? Мне кажется церковники сами не знают, что собой представляет Бог, и подсунули нам Христа. Одни вопросы без ответов. Лучше не погружаться в пучину религиозных догм.

– Сбавь обороты. Несешь невежественный бред.

– Я... невежественный? А ты... пытаешься найти в религии опору своей бунтующей душе или натуре...

– Оставим истинность этих слов на совести говорящего, – елеяно-насмешливым голосом произнесла Жанна, ускользая от спора.

Лена взглядом попросила подругу отказаться от диспута. И Жанна закончила разговор избитой бессильной фразой:

– Один глупец может задать столько вопросов, что и тысяча умников не ответит.

Она это очень тихо пробурчала, и ее слова не достигли

ушей раздосадованной Инны.

«У меня было неторопливое детство. Я еще застала голод, натуральную природу, керогаз, свечи в запас, галоши... но такой глупости, как религия, в нем не было», – неодобрительно подумала Инна и, непонятно против чего и кого протестуя, накрыла голову подушкой.

Инна добавила огоньку в разговор Ани и Жанны:

– Мне «Крейцера соната» Льва Толстого вдруг вспомнилась. Из благородных был, интеллеktуал, а убил.

– Интеллеktуал, но не интеллигент. Злой, эгоистичный, мнительный к тому же. Копался только в своих чувствах, а проблемы жены его не интересовали. Она от него ждала внимания, ласки, а он был грубый, невоздержанный. Псих, – отреагировала Жанна. – Дети ему были не нужны. Они бесили его. Он сам не знал, что ему надо. То хотел от жены избавиться, то ревновал ее, подозревал во всех смертных грехах, фантазировал, наворачивал... Не понимал и не хотел понимать, что ее истерики – следствие его раздражительного характера. Убил... и не раскаялся. Утверждаю с полной уверенностью, что она на такое никогда бы не решилась. Только защищая своего ребенка, женщина готова на всё. Главное – спасти, остальное в этот момент для нее уже не имеет ни малейшего значения. А в нем говорил зверь. Вообразил себя высшей силой, имеющей право карать другого... за свои же слабости! Как же он похож в этом на некоторых знакомых

мне мужчин!

– А соната Бетховена? Она сопровождала самый жуткий момент в повести и как бы подкрепляла чьи-то слова: «Крейцера соната» – музыка чрезвычайных обстоятельств. Она может вдохновить на что угодно. Она – катализатор действия», – сказала Инна.

– Происшедшее – не проклятье музыки, а проклятье жестокого человека, дьявольски страшно воспринимающего великое произведение! Муж убил, потому что не смог смириться с тем, что жена выше его, талантливее. Она чувствовала на себе дыхание, прикосновение гения Бетховена. Помнишь, как она играла со знаменитым скрипачом? Ее муж на миг ощутил и осознал свое ничтожество и всё... Апофеоз насилия нельзя связывать с Бетховеном. Он в самом человеке-звере, – горячо возразила Аня. – А помните «Лунную сонату»? Траурная мелодия. Она будто хоронит любовь. Я так ее воспринимаю.

– Чьи это слова: «Сонаты кандалы... по площади повлек Бетховен». Мандельштама? Нет. Как же его... склероз, черт возьми... Бродского? Нет. Память теперь ненадежная штука. Пастернака!

Лена ворочается и тихонько постанывает. Инна шепчет ей на ухо: «Расслабься, получи удовольствие от нашей болтовни. Прояви милосердие... к самой себе».

– Милосердие, всепрощение, – бормочет Лена и устало склоняет голову мимо подушки.

Жанна с Аней отдельно секретничают. А Инна всё об Эмме продолжает сетовать:

– ...И вдруг оказалась ни на что не годна, кроме как слезы лить. Смотреть на ее жалкое оцепенение было больно. Для таких, как она, не знать об изменах лучше, чем знать.

– Никому бы не знать, – тихо сказала, как выдохнула, Аня.

– Лучше бы молчал, чем врал.

– Молчание – тоже форма лжи.

– Инна, почему ты назвала Эмму слабой и жалкой? Я не согласна с тобой. Только сильная неповторимая личность по своей воле может отречься от своего «я» и полностью раствориться в любимом или в детях, – твердо выразила свое мнение Жанна. (*Себя подразумевает?*)

– ... Еще одна странность: Федор азартно клеймит других за то, что сам с удовольствием себе позволяет. Я слышала, как он зятя клял, да так искренне! Но он же не лучше его, даже напротив. Адресовать упреки, самому не следуя нормам порядочности? Будучи сам... скотом, он не имел на это морального права, – возмутилась Аня. – Он совершенно не задумывается над своим поведением, совершая массу абсурдного по отношению к людям. Но что интересно: если несправедливо, как ему кажется, поругают его самого, тут он на высоте: умный, строгий и даже гневно-беспощадный в оценке его критикующих. Никому не спустит обиды. И это касается всех областей его жизни. Это свойство всех мужчин или

только «избранных»? – Аня обратила свой вопрос к Жанне.
– Выдумываешь на ходу или где прочитала? – отмахнулась та.

– Я о двойных стандартах в поведении наших мужчин хотела поговорить, – снедаемая раздражением промямлила Аня, чувствуя, что то, что волнует ее, не задевает других.

– ...Эмма слишком правильная, а с отличниками скучно, – сказала в пространство Инна, и тем самым перевела разговор в иную плоскость.

– Лодырям скучно. Изменяют те, у кого нет других интересов и забот, кроме работы, – возразила Аня. – Мужчины, как правило, лентяят больше женщин. Если есть малейшая возможность филонить, они будут филонить. Отсюда все последствия. А нам в любом случае некогда скучать. Только ни у мужчин, ни у женщин нет права изменять, – категорично высказалась Аня.

– Права?... Ха!

Аня захлопала глазами и нахмурилась то ли от обиды, что ее не так поняли, то ли попыталась вникнуть в логику Иннинных выводов... Потом спросила, ни к кому не обращаясь:

– Если пораскинуть мозгами, стоил ли Эммин муж – этот чертов стрекозел, петух оципаный – ее слез?

«Для ответа на этот вопрос достаточно одного молчаливого отрицательного кивка головы, а они, наверное, сейчас разведут канитель», – вздохнула Лена.

– Петух – глупое, но по-своему социальное животное. Он

умеет блюсти и отстаивать свои интересы, никогда не теряется, – рассмеялась Инна, с обычной насмешливой непримиримостью взглянув на Аню. – Моя соседка в деревне страшно обижалась, что ее куры бегали в мой двор до нашего пехуа.

Аня на этот раз не растерялась, не смешалась и не дала повода неверно истолковать ход своих мыслей. Она тигрицей набросилась на Инну:

– Общаясь с Федором, Эмма теряла свою жизненную пульсацию! А тебе всё хаханьки. Ты никогда не сходила с ума от любви?

– Не встретился такой, чтобы свел, – невесело призналась та.

– А может, подлинная причина в другом? Ты просто не способна терять голову от любви. Или погорела... перегорела. В чем завязка композиции твоей жизни?

– Ну, уж не в любви к такому, как Федька.

– Кому что требуется... – усмехнулась Жанна.

– Это уж точно. «В каждой избушке свои погремушки», – бойко отреагировала Аня и была вознаграждена добрым смехом подруг. Но это был не тот смех, который Лена слышала от них в семнадцать лет. В нем было много такого, что своими отзвуками лишь оттеняло прежнюю беззаботность и искренность. В нем присутствовала беззащитная грусть и усталость возраста.

Веки Лены склеились и уже не подчинялись ее воле. Она и

не пыталась их разлепить, надеясь хоть немного вздремнуть.

– ...Я хотела бы своим подопечным девочкам мужей, которые восхищались бы ими, радовались за них, чтобы своей порядочностью вселяли уверенность, что любят и не оставят семью. Это внесло бы в их отношения покой и искреннюю радость. Как говорила Эмма: чтобы были «в доме и в душе покой и тишина». Им так хочется быть банально защищенными! И чтобы мужчины понимали, а не утверждались за их счет... – размечталась Аня. – Это вопрос культуры?

– Не жди, чтобы мужчина занялся повышением самооценки женщины. Скорее наоборот: станет принижать, считать, что раз женился, этим уже достаточно ее поднял, – рассмеялась Инна.

– Сколько у женщин причин для разводов! Неуживчивый, влюбчивый, пьющий, жестокий... – вздохнула Аня.

– У нас тоже хватает недостатков, – сонным голосом заметила Лена.

– Намного меньше.

– Инна, почему ты второй раз замуж пошла? Говорят, первый был красавец. Я много лет замужем за Колей и хочу быть с ним до конца наших дней. До сих пор сердце замирает, как подумаю, что его могло бы не быть рядом. Нам вместе комфортно. Мы принимаем друг друга со всеми недостатками. С годами наша любовь набирает силу. Я сейчас его люблю сильнее, чем тогда, когда мы только поженились. Мы удачно

нашли друг друга. Он моя половинка.

– Он стал тебе ближе?

– Многократно ближе.

Инна изучающе посмотрела на Жанну и ответила вполне серьезно:

– Замуж пошла, во-первых, потому что естественное, органичное состояние – быть вдвоем. Во-вторых, хотела освободиться от прошлого. Устала я от первого брака. Надеялась со вторым мужем заново научиться радоваться жизни. Думала, отогреемся друг возле друга после душевных травм. Мечтала, что новая любовь окажется совсем другого качества и мы станем нерасторжимым целым.

– Добавь: помчалась навстречу новым приключениям, – легонько уколола Жанна Инну.

– На фиг мне все эти приключения, если бы я имела нормального мужа! А если бы твой Коля влюбился, ты расстроилась бы или была по-христиански рада за него? Ведь он бы чувствовал себя счастливым, а любящая жена должна радоваться счастьем мужа. Правда же? – Инна скроила глупо-наивную рожицу.

Жанна побледнела то ли от обиды, то ли от злости. Даже ее яркие глаза будто выцвели. Но только одна мысль посетила ее в эту минуту: «Опять передергивает, чертовка, впиалась в горло, как вампир».

– Если бы Жанна тоже в другого влюбилась, то радовалась бы, потому что понимала бы мужа. И они развелись бы и

заново переженились, – за Жанну бесхитростно разрешила проблему Аня.

– И жили бы они долго и счастливо, – как на великую глупость огрызнулась Инна.

– Кому муж нужен для статуса, кому для кайфа, – сказала Аня, не обратив внимания на реплику Инны. – Ты развелась бы с мужчиной, если бы он гулял, но в постели тебя устраивал?

– Не досталось мне мужа ни для души, ни для тела. Так... одни отбросы.

– Любовь и здравомыслие сочетаются? – опять подала из-под одеяла голос Аня.

– Теоретически – да. Только ни обнаружила я в своих мужьях ни того, ни другого. Одна похоть, да и та... Еще дурь... Будучи замужем, я умные слова Толстого часто вспоминала, те которые он написал после посещения «девушки легкого поведения»: «Наслаждения мало, а раскаяния много». Я невезучая. В реальной жизни за любовь получала не награды, а расплаты, – усмехнулась Инна. – И все же есть настоящие мужчины! Не перевелись, оказывается! Прошлым летом это случилось. А дело было так. Иду я, сама себе улыбаюсь, потому что погода прекрасная, настроение соответствующее. Навстречу мне мужчина приятной наружности, представительный такой. Лицо умное, усталое. Взглянул на меня и вдруг произнес, поравнявшись со мной: «Доброго здо-

ровья. Светлая вы женщина!» Я смутилась, поблагодарила. Господи! Впервые в жизни мужчина понял меня, с одного взгляда оценил мою истинную душу. Этот милый человек продолжил свой путь, а я все смотрела и смотрела ему вслед, пока он совсем не скрылся из виду. Мне было так хорошо!

– А потом, дома, небось, ревела, – не спросила, утвердительно сказала Аня.

– ...А Федька, не будь дураком, с небывалым рвением, не больно-то с Эммой церемонясь, как с цепи сорвавшись, раздаривал свое внимание направо и налево. Торопился познать запретную нежность и вулканическую страсть разведенков и обиженных невниманием мужей престарелых и перезрелых матрон. Конфузов и позорных случаев не запоминал. Признать удар по самолюбию? Никогда! Одни победы и сомнения в голове! Аня, вспомни Любу, Алису, Татьяну, Веру...

«Это уже сплетни в чистом виде», – внутренне передернуло от брезгливости Лену. Она жестко сжала плечо подруги.

– Пристегни сюда еще стерв Анастасию и Наталью... и дальше по списку... – неожиданно цинично и презрительно включилась в перечисление и подсчет любовниц Федора Аня. Видно, «завела и раскрутила» ее Инна. – По мне так они все подлые дряни. Такого добра у него через край. Да-а, широк диапазон его предпочтений... Никогда не понимала предпочтений в его выборе. Искать логику в поведении Фе-

дора бессмысленно.

– Бесплезно, – поправила себя Аня и, смущенно замаявшись, добавила:

– Похоже, хождение «налево» – заболевание хроническое. И свою вину Федор ощущал не более чем кратковременный импульс раздражения.

– Что тут возразишь... Приписывал победы своей мужской неотразимости, – даваясь от едва сдерживаемого смеха, сказала Инна. – Создал себе гадкую историю и гордо живет под ее флагом. Самец, черт его побери!

– И как ему тестостерона хватает?

– Тоже мне светило в интимной области! Я кое о чем слышана... Тот еще любовничек! И что кажется мне совершенно невероятным – верит в свои возможности! И после неудач снова пускается в очередную авантюру.

Лена демонстративно накрыла голову подушкой.

– Бросать такие обвинения?.. – осторожно заметила Жанна.

– Из первых рук получала информацию. Мол, пробуксовывает, не тянет... и вообще...

– Ты больше слушай.

– Так не одна же и не раз.

– Так ведь уже возраст... Жаль, что ты с ним сама не пересекалась, – съязвила Жанна.

– Может, это больше по твоей части? – не уступила ей в грубости Инна.

Жанна, конечно же, игнорировала обвинение. Иначе оно грозило бы ей спором, который она боялась не выиграть.

– А Федьке-то что переживать: свое получил и ладно, к тому же «сыт, пьян и нос в табаке». И в советах как жить не нуждается. А что женщина недовольна... так это ее проблемы. У нас на деревне говорят: живет припеваючи, как кум королю, брат визирю. Неужели у этих женщин при встрече с ним вспыхивала давно уснувшая страсть? Они воображали, что он рожден нести им радость? Но ни яркой праздности, ни тихой добродетели не находили. Так, если только после бутылки... От тоски... – скривилась Инна.

– Какое бесстыдство! – с горячностью возмутилась Аня и от нахлынувшей гадливости сморщилась, одновременно вздрогнув всем своим сухоньким телом. – Есть вещи, на которые я никогда не смогла бы пойти... Бесчувственная дрянь! Пришел, распробовал, ушел. А эти женщины верят, на что-то надеются, планы строят. Ничья боль его не волнует. «Мне сейчас хорошо, и баста». А что потом? К другой с распростертыми объятьями за пикантным сюжетом? Мне этих обманутых женщин тоже жалко. Что им остается? «Боль поражений и обид» и черный стыд? Он же и их с грязью смешивал. А Эмму еще больше жалко.

– Положим, не тебе о ней судить, – неожиданно грубо огрызнулась Инна. *(Не простила тихоне своей откровенности или ее чувствительного укола?)*

– Эмме во сто крат хуже. Ей приходится думать, как в се-

бе сохранить человеческое в нечеловеческих условиях своей семьи, – более спокойно закончила свою мысль Аня.

– Муки совести Федьке не знакомы. Эмма одна вытягивала их брак, а он только шипел на нее. Заведется по ничтожному поводу, распахнется, вдрызг рассорится с женой, – и доволен собой. А у нее все внутри вибрирует от обиды. Я говорила ей: меньше верь посулам, смотри на его деловые качества. Так ведь любовь... О эта тупая непоколебимая вера в порядочность мужей! *(Сколько можно мусолить одно и то же!)* Слов приличных не подберу для описания этой глупости. Пик их романтических отношений давно пройден. Эмма думала, всю жизнь будет жить как у Христа за пазухой, в любви и радости. А он ей подсуропил, подло разрушил ее мечты своим паскудным талантом ловеласа, – опять начала «слетать с рельсов» Инна. – Эмма откровенничала со мной: «Как случилась, что вроде бы не злой, достаточно тихий человек превратился в демона, по сути дела, в губителя своей семьи? Когда, в какой момент он ощутил в себе происшедшую с ним трансформацию, вдруг наполнившую его ощущением своей значимости как избыточно сексуального мужчины, твердо уверовавшего в свою совратительную способность? У него изменилась мимика лица, в голосе и в осанке появилась уверенность. Что сделало его таким?»

«Или кто. На твою беду учительница ему попалась талантливая. Мне кажется, именно у неуверенных людей возникают всякие отклонения, стремление утвердиться разными

гадкими и подлыми способами», – сказала я. Но Эмма не вникла в мою подсказку.

– ... Что есть Федор в семье, что нет его – одно и то же! – зло, как разъяренная кошка, фыркнула Жанна.

– Нет, в пролете Эмма. Смысла нет укладывать Федора в брачное прокрустово ложе. Оно ему мало. Он и сам утверждал, что не сторонник принуждения и самоконтроля за своими чувствами. Гнать таких мужей надо из семьи не задумываясь, – подвела черту под своими рассуждениями Инна.

«Если продолжают в том же духе, я не выдержу и возникну с критикой», – огорченно подумала Лена.

– Пока жених, мужчина – сокол, а как муж – так или глупый воробей, или злобный ястреб, – сказала Аня.

– Или орел, – дополнила Жанна.

– Нет. Орел – символ мощи и совершенства, – вздохнула Аня. – Орел – мечта...

– Возрадуйся, отроковица! Грех унывать и печалиться, – рассмеялась Инна.

– ... Федор, помимо всего прочего, считал, что жена ограничивает его свободу и потому только заслуживает наказания.

– Самое то! – поддержала Аню Жанна. – Хочешь быть свободным – уходи, а если остаешься, будь достоин любви и доверия. Какой-то знаменитый американский режиссер сказал, что отец, не обремененный проблемами семьи и не занима-

ющийся воспитанием своих детей, никогда не станет настоящим мужчиной.

– Вряд ли он был услышан мужчинами, подобными Федьке. Им такие постулаты не воспринять. Фразами великих людей их не проймешь. У них другое понимание сути мужчины. Такого рода понятия с юных лет родители в головки детей закладывают своим примером, – сказала Инна.

– Как ни крути, счастье детей зависит не от наличия семьи, а от ее качества. Может, хоть иногда все-таки заходило сердце Федора от гордости за успехи детей? – с надеждой спросила Жанна.

– Глух ко всему, что не касалось его лично. Все события в семье проходили сквозь него, как свет сквозь чистое стекло. А Эмма без пафоса занималась детьми – просто ответственно выполняла свое дело, – ответила Аня.

– Может, Федор хотел видеть свою квартиру красивой?

– И это его не трогало. Жадничал. Нищее детство тому виной?

– Ничем его не зацепить, не увлечь. При его безразличии ко всему и «нос утереть» ему нечем, и спровоцировать на «великие» дела невозможно. Такой тип и правда до могилы доведет своими фокусами и ни о чем не пожалеет, – вздохнула Жанна. – Что хорошего для детей в том, что не развелась Эмма? Я слышала, их дочь поторопилась замуж выскочить, только бы не жить в гнетущей обстановке родного дома. Сыновья, наоборот, долго не женились. У всех детей неуверен-

ность в возможности семейного счастья. Всеми троими в их семьях командуют.

– Неправда! Дети у Эммы прекрасные, потому что не оскудела ее любовь к ним в связи с утратой любви Федора, даже наоборот. И Эмма говорила: «Дети – оправдание всей моей жизни», – горячо возразила Инна.

– От матери они не переняли невезения? – продолжила интересоваться Жанна. – Боюсь, как бы не повторили ее участи. Синдром недостаточности счастья передается по наследству и от поколения к поколению усиливается. Находясь в пространстве несчастливых, невольно пропитываешься их духом, их судьбами.

– Дурной пример заразителен. Ой, у меня разум мутится, – фыркнула Инна. – Хороший пример тоже, – уже мягче добавила она.

«Инна обладает даром быть неприятной», – с раздражением подумала Жанна.

– Пожизненное бремя материнства... – непонятно в связи с чем задумчиво произнесла Жанна, будто что-то в уме прикидывая. Потом спросила у Инны:

– Как ты думаешь, ген удачи и везения в человеке тоже имеется? Гормон счастья вырабатывается организмом или в основном заложен изначально? У меня две внучатые племянницы. Одна, которая неудачница, родилась с опущенными вниз уголками губ, а вторая, несмотря на то, что у неё с мужем нет детей, – счастливая, с оптимистичной формой

рта на свет появилась. Вот и не верь после этого в предопределение.

Но ответила ей Аня.

– Опять фатализм. Уголки губ указывали на качество характера, переданного родителями. Что же теперь ей, не бороться? В случайности заложено богатство возможностей. Мне эта теория больше импонирует. Как ты думаешь, если бы Эмма развелась, когда дети были маленькими, они переживали бы больше?

– Как сказать... – пожала плечами Жанна.

– Да вот так! Эмма достойна всяческой похвалы, – упрямо сказала Аня. – Композитор Пуччини поднимал на пьедестал женщину, идущую ради любви на любые жертвы.

– Мужчинам это выгодно. А сами они способны на это во имя женщины или хотя бы детей?

– Я знаю таких. Удивительно чистые натуры. А жены – может, конечно, я не права – вовсе их не стоят, – ответила Аня на вопрос Инны.

– Ревнуешь?

– Нет. Сочувствую.

19

– Обычная ежедневная круговерть домашних дел на самом деле часто оказывается мужчинам не по силам, – заметила Жанна.

– У них бытовой кретинизм или обыкновенная лень? – спросила Аня.

– К чему с детства приучишь, такими и будут они в своих семьях. Женам редко удается перевоспитать мужей, – твердо сказала Лена.

– Все равно мужчины стараются увильнуть.

– Я тоже не против, – рассмеялась Инна.

– В мире многое поменялось, а детей до сих пор по старинке воспитывают: девочки маме помогают, а мальчики по улицам шатаются. Плохие отцы этому способствуют. А мой Коля занимался с детьми. В стародавние времена мужчины знали, что «цена добродетельной жены выше жемчугов». Я о хороших мужьях тоже самое могу сказать. Библия всех просвещала. А современные мужья не ознакомлены с этим религиозным постулатом, и вот вам результат, – высказала свое категоричное мнение Жанна.

Лена усмехнулась, представив своих знакомых по работе мужчин за чтением Библии.

Ане и Жанне никак не спалось. Они опять придвинулись друг к дружке.

– ...Эмма признавала закон: через две, пусть даже случайные, точки можно провести только одну прямую, а Федька проводил их бесчисленное множество, потому что «рисовал» их лишь через одну точку – через себя.

– Теоремы из аналитической геометрии или строки из

семейного «кодекса строителя коммунизма» цитируешь? – слабо донеслось до Лены.

– ... Не любил Федор этих женщин. Он уступал своей голлой чувственности и самовлюбленности. Этим определялось его поведение. Он принадлежал всем и никому, – предположила Аня.

– Себе лишь принадлежал.

– Не понимаю, как можно, обманывая и обнадеживая, присваивать себе жизнь и судьбы других женщин, почти ничего не давая им взамен?

– Для мужчин такое поведение в порядке вещей. Они считают, что облагодетельствовали женщин уже тем, что были с ними какое-то время. А стоило ли оно того? Что это самое их общение представляет для женщин, их не волнует, мол, знала, на что шла. Пусть не будет дурой и не верит словам.

– Расскажу о дочери своей подруги. Парню было плохо, он хотел отвлечься, позабыться. Увлёк девушку, говорил ей грустные слова любви, очевидно, представляя перед собой покинувшую его возлюбленную. Девушка ему поверила, пожалела, приласкала. Через год он успокоился, и она ему стала больше не нужна. А ей травма на всю жизнь.

– Есть незыблемое правило: нельзя до свадьбы позволять ни из жалости, ни по любви, тогда и проблем не будет, – строго отчеканила Жанна. – Легкость первообладания девушкой деформирует психику даже самых стеснительных и боязливых парней.

Лена на некоторое время отвлеклась от беседы подруг и услышала только последние слова Ани:

– ...Кому-то в жизни важней всего семья, кому-то друзья и деньги, а кому-то он сам.

В голосе Ани звучала неподдельная боль.

Инна шепчет Жанне:

– ...«Муж – мой вечный ад... Сколько мерзости вокруг! Но как покинуть этот свет, когда дети на мне...» – словно приговоренная жаловалась мне Эмма.

Я испугалась. Всё для нее будто сошлось в одной точке. Она как бы подводила черту под крахом всех своих надежд. И я ей отвечала: «Береги, люби себя. Ты же красавица, редкое чудо. Посмотри на себя: нежная, женственная, тонкая, чувствительная. Мечта любого мужчины. Но именно таких выкашивают болезни». Я не преминула пустить в ход эти ободряющие аргументы. Мои комплименты ей были как никогда искренни. А она отмахнулась. Проблемы сверлили ей мозг.

«Растрогана собственным благородством? Много ли Инна «наскребет» подобных моментов за всю свою жизнь?» – недоверчиво подумала Жанна.

«У Лены, наверное, тоже много чего было в жизни, но она никому не доверяет своих секретов и не передоверяет чужих. Скала. Но ведь видела я ее один раз с Инной в уединенном месте парка. Тогда мы еще студентками были. Между ни-

ми происходил трогательный, но очень грустный разговор, состоящий, как мне показалось, из напряженных тупиковых моментов. Я тогда смутилась от неловкой ситуации непроизвольного подсматривания и убежала, унося с собой вопрос: «Почему именно Инна? Даже Лена! – мысленно отвлеклась от Эмминых проблем Аня. – Почему кто с осторожной правдивостью, кто в открытую, вываливали на Инну свои секреты измученные нервной перегрузкой невезучие влюбленные девчонки?»

– Жить с обидами – это как навечно оставаться с незаживающими кровоточащими ранами. Как Эмме навсегда расстаться с ними? Отбросить подальше и воспринимать как незначительные, второстепенные? Быть выше всего этого... житейского хлама? – спросила Аня.

– Намылить мужу шею, – рассмеялась Инна.

– Так просто? И сразу почувствует себя свободной? Шутись. Да, затянули в омут, утопили Эмму зыбучие пески несбывшихся желаний.

– Секрет долгой семейной жизни – не оскорблять друг друга, потому что после некоторых слов возврата к прежнему уже быть не может. Грубые слова нельзя произносить, если даже они есть в голове и готовы сорваться с языка, – задумчиво произнесла Жанна. – Конфликтующие стороны обязаны находиться в рамках.

– Но их постоянно нарушают, – заметила Аня. – Эмма, с ее тонким чутьем, никогда не переходила грань, отделя-

ющую шутку от злой иронии, наносящей обиду, а Федор не понимал этого, был грубо-ироничным, невероятно упрямым, неумолимым, и нравился себе таким. Герой! Представляешь, считал, что в нем при этом проявляется что-то генетическое, исконно национальное. Нет чтобы выбросить из себя всю нечисть... Ведь не только женщина должна искать консенсус. И решительность нужна не только в том, чтобы что-то отрубить, но и в том, чтобы «пришить» по ошибке отрезанное. У него в семье не было традиции душевных разговоров друг с другом, а ведь подобное общение – большое счастье.

– Одних обиды приучают к терпению, в других порождают зло и грубость, – вздохнула Жанна. – К грубости нельзя привыкнуть. Нет, я, конечно, понимаю, Федор – мужчина, и, в отличие от Эммы, запоминает прежде всего грубые и пошлые шутки. Но интеллигентный человек не станет употреблять их при женщине. В семье супруги должны не только позволять друг другу становиться лучше, но и поощрять это стремление.

– Теория, недоступная Федору. – отреагировала Инна.

– Гершвин как-то заявил, что жизнь похожа на джаз. И лучшее, что нам остается – это импровизировать. Вот каждый и сочиняет свою пьесу жизни, как умеет, – сказала Жанна.

– Все хотят счастья. Так зачем же своими руками его разрушать? – хмуро вздохнула Аня.

– Многие личного счастья хотят, а не совместного.

Вон мой второй зять скор на обещания, а как до дела, так его нет. И еще злится, что я проявляю нетерпимость. Куда только направлены его помыслы?

– Вот ты и ответила. Легко хотят жить, да еще и своё самолюбие тешить. – Инна хитро подмигнула Жанне, мол, понимай мои слова как хочешь.

– У женщин тоже бывают глаза не дай бог какие завидущие, и душа сумасбродная, и сердце неверное, – сказала Жанна.

– Но реже.

– Это уж точно.

– Но секс – функция парная. Должно быть тех и других поровну, – подметила Аня.

– Я вспомнила характерный пример. В нашей деревне была одна женщина явно «свободного» поведения, а вот сколько мужчин ее посещало, никто не считал, – сурово объяснила Инна.

– Горькое терпеливое молчаливое презрение у Эммы к Федору непобедимо. Наверное, не раз перед ее глазами возникали сцены собственной гибели. В древней Греции в безвыходной ситуации самоубийство считалось мужественным шагом, сохраняющим честь и достоинство, – сказала Аня. – А у нас оно противно христианскому учению.

– А детей в детдом? – Это Жанна возникла.

– Возможен другой вариант: Федька гибнет, чтобы он больше никогда не понукал, не помыкал, не измывался, тремор его разрази! – При этих словах глаза Инны стали злые, безжалостные и цепкие. – Сюжет можно слепить из чего угодно. Да хоть в сериалах подсмотреть.

– «Великолепное» режиссерское решение, но не вовлекай нас в авантюру... даже мысленно! – рассердилась Аня и подумала:

«Ревность, страсть, ненависть, выгода, алкоголь – причины преступлений. Нет ничего более мотивированного, чем личный счет. И если есть судьба, то она в человеке, а не во вне... Но месть совершают с холодной головой. Вряд ли Инна способна на такое. Не ее почерк. У нее все на эмоциях. Треплется, как всегда. А как я в юности объясняла свою неспособность к жестокости? «Потому что не зверь я по крови своей».

– Эммин семейный эксперимент был обречен с самого начала. Вавилонская башня их отношений все равно бы рухнула, – сказала Инна, «не услышав» бурной Аниной реакции на свой жестокий экспромт.

– Пизанская башня? – переспросила Аня.

Не всегда умея добраться до смысла Инниных намеков и понять, где она шутит, а где просто дразнит, она помалкивала насчет ее мстительных фантазий.

Инна встретила недоуменный взгляд Лены: «Опять? Не начинай. Может, выйдем... на пару слов?» И отослала свой,

ответный: «Огорошила? Попробую остановиться».

– Оставь непотребные мысли. Не слишком ли много ты на себя берешь? Добиваться справедливости, нарушая закон? А как же взвешенные решения? Ты же не... с придурью. Ты из тех, кто черпает идеи из области подсознательного? Я тоже знаю людей с худшей стороны, но... Мечь – удел слабых. Озлобленный человек жалок, – не осталась в стороне Жанна, всерьез восприняв слова Инны.

– Я не могу делать гадости даже врагу. По-твоему, я мягкотелая?

Жанна не сразу, но ответила Ане:

– Любовь в тебе сильнее ненависти. А вообще-то каждый человек другому не друг и не враг, а учитель. У всех мы чему-то учимся.

Ее слова не возымели на Инну нужного действия.

– Любовь бывает разная. Иногда к ней добавляются такие огнеопасные примеси! Только в критической ситуации себя и познаешь. Собрать бы Эмме в кулак весь гнев и ярость, которые накопились в ней за годы совместной жизни и... Однажды гнев может сам выплеснуться наружу – и тогда такое проявится!.. Я бы подписалась под этим. Меня, конечно, нельзя назвать воплощением доброты... Особенно в мыслях... Но в мужей я бросала сковородками.

– Нетрадиционная трактовка собственного «образа»! Малость передохни и давай бегом вдогонку за своей «очень интересной» идеей. Договаривай, раз уж начала признавать-

ся, – рассмеялась Жанна с затаенной недоброжелательностью.

– Перебьешься.

«Абсурд какой-то, – молча пожала плечами Аня, ничего не понимая. – Жертва и палач в одном лице? Возможно ли? Опять Инка нас заводит? А в Федоре зло сильнее добра. И если бы не трусость... Но он в этом не признается даже себе. В первую очередь себе».

– Спасибо за понимание. Уважила. Я довольна исходом беседы. Думать и делать – не одно и то же.

И ты упускаешь из виду одну немаловажную «мелочь»: Эмма любила Федора, а «любовь – имя всех добродетелей», их основа.

Инна не нашлась, чем ответить Жанне и повернулась к Лене.

– Я не представляю Эмму бесхитростной, безответной, смиренной, – сказала Лена. – Гордая осанка, прямой, открытый, честный взгляд. Может, уверенность у нее только внешняя? Может, и Федор страдает от мучительного раздвоения?

– Откуда быть раздвоенности? Федька не берет в голову чужие проблемы. Своей мягкостью и незащищенностью Эмма потворствовала низменному тщеславию мужа и торжеству всемогущего, уверенного хамства, что, собственно, и сгубило их отношения, – жестко заявила Инна. – Ей надо было унижать его, попрекать в несостоятельности, он бы и притих. А

она щадила его мужское самолюбие.

– Рисуешь образ... дьявола. Вряд ли этот метод помог бы Эмме укрепить семью. Они еще больше отделились бы друг от друга. Да и не смогла бы Эмма с ее интеллигентностью... Опять Эмму обвиняешь? Даже в ее доброте усмотрела причину несчастья их семьи. Муж – скот, а наказываешь жену? Великолепно! Это в русских или в восточных традициях? – рассердилась Жанна.

– Кому служила! – горько вздохнула Аня. – Но ведь не сдавала своих позиций. Как такое можно вынести? Раз на улице увидела Эммин взгляд, полный униженной муки и растерянного недоумения. Я сама себе не поверила. Не рискнула подойти, побоялась, что не ко времени будет мое появление.

– Уверяю тебя, Федька в Эмме, как в женщине не нуждался, потому и не замечал. Его увлекало разнообразие. Ему нравилось быть постоянно влюбленным, хотел, чтобы его завоевывали, звали, восхваляли...

– Не очень повзрослел городской избалованный мальчик. Всё продолжает играть. Для него до сих пор жизнь чуть-чуть «не взаправду», понарошку, – сказала Аня.

«Иногда и помолчать бы невредно. Правда часто делает больно», – грустно подумала Лена. Ее доконали стоны подруг.

– Есть такие мужчины, которых одновременно ненавидишь и обожаешь, презираешь и любишь, – сказала Жанна, как бы для себя, но вместе с тем достаточно громко, чтобы

Инна ее расслышала.

«Жанна не так проста, как себя выставляет. В ней бродят до конца неусмирённые чувства», – подумала Инна и задумчиво произнесла:

– Нельзя всё сводить только к тривиальной морали. Жизнь намного сложнее. Первой детской влюбленностью лучше всего переболеть в школе, но пораньше, пока всё еще происходит на уровне взглядов и вздохов, тогда взрослая любовь станет восприниматься совсем иначе, легче, что ли, потому что мужчины уже не кажутся такими идеальными и притягательными. Вот что такое влюбленность? Это состояние измененного сознания. Высокий накал чувств, ошеломительное ощущение полета, яркость красок... когда розовые мечты мешают разглядеть человека. Желание видеть, общаться перекрывает все мыслимые и немыслимые резоны.

– Своим умом дошла или опять позаимствовала? – это Жанна, прервав Инну, прошептала, как прошипела, чем несколько покорила Лену.

– ...Для таких, как Федор, слово «негодяй» звучит как похвала. И незачем с ними поганить свою жизнь, – категорично заявила Аня. – Тратить жизнь на ненависть неразумно.

– А на обиды? Как я тебя нокаутировала?

– Мне кажется с ненавистью проще справиться, чем с обидой. Ненависть кратковременна, – ответила Аня Инне.

– Кому как. А если она в крови... – подмигнула ей Инна.

– Ты на что намекаешь? Мне вспомнилась фраза, часто произносимая в нашем доме моим дедом Никитой Моисеевичем, когда я была маленькой и у меня еще была семья: «Не надо сопротивляться, надо не сдаваться». Она подразумевала все решать по уму, без насилия и, что бы не случилось, тянуть и тянуть свой воз проблем и забот, – спокойно сказала Аня.

– Если воспитываешься вне родной семьи, на одной генетике родового характера не сформируешь. Нужна среда, культура, религия, в конце концов. Ну что мне тебе рассказывать. Взгляни на свою жизнь.

– Я недостаточно подкована, не знаю тонкостей жизни моих предков, но достоинства по возможности стараюсь не терять. Для меня это основополагающее качество, – отрезала Аня. – Да, я уйду от людей, которые пытаются меня унижить, обхожу острые углы, но если за что берусь, то не сворачиваю с пути. И какие бы мне препятствия ни ставились, доведу дело до конца. Это я в себе уважаю.

Инна не стала возражать.

А Лена, на короткое время очнувшись от полусна, снова начала клевать носом и уже не пыталась понять сути разговора подруг.

– ...Прикипела к бабнику – не отдерешь. А он только кровь ее пил. Кровосос, – раздраженно сказала Инна.

– Может, мозг Эммы так устроен, что сам память на пло-

хое отшибает? – предположила Аня. – Есть люди злопамятные, а есть те, что не очень.

– Это было бы здорово – уметь забывать плохое. Встретила я недавно одну знакомую, которая училась курсом ниже. Она за пять лет учебы ни в одной компании не побывала. Верность своему жениху доказывала. Университет, библиотека, магазин, комната в общежитии – вот и весь маршрут ее перемещений. Она даже в мыслях хранила ему верность! Я завидовала их любви, рисовала в воображении ее принца. А встретив через много лет, конечно, сразу спросила, счастлива ли она в личной жизни? Та глаза в сторону отвела, – нервно и напористо продолжила Инна, негодуя из-за того, что Аня прервала ее, не выслушав до конца. – Он ей без зазрения совести лгал, а она верила. И потом спускала ему... Тоже всё плохое забывала? Такого удовольствия я бы этому паразиту не доставила, посчиталась бы с ним, всё припомнила. Такого бы шороху навела! Я всегда играла на опережение, и наносила удар первой. И знакомой посоветовала так вести себя. Видела их вместе. На вид обычный зануда. А она шла рядом с ним с опрокинутым лицом. Оно было как символ боли и печали, оно оплакивало свою любовь! А я взбесилась. До сих пор не могу забыть этого мерзавца.

– Тебе либо все, либо ничего, – прокомментировала Аня пылкое заявление Инны. И подумала: «Хвастунишка-зайка! Скромность никогда не была отягчающей чертой твоего характера».

– Инна, опять перегибаешь палку, переусердствовала. Так бы и швырнула тебе в голову... твои же угрозы. Припаси свою злость для более изощренных слушателей. Мы ее не оценим по достоинству, – безрадостно улыбнувшись, посоветовала Жанна. Ей очень не нравилось направление их разговора. И она попыталась пошутить:

– Пока противник силен, его надо уважать и остерегаться. Не стоит сразу выкладывать все свои карты. Мало ли что скрывается за его фасадом.

– Ты меня поучать собралась?

Они недовольно посмотрели друг на друга.

А Лена подумала: «Инна больше лает, чем кусает. Девчата и меня могут посчитать бессердечной, а я просто не имею сил реагировать на их эмоции».

Аня запустила пальцы в волосы и принялась энергично массировать кожу головы, неслышно бормоча при этом: «Кайф ловит, ругаясь. И не тушует. Я ошибаюсь? По-своему печалится? Но как грубо выражается! А сегодня я ее соучастник и вдохновитель. Сама-то я лучше, что ли?»

– Критикуешь, советуешь... Твоя резкость переходит все границы. Пытаешься всех отождествлять с собой? – настороженно спросила Жанна.

– Здесь меня не на чем поймать. Я сочувствую женщинам, а Эмме особенно. Не пойми мои слова буквально. Но если человек попал в переплет, то кто-то должен протянуть ему руку помощи, посоветовать что-то. Или надеешься, что

Всевышний позаботится, чтобы отлились кошке мышкены слезки?

– Тут ты недалеко от истины. Эмме ли тягаться с судьбой? Она под гибельной звездой родилась.

– Ты глупая или прикидываешься? – яростно вспыхнула Инна.

– Тормози, – тихо, но четко произнесла Лена, пытаясь спасти положение. – Ты опять отпустила тормоза.

– Не даю насладиться незабываемой ночью? Я кому-то подпортила чудное настроение? – поймав отрезвляющий взгляд подруги, дурашливо ухмыляясь, отреагировала Инна.

Лена уже поняла, что продолжение не последует и все же представила себе картину, в которой участвовали бы все женщины, приехавшие в гости к Кире: «Карнавал мнений... сумасшедший дом...»

– Правда, сказанная со злобой, хуже лжи, – пробурчала Жанна.

Инна по-кошачьи сузила зрачки. «Затесалась про меж нас, святоша чертова... Главное не сорваться», – напомнила она себе.

20

– ...Федор жил в семье, но давно думал о жене в прошедшем времени. Какое вероломство! А Эмма откладывала разговор, не предвещавший ничего хорошего, все еще на что-то

надеясь, – вздохнула Аня. – Видела я Федора в прошлом году незадолго до седьмого ноября. Наверное, в командировке в нашем городе был. Нежданно-негаданно его встретила.

– И что? Расскажи. – Жанна не смогла скрыть вспыхнувшего в ее глазах интереса.

– Дело было так. В общем... в ресторане он приглянувшуюся «рафинированную» дамочку охмурял блудливыми улыбочками, непристойными намеками и жестами. Безбожно заигрывал! И та, похоже, была сама не против его заполучить.

– Вполне узнаваемые дешевые ложные ходы. Она строит из себя невинно развратную, он шепчет ей страстные, слащавые банальности из своего богатого, многократно апробированного «репертуара». Пошлость из себя проще извлекать, чем умный тонкий юмор, – сказала Инна.

– Я сейчас вот о чем подумала: одно и то же слово в зависимости от интонации может означать отказ, недовольство, а то и вовсе менять свой корневой смысл, – сказала Жанна. – Вот даже привычное слово «нормально»...

Аня недовольно остановила ее:

– Очень к месту твое рассуждение. Не перебивай, я о Федоре хочу рассказать. Ты же сама просила. Так вот, он с порога дамочку заприметил наметанным глазом, «подгрёб» к ней и быстро препроводил к облюбованному им столику. А может, заранее с ней сговорился, почем мне знать?

– Ну не в столовке же свидание назначать, где захватанные граненые стаканы и «немногословное» меню, – с интонацией

завсегдатая ресторанов заметила Инна.

– Потом сидел с ней разнеженный, по-барски развалившись на стуле, нисколько не тяготясь своим временным, но, видно, привычным положением. Непристойен был в своем блаженстве.

– Хозяин, черт возьми, соль земли! – фыркнула презрительно Инна.

– Прощельга, старый нечестивец. Вызывающая примитивность... Он лишен здравомыслия? По моему мнению, человек должен соответствовать своим годам. Ему надо с внуками тетехаться и грехи замаливать, а он «по девочкам» шагает. Матерый любовник, не знающий отказа! Зловещая интригующая фигура! В разводе с самим собой! Мужчины – трезвенники и верные мужья до первой халявной рюмки и первой подвернувшейся юбки? А она не замедлит явиться. – Аня для выражения своего гнева и презрения использовала весь словарный запас известных ей грубостей.

– Удивила! Вон артисты в семьдесят лет женятся на двадцатилетних. Им впору о вечном думать, а у них любовь! – рассмеялась Жанна. – И приобретают «в одном флаконе» жену, дочку и внуку.

– И головную боль, – добавила Инна.

– Что их к тому побуждает? Что такое происходит в их маразматических мозгах? – в пространство спросила Аня.

– Нам того не понять.

– Хотят прожить вторую жизнь, напрочь отбросив

первую.

– А кто и третью, и четвертую.

– Видно, единственная привилегия, которую Федька прочно удерживает за собой – это свобода блуда. Тут он с удвоенным рвением. Оно и понятно: ни тебе душевной привязанности, ни ответственности перед семьей, ни сцен ревности, только животная потребность в чувственном удовольствии и самолюбование. Такой, явившись домой из командировки, не подумает с любовью: «...И вздрогну от счастья... когда я вернусь».

Федька «певец сиюминутных желаний». Наверное, считает, что хорош в любой компании и с любой женщиной. Аника-воин на бабьем фронте. Ни дать ни взять Дон Жуан, черт его возьми. Я бы словами Гафта его охарактеризовала: «Начала много в нем мужского, но нет мужского в нем конца», – зло рассмеялась Инна. В ней бурно всколыхнулась обида за поруганную честь подруги. – Уж я бы на месте Эммы пригласила его для разговора и дала от ворот поворот с крепким напутствием! Но сначала поиздевалась бы, натешилась вдоволь. Прежде всего, назло ему с ходу принялась бы флиртовать с кем-нибудь достойным. Неверные мужчины очень ревнивы.

А ты, Анюта? Не случилось ничего непредвиденного? Здесь какая-то... слишком личная обида? Может, сама имела на него виды, а теперь выпутываясь, костеришь мужика? Пронеслась мимо своей судьбы... хотя бы временной?.. Упу-

стила? Ты поспеваешь за моей мыслью? – Инна скорчила уморительно-испуганную рожицу.

Аню внутренне покоробили необоснованно бестактные вопросы, но она ответила спокойно:

– Не волнуйся, не обломилось бы ему. Подобные предложения не находят во мне отклик. Они мне не в тему.

– А что так? – игриво-наивно, с оттенком ехидства удивилась Инна.

– Я в руки мозглякам и прохиндеям не даюсь, – яростно и гордо отрезала Аня. И добавила со звенящей ноткой обиды в голосе:

– На кой мне такой подлый тип сдался! Еще и не такие испытания насылал на меня Всевышний.

– Успокойся, зачем сразу стервенеть? Какая тебя собака укусила?

– Бешеная! Я вот смотрела на Федора с недоуменным отвращением, с негодованием и думала: «Прокололся мужик. И еще духарится! Неприятный сюрприз. Как он после этого жене в глаза смотреть будет? Двумикий Янус. Нет, многоликий!»

– А он не станет смотреть. «Положил» он на все твои ему «комплименты» и моральные нормы. До фени ему твои нотации. Если человек верит, что порок – это ценность, значит, он всегда будет его привлекать. И все же, наверное, Федька подумал о тебе: «Нарисовалась, черт бы ее побрал!» – весело фыркнула Инна и подсказала:

– Теперь говорят: не охмурял, а «клеил» бабенку. Ничего нового и удивительного ты нам не открыла. Для мужчин командировки – время «сердечной недостаточности». В отлучке они холостые и ничего им не возбраняется.

– Так уж и все, – не согласилась Жанна.

– Если жажда самоутверждения велика, а возможности небольшие, вот тут-то и случается бог знает что. Допустим, необоснованные надежды... – без особой уверенности в голосе сказала Аня, может, просто ради того, чтобы продолжить разговор.

– Такой хлыщ не подвержен рефлексии: могу не могу, прилично не прилично. Как нацелится на другую женщину, так сразу память у него отшибает: ни жены нет, ни детей, ни чувства озабоченности о тех, кого приручил или породил, – поддержала ее Инна.

– Такой не возьмет на себя ответственность ни за дружбу, ни за судьбу родины. (*Какой уровень обобщения!*) Он страшный человек, – заключила Аня.

– Твои слова пробуждают в моей памяти недавнее прошлое: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст», – усмехнулась Инна.

Анино лицо посерело, словно попало в безрадостный отсвет меркнувшего дня.

– «И это называется мужчина? Прохвост! Слоняется по ресторанам без жены. Расточитель и распутник!» – закрутилось в моей голове. Но на деле, должна признаться, я оробе-

ла. Я же первый раз в ресторан попала. Меня от неожиданности встречи и от обиды за Эмму точно столбняк хватил.

– А я думала заранее забилась в предвкушении... – не удержалась от пошлости Инна. – С чего это ты так сразу поскучнела?

Аня не ответила, но нервную паузу выдержала, обидчиво подумав: «Ну растерялась, зачем же сразу критиковать?»

– Ты же знаешь, я не по этой части. Не смогла я вмешаться в их разговор непрошеной гостьей, как дура, обалдело уставилась на Федора злым взглядом. Я страдала и досадовала на себя, понимая, что моя неловкость может доставить ему удовольствие. Я всегда цепенею от хамства и подлости. – Голос Ани дрогнул.

– И поделом тебе! Застыла на месте, словно в незапланированном восторге. Не семнадцать лет. Со страху цифры своих лет в мозгу местами поменяла? Тебе опять семнадцать? И вообще: причем здесь слово «как»? – весело брякнула Инна. – Наверное, готова была составить им компанию? Как ты насчет того, чтобы с коньячком наперевес... жизнь положить на... алтарь бара, да так, чтобы в стельку. Гуляй – не хочу! – в воображаемом экстазе выдохнула Инна. – Ах, как сладко ёкает сердечко... будто какой-то чертенок сидит внутри и руководит, создавая гармонию между телом и душой. Эх, завьемся в ресторан и уьемся в меру своих сил и денежных возможностей! О это пьянящее удовольствие от игры! О это смертоносное оружие женственности – неум-

ное кокетство, так мучающее мужчин и дарящее им наслаждение! Оно способно разрушить чуть ли не любое, казалось бы, незыблемое, семейное счастье. «О женщины! Коварство – имя вам!» – игриво продолжила выступать Инна. Глаза ее сияли неестественным, каким-то... щенячьим восторгом.

– Кто свои проблемы и страдания несет в ресторан, а кто веселье. Не убедила ты меня. Женщины редко растворяют свои беды в вине. – Аню от омерзения передернуло. – Но за предложение тебе отдельное особое спасибо. Сейчас разуюсь и, сломя голову, помчусь... Гляди, уже разбежалась... Может, ты позволишь себе некоторое великодушие и перестанешь потешаться надо мной... с ласковостью средневекового палача? Такого рода мысли лучше держать при себе. И вообще, я предпочитаю, чтобы смеялись вместе со мной, но не надо мной, – обидчиво, но грозно заявила Аня. *(Это при ее-то писклявом голоске!)*

– Правда? Без дураков? Мне вообще подобные мысли изгнать из памяти?

«Мужененавистница, заплесневевшая старая дева, с высокой степенью гормональных расстройств. Помешана на воспитании. Какую шутку испортила!» – раздраженно подумала Инна и, не сумев скрыть недовольство, нахмурилась.

– И какой он теперь из себя, этот наш Дон Жуан рязанского разлива? – спросила Аню Жанна, чтобы прервать неумные Иннины разглагольствования.

Она сидела, подтянув колени к подбородку и обхватив их кольцом рук. На лице отпечатывалось не любопытство, а, пожалуй, старательно скрываемая неудовлетворенность, недовольство чем-то упущенным или вовсе непонятым.

– Может, в строго-праведной жизни Федору не хватает ярких искрометных праздников, облагораживающих, освежающих и окрыляющих рвущуюся на свободу, к радости души? – опередила Аню насмешливым вопросом Инна.

– Сальных шуточек, пошлых намеков ему не хватает, – зло фыркнула Жанна. – Я бы высмеяла его перед этой женщиной. Он лучше бы праздники для семьи устраивал.

– Я тебя приглашаю не к оправданию или осуждению Федора, а к пониманию ситуации Эммы, – раздраженно заметила Инна. И как бы ты выглядела перед той дамочкой? Неудачный экспромт, – осадила ее Инна.

Аня, боясь ссоры, заторопилась с ответом Жанне:

– Я Федора сразу хорошо не разглядела, хотя наши столики стояли рядом. В зале набилось до сотни танцующих гостей. Они то закрывали, то открывали мне обзор. Может, тоже юбилей отмечали.

В общем, на гусара Федор не тянул. Мужичок так себе, не лучшим образом выглядел. Со времени нашей последней встречи очень изменился. Манерным сделался. Ростом будто ниже стал, усох. Раньше, мне казалось, он смотрелся более внушительно. Явно проигрывал перед тем, каким я его знала. Круглая лысина разместилась на затылке посреди растре-

паннных, сильно поредевших, блеклых с разными оттенками седоватых кудрей.

– Лысина спереди – от ума, на макушке – от чужих подушек, – просветила подруг Инна.

– Сделался линялый какой-то, морщинистый, потрепанный. Его противная похотливая физиономия выглядела как карта многолетних падений. Дряблые мешки под глазами в половину лица. Очками обзавелся. Успел подрастерять былую статью. Мужик далеко не первой свежести. Наверное, от излишеств и невоздержанности. На молодящегося холостяка или многоженца походил.

– Словом, имел достаточно облезлый вид, – иезуитски подытожила Жанна.

– Прихорашивался, как женщина, кокетничал. Приторно говорил. Я специально прислушивалась. Глазки масляные, улыбочки кривенькие. «Галантен» был до чрезмерности. Официанта подзывал барскими жестами, с вульгарностью нувориша. Не может не выставлять свое... гаденькое «я». Тьфу! Терпеть не могу оценивающие взгляды таких вот, с позволения сказать, мужчин. А ведь раньше я причисляла его к лучшим на их курсе.

«Аня не способна к притворству. Естественно, непредвзято описывает. Как говорится, просто и безыскусно. Без реверансов. Шпарит напрямую, в открытую», – подумала Инна и рассмеялась:

– Попал, бедняга, под раздачу батогов! Удостоила мужи-

ка своим вниманием. Всего с ног до головы опытным глазом осмотрела, будто дефиле красавцев на подиуме не раз посещала. А вот Эмма после всех ее жизненных перипетий с мужем выглядит безупречно. Морщин на лице не видно. Даже не верится. С ее-то болезнями.

– Штукатурится? – спросила Жанна.

– Не пользуется. Доброта ей морщинки разглаживает, – ответила Аня.

– И это несмотря на то, что Эмма прошла и продолжает проходить суровую школу предательства. Давно перешагнула бальзаковский возраст, а какая красотка! Ни горе, ни беды ее не старят. С некоторых лиц дожди положительных эмоций смывают следы тягот жизни, но тут... Представь себе, как бы она смотрелась, будучи счастливой и не больной, – заметила Инна.

– Моего отчима в старости очень беспокоило и раздражало, что наша мама моложава и обаятельна. Старение – это большое испытание, особенно для самовлюбленных мужчин, потому что их когнитивный возраст как минимум лет на десять отстает от реального, – подала голос Лена.

– А я считала, что старение только женщин волнует, – удивленно сказала Аня.

– Помните Анну Маньяни? «Где мои морщины – эти неизгладимые следы перенесенных мной страданий? Я на них потратила пятьдесят пять лет своей жизни!» – продекламировала Инна. – Как же без них? Они хранят самые счастливые

и самые грустные моменты жизни любого человека.

– Руки и шея обычно выдают возраст, – сказала Жанна.

– У Федора только шея. Руки холеные, словно ничего, кроме обеденных приборов, не держали, – «дала показания» Аня. – Похоже, он вознамерился с удовольствием терзать жену до победного конца – до гроба. Сам-то здоров как бык. Не истратился, не износился на легких хлебах, без тревог и забот.

– Где криминал? Мужик в охотку решил наведаться в злачное место, чтобы развеяться, отвлечься от семьи. Он же измучился трудами праведными, домашними: дети, кухня, – Инна повернулась к Ане:

– Ты – и в ресторане? Тебя память не подводит?

– Не вру, не сойти мне с этого места. Коллеги там мне день рождения устроили. Юбилей же!

В подтверждение своих слов она приподнялась на постели, широко перекрестилась и добавила шутливо: «Вот те крест святой».

– Ну, прямо как в детстве клялись, – умилилась и растрогалась Жанна. – Рассказывай дальше, не тяни из нас жилы.

– Федор сидел, облаченный в неприлично дорогой костюм. В фирму был упакован! При полном параде, с современным шиком, точно его захватил и закружил гламурный вихрь. В его одежде всегда стиль чувствовался. Этого у него не отнять.

– Только не его в том заслуга, жены, – холодно отрезала

Инна.

Лена заметила, что от сдерживаемой ярости у подруги на шее вены вспухли. И Аня оторвала взгляд от узора на занавесках и с интересом взглянула на Инну.

– Заискивал Федор перед дамочкой, юлил, со страстным обожанием заглядывал ей в глаза, вскакивал из-за стола с нарочитой бодростью по всякому пустяку, чтобы угодить. Но, видно, привлек ее внимание все же тем, что был хорошо «декорирован». Вот и проявила железную хватку.

– Вряд ли бедная одежда могла бы послужить средством расположить к себе особу противоположного пола, в одиночестве посещающую рестораны. Ей треба «достойного» мужичка заполучить, отвечающего всем ее «вкусам». Федька представился руководителем крупной фирмы?

– Выдал себя за представителя русско-американского холдинга. Я не запомнила какого.

– Каждая женщина мечтает, чтобы ее красиво победили.

– Федор изгибался чуть ли не до пола, рассыпался в комплиментах. Но не блистал остроумием. Повторял многократно освоенное. Талантливый пустобрех и пустопляс.

– А-а, все-таки талантливый! – поймала Аню на слове Инна.

– Ха! Кладезь мудрости! Язык Златоуста да в голове пусто, – отозвалась Жанна и почему-то насупилась.

У Лены промелькнула неожиданная мысль: «Какую же боль таит в себе эта красивая, на первый взгляд счастливая

женщина? Ну ладно бы Аня, всегда настроенная на человеческие горести...»

О подругах как о посторонних подумала.

– От дамочки несло, как от парфюмерной фабрики. Да и он был умащен благовониями сверх меры.

– Не знают, что излишнее увлечение духами создает эффект, противоположный ожидаемому, – презрительно подметила Инна.

– Но их это, кажется, не смущало, видно, привыкли к такого рода свиданиям. Федор был такой оживленный, ну прямо сиял от собственной значимости. Похоже, сам верил каждому своему слову! Все у них было комильфо!

– Такие особы поощряют неподобающую фамильярность, – опять заметила Инна.

– Бабенка без зазрения совести уминала деликатесы за обе щеки, а Федор водку глушил как воду. Наверное, до кондиции себя доводил. Не понимал, что в нетрезвом виде он глупеет, мельчает и вообще... Это дома он слабый, капризный, истеричный, упрямый и неоправданно грубый, а перед чужой женщиной гоголем ходил: здоровый, умный, щедрый. Как же, щедрость рождает в душе удовольствие! Вот, мол, я какой! Показушник чертов. Вот такущий букетище на стол перед бабенкой водрузил! И где только раздобыл? Может, заранее готовился? – Аня максимально развела руки в стороны. – Расточительно щедрый. Рыцарь бесподобный! Какая мощная харизма! Bravo! Вообразил, что студен-

ческий флер с него еще не сполз, молодежный налет не стерся. Колобок безмозглый: «Я от женушки ушел, я от деточек ушел...» Охотник за скальпами, то бишь за... потертыми сердцами. Показал всё, на что способен. И пошло-поехало у них... до неприличия. Дым коромыслом! Балаган устроил, целое представление. «Увековечил» свое имя посещением...

– На широкую ногу гулял. Вот уж оторвался! А то накатит старость – а это сокращение возможностей, – немощь, депрессии, а вспомнить нечего будет. Брюзжание да стоны, – ухмыльнулась Инна.

– Задействовал тяжелую артиллерию. А как же иначе? Все подвиги совершаются ради женщин! – в голосе Ани прозвучала презрительная ирония. – Кто он после этого? Негодяй? Безмозглый, тщеславный... – запнулась она, подыскивая подходящие слова, – тупой... самец. Когда нет никаких жизненных ориентиров, мужчины бросаются в подобную «любовь».

– В собачьи свадьбы. И без скидки на возраст.

«Причем здесь скидки?» – не сразу поняла Аня.

– Эмма не могла бы позволить себе так шиковать.

С нею Федор, наверное, щедр только на обещания. Сытно кормит ими? – поинтересовалась Жанна.

– Даже в этом скуп. За копейку вымотает все нервы. Слышала как-то их тошнотворную ссору. Он нападал.

«Как же мы любим клеить этикетки: негодяй, подонок, урод!» – вздохнула Лена.

– Строга ты с Федором, – удивилась Жанна.

– Я и к самой себе строга, поэтому имею право, – посур-
овела Аня. И посмотрела на подруг: поддерживают они или
осуждают её ремарки?

«Почему Лена помалкивает? Отсидеться в кустах всегда
считалось мудрым приемом политиков?»

– А дома Федька вялый, капризный, вредный, – опять на-
помнила Инна.

– Капризный! Мне смешно, когда я вижу надувшегося, ка-
призничающего мужчину. Мужчина – и вдруг извечные жен-
ские хитрости и уловки! – с усталой издевкой сказала Жанна.

– Эмме не до смеха. Сколько раз она пыталась поговорить
с мужем серьезно, а он, как изнеженная барышня, хватался
за голову и стонал: «О, нет, я этого не вынесу!» и закрывался
в своей комнате. Я сама много раз была тому свидетелем. А
как он томно и кокетливо разговаривает по телефону, как
жеманничает! Молодым он таким не был. А с какой любовью
произносит свое имя! Умора! В нем мужское поменялось на
женское? Как гомик ведет себя. Я по телеку видела таких
уродов, – возмущенно сообщила Аня.

– А Эмма так-таки должна всё это выносить? Я бы Федьке
показала кузькину мать! Он у меня лихо пересчитал бы спи-
ной ступеньки лестницы от квартиры до улицы. Встречала я
таких сволочей: втопчут женщину в грязь, унизят, подчинят,
а потом еще требуют от нее беззаветной преданной любви.

– Дикость какая-то, – пожалала плечами Жанна. – Пове-

дение Федора, прямо скажем, обыкновенный неврастенический садизм. Резкий, суетливый, самоуверенный, хвастливый, для чужих расточительный – как все это в нем уживается? Не сумела Эмма постоять за себя, где уж ей мужа переделывать.

– Нельзя победить, всё время отступая, – заметила Инна.

– Скрещивать шпаги с психом? Это на работе она могла поступать как надлежит, – сказала Аня. – К сожалению, психология людей такова, что избалованным и капризным окружающие в основном невольно потакают. С Эмминой свекровью все носились, а она стерва, каких поискать.

– Невольно потакают?! Да она постоянно требовала незаслуженного внимания! Измором всех брала. И сынок ее из той же категории. Пропали они все пропадом! Я замечала, если в компании есть нервный, импульсивный человек, то все говорят: «Не раздражайте его. У него такие перепады настроения!» Ему сочувствуют! За свой гадкий характер он еще и вознаграждается! Вот так мы и взращиваем особей с огромными претензиями. И привыкают эти хитрецы командовать и манипулировать теми, кто их добрее. А я не терплю диктат неврастеников над собой и не потакаю их бесконечным мелочным желанием.

Почему они считают, что имеют право пользоваться нами как своей собственностью? Только потому, что мы тактичные, а они невоздержанные? Так сидите со своими нервами дома и никого не трогайте! Пресекать надо подобные безоб-

разия, от кого бы они не исходили. Я обязана блюсти свои интересы, поэтому сразу ставлю мнимых психов на место. Я никогда не складываю оружия. Они чувствуют мою волю и сникают. Многократно проверяла, – объяснила свою позицию Инна.

– Некоторые современные мужчины и правда утрачивают истинно мужские качества и часто бывают мелочны, – как бы нехотя подтвердила Жанна.

– Теперь, если мужчина в горе уходит в запой, это преподносится и в литературе, и на экране как положительный факт, но не как слабость. Даже научно обосновывают необходимость выпивать: мол, алкоголь стресс снимает. А раньше мужчины уметь превратности судьбы достойно встречать. И женщин в бедах поддерживали, – подсказала Аня.

– А женщины мужчин.

Аня, мгновенно ухватившись за последнюю фразу Жанны, продолжила:

– Жены декабристов в Сибири спасали своих мужей, укрепляя их мужество, были для них животворящим родником. Жалость и нежность тоже являются составляющими сильного человека. Истинное мужество состоит в том, чтобы жить и уметь радоваться, зная о жизни самое плохое.

– А теперь чувства называют, но не испытывают – вот в чем трагедия, – вздохнула Инна. – Теперь за красоту любят. Если жена увянет, списать ее, на помойку к чертовой матери! А когда женятся, то обещают: «в горе и радости, в болезни и

здравии» любить, и в старости уважать.

– Мужчины так далеко не заглядывают. Когда они в загсе произносят эти слова, то в их смысл просто не вдумываются, – сказала Аня.

«Ну и мотает девчонок по тематике! То сплетничают, то в историю заглядывают», – поморщилась Лена как от зубной боли.

– А Федор от семейного бюджета деньги отрывает и проматывает. Козлиное отродье... отребье. Стол у него в ресторане ломился от разной снеди и напитков. Шиковал, зараза. Настежь распахнул свой кошелек для этой «прости господи», – опять разгорячилась Аня на тему своей случайной встречи.

– В противном случае ему не светило бы... – хихикнула Инна.

– Может, он пил, чтобы заглушить голос совести? – предположила Жанна.

– Наивная.

– Не жалуешь ты Федора. Напоролся мужик на лавину критики. А я слышала, он забил на алкоголь. Одну рюмку весь праздничный вечер вымучивает.

– В семье старается держаться – он же больной-притворной, – чтобы жена работать по дому не заставляла. Представляете, Эмма болеет, а Федька запоминает симптомы ее болезней и тут же начинает себе приписывать ее недуги. Слово

в слово повторяет все жалобы. И неспроста. Так же вела себя его вечно «больная» мамаша, дожившая почти до ста лет. Это у них семейное. Сынок твердо следует ее напутствию. Хоть в чем-то старается, – насмешливо хмыкнула Инна.

Жанна «взяла» слово:

– У моей подруги муж пил по-страшному. Конечно, пьяные оргии сопровождалось гульбой «с девочками». Погряз в пороке. Для него ничего уже не было святого. Говорил, мол оставь меня в покое, я виноват не больше, чем другие. Жить с пьющим человеком – ад. Это сродни ежедневному кошмару. Так вот она делилась со мной: «Как бы мне ни было плохо, я улыбалась, успокаивала себя тем, что про любовниц – всё это пасквили сторонних завистниц и что важен ироничный взгляд на любую ситуацию. Это многих раздражало. Они ощущали себя ущемленными, задетыми. Им-то это не удавалось... А муж вернется домой, станет передо мной на колени, поплачет, и я прощаю, потому что вновь чувствую себя откровенно желанной, вижу, что именно от меня он теряет разум. Хоть и приводил в недоумение, но я верила, что так хорошо, как со мной, у него ни с какой другой не было. Но в какой-то момент я почувствовала к нему жутчайшую ненависть, такую, что свет стал не мил, и я поняла, что готова к окончательному разрыву. И дети уже не были препятствием. И только трагедия отрезвила его и удержала меня от решительного шага. Он попал в аварию и приобрел кучу болячек. Перенес несколько серьезных операций. Были и «ху-

дожественные штопки», и лоскутные. Всё было. Несколько раз моя семья замирала в ожидании конца. После больницы врачи запретили мужу пить».

Он чуть не умер, жена его с того света вернула. Потом он ей каялся: «Проснулся как-то в расхристанном состоянии и подумал: «Что же я творю со своей семьей?.. Жилы из них тяну, жизнь им укорачиваю... Простите меня... А перебороть себя так и не смог... Мы, мужики, во всех бедах своих семей виноваты!» И я, слушая телепередачи о реальных судьбах нетривиальных женщин, прихожу к такому же выводу.

А много позже подруга сказала мне: «Не стоит таких мужей терпеть. Надо сразу прекращать с ними всякие отношения, уходить и из памяти изгонять. Знаешь, в этом забвении и в отсутствии сожаления есть что-то... от достоинства. Мы сами в себе его попираем, а потом обиды, комплекс неполноценности из-за несмываемого позора. Отсутствие достоинства не скомпенсируешь деньгами, подарками, уверениями. Конечно, мы прямо или опосредованно все равно связаны с мужьями, но разъединенными унижение переносится много легче». Всю жизнь жалею, что вовремя не оставила мужа».

– Сейчас молодежь меньше пьет. Увлечений много: йога, здоровый образ жизни, компьютер, – сказала Аня так, словно успокаивала Жанну.

– ...Сдается мне, комплименты – не самое последнее дело

при завоевании женщин любого возраста и любой «категории». Они, как правило, дань галантности, но не искренности, – сказала Аня.

– Где мужчины-рыцари, способные воскликнуть: «Ты женщина и этим ты права!» Нет их в современном мире. Но есть женщины, которые заслуживают этих прекрасных слов.

– Инна, ты на кого-то намекаешь?

– Да так. Вспомнила Федькин любимый комплимент: «Женщина имеет право на сумасбродство». В одной фразе он дважды унизил женщину.

– Я думаю, он запомнил эти слова, глубоко не вникая в их смысл. Бездумно применял. Мужчины часто говорят красивые выражения как бы в состоянии невменяемости, не давая отчета в своих словах. Это когда всё в них автоматически направлено на завоевание, на достижение цели. Ну а потом не помнят своих обещаний, – сказала Жанна.

– Анекдоты Федор перед той дамочкой рассыпал все больше про плохих жен. Наверное, считал такой способ обольщения особым шиком, – продолжила свой рассказ Аня. – Фальшивыми алмазами пошлых шуток свою никчемность прикрывал. Я, правда, не очень много слышала за то нарастающим, то затихающим, словно оседающим, шумом толпы, но и того было предостаточно.

– Ты своим ярким воображением дополняла им сказанное, – вклинила реплику Инна.

– Наверное, говорил, что не хватало, чтобы его жизнь

обременяла жена, – предположила Жанна.

– Сойдемся на том, что все они... – попыталась остановить ее Аня.

– Не хотел лишать себя «надежного уютного оплота» на всю ночь. Видно, с детства боялся один засыпать, – продолжала проезжаться Инна. – Возможно, забыв родные пенаты, утверждал, что эта дамочка единственная и неповторимая и он мечтает связать себя с нею узами Гименея. У каждого ловеласа свой подход.

– Если он дурак, то нельзя исключить и такой вариант, – рассмеялась Жанна. Какие подробные познания в столь интимной области!

– Классикой объелась, – заверила Инна.

– Продолжу о Федоре. В гостиницу, в свой номер женщину звал, обещал золотые горы.

– И она, поняв, чего он от нее ждет, не оскорбилась? – осторожно спросила Жанна.

– Сверхнаивная, – фыркнула Инна.

– Потом они танцевать пошли, и я услышала как он, гадко хохоча, говорил своей партнерше, что не может добровольно отречься от шанса на свое совершенствование в интимной сфере. Они будто нарочно топтались у своего столика.

– Обьедки, что ли, стерегли? – рассмеялась Инна.

– С женой не унесешься в вихре вальса, – усмехнулась Жанна.

– А с ним, с этой старой развалиной, так получится? –

удивилась Аня.

– Он своей старости не видит. Тем более что лишен центров торможения.

– Почему я вижу и свои, и его недостатки, а он – нет? Он же не дебил! – взвилась Аня.

– Он мужчина, и к тому же эгоист.

– Не все мужчины эгоисты, – возмутилась Жанна.

– Те, что гуляют, или слабаки, или эгоисты, – категорично заявила Аня. – Говорят, женатый мужчина в своей жизни должен выдержать экзамен на мужество, самостоятельность и порядочность, а женщина еще на терпеливость. Мыто свои сдаем, а вот наши мужчины...

– Это всё, что ты вынесла из вашей встречи в ресторане? – подтолкнула Аню к продолжению рассказа Жанна.

– Слабость, в чем бы она ни выражалась, – это, несомненно, порок.

– Блистательное заключение. Высокий класс! Твоя убедительная победа, – насмешливо похвалила Аню Инна и обернулась к Лене:

– Ты еще утверждаешь, что я перебираю в «комплиментах» Феньке?

Лена пожала плечами.

– Лживому человеку – за редким исключением – везде здорово. Он идеально вписывается в любую ситуацию.

– Глупому тоже везде рай. Это положительному не всегда

и не везде хорошо, – видно, отвечая на какие-то свои грустные мысли, тяжело вздохнув, философски заметила Жанна.

– Вот и мои мужья – мужчины, прошедшие сквозь мое сердце, – что ни фрукт – всё с червоточинкой. Один несамостоятельный, у другого самостоятельность выливалась в распущенность. Третий тоже не бог весть какой: пил и лодырь был темный. Сказать по правде: выводили они меня из себя, – скривилась Инна. – Нянчишься, нянчишься с ними, веришь в их возможности и – нате вам... сюрприз за сюрпризом. Сама виновата, что влюблялась без памяти и многое им позволяла. За всё надо платить... Все мужья жаловались мне, что предыдущие жены не понимали их. Говорили: «Если не понимает, то хотя бы сочувствовала». На жалость давили. А сами-то не больно старались для семьи, избегали всяких проблем, в основном грудью... за моей спиной стояли. Только о себе, любимых, и радели. А претензий, претензий-то... ой-ёй-ёй сколько! Ждали материнской чуткости, отзывчивости, но не задумывались, что такой женщине требуется добрый, успешный, может, даже неотразимый партнер. За малые победы платить большими уступками? Какого еще понимания они ожидали от жен, если сами стояли в стороне от дел и наблюдали... И от меня хотели, чтобы я сидела при них на краешке стула... Сначала я не могла их отдать, а потом хотела, чтобы их поскорее схватили другие... Они же как ярмо... Другой раз такая слепая, словно звериная, ярость наплывала...

Нет, такие номера, как с Эммой, со мной не проходили. Не стоили мужа того. Вот и изгоняла... по совокупности причин... по возможности пристойно. Разбивались мои мечты об их безразличие и бездарность. Сама подавала на развод, чтобы положить конец мучениям. Сами не уходили. Были некрасивые разводы. Мужчины всё делили, делили... мое... вплоть до ложек-поварешек... ничего мне не оставляли. «Уникальные» человеческие истории... За свою доброту и глупость... приходится платить... А я отдавала и думала: «Найти бы человека, который заключал бы в себе смысл моего мира, а я воплотила бы в себя его...» Но отходняк все равно наступал не сразу... Ни к чему вам, девчонки, хронология всех моих свадеб и разводов. Люди встречаются, люди расходятся... Отчаялась я отыскать настоящего мужчину. Трудно найти по себе. Я ни разу не всплакнула, вспоминая своих мужчин. А, пусть все они катятся... – Инна мысленно чертыхнулась. – Расставание всегда бывает нелегким, даже с такими... Прикипаешь сердцем...

«Разговорилась, разоткровенничалась о себе, преодолела немоту одиночества», – сама не понимая почему занервничала Жанна.

«Одиночество бросало Инну в руки недостойных мужчин. От безысходности кидалась она в очередное замужество, – сочувственно подумала Лена. – Почему бывают многоженицы? Одни гоняются за престижными мужьями, другим быстро надоедают никудышные сексуальные партнеры, тре-

ты берут всё, что предлагается, потом разочаровываются, а Инна относится к типу женщин, притягивающих слабых мужчин, вечных страдальцев».

– А Федор видно совсем без сердца. Изменять такой женщине! Он явно с прибабахом, помешан на своем отклонении, а с таким трудно найти общий язык. «Лучше с нормальным потерять, чем с чокнутым найти». Презираю его! – горячо воскликнула Аня.

– И Федька, насколько я знаю, платит тебе «взаимностью». Для максималистов зло становится оружием, ненависть, они не ведают, что творят. Да будет тебе известно: это пахивает...

– Бред в чистом виде. Это не про меня. А вот наш учитель физкультуры, когда я с ним поделилась, посочувствовал моей подруге и даже предлагал всыпать изменщику, мол, начищу рожу в лучшем виде, залюбуешься.

– Реально?

– Я не допустила.

– Для полного счастья им только драк не хватает. Хотя в этом что-то есть, – рассмеялась Жанна.

«Так кто же такой Федор? Воплощение зла, греховодник, желающий «своего» счастья, того, что в его крови? Человек, который, решая свои «проблемы», морально уничтожает своих близких? Или... Я о нем ровным счетом ничего не знаю».

Мысли Лены перебил высокий голос Инны:

– Замужним женщинам тоже по жизни не хватает куража, положительных эмоций, приятных неожиданностей, душевного понимания. Так что же, им тоже бежать из семьи за нами на сторону?

«У Ани на любой случай пример найдется», – подумала Лена. И та не ударила в грязь лицом:

– Когда моя подруга была беременна, ее муж бегал к другой женщине и объяснял жене, мол, жалею тебя, берегу. А она ему в ответ: «Мне тоже мужчину подыскать, когда ты заболеешь?» А он ей грозно: «Не понял юмора!» Мы цены себе не знаем.

– Мы-то знаем, это мужчины нас не ценят, – рассмеялась Инна.

– А дома Федор, наверное, за обеденным столом сидит как сыч надутый, с хозяйским равнодушием: такой весь презрительно-безразличный, скучный, безжалостно обнажающий убожество своего «несчастливого» одинокого существования, непонятого из себя строит, неудовлетворенного жизнью. Холодный, бесстрастный, вьедливый, расчетливый. Ну, не любит, но хотя бы из уважения к жене, как матери своих детей, он мог бы по-человечески к ней относиться?

На что Инна с усмешкой ответила Жанне:

– Уважение? Да знает ли он, что это такое и с чем его едят? Глядя на Федькину вечно постную физиономию, мне всегда хотелось поучить его радости, напомнив ему слова Чар-

ли Чаплина «Жизнь – не чередой похорон». Никогда не видела, чтобы он улыбался. Только хихикал или гоготал. А «смех есть самая верная проба души», он точнее умных речей и мудрого молчания характеризует человека.

– Его улыбки Эмме пришлось бы как нельзя кстати. Для нее они – самое оно, – сказала Жанна.

– Лживые? На фиг! Мне сразу припомнились трогательные, незащищенные, широко раскрытые глаза нашего парторга, за которыми она скрывала жесткий беспринципный характер.

– А за нежной улыбкой, – волчьи зубы, – подтвердила Лена.

– В юности мне представлялось, что только верные мужья и жены могут позволять себе шутить на темы измен, а оказалось все наоборот, – влезла со своим разочарованием Жанна. И вся как-то сразу напряглась и подобралась.

«Похоже, Жанна страшно ревнивая, потому и мужа себе немолодого, неэффективного выбрала», – сделала вывод из своих наблюдений Лена.

Инна иначе оценила слова и жесты Жанны: «Умеет, якобы скрывая свои страдания, выставлять их напоказ».

А Аня никак не могла успокоиться, пока не выложила все свои эмоции об увиденном в ресторане. Лирические отступления подруг нервировали, отвлекали и сбивали ее с мысли.

– Кругами Федор ходил вокруг этой дамочки в какой-то

крадущейся лисьей манере.

– И что дальше? Снял он ее? Не тяни кота за хвост, рассказывай быстрее, – поторопила ее Инна.

– Свечку при них не держала. Противно мне стало. Хотелось осмеять Федора, но не сумела, только разозлилась. Посмотрела на него с пытливым отчуждением и ушла, не смогла долго за соседним с ним столиком находиться. Разнервничалась.

– Узнал тебя? Потратился хотя бы на вежливую улыбочку или испугался? – разразилась Жанна градом вопросов.

– Сделал вид, что не знаком. Изобразил умеренное недовольство. Да еще рожу покривил, мол, не приставай к приличным людям. Гарантирую, – восторженно опередила Инна Аню, дав точный, исчерпывающий ответ, будто на телепередаче «Кто хочет стать миллионером?»

– Взбесил он меня. А подруги не поняли меня, обиделись, что я в свой праздник их оставила. Они-то и рассказали, что потрусил парочка вместе и что «дамочка» к Федору словно приклеилась, потому что была пьяная в лоскуты. И кавалер выглядел сильно подшофе.

– Что и требовалось доказать. Расслабились по всем пунктам. Бог всегда на стороне победителей, – рассмеялась Инна.

Жанну эта вывернутая наизнанку фраза заставила вздрогнуть.

– Видно, и дамочка знала толк в... некоторых делах и зря времени не теряла. Она, скажем так, старалась привнести в

их кратковременную связь свое умение и понимание... Думаю, ободрала Федьку до нитки. Ха! Высокий градус жизни, но... своеобразный. – Инна брезгливо передернула плечами.

– Наловчился, преуспел, гад.

– Нам для полного счастья не хватает их качеств, – пошутила Инна.

– Этим исчерпываются все достоинства Федора? – усмехнулась Жанна.

– Вот так и живут: один припеваючи, развлекаясь, другая дом, тыл держит, – вздохнула Аня.

– А если бы Эмме кто-то предложил поменяться ролями?

– Она бы послала...

– Мужчины тоже разные. Одному откажешь, он тебя уважать станет. А другой, в отместку, сплетни начнет распускать, мол, она дрянь, шлюха и т. д., – пожаловалась Аня.

– Свой опыт? – сочувственным тоном спросила Инна.

– И подруг. Галю, Зою вспомни. Доставалось бедным ни за что ни про что.

– Ты Эмме рассказала о встрече в ресторане?

– Бог с тобой! Ни гу-гу, хотя оно сидит во мне и мучает.

– Правильно. Меньше знает, лучше спит.

– А вдруг Федор и сейчас дрейфует в сторону очередной дамочки? – испуганно спросила Аня, отчасти чувствуя свою вину.

– Может, прогнала бы скорей, – предположила Жанна.

– Федька все равно из вредности не уйдет.

– Я своим подопечным старшеклассникам внушаю, что для создания семьи мало одной влюбленности. К ней много чего еще надо прикладывать: порядочность, терпение, трудолюбие, уважение. А они, выйдя из детдома, даже со своими самыми близкими родственниками общий язык найти не могут, – пожаловалась Аня.

На том грустный разговор и закончился. Инна сладко, покошачьи, потянулась, Аня повернулась набок, подтянула колени к подбородку, уткнулась в них лицом и затихла.

21

Прошло минут десять, не больше.

– Прекрасный человек и талантливый режиссер Тодоровский говорил, что женщины делают мужчин более духовными, – проговорила Аня, надеясь снова затеять беседу.

– Не всякого облагородишь, – откликнулась Инна. – Ты представляешь Федора нежным, страстным, безоглядным, стоящим перед женой на коленях? Он не раз проезжался, мол, умильная щенячья нежность не для мужчины.

– И все-таки надо признать... наверное, была в нем какая-то очаровательная чертовщинка, раз женщины на него клевали? – спросила Жанна.

– Ты про деньги забыла. Не преувеличивай Федькиных способностей. Он не препятствовал появлению сплетен, наоборот, сам о себе между мужчинами скандальные хвалеб-

ные байки распускал. И слухи уже было не пресечь. Они стали сами на себя работать. Ничто так не способствует «популярности», как сомнительные бредни.

– Ославил жену, гадёныш, – зло процедила Аня.

– Самые лучшие лжецы те, которые могут сами себя убедить в любой лжи, ими же сочиненной, – усмехнулась Инна.

– Любят играть с огнем и быть на волосок от пропасти? – предположила Жанна.

– Федька – и на волосок? Шаткая версия. Не романтизируй подлеца. Он же примитив. Ему нравится переполнять чашу терпения жены, цинично уничтожать ее. И только. Его распирает восторг мнимой мужской состоятельности, мстительное торжество над женщиной, которая его любит и которая выше его по всем параметрам, – жестоко определила Инна принадлежность Федора к неуважаемой ею категории мужчин по своей, только ей известной классификационной шкале. – Мне иногда кажется, что ему достаточно похотливого мужского предвкушения. Ему главное, чтобы все верили, что эта женщина его, даже если она так не считает или вовсе об этом не знает. И совсем не обязательно с ней спать.

Неужели молнии сладострастия еще вспыхивают в нем? Герой... блин. Образец тошнотворного семьянина, мать его так-перетак-перезтак. Женщинами пользовался, но не уважал. Всех, которым после тридцати, тетками обзывал. Нет чтобы «девушками» побаловать, – со смешком закончила Инна свой критический монолог.

«Не может, чтобы, хотя бы виртуально, не ввернуть грубое или вульгарное словечко. И где только нахваталась? Раньше не была такой», – брезгливо поежилась Жанна.

– Представляете, как-то при встрече Федор доложил мне с гордостью: «Я человек без поэзии!» – возмутилась Аня. – А я ему: «Оно и видно. Без поэзии в душе человек неласковый, нечувствительный, эгоистичный». Похоже, он меня так и не понял.

– Не нежный и не ласковый? Это не повод к осуждению. Среди мужчин это не редкость. А вот его патологическая бесчувственность поражает, – сказала Жанна. – И к каким только ухищрениям не прибегает его извращенный ум, чтобы вытравить из себя память о своих грехах?

– Федька гордится грязью! Вообразите: в юности он чувствовал себя слабым, неполноценным. Наверное, смотрел на девушек вожделенно и мечтал о том, что каждая могла быть его. А теперь ощущает себя более чем уверенно. С помощью денег отыгрывается на женщинах за свою былую униженность. Грехи! Пока он не задает себе вопросов на опасную тему, она вроде бы для него и не существует, не надрывает сердце, – усмехнулась Инна. – Благоразумный способ утешения.

– Мне ненавистно всякое унижение человеческого достоинства. Я выхожу из себя по малейшему такому поводу, – вздохнула Аня.

– И чтобы вы там ни говорили, вывод напрашивается сам

собой: «Все это происходит потому, что необходимость в мужчинах у женщин по сию пору не отпала, и еще потому, что их катастрофически не хватает, – хихикнула Жанна. – Заметьте, в моих словах нет уничижительного оттенка.

– Необходимость в нормальных мужчинах, – с явным удовольствием уточнила Аня. – История с Эммой – каких поискать. Во избежание лишних ассоциаций и аналогий не стану продолжать, а то совсем закопаюсь в примерах.

«Трое из четверых – несчастливые. Это перебор, – печально подумала Жанна. – Счастливые хвалились бы своими детьми и внуками, а не обсуждали мужчин. Хотя насчет Лены...»

«Эмма, узнав о наших дебатах, наверное, пожалела бы о своей неожиданной искренности. Что бы она сказала, случайно заглянув к нам на огонек?.. Девчонки на славу постарались изучить её проблему. Эта обескураживающая откровенность освобождает их от собственных комплексов? Этакий естественный психотерапевтический сеанс», – усмехнулась Лена, в очередной раз незаметно погружаясь в дрему.

– А мне вдруг почему-то подумалось: наверное, мужчине сладка супружеская измена с той, чей муж относится к нему без должного уважения? Допустим, с женой начальника. А что? Повод и стимул отомстить! Хотя, конечно, рискованный вариант, – рассмеялась Инна. – Или побывать в постели у жены любовника своей супруги. Та из мести может согла-

ситься. Вовсе французский вариант!

– Какие коллизии! Долго ты думала, откуда пришла к такому выводу? – рассердилась Жанна.

– В комедиях подсмотрела.

– При этих твоих словах меня трясет от омерзения, – за-нервничала Аня.

– А я думала, ты содрогаешься от жалости... к себе, – за-чем-то зло подколола ее Жанна.

– Эх, нет в вас обоих доброго юмора! – насмешливо со-крушаясь, посетовала Инна.

«Сколько людей – столько мнений. Каждый видит то, что хочет видеть. А Инна и Жанна опять болезненно зацикли-лись...» – молча неодобрительно комментирует Лена диалог подруг, медленно уплывая мыслями в дальнюю даль.

– ...Мне кажется, Эмма слишком скромна в сексе, скован-на, закомплексована строгим воспитанием, поэтому неинте-ресна в постели, – осторожно предположила Жанна.

– Мне подруги рассказывали, что муж должен разбудить в жене женщину, – сказала Аня.

– Мужья боятся, что, разбудив жену, получают стерву, ко-торая станет требовать слишком многого, – рассмеялась Ин-на.

– И жена должна помочь мужу в этом, – не обращая вни-мания на реплику Инны, продолжила свою мысль Аня. – Го-ворят, из сырого, неподготовленного бревна не получишь го-рячей штучки.

– Забыла, что Галя рассказывала? «Какой там темперамент и оргазм! Пока молодая – боишься залететь, а в зрелом возрасте избегаешь секса потому, что муж может только раздражить, но не удовлетворить. Вот и придумываешь, что больна, или что уже ничего не хочется. Неловко упрекать мужа в его неспособности. Он же не виноват, что стал слабее. А если намекнешь, что хочешь полноценного секса, так станет ревновать. Вот и лавируешь».

«Если о сексе ничего толком не знать и не думать про это, то можно и без него прожить достаточно счастливо?» – задала себе вопрос Аня.

– ...Ревность – страшная вещь в любых ее проявлениях, – согласилась Жанна. – У меня была знакомая. Так она после развода с мужем дико ревновала дочь к своей матери. Стала при ребенке в ссорах доказывать, что та плохая и своей строгостью испортила ей жизнь. Она не могла противиться неистовому желанию втоптать мать в грязь и, уступая непреодолимой тяге хоть на кого-то излить свою боль от развода, с ревнивым изуверством пыталась нанести ей все более глубокие раны. С маниакальным усердием она часами вбивала в голову дочери чудовищную ахинею, которую создало ее воспаленное воображение. Приходя в страшное возбуждение, орала как невменяемая. Язык не поворачивается повторить ее «перлы». В них омерзительное бесстыдство временно помешанного человека. Она измучила ребенка бесконечными

воплями, надругалась над святым чувством – над любовью своей матери. И внучка возненавидела бабушку. Есть же граница, которую нельзя переступать в отношениях с родителями. Я ей внушала, что, обвиняя в своих неудачах родителей, она пытается оставить себя в детстве. Оскар Уайльд утверждал, что человек будет считать себя несчастливым до тех пор, пока будет считать, что счастливым его обязаны делать другие. Об этом всем нам не лишне помнить.

– И ты, понятное дело, сама была очевидцем, – не замедлила отметитья Инна. – Но ты права: патологически ревнивого человека уже нельзя назвать нормальным.

– В результате веселая шустрая девочка сделалась нервной, бледной, немощной, нелюдистой. У нее все время что-то болело. Она стала плохо учиться. У нее появился страх перед плохими отметками, аллергия на школу. Сначала температура поднималась только перед контрольными, а потом стала постоянно держаться. Девочка пропускала школу.

– Мать лишила дочь прекрасного чувства любви к бабушке. Девочка осталась без доброго, умного советчика, «тайной» отдушины своих юных горестей и неудач, а также ярких эмоций, удвоения радости при передаче ее близкому любимому человеку. Да и еще много чего хорошего... – вздохнула Аня.

– Экзекуция над ребенком длилась лет пять. До тех пор, пока девочка не повзрослела и мать перестала с нею справляться и, наконец, поняла свою ошибку. Но было уже позд-

но. Старики не могли ей помочь, потому что они для внучки уже существовали как чужие, нехорошие люди. Не знаю, во что вылилась эта история для девочки. Боюсь я за ее дальнейшую судьбу. Остается надеяться, что она сама вовремя поумнеет и все поймет. Или на ее пути встретится умный добрый наставник.

А причина одна: молодая женщина осталась без мужа и, почувствовав тягу своего ребенка к бабушке, вообразила, что может лишиться и любви дочери, – сказала Жанна. – Когда я вспомнила семью этой несчастной женщины, тетю ее мужа, то все поняла. Люди обычно не знают родословных своих избранников. И случаются горькие сюрпризы.

– А температура? – спросила Аня.

– Она от нервов. Ну, прямо как у меня в молодости перед каждой менопаузой. Есть такой психофизический тип людей с повышенной чувствительностью. Он проявляется уже в детстве. Одному ребенку сделаешь замечание, но ему в одно ухо влетит, а в другое вылетит. А другие дети переживают, мучаются из-за малейшего пустяка, делают из всего проблему.

– Я знала одну такую чувствительную девочку. В полтора годика ей еще случалось штанишки обмочить. А родители ее отца уж больно за ковры свои беспокоились. Как-то гляжу – дело было в яслях – бежит, бедняжечка, к горшку, на ходу мочится и так испугано кричит, ну совсем как раненый ягненок. Мое сердце задрожало от жалости. Я все сразу поняла и

обратилась к матери малышки. Та дома стала выговаривать старикам мужа, мол, губите внучку, у нее на нервной почве может возникнуть недержание мочи. А они ей ответили, что троих внуков воспитали, и нечего нам указывать. Пришлось невестке объяснять старикам, что нервная система у детей бывает разная, и пообещать отдать им новые ковры, подаренные на свадьбу. Последнее подействовало. Девочка выросла здоровенькой, – радостно закончила Аня.

– ...Не веришь?

Инна посмотрела взглядом, который заставил Жанну осознать, что разговор идет о насилии.

– Ты опять о мести?.. Тебе доподлинно известно? В западном фильме узрела и ощутила смак по полной программе?.. Патовая ситуация! – немного поколебавшись, испуганно прошептала Жанна. – Смерть та окутана тайной. Она недостойна, как и сама ее жизнь... Это что-то новенькое в твоём репертуаре. А еще утверждала, что возвышенное и земное в женщине сочетается более гармонично, чем в мужчине.

«О ком рассказывала Инна Жанне? Она открыто говорит о том, о чем другие позволяют себе только думать?.. Сегодня вся ее энергия в болтовню уходит. Поберегла бы силы на завтра», – подумала Лена.

– ...Я ей предлагала убить в фигуральном смысле, подлянку муженьку устроить. А она мне: «Не одобряю я твоего

направления мыслей. От них внутри меня ничего хорошего не отозвалось. Не вижу в вендетте смысла. Наказать человека просто, простить трудно, тогда зачем мне эта головная боль? Мстить не стану, но и не прощу». Не испугать козла воззваниями! Ему хорошая порка нужна. Мужчины, видите ли, дорожат своей свободой, а женщины ярмом, что ли?

«Избить, покалечить? «Деликатные», глупые советы! К чему эти крайности? У каждой проблемы сотни вариантов решений. Конечно, Инна прекрасно сознает, что никогда ничего подобного не совершит, но от одной мысли о существовании этих радикальных способов ей становится легче. А припугнуть может. Иногда этого бывает достаточно», – с усмешкой и со знанием дела реально оценила Лена возможности подруги.

– Человек, которому очень больно и которого уже ничто не примиряет с самим собой, бывает слеп в своей ненависти. Особенно велика месть оскорбленной женщины! А если та еще и сама по себе коварная и жестокая, то ой-ёй-ёй... – закрутила головой Инна.

Возникла налитая свинцом астрономическая пауза.

«Инне никак не удастся разрядиться. Значит, продолжит свои злые «выбросы»», – поняла Лена.

«Какая жуткая решимость на таком милом личике. Допекли Инку мужики», – удивилась Жанна. И тихо спросила:

– Ты всерьез одержима мыслью о мести?

– Я – уже нет, перегорела. А ты? В тихом болоте... – губы

Инны раздвинулись в саркастической усмешке. Нет, в сардонической ухмылке!

– Спишу твоё поведение на болезненное состояние и усталость. Боюсь, ты сегодня не на уровне, не в форме. Только ты же ляжешь костями, доказывая обратное, но не уступишь! – гневно ответила Жанна.

– Даже самые преданные жены временами борются с соблазном проехаться утюгом не по рубашкам и брюкам любимых мужей, а по их физиономиям, – на самом деле не отступилась Инна.

– Судя по статистике милицейских хроник, подобные дьявольские искушения – не испытывая угрызения совести и острых приступов раскаяния – у мужчин возникают на порядок чаще. И, как правило, за грехи этих законченных мерзавцев все равно расплачиваются женщины и дети, – вступила в беседу Аня.

– Ты права. Я очень сомневаюсь, что кто-то из тех преступников-мужчин с должным вниманием прислушивался к жене, у которой сдавали нервы под бременем ежедневных забот и страданий. И ведь не принудишь к пониманию, – вздохнула Жанна.

– Случаев насилия в семьях, наверное, не так уж много на фоне нормальных семей, чтобы с ними считаться? – спросила Инна. – Я не вентилировала этот вопрос.

– Не обольщайся. Вот что значит не педагог! Проблема настолько глобальна, что тебе и не снилось! И все эти твои

шутливые угрозы физического наказания – чушь собачья по сравнению с реально происходящим, – нервно воскликнула Аня.

– ...Общеизвестно, что негодяи торжествуют, потому что лгут и умеют продавать себя задорого, – вздохнула Аня, прекращая этим предыдущий, неприятный ей разговор.

– Система ценностей формируется в семье.

На этой фразе Лена отвлеклась.

– ...На языке у меня давно вертится один вопрос, и я наконец решила у вас спросить. Вот скажите мне, пожалуйста, зачем Федор, когда я была у них в гостях, пытался ко мне прижиматься? Один на один, конечно. Сначала я не понимала его намеков. Я же не из тех, которые легко могут поверить, будто нравлюсь. Только юнцы и маразматические старики воображают, что каждая женщина готова им отдаться в любую минуту, что только и ждет, чтобы ее приласкал любой мужчина. Свои желания нам приписывают. На фиг мне его это самое... предложение.

Я взбесилась. «Не утруждай себя! – говорю, и обозвала его сексуальным маньяком. – Совсем потерялся в собственных «победах»? Человека в тебе не видно».

– Налетел мужик на неприятности! – весело заметила Инна. – Федька вошел в роль и уже не мог остановиться.

– Еще я сказала, что он напомнил мне одного восьмилетнего воришку-форточника, который был в восторге от своих

подвигов, считал себя героем и презирал тех детей, которые усердно сидели за партами. Федору, оказывается, тоже нравится быть плохим. Какая у него была довольная горделивая улыбка! Будто не нагоняй, а орден из моих рук получил. Отвратительная была сцена. Ну и кто он после этого? Большой на почве сексуальной озабоченности или просто первостатейный подлец?

– Конечно, подлец. Отлучила от своего тела, обидела беденького, – рассмеялась Инна – А Эмма знает о его притязаниях?

– Хороша бы я была, заявив: «Твой муж мне предлагал...». Боялась огорчить. Не хотела, чтобы она лишний раз ощутила степень бессмысленности и ничтожности их отношений, – ответила Аня.

– Вот это сценарий! – развеселилась Инна. – Знаю я подлюю Федькину породу. Вот почему алкоголик не может не пить? Нравится ему состояние одурманивания! И всё! И тут та же история.

– В таком случае нечего было Эмме уповать на любовь Федора, предъявлять на него права, «рвать на себе волосы» и требовать положить конец распутству, – сказала Жанна.

– Без этого нам никак, – грустно усмехнулась Инна. – Мы же всё надеемся...

– На себя или на них?

«Как сдружились девчонки на почве презрения к Федору», – удивленно подумала Лена.

– Потом я еще добавила, что он «меченый проказой», – закончила свой рассказ Аня о происшествии в гостях. – Но, находясь в состоянии эйфории, Федор не заметил моего презрения. Какой дурак! Донжуан разового использования. Простите, знаю, не стоит изъясняться в таких терминах... – добавила она, краснея. – Вот жизнь прожила, но так и не поняла мужчин. Да никакие их чары нами не завладеют, если мы сами этого не захотим! Воздержусь приводить примеры, – пробормотала Аня, растирая виски и ероша свой и без того лохматый хохолок. В этот момент она была похожа на сердитого желторотого цыпленка, которого обидел собрат по выводку. – Может, лучше замуж выходить по расчету? Хоть какая-то польза.

– Не по расчету, а с расчетом, – засмеялась Жанна.

– Только расчет должен быть верным, – уточнила Инна.

– Взаимоотношения между мужчинами и женщинами – это Космос. Они как мириады звезд разной величины плюс огромная масса «черных дыр». И невезучие попадают в эти дыры, – шутливо добавила Аня, чтобы Жанну не повело в сторону религии.

– Все мы свято верили, что наша жизнь станет удивительной и прекрасной, как только мы обзаведемся мужьями, а потом многие из нас в одиночку стоически переносили любые трудности. И ведь каждая, выходя замуж, наверняка думала: «Уж мой-то – мужчина что надо!» – сказала Инна, воз-

вращаясь к своему прежнему ходу мыслей. – Мой третий, когда я его бросила, долго соображал, как бы представить дело так, что это он меня оставил. Вот что его заботило. Не удосужился даже в суд прийти. Мол, я гордый и независимый, и без меня разведут, за этим дело не станет, – твердо чеканил за спиной Лены голос Инны.

Аня вдруг рассмеялась.

– Ты чего? – удивленно уставилась на нее Инна, подозревая неадекватную реакцию на свою бурную речь.

– Вчера по дороге к Кире услышала разговор.

Муж спросил жену: «За что ты дала ей пощечину?»

«За то, что она опять к тебе прибилудилась. Если бы ты к ней заявился, я бы тебе врезала. Да еще покрепче», – ответила жена.

– А что? Нормально, – отреагировала Жанна. – С такого рода дамочками у меня общение не дальше прихожей. Сказала, а сама посмотрела на Лену, будто ожидая подтверждения своей правоты.

«У девчонок только и разговоров, что про любовь да про счастье. И какое-то странное упоение собственными страданиями, – вздохнула Лена. – Правда, направляемые Аней, они на этот раз более спокойные и умеренно интеллигентные, я бы даже сказала светские. Хотя... светские разговоры не бывают искренними».

– Какие еще за Федором грешки водятся? Посплетничаем? – с усмешкой спросила Жанна. – Имеем ли мы право

судить чье бы то ни было житье-бытье?

– Мы не сплетничаем, – искренне возмутилась Аня. – Ссылаясь на историю Эммы, мы изучаем проблему, проникаем в ее суть.

– С ее подачи, – подтвердила Инна.

«На этот раз отбилась, – усмехнулась Лена. – Ну как же иначе! Раздеть донага, разглядеть, оценить... нутро грешника».

– Я считаю, в этой истории подло и непростительно виноват только Федор.

«Себе-то мы всегда найдем оправдание», – критически восприняла Лена категоричное заявление Ани.

– Сразу трибунал Федору устроим или заочное судилище? – поинтересовалась Инна.

– Если понадобится, я и в глаза ему все это повторю.

В голосе Ани слышались слезы, но негодование уберегло ее от проявления слабости. Она совлала с собой и продолжила:

– На днях встретила свою давнюю знакомую. Она пожаловалась, что муж сильно болеет, два инсульта перенес. «Злой, капризный стал. И без того с ним трудно, а он еще усугубляет мое положение. Можно только гадать почему. Мне иной раз кажется, что он завидует тому, что я пока здорова. Радовался бы, что я еще способна за ним ухаживать, а он нервы мне мотает, доводит до истерик. Я ведь тоже не железная. Если свалюсь, ему разве лучше будет? Говорю ему: «Молодости

не вернуть, а будущего может не быть. Живи настоящим». Все равно бунтует. Терплю, пытаюсь быть выше обид, а он как скаженный...»

Вот почему он такой? Ему обидно, что раньше жены может с жизнью распрощаться?

– Человек слаб, – усмехнулась Инна.

Жанна тоже ударилась в воспоминания:

– Представляете, муж одной моей подруги заявил, что жена предала его. Десять лет терпела его похождения и вдруг, видите ли, ушла. Она, оказывается, дрянь, а он пострадавший. А другой мне каялся, мол, «поддался соблазну, несколько лет был влюблен в одну женщину, а она, дура, ребенка родила и хочет разрушить мою семью. Я готов удушить ее». А я ему ответила: «Любовница – это твоя плата за любовь и терпение жены? Почему раньше о своей семье не думал? Взгляни на себя со стороны, поставь себя на место жены, любовницы, мозгами хоть чуть-чуть пошевели». И он после всего этого еще хочет, чтобы жена по-прежнему его любила! А он смог бы? Непобедимая мужская логика! И кому жаловался? Мне, женщине! Надеюсь, что я его пойму и пожалею? Такой никогда не одумается. Ума не хватит.

– Я еще похлеще случай знаю. Муж моей соседки купил киоск и заставил жену до двух ночи в нем работать, хотя она упиралась, отказывалась. Ее там изнасиловали пьяные хулиганы. Так муж ей теперь простить этого не может. Попрекает. А в чем она виновата? В том, что он не оградил, не защи-

тил, не пошел вместо нее по ночам трястись от страха в этом чертовом переулке? – спросила Инна.

«Перебирая чужие несчастья, подружки пытаются притупить свои? А Инна, спроси я ее, сказала бы, что они демонстрируют свою порядочность, благородство и благонравие. Но она не права», – решила Лена.

Аня опять выступила с очередным наблюдением:

– Как-то присутствовала свидетелем при разборе аварии. Шофер говорил милиционеру: «Загляделся я на красивую бабу, черт бы ее побрал! Ходят тут, перед глазами, мельещат, соблазняют». А я подумала: «И тут у них женщины виноваты уже одним только фактом своего существования!»

«А о каких качествах женщин станут в такой ситуации вспоминать мужчины?» – задумалась Лена.

– Недавно смотрела фильм. Там врач – интеллектуал, между прочим, – с умным видом спрашивал медсестру: «Почему бабе (?) легче сделать аборт, чем заставить мужика надеть презерватив?» Я чуть телек от злости не разбила, вспомнив слезы моих подруг. Нет, вы чувствуете, как вопрос сформулировал? Ему, врачу, даже в голову не приходит, что дело не в женщинах, а в мужчинах, которые упрямо не хотят беречь своих жен, в их тупом эгоизме. Их бы туда, на операционный стол... Я не права?! У нас слишком низкая культура семейных и половых отношений, – вспыхнула Инна. Голос ее сорвался на фальцет.

– Права, права, – примиряюще сказала Лена.

– Мой сосед, когда напивался, бил свою красавицу жену. А мне объяснял, что очень любит ее, ревнует и боится потерять. Где же логика? Казалось бы, должен гордиться, что пошла за него, быть с ней ласковым, заботливым, чтобы удерживать ее рядом. А он... – сердито доложила Аня.

– Жестокость от неуверенности в себе, – сказала Инна. – Я знала мужчину, который чем больше любил жену, тем больше ее мучил. Изменял, чтобы задеть ее.

– Все проблемы в скрытых нюансах взаимоотношений между людьми, – сказала Аня.

– А я думаю, надо в главном совпасть, потому что приоритеты у всех разные, – выразила свое мнение Жанна.

– Не пойму, зачем люди изгаживают данное им чудо – жизнь? Как я должна воспитывать моих подопечных мальчишек, чтобы они нормально мыслили?

– Улица тебе поможет, – криво усмехнулась Инна.

– Я не пытаюсь изменить мир, но я хочу видеть детей счастливыми, словно оправдываясь, пробурчала Аня.

– Еще не исчерпала ресурс? Надеешься, даже проиграв битву, выиграть войну?

Лена понимала, что Инна сочувствует Ане.

– Не греют такие сюжеты. А религия утверждает, что каждый свой шаг человек совершает под присмотром своего ангела-хранителя.

Инна не дала Ане договорить:

– Только, видно, ангелы, как и люди, не всегда бывают

обязательными и внимательными. А может, все они – мужчины? – зло рассмеялась она. – Древние греки были правы, наделяя своих богов всеми человеческими пороками. Их мифы многому учат. Жанна, ты как-то не совсем правильно понимаешь нашу православную веру, подучиться тебе стоит, прежде чем проповедовать.

– Все-таки ты клоунесса! Твой жанр – буффонада и гротеск, – сказала Жанна с обидой в голосе.

– Это комплимент. Петрушка своим умом всегда всех побеждал.

«Личные не очень ровные отношения между ними постоянно проступают вторым планом. Общее прошлое... его ломкая внутренняя связь? За нею порой мне видится какая-то давняя тайная печальная история. Былое соперничество? В чем? В учебе? Молодой человек в ней был замешан?» – задумалась Лена.

– Я вот думаю: многое ли должно сходить с рук мужчине, если индульгенцией ему служит талант? – задумчиво произнесла Жанна – Должен ли в этом случае быть предел прощению и терпению?

– Вопрос на докторскую диссертацию, – рассмеялась Инна. – А у нас здесь не заседание ученого совета Академии наук.

– У нас заседание ООН, – подключилась к игре Аня.

«Вот дает! – удивилась Лена быстрой реакции Ани. –

Молчаливой и зажатой студенткой была из боязни обнаружить свое невежество? Так и я на роль наставника явно не тянула, но была смелее. Ах, да... Совсем вылетело из головы ее горькое детское одиночество. Родители попали под колесо сталинских репрессий, и детдомовское воспитание зажало ее и затуркало так, что его действие до сих пор сказывается. И теперь ее главный способ преодоления отчаяния – работа».

– Мы все такие разные. Что есть норма человеческого поведения? – спросила Аня.

– Пытаешься подогнуть Федора под трафарет, мысленно укладываешь его на прокрустово ложе порядочности? Если все во всем будут нормальными, так и гениев на земле не останется, – рассмеялась Инна.

– Интересный, однако, ракурс, – задумчиво произнесла Жанна.

– И еще. Как же можно жить без сумасшедшей любви, которая всё преодолевает?

– Любовь Лены не сумасшедшая, но тоже всё преодолела. Я не вижу в твоих словах связи. Это шутка? – не поняла Аня.

– А Федька видно посредством своего «таланта» желал «обрести свой голос», надеялся, что хоть тут не обойдет его вниманием «народная молва». Чем бы ни прославиться... – язвительно усмехнулась Инна, явно не вникая в вопросы и умозаключения Ани.

– Не притворяться надо, не подражать жизни, а жить... – рассердилась Аня.

– У всех свои понятия на этот счет, – оставила за собой последнее слово Инна.

«Пободались и к чему пришли?» – не поняла Жанна.

Инна опять завладела вниманием сокурсниц.

– Временами и в Эмме доминировало иррациональное начало, и тогда разум будто бессознательно отступал перед чувствами. Вот почему она в Федьку влюбилась?..

«Боже мой, этому трепу конца и края не будет. Как бы мне устроить единодушный заговор молчания? Диктаторским методом? Не поймут. Кружат, кружат, вокруг да около ходят и опять возвращаются на исходную позицию», – устало посетовала Лена, посмотрела на черное ночное окно – луна полностью скрылась в плотных облаках – и невольно улыбнулась, вспомнив из детства фразу: «тьма египетская».

22

– ...Нет, все-таки не в тот тарантас Эмма села. А теперь «по чистоте душа тоскует». Не я, артист Валентин Гафт так сказал.

– Инна, зачем ты так про Эмму. Это на нее не похоже. И Федор, когда хотел, умел быть приятным и полезным собеседником, – заступилась за обоих супругов Аня.

Инна не утерпела и вылезла с анекдотом:

– «Можете, когда хотите!» «Хотим, когда можем». Потом опять, не скрывая злой иронии про Федора сказала:

– С его-то серостью и голосом, совершенно лишенным характерных оттенков? Нет в нем ничего выдающегося.

– Выдающихся ей подавай! На тебя не напасешься, – буркнула Аня.

– Может, Федор лучше проявил себя в работе? Всё какое-то оправдание. О человеке надо судить по вершинам, а не по мелочам. Суть его – в делах, – остановила собеседницу Жанна.

– А внутрисемейная жизнь так уже по боку? Разве она – мелочь? – недовольно возразила Аня. Эта проблема ее больше интересовала.

Но Инна уже давала Федору краткую исчерпывающую характеристику:

– Не погрешу против истины, если заявлю, что ничего плохого в этом смысле о нем сказать не могу. Правда, звезд с неба не хватал, головокружительного вертикального карьерного взлета у него не наблюдалось, но крепкий профессионал средней руки. Немыслимая карьера – начальник среднего звена! И в талант своего сына не верил, в науку не пускал. По себе его мерил.

– А я слышала, будто он хвалился обширными связями на всех этажах власти. Мол, даже вхож...

– Жанна, и ты поверила? Не страдает излишней скромностью. Врет, значимости себе прибавляет. Пыль в глаза пускает. Но натура достаточно деятельная, оборотистый, предприимчивый, когда надо.

– Феерия комплиментов! Не слишком ли сильное высказывание? Не ожидала. Я категорически отказываюсь это признавать, – с неожиданным жаром заявила Жанна.

– Как раз таки очень на него похоже. Провернуть аферу, воспользоваться неопытностью партнеров. Такие качества по наследству передаются, они в крови должны быть, чтобы уметь ловчить. Федька не талантливый, но проницательный. Пытается отслеживать по каким-то там своим каналам нужную информацию, удачно ее учитывает, чтобы заранее установить нужные контакты. Сейчас информация решает многое.

«А может, все-таки Федор не изворотливый, а умный? Далеко не глуп, если разбирается в людях и способен их положительно использовать. Не многие умеют проследить связи между неявными событиями, поэтому интриги не их поле деятельности. Очевидно, карьера у него сложившаяся, стабильная. Хотя о какой стабильности можно говорить в наше время? Сочувствие к Эмме заставляет подруг красить Федора в черный цвет. Наверняка есть в нем что-то позитивное, просто отрицательное преобладает», – подумала Лена.

– Не грешешь ли ты к Федору излишней любовью? У него не проскочишь, не забалуешь? «Такой не скостит и крохи. За каждую малость потребует отчет и даже за неудачное стечение обстоятельств». Так говаривал мой непутевый дед по линии отца, – рассмеялась Жанна.

«С возрастом мы иначе относимся к трагедиям детства.

Хотя бы внешне. Когда-то одно упоминание о деде вызывало у нее бурю негативных эмоций, а теперь она цитирует его», – про себя отметила Лена.

– Федор тщеславен. Знает себе цену. Тормозить свои честолюбивые планы не позволял даже маме, – гордо заверила Аня, довольная знанием подробностей из жизни семьи Эммы.

– Ты, часом, не позарилась ли сама на Федьку? Тащишься от него? Какую... к этой самой прабабушке... цену?! Чем он может нравиться? Обаянием беспардонного беспринципного циника и наглеца? Продажная тварь. Ну-ну, изложи нам свою концепцию его становления как предпринимателя, – сурово приказала Инна Ане.

– Тебе известно, что он долго не выпускал из рук удачу? Теперь всего у него в достатке. Он сам хвалился, мол, не с колес живу. Заткнул за пояс многих, потому что постоянно думал, как их «обойти на повороте». Представляю его ярость от того, что он дал кому-то себя провести. Взбесившийся мустанг! Наверное, у конкурента сорвал бы дверь с петель.

– Донесли или придумала? – с нескрываемой усмешкой спросила Жанна у Ани.

– Я наудачу Федора спросила, как сложилась его жизнь, а он мне ответил, – недовольная недоверием пробурчала Аня.

– Ложью он владеет в совершенстве. Она для него – форма существования. Он в ней органичен. Мутный, у него семь пятниц на неделе. Его выкрутасы у всех в печенках, но нюх

на деньги имеет, – сказала Инна.

– Тоже оружие... с учетом современных обстоятельств жизни, – откровенно издевательски, а может, и с завистью заметила Жанна.

– Настырный, душу вынет из кого угодно, пока не добьется своего, – дополнила свои «показания» Аня.

– Федор, насколько я помню по студенческим годам, обыкновенный психопат, паникер припадочный. Как-то неубедительно доказывал мне что-то насчет Фрейда, а я от него шарахалась, – с запоздалым недоумением вспомнила Жанна.

– Когда он был в командировке в одном из наших НИИ, я случайно в кафе слышала, как он негромко, но срывающимся от бешенства голосом отчитывал приехавшего с ним инженера. И в хвост и в гриву его чихвостил. Въедливый, до тошный. Умеет людей использовать во всей полноте. Такой плешь проест, но не отступится. Шутка сказать: большой начальник! Горазд раздавать приказы. Напрочь забыл, как сам был таким же неопытным. И с рабочими через губу разговаривал. Разве это не показатель? – спросила Аня.

– И тут он верен себе, – усмехнулась Инна.

– Пришпоривал подчиненного? Обычная практика. Не самому же за него работать. С лодырями только так и нужно поступать. Ты бы такого взашей, пинками вытолкала, – возразила подруге Лена. – Большие требования, большие ожидания. Это нормально.

– Когда дело касается барыша, Федька весь там... выцарапает выгоду из любых обстоятельств. Не угнаться за ним. Всё у него сводится к деньгам. Эмма на работе проводит физико-химические опыты, извлекает квадратные и кубические корни, а Федька – выгоду.

– Так ведь бизнес, а не бальные танцы, – заметила Лена.

– В бизнесе напористый, страстный и одержимый или все-таки с печатью заурядности? – уточнила Жанна.

– Скорее, хамоватый, наглый, циничный. Бескомпромиссный, но расчетливый. Увертливый: не подберешься к нему, не ухватишься. Хоть гвоздями к стене прибивай. Вмиг захапает то, что плохо лежит. О таких у нас в деревне говорили: «У него хитрость, лишённая ума, и добродушие без доброты». Его не интересует человек, который в данный момент ему не нужен. Он о нем просто забывает. Какой богатый дерзновенный ум! «Его деловые качества выше всяких похвал! Так воздадим же ему должное с присущим нам умением», – речитативом дурашливо пропела Инна. И добавила уже вполне серьезно:

– Жанна права, для мужчины некоторые из Федькиных качеств важны, тем более что живем мы теперь в холодном, расчетливом, лишённом поэзии мире. И в этом плане с ним стоило бы водить дружбу. Не зря же он до сих пор работает в серьезной фирме.

– Можно, но только осторожно, – подхватила Аня. – У Федора друг есть. Так его бизнес процветает в основном за

счет попавших ему на крючок неудачников. А ведь мы знаем: «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Но не имея реальных подтверждений, я не хочу обобщать.

– Тебе моего слова уже недостаточно? – возмутилась Инна.

– А я думала Федор свою фирму создал, – удивилась Жанна.

– Так и создал. Но сначала я расскажу тебе каким он был в восьмидесятых. Вежливый, подобострастный в присутствии начальника. Грибоедовский Молчалин. Рассказывали, будто насмерть схватился с очередным конкурентом на его кресло. Уже начал было верить в неминуемый провал, но усидел и «опустил» соперника. Сожрал – не подавился.

– Расчистил себе путь наверх? Он не умеет достойно проигрывать? – спросила Аня.

– А ты хотела, чтобы он, как ты...

– Получается, по нынешней жизни ему бы цены не было, если бы не пунктик?.. – саркастически заметила Жанна.

– У многих теперь есть свои «особенности», на которых они закливаются, считая, что то, что они отстаивают, должно быть только таким и никаким иначе.

– Федор превыше любви и дружбы ставил карьеру. И если приходилось выбирать между деньгами и совестью, он долго колебался. Протискивался в любую щель, локтями отпихивая соперников. Герой нашего времени, – дополнила Инну характеристику Аня.

– И все равно не многого он добился при Союзе. Был птицей невысокого полета.

– Не всякое препятствие можно обойти. Не спился, не стал бомжом, семью обеспечивал. По той жизни это было много, да и по нынешней, – задумчиво произнесла Жанна.

– Это еще вопрос, кто кого содержал. Не перетрудился. Любил себя, берег, – фыркнула Инна.

Лена слушает, не открывая глаз. До нее с трудом доходит смысл отдельных фраз, выхваченных из разговора подруг.

– ... Умный и хитрый – не одно и то же. Жаль, что хитрые и наглые чаще всего побеждают умных. И устраиваются в этой жизни они, как правило, лучше.

– Федор сумел, не прогорел, как многие, начинавшие с ним.

– Тихой сапой.

– Он же холерик, – не поверила Жанна.

– Независимый, равнодушный вид придавал ему особую пикантность. Мог интересно пошутить. Являл собой пример надежности. Он везде «свой человек». Мне так казалось. Я наблюдала за ним, когда приезжала к Эмме, – добавила Аня осторожно.

– Это ты о ком? Ну и фантазерка! – презрительно рассмеялась Инна. – Где ты узрела столько достоинств? Если уж открыто высказывать правду, то в шутках Федыки было больше пошлости и насмешек, даже издевок, чем остроумия. Не ве-

ришь? Век оргазма не видать! – искренне возмутилась Инна.

Лена насторожилась. Инну начинало заносить.

– Вел себя Федор несколько театрально, но это же не порок. За эту манеру я его не осуждаю. Он так устроен, – объяснила Аня.

– У меня тоже всегда наготове мое главное оружие – ирония. Ну и что из этого? – Инна с холодным недоумением посмотрела на Аню. Но та увидела, что в ее взгляде любопытство боролось с презрением. – Нет слов как хорош? Как много в нем стоящего! Неотразимый, уникал. Поёшь – прямо-таки сирена. А в древнегреческой культуре лукавая сирена – символ похоти, зла и нелегитимной сексуальности... Расхваливаешь на все лады! «О, какой случай представился! Я лицезрела самого Федора!» Ты тоже простила бы ему фривольные приключения?

Занавес поднимается и опускается, но мы не видим изнанки... Гаденыш, смотрит на каждую женщину так, словно их связывала давняя любовь. Демонстрирует отработанные перед зеркалом взгляды, которые однозначно напрямую без намеков говорят о его победах. Воображает, что в памяти женщин остается живой легендой. Это тебе в нем нравится?

– А это здесь при чем? – растерянно захлопала белесыми ресницами Аня. – Мы же про работу...

– Ты в восторге от обаяния наглости? Не устаю тебе удивляться. Уважаешь за то, что шагал по головам, за то, что связи любовниц сыграли не последнюю роль в его карьере?

За то, что затопчет упавшего, не посочувствует проигравшему, – быстро перестроилась Инна. – Ты помнишь его шуточный девиз: «Хороших друзей нельзя купить, но их можно продать». Ни с кем не считается, если надо повернуть выгодное дельце. Никогда не унывающий циник. В его сердце душевный вакуум, – с оттенком привычной насмешливости перечисляла Инна.

Лена легонько сжала плечо подруги.

– В нем удивительно уживается непорядочность и трудолюбие. Вот ведь какая интересная двойственность природы, – сказала Аня.

– Где ты разглядела трудолюбие? По верхам глядишь. Разве что на виду у начальства. Работать не умеет и не хочет, только командует. Его стезя – руководить малым коллективом. Там всё на личных контактах. Это его конек и его потолок. Большой он не потянет, – опять язвительно проехала Инна. – Плохо ты его знаешь. Он всегда готов проскочить за чужой счет. Не в его характере упускать такую возможность, тем более позволять припахивать себя. У него этот инстинкт срабатывает автоматически. Он и в семье себя так же ведет. И в ней его притязания хоть на малую, но власть.

– Но деньги-то Федор зарабатывает. Где же логика? – удивилась Жанна. – Ах да, женщины! Всё ради них.

– ...Мужчины, возможно, и умнее нас в производственных делах, но что касается быта и воспитания детей – тут

женский приоритет безусловен. – Это Аня увела подруг от беспредметного и бесцельного, как ей казалось, разговора.

– Они много чего не понимают, – усмехнулась Инна.

– Сильно сказано. Но это не значит, что мужья должны отстраняться от участия в домашних делах и от общения с детьми. В воспитании обязана присутствовать мощная мужская составляющая, – сказала Жанна.

– ...Я читала, что гениям позволительно в поведении немного уйти от нормы. – Аня опять попыталась осторожно подтолкнуть подруг к интересующей ее проблеме.

– Федор даже не талантлив. Меня поражает однообразие его внутреннего мира. Оно не дразнит воображения. Это сейчас он немного изменился, стал «своим и в овчарне, и в стае волков», – резко проехала Инна. – Только в такого он превратился, когда преуспел на новом выбранном поприще. Будто проснулся. А до того особо ничем не выделялся. И если быть до конца честной, скажу: его поступательное движение по служебной лестнице было минимальным. Наверх его особенно не звали. Невыдержанный, пустой фантазер с болезненно-сладким ожиданием успеха. Снискал известность только глупостями и ошибками. Неоднократно получал публичные выволочки, оплеухи и даже осмеяние. Глохла его карьера. И хитрый начальник его использовал и зажимал. Жили они с Эммой более чем скромно.

– «В роскошной бедности, в могучей нищете». «Мои подметок стертое величие». Мандельштам, – подала не

слишком развернутую реплику Жанна.

– Все мы вскармливали свои души в закромах великой русской литературы, – с воодушевлением подхватила Аня. – В квартире минимум вещей без всяких затей и только книги – «убогая роскошь интеллигентских семей», и «...нашей жизни скудная основа!» – были в достатке.

– И вдруг Федор в перестройку, в девяностые, нашел себя. Свобода! – сказала Аня.

– Он свою потребность в свободе «прекрасно» реализовывал и до перестройки... в распутстве.

– Случилось непредвиденное? – не слушая Инну, предположила Жанна.

– Непредвиденное? Жена помогла. Какой-никакой, а все же муж. Хоть плохой плетень, да за ним тише, – поговоркой ответила Аня. – Спрятала Эмма свою боль поглубже и поддержала Федора, когда ему было трудно. Он пытался слесарничать, столярничать, а она сердилась, мол, так дела не делаются, просчитаешься. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что не могут детали, выточенные вручную, конкурировать с теми, которые сошли с заводского конвейера, хотя бы количественно. Твоя задумка обернется провалом. примени знания по своей специальности и организуй что-либо подходящее. Сколоти бригаду, займись хотя бы ремонтом дорог. А Федька нет чтобы наострить уши, прислушаться, упорствовал, теряя драгоценное время и клиентов, кото-

рых подхватывали более шустрые. Не получалось у Эммы стронуть мужа с места. Он всегда невысоко ценил ее ум, ни в грош не ставил ее заслуги. А ведь она, если разобраться, всегда была мощной опорой их семьи. Думаю, он умышленно не замечал ее советы, завидовал, ревновал.

Инна мысленно невольно сравнила Федора с мужем Кире. Слава шагал по жизни с решимостью, напоминавшей его военное прошлое. И с годами это впечатление только укреплялось. Инне нравилось, что он по многим вопросам советовался с женой, что свидетельствовало об обоюдном супружеском уважении. Но вслух она сказала:

– Знаменитый режиссер Марк Захаров как-то в интервью по телевидению заметил, что женский кошачий ум сильнее мужского. Женщина чувствует то, что мужчине не дано. Она сильна интуицией.

– И мой дед говорил, что умная женщина умнее умного мужчины. И добавлял, что ней тонкое звериное чутье, эмоциональная пронзительность, быстрый ум, способность обособлять сущность, бытовая практичность, цепкость на детали. Женщина более надежная, дисциплинированная, трудолюбивая и ответственная». При этом в его голосе звучала взволнованная почтительная благодарность. Такое не сымитируешь. Конечно, мы не все такие. Но принято считать, что и в интригах женщины сильнее, потому что тоньше понимают взаимоотношения и лучше прослеживают бесчисленные связи между людьми и сочленения между ситуация-

ми, – с чуть усмешливой улыбкой сказала Лена.

– Ум – понятие широкое. Нельзя сравнивать мозги Эйнштейна и его жены, хотя она была по-своему талантлива и ему без нее жилось бы плохо, – заметила Аня.

– Кто бы спорил, – согласилась Лена.

– А ведь и правда. Я стала свидетелем одной жуткой истории с ограблением милицией приличной трудовой семьи. Все выгребли. Мать возмущенно говорила своим взрослым сыновьям: «Как можно было не видеть, что тот парень «подсадная утка»? Это же прозрачно. Вас милиция за эти ничтожные железки, честно купленные на рынке, оберет до нитки». Но разве умные мужчины послушают недалекую женщину! Она, во всяком случае, сделала всё, что могла, чтобы предотвратить беду. А они до сих пор замалчивают тот свой прокол. И потом, сколько еще у них таких ошибок было, потому что не верили в женскую интуицию, – с болью в голосе рассказала Жанна.

– Ты это о ком? Они из наших общих знакомых? – пристала с допросом Инна.

– Нет, из моих, но я все равно не стану подробно озвучивать ту беду. Это не моя история. Да что там говорить... Их, таких случаев, в перестройку хватало...

– Ну так вот, – продолжила свой рассказ Инна, – Федька еще пропасть всяких идей опробовал, пока наконец решился прислушаться и последовать совету Эммы. Вот тут-то и

стали более внятно проявляться черты его характера как организатора. Только он снова во многом не соглашался с женой. Поначалу упрямился, возражал, бесновался, психовал в мелочах, мол, «привереда, строптивая, где не надо... чтоб ты понимала, уймись!» Его поведение говорило только о том, что с детства он ни к чему не приучался, рос без поводка, ни в чем не знал ограничений и никто ему никогда не противоречил. Это мы, чего-то добиваясь, падали, набивали шишки, сами поднимались, обретали себя заново, умнели.

– Потому что были детдомовские или наполовину... Ребенок, воспитывающийся в семье, рано начинает понимать, что справедливость – часто недостижимая фантастика, а мы еще после школы долго не могли отказаться от своих иллюзий, верили, что она где-то существует, искали ее... ломали себя. Не у всех получалось, – сказала Аня. – А моим теперешним подопечным еще труднее.

– Федька, капризничая, свое поведение Эмме приписывал. А разве она когда-нибудь распекала мужа? Знала его взрывной характер. Сочувствовала, тактично помочь пыталась, поддержать. Иногда только мягко выговаривала, когда он совсем уж не в ту степь направлялся и просила уважать не только свое мнение и свой выбор. Видела, что не хватает у него порошу, что раскис, руки опустил, потому что переиграла его женщина. Всю их бывшую организацию захапала, своего мужа во главе поставила, а его вон выставила. Остался, бедняга, ни с чем, чуть ли не на подножный корм пере-

шел. Я его и себя в ту пору подначивала: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок».

– Сколько таких... по России в перестройку появилось! Многие так и не очухались, – угрюмо заметила Жанна.

– Что Бог ни делает, все к лучшему. Правильно, что щелкнули Федьку по носу. Сам шевелиться начал.

– Ты забыла. Не тот случай. Сразу не зачесался, – не согласилась Аня. – Тогда Эмма через старшего сына принялась действовать на мужа, чтобы тот со своей стороны надавил на отца. Знала, что из-за одного только своего непробиваемого упрямства не станет муж с ней считаться. Стоило ей дать в чем-либо совет, в Федоре сразу взрывался дух противоречия и он губил идею на корню. Говорил, мол, отстань, у меня все радужно и никаких проблем! Так у них всегда было, потому что мелкого калибра он человек.

– Как бык необъезженный под ярмом упирался и артачился, – засмеялась Жанна.

– В общем, вместе они нажали на главу семейства, убедили – и каша заварилась.

– И растерянность сразу сменилась уверенностью?

– Ох, не скоро у Федора возникло понимание Эмминой правоты, а когда дошло, ухватился. Осознал наконец, что если разыграет эту единственную карту, удержится на плаву, и все у него будет тип-топ. Но все же продолжал тянуть, капризничать, теряя возможность заполучить выгодные договоры. Не мог позволить себе признать первенства жены в

идею. Хотел представить, будто она исходила от него. Боялся, что верх над ним возьмет. А вы говорите об Эмминой сонной покорности.

– Аня, ты очень точно схватила Федькин характер. Мой третий тоже такой был. Наверное, многие мужчины на такой манер скроены.

– Много и других проблем возникало у Федора на пути. Не один год ушел на становление, развитие и укрепление бизнеса. А Эмма спокойно признала свое предложение за Федором и даже вызывалась помочь научить мужа разбираться в бухгалтерии. Но и тут его бесило, что она знает больше него. Не хотел идти к ней в подмастерья, терял в деньгах, но не принимал помощи. А бухгалтера, понимая некомпетентность начальника, «надирали» его по полной программе, пока он не освоил новую для себя специализацию.

А что, Эмме надо было с кулаками доказывать мужу очевидное? С его-то непорядочностью и неделикатностью любая ее атака сразу захлебнулась бы в оскорблениях. Да и не в ее правилах брать кого-то за горло.

– Нельзя всю жизнь прошагать с маминым букварем в руках, опираясь на его прописные истины. Надо воспитывать в себе бойцовские качества, а она... – начала было «наводить критику» Жанна.

– В своей работе Эмма себя очень даже хорошо проявляла. Была разумна и дальновидна, – возмущенно остановила

Жанну Аня.

– Все мы делаем массу ошибок, пока добираемся до истины или ловим свою жар-птицу, – сказала Лена. – Жанна, как ты непримирима! Жизнь крепко тебя изломала.

– Эмма – боец, – продолжила Аня защищать подругу и делиться информацией. – Только упрямство Федора не умела переламывать. Она была рада, что муж не отказался, раскрылся. А он после того, как его положение упрочилось, крепко став на ноги, вовсе распоясался и окончательно узурпировал власть в семье. Стал еще более наглым, напыщенным. Как же, он муж-добытчик, а жена там со своими доцентскими крохами... А то, что она совсем недавно несколько лет содержала семью, давно ушло в область преданий.

Федор отмечал свои успехи с непристойной помпой – он же, в любой ситуации видит на десять шагов вперед! – а ее ни разу не пригласил на праздники, будто ее вообще не существует. Не считал себя ни чем обязанным, хотя в любой семье успех одного – это всегда жертва другого. С ехидной неуважительной приветливостью на лице втихаря притыривал себе деньги, сколько хотел, не докладывая о доходах жаждущей справедливости благоверной. Она-то хотела, чтобы он для детей старался. Ходят слухи, что любовницы, догадываясь о его «привычных мужских, полновесных заначках», мчались к нему, что бабкины козы на капусту. Похоже, им от него за глаза перепадало.

– Чего взъелась на мужика? Ты не преувеличиваешь? –

притормозила Аню Жанна.

– Кто был гадом, тот и при деньгах им остается, если еще не хуже делается. Есть тип мужчин: чуть-чуть разбогатеют и уже считают своим правом толстосумов менять партнерш как перчатки, не заботясь об их дальнейшей судьбе, о женах и детях забывают, – зло отреагировала на вопрос Жанны Инна. – Эмма поначалу не догадывалась. Но, увидев на лице мужа дотоле незнакомое ей выражение хищного восторга, призадумалась. Как-то пожаловалась мне: «Принес пятьсот рублей, гордо положил в коробку, а в конце месяца я обнаружила там только пятьдесят рублей. Через месяц снова проверила. Тот же результат. Куда он их тратит? Получается, мы опять живем на мою зарплату».

Встретила я как-то в магазине одного знакомого. Он шикарный костюм себе покупал, а с женой и дочкой при этом по-хамски себя вел. Вот, мол, я какой богатый, позволяю себе что хочу. Видно, один из тех, которые всплывали на мутной волне перестройки. Денег много приобрел, а человеческого в нем не добавилось. Неловко мне стало, что оказалась свидетельницей его непристойного поведения. Жена с дочкой не знали куда глаза от стыда девать, а он не понимал неловкости ситуации и еще больше передо мной и продавщицей выпендривался, куражился, дурь свою демонстрировал. Заторопилась я уйти, сославшись на занятость.

– Он из той же обоймы, что и Федор, – сделала вывод Аня.

Инна с Аней секретничают.

– ...Наверное, воображал, что дарит счастье недолюбленным женщинам.

– И ведь не считал себя подлым... Душевный инвалид. Случай мне припомнился. Эмма рассказывала. Ей благодетели о нем донесли. «Родила одна женщина себе дочь, будучи уже в приличном возрасте. Назвала ее Надеждой в честь своей любимой бабушки. А Федька вообразил, что девочка от него и при всей компании недвусмысленно об этом намекнул, мол, говорящее имя, надеешься на продолжение отношений или даже на что-то более серьезное? Но женщина вмиг его подрезала: «Неужели ты считаешь себя способным быть чьей-то надеждой?» Он язык-то и прикусил».

– Крепко приложила! – похвалила незнакомку Аня.

– Для Федьки было нормальным пытаться добиваться договоров через постель. Обхождению-то научен, – брезгливо обронила Инна.

– Да ты что! Опустится до того, чтобы его содержали женщины?! А я не знала, – подскочила, округлив глаза Аня.

«С ее-то мальчишеской subtilностью и столько энергии?» – машинально мелькнуло у Лены.

– Налицо обыкновенная мужская проституция. Одним он приплачивал, другие – ему, на что-то надеясь.

– И считал это справедливым?! Герой Мопассана.

– Куда ему... примитивный пройдоха. Для него главное не быть, а казаться.

– Безотносительно ко всему остальному – я имею в виду работу – он ведет себя препаршиво. А как дашь отпор?

– Что естественно, то не безобразно, – только чтобы подразнить Аню, сказала Инна. – Совсем мы заклевали и захаяли мужика. Сплошной треп, ничего положительного! Хватит муссировать недостатки, возьмемся за достоинства?

– Мне кажется, с женщинами у Федора на автомате: пришел-ушел. Лучшей доли не искал, – сказала Жанна, будто в оправдание Федора.

– Если бы это так было. Случались у него и долговременные связи, когда денег хватало. Эмма говорила: «Если бы Федя всерьез полюбил, я бы ему предложила сделать выбор. Но я понимала, что это его очередное временное увлечение и оно продлится столько, на сколько хватит терпения у той женщины. Сам он продлять отношения не станет. Ему женщины быстро надоедают». Аня, ты помнишь ту, бывшую Федькину чиновницу проститутку?

– «Вы помните. Вы всё, конечно, помните...» – ломким голосом пропела Жанна.

– Которую их них? Которая шантажом его...

– Другую. Заарканила глупого и крепко держала. Хитрая стерва. И мужика, и деньги имела. Уметь надо! – зло рассмеялась Инна.

– Я слышала, стервы делают из мужиков мужчин, – сказа-

ла Жанна. – Вот, скажем, хотя бы эта...

– В тряпку половую они их превращают, – горячо возразила Аня.

– Говорят, классная стерва умеет создавать мужику иллюзию счастья, даже если он пашет на нее как вол. Это тоже талант. Та шлюшка-чиновница ездила и на мужа, и на любовниках по полной программе. Федьке ее один крупный начальник «отстегнул», когда та ему надоела. Рад был сдыхаться, избавиться. Не знал, как отделаться от липучки, – рассмехалась Инна. – Она передком карьеру привыкла делать.

– И Эмма ничего не предпринимала, чтобы покончить с этим безобразием? Как всегда была над всем... и всеми? – спросила Жанна. – Я бы навела порядок.

– Была одна попытка. Эмма жалеет об этой глупой подростковой вспышке гнева. Но совсем уж обнаглела та бабенка, при ней стала приставать к Федьке.

– Как такое можно вынести? И чем Эмма ответила на открытое посягательство?

– Пока та была на работе, Эмма на дверях квартиры той женщины и на стене прилегающего к ней пролета лестницы написала масляной краской слова, характеризующее ее поведение. Мол, пусть поработает руками, зачищая и закрасивая надписи. Правда, потом она каялась мне, мол, было внезапное временное помутнение разума, ведь не двенадцатилетняя же вздорная девочка. стыдоба, позорище... Наверное, сказалось то, что я только что вернулась из больницы,

была на максимум напичкана лекарствами... А тут еще под руку попала эта банка с краской. Я перед тем, как попасть в больницу, ремонтом квартиры занималась.

А вечером эта дамочка позвонила Эмме и стала упрекать в том, что ее ребенок теперь знает то, что не должен был знать. А Эмма ей ответила: «Я выяснила, ваш ребенок давно, намного раньше меня в курсе всех ваших художеств. А вы о моих детях подумали?»

Лицо Ани побледнело от злой решимости:

– Инна, опять кровь взыграла? Заклинаю тебя, прекрати! Не хочу больше о них, об этих... слышать.

– Поцапались и будет, – шутливо остановила подруг Жанна.

– Нас учили, что человек ценен, если он живет тем, что для него самое главное в жизни, – задумчиво, ни к кому не обращаясь, проговорила Аня. – А что Федор в себе ценит? Как-то рассказал он Эмме притчу о том, как завоевали враги одну страну, но выпустили женщин, разрешив им унести с собой самое дорогое. И те взвалили себе на плечи своих мужей.

– И с тех пор они не слезли. Вот так мы воспитываем эгоистов! – рассмеялась Инна. – Притчу, наверное, придумал мужчина. Хотя, если вникнуть, она прекрасная!

И грустно добавила:

– А нам из-за наших непутевых мужей в лестничный про-

лет бросаться?.. Если только они сами нас не столкнут... как в кино.

– Еще Федор добавил восторженно: «Какие были женщины!» А Эмма ответила ему: «Какие были мужчины!» И тоже прибавила: «Ты считаешь себя заслуживающим такой любви? Я прежде всего мать, а потом уж преподаватель, жена и хозяйка. Знаю, ты хотел бы, чтобы слово «муж» для меня стояло на первом месте. Но я бы спасла от рабства беззащитных детей, а тебе сказала бы, что ты сильный и смелый, настоящий мужчина, и что одному тебе легче будет пробиться через стан врагов и воссоединиться с семьей».

– Достойный ответ современной независимой женщины, уверенной, что одна сумеет воспитать своих детей, – отреагировала Жанна.

– Эмма еще сказала: «Такого, каким ты был в первый год моего замужества, я бы тоже унесла с собой. А спас бы ты меня? Есть много легенд, в которых, узнав о гибели любимого, девушка бросалась со скалы в море или пропасть. Только о мужчинах я ничего подобного не читала. А еще я думаю, что любая женщина, находящаяся в полном психическом здравии, потеряв мужа – как бы его сильно ни любила, – не бросит детей и не помчится на утес лишать себя жизни».

– Мужские байки. Сказка о том, что «бьет, значит любит» из той же серии, потому что в ней не уточняется, что любит муженек себя, родимого, а не жену. Издеваясь над женщиной, он себя, любимого, тешит, – усмехнулась Инна.

– Мне иногда кажется, что нарциссизм у Федора от мнительности и неуверенности. Он у него внешний, показной. Он как подросток, ориентированный на получение удовольствий без чувства ответственности. Ему без разницы: кто там, что там... Вкусив запретного плода, он не может уберечься от соблазна, умерить свой аппетит.

– Аня, ты оправдываешь Федуку?!

– Кончайте соревноваться в благородстве и злословии. Любая жизнь полна прекрасных моментов и драм. И дороги любви никогда не бывают легкими, – пробормотала Жанна. – Я от ваших рассуждений чувствую себя как вскрытая неделю назад консервная банка.

– ...Единственное, что я могу сказать в этой ситуации, так это то, что посредственный эгоистичный человек равнодушен и к добру, и к злу, если только оно его не затрагивает.

«Это голос Инны. От шума, если он даже бьет по ушам, я могу отключиться, а вот от звуков речи Инны – не получается, – про себя удивленно отметила Лена, впервые обратив внимание на этот странный факт. – Обычно так реагирует мать на плач своего ребенка».

«При чем здесь посредственность?» – недоумевая, потрепала себя за вихор Аня.

– ...Одному счастье – это покой, умиротворение, другой блаженство находит в бурях или в сексуальной дисгармонии, – сказала Жанна.

– Один в чистоте, другой в грязи, – с неиссякаемой ненавистью добавила Аня, в запале переходя на фальцет.

– Если бы все было так просто и однозначно. Мы самонадеянно и легко верим, что нас любят, а потом страдаем. Нам бы внедрить наполеоновский кодекс, – усмехнулась Инна.

– В чем он состоит? – Глаза Жанны загорелись любопытством.

– Муж, застав жену с любовником, имел право застрелить обоих. А я гулящих мужиков, как бракованных, по осени предложила бы отстреливать.

– Это похоже на сведение счетов. Получи женщины такое право, в мире не стоял бы вопрос перенаселения планеты. Нам бы грозил жестокий демографический дисбаланс – свидетельство нравственной катастрофы, – отреагировала Жанна на шутку Инны.

– Всё так плохо? Что на тебя нашло? Производить отстрел тех, кого и так не хватает? И что ты получишь в обозримом будущем? – тоже не приняла сторону Инны Аня. – Жена предпочтет извести любовницу, а мужа себе приберечь.

– Муж тут же другой разживется и опять повторится женское долготерпение. А он снова покроет себя «неувядаемой» славой любвеобильного сексуально озабоченного массовика-затейника. И что? Всех женщин под нож? Не жалко? – ехидно уперлась на своем Инна. – И там... за пределами... он вымостит себе дорогу в ад женскими обманутыми душами.

– А она женскими телами? – с откровенной неприязнью спросила Жанна.

«Так кого надо выжигать каленым железом?» – вопрошали удивленные глаза Ани.

– Ой, девчонки, что я видела в поликлинике! – воскликнула Инна – Ужас! Одна женщина другую, более молодую, сбила с ног и на виду у всей толпы протащила за волосы по всему коридору, приговаривая: «Не трогай чужих мужей, не разрушай семьи!» Люди на эту сцену смотрели молча как заколдованные. И пострадавшая не пикнула, только извивалась точно змея. Потом вскочила и как рванет ракетой на выход! Оказывается, жена сначала не могла нарадоваться на мужа за его рвение к работе в саду, а потом заподозрила неладное.

– Фу, какая гадость, – пробормотала Жанна.

– Если мужик слаб, женщине самой приходится воевать за стабильность в семье, – покривив губы, сказала Инна.

– И до чего же мы так можем докатиться? – подала голос Лена.

– А ты сама что предложишь? Вот то-то. Моя бабушка рассказывала, что в её молодости в деревне появился ловец, который, как хорек, по всем «курытникам» стал шастать. Так мужики его изловили, связали и на десять минут в прорубь по шею опустили. А потом сказали, что следующий раз не вытащат. Быстро излечили чужака от «хвори».

– А вдруг способность к сексу и красота – такие же та-

ланты, как и прекрасный голос? – вполне искренне спросила Аня.

Похоже, прямой, неожиданный вопрос поставил подруг в тупик, и ответом Ане было гробовое молчание. И только спустя некоторое время Жанна пробормотала, ни на кого не глядя:

– Поговорка есть: «Невозможно на всю жизнь наесться, наспаться и налюбоваться».

«Неиссякаемая болтовня. Сыта ею по горло», – тяжело преодолевая головную боль, подумала Лена. Но речи подруг все равно вплетались в бредовые моменты ее полудремы. Она уже плохо различала, где явь, а где фантастические монстры – фантомы усталого мозга, и усилием воли уже не пыталась отогнать их от себя.

Но напряженная «мхатовская» пауза в ее голове длилась недолго.

Аня шепчется с Жанной, Инна с Леной. Их разговоры то пересекаются, то растекаются. От этого в голове у Лены путаница.

– ...По-настоящему больно может сделать только любимый муж, – как ни в чем ни бывало продолжила Инна, казалось бы, уже закрытую тему, будто и не было перед этим ее неприятного рассказа и безглых эмоций подруг.

– Нет, ребенок! – категорично возразила Жанна.

– Я не задумывалась о таких тонкостях. – Инне хотелось

хотя бы голосом придать своим будто бы безразличным словам шутливый оттенок, будто ваньку валяет, но у нее в этот раз не получилось. Болезненный спазм сжал ей горло.

«За грубостью и иронией прячет свою боль», – поняла подругу Лена.

– ...Можно подумать, Эмма ничего в карьере не достигла! Ее перед перестройкой в проректоры по науке прочили, да она отказалась, – вскипела Аня, не дав договорить Инне о чем-то, чего не расслышала пришедшая в себя от возгласа Лена. – А в начале перестройки, пока Федор, совсем сникнув, пытался наладить бизнес, она содержала их семью. И преуспела в этом. В пределах той свободы, которую она для себя определила, сделала все возможное. У нее всегда был огромный запас внутренней положительной прочности, да только растратила она его попусту на этого негодяя. Не понимал Федор, что здравомыслящая жена рядом с мужем – важнейший развивающий и укрепляющий фактор. О себе много мнил.

– ...И где это ты в Федьке усмотрела страстность? Один «потрясающий» союз «архитектуры и мануфактуры».

– ...Обрушились на человека скопом, всех собак на него спустили. Может, хватит? – вяло откликнулась на слова Инны Лена.

На какое-то время комната погрузилась в тишину.

Аня задумчиво и тихо произнесла:

– По сути дела, Федор совершил только одну ошибку –

женился, а она повлекла за собой остальные. Ему надо было оставаться холостым. У меня на родине говорят: «Одна ошибка в жизни – не беда, беда, когда вся жизнь – ошибка».

– То была не ошибка, не спонтанное, а продуманное решение Федьки и его мамочки. В этом их вина, – резко возразила Инна.

«Все свои обиды вылили на одного мужчину, – с усмешкой подумала Лена. – И останется с ними разве что только легкое, как бы подсознательное недоумение... Нет, окончательно обиды, чем их не вытравливай, все-таки не забываются».

– ...Злые и завистливые любят высмеивать тех, кто умнее их и интеллигентнее. Обиднее всего то, что Федор смеялся над самым святым, что было в жене. Его шутки были на пределе пристойности, на грани срыва в... подлость. Они шокировали Эмму, сбивали с толку. Это же беспримерная дерзость и непорядочность, – сказала Аня и привычно вздохнула.

– Федор считал такое поведение здоровым мужским цинизмом. А у Эммы после такого общения с мужем создавалось убедительное ощущение иррациональности бытия, – с усмешкой заметила Инна.

– Ах, если бы ей ничего этого не знать! – выдохнула Жанна. – Экклезиаст, кажется, сказал, что знание порождает печаль. Он, конечно, имел в виду широкий смысл этой фразы. Но как она сюда подходит! Обиды вспоминаются острее все-

го. Я преклоняюсь перед Эмминым терпением. Я тоже великодушна, но не настолько, чтобы позволять над собой измываться.

– Корова не знает меры в еде, лошадь в работе, а... – начала было Инна.

– Надеюсь, ты хотела произнести Эмме комплимент? – остановила ее Жанна с гримасой явного осуждения.

– Головы склонять перед недостойными мужчинами? Ронять себя в своих же глазах? К этому ты нас призываешь? – взбунтовалась Инна. – Кто сделал нашим долгом принимать в качестве награды за любовь, труд и терпение – пытку от тех, кто уже не вызывает в нас ничего, кроме жалости и отвращения? Это раньше женщинам трудно было утвердиться в мужском мире, но теперь мы, сами зарабатывающие, хозяйки своей судьбы! А Эмма стелилась...

– Она же из самых лучших побуждений. Счастливую семью строила. Не знала она еще тогда о выкрутасах Федора, – заступилась за Эмму Аня.

– Но ведь даже муж ее подруги сделал ей как-то замечание: «Всё для него и для него, и так, как он хочет. Когда же ты для себя и по-своему будешь делать?» А она беззаботно ответила: «Мне все равно как, а Феде приятно». Забыла еврейскую поговорку: «Если не хочешь, чтобы тебе сели на шею, не склоняйся слишком низко», – возразила Инна.

– Послушать тебя, так почти все мужчины скоты, – надменно заметила Жанна.

– Зачем же все? Только «яркие» представители типа моих, Ритино, Лилиных мужей, Эммино «индивида». И многих, многих тысяч других, – рассмеялась Инна. – А некоторые из них, которые вовсе не стремятся спрямлять и скруглять острые углы взаимоотношений, всю свою жизнь проводят на ее обочине.

– ...Как ты думаешь, смерть мамы Федора примирила их? – спросила Жанна у Ани.

– Вряд ли. Эмма уже устала от своей любви к мужу. Она его просто терпит. А он? В этом возрасте не перевоспитываются.

– Может, научился подлаживается? Хотя тоже сомневаюсь.

– Лена, отомри! – затормошила подругу Инна. – Обмолвись хоть единым словечком. Почему не высказываешься? Твоя молчаливость – та же самая скорлупа, в которую ты пряталась с детства?

– Не берусь судить. Эмма меня не делегировала, не уполномочивала, – сонно пробормотала Лена, не открывая глаз.

– Мы не о ней конкретно говорим, а общую ситуацию анализируем, – увильнула от ответственности Инна.

– ...Федька не мог себе позволить жить с ощущением своей вины. Иначе он не чувствовал бы себя беззаботно счастливым, – не согласилась Инна.

– Ей бы почувствовать неладное, обмозговать ситуацию... Но когда ей было думать, замечать? Семья, работа. Вертеп.

Всё хотела успеть, – опять стала на защиту Эммы Аня.

– Федька как-то с удовольствием хвалился мне – женщине! – что за тридцать лет семейной жизни список «освоенных» им женщин достиг цифры сто. (*Он что, весь город прошерстил?*) «Пара дежурных комплиментов... равно как и пара трепетных взглядов – одно другого не отменяет – и она моя! Поглядел и присвоил. И все на высшем уровне. Так я разыгрываю карту свободной любви!». И языком зацокал, довольный собой.

– Мне памятник твоему больному тщеславию поставить? – взбрыкнула я.

– Трепался! Ни от чего больше Федор не получает столько удовольствия, как от восхваления собственной персоны. Когда ему не хватает чужих похвал, он сам бахвалится. Я где-то читала, что Паскаль носил пояс с гвоздями. Он прижимал его к телу локтями всякий раз, когда чувствовал, что похвала его радует. Какой был Человек! – восхитилась Аня. – Поэтому, что был истинно умный.

– А у Федьки всё было наоборот... Ха! «Общие правила жизни не для «великих»! Вот и приклеилось к нему клише «клинического сердцеда».

– Боже мой, ну нельзя же себя так расслаблять, чтобы от каждой приглянувшейся женщины слюни до полу распускать! – возмутилась Аня.

– Я в деревне знала двух никудышных мужичков, которые постоянно хвалились, мол, и та дала, и эта, потому что ни

одна женщина на них не западала, – вспомнила Жанна.

– Вот и у Федьки один треп.

– Как-то в кафе Федор стал вдруг одаривать меня комплиментами. Потом подмигнул, будто мы с ним в стоворе, мол, разговор конфиденциальный. Думал меня поразить. Подогревал к себе интерес, звал взглядами. Не понимал, что унижает меня своим грязным откровением. Вообразил, что не упущу момент. Дебил! Больной на голову или на...

Сначала я ему нагрубилa: «Ты пытаешься меня оскорбить или демонстрируешь свою глупость?» Потом «участливо» полюбопытствовала: «И ни разу не оскандалился, не облажался?» И рассмеялась: «О властитель женских грез! Твои фантазии имеют под собой реальные основания? Ты «окучиваешь» и увлекаешь в свои сети только старушек? Видела я тут одну из твоих подстилок. Знаешь анекдот? «Это не измена, это подвиг!» Будь я шлюхой, так число твоих побед за один год перекрыла бы. Вы же мужики – слабый пол. Я доходчиво объяснила?» Все высказала, что о нем думала. Заслужил. Налицо признаки полного разложения личности. Так он даже не обиделся, но больше не досаждал пошлыми предложениями. А мы гордились победами, одержанными над своими слабостями, тем, что умели устоять, – сурово закончила исповедь Аня.

– Каждую женщину мечтает сделать частью своего тошнотворного мирка. И тебя не обошел своим вниманием. Думал, удостоил. А ты его «сделала»! Молодец. Поздравляю, –

рассмеялась Инна.

Лена устала от разноцветья перекрестного огня подруг, но подумала:

«Сколько вокруг неустроенных женских судеб, истосковавшихся по теплу и доброму слову, по надежной опоре! Сколько в неполных семьях детей, грустящих по отцам и презирающих их? А сколько их далеко не сладко живущих с отчимами? Недавно на встрече с читателями одна детдомовская девочка прошептала мне, что представляет, как мама берет ее лицо в руки так, как может взять только мама... и целует. Она это видела на улице и хотела, чтобы ее также любили. Я молча обняла девчущку. Она доверчиво прижалась ко мне. Я еле сдержала слезы. А не далее как вчера, на вокзале, мама орала на пятилетнюю дочурку и беспрерывно нервно дергала ее за руку. Я неодобрительно взглянула на молодую женщину. Девочка заметила мой взгляд. И пока мы шли по перрону, оглядывалась на меня. А я улыбалась и махала ей рукой. Девочке так хотелось ласкового одобрения! Ей хотелось радости. «Может, совсем недавно муж ушел из семьи и эта женщина ничего не замечает, кроме своей беды?» – подумала я тогда».

Аня вспомнила:

– Раз иду я по проспекту со своей знакомой и ее мужем. Вдруг она хрясь его по физиономии! Я оторопела, а он ничего, смолчал. Знать, за дело получил.

– Наверное, подмигнул очередной потенциальной пассии.

Такой же, как Федька, с подмоченной репутацией, кобель, потому-то жена долго не примеривалась, сразу врезала, – усмехнулась Жанна. – Таким козлам всё нипочем.

– Человек ищет и находит то, что для него на тот период более значимо. Этот, видно, тоже еще не исчерпал свой... «духовный» потенциал, – зло съехидничала Инна. И тема была закрыта.

24

– ...И почему человек выбирает рабство? – глядя в потолок, задала вопрос Жанна не то себе, не то подругам. – Чем так опускаться, я бы предпочла остаться без мужа, – с печальной отрешенностью в голосе добавила она.

– Я не считаю, что Эмма опустилась, – возразила Аня.

– Я бы быстро взяла Федьку в шоры, – самодовольно заметила Инна.

«Может, она так говорит, потому что он ей нравится? И такое бывает», – подумала Аня.

– Хвалилась синица море зажечь.

«Жанна взбрыкнула, потому что тонкая ядовитость ранее произнесенной реплики Инны о пресном браке, преподнесенная к тому же с явным оттенком злорадства, задела ее? Мне показалось? Недостаточно одного взгляда, чтобы это понять?» – вяло поспорила сама с собой Лена.

– Так прямо бы и сказала мне, мол, дура ты, – насмешливо

глядя на оппонентку, заявила Инна.

«Она не боится принизить себя нелицеприятными словами. Это я дрожу, не хочу уронить свой авторитет. Инкина наглая самоуверенность не имеет границ и превосходит все ожидания. Одернуть бы её. Но ведь нарвусь на грубость и буду выглядеть как высмеянная учителем провинившаяся двоичница», – сердито подумала Жанна.

– В интересном ключе ведете разговор. Всё, больше ни слова на эту тему! – потребовала Лена.

«Как шпыняют! То у них не находилось ни одного доброго слова в адрес Федора, теперь друг за друга взялись. А кто без греха? Хотя понять девчонок можно. Их объединяет любовь и сочувствие к Эмме. Ну, поменяли бы объект... Ой, не надо», – вздрогнула от собственной мысли Лена.

– ...Думаю, предпочтения в работе у Федора основываются на тех же соображениях, – слышит Лена осторожный шепот Инны и такой же тихий ответ Ани:

– Никто не сомневается в его деловых качествах. Последнее время в работе он научился удерживаться от опрометчивых шагов и сыновей остерегает.

– На это ему потребовалось чуть ли не полжизни.

– А кому меньше? Я считаю, что разум дается человеку, чтобы управлять своими поступками. А Федька не прислушивается к его голосу. Он слишком слаб, чтобы побеждать себя в быту. На работе в результате опрометчивых шагов

деньги теряются, вот он и осторожничает, а дома только нервы жены тратятся. Но их ему не жалко. Для него не существует понятия святости домашнего очага. (*О Боже, Инна опять поставила заезженную пластинку!*)

– У него темперамент побеждает ум?

– Нет, распущенность.

– У людей на всё разные оценочные характеристики. Разве можно управлять любовью? Чувства не подчиняются разуму.

– Чувства, может, и нет, а действия управляемы.

– Федор приверженец Фрейда? Тот низверг человека с высокого Олимпа назад к животному состоянию, к инстинктам, и этот туда же? – спросила Аня.

– Фрейд по себе судил, свои комплексы исследовал. Он – человек крайностей, потому-то и делал не всегда верные обобщения. Просто есть определенный процент людей, для которых секс катастрофически важен. Фрейд сам, наверное, принадлежал к этой категории. Для таких особей секс – двигатель всего, что случается в их жизни.

– И может, даже главная и единственная радость.

– Новый подход к теме! Секс или недостижимая мечта о нем? – съязвила Инна.

«Умеет припечатать и расплющить оппонента одной фразой. Не зря ее побаивались мужчины нашего НИИ, когда она у меня работала», – вспомнила Лена.

– Надо же было до такого додуматься! Я бы не смогла...

Для меня это неприемлемо, – сказала Аня, конфузясь. (*О чем она: о сексе или об Инниной язвительности?*)

– Святая простота. По мне, так Альфред Адлер поумнее Фрейда будет. Он вернул веру людей в себя, утверждая, что человек не игрушка «в руках» подсознания, что он способен бороться со своими комплексами. Дело не в сексе. Не он является основополагающим в этой проблеме, а чувство неполноценности, возникающее у мужчин в детстве и юности по различным внешним причинам.

«Рисуется Инка перед подругами, пытается заработать лишние очки, говорит то, о чем другие только думать себе позволяют. И если она затронула особую тему, ее не отвлечь, не отговорить – пустая трата сил. С детства это за ней водилось. Бывало, начнет огород городить – только держись! Остается ждать, пока сама утихомирится», – усмехнулась Лена.

– Закомплексованность последователей Фрейда в этом вопросе – их беда? Она как болезнь?

– Сугубо женский взгляд на теорию Фрейда, – отреагировала Инна на Анины вопросы.

– Скажешь, у меня доморощенный антифрейдизм? Но ведь подавляют же люди желание воровать, убивать. И страсть к разврату надо в себе ограничивать. Один позволяет себе орать, другой издеваться, третий атакует по всем фронтам одновременно. Федор как щепка носится по воле волн своего беспутства. И к чему это приводит? Ведь есть же нор-

мы поведения, чтобы оставаться человеком! – раздраженно воззвала Аня.

И тут же подумала: «Я, конечно, в этом ничего не смыслю, но, может, это не приносит Федору яркой радости и удовлетворения, а он не успокаивается и все ищет, ищет, то с томлением, то с яростным упоением... как мечту... но тупо, с каким-то «жалким юношеским бессилием». Марго тоже ставила рискованные эксперименты, любила нарушать границы чувственности, отважно исследовала свою сексуальность. Считала, что при обоюдном согласии в сексе всё возможно. Смеялась над традиционной моралью, говорила, что по незнанию мы обкрадываем себя. Утверждала, что адреналин и секс – самые сильные из разрешенных наркотиков. Время от времени выходила замуж, но поняв ничтожность существования с избранником, разводилась, зализывала раны и снова бросалась на поиски своего женского счастья. Меняла партнеров, вела себя как мужчина. Исключительная фигура!

Они с Федором стоят друг друга? Нет. Марго прекрасного сына сама вырастила, а Федор номинально присутствовал в семье, и то отрицательно. Напрасно Эмма сделала ставку на то, что отец нужен детям. Мне кажется, это плохо повлияло на всю семью. Какой он пример для подражания? А там кто знает, я глубоко не погружалась в судьбы их детей. Знаю только, что надлом у всех произошел, а как кому удалось выкарабкаться из него – для меня тайна. И каждый из них надежно хранит ключ от нее в своем сердце. Поэтому мое

мнение не вправе претендовать на истину.

У детей Эммы жизнь, может, и по-разному складывается, только боль у них одинаковая и она на всю жизнь. В этом я уверена. Я, в принципе, небольшая охотница до чужих секретов, но хотела бы о судьбе Эмминых детей больше узнать и понять, чтобы правильно донести их ситуацию до своих подопечных. Мало моим детям быть добрыми, честными и трудолюбивыми. Надо подготовить их к трудностям личной жизни».

Всего несколько секунд проносилось в мозгу Ани это нагромождение мыслей. И вот опять зазвучал возмущенный голос Инны:

– Страсть – это сильное желание или нежелание, вызывающее неконтролируемые действия. Федор утверждал, что от себя не убежишь, что человек не автомат и подавлять желание удовольствий – значит наносить себе вред, разрушать себя. Считал, что цель жизни – наслаждение, поэтому ни в чем себе не отказывал. И во что он превратил жизнь Эммы? Представляю, если бы меня так же... Ужас! Я бы не могла себя уважать, я бы не смогла с этим жить!.. Федька в молодости пытался Эмму успокаивать не добрым словом, а сексом. Тем, чем и себя. И к чему это их привело?

– Почему мужчины всегда стремятся к э т о м у? Потому что считают э т о главным способом выразить свою любовь? – очень тихо спросила Аня у Инны.

– Удовольствие себе хотят доставить, – жестко ответила

та.

– И нам, женщинам?

– Это уж какой как повезет.

– Из нашего разговора я поняла главное: нельзя любить мужчину больше себя, – сказала Аня.

«О мой милый, добрый, чистый человечек, обремененный тоской по всему хорошему!» – Лена ласково посмотрела на Аню. И та ответила ей грустно-смешным признанием:

– Посмотрю старый фильм и вроде бы пообщаюсь с приличным мужчиной, допустим Юрием Соломиным, Сличенко или Папановым. С теми, что старой закалки. Они и в личной жизни были чисто плотны. Кто-то из них поведал о своей жене; «Ни одна женщина не сможет заставить меня сказать: «Если бы не узы брака...» Высочайшая степень порядочности! При их огромной славе они не сходили с ума от толп поклонниц, как некоторые современные, молодые артисты, не будем называть их имен... А ведь и в них тоже была лукавая шалость, веселая бесшабашность. Но блюли себя, потому что были умны и глубоко порядочны. Примитивные позволяют себе пошлые слабости.

– Может, Федьку привлекало и возвышенное, и низменное? Так сказать, у него широкий диапазон интересов, – съехидничала Инна.

– Какое простое объяснение! Только отдавал он предпочтение низкому, – фыркнула Жанна.

– Ха! Он боялся психоза на почве сексуальной неудовле-

творенности. Неплохое обоснование блуду? Да? Тот еще экземпляр. Не страшился огласки...

«Что же девчонок так беспокоит сексуальная несостоятельность Федора? Вцепились в нее, как щенки в игрушку, – удивилась Лена. – Или только Инну?.. Должно же быть в Федоре и что-то хорошее? Может, выручил кого из беды? Ну не совсем же он...»

– Инна, опять этот твой необоснованный бытовой треп, – передернула плечами Жанна. – Человек возвышает себя, подчиняясь нравственным законам, исполняя их во всякой малости. Некоторые качества и нам в себе не грех бы разрушить.

– А Федору в особенности, – не уступила Инна.

– Допустим, гнев – один из смертных грехов, осуждение и недержание речи. По церковному, это тоже греховные тяги. Но я хотела бы сказать не о том. Не может вселенная человека быть ограничена одержимостью сексом. Человек намного богаче. Есть страсть к науке, к музыке... Искусство без страсти и боли – ничто.

– Не для всех откупоривается сосуд с джинном страсти хотя бы в чем-то, – небрежно заметила Инна.

– А у Федора – патология, болезнь. Его не стоит осуждать кулуарно. На патологии, наверное, строится и ущербная теория Фрейда, – предположила Аня. – Он открыл дверь, и вошли в нее в основном мужчины. По причине обязанности... перед женщинами... Они и рады стараться. Наукой доказа-

но!

– Я бы и некоторых женщин не исключила, – усмехнулась Инна.

– Не пора ли нам снизить пафос обвинений мужчинам? – поддержала ее Лена.

– Может, и нам в угоду новому времени, стоит понять Фрейда и принять, – продолжила поддразнивать Аню Инна.

– Но это отвратительно и в корне меняет нравственную базу! Любовь связывает не столько тела, сколько души. Вспомните Пушкина! – возмутилась Аня и проникновенно продекламировала:

«...Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...

О, как милее ты, смиренница моя!

О, как мучительно тобою счастлив я!..»

– Какая прелесть эти стихи! Какие прекрасные и глубокие слова! «Тобю счастлив!» Каждая женщина мечтает их услышать. – В глазах Ани блеснули слезы восторга и грусти.

– Я могу понять Фрейда, но не хочу принять. Он шел по пути упрощения человеческой личности, – вернулась Аня к беспокоившей ее теории.

– Жил у нас в деревне здоровенный бугай «с приветом». Вымахал что былинный Добрыня Никитич! Так и ошивался около школы с вечной гримасой придурковатой восторженности. Представляете возможные последствия его темперамента? Пришлось кастрировать.

– Инна, ты предлагаешь... С ума сошла! Опять вышла на тропу войны? – ойкнула Жанна.

– Ну, ты даешь, старушка! – обернулась к ней Инна. – Шу-чу я.

«Когда же наконец они сменят пластинку или замолчат? Я нетерпима? Устала, тошнит, как на карусели, – загрустила Лена. – Мне так болезненно-тяжело, потому что я привыкла строго придерживаться режима сна?»

– Может, многочисленные связи с женщинами помогали Федьке понять себя? – Инна рассмеялась. Она отлично понимала, что не права. Но на то она и Инна, чтобы противоречить. Она сама не раз утверждала, что внутри нее живут разные человечки, которые вредны друг другу и не совпадают по группе крови.

– Путь к совершенству через грех? Это что-то новенькое в нашем нравственном православном кодексе. А потом каяться? – серьезно спросила Жанна.

– Каяться? Только не Федька.

– И сколько же лет он еще собирает себя познавать?

– Как истинный ученый-экспериментатор – всю жизнь, – ухмыльнулась Инна.

– Доктор сказал одной моей подруге: «Успокойтесь, шестьдесят лет – это предел». Но ведь «виагра»... говорят, продляет... – смущенно прошептала Аня.

«Федору после «великих походов» нужна была тихая гавань. Он ее получил. А что имела Эмма? – подумала Жан-

на. – Нет, все-таки она недалёковидная. За что она наказана судьбой? За неумение противостоять злу?»

– Представляете, Эмму заботит, чем Федор будет жить, уйдя на пенсию, – сказала Аня.

– Ее беспокойство понятно. Если у Федьки всю жизнь на первом месте был секс, то в старости в его душе и вокруг него самого образуется пустота. И вместо тихой ласковой дружбы, какая случается у людей с духовно-телесным ощущением жизни, на пенсии у него будет неудовлетворенность, злость и раздражение. Он, не имеющий забот и хобби, может от скуки запить или еще в какую дурь пуститься. Добро бы интересовали его хотя бы мужские дела по дому, но вот незадача – он и от них всегда отлынивал, – Инна спрятала в уголках губ победоносную улыбочку всезнайки. – Оперирруя его лексиконом: это невозможность невозможного. Он непоправимо обречен.

– И тут он не настоящий мужчина? – усмехнулась Жанна.

– Настоящему достаточно рот и ширинку держать на замке – заповедь порядочного семьянина, – пренебрежительно фыркнула Инна.

– Не перебарщиваешь с числом добродетелей у мужчин? – ехидно спросила Жанна.

– Ну, если только в обществе с роковыми красавицами...

Аня попыталась понять сказанное Инной, но не осилила заложенный подтекст. Фантазии не хватило.

Жанна вдруг радостно улыбнулась.

– Ты чего? – поинтересовалась Инна.

– Я не по поводу твоей шутки. Случай наглядный про настоящего мужчину вспомнила. Ездила я с зятем Петей в деревню к старикам мужа. Проведать, помочь кое в чем. А их сосед недолюбливал моего Петю, мол, не мужчина он: не пьет, не курит, драться не умеет, слабак городской, интеллигент. Да еще и в очках. Так вот, попросил дед поставить рядом с их домом высоченную антенну для телевизора. Дом-то его в низине расположен. Сказал, что и металлическая труба, и растяжки уже есть, только хорошие руки мужские требуются. Сосед не посоветовал нам браться за это дело, мол, я с мужиками уже пытался. Хотел на «бутыльброд» заработать.

Мой зять походил вокруг дома, что-то померил, что-то на бумажке подсчитал и взялся за работу. Стали ставить трубу. А она длинная, вихляется, аж страшно. Того и гляди свалится и либо шифер на крыше расколотит, либо кого прибьет. Сосед, пытаясь выровнять «сооружение», мечется, психует, матерится, то в одну сторону резко потянет за растяжку, то в другую. А Петя вдруг спокойно, но твердо заявил: «Прошу без самодеятельности, я здесь командую. Будем осторожно, без рывков пошагово каждую струну натягивать и закреплять временными зажимами, а потом мачту по уровню и отвесу окончательно выставим». Все у него получилось. И «усы» антенны он правильно настроил. Та антенна, между прочим, до сих пор служит. А сосед с тех пор зауважал мое-

го зятя, перестал обзывать. И в доме у стариков, и даже во дворе матом больше не ругается.

– Значит, не совсем дурак, – заметила Аня.

– Потрясена, сражена его благородством! Я испытала колоссальное облегчение! – воскликнула Инна.

– Петя в тот приезд и телевизор старикам починил, и ручки к дверям красиво приделал. Сосед там такие дыры сверлом размахал, что двери сначала чинить пришлось, а потом уж к ним фурнитуру крепить. Моя свекровь с сожалением рассказывала мне, что этот сосед мотоцикл, который ему на свадьбу родня жены подарила, угробил. Кольца на поршень в двигателе «надевал» с помощью кувалды. Да и вообще все у него трах-бах. А гонору... Как же, мужик! Два вуза заочно кончил. Только ведь характер в вузах не перековывают, руки правильно не перешивают, мозги новые не вставляют. Своими учат пользоваться. Но не у всех этих мозгов хватает, и не у всех развить их получается.

«Вот что значит быть на пенсии. Не представляю себе, чтобы мои коллеги могли затеять подобные разговоры, да еще ночью. Подруги с характерной для педагогов цикличностью повторяют и доказывают одно и то же, будто этими однообразными рассуждениями себя прежде всего хотят убедить в своей правоте. Похоже, отведут сегодня свои душеньки по полной программе. На ближайшие лет десять, до следующего юбилея умиротворения хватит», – усмехнулась Лена.

–...Эмма жаловалась мне: «Чего я до сих пор не могу простить Федору, так это то, что он назвал свою дочь именем девочки, с которой в школе дружил. Он плюнул мне в душу, показал всем своим друзьям, что по-прежнему ее любит, а я для него просто мать его детей, домработница».

– А куда та девочка делась? – не утерпела, чтобы не спросить, Жанна.

– Свинтила куда-то, – отмахнулась от нее Инна. – Эмма долго не могла прийти в себя от потрясения и осознать этот прискорбный факт. А свекровь нарочно ей про ту девочку периодически напоминала. Издевалась. Эмме бы рот старухе заткнуть, но ведь как нас воспитывали: нельзя резко отвечать старшему, если даже он с тобой груб и несправедлив. Плохую службу сослужила Эмме ее интеллигентность.

– Не принято было возражать, – подтвердила Аня.

– Мамаша Федьку на счет имени подговорила, – объяснила Жанне Инна. – Она невзлюбила Эмму за то, что та слишком умная, и всячески мстила ей, гадости делала. К тому же она страшно ревновала к ней сына. Я думаю, если бы дочь была первым ребенком, Эмма сумела бы разорвать их отношения и дать мужу отставку. И он легко, с превеликим удовольствием отступился бы от семьи и жил с матерью как первый муж Лили. По большому счету его поведение не делает ему чести.

– Видно, не всегда Бог шельмецов метит, – вздохнула Аня.

– ...Ох уж эта наша болезненная склонность к самопожертвованию! Моя подруга пять лет боролась за жизнь мужа. Как птенца крылами от всех бед его закрывала, из «клюва» кормила. Вытащила с того света, а сама ушла из жизни. Со своей болезнью справиться у нее сил уже не хватило. А он через год женился, да еще и ребенка завел. В его-то возрасте! Сказал, что привык всегда ходить по солнечной стороне. Жена бы так не поступила. Она считала: «Кто раз любил, уж не полюбит вновь». Мне кажется, ей там, на небесах, обидно, что он предал их любовь.

– Женщина и есть та единственная сила, способная вывести мужчину из любого тупика даже ценой своей жизни, – подтвердила Инна.

Но Аня продолжила:

– Глядя на женщин типа Эммы, я часто думала: «К чему их самоотречение, самопожертвование? Себя не жалея, берегут мужей, а те лет через двадцать сбегают. Наверное, надо брать от жизни и от мужей по максимуму. Ну, соответственно, и отдавать тоже, – сказала Аня. – Знала я одну особу. Она прикидывалась слабой и больной. Говорила с придыханием. А на самом деле акулой была. Вечно лгала, изворачивалась. Изводила мужа капризами, претензиями. Он ей верил, занимался сыном, бытом, а она без зазрения совести пользовалась его трудом. По мне, так эта фифа не заслуживала такой заботы. Я считала, что она мужу быстро наскучит

и он наострит лыжи. Нет. Живут. А про другого я думала, что жена – его тяжкий крест, и когда она уйдет, ему станет легче. А он не захотел жить без нее. В тот же год умер. Вот такая странность.

– Значит любил, жалел, – сказала Жанна.

– И почему мужчинам нравятся писклявые кокетки, морочащие им головы? Этому мне учить моих девочек?

– Наверное, они лучше тех, у которых ветер в голове, – рассмеялась Инна.

«У Ани истории одна другой трагичнее, но ведь все правдивые, реальные. Она полутонув не признает. Всё у нее в черно-белом варианте», – подумала Жанна.

– Такие мужья – один на тысячу, – вздохнула Инна. – Аня, ты их не придумала?

– Если Федор не разводится, значит, он, несмотря на свои фокусы, жалеет Эмму, может, даже уважает ее за материнский подвиг, – осторожно предположила Жанна, возможно, желая, как и Лена, услышать о нем что-то позитивное.

– Ты проспала пересказы моих бесед с Эммой? Ты слушала ухом или брюхом? Прочисть мозги, – возмутилась Инна. – Комфорт для некоторых мужчин важнее всего в семье. И пример Федьки не лишнее тому доказательство.

– Какой у Федора в семье может быть душевный комфорт? – удивилась Аня.

– Душевный? О чем ты? Таким, как Федька, нужна только

жена-прислуга.

– Не обобщай. Тут, наверное, есть еще что-то другое. Часто вместе с любовью приходит собственническое чувство, когда хочется захватить и полностью присвоить себе любимого человека, – сказала Жанна.

– Ты о себе? – спросила Инна.

– Не тот случай.

– Собственнические замашки возникают от неуверенности в себе или они результат бескультурья?

– Тема для глубокого психологического исследования, – ответила Инна Ане.

– Ревность ведет к элементарной попытке контролировать свой «объект», – сказала Жанна.

– Эмма не устраивала надзора за Федькой, пока не было прецедента. А что, ей пускать их отношения на самотек, не бороться? – удивилась Аня.

– Это так гадко. И что это дало? Ожесточилась?

– Довольно скоро она поняла всю бесполезность такого способа и самоустранилась.

– Хорошо бы я выглядела в роли сыщика! – неожиданно развеселилась Инна.

– Иногда так трудно смотреть на неурядицы в семьях, что кажется, лучше бы этим женщинам просто получать от мужей алименты.

– В некоторых случаях – да, когда примитивные истины в устах этих женщин обретают не только житейское, но и биб-

лейское звучание, – усмехнулась Инна. – Лена, пойдем, выпьем по стаканчику минеральной? Она хорошо пойдет под тост: «За то, чтобы женщины хотели, а мужчины могли».

– Мужчины хотят, чтобы женщины принимали их со всеми недостатками, а способны ли они на этот же подвиг? Думаю, для Федора большим потрясением стала бы, допустим, Эммина измена. Как бы он отнесся к такому факту? – Конечно, это Инна декларировала.

– Взбесился бы, – предположила Аня.

– Воспользуется как предлогом для развода, – заявила, будто постановила, Жанна.

– О эта вечная теория мужской подлости: мне можно, ей нельзя. Неприемлемое, возмутительное, неоправданное поведение, – разгорячилась Аня. – Один из директоров у меня был такой. Его сын от неправильного свободного отцовского воспитания не раз попадал за решетку, мотал честно заработанные сроки. Жена не перечила мужу, угождала, а когда она заболела раком, он продолжал вести непутевую жизнь. Не жалел ее ни капли. Для меня дом – это место, где все друг друга любят и ждут. А он любил только себя и гордился этим. Сам утверждал, не таясь, не преследуя никакой цели, что он злой и жестокий. У меня глаза на лоб лезли от его слишком уж явного цинизма, а директор улыбался, довольный моей растерянностью. Педагог называется! Только после шестидесяти лет начал семьей интересоваться. Может, и

Федор в этом возрасте обнаружит в себе любовь к семье?

– Обстоятельства могут меняться, но суть человека остается той же. Он тот, кто он есть, – не согласилась Жанна. – Федор изменится, лишь когда «упокоится с миром».

– Федька за измену, как минимум, спокойно и бесстрастно избивал бы до полусмерти. И тогда Эмма уж точно от него ушла бы, – предположила Инна.

– Но чувствовала бы себя виновницей всех бед своих детей. Нет, это не ее путь, – сказала Аня.

– Инна, вот ты говоришь, что бесстрастно. Разве у Федора в сердце не скреблась хотя бы малая жалость к жене? – не поверила Жанна.

– А медленно ежедневно морально без причины убивая, разве он ее жалеет? – на вопрос вопросом ответила Аня.

– Страсть и боязнь потерять часто приводят к трагедиям, – философски изрекла Инна. – А все несчастья опять-таки достаются женщинам и детям.

– Казнить и миловать в основном прерогатива мужчин?

– Чем меньше женщину мы любим...

– Тем больше измываемся над ней. Но это из другой оперы, – притормозила Жанну Инна. – Не надо давать себя в обиду.

– И все же у меня нет достаточных оснований полагать, что любовь для мужчин менее значима, чем для женщин, – сказала Жанна.

– Кто спорит? Только формы этой любви и суть ее у нас

с ними разные, – уточнила Инна.

– Не думаю. Просто иногда отдельные индивиды уродуют ее до не-узнаваемости.

– Включи в их число и некоторых женщин.

– Показательно, что в меньшей степени и не так угрожающе.

– ...В жизни надо за что-то зацепиться и крепко держаться. И самое лучшее, если это настоящая любовь. Через ее щит ничто плохое не прорвется, – мечтательно сказала Аня. – Пусть даже безответная. Она все равно открывает глаза на существование счастливого мира.

– Ты находишь? – саркастически усмехнулась Инна.

– Я читала, что настоящая любовь способна отпустить любимого к другой женщине. Возможно, это высшая форма пронзительного чувства – великодушия. Я бы не смогла, хотя бы потому, что не сумела бы, как и Эмма, полюбить другого. Я салютую вечной прекрасной любви. (*У Ани есть великая тайна!*)

– Красивая фраза. Отпустить можно, если бесполезно удерживать, – горько-насмешливо среагировала Инна.

– Если можешь снова влюбиться, отпустить проще, – подтвердила Жанна слова Ани.

– Иначе это будет уже не любовь, а неотступное болезненное мысленное следование за объектом своей любви, – фыркнула Инна.

– Да, Федор изменял, но Эмма вытерпела это. И дети верили, что отец не променял их на ту, которая влезла к ним в семью, что они и их мама для него все же важнее, дороже той чужой женщины. Они хотя бы за это могли его уважать. Так говорили мне мои подопечные детдомовские дети, когда я поведала им грустные реалии жизни своей подруги, естественно, не называя имен, – сказала Аня.

«Аня знает уйму всяких поучительных историй. Похоже, она собирается кормить нас ими до скончания веков», – подумала Жанна.

– А мой знакомый говорил, что сын вырастет и поймет его, – сказала Инна.

– Он не знал о переживаниях сына? Догадывался, но успокаивал себя этой фразой? – спросила Аня. – Сын вырос и стал таким же непостоянным и непутевым?

– А вдруг тот сын перебесится и сам поймет, что ошибался. Не стоит закрывать ему путь к отступлению и исправлению, – взялась проповедовать Жанна.

– Сказки. Если, если... Путь, намеченный отцом для сына, легче. По нему он и будет идти до конца.

– Давайте говорить только о своих жизненных неудачах и без дальнейших обобщений, – попросила Лена.

– Как же я устаю от всего серьезного и заунывного! Мне тоже иногда хочется поступить глупо, неправильно, интересно и весело, чтобы как ребенок почувствовать радость, восторг, жажду жизни! – неожиданно взбрыкнула Инна.

– Как я завидую счастливым семьям! Когда люди любят, им, наверное, не приходится друг друга искусственно взбадривать, развлекать. Всё у них настоящее, чистосердечное, доброе, честное, – вздохнула Аня.

Лена лежала с закрытыми глазами, с затуманенными усталостью мозгами и уже не по смыслу речей, а только по голосу догадывалась, кому принадлежит та или иная фраза.

– ...Многое зависит от того, с какими ожиданиями люди приходят в семейную жизнь, – сказала Аня.

– И выходят из нее, – хихикнула Жанна.

– ...Эмма могла бы пойти на радикальные меры. Сумела же она угрозой заставить мужа бросить преферанс. Это тоже вид страсти.

– Сравнила!

– ...Когда люди любят, происходит взаимное перетекание энергии друг в друга. А если чувство одностороннее, то идет насильственное испытание и перекачивание ее от более слабого к сильному. – Это голос Жанны вывел Лену из тяжелого забытья.

– И свекровь кровь из Эммы пила, и муж. А если рассмотреть мать и сына как отдельную ячейку, кто из них от кого подпитывался? – немедленно подключилась к разговору Аня.

– В данном случае мать от сына. Но у вампиров бывает много объектов и путей использования жертв, потому что у

человека помимо энергетических путей и протоков есть еще кровеносная, лимфатическая и нервная системы, на которые они тоже могут влиять, – пояснила Жанна свою теорию.

– В смысле? – не поняла Аня. Но Жанна не стала уточнять, считая свою информацию исчерпывающей.

– Знала я мамашу Федора. У них в семье принято, что главная женщина или самая красивая, или самая умная, в крайнем случае, самая больная. Она – мерило, по которому определяется как благополучие, так и неблагополучие жизни остальных членов семьи. Ее мнение незыблемо, – поведала Аня.

– Откуда же Эмме при таких кровопийцах было брать энергию на приподнятое состояние души, на желание жить с радостью, с восторгом? Может, и тут не обошлось без высших сил? Я не права? Что застыла в эффектной позе губернаторши в гоголевской концовке «Ревизора»? – глядя на Жанну, рассмеялась Инна.

«Неужто в эту ахинею про энергетических вампиров можно верить всерьез? Может, сказать Жанне, чтобы оставила свои легкомысленные мистические заверения при себе? Но я ни бельмеса не смыслю в подобных вещах, они мне чужеродны. И по телевизору разные предположения навязывают. Поди в них разберись. Вот что женская любовь и жертвенность понятия одного порядка, я понимаю, а психология мужчин для меня густой темный и зловеще-коварный лес», – вздохнула Аня.

– ...Женщины интуитивно совершают благородные поступки, а мужчины только сознательно.

– Сколько нелицеприятного о себе услышали бы сегодня наши мужчины!

– ...Казалось бы, что может быть проще желания понять друг друга! Но нет, не хотим... И почему люди не могут жить легко, тепло и дружно, без заскоков и отклонений? Любите друг друга и радуйтесь. И все у вас будет в самом лучшем виде. Так нет же: разменивают себя на мелочи, терзают, губят по пустякам и себя, и других! – горестно воскликнула Аня.

– Удивительно простое решение глобального вопроса, – засмеялась Инна.

– А что, я запросто смогла бы так жить. И в быту я не требовательна.

– Все гениальное просто, включая и взаимоотношения между людьми. Но нет ничего сложнее простоты, – сказала Лена.

– Это софизм?.. Нетрудно быть несчастной. А ты, Аня, попробуй в любой ситуации ощущать себя счастливой. Научись достигать этого состояния, даже когда положительные эмоции на минимуме. Его удастся добиться, если сумеешь на всё «положить». – Инна рассмеялась, довольная неожиданно сложившейся грубоватой фразой. – Я лично так представляю разрешение Эмминой проблемы. Она отчасти тоже. Какие еще будут варианты?

Предложений не поступило. Женщины осмысливали ска-

занное Инной. Что она имела в виду? Заниженные требования или что-то типа тренинга?

– Эмма верила, что если всё будет делать правильно, то муж ее не разлюбит. В этом была ее ошибка. Помню, учительница математики говорила мне: «Ты все делаешь правильно, а надо делать хорошо». А что есть «хорошо» в Эммином случае? Всю жизнь расшифровываю этот тезис, – сказала Инна. – В университетах этому не учат. В пединститутах лекции читают только по детской психологии. Никто из нас почему-то не имел врожденного инстинкта распознавать и оценивать мужчин, вовремя нажимать на нужные пружины, дергать за нити, которые управляют их действиями. Даже Марго. Ума не хватало или знаний?

– А ведь и в самом деле! – согласилась Аня. – Нам пришлось самим развивать интуицию, задавать себе вопросы и слушать, что сердце ответит.

Последовало совершенно потрясенное задумчивое молчание.

– Некоторые из нас не желали вникать в эту проблему, но, вспоминая прожитое, тоже не хотели бы раскаиваться, – усмехнулась Инна.

– Другие только о работе и детях думали, предполагая заведомую порядочность мужей.

«Завели бы неспешный разговор о науке или об искусстве, глядишь, и сон сморил бы», – вздохнула Лена. И пошутила:

– Учебника по политэкономии нам сейчас не хватает.

Помните, мы все над ним засыпали. Подруги мгновенно расслабились и заулыбались.

– И как только Эммы хватило на столько лет мучений? – сочувственно вздохнула Аня.

– Кошки живучи, – засмеялась Жанна.

– Сходи в отделение онкологии, может, кое-что поймешь, – сквозь зубы посоветовала ей Инна.

– Эмма долго верила мужу. Для женщины важна хотя бы иллюзия того, что ее любят. Это Эмму спасало. А когда убедилась в обратном, сразу заболела. Мне так кажется, – сказала Аня. – И все же время над ней не властно. Внешне она для своих лет выглядит прекрасно. Видна порода. Только внутри всё давно сожжено. Сколько ей еще...

– А я думала, что она запомнила секрет молодости от Софи Лорен: много спать и есть свежие овощи, – съязвила Инна. Она не хотела продолжать трудную тему.

– С тремя-то детьми много спать? С ними только успевай поворачиваться, – возразила Жанна.

– Считай, с четырьмя, – усмехнулась Инна. – А говорят: больше детей – больше счастья.

– Ты забыла еще одну важную составляющую рецепта Софи, ее главный компонент – быть любимой. А он отсутствовал. Эмму поддерживала только любовь к детям и необходимость заботиться о них. А когда они выросли, она ослабила туго натянутые вожжи, и организм перестал сопротивляться

болезням. Как в войну, – тихо добавила Аня.

– Может, Эмме успокоить себя тем, что, отдавая себя, мы себя обретаем? – сказала Жанна.

– Отдавая детям – да, но не этому... – зло и презрительно передернула плечами Инна, будто стряхнула с себя что-то противное, скользкое, гадкое. – Если человек плохой, это надолго. И ни от чьей любви он хорошим не станет, может только совсем на короткое время от своей собственной влюбленности.

Наверное, ты права. Есть у меня знакомая. Дружила она в детстве с мальчиком, а он вырос, уехал за тридевять земель и стал бандитом. И она сменила город. Мистика состоит в том, что через десять лет они встретились и поженились. Парень сам поверил, что любовь его изменила. И она считала, что ее любовь – спасение его души. Но через два года он вернулся на старую стежку-дорожку, и вопрос о любви уже не стоял. Муж в семье деспотом стал: пил, жену бил, развода не давал. Жизнь моей знакомой изломал-исковеркал. Ребенок у них неврастеник.

– Понятно. Закончился сексуальный бум, вызванный стремительной влюбленностью, и семейная жизнь бандита пришла к логическому финалу, – сказала Аня.

– А этой женщине чем успокоиться? – спросила Инна у Жанны.

– Он должен прийти к Богу.

– Ты его поведешь?

– Почему так мало счастья дается человеку? Кто в этом виноват? Как-то я подумала о семье своей старшей двоюродной сестры. У ее сына нет детей. У жены не получается родить. Взяли брошенного. Любят, холят его, но Бог знает, что из него выйдет, – поведала Инна.

– Ничего страшного. Если ребенок окажется недостаточно умным, его с детства надо будет готовить к какой-нибудь несложной, но важной в жизни людей практической специальности, – посоветовала Жанна.

– А у дочери сестры муж оказался пьющим и теперь у них сынок коротышка, а дочка – верста коломенская, – раздраженно сказала Инна.

– Рост – это не порок, – заметила Жанна. И добавила высокопарно:

– Рост человека измеряется от головы до неба, а не до пятки.

– Разошлась дочь сестры, снова замуж вышла. Поторопилась, не разглядела. Мужчина с высшим образованием, тихий, нерасторопный, а сынок их общий по развитию сильно отстает.

– Сейчас платно кого хочешь «выучат», – сказала Жанна.

– Только кто его такого на работу возьмет? – поняла беду родителей Аня.

– И этот ребенок на ее слабые женские плечи. Благо духом сильна, сдюжит. Четвертого не заводит, вдруг опять...

Ей чуть за сорок, а в волосах уже седая ретушь от горьких дум. Вот говорят, хорошо, когда в семье не один ребенок: на одного печалишься, на другого радуешься. А тут трижды облом. Это уже перебор, – жестко сказала Инна.

– Иди-и ты! – не удержалась от сочувственного возгласа Жанна.

– И у младшей из сестер детей нет. Правда, у нее муж неспособным оказался, но чужих детей не хочет воспитывать. Вот скажи мне, Жанна, пожалуйста, за что им всем столько бед? Все женщины умные, образованные, на работе их ценят, а в личной жизни одни проблемы. За чьи грехи они маются? Хочется в жизни чего-то легкого, безмятежного, нежного, радостного, а тебя по башке, по башке... И у соседей по дому схожая картина, – Инна горестно махнула рукой и накрыла лицо простыней.

– Не становись старой брюзгой. Спроси у Всевышнего, он носитель истины в последней инстанции. Или ты и его разделяешь под орех?

За словами последовал широкий жест в направлении потолка. Но Инна не услышала Жанну. Ее мысли поглотила обида за самых близких ей людей.

Минутой позже она сказала:

– Благо у средней сестры, моей ровесницы и любимицы, с сыновьями пока что полный порядок. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Инна замолчала, восстанавливая дыхание.

– ...А как же пушкинское: «обманываться рад»? – услышала Лена вопрос Ани.

– Так то мужчины. Они в любом возрасте как пионеры: «всегда готов»... непонятно к чему, – ответила Инна.

– Позор мужчинам! – рассмеялась Жанна.

– В Эмминой любви не было ни страсти, ни ярко выраженного внешнего желания, только волнение и томление сердца. Вот Федька и рвался к другим, которые его будто бы бурно жаждали.

– И это того стоило? – спросила Аня.

– И все-то ты хочешь знать и понимать, – усмехнулась Инна.

– Всем хочется, чтобы их понимали на раз.

– Послушай, Инна – спросила Аня, понизив голос до совсем тихого шепота, – ты у нас спец по всякого рода заковыристым вопросам. Растолкуй мне, почему мужчины рвутся жениться на нетронутых? При собственном непостоянстве требовать невинности?

– Боятся сравнения не в свою пользу, – серьезно ответила Инна. – Я знала одну женщину, которая от обиды, узнав об изменах мужа, пошла в разнос. Зло мстила. Поняла, что он ее не устраивал и что она зря столько лет терпела его выходки. Аня, ощущение ясности уже начало проступать?

– Из одного теста лепятся мужчины и женщины, да разного вида и сорта «сдоба» получается, – сказала Жанна.

– Мои подружки по работе говорили, мол, от своих мужей не знаешь, как отделаться. Достаточно того, что мы из-за них, дураков, «залетаем». Нам для полного счастья не хватает еще из-за любовников вляпываться в скандальные истории и в больницу попадать? Фигу им, – поведала Аня. – Я о том, что из этических соображений... – попыталась что-то выяснить Аня.

– Да из любых! – неожиданно полыхнула Жанна. – Многие мужчины слишком самонадеянны, мол, я ого-го. Тем более что жены эти мифы сами поддерживают.

– Наверное, почти каждый «слабый» мужчина, если он не патологический ревнивец, верит, что его жена так и не осознает своей сексуальности. Собственно, как правило, так и выходит: занятые детьми и бытом, свою беду женщины начинают понимать, когда уже поздно бывает, когда отцвели, а чаще всего и вообще никогда, – усмехнулась Инна.

– Оно и к лучшему, чтобы не переживать. Иногда мне кажется, – продолжила шептать Аня, – что мужчины, как голодные волки о еде, все время с каким-то маниакальным упорством думают о других женщинах. Заметь, не об одной... И всё куда-то рвутся, несутся... как оголтелые... дураки.

– Да ладно тебе, не все. Одни просто ленивые, другие все больше на словах герои, – успокоила ее Инна.

– А почему юноши говорят девушкам, что их не волнует, была ли она с кем-то до него? Мол, всё это ерунда.

– Чтобы легче было ее уговорить, а потом проще отделаться.

«Сколько же у Ани накопилось вопросов одного и того же свойства? Никак все не изольет. Не надоело ей жевать одну и ту же жвачку?» – внутренне ершится Лена, осторожно разминая места, непосредственно примыкающие к пятой точке.

– В поясницу, в крестец вступило или колики в почках? – заволновалась Инна.

– Все нормально. Спина немеет. Я совершенно не чувствую ее.

– Размять? Не надо. Я очень устала.

Скучно-тоскливая пауза длилась недолго. Чтобы заполнить ее, Аня о чем-то торопливо «застрочила», наклонившись к самому уху Жанны. И, конечно же, разговор у них опять продолжился о болезненно важном.

– Для мужчин свобода – это отсутствие привязанности и обязанностей. Так? – спросила Аня.

– Ты за всех не расписывайся.

– Брак это тюрьма, но ты считаешь себя свободной только потому, что сама выбрала себе мужа-тюремщика? – не отступила от темы Аня.

– Для женщины быть свободной – значит быть самой собой, не отказываясь от семьи и всех связанных с ней забот.

А это и есть самое трудное. И возможна эта внутренняя свобода лишь при хорошем муже или в разводе.

– Отшельник мне на ум пришел. В детстве я читала: «И ушел старец в пустыню искать скорбь». Чего ее искать? Она всюду, рядом. Ему вдали от людей легко быть свободным и в мыслях, и в делах. Ни тебе забот о семье, ни притеснений на работе. Попробовал бы он продолжить жить в реальной жизни... Хотела бы я посмотрела на этого умника... А тут то начальник гнобит, то свекруха воду мутит, а муж не защищает. Мужья обычно: ни да, ни нет, ни вашим, ни нашим. Это мы более конкретны и прямолинейны, – сердито сказала Аня, вспоминая жалобы подруг.

– Как же, прямолинейность – наше оружие, откровенность – наш щит. С нашей прямолинейностью нас только на Ближний Восток направлять конфликты улаживать, – усмехнулась Жанна.

– А мужчины больше за ложью прячутся. Мужчины и женщины по-разному интерпретируют одни и те же события. Ведь что такое интерпретация? Это проникновение в суть, в смысл, выяснение того, что кроется под верхней оболочкой. Изучение фактов по вертикали и горизонтали. А у меня создалось впечатление, что мужчины юлят, уходят от решения проблем в быту, создают видимость активности, убегают от обыденности, а ты крутись как хочешь, хоть до нервного припадка. Вот и приходится женщинам соображать... А отцов, бросивших своих детей, я вообще не считаю мужчина-

ми, – заявила Аня.

– А я много других, хороших примеров знаю. Опустила мужчин ниже плинтуса: ничтожества, сволочи. Тебе подружки только о плохом, происходящем в их семьях, рассказывают, вот ты и составила себе предвзятое мнение, – сказала Жанна.

«Говорят про мужчин, а выходит, что про женщин... Жанна открывает Ане банальные истины. У пенсионерок мозги без сложной работы усыхают?».

Лена все еще была способна фиксировать голоса говорящих, но в суть их слов уже не вникала.

– ...Как правило, поджарые более темпераментны, чем полные. И с возрастом, когда половая функция начинает угасать, человек полнеет, – объяснила Жанна свою точку зрения Ане.

– Федор рано начал полнеть. Небось, давно пришел к финишу, только на словах никак успокоиться не может. Но я знаю полных женщин, у которых желание не ослабевало и после семидесяти пяти.

– Это исключение или вовсе патология.

– Я так не думаю. Знакома я с одним мужчиной. Он похож на колобка. Ему девяносто один год, но у него такая жажда жизни! Стихи очень даже приличные пишет, до сих пор обладает острым умом и тонким юмором. Не упускает случая, будто бы в шутку прижаться к приятной женщине. Снискал себе славу обходительного ловеласа. Наверное, у него до сих

пор есть желание, хотя и без возможностей. Приличные женщины от него шарахаются, чтобы не скомпрометировать себя, – серьезно поведала Аня.

– Многие мужчины почему-то считают, что то, что им нравится, должно нравиться и нам. Не люблю, когда ко мне липнут всякие. В них одна противная животная похоть. Сочувствую жене твоего знакомого.

– Она давно ушла из жизни.

– Не удивила. Видимо, муж существенно подпортил ей нервную систему. И Федор из той же серии.

– Не сравнивай. Мой знакомый обожает своих детей, внуков и правнуков, а Федор ими тяготится.

– Сегодня закончится время полемик? Дался вам этот старик. Неужели не исчерпали все темы? – тихо спросила Лена.

– Телесная любовь – один из способов сообщить партнеру без слов, как ты его любишь. О сладость тайны единения! – Таков был «вредный» ответ Инны на просьбу подруги.

– И ей, «ни в чем не знавшей меры»... – покачала головой Лена.

– Этот способ слишком опасен для женщин, – нахмурившись, заметила Аня.

– Но приятный, если они в хороших руках. Ты часом не лесбиянка?

– Дура ты, – Аня грубостью попыталась защититься или хотя бы уклониться от задевающих ее шуточек Инны. – Я не признаю альтернативных устремлений плоти, считаю их рас-

пущенностью. Я не интересуюсь патологиями в любой области человеческой жизни.

– На таких, как я, дурах мир держится, – огрызнулась та. – Это мое личное мнение, я не настаиваю на нем, просто отмечаю то, что вижу.

– Но неправильно классифицируешь. Все-таки есть что-то рациональное в шутке Аллы Пугачевой: «Для того, чтобы любить людей, надо с ними меньше общаться».

«Неплохо Аннушка Инке врезала», – про себя отметила Жанна.

– Это много проще, чем пытаться проникать в глубины человеческой сути, – с презрительной усмешкой ответила Инна и подумала зловредно:

«Было бы непростительным еще раз не воспользоваться присутствием Ани, чтобы развлечься».

А вслух добавила ехидно:

– Ты этой ночью на удивление непокладиста.

– Разве я что-то не так сказала?

В голосе Ани явно прозвучали интонации Лены.

– ...Ницше говорил: «То, что нас не убивает, то делает сильнее», – с каменным лицом процитировала Инна. – Он воспевал могущество человека, способного стать сверхчеловеком.

«Не преминула блеснуть элементарной эрудицией», – покривила губы Жанна, а вслух сказала:

– Кто-то из нас претендует на это звание?

– С его-то пониманием сверхчеловека? Сочту неоправданным...

Жанна прервала, наметившиеся было Анины рассуждения:

– Инна, ты имела в виду борьбу с болезнями?

– Типун тебе на язык, – раздраженно буркнула та. (*Ее не поняли!*) – И, сделав вид, что ей надо «подумать», выскользнула за дверь.

Аня свободно вздохнула.

– Хочешь анекдот? – спросила Жанна. Она тоже почувствовала облегчение от ухода Инны. – Ты знаешь, почему люди смеются над анекдотами? Считают, что анекдоты их не касаются, что они не про них.

Аня натянуто улыбнулась.

– ...Федор – Эммин добровольный крест, ее голгофа. Такой «бриль-янт» – и кому достался! – вздохнула Аня.

– В Федьке не было ровным счетом ничего примечательного, – снова начала заводиться Инна.

– Обыкновенный, каких тыщи.

– Аня, тебе нравятся мужчины с ямочкой на подбородке? – спросила Инна.

– Я вообще-то о внутреннем содержании Федора... Но ведь сводят же мужчин с ума женщины с ямочками на щеках. И бывают мужчины, животный магнетизм которых при-

манивает женщин помимо их воли.

– О чем ты чирикаешь? По мне так Федька не из тех, кто способен вызывать у женщин сильные чувства, он мужских феромонов не излучает.

– Он, наверное, одеколон, действующий на подсознание женщин, применяет, – вполне серьезно предположила Аня.

– У тебя поразительная подкованность в вопросах сексуального парфюма! – удивилась Инна.

– Иногда внешняя мужественность не совпадает с внутренней, – заметила Жанна.

– Не было у Федьки ни той, ни другой. Или ты их в нем разглядела?

– ... Возьмем случай, если в семье оба крановщики, врачи или учителя. Я сравнивала, но что-то не заметила в мужчинах глобальности мышления, – задумчиво произнесла Аня. – Допустим, из той же генерации педагогов... Не находилось среди них таких, которые ни словом, ни делом не посягали бы на личность женщины, занимались бы чем-то более существенным, нежели мы, понимали больше, видели дальше. Так, средненькие... И пусть не кичатся. Были, конечно, такие, что старались, держались за работу. Но, опять же...

– Не везло тебе. Видно, те, которые особенные, другими дорогами ходили, – пошутила Жанна и добавила примиряюще:

– У каждого своя нить Ариадны, и никто не застрахован от

ее разрыва или запутывания... Но для семьи стараюсь, можно прославить себя, свой город и даже страну. У меня есть тому прекрасные примеры.

– «О чем задумалась, детина»? – пропела Инна, обращаясь к Ане. – Что тревожит твою безгранично добрую душу? Тебя опять мучают неразрешенные мировые проблемы?

– Конечно, выше и важнее семьи нет ничего, – продолжила рассуждать Аня, не реагируя на шутки Инны. – Философ Лосев писал, что истинный брак – это монашество. А любовь – благодать, которая дается сама собой.

– Да уж, благодать... – фыркнула Инна.

– А немцы до сих пор считают самым главным для женщины честь, порядок и ответственность. Кирха, кухня, киндер, – напонила Жанна.

Лена, сбросив с себя остатки дремы, усмехнулась:

– Именно только для женщин. Общались я с немцами на практике, когда училась на четвертом курсе. Наблюдала за ними со стороны. Они стажировку у нас в лаборатории проходили. Я думала, они культурнее нас. После одного случая я утвердилась в своем мнении, что люди везде одинаковые. Представляете, я отчитывала их с отчаянной храбростью незащитного человека, мол, вы женаты, как можно? А они не видели в своих похождениях ничего дурного. Мол, это не измена жене, это потребность организма... как в еде и воде. Меня трясло от возмущения, а они удивлялись моей непонятливости. Один особенно запомнился: все время

красивым жестом оглаживал широкую седую с рыжими подпалинами бороду, которую носил, чтобы прикрыть свою старую дряблую шею.

И пили они за милую душу, похлеще наших аспирантов. Надирались будь-будь... Оно и понятно: бесконтрольные. А на дармовщину «употребляли»... боже ты мой! И все бормотали, мол, русский человек до смерти работает, до полусмерти пьет. Себя оправдывали, что ли?

– Я отказываюсь это понимать и комментировать, – сказала Инна странно тихим голосом. Наверное, она тоже считала представителей Западной Европы более порядочными, и теперь была смущена своей неосведомленностью. – Ты в одного из немцев была влюблена? Могла бы известить о столь неординарном событии.

– Должна тебя разочаровать: не было романа. В презираемых я не влюблялась. Шеф просил помочь им с русским. У меня с бытовым немецким проблем не было.

– Говорят, когда человек готов к счастью, оно его и находит, – сказала Аня.

– Тогда-то его, готовенького, влюбленного и подлавливают, берут еще тепленьким, и в шоры... – усмехнулась Инна.

– Лев Толстой писал: «Не повторяй чужих мыслей. Имей свои», – отозвалась Жанна на Анино «говорят».

– Спорное заявление. Истины общеизвестны, просто каждый их выражает по-своему, – не согласилась с ней Инна.

– А теперь по существу моего вопроса. Есть фраза: единожды солгавши, кто тебе поверит? А почему Эмма верила Федору? – спросила Аня.

– Хотела верить, – ответила Жанна.

– Всего-то?

– Влюбленное сердце с глазами часто несогласно. Оно не замечает несоответствий, не видит огрехов.

– Не хочет видеть? Знаете, у меня и сейчас перед глазами стоит кадр: мой любимый преподаватель – умница, красавец мужчина – в филармонии ждет любимую девушку. Он весь подался в сторону входной двери. Он трепещет и светится от счастья. И вдруг я вижу: идет далеко не юная, на лицо обыкновенная, маленькая, толстенькая, коротконогая брюнетка. Мне показалось, что она несколько напряжена, насторожена, потому что до конца не верит своему счастью... Нет, наверняка она прекрасный человек, но я знаю мужчин... Вот бы выяснить сколько лет с его глаз не спадала пелена влюбленности, как долго продлился их брак?

– Если он человек порядочный, то долго, – категорично заявила Жанна.

– Хотелось бы надеяться. Но мне кажется, он со временем все равно ее оставит и женится на другой, молодой, – подала голос Лена.

– Я знаю, о ком говорит Аня. Ты права, Лена, – сказала Инна. – Говорил, что ничего, кроме уважения и благодарности, к бывшей жене уже не испытывает, но никому не позво-

ляет ее обижать.

– Так ведь уже обидел, разведясь. Жаль. Это тот редкий случай, когда мне очень хотелось бы ошибиться, – сказала Лена и спросила сама себя:

«При чем здесь ее лицо? К красоте и уродству быстро привыкаешь. Внешность с возрастом всегда ухудшается. А вот ум, напротив, как хороший коньяк, с годами становится крепче, насыщенней, ароматней. Так считаем только мы, женщины? Мужчин волнует другое?»

– Какого любить – дело вкуса. А что Федор искал? Ему казалось, ни одна любовь ему не вровень? – задумчиво спросила Жанна. – Ведь не только же секс его привлекал?

– Ты слишком высокого о нем мнения.

– Предлагай контраргументы из тех, что я еще не знаю.

– «У каждого свой вкус, сказал индус и женился на обезьяне». – Конечно, эту старую шутку «преподнесла» Инна.

– Не можешь без пошлости, – дернулась Жанна.

– Могу. «У матросов нет вопросов?»

– Больше нет.

– ...Мистицизм принято связывать с именем Достоевского.

– А как же Булгаков?

– ...В наше время страсти не менее злые, даже напротив, поэтому сохранить мозги и сознание в нетронутым виде очень сложно.

– ...Ох уж эта мне русская покорность судьбе! Откуда она?

– Когда очень трудно, так и хочется отдаться ей... и вечно длить этот миг самовручения.

– ...Откуда у Федора такое неуважение к жене? Она же не вешалась ему на шею. Он же сам ее добивался.

– ...Получать внимание как милостыню? Когда любишь другого больше, чем себя, становишься уязвимым... Равнодушие убивает. Нажилась Эмма, нахлебалась «счастья» за долгие годы Федькиного распутства. И теперь еще, наверное, он больно задевает струны ее души.

«Скачут с темы на тему. Устали. Но вопросы один за другой цепляются. Мнения разные, и от этого разговор не перестает быть им интересным», – вяло подумала Лена. Она никак не могла сосредоточиться. Ей жутко, до ломоты в глазах хотелось спать, но полностью отключиться никак не получалось.

– ...Не раз страшная душевная пытка достигала апогея, сердце Эммы от боли будто разрывалось на части, но она все равно послушно следовала за Федькой, а он продолжал ее хладнокровно уничтожать. Ему это доставляло мрачное, гордое удовлетворение. Я видела их как-то на улице. Передо мной была женщина с печальным прошлым, без будущего. Я была потрясена. Она так и стоит перед глазами... как вспышка памяти... Мне хотелось подойти и врезать по этой

себялюбивой роже и закричать: «Эмма, очнись, ты же в сто раз лучше его! Обида ослепила тебя!.. Надо иметь смелость вовремя закончить отношения и уйти», – возбужденно сказала Аня. – Он и сейчас пытается употребить свое бывшее влияние. Его нервные деспотичные выходки не прекращаются. Разгул бесстыдства, сомнительные сексуальные утехы... Правда, теперь Эмма и ухом не ведет. Внешне встречает их с хладнокровным высокомерием. Какой стоицизм!

Я знаю много хороших семей, в которых связующим звеном между мужем и женой являются дети. Им приходится признавать друг за другом право на собственные интересы, если даже они им и не очень нравятся. Совпадение интересов в семьях не так уж часты. Женщины лучше приспособляются. Я речь веду не о загулах, а о хобби.

– Не каждому уступки по силам, для эгоистов они невозможны, – заметила Инна. – Эмма смогла выдернуть свою жизнь из-под гнетущей проблемы, доминировавшей над всем остальным, научилась концентрироваться на хорошем, и перед ней пали все преграды. Но далеко, слишком далеко она в угоду семье отодвинула свое «я»... и потухла. А раньше искрилась энергией!

- Это ее приношение на алтарь любви, – сказала Жанна.
- А где же Федькино?
- В том-то и состоит ужас ее положения.
- Кто любит, тот дорожит любимым.
- Странное сочетание гордости и покорности. Это как

быть одновременно счастливой и несчастной, другом и холлом. Одно противоречит другому.

– Обычная в России модель поведения.

– Если бы только по бедности. Я где-то слышала, что любовь настоящая – это когда ты любишь человека даже если он бесконечно гадок, – сказала Жанна.

– Дурость это! Даже материнская любовь имеет предел, – вспыхнула Инна.

– А непомерная материнская жалость не имеет. Кругом мрак безнадежности, а она до последних дней будет тянуть свою ляжку, потому что жалость – духовный стержень русской женщины.

– А хотелось, чтобы таким стержнем были любовь и уважение.

Лену удивило, что женщины разговаривали, лежа в одинаковых позах: положив руки за голову и уставившись неподвижным взглядом в потолок.

– Помню, не любила Эмма быть обязанной, а тут...

– А ты попробовала бы в ее положении – больной – бросить вызов судьбе? Это не языком молоть, – резко сказала Аня за спиной Инны, и тут же примирительно добавила:

– Прости за прямоту.

– Какой бы странной и мучительной не показалась нам Эммина жизнь, мы должны уважать ее выбор. Слишком это тонкий и деликатный вопрос, чтобы обсуждать его, как на

собрании. Мы даже отдаленно не можем угадать последствий той или иной ситуации в их семье. В жизни каждого человека есть много такого, что со стороны не разглядеть, ни вникнуть, потому что всё у всех складывается по-разному. Мне кажется, не надо нам вторгаться в ее пределы. Да и поздно стремиться образумить Эмму или перестроить.

Лена надеялась приостановить или закончить затянувшееся обсуждение, но Жанна, как оказалось, еще не выговори-лась.

– Она просто примирилась со своей горькой участью. Создала свой мир и живет в нем как святая, веря в свою правоту и непогрешимость. Только святой может любить свою тюрьму.

– Любить тюрьму? Опять уповаешь на Бога. Знаем твою песню, – резко высказалась Инна.

– Неловкое вмешательство может оскорбить Эмму. Зате-ивать разговор с ней можно только для того, чтобы помочь ей душу отвести, – осторожно заметила Аня.

– При условии, что она в этом нуждается.

– За мной должок, – буркнула Инне в ответ Жанна, еле сдерживая готовые сорваться с ее языка грубые слова.

Та поняла ее намек.

– Недолго осталось Федору измываться. Скоро оконча-тельно спечется, скукожится и завянет. Угаснет половая функция, наступит физическая немощь. К финалу, к зака-

ту клонится его эфемерная власть. Посмотрим, как он тогда запоем, – усмехнулась Жанна. – Вот тут-то и надо будет его приструнить, мол, знай сверчок...

– Вряд ли получится стреножить. Отравленный собственным самолюбием, он всегда будет жесток и высокомерен. Это уже как болезнь. Если только его побить или совсем... – сказала Инна, забавляясь ошарашенным лицом Ани. – Надо Эмме попробовать себя в разных ипостасях. Пусть вытащит на свет божий все накопившееся в ней зло.

– Ну и шуточки у тебя.

– И тогда судьба подкинет ей очередную пакость, – серьезно среагировала на Иннино предложение Жанна.

– Федька все равно будет считать, что здорово спел свою удивительную, уникальную мелодию жизни. У него есть шутка не совсем мне понятная: «Жить надо так, чтобы было что вспомнить, но стыдно рассказать». И в свою последнюю минуту, как и отчим Лены, он будет думать о тех женщинах.

– А достойно ли прожил?

– А что он считает достойным?

– Отличная подача!

– Таких ни годы, ни несчастья не меняют.

– Он – живая всему на свете укоризна, – усмехнулась Инна.

– И неизбежное зло, – добавила Аня.

«О Федоре – только плохо. А об Эмме? Хотя... она жертва», – поняла Лена.

– Заметь, это ты сказала, а не я.

– И что из того?

– А мне кажется, Федька давно спекся – завял, усох, сдулся. Как говорится... на шесть часов. Постарел и вообще уже никакого касания не воспринимает. «Париж всегда Париж», а вот мужчина... – Инна скорчила рожицу, соответствующую высказанной фразе. – Он уже в том возрасте, когда согласие женщины пугает больше, чем ее отказ. Если мужчина много говорит о женщинах, это верный признак того, что на деле он ноль. Способные умно помалкивают.

– Может, наоборот, только в самую пору вошел, тем более что «виагра», – я слышала – работает, – смущенно не согласилась неопытная Аня и нервно поежилась.

– Ты уже не надеешься дождаться, когда Федька вобьет последний гвоздь в крышку гроба своей непорядочности и в семье Эммы воцарится библейская тишина?

– ...Она тогда уже была больна. Подсознательное опасение за судьбу детей заглушало в ней все остальные чувства. Злые мысли сразу блекли, но все равно долго оставляли ее в непроходящем разочаровании. Она говорила с обидой: «Оставлял бы меня ради призвания, ради высокой цели или прекрасной любви, а то ведь...» – вспомнила Аня.

– Уходит сила, появляется ясность мыслей и мудрость. Но иногда мы слишком поздно понимаем, что губим себя обидами. А гордыня может подтолкнуть еще и не на такое... –

многозначительно заметила Инна. – Она двигает человека и в ложь, и в подлость. Куда угодно...

– Только не Эмму.

– Красивая Эмма, да несчастливая. Я знаю много женщин с довольно средненькими внешними данными, которые несут себя как королевы, и мужчины верят, что они представляют из себя нечто особенное, – поведала подругам Жанна.

– Значит, умные, – сказала Аня.

– И хитрые.

– Куда бы их ум делся, попади они в лапы таких, как Федор.

– Такие не попадают.

– Некрасивые мужчины тоже по-разному ведут себя. Одни умом стараются возвыситься над красавчиками, другие мстят им, ущемляя их на работе, третьи деньгами добиваются успеха у женщин и тем горды, – напомнила о себе Инна. – Станный народ эти мужчины, просто чудики какие-то. Сами разбрасываются комплиментами как горохом в посевную, но стоит женщине похвалить кого-то из них даже за дело, так они сразу считают, что она в него влюбилась. Сколько раз я обжигалась. Не пойму, воображение у них ярче нашего, самооценка ли слишком высокая или, напротив, они ее себе таким образом повышают? Недавно моя знакомая попала в капкан мужской глупости. Ей далеко за шестьдесят,

а ему сорок. Так и он туда же! Офигеть можно. Бедная, еле отвязалась от его притязаний. Рассказывая, она злилась, а я со смеху покатывалась, вспоминая свои подобные приключения. Но беда была еще в том, что эту историю женщины продолжили раскручивать.

«Ну сделала я мужику комплимент на счет его предпринимательских способностей, чтобы польстить ему, доставить маленькое удовольствие, и что из того? При чем здесь любовь? Я никого не подпускаю к себе ни на сантиметр. Эти дамочки не понимают, что можно просто уважать и ценить мужчину за что-то хорошее в нем? Они примитивные одноклеточные? Сплетники из недоразвитых произрастают или в основном из зловредных?» – огнем полыхала моя знакомая, оскорбленная до глубины души.

Я ее еле уgomонила, сказав, что мужчины всегда жаждут обожания, и оно у них, в отличие от нашего, женского, требует сиюминутного подтверждения. А те женщины? Они от безделья... Не волнуйся, переключатся на кого-нибудь еще и позабудут о тебе.

«Я не против комплиментов, если они не имеют целью унижение или материальную выгоду. Одной моей подружке еще больше досталось. Как хорошего человека можно с должности согнать или опозорить? Только подлостью и ложью. И самое обидное – почти никто не сомневается в услышанном! Но умные и порядочные не должны верить сплетням и тем более их передавать! – продолжала нервничать

моя знакомая. – Как-то услышала у себя на работе за соседним столом, мол, тот спит с этой. Я, не оборачиваясь, ей сказала: «Ты думаешь, о тебе не говорят? Просто не все имеют привычку разносить...»

– Косой неправда косит даже тех, у кого кольчуги из наград, – заметила я сурово.

26

– Почему Эмма так долго не могла разобраться в своих чувствах? Ведь ум – это способность человека быстро разделить ситуацию на составляющие, вычленив существенные моменты и найти между ними связь. Она не пыталась? Не удавалось распознать, пока находилась под мощным закабаляющим воздействием любви к мужу? Времени не было на размышления? – поставила прямые, как колья, вопросы Аня.

– Сначала у нее было довольно смутное представление о реальной жизни в чужой семье. Она не готова была бороться. Вот и затюкало ее семейство Федора, и завязла она в их болоте по уши. Первое время существовала по заведенным в их семье правилам, пыталась встроиться, влиться, – предположила Жанна.

– Эмма протестовала против принижения, всякого умаления ее заслуг и способностей. Помню идиотскую фразу Федьки по любому поводу: сойдет по третьему сорту в темноте. Она Эмму очень обижала, а он делал вид, что не за-

мечает недовольства, предоставляя ей самой разбираться в своих чувствах и ощущениях, – не согласилась с такой оценкой Инна. – И все же слишком уступчива была. В семейных делах ей не хватало настойчивости, твердости, даже жесткости. От многих своих желаний готова была отказаться ради покоя в семье. Вот Федор и начал этим пользоваться. А потом это вошло в систему.

– Не понимал он, что семейная жизнь состоит в основном из «надо», – сказала Аня.

– Не понимал? – скептически протянула Жанна и поджала губы.

– А потом поздно было. Дети появились. Как-то Эмма пожаловалась мне: «Помощи уже не жду. Тут его мама хорошо поработала. Я о другом. Нет чтобы прижать к себе, доброе слово сказать, просто улыбнуться в конце концов. Хотя бы из благодарности. Вечно раздражительный, все не по нем. И к детям то безразличный, то необоснованно требовательный и несправедливый. Сколько раз просила, чтобы прежде чем что-то сказать, думал, учился щадить тонкую психику детей. А он их как обухом по голове... Бесполезно говорить. Остается не подпускать».

– Неразумному проведению было угодно... – ироничной шуткой хотела ответить Инна.

– Ради всего святого, что есть в тебе, замолчи! – тихо, но гневно осадил ее Аня и молитвенно сложила руки. – Не могла она обрубить нити, связывающие детей с отцом. Как

тут вырвешься из плена собственной неуверенности?

– Вали на серого. Боялась, что мальчики уйдут к отцу, – уперто не согласилась Инна. Вон Лена сразу все для себя определила.

Лена строго и сухо заметила:

– У меня была другая ситуация.

– ...Самосознание женщин начало пробуждаться в средние века. Тогда они впервые поняли свое всеисие.

– Которое утеряти женщины древнего мира? – насмешливым вопросом подкорректировала Инна слова Ани. – И до сих пор его не могут вернуть.

– И почему это многие мужчины не желают быть сопричастными к лучшему, что создала природа и цивилизация, не стремятся к облагораживанию собственной личности посредством прелестных, роскошных женщин, – рассмеялась Жанна. – Разве сделать для кого-то что-то очень хорошее не составляет часть тщеславия мужчины?

– Настоящего мужчины, – уточнила Инна. – Мы им для имиджа, для шарма, они нам для благосостояния?

– А это ты к чему приплела? Уши вянут. Сатанинский замысел, – разозлилась Жанна.

– Ха! Неровен час услышит Господь... и увидит, что это хорошо.

– Ты дальновиднее небесного жителя Мироздания или обладаешь сквозным через века зрением? Тебе известны ис-

тинные намерения Всевышнего? – ехидно проехала в адрес Инны Жанна.

– Какие люди и без охраны! – рассмеялась Инна. – Но я бы на твоём месте не заикалась о недоступных твоему разуму вещах. Что глазами хлопаешь?

«Опять Инка издевается. Это возмутительно! Мертвого из гроба поднимет. А ведь Лене ничего не стоит поставить ее на место», – в который раз рассердилась Аня.

А Лена в это же время подумала с грустью: «Знали бы девчонки об Инниных болезнях, наверняка были бы к ней снисходительней».

– Нет, все-таки зря Господь Бог не женщина, – у усмешкой сказала Инна.

«Это приглашение к новому диалогу? А в чем его своеобразие? Надеется открыть Америку?.. Этот вялый бессодержательный разговор девчонки ведут, чтобы убить время и «уговорить бессонницу»? Теперь я понимаю бабушек на лавочках, умудряющихся изо дня в день без усталости часами обсуждать одни и те же проблемы, – успокоила себя Лена, опуская бессильные веки и осторожно потягиваясь. – Ох, с этим жуткими радикулитом и миозитом я давно уже позабыла, что такое приятная разнеженность тела».

До Лены, как из подвала, продолжали долетать отдельные глухие, будто окутанные ватой фразы, но ее сознание их уже не воспринимало.

Жанна, глядя на неподвижно лежащую Лену, подумала:

«Она слишком закрытый человек, чтобы быть кому-то интересной. А Инна, наверное, наслаждается происходящим».

После длительной паузы Аня опять вернула разговор к «женскому» вопросу.

– Я слышала не в самой лучшей мужской компании фразу: «Хорошо, что женщины из-за детей слабо защищены, иначе мы были бы их рабами». И тогда я сделала вывод из поведения Федора: интеллектуально он не мог жену победить, ее правота во всем его оскорбляла и, что естественно, бесила. Но победа для мужчины важна, поэтому он не вешал носа, а брал реванш, унижая Эмму как женщину. По-другому у него не получалось. И что ему увещевания: «Любите друг друга, не ссорьтесь. Жизнь коротка!»

– Помните охоту на ведьм в разных странах? Сколько невинных женщин сгубили мужчины! – вздохнула Жанна.

– А сколько мужчин в войнах погибло, вы забыли? – удивленно спросила Лена.

– Не женщины их затевали, – резко ответила Аня и продолжила свою мысль:

– Кого боятся, того принижают или уничтожают. И священники всегда так же поступали. Изначально по религии женщина – богиня, родоначальница. Вспомните символ Леонардо да Винчи. Мужчина в круге. Мужчина – прямая линия, а круг – женский символ защиты, божественная суть женского начала, о которой умышленно «забыла» церковь, а

за ней и вся сильная половина человечества. И ведь тоже из страха потери превосходства. Церковь долбит нам: смирись, смирись. К уничтожению призывает. Культ вины насаждает теорией первородного греха. Женщину в грязь втоптывает. Но ведь все оттуда вышли... из одних «ворот». А мужчина не грешен, побывав там?..

– Это одна из твоих самых фундаментальных концепций, как закон всемирного тяготения в физике? – проехала по Ане Жанна.

Та не отреагировала на укол.

– Многие женщины не выказывают свой ум и защищаются от притеснений хитростью или безразличием – кому что дано, – сказала Аня.

– Но глупых не уважают, – заметила Жанна.

– Слишком тонкая грань между этими категориями, – усмехнулась Инна. – Эмма не хвалилась своим умом. Она им пыталась бороться против упрямства Федора.

– Ум против упрямства? Не то оружие. Я уже говорила, женской хитрости, гибкости Эмме не хватает, – напомнила Жанна.

Молчанием женщины подтвердили свое согласие с подружкой.

– Разве Эмма до свадьбы не замечала, что кое-что в Федоре ей не нравилось, а что-то вовсе было непонятно? – спросила Жанна.

– Были маленькие звоночки-сигналы. Они слегка насто-
раживали, задевали, беспокоили. А что – она не могла по-
нять. Так, отдельные неожиданные взгляды, странные фра-
зы. Они не осознавались, но откладывались где-то глубоко
в мозгу. А другой раз ей казалось, что они с Федором из од-
ного детства, так близки были их взгляды. Но, может, он уже
тогда ей лгал и подыгрывал. Иногда в нем ощущалось что-
то неродное, инородное, будто из чужой культуры, что ли.
Но она не придавала большого значения этим мелочам. Ду-
мала, поговорят, обсудят и все проблемы легко разрешатся.
Ведь не глупые. Ей даже в голову не приходило, что подоб-
ная малость может как-то повлиять на их отношения и да-
же их разрушить. Она считала, что любовь может справиться
с любыми трудностями и уж тем более с мелкими, непон-
ятными ей особенностями характера жениха, – объяснила
Инна. – И только много позже она создалась, что, поняв ха-
рактер мужа, подспудно боялась, что рано или поздно изме-
на может случиться, но не хотела себе в этом признаваться,
мол, такие опасения не по адресу.

– Любовь! Нет ярма желанней и печальней. Я где-то я чи-
тала, что тяжел венец любви и счастья... «крутая соль» бес-
численных обид. Любовь Эммы выше страсти и измен Фе-
дора. Он поймет это, но только после полного угасания в нем
того...

– О чем не говорят, о чем не учат в школе, – беззаботно
пропела Инна, смягчив и завуалировав тем самым Анину се-

рьзную мысль. – И наконец-то она освободится от ревности, обид и унижений. Один знаменитый грузин сказал...

– Но жизнь-то ее уже окажется бездарно прожитой, – перебила Инну Жанна.

– Почему бездарно? – обиделась за Эмму Аня. – У нее прекрасные дети, достойные успехи в работе.

– Главный юморист нашей страны как-то пошутил: «Крепкая семья – это когда оба уже никому не нужны», – вспомнила Инна.

– Не утешил, не обнадежил, – выдохнула Аня. – Нужно ли будет Эмме в таком возрасте Федькино понимание, это выстраданное счастье?

– Анька, что же ты такая безрадостная? Пусть Эмма живет до ста лет.

– Безудержный оптимизм. С таким мужем? Забыла, что Федькина «Аппассионата», «бальзам его души» для нее обернулся болезнью? – возмутилась Аня на бездумные слова Жанны.

– Вот так нарвется какая-нибудь девчушка на этакого гада и все на свете проклянет. И останется на нуле физических и моральных сил... Не приведи Господи с подобным типом сойтись, – вздохнула Жанна. – Не разминуться бы моим малышам со счастливой судьбой. Как бы заранее подсуетиться, чтобы не промахнулись? «Вопрос, конечно, интересный». Так мы любили говорить в студенческие годы.

«Не приведи Господи? Совсем Жанна старухой-векову-

хой заделалась? – молча пожала плечами Инна. – Хотя... и для Лены иногда просьба «Господи, помоги» были не просто слова... Тогда, в больнице, она ими обергала меня. Говорила: ты просто живи без великих ожиданий и верь. Радуйся, скорбя. Не предавайся унынию и отчаянию. Выкарабкаешься, поднимешься. Помни, что тебя любят и ждут...»

– К слову сказать, не снисходила Эмма до мелочей, где только это было возможно, отбрасывала прочь ненужную щепетильность. У меня только одно к ней возражение... – попыталась вставить фразу Аня. Но Инна прервала ее:

– Ищешь к чему придраться? Не советую. Федька так замутил их жизнь, что Эмме сразу не докопаться было до истины, вот и стала легкой добычей лжеца. Воистину не человек, а божье наказание. Он Эммин дамоклов меч. Ей со многим приходилось мириться. Осознание и понимание своей беды не примиряло с душевным одиночеством... Примирять – не значит уравнивать... Эмма – редкий клад, а Федька не ценил ее безоговорочной чистосердечной привязанности. Она его совершенно не «пробивала». Он упивался своей низостью: «Грубым дается радость, нежным дана печаль».

– «Широк человек и в благодати, и в мерзости», – заметила Жанна. – Не урезонивал себя Федор – бездушный демон. Не должно это сойти ему с рук. Говорят, предавший обязательно будет предан.

– Пока ходит, как и ходило его мамаше.

Лена открыла глаза с ощущением того, что она на самом деле хоть недолго, но поспала. Выходит, опять сморило «под колыбельную». Она осторожно расправила онемевшее, словно набрякшее тело.

– Можит в позвоночнике? – посочувствовала ей Инна.

– Все нормально. Теперь редко удается даже утром просыпаться с приятным чувством во всем теле, с радостным ощущением предстоящего дня.

Сказала и тут же услышала Аню:

– Любит подпорченное, с гнильцой... Эмма была лишена кокетства, а с его точки зрения это был большой изъян. Можно подумать, оно спасло бы ее... В бурном потоке мужской подлости не одна семья погибла.

Лене не хотелось погружаться в очередной разговор подруг. Но ей плохо удавалось абстрагироваться от происходящего в комнате. Она слышала то Аню, то Инну, то Жанну. И всё это перемешивалось...

– ...Это как не понимать, что из магазина надо сначала выпускать покупателей, а потом ломиться туда самим. Иначе может возникнуть переполнение, – говорила Инна.

– ...Скользкий, как лень, не за что ухватиться... И все у нее так безнадежно запуталось, – утверждала Аня.

«И эта тут со своим мнением «во всей незамутненности и простоте», – непонятно отчего злилась Инна на Аню.

– ...Судите? Знаменитый адвокат Плевако говорил: «Не с ненавистью судите, а с любовью», – заметила Жанна.

– Мы с обидой и сожалением. Если уж на то пошло, я категорически заявляю: любить и жалеть можно невинно пострадавших, а не этих, которые... Где же любви набраться еще и на предателей? – отмахнулась Аня. – На это только монашки способны.

«Вникать в чужие семейные неурядицы – последнее дело... Уж, кажется, все обсудили. Что они еще изобретут по ходу беседы? Куда направят свой разговор?» – занервничала Лена.

– ...Жизнь бессмысленна, если в ней присутствует только плотская любовь, – сказала Аня.

– Смотря какая плотская, – рассмеялась Инна. – Опять у тебя крайности. В твоём случае жизнь не бессмысленная, а неполная.

– Кто о чем, а вшивый о бане, – перешла к энергичному нападению Жанна.

– Да ну тебя с твоим засахаренным, закаменелым благородством и консерватизмом, – заняла оборонительную позицию Инна. Видно, устала воевать. – Да, перевелись мужчины. Ни принять решение, ни помочь, ни защитить... ни удовлетворить. Это теперь называется современный конструктивный подход к семейной жизни, – язвительно заметила она.

– Я слышала интересную фразу: «Женщина делает всё что нужно, а мужчина – всё что может».

– При условии, что захочет, – уточнила свои же слова Аня.

– ...Да уж, не цвели для Эммы фиалки. Не смогла она

победить семью мужа, ее устои. И адаптироваться не хотела. По-своему правильно вела себя, но не по их меркам. Она всю жизнь в тоске и обиде, как на остром лезвии ножа. Не расплатиться Федору по счетам... перед Всевышним. Ладно, проехали. В жизни счастье часто сливается с болью. Она одна из его неизбежных компонентов. Они связаны как мёд и жало... – философски заметила Жанна. – Птица счастья прилетает не ко всем. И не каждому ее удастся разглядеть и поймать. Сколько бед приносит семье пусть даже одна связь мужчины на стороне! А разум наш не учит и не утешает... В человеке столько намешано-наболтано всякого: сумасбродство и мудрость, бессилие и воля, нежность и грубость, порядочность и скотство. Что переборет, таков и человек. И жизнь в очередной раз дает нам примеры подтверждения этой истины. Конечно, хотелось бы в человеке разделить доброе и злое и зло выкорчевать. Но это на сто процентов невозможно.

– Сократ утверждал, что «в каждом человеке есть солнце, только дайте ему светить», – сказала Аня. – Не обладал витиеватым слогом, кратко, зато основательно говорил. Оно и лучше, когда прямым текстом.

– Федькино солнце, может, и светит, да не греет.

– ...На боли нельзя фокусироваться, но и забывать о ней нельзя. Много чести ее виновникам, – сказала Аня.

Слушать одновременно троих Лене было не по силам и она накрыла голову подушкой. Но разговор не прекратился.

– ...Заботу и ласку Федька принимал с равнодушием хозяина гарема, потому что сам к ним был неспособен.

– ...Нежность – состояние просветленности, – процитировала Жанна, возможно, из Библии.

– Даже животные понимают ласку и доброту и платят за нее благодарностью. Лошади и собаки бывают очень преданными, – сказала Аня.

– А кошки?

– Нет.

– Значит, Федор не иначе как из кошачьей породы.

– Он еще козел, петух и кобель-потаскун – целый скотный двор в одном гаденыше, – рассмеялась Инна.

– Какая пронизательная оценка, какое точное суждение! Совсем заклемила. Хватит, противно слушать. Ну, прямо как...

Лена не стала уточнять, на кого похожа Инна, увлекшаяся критикой.

И та вопреки мнению о мягкости характера Лены, «на своем хребте» знакомая с жесткостью «эпитетов» подруги, неожиданно улыбнулась:

– Премного благодарна за замечание.

– ...Семья и быт Федору быстро приелись, – сказала Аня.

– Нам тоже бывает ой как тошно глядеть на своих мужиков, так что же: сразу хвост трубой задирать? Может, мы тоже не прочь попроказничать, но ведь пока замужем, блюдем себя. Злимся, бесимся, но примешивается сознание того, что

мы в ответе за это свое «чудо в перьях», и не позволяем себе расслабляться, – ершисто возмутилась Инна.

– Вот мы виним Федора, а он, наверное, нас. Как можно осуждать природу, ограничивать ее, ломать, запирают сердце, загонять себя в рамки. Ведь только и можно любить что-то недоступное. Бесконечно долго любить... И потом... красота... Она тоже своего рода талант и, если кому дана... ее надо уметь использовать на полную катушку. А мы стеснялись. Нас так воспитали. «Это аморально!» Опасались, что она развратит.

«Второй раз Аня поднимает этот вопрос. Значит, зудит в мозгу, требует разъяснения», – удивилась Лена.

Аня посмотрела на Жанну, потом на Инну. Те как-то сразу не поняли, куда клонит их скромная подруга. А может, просто не успели обдумать эту весьма щекотливую тему и потому не были готовы обсуждать. Монолог Ани был интересный, эмоциональный, но несколько нелогичный. Концы с концами в нем не сходились.

И все же Инна не могла не отметить хотя бы чужой фразой:

– Понятия «красота», «элегантность», «совершенство» – вариативны, они вне рамок. Каноны – тоже.

– Они сами есть рамки?

– «Красота – условно принятая совокупность достоинств и недостатков, она – поле для экспериментов», – так сказал кто-то из великих.

А Жанна заметила Ане:

– Бунтарская жилка в тебе все-таки имеется.

– Освободи человечество от морали, и оно погибнет.

Вспомните Древнюю Грецию, – снова попыталась «завести» подруг Аня. Но Жанна откликнулась только одной конкретной фразой, после которой говорить уже было не о чем:

– Нет такого аморального крючка, на который Эмма могла бы попасться.

– ...Однолюбы, как правило, несчастливые, потому что вероятность найти свою половинку слишком мала.

– ...Супруги не должны всё знать друг о друге. У каждого должна быть какая-то тайна, загадка, – сказала Аня.

– Нет, какова! Хватит молотить языком. Не о той тайне ты говоришь. Не путай упряжь с лошадьё. Я об изюминке, о тайне, сокрытой в женщине. Ее мужчины всегда ищут. Те, которые в этом понимают, а не эти физически и морально вырожденные, инфантильные, изнеженные, развращенные кинофильмами, – принялась насмешничать Инна теперь уже над Жанной. – И еще. Загадочное – не всегда значительное, как часто кажется мужчинам.

– Но именно оно интригует и привлекает их больше доброты и прочих положительных качеств, – отбилась Жанна.

– А в них есть это же самое? – спросила Аня.

– Я готова была видеть достоинства, которых в мужьях вовсе не было. Ах, ах! Весь мир – любовь. И весь он – для

меня, вокруг меня, внутри меня. Нежность, преданность... Подобного рода дилеммы давно не стояли передо мной. Я просто искала мужчину, рядом с которым могла бы чувствовать себя женщиной.

Инна произнесла этот монолог бесцветно и безжизненно, но ни Аня, ни Жанна не поверили, что она может быть смирной овечкой. Потому и слушали ее откровение настороженно и внимательно, храня глубокое молчание. Их глаза словно приклеились к ней.

– Федор, наверное, не так прост, каким нам представляется. Он – фигура далеко не однозначная, – засомневалась Жанна.

– Ты его защищаешь? – взвилась Аня.

– Федька говорил, что он не сторож своему сердцу, что следовать всем правилам – значит лишать себя удовольствий. «Айда все в загул! Любовь – мой грех». Шекспир, к вашему сведению. Я слышала, что каждый мужчина мечтает загулять, но не каждый решается. Умудренная жизнью Федькина мать дала ему такую установку, «путевку в жизнь», – рассмеялась Инна. – Видно, в иной ипостаси мамаша сына себе не представляла и ни на что другое в нем не претендовала, – ехидно и зло добавила она.

Со стороны могло показаться, что в Инне кипит личная обида ни на кого иного, как на самого Федора. Но Лена точно знала, что это не так.

– Опять мать! Во-первых, Федор, скажем так, свою голову имеет, а во-вторых, ты свечку при них не держала, – недовольно заметила Жанна.

– За что купила, за то и продаю, – в ответ фыркнула Инна.

– А я другую, более весомую фразу из «Гамлета» приведу. «За что прощать того, кто тверд в грехе?» Я считаю, что есть вещи, которые нельзя спускать. И Федор не может рассчитывать на это. Изучая поведение мужчин из своего окружения, я пришла к выводу, что они вовсе не умеют любить, потому что до мозга костей эгоисты. У них нет ничего святого, кроме мамы. Дома – жены, которые их устраивают как хозяйки и матери их детей, но они их не уважают. Все удовольствия в основном у них на стороне. На кой они такие? Из-за денег? Я сама себя вполне устраиваю, – сердито сказала Аня. – А вот в нашем огромном доме, например, все вдовы мужчины остались верными своим женам, доживают поодиночке, домашнее хозяйство сами ведут, к детям и внукам в гости ходят. Я уважаю их за это.

И только мой старый друг в семьдесят пять лет – в его то годы! – женился под тем «соусом», что хотел продолжать жить полноценной жизнью. Уже через неделю после похорон накупил себе модной одежды и вырядился как жених. Конечно, жена каждую копеечку сберегала внукам. Они в Москве учатся. Там и за квартиру платить приходится, и одеться девочкам прилично хочется. Родителям двух студенток было не потянуть. А теперь деда никто не ограничивает, он все

деньги только на себя и на свои удовольствия тратит. Без няньки и месяца не прокуковал, хотя дочки обещали заботиться о нем. Это же верх неприличия!

– Может, Господь ту женщину послал ему в утешение. – Жанна попыталась оправдать «жениха».

– Да уж, слышана, как он с ней утешался, когда его жена еще жива была. Одна из его давних «привязанностей». Может, тем в гроб и загнал свою благоверную.

– А жена твоего друга терпела или тоже в отместку? – спросила Инна.

У Ани глаза на лоб полезли от раздражения. Она стала похожа на взъерошенного, общипанного в драке воробушка.

– Небось те «идеальные» вдовцы с утра к бутылке прикладываются? Зачем им жены? – предположила Жанна.

– Не были замечены. Одни общественной работой занялись, другие перебивают тоску и уныние садом, внуками и рыбалкой. И все трезвые как стеклышки. Я намеренно следила.

– Зашлась криком. А сама-то ты плохого любила. Обаянием притягивал или... зов крови? За обаяние много чего можно простить?

– Я самодостаточна, мне важно было самой любить. Умственную любовь я ставлю выше любой другой.

– Отгородилась от него хорошо выполненной «почтительной» решеткой обожания? А ему нужно было, чтобы его по всякому любили. Беда с тобой, – шутливо покачала головой

Инна и опять перевела разговор на Эмминого мужа:

– Теперь уж Федька как «пень трухлявый, пень корявый».

Помните «гарики» Губермана: «на девушку в трамвае посмотрел, она мне молча место уступила»?

– А лет этак через десять Федор будет утверждать, что не блудил, что мы поклеп на него возводили. Будет юлить, пытаться уйти от ответа, чтобы обелиться, – забухтела Аня.

– Сомневаться не приходится: история его ясная, незамысловатая и гадкая, – сказала Жанна.

– ... Я что-то не замечала на лице Федьки печати гения, – с хитро-скорбным лицом, ожидая возражений, сказала Инна.

– Ты и об этом берешься судить? Я на стену от тебя лезу. – Жанна выразительно закатила глаза.

– От злости? Напрасно, землю копытами не рой. Тайну жизни все равно не отроешь. Ее мужчины глубоко закопали. Тебе не кажется, что моя мысль получила неожиданный поворот?

– Зубоскалишь? Хватит ломать комедию. Голова от тебя кругом идет. Я не даю никаких оценок жизни Эммы и Федора. Мне просто обидно за нее. Ведь умная.

– Умная, да не прозорливая, – беспечно отреагировала Инна.

– ... Уж позвольте! Эмма не сидела сложа руки, когда надо было воевать.

– Не теми средствами.

– Опять навязываешь свои «технологии»! Это уже переходит все границы.

– ...Что у каждого останется под конец их совместной жизни? Эмме, кроме обид, нечего будет вспомнить. Тоска. Какой противный финал! Это же трагедия! – Инна «задира-ла» подруг.

Аня буквально подпрыгнула на своем временном ложе:

– У Эммы богатая, насыщенная, наполненная разнообразными событиями жизнь. Это Федька будет жить только памятью отдельных «ярких происшествий» и гордиться ими, как солдат великими победами в военных сражениях. Но чего стоили эти его «завоевания»? Я не видела рядом с ним ни одной приличной женщины, на самом деле его полюбившей. Они его только использовали и обирали.

– Любить – значит отдавать себя полностью, не ожидая награды, – подтвердила Жанна.

– Ожидая! Я, значит, ему всё, а он мне фигу?! – горячо возразила Инна. – ...Ну, если только любовь безответная, платоническая.

– Сочиняем себе кумира и сами же потом с ним мучаемся. «Если я тебя не встречу, я тебя придумаю». Вот все мы такие! А мужчины бывают такие же чувствительные, как женщины? – спросила Аня.

– Подвержены тому же, что и мы, – убежденно сказала Жанна.

– Но в меньшей степени и реже, – уточнила Инна.

– Не хватило у Эммы мужества уйти от мужа, вот и стонет под пятой своих обид и сомнений. В каком аду пребывает! Это вам не хухры-мухры. Это жизнь с привкусом яда, – вздохнула Инна. – А может, Эмма научилась абстрагироваться от мужа? Вроде бы и нет его. Я слышала, как в больнице одна немолодая женщина каждый вечер перед сном вместо молитвы шептала: «Меня ничто не волнует. Я хочу одного: жить, жить, жить!» Видно, уговаривала себя.

«Инна не познала безграничной безраздельной привязанности, болезненно-фанатичной всепоглощающей любви к детям, а берется судить об Эмме», – мелькнула у Жанны в голове зловредная мысль и улетела, не задерживаясь. (Ночное бдение кого хочешь утомит.)

Пытаясь остановить вновь разворачивающийся поток женского «плача», Лена поведала:

– Один мой хороший знакомый как-то сказал: «Тридцать пять лет мы с Галочкой. Но ничто мне не надоело: ни семья, ни заботы. Я лучшей доли не хотел бы. Живем с женой просто, честно, легко. Благословляю все, что было в моей с нею жизни». Я с чувством радостного удивления смотрела на этого элегантного седовласого красавца и думала с грустью: «Как же иногда мучительно трудно и запутанно живут люди! И самое главное, никто, кроме них самих, в этом не виноват».

– «Счастлив тот, чей дом украшен скромной верностью

жены»... и мужа, – сказала Жанна первое, что пришло в голову. После слов Лены ей хотелось сказать что-то хорошее. – Бальзак утверждал: «Поиски разнообразия в любви – признак бессилия».

– Что-то мне всегда подсказывало, что Федор ненадежный человек, но из-за собственной неуверенности я никогда в чужую жизнь не влезала, – испортила Аня начинающуюся было вырисовываться позитивную картину разговора. – Удивительно, но Федор ничем, кроме женщин, не интересовался. Ни политикой, ни футболом, как другие мужчины. Еще, правда, собой.

Лена вздохнула и отметила про себя: «Попытка перестроить девчонок не удалась».

– Откуда ты знаешь подробности Эмминых перипетий? Случайно рояль в кустах обнаружила? – ревниво спросила Инна.

– Забыла? Я ездила к Эмме в гости. Она звала. Я же вольная птица.

– Попутно обстряпывала свои делишки?

– Одна из моих детдомовских подруг там живет.

– Ты исколесила всю страну?

– Ну не то чтобы... но случалось в летние каникулы посещать подруг. На юга я не горазда ездить. Жару плохо переношу.

– ...Знаешь анекдот про семь раз? – тихим шепотком

спросила Инна у Ани. Но та не оценила «пустопорожние» с ее точки зрения откровения и не захотела слушать заведомо фривольную байку. Аню – в научном плане – волновало непонятное: как достигается то, что заставляет любящих людей соединяться в любовных объятиях вновь и вновь, годами и десятилетиями, и как избежать роста числа таких вот Федоров? Животрепещущая проблема для ее уже взрослых подопечных. Но спросить она стеснялась и только исподволь пыталась навести подруг на интересующую ее тему, чтобы кое-что в ней осмыслить и осознать.

– ...Может, у Эммы с Федором всё уже сгладилось? – оптимистично предположила Жанна.

– Но не наладилось. Хотела бы я увидеть Федьку присмиревшим. Я наблюдала своего отчима после шестидесяти. Он чувствовал себя неполноценным и пришибленным. Нечем ему было кичиться, потому что сам в себе больше всего ценил способность к совокуплению. Даже жену стал ревновать. Дикость, да и только, – ответила Инна и продолжила рассуждать.

– Все свои природные данные надо уметь использовать на сто процентов. Правда, мы в нашей молодости об этом не задумывались, разве что только в плане работы. – Не упустила Инна возможность подразнить Аню. – Трагедия мужчин состоит в том, что с возрастом желание у них не убывает, но возможности сходят на нет. А у женщин влечение всегда есть, но достойные особи, желающие ими обладать, нечасто

находятся, – скабрёзным шепотком, прямым текстом выдала она. И прыснула в ладоши. Так хихикают девчухи, впервые услышав анекдот про мужа, рано вернувшегося с работы.

– Инна... – неодобрительно покачала головой Лена.

– Я уже сто лет Инна.

– Ты уже многие годы Инна Григорьевна, – напомнила ей Лена.

«Ленка в основном молчит, но всегда начеку. Наверное, полна иронических домыслов по поводу своих подруг. Мы разговариваем, а она нас сканирует и выводы делает», – внутренне поежилась Жанна.

– Я одну из своих неродных бабушек вспомнила, ее будто оценивающий взгляд внутрь себя. Может, каялась? Уж больно грустна была... перед уходом. Она много грешила по мужской части. У дедушки я страха в глазах не замечала. Жил он чисто и честно, – сказала Жанна.

– Инна, а твой второй отчим каялся? – спросила Лена.

– Он не верил ни в ад, ни в рай, – ответила та. – Для него панацеей от всех бед было вино. Прекрасное средство!

– Для полного счастья нам только его недоставало! Опять дразнишь? Как ты любишь издеваться над людьми! – взвилась Жанна.

– Как? Представь себе, по-разному, – поставила Инна ударение на слово «как».

– Не передергивай, – вспыхнула Жанна.

– Я, как ты, наверное, догадываешься, для этого достаточ-

но эрудированна, – невозмутимо, с холодной стальной твердостью в голосе продолжила свою мысль Инна, стараясь уколоть Жанну больше. Потом как ни в чем ни бывало повернулась к Ане. А та вдруг вспыхнула белым пламенем, мол, мы еще посмотрим кто кого. Инна ничего не успела ей ответить. Лена серьезно сказала:

– С Федором, наверное, не всё так просто.

– Мы не искажаем его характеристику, а говорим только об одной линии его поведения, об одном аспекте его личности, который нас всех больно задевает в связи с Эммой, – пробормотала Аня.

«Привыкла перемаргивать любую обиду и даже тут не пытается активно оспаривать, а оправдывается», – мысленно посочувствовала ей Жанна.

– Личности? – брезгливо фыркнула Инна. – Возможно, он много хорошего сделал на работе, но запомнится людям только плохими поступками. Ирод – царь иудейский – был прекрасным градостроителем. Он построил Стену Плача, а в истории остался, прежде всего, как жестокий, безжалостный, мнительный, подозрительный злодей. А американский президент Клинтон – только казусом с Моникой Левински.

– Да... не всякая жизнь достойна реквиема, этой возвышенной торжественной музыки, – задумчиво произнесла Лена.

– Девочки! Хватит рыдать над судьбой Эммы, – заворковала Жанна, изобразив дежурную ослепительную улыбку. (А

может, в этот момент луна вынырнула из-за туч?) – Пусть каждый сам решает для себя: соответствовать ли требованиям, предъявляемым противоположной стороной, или сохранять свою индивидуальность.

Фраза в свете предыдущего спора неожиданно прозвучала двусмысленно.

– Ах, какое простое, объединяющее и молодящее нас слово «девочки», – восхитилась Лена. – Как давно я его не слышала в свой адрес!

– Ты, старушка, у нас еще котируешься! – засмеялась Инна. – Мы по возрасту пока принадлежим к категории пожилых. Это наша Аня успела наступить на следующую черту и даже чуть-чуть переступить ее. Она уже имеет право сказать: «Здравствуй, старость! А ведь мы могли и не встретиться. Святой Петр, наверное, заждался меня у врат...»

– Ошибаешься! Мы только подошли к возрасту пожилых, – возмутилась Аня. – Стариками у нас считаются люди после восьмидесяти.

– ...Короткая дорога ведет только на кладбище, и она в один конец.

– Таков результат того, что «опыт – сын ошибок трудных», – усмехнулась Инна.

– ...По причине страсти люди совершают роковые ошибки, рушатся семьи, страдают дети, – сказала Жанна.

– ...Жизнь без страсти, без эмоций... это не жизнь. – ска-

зала Инна.

– Нельзя быть фанатом одной страсти, – добавила Аня.

– А если страсть как стихия, как океан, который все сметает на своем пути?

– Состояние стихии вне морали. У стихии выиграть невозможно.

– Ей нельзя поддаваться. Она губит, – строго сказала Жанна. Аня промолчала.

– В жизни «есть непреодолимое: любовь, болезнь, смерть». Бунин так писал, – вспомнила Инна.

– Ты еще пламенный спич произнеси в честь любви, – пробурчала Аня.

– Не хочу.

– Бунин про страсть забыл сказать. Для него любовь и страсть – одно и то же? Но мне кажется, он был изысканным сухарем. Не хотелось бы подпасть под его чары, – сказала Жанна.

– А зря, – рассмеялась Инна.

– Наверное, он из тех, которые всё внутри переживают, а выплеснуть свои чувства могут только на бумагу.

– Я думаю, он не понимал главного: в семье любить – значит верить. Иначе это не любовь, – выступила со своим мнением Аня.

«Молотят, молотят языком. Наверное, педагогам такие разговоры нужны и важны», – вздохнула Лена.

– Это в твоём сознании. Письма его почитай, – посовето-

вала Жанна. – Хорошо, что раньше люди общались не по телефону, есть на что сослаться.

– Понять Бунина – это как взять девять верхних «до»! – с величественным жестом произнесла Инна. – Анька, ты, конечно, у нас барометр нравственности, но не ищи в произведениях великих писателей моральные и социальные пилюли, не доводи всё до грани примитивного, бытового... гротеска. Читай, наслаждайся глубиной души, чувствами героя и писательским гением автора. Не приземляй их. Творцов влечет и притягивает Небо! Воображай себе, что они проявляют себя в своих произведениях, как Бог при создании Вселенной! Ведь для поэтов и писателей новые ощущения не цель, а средство.

– А вдруг и Федор в душе... своеобразный поэт? Ломкий, страдающий, элегичный, – неуверенно предположила Аня.

Жанна рассмеялась:

– Моя знакомая о таких мужчинах, как Федор, говорит: «Его верхняя половина тела принадлежит небу, а то что ниже талии – земле».

– Может, ей «из своего далёка» и виднее... Но не поэт Федька, а тиран, – возразила Инна Ане. – А полотно тирании ткется из ненависти и страха. Еще из ревности.

– Ревность это тоже страх. Страх потерять. – уточнила Жанна. – К сожалению, причины ревности могут быть нелепые, а страдания все равно настоящие, ужасные.

– Федор не Эмме, себе не верил, тому, что сумел ее завое-

вать. Он весь состоит из слабостей и пороков. – заявила Аня.

– Секс – порок?

– Не передергивай. Если со многими, – рассердилась Аня. – Женщине религия рекомендует понять, принять и простить. А мужчине?

– Живи и давай жить другим? – пошутила Инна. – Только жизнь-то у нас одна-единственная. Исправлять ошибки некогда. И чужой опыт, как правило, не пригождается. Все своим пользуются.

– И каков же способ спасения ты предложишь отчаявшимся? Тебе не составит труда придумать. Что-то мне подсказывает, что религию ты напрочь отрицаешь. И к гадалкам ходить не надо, и так все ясно. И этому есть простое объяснение... – злорадно начала Жанна. – Все само станет на свои места? Тогда мне больше не о чем с тобой говорить.

– Ни над кем и ни над чем нельзя потешаться без меры, – вспыхнула Аня, поняв, на что намекает Жанна.

– Мир и Бог – вечны, а жизнь человека – миг, «но всё в себя включает человек, который любит Мир и Бога», – торжественно процитировала Жанна.

– Расшифруй сказанное, – попросила Аня.

Инна опередила Жанну.

– Предложи еще что-нибудь заумно-изысканное, я открыта альтернативным вариантам. Ты же у нас Песталоцци и Нострадамус-провидец колхозного масштаба в одном флаконе, – ответила Инна обстрелом мелкой картечью.

Нападки подруги напомнили Лене старую больную женщину, идущую под уклон. Ей тяжело идти, но ее несет и несет. Она еле держится на ногах, но не может остановиться и думает только о том, чтобы не упасть. Догадываясь, чем может закончиться вновь разворачивающаяся перепалка, Лена решила вмешаться.

– Во все времена существовали категории людей, на которых – во всех смыслах – узду морали не накинешь. Их никаким способом не своротишь с выбранной стези, – спокойно заметила она.

Жанна внешне не среагировала на намек, зато Инна, совсем как ребенок, жалобно спросила, уронив голову в ладони:

– Ты это мне назло? Показала мне кузькину мать? Это у тебя такой вид экзекуции?

– А у тебя – экзальтации?

– Ты за собой не замечаешь, что становишься грубее?

Женщины на время примолкли.

«Оказывается, между Инной и Леной тоже случаются мелкие размолвки, – удивилась Аня. – И тем не менее они неуловимо близки. Инке можно позавидовать. Легко общаться с тем, у кого много терпения. Их отношения с годами не претерпели существенных изменений, ничего не утратили, разве что еще больше упрочились. Вот чем можно упиваться и наслаждаться! И все-таки странная у них дружба. Волк и собака, кошка и тигр тоже во многом схожи, но это

не делает их «друзьями».

– Интересное наблюдение! Как-то шла мимо фотоателье. Смотрю, в витрине фотографии висят. Обратила внимание на одну. Мужчина сидит, а женщина рядом стоит. А на снимках времен молодости наших родителей и стариков, женщины на фото всегда сидели, – усмехнулась Инна.

– Когда я была в гостях у Эммы и рассматривала фотографии в их традиционном семейном альбоме, так тоже удивилась, что его дед с бабкой по материнской линии сняты неправильно. Теперь-то я понимаю, откуда в его семье эгоизм и диктат, – торопливо вклинила свое замечание Аня. – Еще одна деталь. В старых кинофильмах мужчина оберегал, обнимал женщину. А теперь всё чаще она его обнимает... даже в постели. Раньше парни девушкам говорили: «С неба звездочку достану», а современные умоляют: «Ты мне нужна. Я без тебя пропаду». И уже ничего не обещают.

– Однако же ты молодчина, Аннушка, углядела, – обрадовалась Лена.

– Ты меня похвалила?! Теперь я могу спокойно умереть, – рассмеялась довольная Лениным поощрением Аня.

– А я заметила, как у тебя спина сразу выпрямилась и крылышки стали прорезаться, – подыграла ей Жанна.

– ...Женщина может простить грешок, но только не невнимание к себе, – сказала Инна.

– Я бы не простила грех измены. Как подумаю, рассудок сводит судорогой от омерзения, – возразила Аня.

– Ты так говоришь, потому что не довелось... – заметила Жанна.

– Какая измена легче прощается: если муж, как животное... с кем-то будучи пьяным или когда... влюбившись? – смущаясь, спросила Аня.

– В первом случае жена его не уважает, презирает, а во втором... – Инна задумалась, – ненавидит.

– ...Любовь в Эмме умерла, но ревность осталась. А тут еще эта ее невостребованная сексуальность. Почему ее ревность не переросла в ненависть? Непонятное, не поддающееся моему разумению явление. Она и от нее смогла самоустраниться? Способная, – без особой уверенности задумчиво сказала Жанна.

– Кто в чем, – хмыкнула Инна. – Смотря кто чем живет. В Эмме женщину-жену победила женщина-мать. Женщина-жена давно бы его послала на все четыре стороны. Я бы первым делом...

– Дети – путы, которыми Федор ее стреножил.

– Дети в ее жизни – главная точка отсчета, и все же...

– Вот именно, что в ее.

– У мужчин и женщин разные ожидания от жизни.

– Одним вкалывать, другим гулять?

– Эмма как-то сказала: «Людям так не хватает радости!

Почему они должны быть несчастными?» Она, сполна изве-

давшая трудностей, желала всем людям заслуженного счастья – легкого, естественного, невымученного, – вздохнула Аня.

«О чем бы ни говорили мои подруги, все равно возвращаются на одну и ту же стезю. Как в байке про огурец, о котором на экзамене рассказывал студент-двоечник», – усмехнулась Лена.

– ...Дело в том, что под давлением социальных факторов домашний труд женщин всегда считался второстепенным, менее важным. Он же напрямую не приносил дохода, не оплачивался, – начала провоцировать Аня подруг на новую тему.

– Напрямую, да. Но вот как-то очень заболела жена у одного моего знакомого. Кинулся он няньку детям нанимать, кухарку, домработницу, сиделку – и за голову схватился! Мне – жаловался он – таких денег не заработать. Дошло наконец, что беречь жену нужно. А она еще и работала.

– А в Америке неработающая жена, ведущая домашнее хозяйство, при разводе получает половину состояния мужа.

Нашим мужчинам выгодно знать такие примеры. Хитрые. Они и в эволюционных и революционных биологических процессах всегда отводили женщине пассивную роль. Утверждали, что на мужчинах природа экспериментирует, а женщины всего лишь закрепляют и передают по наследству полученные новые свойства и качества. И только современная

наука опровергла эти коварные домыслы, направленные на порабощение женщины. Между прочим, уже доказано, что во время беременности, кормления ребенка и менструальной паузы женщине требуется втрое больше мяса, чем мужчине. И во время формирования половых органов и правильного развития костей таза тоже. Я читала, – добавила она.

– Разделение обязанностей в семье на мужские и женские – крайне живучий предрассудок, и восходит он к тому периоду, когда мужчины охотились на мамонтов. Но сейчас осталось не так уж много чисто мужских профессий, куда доступ женщинам заказан, поэтому и в семейной жизни мужчины должны перестраиваться. Я признаю, что мужчины более невосдержанны в эмоциях, но это не значит, что они не должны держать себя в рамках. Я понимаю, что они менее приспособлены к монотонному домашнему труду и воспитанию детей, но это не снимает с них обязанности по мере возможности вносить свой вклад в решение мелких семейных проблем. Если бы наши женщины не работали, этот вопрос вообще не стоял бы, – прочитала подругам лекцию Жанна.

– Нет, до сих пор стоит. Представь себе: неработающую жену оставил муж. Детям восемнадцать-девятнадцать. Они студенты. Алиментов уже нет. А у мамы, которой за сорок, ни образования, ни работы, ни стажа. И кто кого кормить должен? Как тебе такая перспектива? Вот и приходится работать, раз нет уверенности в надежности мужчин.

– Я тоже не люблю делать монотонную работу. А куда де-

нешься от нее? Приходится, – ушла от неразрешимой проблемы Инна.

– Социальная дискриминация в той или иной степени существует в любом обществе, – вернулась Жанна к серьезной теме.

– Я слышала по радио, что в Финляндии женщина, вырастившая троих детей, обеспечивается пенсией до конца жизни. – И Аня попыталась сохранить свое направление в озвученной теме.

– А в Израиле женщины в армии служат, – напомнила Жанна.

– А в России всё в семьях держится на нас, нашими стараниями сохраняется, – сказала Аня.

– Не во всех. Есть много настоящих, крепких, дружных семей. Я таким откровенно завидую, – сказала Лена. – Каждый сам себе выбирает дорогу.

– Было бы из чего выбирать, – фыркнула Инна.

– Перефразируя слова из известного фильма, спрошу: «Что же это за дорога такая у многих наших женщин, если она не ведет к счастью?» – Это Инна как бы вдогонку задала вопрос Лене.

– К чему счастью? Вон Федор с упоением живет. Бог весть, что о себе мнит. Его взгляд никогда не омрачается сознанием вины. Ни тени смущения, ни стыда, мол, такова притягательная сила порока. Шутит: «Нам дозволено судьбой счастье с женщиной любой».

– Серьезно говорит, – возразила Ане Инна.

– У меня в деревне, куда я езжу летом с детьми отдыхать, есть соседка. Страшненькая и совершеннейшая дура. У нее муж работающий, хата крепкая, куча детей, хозяйство. Всё у них просто. Он на нее матом. Она ему в ответ. Все веселы и счастливы. Умным труднее? – спросила мнение подруг Жанна.

– ...Древние мудрецы утверждали, что для мужчины красота женщины больше, чем талант и остальные прекрасные качества, – сказала Аня.

– Сейчас умные мужчины думают иначе, – не согласилась с ней Жанна.

– Ты про деньги?

– А я могу и другую фразу припомнить: «Кто живет и мыслит, тот не может в душе не презирать людей». И что из того? – спросила Инна.

– Какой снобизм! Какой недобрый взгляд! Ты была бы не против слово «людей» заменить на «мужчин»? – в шутку спросила Аня.

– Почему бы и нет? – рассмеялась Инна.

– Я бы еще смягчила эту фразу словом «некоторых», – сказала Жанна и рассмеялась, поняв, что получилась абракадабра, нелепица.

– ...И Федор поначалу, наверное, жене говорил другую формулу: «и с женщиной одной...». Шпарить цитатами – его конек. Памятью и речью владеют многие, а ум нечасто и не

многим воздается судьбой, – сердито пробурчала Аня. – А если еще и очень переоценивать свою значимость...

– Федька для тебя ну совсем уж «яркий представитель темных сил», – усмехнулась Инна.

– Эмма – красавица, а не избежала горькой бабьей участи.

– Судьба-злодейка бывает причудлива.

«Не беседа, а сумбур какой-то. Может, я уже сплю?» – подумала Лена и окончательно потеряла нить разговора.

– Инна, я расскажу тебе один случай, а ты объясни, права ли я, – попросила Аня. – Была я в доме отдыха. Кроме меня за обеденным столом сидели еще две супружеские пары. Лет им было по пятьдесят, может, чуть больше. Один из мужчин в какой-то странной гротесковой форме часто благодарил официантку за прекрасное, а с моей точки зрения, обыкновенное обслуживание. Он был неестественно весел, весь извивался, чуть ли не до пояса кланялся ей, рассыпаясь в комплиментах. Меня такое поведение смущало и приводило в недоумение. Эта пара быстро обедала и вежливо уходила из столовой. Вторая ела медленно, основательно, и каждый раз после ухода первой тихо, но ожесточенно обсуждала поведение соседа по столу. Это выглядело приблизительно так:

«Кому он делает приятное?» – возмущенно спрашивала жена.

«Он считает, что официантке», – увиливал от ответствен-

ности муж.

«Он не замечает, как неловко чувствует себя эта женщина под градом его вычурных фальшиво-шутливых фраз? Как ты считаешь, о чём она думает, глядя на него?»

«Забавный, весёлый мужчина».

«По её лицу я читаю совсем другое: «Странный человек – сидит рядом с женой и выкобенивается. Кого он хочет унижить? Супругу? Тогда зачем меня впутывает в свои отношения и дурой выставляет перед отдыхающими?» Я отношу его к категории людей, которым приятнее унижить, оскорбить человека, чем помочь ему в чем-то. Я считаю это качество пусть даже временным, но отклонением от нормы».

«Шуток не понимаешь».

«Я бы не хотела, чтобы надо мной так шутили. Ты заметил, у нас каждый день меняются молодые официантки. Не выдерживают «повышенного» внимания клиента. Теперь нас обслуживает очень полная и флегматичная женщина средних лет. Видно, все остальные отказались иметь дело с «весёлым» отдыхающим. А эта терпеливая, иронично посмеивается, наблюдая, как изощряется наш сосед. Как ты считаешь, что думает по этому поводу жена этого весельчака?»

«Если у неё есть чувство юмора, то смеётся вместе с мужем».

«Хорошо, когда супругам смешно в одинаковых ситуациях. Только над чем ей смеяться? Над тем, что муж якобы

шутливо издевается и непонятно с какой целью странным способом оказывает внимание всем женщинам подряд, унижая этим ее достоинство? Может, он таким неэтичным образом к себе внимание привлекает? Опять-таки, зачем? Да еще при жене. Он не чувствует тонкой грани между юмором, иронией и издевкой? Ты обратил внимание, как неуютно чувствует себя его жена? Скажешь, неправомерный вопрос? Она обижается на то, что муж ни во что ее не ставит, позорит перед отдыхающими, грубо приставая к чужим женщинам. Ей стыдно и за него, и за себя».

«Что стыдного в его поведении? Вы обе без чувства юмора».

«Представь себе, что нас обслуживает мужчина-официант, а я веду себя как этот гражданин, наш сосед по обеденному столу... Ты бы от позора не знал куда деться. Сбежал бы и больше здесь не появился. Не правда ли? Окинь взглядом столовую, обрати внимание, как все эти люди реагируют на поведение нашего соседа. Мужчины глаза опускают или безразлично смотрят в сторону. Стандартная мужская реакция на фокусы себе подобного.

Женщины на жену нашего соседа-юмориста бросают сочувственные взгляды. Одним эта ситуация кажется любопытной, другие, в основном пожилые, отворачиваются, каменея лицами, поджимая губы. Может, переживают свое какое-то прошлое унижение. Никто не одобряет бестактного, развязного поведения. Больше никто из присутствующих

здесь мужчин не ведёт себя таким образом. Ну да, конечно, здесь все без чувства юмора, все глупые. И только вы, двое, самые умные, воспитанные и никем не понятые.

Помнишь наши споры, когда мы всей семьей смотрели по телевизору вечера юмора? Я запоминала одни шутки, а ты другие, более пошлые, те, что ниже пояса. Мне с сыном одни и те же нравились: короткие, четкие, умные, с изюминкой. «Мне тоже. Просто у меня диапазон «любви» шире», – выкрутился ты. «Но это говорит только о том, что ты всеяден, а вовсе не о том, что лучше понимаешь юмор», – возразила я тебе.

Наш сосед по столу в принципе умный, очень эрудированный, интересный человек. И как эти качества могут сочетаться в нём с непониманием элементарных истин? Может, он ощущает в семье недостаток внимания или вообще мысли не допускает, что кто-то может его не обожать? Есть и такие индивиды.

Я вот, например, в сидящем за третьим столиком рабочем человеке, в данной ситуации, вижу намного больше ума и интеллигентности. Не знаю, какой он дома, но, по крайней мере, на людях он ведёт себя достойно. Мне кажется, скупой может притвориться щедрым, злой – добрым, но выглядеть человеку интеллигентным невозможно, если это не его суть».

«Валентина, ты хочешь сказать, что я не интеллигент?»

«Догадался. Но ты на людях, когда хочешь, неплохо игра-

ешь роль воспитанного человека».

«Надоели мне твои нотации, твои ироничные пассажи!» – досадливо, с трудом сдерживая раздражение, прошипел муж Валентины.

«Разве это нотации? Загляни в себя, вслушайся. Чувствуешь боль моей души? В ней ещё теплится надежда, что хотя бы с возрастом ты станешь менее эгоистичным».

Я поняла их ситуацию и решила внести в неё своё ехидное замечание, помочь Валентине. Глядя в конец длинного зала, я с безразличным видом негромко произнесла свой обвинительный монолог:

«В определенном возрасте у некоторых мужчин в организме происходит мощный всплеск гормонов. Желание резко возрастает, а возможностей не прибавляется. Это время предощущения ещё неосознаваемого, полного полового бессилия. Именно этот диссонанс и ведет к петушину поведению. Кукарекают громко, а дела не видно. В такие моменты у некоторых мужчин похоть начинает преобладать над разумом и перекрывает клапаны воспитанности. В них просыпается дикарь, животное. Они становятся неспособными контролировать ни свои чувства, ни поведение. Это такое своеобразное проявление мужского... климакса, что ли».

«Убийственное сравнение. У нас, у женщин, в этот период наоборот возникает смятение. Нам кажется, что, неспособные к деторождению, мы уже не вызываем у мужей яркие эротические желания и чувствуем себя старухами. В нас

говорит мнительность, хотя на самом деле некоторая раскованность добавляет нам сексуальной привлекательности», – издала тихий смехок Валентина.

«Некоторые представители сильного пола гордятся своей распушенностью, потому что не видят себя со стороны. Показательно, что у таких мужчин не хватает самоиронии. Они щадят себя, любимых, – окончила я свою чуть насмешливую речь.

«Как же без самоиронии? Она выручает и даже спасает в трудные минуты. Скажу, бывало, себе: «Мне не измерить объем всех своих глупостей» и снова готова бороться с собой и с недостатками своего мужа. Вы думаете, такие мужчины, как наш сосед по столу, способны вас услышать?» – заинтересованно спросила Валентина.

«Нет, конечно. Такие субчики слышат только себя».

«А зачем же вы всё это сейчас говорили?»

«Обиду за ту оскорбленную женщину выплескивала. Тяжело мне её с собой уносить».

«Злая вы, стервозная... на язык», – вскипел муж Вали.

«Так не от хорошей жизни, не от великого семейного счастья языкатые женщины возникают и являются пред очи мужчин. Такой вот театральный этюд... с картинками. Мой вот такой же, один в один. И даже подобный случай с нами был в ресторане. Чуть до драки дело не дошло. Сын за мать-официантку заступился. До чего же некоторые мужчины в «некотором» возрасте одинаковые. Слабея в сексе, как с це-

пи срываются».

«Все они одним миром мазаны», – сердито буркнула Валя.

А я продолжила:

«Недавно пошли мы с мужем в аптеку прибор для измерения давления для меня покупать. Так он и за ручки молоденькую продавщицу трогал, и в глаза ей заглядывал, и в комплиментах ей рассыпался, а под конец визитку ей свою вручил, мол, звоните, всегда рад. А я рядом стояла и думала: «Если он при мне так себя ведет, что же он вытворит без меня?!» Молчала, хоть и чувствовала себя оплеванной. Не ругаться же при чужом человеке? Я считала, что позорил он не только меня, но и себя тоже».

– Здорово ты мужика уделала! – рассмеялась Инна. – Молодец, и добавить нечего.

– Аня, я не поняла, ты о себе рассказывала или все выдумала? Ты же, кажется, замуж не выходила? – спросила Жанна.

– Я этой Вале пересказала историю, произошедшую с одной учительницей, моей коллегой, но выдала за свою. Так она прозвучала достовернее и эффектнее.

Мужчины – странный народ. Я этим летом на пляж ходила. В тени под кустом на лавочке вязала. Люблю, знаете ли, у воды посидеть. Слышу, недалеко от меня мужчина шепчет сладострастно своей жене, мол, прижмись, вдохни мужской запах моих подмышек. Жена только плечом пренебре-

жительно повела. А я подумала: жарница, вокруг неприятные потные тела... Но вы бы видели лицо этого оскорбленного мужа! На нём – смертельная обида! Жена пренебрегла им! Я в шоке. Женщина обязана любить его потные подмышки? Ей, может, ещё и носки его грязные нюхать?

Я слышала, что мужчин приводят в возбуждение предметы женского туалета и нижнее бельё. Представляю себе: я тащусь на мужские семейные трусы и вздыхаю! Идиотизм. Вот уж и правда нельзя догадаться, чем мужчины могут восхищаться, что в себе ценят и любят, в чем видят мужское достоинство. Мы разные, вот поэтому нам трудно понять друг друга. Жанна, а ты на это счёт что думаешь?

– Мужчины и женщины мыслят и чувствуют по-разному. Я иной раз из себя выхожу, а Коля никак не поймет, что меня беспокоит. А ведь он хороший. Супругам надо стараться быть друг к другу ближе, откровенней, больше беседовать по душам, чтобы наладить контакт.

– Так они же не любят подобных бесед, – возразила Аня.

– Несовпадение мужской и женской реакции на одни и те же проблемы способно довести до бешенства, – подтвердила Инна. – Не раз я наблюдала, как в дождь ведут отцы и матери детей из детского сада по узкому деревянному тротуару. Матери по лужам на асфальте топают, а дети у них по настилу бегут или торжественно шествуют. У мужчин же всё наоборот.

– Так не им же потом возиться с больным ребёнком. Вот и всё объяснение их невнимательному поведению. И что тут

яриться? – спокойно сказала Жанна.

– И замечаем мы то, на что мужчины не обращают внимания, считают мелочами. А зря. Сколько раз моя внимательность выручала меня в карьере! Я по отдельным штрихам: по мимике лица, по нервному движению рук или напряженному положению плеч определяла настроение начальника, предугадывала его намерения и действовала на опережение, – добавила Лена свои наблюдения.

27

Аня с Жанной попили воды и вошли в спальню, тихо продолжая начатый на кухне разговор.

– ...Доподлинно знаю: в тягость мне любые формы жлобства. Бывало, говорю, будто бы шутя: оставьте мне возможность быть такой, какая я есть, не лезьте мне в душу, – сказала Аня, видно отвечая на вопрос Жанны.

А Инну передёрнуло от одной только мысли, что Жанна может услышать их с Леной интимный разговор. «Разбирает её ночью попусту философствовать», – разозлилась она.

– ...Сдается мне, что ты валишь всё в одну кучу. Нет, у тебя всё-таки поразительно ревностное чувство телесной и духовной независимости. Оно у тебя переходит все самые разумные границы. Соизволь быть более терпимой, тогда отпадет надобность в защите. Пропускай мимо ушей мелкое тьявканье. Воображай, что оно для тебя ничто, ноль без па-

лочки, – посоветовала Жанна Ане.

– Это только тебе, святоша, и подходит, – не удержалась от едкого замечания Инна.

Жанна подавила в себе желание ответить тем же, но подумала раздраженно: «Полагает, что выбрала правильный тон? Ляпнула, как в лужу плюнула. В умные рядится! Не разборчива в отношениях с людьми и в средствах не стесняется. Ей нравятся «бои без правил». Воображает, что навела тут шороху. Только и думает, чем бы еще кого-нибудь прищучить? После её слов сквозь землю хочется провалиться. И сказала всего ничего, а меня уже тошнит от её гонора. Какие бы найти точные слова, чтобы её усмирить? Обвинить в однообразии мышления? Неужели Лене импонирует грубость подружки? Видно, так уж у них повелось... Сама-то она не бросается словами. Проще заставить говорить сфинкса».

Аня вскочила на колени, потянулась к тумбочке, включила ночник и снова легла. (И кто его выключил?) И вдруг, не поднимая головы от подушки, вынесла Инне категорический приговор.

– Мне быть снисходительной к распоследним эгоистам? Я не собираюсь сдаваться хотя бы из чувства справедливости. В твоих заявлениях постоянно просматривается безразличие. Так и запиши себе на лбу или на ус намотай, что будешь невесть что. Верни себе ясность мысли. Сегодня ты тиранишь меня и Жанну, а завтра ещё за кого-нибудь возьмёшься. А потом кто-то очень крепко ответит тебе. Ты это-

го хочешь? Проняло, наконец? Просекла? Замолчи, утроба ненасытная, иначе я за себя не ручаюсь, – разгневанно втолковывала она сокурснице, впившись глазами в её ненавистное на тот момент лицо. – Нравится, чтобы из-за тебя всех корежило?

«Батюшки-светы! Вот так вспышка гнева. Как напустилась! Не уговорить. И чего вскинулась? Не идет Ане грубить, не к лицу ей. Устала, вот и перешла этический Рубикон. У всех нас слабенькие нервишки, – подумала Лена. – Пожалуй, не соответствует действительности утверждение о беззащитности Ани. Я сама себя ввела в заблуждение. Стеснительная и неуверенная, но если ее прижмет, она может быть свободна в проявлении своих эмоций. И все-таки до конца она, как и я, не преодолела свой недостаток. Это у нее от переизбытка совестливости... Когда-то была так застенчива, что становилось неловко за то, что ей неудобно из-за чьей-то пошлой шутки или какого-либо глупого фортеля».

«И эта туда же... воспитывать. Не оставляет в покое». – Инна за спиной Ани закатила глаза и издевательски скривила рот. Потом глянула на бессильно и расслабленно вытянувшуюся рядом подругу. Та взглядом молила её быть благоразумной.

«Лена на пределе сил, а я тут со своими шпильками», – спохватилась она.

– Аня, спасибо за поддержку, но не пори горячку. Надо быть принципиальной, но не до такой же степени. Особенно

если это касается мелочей. Зачем с остервенением вцепляться в противника зубами? Этим ты играешь ему на руку. Я, например, предпочитаю компромату без ссылки на источник компромиссы, – сказала уже успокоившаяся Жанна.

Даже Лена зашевелилась. Она не протестовала, только одаривала спорщиц удивленными взглядами, с трудом подавляя готовый сорваться с губ смешок недоумения.

А Инна уже молча ругала себя за не ко времени вырвавшееся наружу пустое раздражение: «Чего петушилась, что меня заело? Зачем Аньку разволновала?»

– ...Теперь многие вещи мне кажутся очевидными, а раньше, по молодости, веришь ли, не доходило или не задумывалась. Только с высоты своих лет стала понимать, что жить надо было легче, проще, – печально сказала Аня. – Да... жизнь почти прожита.

– ...Что укрепляло тебя в убеждении правильности предпринятого шага – категорического разрыва с сильной половиной? – спросила Жанна.

– Окружающая действительность, – усмехнулась Аня. – Неудачные судьбы подруг. Собственная моральная неудовлетворенность от «дружеского» общения с мужчинами-коллегами.

– Неутешительные, но, по-моему, недостаточные причины. Подвергать яростному осуждению, мысленно устраивать оргии ненависти к мужчинам и таким образом олицетворять

нравственную совесть нашего поколения?.. Наивные прекраснородушные призывы к порядочности. Дон Кихот в юбке. Хлестко я тебя? Не обижайся. Думаешь, идеалы изжили себя? Тогда это закат, – сказала Инна.

– Ничего подобного! Не из ненависти, от любви и бессилия говорю я иногда жестокие слова. Больше того, из жалости к невезучим, которых неприятности подстерегают на каждом шагу, к тем, чьи пути пересекались с бесплодными страданиями и разочарованиями, к тем, кто, воспарив в мечтах, получал в лице своих возлюбленных таких врагов, что невозможно пожелать худших.

– Жалеть или нет о своём выборе – это как раз и предстояло выяснить каждой из нас, прожив десятилетия, – сказала Жанна раздумчиво.

– Нам говорили: торопитесь любить, не спешите ненавидеть. И вот, сколько себя помню, торопились некоторые мои подружки воплотить в жизнь веру в лозунги и красивые фразы, вычитанные в альбомах своих старших подружек. Предвкушали аплодисменты. Не затрудняли себя излишними сомнениями, а потом с убийственной отчетливостью обнаруживались проблемы. Но в мужчинах они не находили отклика. Наваливались беды, и вот только тогда девчонки начинали готовиться к самому худшему... мол, нас голыми руками не возьмёшь. А второе дыхание не включалось... Потом привыкали, втягивались в эту проклятую жизнь. Обиды... как зубы на полку клали и вперёд, и с песней. И вынуждены

были признавать, что уходит из их жизни простота, красота и поэзия... А мне такого счастья не надо было.

– Аня, ты целый талмуд сочинила. Замахнулась на самое-самое. Может, напрасно?..

Жанна не стала продолжать. Только Аня всё равно сказала:

– Многие гордо говорят, что если бы представилась возможность прожить вторую жизнь и что-то изменить в ней по сравнению с первой, то они не стали бы этого делать. Мол, хорошо и правильно прожили! А Эмма не стала лицемерить, честно сказала, что если бы удалось отмотать время назад, в новой жизни она не слушала бы Федора, не выполняла его капризы, больше внимания уделяла детям, а не домашним делам. И вообще постаралась быть в семье смелее.

– ...Я подписку о неразглашении прописных истин не давала... Разве девушка отдастся, если парень не поклянется, что женится?.. – спросила Аня. – Ну, если только по глупости или, когда притупится бдительность, в момент временного помутнения разума, что тоже имеет место при чувствительной девичьей психике. Я знаю такие случаи.

Жанна дипломатично согласно закивала.

– Я объясняю своим подопечным, что цена мужской клятве ноль, чтобы начеку были, – бодро и деловито начала было Аня. – Впрочем, часто без особого успеха. Добрым, наивным девочкам, которые сами никогда не врали, трудно в это по-

верить. Вот и попадают в сети лжецов самые чистые, самые невинные из них. Им кажется, что настала такая счастливая минута, когда все мечты сбываются. Незавидна их участь. В таких случаях требуется воля к пробуждению, только не каждой удастся найти её в себе, – упавшим голосом добавила она. – Всем хотелось бы, чтобы обстоятельства их жизни были более счастливыми или хотя бы более лёгкими.

Мужчины бегут от проблем как пугливые зайцы, да ещё и высмеивают матерей-одиночек, гнусно поносят самыми последними словами. Падки на грязь, злыдни. Забывают о своей гадкой роли в их несчастьях. Кто делает их такими, выкуси их чума?! Пусть скажут спасибо за то, что эти, с их точки зрения, глупышки, не бросают своих детей, как бросили их они. Когда оба молодые и глупые, тут все ясно. Но если мужчины опытные... Ни понять таких, ни простить я не могу. Пользоваться юностью и наивностью – хуже подлости не бывает.

Плохо, когда до тебя нет никому дела, но еще хуже, когда есть внимание со стороны гадов... А если девочка побоится связать себя по рукам и ногам? А если вдруг... Были среди моих подопечных и такие. И тогда не выкрикнуть, не выдохнуть им свою боль... Если только... когда взвьётся в поднебесье последняя тягуче-тоскливая мелодия... или дикий истошный крик... Там всё поймут и всё примут: и боль, и радость, – горько вздохнула Аня. – А ты говоришь, что я не рискнула попытать свою судьбу. Я намеренно отказалась.

Слабый свет ночника обозначил силуэты притихших женщин.

«Чем продиктован этот порыв откровения? Нестерпимой потребностью в исповеди, желанием получить поддержку, понимание и сочувствие?» – размышляла Лена, слушая Аню с грустным, терпеливым вниманием. И вдруг подумала об Инне, о её полном нервном обессиливании и о своём долгом к ней невнимании. В горле мгновенно набух терпкий комок слёз. Она осторожно притянула к себе подругу, коснулась губами её волос и прошептала их общую кодовую фразу: «Я помню, что ты помнишь о том, что я всегда помню о тебе».

– Я, когда влюбилась в женатого, то, сгорая от стыда, страшилась обнаружить свои чувства. Безропотно терпела невысказанные муки сердца. Опасалась даже своих мыслей о нем, постоянно ощущала чувство жестокой неловкости. Робость уберегла меня от ошибки, – как-то наивно-неуклюже, смущенно пряча глаза, поведала подругам Аня. – И я получила свою порцию любовных страданий. Но старалась находить в этом светлые стороны и думать о своем предназначении. Поэтому с головой уходила в работу.

И тут же внезапная неуверенность в себе пробудила в ней привычку теряться и пугаться. «Я слишком простая. Во мне совсем нет тайны. Я вся как на ладони. Меня не уважают? Я чувствую отчуждение», – вся внутренне сжавшись, тоскливо прокрутила Аня в голове свою мнительность.

«Аня, наверное, сама себе смешна», – беззлобно подума-

ла Жанна.

– Не надсаживайся. Захватывающая, конечно, история. Тебе тогда было за тридцать. Какие в эти годы глупости? – сказала Инна, внимательно разглядывая сероватый оттенок лица Ани, не знавшего косметики, бледный, печальный, чуть перекошенный вздрагивающий рот, отмеченный густой сетью мелких вертикальных морщинок над верхней губой – печатью горькой зрелости, болезненной скромности, а может, и быстро надвигающейся преждевременной старости.

Слегка призадумавшись, она добавила:

– Ты, пожалуй, для ошибок такого рода слишком высокомерна.

Инна не хотела обидеть Аню. Она делала ей комплимент.

– Ну, это как посмотреть, – засомневалась Жанна.

– Позабавила ты меня, Инна. Вот так с годами мы и открываем в себе что-то новенькое. Может, ещё заподозришь наличие или отсутствие темперамента? Высвети еще хотя бы одну сторону моей натуры, о которой я и не подозревала. Вдруг богаче стану душой, гордиться собой начну, – рассмеялась Аня, удивив подруг мощным приступом самоиронии.

– Разве не была та любовь твоим счастьем, твоей опорой в жизни? – серьезно спросила Лена.

– Была. Все двадцать лет, пока он был жив. Да и теперь... Да если бы не она...

«Один и тот же факт в устах девчонок получит совершенно разное освещение», – предположила Лена. И тут же услы-

шала подтверждение своей мысли.

– Может, ты зря без пользы растеряла отпущенные тебе Богом молодые годы? Столько лет простоя... Этот твой максимализм... – осторожно спросила Жанна.

«Она та ещё штучка! О, это уже вершина её притворства! С кем же она у меня ассоциируется? А лицо такое невинно-покорное. Для полного счастья мне только её здесь не хватало? Да, мне с ней крупно повезло!» – ядовито удивилась Инна.

Её опять заносило. Раздражение сводило на нет все попытки успокоиться. И означать это могло только одно – она опять может сорваться. И для этого ей совсем не потребуются повода. Она уже спровоцирована вмешательством Жанны в их, как ей казалось, личный с Аней разговор.

Лена почувствовала, как напряглась спина подруги, и принялась прямо через ночную рубашку отвлекать её лёгким пощипыванием мышц, расположенных вдоль позвоночника.

– Любовь редко кого делает счастливым. Зачем тогда её все восхваляют, превозносят? Девчонки верят, что придёт принц и положит к её ногам счастье. Но оно часто оказывается нелепым, глупым, смешным или даже противным и трагичным. А потом одни терпят всю жизнь, другие расходятся или приобщаются к вину. На что она нам такая сдалась? – отрешенно произнесла Аня.

Она говорила тихо и бесстрастно, но выражение её лица

говорило яснее, точнее слов о том, что она разочарована и раздосадована этим выводом.

– Моя подруга влюбилась в парня менее умного, чем сама. Сложно сказать почему. Наверное, тут сыграли роль проблемы в семье её родителей. Видно, его появление совпало с её настроением: «Сердце мое ёкнуло. Вот оно то, о чём я мечтала: надёжность, спокойная жизнь». Я ее остерегала, мол, до крайней степени поражаюсь несходству ваших характеров и взглядов на жизнь. Это у тебя не любовь в обычном смысле этого слова. Ты прячешься от проблем. Ваша жизнь без любви, как бочка без обручей, сразу развалится. Помяни моё слово. Ты же проклянёшь тот день, когда согласилась на замужество». А она смеялась: «Так интереснее, не соскучимся. Сойдет для сельской местности». Шутка у неё такая была. Её смущало только то, что жениху никак не удавалось обходиться без «образных» выражений, хотя он очень старался.

Подали заявление. Она вполне сознательно решила с ним до свадьбы... Ну, вы понимаете. А потом дурным голосом у меня на груди ревела. Она была настолько поражена, разочарована, растеряна, обескуражена, даже испугана, что только и бормотала с отвращением: «Боже мой, как это противно, пошло, примитивно, гадко, грязно». В ее глазах читался страх, отвращение, брезгливость. Значит, не сумел парень преподнести чистой романтической девушке красоту любовных взаимоотношений. А он после той ночи почувствовал себя королём, взял манеру говорить с ней неуважительно, с

чувством превосходства, мол, глупенькая ты. Всячески при-
нижать ее стал. Она вдруг ясно представила себе их совмест-
ную жизнь и ужаснулась. В общем, опомнилась, забрала за-
явление. А он ей заявил с гонором: «Неволить не стану», а
сам ещё год за ней ходил, всё надеялся.

– А говоришь, умная. Позволь с тобой не согласиться, –
«приютюжила» Инна Аню пренебрежительным взглядом.

– Так не в быту, в науках.

– Ну, разве что так.

– Я где-то читала, что для мужчин самой сильной и мучи-
тельной была, есть и будет трагедия в сексе. Не понимаю я
этого. Думаю, что это верно только для тех, кто на нем поме-
шан. Один мой коллега говорил мне, что не охоч он до него
и не ищет в нем разнообразия. В другом больший интерес
имеет: любит изобретать, ходить на рыбалку. Природа вол-
нует, одиночество радует. Может, «заливал»? Он признаёт
верховенство духа над плотью, потому что не темперамент-
ный? А одна моя коллега по два раза в году влюблялась, а за-
муж не шла, боялась разочароваться. Подруги подталкивали
её, мол, хватит ломаться как красна девица.

Аня говорила на одной ноте, на одной высоте голоса, к
тому же вяло и сонно. От её слов всех клонило в дрему.

– Всё-таки в нас, в женщинах, с детства закладывают за-
ниженную самооценку. Вот и привыкаем терпеть, знаем од-
но – работу до седьмого пота, – вздохнула Аня.

– И подчинение, – приглушенным шёпотом напомнила Инна.

– И всю жизнь от них страдаем. Женщины слишком снисходительные, жалостливые, добрые, верные, а счастья не знают. Жаль, что многие это окончательно понимают только на склоне лет. Всё на что-то хорошее в будущем надеются. Вот дети вырастут, и тогда... – поддакнула Жанна. – Даже отдыхать не умеем. Наши дети другие. И это хорошо.

– И много ты видела покладистых женщин? Мне всё больше шустрые и боевитые встречались, – не согласилась Инна.

– Так ведь жизнь заставляет шевелиться, если мужья спят на ходу.

«Мне этот разговор напоминает историю слепых, ошуюю изучавших слона», – подумала Лена.

– Новое поколение девочек стоит иначе воспитывать. Кончать с принижением нужно, – заявила Аня.

– Чтобы наглее были? – удивилась Жанна.

– Это лишнее. Иначе исчезнет надобность в доброте. Осведомленными, – ну, не знаю, – может, более хитрыми, практичными, что ли. Только боюсь, наша генетика в них пересилит.

– В тех местах, где я росла, женщины к себе относились с чувством собственного достоинства и мужчины их уважали, а плохие даже побаивались, – сказала Жанна.

– В деревнях моего детства тоже, – сказала Лена.

– Но только не там, где я теперь живу! О, эти взятые с по-

толка истины. О, это «великое противостояние» полов, профессий, мнений! Эту тему лучше не трогать, как теперь говорят, не педалировать, – сохраняя невозмутимый вид, высокопарно возвестила Инна.

– Хорошее у нас растёт молодое поколение: не пустое, ищущее, страдающее. Я о внуках. Чаще напоминайте юным: «Любите, берегите друг друга, жалейте. Живите с добром и радостью. Жизнь у нас одна. Её можно только укоротить, но никак не продлить», – как бы подводя итог сказанному, не открывая глаз, произнесла Жанна.

«Разворошили душу. Завели свои шарманки, одно и то же мусолят. Педагоги, черт возьми! Вцепились друг в друга, спелись! Повторение – мать учения», – устало подумала Инна.

«И алкоголь не добавил девчонкам оптимизма, не смыл горести и тревоги. Напротив, сделал их выпуклее, осязаемее, весомее. И Аню не оставляют заботы ни днём ни ночью. Собственно, у кого что болит, тот о том и говорит. И Инесса туда же. Нашла башмак по ноге, – удивилась Лена, сетуя на неудачные попытки уснуть. – Все-таки мы, педагоги, несколько занудливы. Мало в нас естественной лёгкости. Мы находимся под гнётом своих педагогических воззрений и даже на отдыхе не можем от них отключиться. Они въелись в нашу плоть и кровь, и мы все жизненные проблемы рассматриваем и оцениваем под этим «тупым» углом зрения. А

может, такие разрядки иногда нужны даже мне? Инна вспоминала, как Катюшка, пообщавшись с подругами на одной из таких вот встреч, исповедовавшись перед ними, будто очистила организм от скверны... и приостановила развивающуюся в ней болезнь».

У Лены нещадно заломило в висках. Она крепко сомкнула набухшие усталостью веки и погрузилась в чёрно-бордовую пустоту, прорезаемую странными мелкими густыми вспышками-искрами. Первые признаки катаракты... «Из-за нарушения режима сегодня лихорадит хорошо отлаженный механизм моего организма?.. Какая я стала квёлая! Чувствую себя так, будто меня сквозь строй прогнали. Боль в позвоночнике и глаза третирует? Сегодня не мой день», – внутренне сокрушаясь, простонала она. «Обязан донести до вас, что это сильно скажется на зрении. Качество глазного дна операцией не поправить. Надо следить за своим здоровьем, а вы все о других радеете». – Так совсем недавно врач посвятил меня в эту печальную тайну. – Хотя бы не так скоро, иначе не останется смысла жить... Это только первый... тот самый сигнальный звоночек... Теперь прежде чем за что-то браться, на что-то соглашаться, надо всё тщательно обдумать, оценить: справлюсь ли, не подведу?»

Лена постаралась взять себя в руки и подавить внезапно нахлынувший панический страх. Но её тело вдруг заледенело так, что даже пожелай, она не смогла бы пошевелиться. «Пройдёт, не в первый раз», – промелькнуло в её сознании,

и она погрузилась в темноту.

Инна сама страдала такими же приступами, поэтому сразу поняла состояние Лены. Она выжидающе прильнула к ней, готовая в любую минуту сорваться с места, чтобы проявить положенную при этой болезни бдительность: подать лекарство, конечно же, всегда находящееся на всякий пожарный случай в Лениной сумочке вместе с запиской рекомендательного характера для врача или любого небезразличного прохожего. Она настороженно склонилась над подругой и долго смотрела на нее, словно силясь оживить её мощью своего желания. Веки Лены вздрогнули. Инна расслабилась.

– Принести тебе горячую грелку? Мне помогает. У тебя с собой? – спросила она.

Лена утвердительно кивнула и сказала устало и расслабленно: «У меня сложилось впечатление, что виртуальный счетчик времени сегодняшней ночи отсчитывает часы в соотношении один к десяти. Будто лента времени скользит по каким-то совсем другим законам».

Лена прислушалась. Аня с Жанной беседуют.

– ...Влюблены были до глупости. Присягали друг другу на верность. В этом угадывалась какая-то возвышенная романтическая тайна. Детьми были. Хотелось иметь рядом близкого надежного друга, чтобы посвящать его в свои мысли и планы, чтобы пожаловаться... Долго ещё пестовала я свою первую любовь. Она укрепляла, освещала жизнь, не давала

скатиться на скользкую дорожку... Только нет в жизни ничего прочнее и надёжнее своей собственной непреклонной воли. Время развеяло горечь утраты. Может, то не любовь была, а неугасимое желание радости и счастья.

Аня печально вздохнула. И все же легкая улыбка скользнула по её лицу со следами ещё невысохших слёз и нежно его осветила.

– А если поподробнее! – негромко, но задорно вскрикнула Инна.

– Все-то тебе расскажи-доложи! Выудишь, что хотела узнать, а потом станешь насмехаться. Вздорная ты особа, – беззлобно отмахнулась Аня.

– Другие бы раззвонили по секрету всему свету, – непонятно на кого намекая, спокойно ответила Инна. Наверное, безадресно, лишь бы что-то сказать, чтобы за нею осталось последнее слово.

– ...Мне Галя рассказывала: «Юмористы в своих интермедиях часто посмеиваются над тем, что жены отказывают мужьям по причине головной боли. А ведь это самый надёжный способ не забеременеть, если мужчина не желает предохраняться в опасные дни. Страх перед абортom заставляет женщин идти на маленькие безобидные уловки, чтобы избежать исполнения супружеских обязанностей без скандалов и нервотрепки. У меня беременности всегда сопровождалась жутким токсикозом, но ради будущих детей я всё могла сне-

сти. Родив двух запланированных, я панически боялась снова оказаться в положении, поэтому настаивала на самом надежном способе предохранении. Муж не хотел, скрипел зубами от бешенства, и я постоянно была на грани истерики. От одной мысли о предстоящей ночи наворачивались слёзы. У меня на этой почве даже начало развиваться что-то типа нервной болезни. Какое уж там удовольствие!

А он не хотел вникнуть, понять, пойти мне навстречу. Не ему же идти в больницу. Какие там с моей стороны измены могли быть! Теперь, говорят, хоть обезболивают. Да все равно, какая в том радость? Страдание, унижение. Помню, меня после больницы от слабости целый месяц от стенки к стенке мотало, и головокружения полгода не прекращались. А у мужа одна отговорка: у вас, у женщин, кровь быстро восстанавливается. Так это смотря сколько и как часто её теряешь. Грамотного из себя строил, книжки мне совал в нос, а своей головой подумать ума у него не хватало. У самого возникали приступы паники из-за малейшей болячки. С каждой царапиной носился, как с великой бедой, а до моей физической и моральной боли дела ему не было». – Это Аня поделилась чужой бедой.

– От мужского эгоизма все неприятности. У моей знакомой муж был как животное. Особенно если пьяный. Пять лет она с ним промучилась, пока не сбежала вместе с сыном. Не выдержала, бедная. По два-три раза в год попадала на аборт. Это хорошо еще, что здоровье у нее было крепкое. А все по-

тому, что ее муж уверовал в поразительную живучесть женщин. Мол, вы как кошки, что вам делается. Кстати, она потом удачно замуж вышла, – рассказала историю теперь уже Инна.

– Я думаю, Галин муж слишком болезненно воспринимал её отказы по другой причине. Ему казалось, что он не устраивает её, поэтому она уклоняется. Он же мнительный. Может, в юности кто-то из ребят глупо над ним пошутил или какая-нибудь злая на язык вздорная девчонка оскорбила его. И матери излишней заботой зароняют у сыновей неуверенность и иррациональный страх перед женщиной и вообще перед взрослой жизнью, что приводит к трудностям личностной идентификации, а иногда наоборот: к внешним безумным, эксцентричным, эпатажным выходкам. Тонкое это дело, психосоматическое. Трудно нам понять друг друга без тёплых, откровенных, искренних отношений, когда каждый дуется на свою крупу, тешит собственные обиды и не хочет или не может понять другого. А иногда и сами себя люди не понимают и не могут объяснить причины своего поведения, не стремятся докопаться до истины, а ищут причины бед в партнере. Чего проще – свалить на другого.

– Муж Галки верил, что устраивает жену. Гордился этим, – опровергла предположение Жанны Инна.

– Может, только на словах?

– Я почему-то сразу догадалась, что мой третий муж подозревает, что не удовлетворяет меня, хотя я прекрасная ак-

триса.

– Понимал о себе, не обольщался. Плюс ему.

Жанна снова вступила в разговор, но с историей на другую тему.

– Мне почему-то жутчайший случай вспомнился. Проводили мы отпуск всей семьей в лесном доме отдыха. Компания была знакомая, учительская. К кому-то в гости на денек заскочил родственник. Я не обратила на него внимание. В тот вечер мы с мужем смотрели фильм на открытой веранде, а дочь-первокурсница пошла с друзьями погулять вдоль реки. Вдруг мне сделалось дурно. Я почувствовала страшную панику. «Что-то с дочкой происходит нехорошее!» – почему-то сразу определила я и, громко крича, помчалась к реке. Было темно, но мне повезло выбрать правильное направление и быстро найти свою малышку. Она сидела на пригорке с тем самым незнакомцем. Я вежливо и строго попросила её вернуться в корпус.

Утром я встретила этого мужчину во дворе в «умывалке». Так он даже передо мной, матерью, не скрывал того, что взбешен моим вмешательством, тем, что не удалось ему сокрушить шестнадцатилетнюю глупышку. Дочка, как я выяснила в ночной беседе, на самом деле не представляла, что ей грозило.

Я возмутилась и по учительской привычке взялась вразумлять любителя легкой «поживы». Его глаза налились кровью, он напоминал разъяренного быка. Мужчина готов был

ударить. Меня трясло, но я устояла. И он выскочил, даже не перекрыв крана. Только на бегу выкрикнул, мол, скажите спасибо, что я сейчас уезжаю. Я долго стояла как ушибленная и думала: «Он как зверь? Он не думал о последствиях того, что мог совершить? Что им руководило? Что привело его к подобному дикому желанию? Ведь не глупый несостоявшийся юнец, не неказистый мужичонка с ощущением неполноценности, сильный накаченный мужчина лет сорока. Почему он пошёл по такому пути получения удовольствия и удовлетворения?»

– Наверное, больной на голову, – поставила диагноз Инна.

«Опять возьмутся вспоминать всякие ужасы?» – вздохнула Лена.

Но нет, Аня грустно произнесла:

– Если бы могла, я бы всю боль, все страдания детей на себя взяла.

И Жанна приятное вспомнила:

– Стою возле магазина. Смотрю, с папой идёт девочка лет пяти. Он спешит, она еле поспевает за ним. И вдруг девочка дёргает отца за руку, заставляет его остановиться и говорит: «Папа, люди знаешь, какими должны быть?» «Какими? – спрашивает отец заинтересованно. «Весёлыми!» – громко и уверенно выкрикивает малышка. Потом она пытается разговорить отца, чтобы он объяснил ей что-то, но тот, видно, как всегда, торопился.

«Другая тема отодвинула на второй план проблемы Эм-

мы», – обрадовалась Лена и погрузилась в вяло-расслабленное состояние. Но голос Инны ее взбудрил:

... Для Кати мать очень много сделала, а любила она больше отца, который оставил ее во младенчестве. А все потому, что она на него похожа. Значит, гены. Вот и подумаешь после этого... Обидно, – сказала Инна.

– Мать дочку воспитывала, часто была строга с ней – иначе ведь нельзя, – а отец во время их редких встреч только хвалил её и радовал. Отсюда все последствия, – объяснила ситуацию Аня.

– ...Инна, если один психованный, постоянно срывающийся с катушек, а другой неверный, кого бы ты выбрала в мужа, какого оставила бы при себе? – спросила Аня.

– Был у меня такой: два в одном. Второе труднее переносится. С нервным по крайней мере себя человеком ощущаешь, себя выше него ставишь, – как-то буднично ответила та.

– Нервные тоже не дай Бог какие бывают, – не согласилась Жанна. – Я бы ни за кого из них не пошла.

«Опять сплошной негатив, – поежилась Лена. Веки её сами собой смежились, и она на короткое время отключилась.

28

– Аня, ты Эммину подругу Свету помнишь? Она из педагогического была, – пояснила Инна остальным. – Такая милая, мягкая, тихая, слишком податливая и беззащитная.

«Наверное, захотела положить конец разговорам об Эмме. А может, о хорошем человеке загрустила», – подумала Жанна.

– Помню. А что с ней случилось? – интуитивно почувствовав недоброе, спросила та.

– Там вообще жуть... Если у тебя ещё остались слёзы, приготовься их пролить.

– Не тяни.

– Замуж вышла за Эмминого одноклассника, дочка у них родилась. Она заочно в институте училась и работала в школе. Но муж ей ни в чем не помогал, мол, у меня работа трудная на заводе – он компьютерщик, – а у тебя ерундовая. Не любил он женскими делами заниматься.

– У меня даже такой мысли не возникает: люблю не люблю, хочу не хочу. Надо – и всё тут. Как же иначе? – удивилась Жанна.

– Я и мужа Светы помню. А внешне и не подумаешь: такой всегда спокойный, не очень общительный, но вроде неглупый парень.

Инна наградила Аню пренебрежительной усмешкой:

– Индюк надутый. Себе на уме. Таблетки на неё не действовали, а он предохраняться не хотел. Говорил, что это вредно для здоровья мужчины. А посылая жену в больницу, на операции, он об её здоровье не думал. Потом стал принуждать её делать шестимесячные выкидыши, мол, о тебе забочусь, тебе трудно будет с двумя маленькими. Она сопро-

тивлялась, не хотела губить. Он настаивал. Она в силу своего характера не восставала, не бунтовала, не устраивала сцен, только упрасивала. Но чтобы перебороть мужа, ей явно не хватало неопровержимых доказательств его неправоты.

– Скорее, умения воевать.

– Она никакой даже узкой лазейки не находила в решении своей проблемы. Маялась, страдала. Но атмосфера взаимного недовольства сгущалась. Сначала между ними были маленькие размолвки, потом у нее стали наблюдаться вспышки гнева и шквалы раздражительности. Она чувствовала, что заболела, что надвигается катастрофа, но муж упрямо стоял на своем, проявлял излишнюю щепетильность только в вопросах личной независимости, боялся закабаления. Берег себя. И в этом был преисполнен холодной решимости. Умерла Света от опухоли мозга, когда дочке и пяти лет не было. Мы до старости дожить мечтаем, а она, бедная... – Инна горестно вздохнула.

– Вот гад! Тихоня! – вскрикнула Аня.

– Инна, откуда ты знаешь такие интимные подробности? – недоверчиво спросила Жанна.

– Совета Светлана у меня просила. Я ей сказала, что если она будет потакать мужу, то надолго ее не хватит, а он на следующий день себе другую жену приведет и о ней не вспомнит. «Если себя не жалеешь, о дочке подумай», – прикрикнула я на нее. Не остерегла, не спасла, слишком поздно она ко мне обратилась.

– Какова дальнейшая судьба Светиноного мужа? Каковы его успехи? – спросила Аня.

– Обыкновенный средний инженер. Великих открытий в жизни у него не было. И в личной жизни все как по трафарету. Женился на девушке с квартирой, работал. Сейчас на пенсии.

– Может, он не ведал что творил, – зачем-то попыталась заступиться за Светиноного мужа Жанна.

– Ищешь оправдание? Только что-то это непонимание у него всё больше себе на пользу было. Куркуль чёртов, – возмутилась Инна.

– Ой, не травите душу, и так тошно, – простонала Аня.

«Не упускаем возможности нелестно отозваться о мужчинах. И примеры соответствующие приводим», – усмехнулась Лена.

– И почему знание плохого не способствует осознанию?.. Может, самомнение у людей большое, мол, со мною такого не случится. А жизнь зачастую это то, что происходит вне твоих планов.

– Чем больше я погружаюсь в мир семейных проблем, тем чаще мне кажется, что люди страдают из-за грехов своих предков. У моей знакомой отец был дезертиром в Великую Отечественную, но выжил. Так у него старший сын спился и умер, дочь хромая и горбатая, младший ребенок оказался слабоумным, – поделилась Жанна чужой бедой.

– Ты не права. Один мой знакомый из очень хорошей се-

мьи, а внуки его... даже вспоминать не хочется, – не согласилась Аня. – Внешне – приличная семья, а если глубже копнуть и потянуть за ниточку, да если ещё рассмотреть с разных сторон...

– Валить на предков? Хитро и непорядочно. Самим надо отвечать за свои ошибки. Правда, на пустом месте ничего не произрастает. Если не из чего черпать... Гены генами, а воспитание? Я думаю, что здесь соотношение семидесяти пяти процентов к двадцати пяти, – предположила Инна.

– Пятьдесят на пятьдесят, – определила Жанна. – Семья – совершенно замечательный, хорошо продуманный способ сосуществования людей.

– При твоём-то муженьке хорошо быть добренькой и благонаправной. Вы – счастливичики, баловни судьбы, сознательно уходите от проблем, – непонятно отчего закипая, повысила голос Инна.

«Разговорились, теоретики... Целое исследование и расследование провели. И Жанна туда же. Хотя ничего удивительного. В суеде будней с кучей внуков женщине и на пенсии нет времени анализировать, обобщать, делать выводы. Если только занеможет, – посочувствовала ей Лена. – А тут есть повод подумать, поспорить. И сравнение судеб подруг напрашивается само собой. У одной муж плохой, и это трагедия. У другой его нет, и это тоже не очень хорошо. У третьей нет и никогда не было мужчины. Но разве она так уж несчастна? Ничуть не бывало. А у остальных подруг на кур-

се?.. Завтра подсчитаем».

– Я читала у Виктора Гюго, что «первый признак любви – несмелость у мужчин и смелость у женщин», – сказала Аня.

– И ты поверила? Только почему-то в основном на деле именно эти робкие и неуверенные мужчины обижают нас, смелых женщин, – усмехнулась Жанна.

– Это неслыханно! В качестве протеста нам придется, как и депутатам, демонстративно покинуть зал заседаний! – рассмеялась Инна.

– Или, будучи поражёнными и озадаченными происшедшими пикантными событиями, упасть в обморок, что женщинам, по мнению мужчин, больше к лицу, – поддержала ее шуточный настрой Жанна. – Ах, да! Обстоятельства непреодолимой силы... А что? Это верное средство!

– Опять зубоскалите. Накатило? – неодобрительно забурчала Аня.

«Голос Ани всегда пронизан грустью. Он теплеет только когда она говорит о детях, – подумалось Лене. – За её неказистой, непрезентабельной, неброской, несколько унылой внешностью кроется честное, доброе, нежное сердце, простая чистая, но печальная душа. Она перед нами такая открытая, доступная, прозрачная. Ни капельки в этом плане не изменилась за сорок лет моя милая «пионерка», мой «юный ленинец». Она оберегает это в себе, чтобы попусту не растащили, не расклевали... Уж она-то, как никто другой,

знает, как часто среди добра прорастает зло.

Эти ее бесхитростные замечания и возгласы... Наверное, она и сама не пытается переубедить себя. Так и живет, как пел Владимир Высоцкий: «Изнывая от мелких своих катастроф», скромно выполняя, может быть, самое главное в жизни каждого человека дело – воспитание достойного поколения. И я слепо и бездумно ничего не принимаю на веру, но по-другому. Все мы крепко биты жизнью, а реакция у нас разная. И я бываю то такая, то сякая, то разэтакая. И Инна тоже, но всё потому, что всегда поперед бабки в пекло суется, хотя о плохом не помышляет. Не по её это ведомству».

И будто в защиту себя и своего мнения Аня добавила весомо:

– Мы как-то раз с Ларисой «беленькой» на первом курсе разговорились, и я поразилась, до чего же мы с ней похожи недоверчивостью, умением чувствовать нехороших людей и тем, что замечаем прежде всего плохое и грустное. Это при нашей наивности ограждало и спасало нас от многих неприятностей. А теперь я и своим подопечным девочкам постоянно твержу: «Будьте настороже. Пока вы не научитесь понимать подтекст чужих слов, выявлять двойное дно у непорядочных людей, замышляющих против вас козни, вы со своей наивностью и доверчивостью будете постоянно влипать в дурные истории». А они мне: «Ну, да ну...» А я им назидательно: «Да вот и не ну... дугу гну! Это слишком серьёзный вопрос, чтобы неуверенно нукать. Примите к сведению, за-

помните в конце концов, чтобы потом не каяться и не клясть себя и других. Плохое сильнее влияет на человека, чем хорошее, оно больше интересуется, крепче вцепляется, поэтому с ним труднее бороться. Вы пока слишком молоды, поэтому эмоциональное вас больше задевает, чем интеллектуальное, веселое больше, чем серьёзное. Это нормально... Я по себе знаю, что вам хочется видеть в каждом встретившемся на вашем пути мужчине сказочного рыцаря, что на самом деле далеко не так. И ещё, человек слишком сложное существо: он злой и добрый, желчный и сочувствующий. В разных ситуациях он разный и непредсказуемый. Счастье лёгким не бывает, потому что не бывает стерильно-правильной беспроблемной жизни. Пока своего ума не набрали в достаточной мере, слушайте нас, учителей. Во взрослой жизни, за стенами детдома хороших подсказчиков вам не всегда быстро удастся отыскать, если вас будут притягивать хитро-ласковые, непорядочные люди». Я с девочками иногда круто разговариваю. Иначе не доходит. Я в психологические игры не играю, всё прямо говорю. Мне так проще и вернее.

Вопросов и возражений не последовало, что означало полное согласие с мнением Ани.

– Рита ушла от мужа и все силы и эмоции направила на сына и на собственное самосовершенствование. Не сломалась. Стала глубже, значительней, – сказала Аня.

– Это не вернуло ей мужа, – пожала плечами Жанна.

– Не велика потеря, – дернулась Инна.

– И Эмма хоть поздно, но тоже перестроилась. Предпо-
чала идти навстречу своим страхам и неврозам, растёт, меня-
ется, действует по своему усмотрению. Раньше на каждый
чих Федьки реагировала, не задумываясь, брала любое его
желание под козырек. Это не делало чести ее уму. А теперь
она не считает нужным замечать его обиженного выражения
лица. Нет, вы представляете, он по-прежнему капризничает!
Постоянно различными способами намекает на то, что про-
должает блудить, в тайной надежде заставить её страдать, –
сообщила Аня.

– Как? – заинтересовалась Жанна.

– Допустим, незаметно выскальзывает из квартиры и на-
долго исчезает. А она ни словом, ни жестом не обнаруживает
своего к нему отношения. Наказывает мужа его же методом
– безразличием. И в этом я вижу её проснувшееся уважение
к себе. Чувство собственного достоинства наконец-то пере-
бороло безумную любовь. Эмма вернулась к себе прежней,
поняв, что та её сущность, взнузданная любовью, зависимая
и униженная была ей чужая.

– И теперь она охвачена великой... тяжелой немотой!

– Как тебя трактовать? – не поняла Аня Инну.

– Позволяю произвольно.

– Неплохо было бы услышать твой вариант.

– Приберегу его для себя, – засмеялась Инна.

– А ну тебя, – отвернулась от неё Аня.

– Мне любимая бабушка вдруг вспомнилась. Для каждого ребенка бабушка – особый человек. Пользуясь случаем, расскажу о ней. Я тогда у приёмных родителей жила. Так вот она говорила: «Запомни простое правило: нельзя долго горевать ни по какому поводу, даже оплакивая смерть любимого человека или ребенка. Заболеть можно. На всё воля Божья. Не гневи Его. Бог дал, Бог взял. Дальше живи и вспоминай о почившем всё только самое хорошее. Никогда ни на кого долго не злись. Не можешь справиться с обидой, говори себе: «Господи, прости их и меня». И места в сердце для обиды не будет. Если даже не веришь в Бога, все равно помогает. Не хочу обсуждать, есть Он или нет, но жить надо так, будто Бог есть, и без него ни волос с головы не упадёт, ни травинка не шевельнется. Береги, детка, себя, тебе ещё жить и жить. С теплом в душе и с букетом цветов в руках большого греха не совершить». Жалела она меня. Кто знает, может, даже по-своему любила. Я не во всем была с нею согласна, но прислушивалась к ее советам. Со мной всегда её косынка, её запах. Иногда так хочется хотя бы на один день вернуть бабушку обратно... – ностальгически вздохнула Жанна.

– Честь и хвала тебе за это, – фыркнула Инна. – Верьте да и откроется вам... Небошь твоя бабуся говорила, что сладострастие – согласие с дьяволом и оно смертный грех и что не пристало приличной девушке...

– Воздержись от сомнительных высказываний, не трогай

память доброго человека. Не истолковывай превратно сожаления Жанны. Кому нужен твой безжалостный смех, твои вывернутые... издевки? – в который раз насилуя свою природную и приобретённую сдержанность, возмутилась Аня.

– Бабушки очень скоро не стало, – отвернувшись к стене, тихо сказала Жанна.

«Возлежит словно древнегреческий сфинкс в своей многовековой неподвижности. Всё ей до лампочки... С её-то первосортными мозгами и железными нервами...» – Инна злилась на свои слабые тормоза, но внутри себя выговаривала Лене. Так ей становилось легче.

– ...Фёдор умел пудрить мозги, – сказала Аня. *(Опять провоцирует продолжение разговора по причине стойкой бессонницы?)*

– Федька?

– Может, он в душе Орфей. Красиво упаковывал любую, даже примитивную информацию. Наплести с три короба ему не составляло труда.

– Что так скромно? Вагон и маленькую тележку.

– Язык – некоторый интерфейс между космосом и людьми. Мозг разговаривает с нами «человеческим языком» через посредство...

– Не убедила ты меня, – перебила Жаннины «высокие материи» Инна. – Вернись на грешную землю. Я придерживаюсь на этот счет другого мнения.

– Нет, ты послушай, я о другом хочу рассказать. Человек молчит, а в мозгу его бывают такие мощные взрывы активности! Они выплескиваются наружу в виде биофизических волн. Их может «услышать» своим мозгом другой человек, который находится рядом или даже на большом расстоянии, но обязательно тот, который его любит. У меня много раз так получалось. Пойми, это так интересно! И подруга мне рассказывала, как сидела в кинотеатре с мужем, а в фильме главный герой переживал по поводу своего избыточного веса. И вдруг она услышала голос своего мужа: «Неужели Зина и правда меня любит? Она красивая, уверенная, а я такой толстый». Её муж на самом деле молчал и очень напряженно, буквально во все глаза следил за сюжетом фильма и страшно сопереживал главному герою, потому что видел в нем себя, неприлично тучного.

– Реальные сигналы мозга слишком слабы. Чтобы их услышать, необходимы усилители и устройства расшифровки сигналов, – не согласилась Аня.

– У них была прямая связь мозг-мозг, – рассердилась на непонимание Жанна. – Видно, не у многих людей есть такая способность. Она как умение предчувствовать, предугадывать.

Но Инна не слушает Жанну, свое доказывает:

– Досталось Эмме. Не раз проходила она «через святые иорданские воды очищения»...

– К чему нам сейчас опять эта твоя тоскливая исповедь? – остановила ее Лена.

– А теперь Эмма крупный специалист по депрессии. И вот вам финал: апофеоз трагедии. – Инна все-таки закончила высказывать свою мысль.

– Странное сочетание несочетаемых слов. Они полностью противоречат друг другу, – рассердилась Аня.

– Чудачка, существуют разные подходы к тому, что считать трагедией, а что комедией. К тому же трагедия бывает в мажоре и в миноре: допустим, искушение страстью и бедами. О эти притчи с вечным сюжетом «любовь–измена». О эти захлестывающие эмоции! А тут такие вериги на шею – дети и принесение себя в жертву. Казалось бы, чего проще – развод. Наливай да пей. Так, кажется, мы говорили в прекрасные шестидесятые? Так нет же, надо страдать! Федька открыл Эмме портал в ад, и на счастье был поставлен жирный безоговорочный крест... Оно дало осечку.

– Что толку снова сокрушаться? Тормози, – попросила Аня.

– И что Эмме оставалось? Всю жизнь видеть Федькин постылый фейс? Многие в некоторых наших семьях с ног на голову поставлено. Слышала я от одного знакомого, мол, преснятина, серость. Жена в сексе и на десять процентов не использует свои возможности. А кто учитель? Муж должен раскрепостить жену. Ей налево ходить учиться? Хочет от женщины чистоты и тут же предъявляет ей претензии

в неопытности. Мужская логика! – не смогла сразу остановиться Инна.

«А если об оргазме не говорить вовсе и не задумываться, может, семейная жизнь была легче и проще? Раньше ведь о нём не знали. Без него люди могут быть по-настоящему счастливыми? Зря Инка своей болтовней нарушила привычный ход вещей и разворошила в душах девчонок осиное гнездо сомнений и невыполнимых желаний?..» – поставила перед собой неразрешимые вопросы Аня.

– Иногда мне кажется, что с нами остается только то, что мы теряем. Парадокс. Я имею в виду в наших душах. По большому счёту, мне Эмму жаль. И себя тоже, – несчастным голосом сказала Аня.

– Нечего надрываться болью. Не беспросветная у нее жизнь. Идеального счастья, ты же знаешь, не бывает, потому что человек несовершенен, – по-своему успокоила Аню Жанна.

– Только степень несовершенства у всех разная.

Не нужен мне был рядом со мной идеальный человек. Я хотела нормального, – буркнула Аня, утыкаясь лицом в подушку.

– Нос по ветру не держим, сами выбираем непутевых кавалеров, а потом сетуем на их бесстыдство и жестокость, – с вызовом, отрывисто отчеканила Жанна. – Просто Эмме нужно было на кого-то молиться. Это было её послушанием. «Ах, чем бы тебе ещё потрафить, мой милый...» Она без-

раздельно принадлежала мужу, и это ему нравилось. Вот она и потеряла себя.

Аня недоуменно посмотрела на искаженное брезгливостью лицо Жанны.

– Что с тобой? Переутомилась? Сегодня сильные магнитные бури? Говоришь, как гвозди в голову вбиваешь. – Она не могла поверить, что Жанной это было сказано не в сердцах, не в раздражении.

«Как взбрыкнула! Оно, конечно, – подумала растерянно Аня, – любой человек состоит из сложных переплетений белых и черных составляющих характера, из отдельных проблесков счастья и безудержной лавины несчастий, из везений и невезений. И что у него сложится в душе на данный момент – никому неведомо».

29

– ...Я быстро поняла, что как человек он мне не интересен. Он герой не моего романа. Скучный, без полёта. Просто честный муравей. Неплохой парень, но не мой тип. Он сразу по окончании аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию. Десять лет жил с женой и ребёнком в общежитии, пока не скопил денег на квартиру. Да и потом ещё долго и мучительно выплачивал долги. Доктором наук стал уже перед самой пенсией.

Но двигало им только стремление материально улучшить

свою жизнь. Деньги стали лейтмотивом всей его жизни. Всегда работал без особой любви, по необходимости. Я не уверена, что это была его стезя. Может, трактористом он был бы более счастлив.

– Но ведь многого добился, гордился, наверное, собой, – возразила Инне Аня.

– Ой, не надо. Когда-то потребность иметь надежный кусок хлеба увела меня от детской мечты. Пусть даже в МГУ... Правда, и другие причины были, – странным, каким-то незнакомым Инне голосом сказала Лена.

«Что это с ней сегодня?.. У Лены заповедь «не суди» обычно превращается в попытку каждого оправдать. Но и ей тоже не всё дано понять, – подумала Инна. – Вот почему, например, в мужчинах нас равно привлекает и незаурядное мужество, и беспечность? Почему бывает трудно разглядеть не только яркую талантливость, но и убожество? Ладно, на распознавание гениальности требуется много ума, а как быть с примитивным мыльным пузырем, который способен выпаливать только давно заготовленные фразы, позаимствованные у великих классиков? Здесь имеет место наша глупость или мужская патологическая, скорее даже генетическая склонность к вранью? Их ложь – главная причина всех женских бед или наша доверчивость? Если бы нас, наивных глупышек, кто-нибудь приводил в чувство, отрезвлял! Стоял бы ангел за спиной и почти беззвучно артикулировал: «Глупая, опомнись!» И уводил от беды. Тогда не оставались бы

мы раздавленные, униженные, беспомощные. И не доставались бы нам нечистоплотные и жестокие кавалеры. Почему Бог не изобрёл что-то более приличное, чем мужчина?.. Как я их?!

Может, молодым парам на самом деле имеет смысл перед свадьбой некоторое время пожить вместе, чтобы лучше узнать друг друга? Только без секса. Теоретически это возможно, а на практике?..»

– ...У нас так: если разошлись – значит, муж бросил. Но ведь бывает и наоборот. Помнишь заведующего кафедрой теории упругости Додукаленко?

– «Не пробуждай воспоминаний», – ностальгически пропела Инна.

Его жена оставила. Забрала ребенка и уехала к маме. А пока не употреблял, такой хороший был, сыночка как сумасшедший любил! И вдруг эта слабость... Я слышала, что его отец тоже пил. Как сложилась его дальнейшая судьба? Может, завтра о нем что-нибудь узнаю. Хотелось бы. Мы все его так обожали! – Это Жанна Лене говорила. Но поддержала разговор Аня.

– Жизнь Эммы – бег в роковом круге, повторяющемся в каждом поколении. Мужья ее матери и бабушки тоже нарушали седьмую заповедь и делали это с завидным постоянством. Гонимые желанием шли, куда ноги вели. А приносили они их сама знаешь куда. Быстро этим женщинам пришлось

расстаться с мыслью о счастье. Они тоже посвящали себя мужьям, семье, но быть любимыми у них почему-то не получалось, – искренне сочувствуя, подметила печальную закономерность Аня. – Я бы дорого дала за то, чтобы разрушить эту «традицию».

– Истории свойственно повторяться. Дети часто идут по стопам родителей. Вот и Эмма попала в этот капкан и не выбралась. Впала в утопию, захотела быть для мужа идеальной. Причислим Эмму к лику святых? Главная святая всея Руси. Может, и канонизируем? – вклинила Инна очередную шутку. И в ответ получила неодобрительные взгляды подруг, мол, позлословила и хватит. Лене даже показалось, что она услышала сдерживающий раздражение скрежет зубов Жанны.

– Вы представляете какой лгун, какой хлыщ! Когда Эмма стала упрекать его в неверности, он ей заявил высокопарно, мол, ты, на чью доброжелательность, как мне казалось, я могу рассчитывать в большей степени, чем на чью бы то ни было, не доверяешь мне! Ты унижаешь меня! Не канифоль мне мозги. Твои подозрения беспочвенны. Призови на помощь здравый смысл!»

Очень показательная история! Вот ведь сволочь. Нет чтобы понять, прозреть, наказать себя и тем очиститься... «Совесть делает человека человеком», – писал Лотман, – закрепила свою мысль словами современного мыслителя Аня. И, вздохнув, добавила безысходно:

– Чего я захотела?! Провальная идея? Фёдор недостойн гордого звания человека.

– Чёрт возьми, Эмма его унизила! Он извратил саму суть этого слова!

«Можно подумать, у тебя, Инна, нет того же хобби – искажать, выворачивать наизнанку», – усмехнулась Лена.

– Лотман об унижении ничего не говорил? – поинтересовалась Жанна у Ани.

– Как же: «Унижение хуже смерти».

– А сам сколько терпел!

– Но жил ещё как достойно! То было другое терпение. Потому и уехал в Тарту. Умнейший человек! Его лекции – интеллектуальный перформанс, – объяснила Инна. Она считала себя обязанной донести до подруг то, что её философские знания в области осмысления сути и назначения человека находятся на самом высоком уровне.

– ...Печаль быстро уходит, а вот тоска... Она надолго, – вздохнула Аня. – Боль и мука в глазах Эммы проступали, когда она мне о себе рассказывала. Радости ей в жизни не хватает. Не смеха, а именно радости.

– А кому хватает? Вот и уходим мы в глубины своих хобби или малышей нянчим, в них находим счастье. Дети отпочковались, зато внуки «привились» к нам весьма удачно и крепко. И слава Богу, – сказала Жанна. – Тебе не приходило в голову, что Эмма поступила мудро?

– У нас с тобой разные понятия мудрости. Если бы она плевала на измены, я могла бы ее понять, а так...

Аня не рискнула продолжить развивать эту сложную тему.

А у Лены Жаннино «слава Богу» вызволило из памяти недавнее событие. «Встретила в магазине знакомого профессора. Поговорили об издании книг, потом о его прелестных внучках. На прощанье я сказала: «Дай Бог вашим внучкам здоровья и всяческого благополучия». И осторожно перекрестилась, как бы закрепляя свои слова. И вдруг профессор настороженно, будто прячась, перекрестился. Но на эмоциях, истово и серьезно. На лице в один миг отобразились и счастье, и гордость, и страх за своих любимых, самых главных, и желание беречь, оградить... И я подумала: «Вот что значит по-настоящему любить, самому растить, заботиться. И женщина может защитить. И мужчина может глубоко и тонко почувствовать... А говорят, мы слишком разные...»

– ...Некоторые мужчины ищут острые ощущения на стороне, чтобы почувствовать вкус жизни. Они сладко берегут им души... «И кое-что ещё, и кое-что другое...» А у меня так и не получилось быть счастливой, несмотря на мои авантурные романы. Все они курам на смех оказались. Мужчинам для счастья нужно много меньше, чем нам, женщинам?

– Смотря каким мужчинам, – ответила Лена подруге.

– Я говорю о среднестатистических.

– Опять скулим?

– Это не всеобщее и полное отрицание мужской положи-

тельности, а выражение личной обиды на конкретных мужчин, – увильнула Инна от Лениной критики.

«Болтовня доводит меня до изнеможения. Петляют, петляют, и всё вокруг одного... Это наводит на грустные размышления. Не будет большой беды, если я опять попытаюсь чуть-чуть придремнуть, – решила Лена, прикрывая глаза.

Жанна, глядя на нее, подумала вяло, без раздражения: «Её гордыня заела? Считает, что не следует пятнать себя участием в обсуждении ерунды? А что тогда не ерунда?»

Жанна с Аней опять шушукаются.

– И это нам не так, и то не этак... «И снег не бел, и хлеб не мил».

– Сейчас мы уже плачем слезами возраста, а не боли. Но сердчишко небось еще вздрагивает, когда случайно встретишь кого-то из тех, кто нравился в молодости? Отрадно погреться в теплых воспоминаниях?

– Вздрагивает. Ну и что из того? Не грех и пофантазировать, сидя в затишке уютной квартирки, – не стала отпираться Аня.

– Только прекрасный профиль патриция, что был под стать Данте, оплыл, черный антрацит глаз полинял, и череп оголился.

Обе искренне рассмеялись. Поняли друг друга.

Мысли Лены путаются, перемешиваются с нечеткими образами ее воображения. Воронка сна затягивает ее все глуб-

же и глубже. Но она еще слышит:

– ...Эмма не ютилась по общежитиям и коммуналкам. Это ты, Аня, порядком помыкалась. Не бедствовала Эмма, а счастья не было. Помню, хвалилась: «Я не первая у него, но единственная». Гордилась. А он уже тогда, как бы шутя... среди прочих, интересовался ее подругами. Малосимпатичный мне человек. Не дорожил репутацией. Ему хватало собственного мнения о себе, – резко закончила Жанна.

«Мне тоже. И что из этого следует?» – сквозь пелену сна подумала Лена.

«Ох уж эта мне Жанна! Есть такой тип навязчивых людей: пока не докажет свое, не отлипнет», – рассердилась Инна, не замечая за собой той же «особенности».

– ...Кто по-настоящему страдает, тот редко грешит. Разве что обидами... – скорбно сказала Аня.

– Преклоняюсь перед гением человеческой мысли, – не удержалась, чтобы не съехидничать, Инна. Ее голос окончательно вывел Лену из состояния прострации.

«Если бы эти слова вместо Ани произнесла Лена, Инка не ёрничала бы», – молча вздёрнулась Жанна.

«Аня права, эгоизм всему виной... Эмма свое одиночество с достоинством пронесла через всю жизнь. Зря она вчера откровенничала. Хотя понять ее можно. Моей боли уже сорок лет, и можно сказать о ней: «дела давно минувших дней», а у нее она совсем свежая. Каждый день как ножом по сердцу... Врач мне советовал чаще раскрываться, чтобы

стресс снимать. Наверное, и она во исполнение...» – решила Лена, уже туманясь сознанием.

– ...«Как чудно жить! Как плохо мы живём». Хорошо Адамович сказал! Будь у власти, я накидывала бы срок мужчинам с нравом мартовских котов за их издевательства над женами, – сказала Аня.

– Это их выбор: терпеть или нет, – заметила Инна.

– Часто вынужденный, не свободный, отягченный ответственностью за семью, – подправила ее Жанна.

– Наказывала бы «за каждый миг, исполненный «значенья»? – усмехнулась Инна.

– Не юродствуй, не извращай первоначальный смысл прекрасных строк. Зная, что им влетит по первое число, гуляки сбавляли бы обороты.

– И вспоминали бы тебя пострадавшие с «безграничной благодарностью»... Религиозной кротостью тоже можно тиранить и даже уничтожать. В теории наказаний в веках отметились многие законодатели, да только результатов пока нет никаких. Ты могла бы и похлеще отколоть номер. Например... предложила бы кастрировать. Потому-то ты и не во власти, – рассмеялась Инна.

– Боже мой, какие тайные мысли скрывают эти старые стены! – улыбнулась Лена.

– Мысли старых клуш и ведьм, – добавила Инна. – А раньше эта квартира была местом почтительного отношения к

живым и ушедшим, где решались вопросы по самим основам жизни.

– И я ведьма или гарпия? – не поверила Аня.

– Гарпия, но пришибленная. Шучу.

– Я склонна поверить, – скромно-язвительно обиделась на Инну Аня. – И чем я обязана повышенному к себе вниманию? Чем заслужила столь сомнительный комплимент?

– Не заводись. Мое воспитание хромает, – весело созналась Инна. – Да, вот ещё что. Не высвечивай своей обидчивости, Ею могут пользоваться не совсем порядочные люди. Экранируй себя безразличием или иронией.

– На правую или на левую ногу хромает? – мгновенно подловила её Жанна.

Инна удивленно покрутила головой:

– Ну, ты даешь. Раздуваешься от гордости? В груди разливается чувство блаженной радости? Над тобой ещё нет нимба?

– Наполняюсь законной гордостью.

«Опять пинг-понг», – вздохнула Лена.

Возникла настороженная пауза, но её тут же нарушила Аня:

– Мужчин только денежным наказанием и прошибёшь. Ничто их больше не берёт.

– Наш милый дежурный скептик всегда на посту! – улыбнулась Лена.

– Если посмотреть на одно и то же событие глазами муж-

чины и женщины, то в результате получим две разные истории, – то ли задумчиво, то ли глубокомысленно сказала Жанна. – Чего только не встречается нам на жизненных перепутьях...

«И что из того?» – не поняла Аня.

– ...С возрастом мы, казалось бы, в банальных словах наших родителей начинаем находить мудрый смысл, – сказала Инна.

– В нашем возрасте их проще понимать, – усмехнулась Лена.

– А в юности, ослеплённые влюбленностью, мы боремся, противоречим, воспринимаем родителей как ретроградов, не можем пробиться сквозь их «дубовый» консерватизм, – наверное, отвечая на какие-то свои вдруг забрезжившие воспоминания, сказала Жанна.

– Ты путаешься в хронологии своих замечаний, – упрекнула её Инна.

– Я делаю лирические отступления. Помнится, приемные родители только раз увидели моего жениха и сразу сделали о нем правильное заключение. А я долго ещё пыталась понять, так ли это, удивлялась лёгкости, с которой они могли оценить незнакомого им человека.

– ... Чтобы вот так годы спустя какой-то гад погасил свет чудных ясных глаз моей внучки, чтобы они померкли навсегда?! – донеслось до Лены будто издалека.

– ...Дочь моих знакомых разорвала этот порочный круг и будто все окна открыла в затхлом помещении. Ура, «на белый свет из тьмы веков!» Разошлась и увидела перед собой целый мир. Начала мыслить самостоятельно, опрокинула представление о незыблемости мужского превосходства, подчёркивающего гендерную принадлежность. Поняла, что свет клином на таком муже не сошелся. Не захотела жить в мире его понятий. И всё у неё срослось: жизнь стала искренняя, чистая, без пошлости, – движимая безотчетным желанием посочувствовать и порадоваться, рассказала Аня.

«О ком говорит?» – подумала Лена.

– Развод – далеко не лучший выход, но он делает многих женщин сильными, – сказала Жанна.

– Не сильными, а неунывающими, – пошутила Инна. – Сильными они оказываются уже перед принятием кардинального решения.

– Я, конечно, не вправе навязывать свое мнение, но иногда другого выхода не вижу. Не всем нам удаётся утвердиться в... мужском мире. Я не говорю о присутствующих. Все мы по-разному в него встраиваемся.

Как-то ещё в пору молодости пришлось мне по какому-то неотложному делу рано утром до работы зайти к знакомой. Смотрю, маленькие дети пищат, завтрак на плите подгорает, а муж барина из себя строит. Вместо того чтобы помочь жене, копается в своем чувстве неудовлетворенности семейной жизнью, изводит жену своими комментариями.

Желая причинить боль, наговорил ей много чего гадкого. Упрекал в несобранности. Мол, вышла к столу, не приведя себя в порядок. Весь дом вверх дном перевернула. Каждую мелочь подмечал и раздувал до величины главного недостатка, да ещё при детях и всё на повышенных тонах. Ошеломляющее впечатление! Назревал скандал. Меня даже пот прошиб, глядя на эти «радости» семейной жизни. И чего добивался, приставая к жене? Ну, я бочком, бочком и вон из их квартиры. Бегу на работу, злость меня разбирает. Ну, думаю, вот так заявочки! И этот верит в свою непогрешимость. А не смолчала бы жена, так ещё и схлопотала бы по самое не хочу.

– Резкий тон и манера кричать – не признак темперамента или прямодушия. Всё это только о его невоспитанности и слабости говорит, – отреагировала Инна на рассказ Ани.

«Инна не так уж плоха, как мы привыкли о ней говорить. Разумно рассуждает», – неожиданно для самой себя подумала Жанна.

«Почему я всё это выслушиваю? Могла бы уйти на кухню почитать. Мне тяжело сидеть? Мне интересно?.. И поэтому тоже мое писательство было неизбежно, как приход следующего утра?» – сделала неожиданно для себя нелогичный вывод Лена.

– «В молчании, в тишине дух человеческий прикасается к божественному».

В контексте бытовых разговоров высокопарная религиозная фраза Жанны прозвучала неестественно, даже кощун-

ственно и странно поразила присутствующих. Но Аню она только подхлестнула продолжить высказываться:

– Представляете, муж безобразно вел себя и вины за собой не чувствовал. Забыл, что жене тоже на работу надо успеть, а перед этим ещё детей в школу и детсад отвести. Говорят, что отец обязан воспитывать детей, учить, готовить к превратностям жизни. Вот он и воспитывал... своим примером. И при мне не постыдился. Мне показалось, даже наоборот.

А когда моей знакомой было успевать? Она с шести часов на ногах – и всё бегом. Я по лицу видела, что ей хотелось сказать мужу что-то обидное, но не смогла себя пересилить, слезы молча сглатывала. Да и некогда ей было затевать войну. Душераздирающая сцена. И я тут ещё, как нарочно... Унижать при детях, при чужом человеке... Тошно мне стало в их семье. Я не знала, как оттуда убраться, не обидев хозяйку, хотя всеми помыслами была уже за дверью.

– Совсем как у Вишневского: «Спасибо мне, что есть я у тебя», – рассмеялась Инна.

«Незамужние и бездетные имеют больше возможностей повышать свой культурный уровень», – промелькнуло в голове Лены.

А Аня уже не могла остановиться:

– И ведь не замечал за собой, что вскоре после свадьбы сделался скучным, несправедливым, лживым, жестоким, противным.

– ...Семья – это любовь, страсть и взаимопонимание. Но

прежде всего труд, терпение и самоограничение. Моё мнение призвано доказать...

– Ты не на лекции, – зло отреагировала Инна на звук голоса Жанны. – Спасибо за понимание. Поздравляю.

– Присоединяюсь к поздравлениям, – не уступила та.

30

– Лена, извини, но я все же спрошу: «Как ты, имея маленького сына, могла заниматься наукой? Ведь все мысли матери во время болезней ребёнка крутятся только вокруг одного – его здоровья, – спросила Инна.

– А что мне оставалось делать? Я знала, что надеяться могу только на себя. Страшно тяжело было. Каждый день тех трех лет учебы в аспирантуре был разделен по минутам. Меня выручало то, что Антоша был достаточно спокойным мальчиком. Ночи были полностью мои. И всё же я немного запустила сына и после защиты всё своё внимание уделяла только ему. Вместе занимались уроками и спортом. Выростила прекрасного человека. Но судьба... ты же знаешь... – ответила Лена подруге. И подумала удивленно: «Раньше подобных вопросов она мне не задавала».

– Прости.

Лена усмехнулась:

– Считаешь меня железной леди, никогда не сдающей своих позиций? Такие нагрузки даром для организма не проходят. Да и на характере сказываются.

– Говорят, женщины духом сильнее мужчин. Но я ни разу не видела мужчин, резавших себе вены. Если только в кино. А вот женщин... – Глаза Жанны потемнели от какой-то тайной горечи.

– Как сказать... Это не показатель. В литературе сначала бедная Лиза Карамзина покончила с жизнью, утопившись в озере, потом бунинский Митя. Не прошло и ста лет, как мужчины с женщинами поменялись ролями. Так что не удивлюсь, если и теперь... – начала рассуждать на новую тему Аня.

– У Мити – минутная слабость. Его поступок – плод духовной незрелости. В семнадцать лет он ни о чём не мог думать, кроме как о любви. Он весь – впечатлительность и физиология. А у Лизы – глубокая, глубинная причина. – Жанна не захотела уравнивать в «правах» слабости мужчин и женщин.

– А если попробовать судить о человеке не по ошибкам в обыденной жизни, а по вкладу в общество? – Это Лена попыталась перенаправить мысли подруг. И получила категоричную отповедь от Инны:

– Внесла свою лепту, фурор произвела! Твоё предложение имеет смысл только применительно к великим людям.

– В природе гениев всегда лежит любовь к кому-то или чему-то, и... – опять взялась философствовать Аня.

– Не будем развивать эту тему, – грубо остановила её Инна. – Среди нас нет таковых. Зачем ты на меня смотришь так

виновато, словно тебя поймали на воровстве? Ты же непогрешимая! Веди себя уверенно, нахально, и жизнь станет много проще, – добавила она тихо, но резко.

– Хотя считается, что женщины по жизни следуют тайным велениям сердца, а мужчины действуют по логике, все-таки мы в основном практичнее. Женщины более приспособленные. Мы не умнее, мы разумнее мужчин, – сказала Жанна.

– И поэтому они на нас пашут? Ты еще поговори о женской душе, которая сродни великой тайне самой Природы, об этой неуловимой субстанции, окруженной мистическим пространством, – еще больше разошлась Инна. – Скажи по совести, ты сама-то веришь во всю эту фигню?

– Я о том, что умные и сильные женщины всегда могут показать мужчинам, что у них есть слабости и что им тоже нужна помощь и нежность.

– А что если эти «показы» им не нужны? – сердито спросила Аня.

– Тогда в результате у всех этих добрых и порядочных женщин образуются болезни: у одних диабет, у других рак, у третьих неврастения и чуть ли не психическое отклонение. А кое-кого на самом деле может обуять... спасительное безумие, – ответила Инна.

– О ком это она? – очень тихо спросила Жанна у Ани.

– Понятия не имею. У нас на курсе есть случай, но там виной была смерть её сына на службе...

– А их мужьям хоть бы что! Здоровы, как лоси. К слову

сказать, почти у всех наших девчонок-неудачниц свекрови не приведи Господи. Они и своих сыночков такими же гадами воспитали, – закончила «наводить критику» Инна.

– Сопричислила! – усмехнулась Жанна. – Я вот тоже и свекровь, и теща.

– А у Женьки с радиотехники свекровь хорошая. Говорят, сама со своим мужем намаялась, и теперь во всех ссорах и распрях она у детей за арбитра и в основном невесток защищает. Как-то случился у Женьки выкидыш. Муж в транс: наследника потерял! За бутылку взялся. А свекровь пришла и говорит своему сыну: «Иди к жене. Ты должен быть рядом с нею. Ей вдвойне хуже, чем тебе». Вот так-то. И у Люсиной младшей дочки свекровь – золото. Когда ее сын погиб в аварии, она не выгнала невестку, внука нянчит. Может, сочувствует, потому что сама одна сына растила? Научена горьким опытом. И Ритина свекровь не вмешивалась в их жизнь, и Ирина тоже, – не согласилась с Инной Аня. – А были ли среди ваших знакомых случаи, чтобы невестка со свекровью как бы местами менялись, чтобы молодая в семье командовала? Как вы считаете, кто чаще в семье верховодит: муж или жена? – спросила подруг Аня.

Женщины надолго призадумались.

«Совсем девчонки зациклились на семейных проблемах. Не надоело подвергать мужчин публичной обструкции?.. Наверное, судьбы подруг, многократно прокручиваемые в головах, сформировали у них определённый взгляд на их

собственные удачи-неудачи. К нему имеет смысл прислушаться? Я наблюдаю, как из простых девчонок рождаются героини труда и материнства?.. Возьмем, опять же, Эмму. Если вникнуть, эта история не об изменах Федора, а о преданной любви Эммы. Иногда эта любовь измеряется ценой здоровья и даже жизни. Нахожу ли я это правильным в случае Эммы? Конечно же, нет.

За крутыми поворотами любой жизни – неисчислимы, выворачивающие душу и разум перекрестки, зигзаги, обвалы, пропасти. Сколько их было у каждой из них и сколько ещё будет? Не бывает прямых, как лазерный луч, жизненных дорог. В юности у некоторых девчонок случались моменты, словно прекрасные сновидения, а, споткнувшись, они жили как в душном болезненном бреду. Сердца то наполнились светлыми надеждами, то срывались в страшный чёрный провал страхов, обид, неверья. И тогда они не знали, с какого края, с какого бока подступить к ней, к этой... проклятой жизни. Считали, что над ними витает, их окружает аура несчастья. Но напрягали все силы разума и воли, чтобы выбраться, преодолеть, победить. И побеждали! И сильнее укреплялись духом. Но чего это им стоило? Их растерзанные в пух и прах души долго не восстанавливались. Спасал ироничный взгляд на жизнь и всё та же надежда. Но они не любили вспоминать трудные времена, вперед смотрели, потому что были молоды. А теперь? Нет, я, конечно, понимаю, что помнить прошлое – это сохранять огонь, а не передавать пепел... Но

как трудно!

Иногда вы, дорогие мои, чувствовали, будто вас кто-то ведёт, подправляя ваш извилистый путь сомнений. Кто? Интуиция или кто-то извне, неосознаваемый? Нет ответа. И чем вознаградились труды ваши праведные? Был прок? Да, хорошие дети. А некоторые из вас рядом скользили по поверхности, не углубляясь. Не кляты, не мяты и, наверное, по-своему счастливые. И кто из них, по большому счету, прав? У каждой свой горизонт. У кого-то он туманный, занавешенный лесом неудач, у других к нему вела ясная прямая дорога, проторенная предками...» – Лена, устав от собственных размышлений, незаметно окунулась в птичий сон.

– ...Ради чего женщины боролись за равенство? Чтобы за мужчин тащить ещё и их воз ответственности? Получается, напрасно драли глотки, воевали, попусту страдали.

Ой, девчонки анекдот из семидесятых недавно услышала. Не в бровь, а в глаз. «Не обязательно человек, который построил дом, воспитал ребенка и посадил дерево – настоящий мужчина. Очень часто это обыкновенная женщина».

«Надо же, Аня развеселилась», – удивилась Инна.

– ...Любовь – это нечто, не подлежащее определению, а хороший муж – подарок судьбы. Конечно, и мы не идеальные. Вам не кажется, что иногда мы предъявляем к мужчинам требования, несоизмеримые с тем, что они могут вынести в действительности? – спросила Жанна и тут же пожале-

ла об этом. Испугалась реакции подруг. Но они лежали вяло-спокойные. Только Инна привычно откликнулась:

– А они к нам?

– ...Невозможность исправить ошибки делает боль нестерпимой, – вздохнула Жанна. – И ведь, казалось бы, ответ лежит на поверхности. Так почему же люди не хотят его видеть? К кому взывать?

– ...Суть человека определяется ещё его самоуправляемостью, умением жить с не похожими на тебя людьми и при этом не терять себя, своего достоинства. И чужого достоинства не ронять, – процитировала Аня.

«Святая простота. Полное отсутствие хитрости и коварства. Прямодушная, непомерно совестливая. Тебе не свойственны ни увертки, ни ложь. Будто только из монастыря», – подумала Жанна.

– Это теория, – усмехнулась Инна.

– Человек должен чувствовать над собой Высшую десницу, – сказала Жанна.

– А иногда и сдачи давать.

– Толерантность определяет устойчивость личности в обществе.

– Меня всему этому в девять лет за один вечер в приёмной семье научили, – сказала Лена.

– Талант! – отреагировала Инна.

– А если возникают конфликты интересов? – спросила Аня.

– Они всегда присутствуют. Не надо обострять ситуацию. В детстве, чтобы победить поднимающуюся к себе жалость, я думала о хороших людях, которым еще хуже, чем мне, а когда злилась – то о плохих. Огонь огнём побеждала, – объяснила Жанна.

Что-то похожее на улыбку тронуло пухлые губы Лены. Себя видно маленькой вспомнила и сравнила.

– ...О, это нечто! Ну-ну, поучи нас. Я о мужчинах. Некоторые из них слишком поздно умнеют и рано глупеют, – горько пошутила Инна.

– Сакраментальная фраза, – неодобрительно буркнула Жанна. *(Что она вложила в эти слова, не извратила ли их смысл в угоду своему настроению?)*

– И как же надо изловчиться, чтобы не угодить в непредсказуемость?

– ...Любовь по сути своей трагична уже хотя бы потому, что слишком мала вероятность найти человеку свою половинку, – сказала Инна. – И это касается не только однолюбков.

– Кто-то сказал, что мы живём только тогда, когда счастливы. Тогда я младенец, – хихикнула Аня. – Хотя смотря что принимать за счастье. А если любимую работу?

– ...Куда там нашим предкам до современных заморочек. Им и не снились проблемы... которые мы сами себе создаем. Они проще на вещи смотрели. Это хорошо или плохо?

– Не хотела бы я в тот домострой. Там мужчина-кормилец

семью в кулаке держал, – ответила Жанне Аня.

– ... Женщины тоже разные бывают. Кого ум, кого тело заботит. Наша буфетчица на мужа своей беременной подружки глаз положила, мол, силен мужик! «Так он же тупой!» – удивилась я. «Он что, мне в постели лекции будет читать?» – расхохоталась та мне в лицо.

Аня обидчиво вздохнула.

– А мы своё идиотское благородство тешили. Епитимью наложили на... Да разве мы против телесных утех? Если их можно назвать таковыми... – Инна скрежетом зубов сопроводила своё язвительное замечание.

«Опять... Это уже патология. Болезнь или всё-таки прошлые обиды?» – поежилась Лена.

– А второй Ритин муж каким был? Она не жаловалась? – спросила Жанна у Ани.

– Как говорится: ни то ни сё, ни два, ни полтора.

– Слышала, добрый был.

– К больному месту можно прикладывать. Ни вреда, ни пользы от него, ни тепла ни холода. Я вот тут подумала: если женщина сама себя во всем обслуживает, зачем ей тогда мужчина нужен? Тепла, заботы, ласки и уважения хочет? А их-то как раз и нет. Жена о муже заботится, а он, мало на что способный, еще и изменяет, пытаюсь повысить самооценку, в семье ведет себя как последний скот. Какой уж там обмен чувств и мыслей, откуда быть взаимопониманию? Не помню,

кто из великих сказал, что можно представить мир из одних женщин, но нельзя вообразить его состоящим из одних мужчин.

– Читала я об альбатросах. Оказывается, когда в их колониях не хватает особей мужского пола, эти птицы заводят однополые семьи, потому что одной птице в жестоких условиях мест их обитания невозможно высидеть и выкормить детеныша. И таких семей у альбатросов доходит до тридцати процентов. Так они решают демографические проблемы. Да минует наших внушек чаша сия, – обратила глаза к потолку Жанна.

– И в дикой природе все на «женщинах» держится! Какая честь в призвании быть женщиной! – усмехнулась Инна. – Я вот опять про религиозных отшельников подумала: им много легче жилось, чем женщинам в миру. Тем святошам нервы никто не мотал, жить спокойно не мешал. Не тяжела скудная жизнь тела, трудно ежедневно сердце рвать ради близких. Так кто же в большей степени святой мученик? – спросила Инна, разглядывая на потолке узор из трещин.

– Отшельники страдали во имя Бога, Ему свою жизнь посвящали, – пояснила Жанна.

– А женщины страдают во имя жизни на Земле. Если людей не будет, кто станет взывать к Богу, кому Он будет нужен? – резонно возразила Инна.

– Ну, это уж даже для тебя чересчур, явный перебор, – испугалась Жанна. Кровь отлила от её лица.

– О подвигах женщин, растящих детей без мужей, никто не задумывается, а отшельников-философов пиарят на весь мир. Они хотели быть мучениками, а женщины страдают по необходимости, от безысходности.

– Только при плохих мужьях, – уточнила Жанна.

– А вдруг отшельники не столько о Боге думали, сколько тешили себя избранностью, на которую сами себя обрекли? – спросила Инна.

– Вечно ты все портишь. Нет в тебе ничего святого. Они мировые проблемы решали. Для нас старались.

– Расстарались! Вот я и пытаюсь их понять, варианты перебираю, – объяснила Инна.

– А ты их размышления почитай, может, скорее дойдёт, – посоветовала Жанна.

– Я вам вот что доложу, дорогие мои: «Горе и счастье в мироздании соединены намертво. Только достаются они всем в разных пропорциях, в разных долях», – сказала Аня и будто грустный итог спора подвела.

– ...Мне всегда нравилась Эмма. В ней чувствовалась внутренняя наполненность, которую она не выплескивала понапрасну. Её молчание обезоруживало, и я готова была что угодно делать, только бы разрушить эту её отстранённость, которая была результатом ума и скромности, но не высокомерия, – поведала подругам Аня.

Лена с Инной понимающе переглянулись.

«В их внешне несентиментальной дружбе, по-видимому, куда больше тепла и нежности, чем я предполагала», – подумала в этот момент Жанна.

– Эмма была для Фёдора недосягаемой, и этот фактор только осложнял её жизнь. Он слишком болезненно воспринимал ее превосходство и платил ей ненавистью и изменами. И нечего впадать в заблуждение. Ещё Толстой говорил, что разумное и нравственное всегда совпадают.

– И Гончаров утверждал, что великая любовь неразлучна с глубоким умом, и широта ума равняется глубине сердца. Эммины любовь и ум оказались для Фёдора непосильным грузом, – подтвердила Инна мысль Ани и продолжила рассуждать:

– Помните, в наши студенческие годы в журнале «Наука и жизнь» появилась статья об умственных способностях мужчин и женщин. Нас тогда поразили неожиданный вывод ученых о том, что средний уровень умственных способностей у женщин выше, чем у мужчин. Но второй вывод несколько не удивил. «Талантливость отдельных особо одаренных индивидов мужского пола бывает намного выше талантливости отдельных женских особей из той же категории».

– Я не открою вам большой тайны, если скажу, что женщины порядочнее и утонченнее, – отметила Жанна.

– Только концепцию святости женского начала, преподнесенную в первоисточниках Библии, мужчины предпочитают умышленно замалчивать вот уже на протяжении многих ве-

ков. И что-то мне подсказывает, не напрасно. Ведь женское господство черпает силу в своей природе. Оно основывается на главных функциях – деторождении и воспитании, а не на особенном уме. – Конечно же, это было Иннино замечание.

Аня энергично закивала в знак согласия. Лена дипломатично промолчала. Наверное, устала и не захотела поддерживать мало изученную ею тему. А Инна подумала о Жанне надменно и брезгливо: «Ей, как никому другому, известны все главные религиозные истины. Чего только стоит теория катаклизмов на планете! «В небо улетают души и плохих, и хороших умерших людей. Когда плохих скапливается слишком много, они начинают преобладать, тогда-то и начинается происходить изменение климата и прочие катаклизмы». Как в ней могут уживаться два таких разных человека: один умный, другой дремучий? Идиотизм!

А ведь если задуматься, никто из нас по-настоящему серьёзно и крупно себя в физике не проявил, хотя учились в основном лучше мальчишек. То непутевые мужья, то дети, то бесчисленные домашние заботы забивали нам головы. Если только Алла... Небезуспешно занималась наукой, но заслуга в том Александра. Он создавал ей условия. Алла ни на секунду не пожалела, что когда-то выбрала его себе в мужья. И у него этот вопрос не стоял. Но она тоже далеко не Эйнштейн, хотя ее успехи могут поспорить с заслугами многих ее коллег-мужчин.

Ещё Лена. У неё докторская на подходе, но она увлеклась

писательством. На данном этапе развития нашего общества она в защите смысла не видит. Вузы разваливаются... Кто-то сказал, что не надо бояться золотой середины. Именно на этой территории происходит чаще всего самое главное. На нас, трудягах, многое держится. Но что мы без гениев? А есть ли они среди наших мальчишек?»

– Смотря что под умом понимать. Вот Фёдор вроде бы неглупый, а что творил? – сказала Аня.

– Его поведение – скорее всего функция воспитания, а не ума. Тогда, в шестидесятых, ученые исследовали способность к восприятию научной информации, а не моральные качества «подопытных», – пояснила Инна.

«Высокий градус встречи!.. Перемалывают одно и то же, как старухи-вековухи корку беззубым шамкающим ртом». – Лена досадливо потерла себе ноющие виски.

«Ленка равнодушна к обсуждаемым нами проблемам? – заметив ее полное безразличие к спору, подумала Жанна. – Почему? Больна, устала? Я слышала от своего выпускника, Лениного нынешнего студента, что у нее прекрасная репутация: умная, человечная, на редкость разумная и справедливая. Увиделась я с ним мельком, но он успел пару раз упомянуть о ней с восторгом. Такая оценка любому педагогу пришла бы по вкусу».

– И все же неразумно всю жизнь запальчиво сводить с мужчинами счеты, безостановочно бросаться злыми, необузданными словами, лелеять обиды. Мудрость состоит в том,

чтобы попусту не растрачивать свои силы. Общение – это тоже творчество и одна из возможностей сохранить или развить себя как личность. Конечно, прожить, хоть раз не покрывив душой, ни у кого не получается, и даже не по причине трусости, а, допустим, из жалости к кому-то... Хотя и по этому пункту я готова сколько угодно воевать, – вернулась к началу спора Жанна.

«Надо же, не забыла, с чего мы начинали разговор! Куда как богата христианскими проповедями! Прямо напичкана ими. Учить вздумала. Себя и нас несет во тьму невежества. Святоша. Какая спокойная безмятежность в ее глазах! Хочет снискать всеобщее одобрение? – раздраженно подумала Инна и в ту же минуту внезапно почувствовала лежащую между самой собой и Жанной бездонную пропасть. Ей вдруг показалось, будто их ничто никогда не связывало. – Кое в чем она, конечно, права, но едва ли я смогу с нею примириться. Ох и врежу я ей сейчас! Не позволю разнежиться, позабавлюсь, раз уж под руку попалась... Слышала бы сейчас мои мысли Лена!».

Инна даже не попыталась преодолеть постыдную неприязнь. Вся ее измученная лекарствами и бессонной ночью натура противилась этому.

– У моей знакомой дочь вышла за офицера лет на двадцать старше. Так вот, когда она спросила у мужа, почему мы только раз в неделю э т и м занимаемся, он ответил, что бережет ее. Ну и поохотали мы с подругами, когда она ушла!

А потом пожалели ее, потому что дал ей боже, что никому негоже. Если мне не изменяет память, расцвет женской чувственности приходится на тридцать пять-сорок лет. О чем муж тогда ей станет петь? Не зря же говорится в Библии: «И тому Всевышний дал, кто себе ровню взял».

– А если не досталось? А может, эти слова о материальном положении? – Это Аня сказала, но в душе ахнула: «Вот дрянь! И как у Инки язык повернулся такое сказать при Жанне? Нарочно жалит?»

– Мой Коля никогда не дал мне повода разочароваться в нем. У нас с ним неразрывная кармическая связь, – с напускной томностью в лице и голосе заверила Жанна. – Видно, на роду у нас было написано держаться друг друга.

– И отпали все сомнения! – усмехнулась Инна. – И в твоей жизни нет событий, за которые тебе было бы стыдно?

– Стыдно за то, что у меня хватило ума найти человека, которым бы гордились мои дети?

«Ее потребности ниже, чем возможности, поэтому она чувствует себя счастливой, – неодобрительно, но с долей зависти подумала Инна, а вслух заметила ядовито:

– А я не признавала за ним особых качеств. Но я понимаю: разница в возрасте способствует устойчивости брака.

Конечно, Жанна сделала вид, что пуля пролетела мимо. Инне не хватило ее умышленно поднятых к потолку безразличных глаз, и она продолжила нападать.

– Кармическая связь! Какое откровение! А я думала, что

вы давно справляете поминки по ушедшей любви. Всё когда-то кончается. И тогда ищи-свищи счастья как ветра в поле. И это уже далеко не именины сердца, – приснула она в ладошку. – Помнишь, Марго говорила: «Нет платья – купи, нет брильянтов – возьми на прокат. Молодого любовника заведи – пусть враги завидуют! Вот так надо жить, а не проки-сать». Кому нужны строгие, скучные и опрокинутые физиономии супругов? Надо быть выше мелочей. Мозгами надо шевелить. Что, не хватает задора? Думаешь, это удел молодых? А ты отчебучь что-нибудь этакое – и сразу почувствуешь свежий вкус жизни! Она заиграет новыми красками. Поверь, я со своим предложением не оригинальна.

Инна дерзила. Инна дразнила.

– Разделала под орех. Пугачеву и Бабкину вспомнила? А нам на какие шиши разговляться? Впрочем, ты права. Можно попробовать. Чем черт не шутит? – вместо того, чтобы обидеться, шутливо подыграла ей Жанна.

«Наверное, не впервой ей отражать подобные атаки, вот и приспособилась», – решила Инна, не получив полного удовольствия от попытки разозлить напыщенную Жанну. Но продолжила уже более миролюбиво:

– Современная женщина даже в браке должна чувствовать себя независимой и надеяться только на себя.

«Прямая резкая манера общения Инны, на мой взгляд, говорит об уверенности в себе и, пожалуй, еще о честности. Ее мало заботят условности. С какой шикарной непринужден-

ностью держится! – в который раз позавидовала ей Аня. А вслух сказала трагически-шутливым голосом:

– Так и умру, не разрешив для себя ни одну из мучающих меня проблем. Только приумножаю заблуждения. Я зануда?

«В который раз Аня принимается наводить порядок в чужих и в своих мыслях и желаниях?! Когда в своей личной жизни не все ладно, хочется поговорить о проблемах подруг? Уж одно то хорошо, что хоть...» – Сон опять мгновенно окутал и поглотил Лену, не позволив довести до конца вяло проплывающую мысль.

Аня заговорила, как всегда, грустно и задумчиво:

– Вышла года три назад дочка моей коллеги замуж за какого-то тощего, длинного, нескладного мужчину из ближнего зарубежья. Мы все недоумевали и втайне сочувствовали ей, мол, ничего не поделаешь, женщине под сорок, второй брак. Да еще с ребенком от первого мужа. Но как-то забегает она к нам такая веселая, похорошевшая. О работе заговорили. Время-то, сами понимаете, трудное. А она вдруг этак горделиво говорит: «Муж не позволяет мне заниматься подработками, считает, что я должна оставаться женщиной и не брать на себя мужскую обязанность содержать семью».

Представляете, как у нас у всех челюсти отвисли, как мы ей позавидовали! Некоторые не поверили ее словам. И вот как-то раз иду я из детдома через парк, смотрю, какой-то мужчина с грудным ребеночком возится: коляску качает, пе-

сенку бубнит. Со спины я его не узнала. Малышка заплакала. Отец взял ее на руки, прижал нежно к груди и стал осторожно покачивать. Боже мой, с каким обожанием и лаской он смотрел на свою крошку! Никогда я не видела во взгляде мужчины столько любви и благоговения. Даже его согнутая спина и закруглившиеся гнездышком плечи и руки выразительно говорили о его нежной заботливости. У меня на глазах выступили слезы счастья. Повезло-то как обеим!

Но Инна по-своему поняла рассказ Ани:

– На Востоке говорят, что муж в семье главный, а на самом деле это далеко не так. Лена, ты помнишь Светлану Ким? Лучшего отца мне не приходилось видеть. Жили очень скромно, но сколько любви и нежности получали в их семье дети! Какие они все были дружные и доброжелательные! В этом я прежде всего видела интеллигентность их родителей.

Аня пошутила:

– Бывают градообразующие предприятия, а бывают прекрасные

«семьеобразующие» мужчины.

– Многие мужчины в компании любят говорить только о работе и развлечениях. Они словно стесняются своего отцовства. Дети отдельно, они отдельно. Менталитет, что ли, у них такой? – спросила Аня.

– Пусть не говорят, главное, чтобы на деле были настоящими отцами, – сказала Жанна. – Мой второй зять стесня-

ется с маленьким ребенком выходить гулять. Мол, подрастет, тогда и займусь воспитанием. Что-то не верится. Я слышала, что отцовские чувства у многих мужчин просыпаются к рождению третьего, а то и четвертого ребенка. А в наших семьях детей – один-два.

– У кого этого чувства «в заначке» нет, так и дюжина детей его не проклюнет. Отговорку придумали, – возмутилась Инна.

– Я думаю, причина здесь другая, – возразила Аня. – Рядом с малышом мужчина чувствует себя некомпетентным, неловким, неуверенным. А слушать советы и указания жены не желает. Боится уронить себя. И вместо того чтобы учиться, он, как это принято у многих мужчин, превратно воспринимающих и даже извращающих понятие мужского достоинства, избегает общения с ребенком.

– Так в основе этого понимания как раз и лежит лень, стремление избежать лишней нагрузки, получить больше свободы, – продолжила настаивать на своем Инна. – Лена, а твой сынок какой?

– Во всем очень старается для семьи. Гордится сыном и женой. Это дает ему силы воевать с проблемами, которых, сами знаете, сейчас предостаточно.

Человека надо учить быть хорошим. Я не старалась ограждать Андрея от трудностей, если и опекала, то ненавязчиво. Заботой тоже можно замучить так, что человек не захочет дышать с тобой одним воздухом. До смерти можно «залю-

бить», – ответила Лена.

«Лена и Эмма одинаково серьезно относятся к вопросу воспитания детей, хотя это по-разному отразилось на их семейном положении. Дети, а не карьера – главное в их жизни», – решила Инна.

– ...Кошунством было покушаться на любовь, – возмутилась Жанна.

– Истинно по-русски, – хмыкнула Инна.

– Погоди с критикой, дыши глубже. Что в этом русского?

– Абсурд – вот что.

– Опять наших мужчин ругаешь. У дочки моей подруги муж француз, так он ничем не лучше Федора. Везде есть и хорошие, и плохие, – сказала Жанна.

– Мы сами построили мир никудышных мужчин, – заметила Лена. – Каких воспитываем, таких и получаем.

– Тут я полностью на твоей стороне, – поддакнула Жанна.

– А мужчины, как всегда, ни при чем? И объективные причины, и гены тоже? И государство? – не согласилась Инна. – В Чехословакии еще в шестидесятые годы перед женитьбой пары проходили собеседование на совместимость и всякие анализы сдавали, чтобы у супругов потом не было претензий друг к другу по здоровью. Культура! Я за свои слова отвечаю. Галка, когда за чеха замуж вышла, много чего рассказывала мне об их обустроенном быте.

– Я вины мужчин не отрицаю. Когда я говорю «мы» – это

означает все мы, – пояснила Лена.

– А мы в семидесятые верили в гороскопы, в восьмидесятые и девяностые – предсказаниям компьютерных свах, – рассмеялась Аня, – а теперь надеемся на модный свадебный контракт.

31

– В наших неудачных мужчинах больше эгоизма или глупости? С моими родственниками шокирующий случай произошел. Умерла жена. Старый муж категорически отказался переехать к детям. Сказал: «Сам справляюсь. Свободы хочу. Я еще ого-го!» Внукам бы задуматься над жеребьячьими наклонностями деда, а они только посмеялись. Подумали, что он говорит о способности позаботиться о себе. Так вот за этим дедом стала «ухаживать» соседка, лет так чуть-чуть за сорок. В любви ему объяснялась, мол, ты такой распрекрасный мужчина! И незадолго до смерти он переписал на нее свою четырехкомнатную квартиру в центре города. Вся полностью ей отошла. А у деда четверо правнуков. Разве его жена в подобной ситуации могла бы так поступить? Помню, я смотрела на него с выражением обалделой гадливости и думала: «Наверное, умным и порядочным себя считает», – поведала подругам печальную историю Жанна.

– Разные люди за удовольствие готовы платить разную цену. За одну ночь с царицей Клеопатрой мужчины жизнь от-

давали, – заметила Аня.

– А она им головы рубила. Знать, недостойны были ее... тела, – ухмыльнулась Инна. – Правда, по легенде, там еще и другая причина имелась. Ее кривые волосатые ноги... или даже копыта. Или это у царицы Савской? Она подняла юбку, чтобы не замочить... Вот ведь склероз чертов! Нет, всё-таки у Савской! – твёрдо сказала Инна.

– Один мой коллега заявил, что нет таких вершин добродетели, которые мужчина не отдал бы за обладание женщиной. Что уж говорить о деньгах и других материальных ценностях, если родина и семья по боку. А мы о какой-то там их порядочности мечтаем. Видно, и у того старикашки так и не выветрилась из башки необоснованная чванливая гордыня по поводу своих сексуальных возможностей. Как легко ловить мужиков на их глупость! Наверное, поэтому в Китае говорят, что нет дурака хуже старика, – сказала Аня.

– Факт. Та соседка сделала ставку на простодушие деда. Он же ни на минуту не усомнился в правдивости ее слов, не почувствовал никакого подвоха. А она носилась с ним как с писаной торбой. Как же, квартира, которую она «готовила» для своего сына, стоила того! – насмешливо продолжила рассказ Жанна.

– Скорее, на старческий маразм поставила. Именно он оказывает неопределимую услугу некоторым особам, у которых возникает соблазн использовать старичка в своем не совсем этичном деянии, в обмане, – рассмеялась Инна. – Сколько

лет старику было?

– Девяносто. Соседка по возрасту приходилась ему внучкой.

– Вот видишь.

– Но он крепкий был, кряжистый как дуб.

– За год соседка на тот свет дурачка спровадила?

– Точно.

– Колобок тоже на глупости погорел, вернее на лести. Лиса знала, что делала. Досконально изучила мужскую хвастливую природу. «Я от волка ушёл, я от медведя ушёл...» Чего на слова жадничать, если такая выгода, – рассмеялась Инна.

– Я считаю, что родственники имеют право оспорить завещание. Вердикт его не окончательный. У них еще не все потеряно. Пусть идут в суд, – горячо откликнулась Аня.

– Пытаются отсудить. Не знаю, удастся ли. Надеюсь, их усилия будут потрачены не впустую, – вздохнула Жанна.

– Подскажи им, пусть не сомневаются в правомерности своих действий, и тогда у них всё получится.

– В таких делах без подводных камней не обходится. Сколько проигранных дел! Суд. Поражение в правах. Слезы.

– Без знания законов не удастся им обойти ушлую соседку, – заметила Инна.

– То не продумали, то не предусмотрели, тут не знали намерений... Казалось бы, все должно идти как по писанному, а возникают осложнения, вмешиваются сторонние силы, взятки. И тогда вспоминается английская пословица: «Не

тревожьте спящую собаку», – мрачно прокомментировала ситуацию Жанна.

– И такое случается. У моей соседки после суда дачу спалили. Ни себе, ни людям. А ведь я им предсказывала возможность такого исхода. Семейка у тех претендентов не дай бог какая была... – как всегда привела грустный пример из жизни своих знакомых Аня. – У моих друзей в деревне дальняя родственница жила, пенсионерка. Великая труженица: дом, сад, огромный огород в порядке содержала. Когда она умерла, мужу её семьдесят лет было. Так он тоже всё на новую жену переписал, а через год на тот свет отправился, хотя ничто не предвещало его скорого ухода.

– Говорят, в детстве мы вверх и вширь растем, а с возрастом – внутрь. Мудреем, – пошутила Жанна.

– Мудрость не непременно атрибут старости. Она удел тех, кто смолоду ум имел, – возразила Инна.

– Не старика труд был вложен в их хозяйство, вот он и не ценил его. Видимо, ни детей, ни внуков не нянчил. Кроме работы на производстве или в колхозе ничего не знал, потому и не грозила ему опасность впасть в добропорядочность. У него от другого эйфория была. Как же, молодая баба на него позарилась! Хвалит, ласкает.

– Старики, как дети, склонны верить в небылицы, – рассмеялась Инна.

– А того, дурак, не хотел понять, что его крепкая хата ей приглянулась. Она заранее почву прощупала, все вызнала,

выяснила, – закончила свой рассказ Аня.

– И таких стариков не так уж мало.

– Имя им легион! И этот факт нельзя обойти молчанием, – рассмеялась Инна и оглянулась на дверь. Не разбудила ли Киру?

– Спит без задних... – успокоила ее Жанна.

– Когда люди много лет живут вместе – даже если хорошо, – у них в головах все равно накапливается как положительная, так и отрицательная информация. А с новой женщиной поначалу всё прекрасно, у них нет общего прошлого, она перед ним ни в чем не виновата, и он перед ней тоже, им не в чем друг друга упрекать, нет причин для ссор. Молодوخа только оды мужчине «поет», тем более если обхаживает его с какой-то определенной меркантильной целью. Им легко и просто. Мужчина счастлив. У него в душе эйфория, рай! Он готов ей весь мир подарить, не то что квартиру, – объяснила Лена.

– А подумать уже мозгов не хватает? – сердито пробурчала Аня. – А как же притупление яркости чувств с возрастом? Если только отдельные редкие вспышки?.. Или все оставшиеся эмоции у них только на одно направлены?.. Женщины таких глупостей не совершают. У них и в старости дети на первом месте.

– У меня тоже есть своя теория, объясняющая почему пожилые люди позволяют себя обманывать, – сказала Инна. – Я это поняла только после тяжелой болезни. Бывало, в боль-

нице что-то скажет врач, а мне не влет, как раньше, доходит, а много позже. Потом, слава богу, все нормализовалось. Старики не глупые. Просто у них сильно тормозится процесс мышления, оттого что возникает достаточно длительное запаздывание сигнала ответной реакции. Чтобы принять решение, им нужно гораздо больше времени, чем в молодые годы. Они «на досуге», не торопясь, должны обдумать то, что им предлагается. А мошенники, как правило, действуют стремительным напором, строят свой расчет на внезапности. Выманят обманом у какой-нибудь старушки деньги, а через некоторое время она опомнится, поразмыслит и бежит в милицию. У стариков этакая очаровательная эксцентричная заторможенность памяти. Они как бы не совсем от мира сего. Их угнетает только физическая немощь.

– Но дед не сразу отдал квартиру? Его долго обхаживали, – возразила Аня.

– Претендентка на квартиру, как правило, ни на день не выпускает жертву из поля своего зрения, непрерывно назойливо, настырно долбит, зомбирует её своими бесконечными ласковыми разговорами, не позволяя думать ни о чем, кроме как о «счастье» их совместной жизни. Моя подруга каждые выходные приезжала к своему старенькому дядюшке прополаскивать мозги и тем самым сберегла своей дочери квартиру в Москве.

– И молодых мужиков некоторые женщины таким же манером добиваются, – заметила Жанна.

– Глупых или самовлюбленных. Самостоятельный мужчина умную голову на плечах имеет, а не резонатор лести, – сказала, как отрезала, Инна.

– Современные учёные-биологи и физиологи говорят, что женщины более развиты и что они во многом лучше мужчин. Они – чудо, венец творения Природы. Заметьте, так считают биологи-мужчины! Они утверждают, что Природа над женщиной больше поработала, приспособивая ее к жизни на Земле в связи с ее функцией деторождения. У неё изменилось строение костей таза, перестроился кровобмен и многое другое. А мужчины остались почти такими, какими были «в шкуре обезьяны» или ещё какого-нибудь животного.

– Аня, тут я готова стать под твои знамена! Я сама слышала, как телеведущий Сагалаев говорил, что мужчинам надо подтягиваться до уровня женщин. А другие утверждали что мужчинам надо вернуть утраченные качества, но они к этому не готовы, потому что идут по пути наименьшего сопротивления.

Жанна вспомнила:

– В школе мальчишки утверждали, что природа экспериментирует на мужчинах, а женщины только закрепляют полученные качества в детях. «Вы говорите о качествах типа пьянства и курения? Так лучше бы их не возникало в природе человека», – возмущенно парировала я.

– Хорошо, если человек произошёл от гордой благородной лошади, а если от злющего-презлющего дикого кабана.

Его гены ближе к нашим, человеческим, – рассмеялась Инна.

– А как же то, что Бог создал женщину из ребра мужчины? – почти всерьёз спросила Аня, обращаясь к Жанне.

– Он понял, что первый опыт оказался не очень удачным и, создавая женщину, учёл свои ошибки, – ответила Инна со строгим лицом. Но искорки в глазах выдавали ее еле скрытый смех.

– Вот объясните мне, пожалуйста, такой парадокс: дочь моей подруги, живя в гражданском браке, умудряется заставлять своего мужчину покупать ей шубы и машины, а её сестра на нуле, даже в минусах. Потому что она замужем? Или у нее характера не хватает воевать с мужем? Пока он её добивался – когда она была его возлюбленная, – он проходу ей не давал, делал широкие жесты, дарил подарки, но как только женился, сразу сделался сквалыгой. Женщина ведь не изменилась. Отчего это зависит? Как научиться раскалывать мужчин? – Конечно, этими вопросами Аня озаботилась.

– Наука эта не из лёгких и не всем по зубам, – сказала Жанна.

– Знать бы, где её преподают и кто наставники.

– Знать бы дорогу в земной рай, – скривилась Инна.

– Больше требовать от мужа, чаще о себе напоминать, провоцировать, демонстрировать свою значимость и незаменимость, ничего не спускать, быть то стервой, то кошечкой? – спросила Аня. – Есть в моём коллективе одна такая

дамочка. Хвалилась, что превратила жизнь мужа в постоянный полёт, в стремление вверх. И ему это нравится! Он добивается всего, чего она хочет, потому что чувствует себя настоящим мужчиной. Только ведь на некоторых мужиках не больно-то прокатаешься. Неистребимое упрямство или лень – их главные качества. Возьми хоть Фёдора. Ничто, касающееся семьи, не находит в его душе отклика. Чем такого расшевелишь?

– Федька о семье не беспокоится, он переживает за все человечество! – рассмеялась Инна.

– Все индивидуально. Никаких закономерностей, – задумчиво произнесла Жанна, отвечая на вопросы Ани. – Ценить себя надо, но помнить, что любовь – не подарки. Это когда двое как сообщающиеся сосуды.

– А ведь и правда, у нас, у большинства женщин, элементарная бытовая нетребовательность к себе, к своим желаниям. Нас никто никогда не баловал. А уж о взаимопроникновении... – как-то нехотя, печально подтвердила Аня и глубоко задумалась.

«Не поздно ли?» – хмыкнула про себя Инна.

– Ой, девчонки, что мне Эмма недавно рассказала! С ума сойти можно, – воскликнула Инна. – Я сначала расхохоталась от странности и неожиданности ситуации, а потом чуть не разревелась от злости. Представляете, как-то Эмма плохо спала ночью – вечером они поссорились с Федькой, – а

утром он, собираясь на рыбалку, чем-то ее зацепил, обидел. Я не уточняла чем. Она разнервничалась и напонила мужу о его недавних грешках.

Погулявши на свежем воздухе в хорошей компании, вернулся Федька домой веселый, хоть ничего не поймал. Эмма весь день больная пролежала, но он даже не спросил, как ее самочувствие. А когда она упрекнула его в невнимательности, он вдруг заявил, что ждал, когда она перед ним извинится за то, что испортила ему настроение перед рыбалкой. Обескураженная, Эмма чуть язык не проглотила от изумления. А опомнившись, сказала мужу: «Сколько же извинений я должна выслушать от тебя за тридцать лет унижений и оскорблений? Я извинюсь, но только после тебя! Я-то заслуженно тебя упрекнула. Моя болезненная вспышка – результат твоей жестокости. Каким же надо быть эгоистом, чтобы прощать себе всё что угодно и не простить жене нервную вспышку, вызванную твоим же гадким поведением?»

Ох, как же я, девчонки, взбесилась! А позже подумала:

«Взбунтовалось его... оскорбленное бесчувствие, его страдание... к самому себе! Видела я много подлых людей, но чтобы такое... чтобы жена извинялась перед мужем за его же издевательства?.. Вот чем заканчиваются отношения в семье, если стелешь перед подонком свою жизнь как ковровую дорожку!»

Это была моя горько-солёная издевка ещё и над своей собственной жизнью.

«А с Феде что с гуся вода, – продолжала рассказывать мне Эмма. – Он «сел» на телефон и «висел» на нём до самого ужина. Я могла бы попытаться принудить его извиниться, но мне хотелось, чтобы он сделал это по собственному желанию, а не по указке, чтобы это вышло у него естественно, от души... Только откуда быть его доброму желанию?.. Вот и живу, стараясь заглушать в себе боль обид. Боже мой, как хочется доброты сильного порядочного человека, чтобы не губили душевные невзгоды!..

Я подозреваю, что Федя продолжает встречаться с той прилипчивой женщиной. Не может он без её лживых веле-речивых излияний. И дома он, часами не слезая с телефона, «журчит» с кем-то. По несколько раз на дню закрывается в своей комнате. Я делаю вид, что ничего не замечаю. А что я могу предпринять? Когда меня не станет – а я чувствую, что уйду раньше, – та женщина заморочит ему голову и он оставит детей без помощи. Она, словно опытный кукловод, будет дергать за нужные ниточки – его слабости, – заставляя думать, что он сам всё решает. Он даже не осознает себя побежденным. Напротив, сочтёт хозяином положения, победителем, полководцем! А потом она в царство мёртвых его отправит, как поступила с бывшим мужем, когда тот развелся с нею, узнав о её «личной» жизни, и тем самым подписал себе смертный приговор.

Хочу сходить на консультацию к юристу посоветоваться,

что можно предпринять, чтобы эта проститутка не оставила наших детей хотя бы без жилья. Я узнала, что на ней уже три квартиры числятся. Может, её хобби обирать мужчин?».

«Не удивлюсь, если ты окажешься права. Федька всю жизнь был захребетником, – сказала я Эмме. – Та женщина целенаправленно пасёт его, не понимая, что хорош он только вне семьи. Женившись, он останется деспотом. Если, конечно, она его не переупрямит и не переориентирует. Хотя в этом возрасте...»

«Как пить дать переформатирует, и комар носа не подточит. Не удивлюсь, если узнаю, что та шлюшка или ещё какая-то из них – ведь он всем объяснялся в любви! – каждый день поет моему мужу: «Вот умрёт твоя жена и остаток жизни ты проведёшь рядом с любимой женщиной». Наверняка упорно приучает его к этой мысли. Иногда она вызывает у меня тайную симпатию. Пусть бы захомутала и припахала. Дураков надо учить. Если надоело жить на всём готовеньком, пускай на старости лет повкальывает на эту стервозную тётку, раз чёрт его сподобил к тому», – сказала мне Эмма.

«А ты реши для себя: чего больше в твоей жизни – обретения или потерь? И делай выводы», – ответила я.

«Какие? Как отбить у Фёдора охоту к подобным выходкам? Я виду не подаю, но меня изматывает и опустошает бешеная свистопляска обидчиво-ревнивых мыслей. Он отклоняет любое моё предложение, ведущее к нашему сближению. Может, он до сих пор держит её сторону и потекает только

её прихотям? Или я мнительной стала?.. Чтобы я ни придумала, он сухо отвечает: поступай, как сочтешь нужным, и не принимает участия. Он холодный и неприступный, как айсберг. Я так устаю, что порой уже не хочется любой ценой вырывать его из рук этой непорядочной женщины, да и у других, которые появились уже после нее или были одновременно... – горько воскликнула Эмма. – Откуда в нём такая несамостоятельность, откуда двуличие, коварная лживость? От матери, любовниц? Их подлая школа. Обычно красивые мужчины ведут себя как капризные женщины, а он внешне заурядный. Да и внутренне... Опять деньги?»

«Всё у него в голове перевернуто. Замужнюю шлюшку считает порядочной женщиной, верной женой пренебрегает. Как так можно? Лесть у него над всем, она правит бал?.. – удивляясь, говорила я Эмме. – Какая странная метаморфоза происходит с человеком, когда он возомнит о себе слишком много. Отсюда распушенность, смелость, приводящая к подлости и жестокости. Может, они существовали в Федьке всегда, но до поры до времени не были востребованы?.. И все же эгоизм лежит в основе Федькиного поведения.

Помню, разведясь, заинтересовалась моя подруга холостым мужчиной лет пятидесяти. В юности она ему очень нравилась. Стала оказывать ему знаки внимания. Он с удовольствием их принимал. И даже потянулся к ней. Но у него даже не мелькнуло в голове, что он тоже ответно должен как-то себя проявлять, что-то предпринимать, делать ей приятное.

И она поняла, почему её знакомый не женат. Он умел только брать и получать. Со временем он превратился в женщину в худшем её варианте. Вот и Федька такой же эгоист. Но у него есть нянька», – ответила я Эмме.

Наступила тягостная тишина. Рассуждения Инны потрясли всех. Даже сдержанная Лена заерзала, сразу не найдя что сказать.

– Мне трудно подобрать иное название всеобъемлющему эгоизму. Как чувствует себя человек, знающий, что есть в людях такие качества, как сострадание, чувство вины, но не находящий их в себе? – задала вопрос Аня.

– Если бы все их имели, то люди жили бы иначе.

И на планете воцарился бы вечный мир и согласие! – усмехнулась Жанна. – Но каждый живёт под музыку своего сердца.

– А некоторые абсолютно глухи к музыке сердец людей, с которыми живут бок о бок, – вздохнула Аня. – Какая яркая трактовка поведения Фёдора! Но мы изучили только один узкий спектр его характера. А что произойдёт, если углубимся в его душу?

– Лоб разобьём, потому что там мелко, – рассмеялась Инна. – Мы сделали из квартиры Киры поле битвы с мужским эгоизмом, а если бы превратили её в арену цирка, было бы куда веселей.

– Может, прекратим переходить на личности? Давайте пе-

реводить энергию неравнодушных людей в творчество или станем вникать в неразрешимые мировые проблемы, – пошутила Жанна.

– Хотя бы политику оставьте мужчинам, – улыbnулась Лена.

– Они и так ею занимаются. И если уж быть до конца честными: часто довольно бездарно.

– Потому что без нашего догляда? Но если мир еще не рухнул, значит, пока справляются, – не поддержала мнение Инны Жанна, хотя тоже крепко завязла в ироническом настрое.

«Девчонки не только не стремятся уйти от неприятной темы, но, наоборот, рады сразиться с ней. Садомазохизм какой-то. Да и не ко времени эти дебаты». Пытаясь переключить внимание подруг на что-то доброе, Лена заговорила об одном своём друге, профессоре.

– Ой, расскажи подробней. Ты любишь его? – защебетала Жанна. И посмотрела так, как смотрит мама на первый раз накрашившуюся дочь. Нет, на впервые вернувшуюся под утро.

«Она не была бы истинной женщиной, если бы не полюбопытствовала, что именно связывает меня с профессором. А Инна даже причмокнула бы от удовольствия, предвкушая пикантную историю. Но она её уже знает», – усмехнулась Лена.

– Возможно, тебе это покажется странным, но между на-

ми ничего такого нет. Я уважаю его. Меня восхищает в нём редчайшее сочетание разносторонней талантливости, удивительной порядочности и отличных внешних данных. Он вырастил прекрасного сына – он теперь живёт в Италии, – много лет ухаживает за больной женой. Я часто вижу его идущим из магазина нагруженным пакетами. Ему нравится быть положительным. Этим мы схожи с ним. Он мой хороший друг.

– Плохих не держим. – Инна шутливо прокомментировала рассказ Лены.

– Совершенно неземная, красивая, словно инопланетная, история. Другой бы мужчина на его месте пустил бы свою жизнь под откос. Среди моих знакомых такие прекрасные индивиды не значатся. А жаль, – вздохнула Аня.

– По мне, так он лопух.

– Инна, я уважаю твоё мнение, но... прекрати кривляться! – тихо, но резко остановила подругу Лена, мгновенно, чуть ли не до слёз пожалев о собственной откровенности. Не ожидала она от Инны пошлой реакции на высвечивание предмета своего уважения.

– В положительных качествах профессора трудно усомниться, но ему просто не хватает в семье теплых, добрых слов. Они же для души что здоровье для тела. Вот он и стремится услышать их от чужих людей, восхищающихся его идеальностью, – предположила Жанна.

– Даже если и ждёт чужой похвалы, но старается он для своей семьи, и это главное, – заметила Аня.

– Один коленкор, – строптиво возразила Инна.

– Не станет он получать преференции за счет беды в своей семье, – недовольно заметила Лена, уже не скрывая, что раскаивается в том, что заговорила о прекрасном человеке, преподавателе соседнего вуза. Не хотелось ей, чтобы подружки «полоскали» его доброе имя, хотя она его не называла.

«Чем я лучше Инны? Нашла о чем доложить, – разозлилась на себя Лена. – Так и хочется хлопнуть дверью, да так, чтобы штукатурка с косяка посыпалась... и обругать всех и себя в первую очередь, не стесняясь в выражениях. Да... неприглядная была бы картина. Сдают нервишки».

По лицу Лены подругам стало ясно, что никаких подробностей из жизни своего идеального знакомого она больше не сообщит, но сразу прервать разговор не захотели.

Первой начала Инна:

– И всё же позитивное поведение профессора тоже в некотором роде эгоизм.

– В некотором роде, наверное... да, – неуверенно поддержала её Аня.

– И до чего мы договоримся: что любовь и есть эгоизм, что желание чужого внимания – отрицательное качество? Глупость сплошная! – возмутилась Жанна.

– А ты не эгоистка? Муж – твоя собственность? Присвоила его себе? У тебя на него посмертная привилегия?.. Вот то-то и оно, – рассмеялась Инна. И вдруг ни с того ни с сего брякнула с наигранной развязностью:

– Попользовалась мужем – отойди в сторону, уступи следующей, допустим незамужней. Ишь, заграбастала! Господь велел делиться. Отстегни от своих щедрот. Отдать мужа другой – это подвиг.

И расхохоталась с чувством мстительного удовлетворения. Потом на дверь оглянулась и неловко оправдалась:

– Нахлопоталась Кира сегодня, устала. Её и пушкой не разбудить.

Но произнесла Инна эти слова не столько виновато, сколько раздраженно.

– «Ты никогда не устаешь от того, что постоянно слышишь свой голос?» – словами из знаменитого американского вестерна «Великолепная семерка» уколола её Лена.

– Инна! Не улавливаю. Куда хватила! Уступить... – ошарашенно забормотала Аня. – Твоё то, что ты отдаешь. Свою любовь, свою заботу. Даже дети не твои полностью. Вырастут, свои семьи заведут. Смысл жизни в том, чтобы отдавать... – принялась она серьёзно философствовать, чтобы внести некоторую ясность в свои мысли и разрядить неловкую для всех, включая Лenu, ситуацию. Но потом опять перешла на примеры. – Мне подруга рассказывала, что только когда второй муж умер, она почувствовала себя свободной. А ведь он развёлся с ней, ещё раз женился. Значит, она продолжала его любить, хотя он ей уже не принадлежал. Его голос, его душа оставались с нею. Она до сих пор чувствует его присутствие в своей жизни. А своего первого мужа она

быстро забыла, а они лет десять вместе прожили. Вот ведь как бывает...

Аня замолчала, поняв, что совершенно запуталась в своих рассуждениях. Её брови серебристыми молниями сошлись на переносице. Тщедушные плечики образовали дугу. «Не пойми что говорю?» – растерянно подумала она.

– Инка, катись ты к ядрене-фене! Сыта я по горло твоими шуточками и советами. Наворотила тут... – наконец, оправившись от шока, зло забурчала себе под нос Жанна. – Ты отмечена талантом «особенности»? Ты – радость для психоневрологов! Эти врачи обожают отклонения. Надеюсь, я не одинока в своём мнении... Да-а... тёплая у нас компания подобралась.

– Ты – особа, приятная во всех отношениях, и вдруг... так грубо. Не могла же я обойти тебя своим вниманием? Брось ломаться. Цыкни на меня, врежь, согни в бараний рог. А почему бы и нет! Ударь себя в грудь, разубеди меня. А ты даже не противишься. Скулишь щеночком или шарахаешься как пугливая овца.

Лена крепко сжала плечо Инны и подумала:

«Всё-таки ты, подруга, с гнильцой... Если из-за болезни так себя распускаешь, тогда простительно».

– Ты не многим лучше Фёдора, ты не имеешь права его осуждать, – наконец нашла Жанна, чем уколоть Инну.

– Не переживай, плюнь на неё, – тихим шёпотом взялась успокаивать Жанну Аня. – Я вот тоже цепенею от её хамства.

Но, думаю, не со зла она такая, её, наверное, на самом деле грызет какая-то болезнь.

«Аня знает о том, что Инна тяжело болела?» – не поверила Лена.

– До меня доходили слухи. Я не отрицаю... Дело не в том, что намеренно использует для своей выгоды, и даже не в том что для развлечения... – что-то пыталась объяснить Ане сквозь всхлипы Жанна.

«У Эммы обыкновенная несчастливая семья, а девчонки раздули из неё трагедию. Зачем нервничать, зачем философствовать? Достаточно перечитать Шекспира и сделать выводы. Во взаимоотношениях между людьми он давно всё расставил по своим местам. И Пушкин ответил на все большие вопросы своего времени, да ещё и в будущее заглянул. У него очень точные, выпуклые образы. Ну, ещё заповеди, конечно, стоит вспомнить: «не убий», «не прелюбодействуй», – подумала Лена. – А Инна несёт ахинею, потому что смертельно устала... Никто никого в

семьях моих подруг не бил, не убивал, никто не погибал от наркотиков... и, тем не менее, сколько горя и страданий испытали эти женщины по причине то слабости, то глупости мужской! Какой же силы травмы наносят матерям и женам воры, убийцы и прочие отбросы общества? И ведь кто-то их такими воспитал... Нет, всё-таки у женщин зачастую порядочности в душе больше... Интересно, будет ли Фёдор в ста-

рости переживать о том, что был плохим мужем, никудашным отцом? Станет ли он себя корить?.. Не думаю». – Лена вздохнула и опустила тяжелые веки, намеренно отсекая от себя собеседников и то, о чём они говорили. На этот раз она, похоже, отключилась надолго.

32

Вдруг Жанна нарушила уже устоявшуюся было тишину:

– Мы с Колей всегда помним слова великого Чехова: «В жизни есть только одно счастье – жить для другого». И Чернышевский называл это служение несомненным счастьем.

«Показушничает», – молниеносно внутри себя отреагировала Инна.

– Я целиком и полностью согласна с его формулой семейного счастья. И не стоит больше ничего придумывать. Лучше и точнее выразиться невозможно, – сказала Аня. – И Эмма её придерживалась. Удивительно, что эти слова вышли из сердца и уст мужчины.

– Но какого! О таком умном и понимающем, доложу я вам, всегда мечтали женщины, – заметила Жанна.

– Но только не его жена. И тут сработал мой тезис, что хорошим мужчинам достаются жены-стервы, а нормальным женщинам мужья-гады, – сказала Инна.

– Значит, мужчины чувствуют как женщины? – уточнила Аня.

– Так ведь из одного теста.

– Чехов слишком много страдал, потому-то так глубоко проникал в суть вещей.

– Некоторые, страдая, звереют.

– Души у людей разные.

– Главное в его словах – наличие таланта.

– И ведь как гениально просто сказал. Казалось бы: следуй и будь счастлив. Так нет, надо коверкать, ломать жизнь ближнего своего во имя мелочных прихотей... – грустно сказала Аня. – Недавно была в одной очень даже приличной интеллигентной компании. Там были художники, музыканты, писатели, чиновники – весь культурный цвет нашего городка. Всё, как всегда, – шутки, анекдоты. Один мужчина добродушно так, с улыбкой сказал, мол, что поделаешь, мы же, мужчины, полигамны.

А меня вдруг как понесло! «Вы, говорю, хоть раз всерьез задумывались над тем, что о какой счастливой семье можно мечтать, если муж заведомо утверждает, что он полигамен и что от него в этом плане можно ожидать чего угодно? Желание иметь крепкую семью и всё делать, чтобы ее сломать, разрушить, изгадить – это же совершенно несовместимые вещи. Где ваша логика? Ну, не странно ли... И ведь эта идея о мужской полигамии пропагандируется в масштабах всей страны и воспринимается как руководство к действию. Она внушается мальчишкам с детства. Как же, мужская солидарность! Такое поведение приводит меня в совершенней-

шее изумление. Это же один из признаков отсутствия культуры! Я была у подруг в Австрии и Германии, так там по радио и телевидению все время прославляются семейные ценности, там люди гордятся порядочностью. А у нас низостью и семьей, построенной на лжи?.. У нас никогда в массе своей не будет полноценных семей, если общество останется настроенным на полигамию как на нормальное, естественное, нравственное положение вещей. Неужели это так сложно понять?»

Я шумно выдохнула, набираясь сил для продолжения бурного монолога. Смотрю, присутствующие женщины глаза в пол опустили, а мужчины стали потихоньку из зала рассасываться. Покурить им всем сразу приспичило. Я, конечно, больше не поднимала этот вопрос, да и все остальные сделали вид, что спорить не о чем. Понимаю, создала неловкую ситуацию.

Инна полыхнула:

– Это не научная теория, а происки сильного пола. У нас с мужчинами одни и те же желания и эмоции. Все мы одной закваски, все мы полигамны. Женщинам по причине своей физиологии вынужденно приходится в большей степени отвечать (и страдать!) за свое неправильное поведение и поведение мужчин. А мужчины, по сути дела, безнаказанно позволяют себе много больше свободы, прикрывая свою распущенность намеренно выдуманными сказками, древним природным животным стремлением осеменить как можно боль-

ше особей. В природе инстинкты и объективные силы за животных решают их проблемы, а в человеческом сообществе большую роль играют субъективные факторы. Необходимо «мирное» содружество сторон.

– Мужчины забывают, что в природе для получения сильного и здорового потомства именно самка выбирает из многих самцов более достойного претендента, – дополнила Жанна горячее выступление Инны. – Я наблюдала: даже кошки принимают не любого самца.

– И цель этой мужской выдумки, – продолжила свою мысль Инна, – очень выгодное для них моральное и физическое закабаление женщин. Вот и вся «недоступная» нам мужская логика. Кто власть захватит, тот и верховодит, у того и правда. Закон джунглей. Общество так устроено. Был матриархат, теперь – патриархат, – жестко заключила она. – Только что-то я не замечаю стремления современных женщин к такому безмужнему осеменению и рождению детей. От скуки, от безделья блудят мужики, развлечься хотят. И очень редко по причине необузданного темперамента, потому что таких мужчин мало. Вот и вся премудрость.

– Воображение вдруг нарисовало мне картину... Я будто смотрю сквозь века... через портал – канал связи с прошлым, – через вход в другое измерение... Я будто гляжу в огромное Окно... Помните фреску Микеланджело Буонароти «Сотворение Адама» в Ватикане, его роспись плафона Сикстинской капеллы? Ту, где Бог протягивает руку к пер-

стам Адама, передавая ему энергию жизни. Но вместо Адама я вижу... Еву, её тонкую изящную руку... – сказала задумчиво Аня.

– Прекрасные фантазии, – тихо и мягко произнесла Инна.

– А в Италии в семье женщина главная, – сообщила Жанна.

– Не исключено, что женское начало когда-нибудь опять восторжествует. Раньше мужчины ругали женщин, теперь мы мужчин, – рассмеялась Инна. – Безусловно, всех мог бы устроить консенсус.

– Только не мужчин! О каком мужском благородстве в таком случае может идти речь? Это миф? – Аня требовала ясности.

– Почему же, встречаются порядочные мужчины, – не очень уверенно сказала Жанна. – Я ещё будучи ребёнком поняла, что свобода замужней женщины возможна только с любимым и любящим мужчиной. Потому что свою несвободу в таком случае женщина воспринимает как благо, как счастье быть рядом с достойным человеком, как радость идти с ним по жизни рука об руку, вместе преодолевая все трудности быта и внешних проблем.

– Дело за малым – найти именно такую свою половину. Выбрать единственно верный вариант – это как выиграть миллион по трамвайному билету. Вот тут-то и возникают сложности, – мягко улыбнулась Лена. И подумала:

«Женщины, как правило, с самого детства привыкают мыслить быстро и конкретно. Даже в мелочах, даже на кухне. «В чём проблема? Как её решить? Какие будут последствия? Чем можно поступиться? Как подстраховаться?» Чего же сегодня они мусолят, мусолят одну и ту же тему, словесно изощряются? Она слишком сложная?»

У Лены вдруг мелькнула озорная мысль: «Где-то на просторах нашей огромной страны в данный момент наверняка найдётся чисто мужская компания, в которой мужья в противовес нашей беседе абсолютно симметрично отыщут массу примеров «неправильного» поведения и «неоднозначных» характеров женщин. И обсудят они наше племя круче, подробнее и более многогранно. И эпитеты их будут звучать ярче, жестче и обиднее. Вот бы послушать их хотя бы краем уха!»

– Я Васю с радиофизики вспомнила. Этакий медведь был с тонкой, доброй душой. Умница, трудяга. Мягкий, уступчивый, нежный. Вот у кого судьба так судьба. Ужас. И все из-за его женушки. Как ее звали? Мира, Фира? Выходя замуж, она знала, что неизлечимо больна, что детей не будет. В юности её болезнь была не очень заметна, и ей удалось надуть парня. Всю жизнь Вася нянчился с ней как с малым ребенком. Ей же ни нагнуть, ни развернуться. Сначала ноги сделались как тумбы, потом и все тело... Слоновость – дело не шуточное. И все же он диссертацию защитил, руководил

целым направлением в науке. Уговорила она его мальчика детдомовского взять. А с ним одни проблемы. Наследственность оказалась – не приведи Господи. А накануне защиты докторской он выбросился из окна.

– Вася! Из окна, по собственной воле? – не поверила Ане Жанна. – Может выпал?

– Поговаривают, сынок приемный руку приложил. Но жена дело замяла, – рассказала Инна другую версию этого страшного события.

– Как нож в спину... – охнула Жанна.

– Хоронили его при большом стечении народа. Я бы сказала, триумфальное было шествие. Назад шли тяжелой молчаливой толпой. Никто не мог на его жену глаз поднять, втайне чувствуя к ней неприязнь. Во всей той сложности и недосказанности лица говорили больше, чем языки. Все её винили. Какого человека сгубила! Вот так незаслуженно быстро оборвалась лента его мужественной жизни, его прекрасного «кинофильма»... – думала я тогда с обидой на кого-то, кто владеет нашими душами и судьбами. – Если бы она одна была такая...

Инна прерывисто вздохнула и добавила скорбно:

– Похоронили Васю со скрипкой, его тайной возлюбленной и утешительницей. Дома он не играл. У жены от неё голова болела... Теперь уже все рядом лежат. После смерти они стали той неразлучной дружной семьей, которой никогда не были при жизни.

И кто бы решился с ней спорить и ей противоречить?

«Вот и до женщин добрались. Кому шлепков больше достанется? Следуя чувству справедливости, считаю, что надо всем поровну. Но лучше бы сегодня не затевать этого соревнования.

У нас круг женщин-неудачниц, какими нас, наверное, считает Жанна, а у кого-то иной – хищниц, стерв. Счастливые кучкуются отдельно, несчастливые – отдельно. У одних фейерверк положительных эмоций, у других наоборот. Наверное, среди детдомовцев и тех, что росли без отцов, процент невезучих больше, чем среди благополучных, домашних», – подумала Лена. Она усмехнулась своей неожиданной и какой-то странной мысли и тому, что впервые рассуждала о вещах ей несвойственных, непривычных. Она не помнила Васю, но его трагичная судьба заставила её сердце больно сжаться.

– А у моей подруги муж был...

– Прекрати! – Инна резко пресекла продолжение Аней печальной темы и выразительно посмотрела на Лену. Та ответила ей одобрительным взглядом.

Перехватив «перестрелку» глаз подруг, Жанна подумала: «Будто на одну волну обе настроены, мгновенно улавливают мысли друг друга. Они как одно целое. Инна – альтер-эго Лены. «Говорим Инна, подразумеваем – Лена». Но они такие разные! А вот Анина жизнь – накопление трагических моментов чужих судеб».

После короткой неловкой паузы Инна сама обратилась к Ане:

– Воспитывать молодёжь надо лучше. В школе теперь преподают семейную этику. Есть польза от этого спецкурса?

– А-а... – вяло махнула рукой Аня. – Когда формально, без души... Я недавно в парке присела на скамейку – ногу новыми сапогами растерла. Стайка школьников рядом приземлилась. Галдят, смеются. А одна раздражённо материлась.

«Все неодинаково умнеют, но ведь надо, а то иногда и поздно бывает...» – сказала я тихо. А девочка услышала и ответила громко, с вызовом: «Я никому не нужна!»

«Считаешь, тебя все и всегда должны любить? А если не получится, как хочется? Научись сама себя любить и уважать. Наверное, есть за что? Покопайся в себе, поищи. А нет, так постарайся, чтобы было за что. Глядишь, тебя и другие начнут уважать».

«А меня отец бросил!» – со злой небрежностью заявила та же девочка.

«И что? Это его жизнь и его грех. Он получит за него то, что заслужил. Но это не повод тебе вырастать глупой и грубой. За свои ошибки самой придётся отвечать. Оставил отец. Экая невидаль! У моей подруги ни отца, ни матери не было, но она хотела стать хорошим человеком и стала. Тебе сколько лет?»

«Четырнадцать в этом месяце исполнилось».

«Прекрасный возраст! Время доказывать себе, что спо-

собна достичь многого. Прими в подарок мою любимую фразу: чем меньше кричишь, тем больше слышишь. Пригодится в хозяйстве».

Школьницы окружили меня, мы немного поговорили «о жизни», об их планах на будущее, о красоте природы. Потом они на удивление вежливо со мной распрощались, легко вспорхнули и полетели яркими бабочками навстречу своим мечтам. Все такие милые, восторженные, наивные... А та девочка, убегая, на меня ещё раз с интересом оглянулась.

Аня безмолвно и расслабленно лежала на матрасе, заложив руки за голову и устремив безучастный взгляд в потолок. От перевозбуждения у нее бессонница разгулялась еще больше. Лена вздыхала, подсунув кулаки под спину где-то в области почек.

Жанна сказала очень тихо, возможно, вслух отвечая на вопрос из собственных размышлений:

– Никогда не задумывалась о смерти. Эта тема для меня табуирована.

– Смотреть в будущее надо, но не так же далеко, – пошутила Лена, испугавшись продолжения серьезного разговора. «Не хватало нам ещё эту весьма «многообещающую» проблему затронуть, тогда вообще сегодня не уснём», – заволновалась она.

– Не свихнулась на философии экзистенциализма? – грубо и раздраженно влезла в разговор Инна. – Не про тебя,

Жанна, эти высоконаучные изыски. Хочешь потягаться со мной? Лучше помолчи. Давно могла бы заметить, в чью пользу сравнение.

«Чем вызвана эта бурная вспышка? Неужели сознательно выводит меня из себя? Спасу от нее нет», – разозлилась Жанна и огрызнулась в ответ:

– Приведёшь угрозу в исполнение?

– Имею такую неприятную для тебя особенность.

– Вернее было бы сказать: твою неприятную особенность, – сама за себя постояла Жанна. – Не пора ли тебе изменить тактику боя?

– Для собственного оправдания отступить, казнить и каяться, заниматься самобичеванием? – удивленно подняла брови Инна.

– Считаешь свою «импозантную особенность» достоинством? А я-то была в неведении!

– Хватит бросаться словами! Нашествие пустобрехов, – неожиданно вспыхнула Лена.

– Попрошу выбирать выражения, – взвизгнула Аня. Она почему-то приняла эту грубость и на свой счёт. Лицо её приобрело неприятное болезненно-нервное выражение. Но повернулась она к Инне:

– У тебя для общения с подругами всегда наготове припасена ироническая, а не дружеская усмешка? Или иногда снисходишь и откровенно... издеваешься... то бишь развлекаешься?

«Ох уж эти мне мелкие, обыденные обиды старой закваски, – проворчала внутри себя Лена. – Когда же девчонки наконец выдохнутся и замолчат? Физики! И в быту, пока одну проблему всесторонне не перетрут, к другой не переходят, даже если она непосредственно связана с первой. Крепкая закалка. Хорошо, что хоть с темы смерти соскочили... Как раскалывается голова!».

«У Инны удивительная способность всякий разговор сводить на спор и доводить до ссор», – отметила про себя Жанна и нервно повела плечами. Она промолчала, дабы самой не оказаться в роли «поджигателя войны» или объекта для нападения.

Колики в груди напомнили Лене о дыхательной гимнастике. Она осторожно пробралась на кухню, открыла форточку, развела руки в стороны, подняла их вверх... и замерла. Откуда-то снизу лилась тихая, нежная, до боли знакомая мелодия из концерта величайших исполнителей – скрипача Олега Когана, виолончелистки Натальи Гутман и пианиста Святослава Рихтера, который она недавно слушала в записи по телевизору. Лена придвинула табурет к окну, облокотилась на подоконник и обратилась в слух. Её охватило непроходимое чувство блаженной эйфории...

Музыка стихла. Лена продолжала сидеть. Незаметно нахлынули воспоминания.

«...Я словно совершенно непонятным способом попала

из концертного зала в какое-то иное, неземное, восхитительное пространство... Игра превышала возможности самой музыки, её воспроизведение говорило еще о чём-то другом, что есть сама музыка...

В гармонически прекрасном исполнении Олега Когана неподражаемая виртуозная элегантность и поразительно изящная чувственность! Какая мощь таланта! Моя душа переполнена нежной радостью. Я плыву в волнах нечеловечески пронзительно тонкого ощущения наслаждения! Я пребываю в пространстве высокой одухотворенности и каждой клеточкой своей души воспринимаю счастье слияния с божественной музыкой! Невозможно поверить, что эти звуки издает скрипка в руках человека, но не Бога. Я наверху блаженства! Я вбираю, впитываю в себя каждую ноту. Я rozpoзнаю торжество любви, умиляюсь прелестью...

Феноменальная по своей энергетике музыка! Феерия божественных звуков... Счастливейшие минуты моей жизни. Я в состоянии изумительной прострации. Мне удивительно хорошо! В моей душе подъем благодарности за счастье жить на этой прекрасной планете Земля! Мне хочется говорить всему Миру высокие слова!

Это неповторимо, этого нельзя забыть. В быту мне не хватает восхищения. Но оно возникает в прекрасной музыке, когда ее преподносят гении.

У Олега Когана непререкаемая любовь к искусству, к окружающему миру. Он во всем чувствует музыку. Он – сама музыка. Прекрасный, исключительно светлый человек! Какая гармония с музыкой во внешности самого скрипача, в поведении, в общении с людьми. Во взгляде доброта, порядочность и глубина. Такой человек не нуждается в ежеминутном внешнем подтверждении своей значимости. В этом его гениальная скромность и воспитанность.

У Олега Когана был рак. Он терпеливо и мужественно переносил страдания, до последнего отдавая себя людям и музыке. Он невероятно быстро восстанавливался после каждой операции. Желание играть поднимало его с больничной койки. Музыка была его сердцем. Он жил надеждой играть. Но немецкие врачи на этот раз битву за его здоровье проиграли.

...Он подал малейший знак: я здесь... и начал играть. И явил чудо.

Как он играл свой последний концерт! Я была мистически заморожена, я переполнялась восхитительными звуками. Он играл удивительно светло. Мне хотелось, чтобы его музыка не прекращалась. Так не мог играть смертельно больной с потусторонним взглядом, с глазами отрешенного от жизни человека. Он выглядел, как тот, который на миг заглянул в другой, потусторонний мир, как уже побывавший на том свете и вернувшийся, чтобы доиграть... Даже воздух вокруг

него был хрупкий, чистый, особенный... Я смотрела на него и беззвучно рыдала.

Врачи ничего не понимали. «Это невозможно! Поражена вся костная система. У него непрерывные жестокие боли, многие жизненные показатели на нуле». В его теле ничего, кроме боли, но какая ясность мыслей, какая высота чувств! Он играл, потому что последней искрой, поддерживающей его жизнь, была музыка. После концерта его не стало. И мне будто булавку вогнали в грудную клетку.

Помню потрясающий концерт Олега Когана с Юрием Башметом. Им тогда позволили взять скрипки самого Моцарта. (Подарок от Бога – подержать в руках его инструмент!) Скрипки оживали по мере того, как на них играли два гения. В техническом отношении Олега Когана, наверное, можно сравнить с кем-то, но в музыкальном – ни с кем!

Кто-то сказал: если бы в его жизни всё было хорошо, он в музыке не достиг бы такой глубины. Сомневаюсь. Так преподносить моменты счастья мог только человек, познавший счастье, даже если его было не так много...

Вспомнились прелестные слова пианиста Кремера: «Начинаю играть, и руки сами что-то воспроизводят... И тогда я знаю, что хочет мой ум и моё сердце». Они и о Когане тоже.

...На вечере памяти говорили, что «не давали играть, не

выпускали, скрывали гения. Весь мир не мог его услышать. Недополучил много». Трагедия формировала его индивидуальность? Нет! Она душила его светлую оптимистичную гениальность. Это ужасно не логично. Но такое было время... и были чиновники от искусства, и были завистники... А он считал, что свобода внутри него. И это его спасало.

С какой любовью был сделан сюжет о пианисте, как прекрасно подобрано музыкальное сопровождение! Я не могла оторваться от экрана. Для меня кроме музыки вокруг ничего не существовало. Она была внутри меня, я была внутри неё... Этот памятный вечер ошеломил меня. Дивное исполнение музыки Олегом Коганом при каждом воспоминании звучит во мне не угасая. Это колоссальный заряд на последующие годы, сколько бы их у меня ни осталось.

И сегодня я неожиданно получила этот маленький тихий подарок – отрывок из того концерта...

Олег Коган ушёл в бесконечность, но музыка в его исполнении есть и будет... У неё, несомненно, сложится долгая жизнь.

У меня нет музыкального слуха, но я сердцем воспринимаю звуки, исходящие из сердца гения.

Прекрасная музыка, самостоятельно звучащая в моей голове с раннего детства, сопровождала меня по жизни до тех пор, пока я не познала шедевры мировой классики. Особое,

пожалуй, главное, место в моём сердце всегда принадлежало своим, российским гениям. В их числе исполнитель Олег Коган.

Музыка, как и родная природа, – тепло и радость моей души, они – моё счастье, моя надёжная опора, мои самые верные друзья. Я мечтаю...»

В кухню заглянула испуганная Инна и вывела Лену из блаженного транса.

– Я отдыхала от перегруженного непривычными эмоциями дня, музыкой возвращала себе присутствие духа, сил набиралась, – успокоила подругу Лена.

– Приободрилась, появилась ясность мыслей? – успокоившись, улыбнулась Инна.

– Я вот о чём подумала: девчонки на нашем курсе в основном умные, верные, сильные духом, целенаправленные, так почему же многие несчастливые? Почему студенческие браки оказывались не крепкими? Сначала я считала, что виной тому воспитание. Потом пришла к выводу, что много разводов было отчасти и потому, что женились в основном одногодки. Но если девушка в двадцать лет готова к семейной жизни, то о юношах этого не скажешь. Они в этом возрасте только влюбляться способны.

– Фантазируешь? – спросила Инна.

– Правильно мыслишь, Анюта, – сказала Жанна. – Недавно я прочитала книгу о взрослении умного молодого чело-

века из благополучной семьи, выросшего уже в период перестройки, о его борьбе с самим собой против того, что было в нем низкого, бездуховного. И поразила. Все эти ступени познания себя и окружающей среды я проходила в своём школьном детстве. То, что для меня было ясно в семнадцать-восемнадцать лет, этот герой осознал и уяснил только к окончанию вуза. А всё, что касается отношений с женщиной... Об этом он всерьёз задумался только после женитьбы. Наверное, не стоит нам только себя винить в ошибках замужеств?

– Если парень вовремя не обзаводится семьей, он разбалтывается, потом его уже не женишь. Друзки останутся его семьей, – не согласилась Инна.

– И к какому выводу ты пришла, обсудив Эммины проблемы? – спросила её Жанна.

– Я не собираюсь развенчивать миф о том, что мужчины сильный пол, и отметать как ложный посыл об их главенстве. Я готова отдать им бразды правления, пусть живут и радуются. Только сдаваться мужчинам надо мудро. Ведь с точки зрения объективной реальности...

– Инна, рот на замок! – полушёпотом, но с надрывом вскричала Жанна. – А ты, Аня что скажешь?

– Тяжела ты, шапка Мономаха – доля женская! Может, у нас, невезучих, слишком трагичное восприятие жизни? Недаром говорят, что голос трагедии – женский, – откликнулась та. – Кто-то сказал, что каждый человек – это космос.

Нет ничего дороже человека. Ценить его надо... Зачем губить, да ещё такого хорошего? Я об Эмме. Вот Фёдор жизнь прожил, но так и не понял, какого ума и каких чувств был человек рядом с ним. Обидно. Собственно, это одна из главных причин, по которой я боялась выходить замуж просто так, ради галочки. Насмотрелась на семейное «счастье», пока в ожидании отдельной квартиры кантовалась в общежитии и коммуналке. Там люди жили на виду, открыто, без затей. И эта была школа жизни почище армии.

– Соломки себе подстилала, а падать на неё не захотела, – грубовато отреагировала Инна на откровения Ани. Но та продолжила:

– Корень всех бед надо искать в семье. Детям любви и внимания не хватает. Любовь зависит не от количества денег, а от качества души родителей.

«Анины суждения редко бывают слишком смелыми и оптимистичными», – заметила про себя Жанна.

– Ты права, но нам придется послать тебя на конкурс плакальщиц. Призовое место за тобой, – с улыбкой заявила Инна.

«Языки у девчат ещё не вспухли от разговоров? У нас заседание «Пиквикского клуба» или женсовета советских времен? Все грешки Фёдору припомнили. Почему подруг больше тронула судьба Эммы, а не, допустим, Марго? Она вообще вытеснила бы все остальные... Таких, как Эмма, много? Очень много? Длинные цепи трагических судеб? Девчонки

обобщают? Эта тема никогда не изживет себя? Прикрываются чужой несчастливой судьбой, чужой бедой? Они устроили этот диспут, чтобы оценить меру своих сбывшихся и несбывшихся надежд?.. Вот опять мои мысли устремились в незнакомую для меня колею: направились на разрешение «женского» вопроса, задаваясь привычными на Руси лозунгами «Кто виноват?» и «Что делать?»

Скоро ли подруги выйдут из лабиринтов собственных поисков истины: золотой середины в семейных отношениях? Нет чтобы хорошие семьи обсудить. Милу хотя бы вспомнили. Собственно, что о ней рассуждать? Как там Инна о ней рассказывала? «Живут дружно, любят друг друга. Работа, дети, внуки. И заботы, заботы... И всё пополам. Всё у них чин-чинарем. В обычности семьи есть уникальная прелесть. В ней все честны, душевны и достойны... И друзья их такие же: простые, здоровые, добрые, без закидонов. Встречи по праздникам. Вылазки на природу. Всё у них с радостью, с оптимизмом, с верой; по-деловому, без злобствования, с болью в сердце, если вдруг беда. А она ждать долго не заставляла...» Да... главное мужское качество – не половые признаки, а характер. Мужчина обязан ответить, если корабль семьи сядет на рифы.

А ещё Инна говорила мне: «Вот, бывало, в компании обоймёт Милку муженёк своими огромными ручищами и скажет: «Ласточка ты моя единственная...» – а у этой ласточки росту метр восемьдесят и в плечах косая сажень, – так

у всех девчонок глаза теплеют, и всё вокруг сияет их улыбками: «счастливая!» Стоят подружки кружком вокруг них и шутят: «Дайте за вас подержаться. Вдруг и нам чуть-чуть счастья перепадет». Примета есть такая. А потом, помнится, Инна горько и тихо, так, чтобы услышала только я, добавила: «И почему эта мужеподобная Милка счастливее меня? Она умнее или ей подфартило? Ой, погибаю, мне позарез нужен килограмм оптимизма! Хотя бы в долг». – Лена грустно усмехнулась своим мыслям. Она сочувствовала подруге.

– ...А я о другом хочу сказать, – это Инна опять подала голос. – Эх, девчонки, так хочется нарядиться и беззаботно, бездумно пройтись, позабыв обо всём на свете! Ведь иногда нужно позволять себе то, что искренне желается, а не только то, что надо... И если вы молчите, это совсем не значит, что вы об этом не думаете. Но «Кони всё скачут, а избы горят и горят...» А ведь счастье в наши годы – это когда ничего в личной жизни не хочешь менять, всё устраивает на полную катушку. И если даже не на полную... Но стариковское горе бывает такое безысходное...

Лена осторожно прижала к себе подругу и зашептала ей на ухо слова утешения, в которых на тот момент та очень нуждалась.

– Эх, попасть бы хотя бы на короткое время в детство! Не в моё, а в то, в котором все мечты сбываются.

– Неожиданно взметнувшаяся звезда счастья уже погасла? Нет? Тогда просто засни, и твоё желание сбудется, – от-

ветила Лена на всплеск эмоций Инны. И их головы соприкоснулись.

– ...Полная семья может заменить женщине всё. Но не всякая семья достойна того, чтобы ради неё лишать себя многого, вот в чём беда, – забормотала Аня. – Не всякий мужчина... Вот в чём суть. И всё-таки...

– И какой твой вердикт? – поинтересовалась Жанна.

– Незыблемость семьи должна держаться на мужчине. Это ненормально, когда на одной женщине. Точнее, нужно чтобы на обоих. Отец – фундамент, он забивает надёжные сваи в основание семьи; мать – её стены. Да здравствует любовь и счастливая семья! – неожиданно выпалила она почти в полный голос.

– Аллилуйя любви! Ты не утратила оптимизма? А я боялась, что после нашего коллоквиума его в тебе сильно побавилось, – улыбнулась Жанна.

– Жизнь, как бы трагично она ни сложилась, – это счастье, – добавила Аня тихо и проникновенно.

33

– Полагаю, что на сегодня с плачем по Эмме покончено, – тихонько шепнула Лена на ухо подруге. Инна молча положила голову на её плечо.

«И всё же, как много говорят педагоги! Привыкли работать языком. Это у нас профессиональное. Болтливость – из-

держки, побочный продукт. Профессия накладывает отпечаток на личность. Говорить становится потребностью. А на тему семьи вообще могут спорить до бесконечности. А если поднимут вопрос о воспитании в мальчике мужчины, будущего защитника родины и семьи? Нет, тут одной ночью им не отделаться», – с улыбкой объяснила сама себе Лена. И вдруг вспомнила, что последние годы в шутку поздравляет своих подруг двадцать третьего февраля с Днём защитника Отечества и семьи, потому что, по её мнению, быть ежедневной опорой своей ячейки в современном мире – задача не из лёгких. – А Инна? Она от одиночества сегодня такая разговорчивая. Нашла себе достойных собеседников. Они не то, что те, которые у ее дома на лавочке. А я почему прислушиваюсь к разговорам подруг? Под впечатлением чужих проблем тоже переосмысливаю свою жизнь под другим углом?

Всех я сумела понять и даже пожалеть. Только вот интеллигентская попытка всех оправдать – не есть ли путь к самообману?» – задумалась она над новой для себя проблемой.

Но Жанна «возникла», явно отвлекшись от каких-то своих мыслей:

– Девчонки, кто-то хорошо сказал: «Перестаньте себя жалеть – и станете намного счастливее».

– Так мы разве себя? Мы Эмму жалеем. Ведь даже ревность стала для неё привычной, как застарелая болячка. Разве это жизнь? – сказала Аня. И подумала с усмешкой: «И себя, конечно, жалею. Ну, совсем немножко».

«Сама себя пожалею, если от других не дождусь сочувствия», – привычно ухмыльнулась Инна.

«Судили-рядили, но так и не пришли ни по одному вопросу к общему знаменателю, хотя материала на две докторских хватит», – с обычной грустинкой подумала Аня, но вслух сказала весело:

– А я бы повсеместно ввела шабат, чтобы каждую субботу все члены любой семьи не работали, а думали о том, как и зачем живут, каковы результаты их усилий, вспоминали бы о том, что жизнь кратковременна и не стоит её разменивать на ссоры и пустяки. Чтобы люди больше говорили друг с другом и радовались общению, вместе ездили на природу, ходили в гости. Да мало ли каким образом можно доставлять радость близким! А то грызутся, грызутся, что-то делят или вовсе не замечают друг друга. И вдруг раз – и... конец. Не смотря ни на что, с любовью надо жить.

– И чтобы не забывали воздавать хвалу Всевышнему. – Жанна мягко улыбнулась, тем самым ослабив патетику своего воззвания, а заодно и Аниного.

– Это нужно, чтобы оставаться людьми, – добавила она.

«Почему Жанна в основном не иронична и не ядовита? Потому что не озлоблена? А почему она не озлоблена? Потому что не унижена и тем уже счастлива», – сама себе ответила Аня.

– Подавляющее большинство хороших семей, несмотря на массу проблем, именно так и живут, – заметила Лена.

Возбуждение, присутствовавшее в женщинах, мгновенно улетучилось.

«Устали девчонки. Я тоже еле жива. Похоже, нас с тобой сегодня уже не тронут», – незаметно для подруг на ухо Инне прошептала Лена.

«Ещё не вечер. Достанут», – весело, одними глазами не согласилась та.

...«Разговор ведётся вялый и всё более непоследовательный, клочковатый. Похоже, диспут близится к завершению. Отвели душу. Но боюсь, сама собой «мужская» тема не иссякнет, не отпустит моих подруг. Придётся помочь, – решила Лена и неожиданно для Ани спросила:

– Сколько в твоём доме квартир?

– Сто пятьдесят.

– А сколько в них пьющих, гуляющих от жён и агрессивных мужчин?

– Явных? Насколько я в курсе – всех по одному.

– Вот видишь... Всего-то?

– Попробовал бы какой-нибудь гад меня ударить! – вскинулась Инна.

– Ну вот, одним гадом в стране меньше стало, – пошутила Лена. И вдруг, испугавшись возможности продолжения диспута, сказала тоном председателя, ведущего собрание:

– Поступило предложение: прения прекратить.

И наступила тишина перемирия и полного согласия.

А Инна, приподнявшись на постели, спросила, чтобы окончательно закрыть болезную тему:

– Девчонки, как вы думаете, Кира всех оповестила «о встрече в верхах»? Антон – гордость нашего курса – завтра почтит нас своим присутствием?

– Обязательно! Но вы его не узнаете. Открою секрет: он теперь в бороде, – сообщила Аня.

– Он так и не обзавёлся семьей? – поинтересовалась Жанна.

– Институт его семья, аспиранты его дети, – напомнила ей Инна.

– А Верочка объявится? Она раньше всегда держалась особняком, – спросила Лена.

– Безусловно, пожалует! Обещала. Не обойтись нам завтра без её экстравагантного «выхода в свет».

– А Нина, Нинель и Нинон? Со сноровкой десантников полным составом придут?

– Нины уж нет... Её не стало месяц назад. Инфекционный цирроз печени. Гепатит в больнице занесли. Мы все в трауре, скорбим... – тихо сказала Аня. – Завтра после торжественной встречи в стенах университета застолье на базе отдыха начнём с памяти о тех, кто уже не с нами.

Лена потупилась. Но Аня спокойно продолжила:

– Прошёл слух, что Абрамов обязательно приедет. Возможны и незапланированные встречи-сюрпризы.

Разговор иссяк. Женщины затихли. Только Аня шёпотом

напутствовала подруг привычно-весёлым: «Спать, спать по палатам, пионерам и вожатым!»

Лена посмотрела на задумчивые, усталые, прекрасные лица подруг. Ей немного досадно и грустно – это от усталости, – но одновременно сумбурно и радостно. Она подумала: «Что сможет сказать на встрече о своих прожитых годах Аня? «Моя жизнь – дети». А Мила? «Моя жизнь – семья». А феноменально одаренный, многоликий, многообразный и многообразный, кристально чистый Антон-однолюб, все лучшие чувства которого были посвящены Дине?.. Он работой заполняет эмоциональную пустоту. От неё он получает большее удовольствие, чем от секса с нелюбимыми женщинами... А Кира? Она без суеты и лишнего шума сыграла в жизни каждой из нас заметную роль. И как бы странно это ни прозвучало, самым главным талантом Инны окажется ее неповторимая человечность... и ее неожиданная искренняя наивность...

Я чувствую себя совершенно выпотрошенной. Завтра мои милые, категоричные подруги будут вспоминать самые счастливые моменты своей жизни, будут лущиться юмором, искриться смехом и даже в Федоре найдут массу привлекательного. А может, и нет... Но наставлений никому читать не станут. Они будут говорить, что счастья в их жизни всё-таки больше, чем боли, потому что таково свойство человеческой природы – на празднике вспоминать о светлом и радостном. А ещё потому, что со временем даже драматические события

жизни хочется рассматривать с тёплой иронией или добрым юмором».

То, о чём Лена подумала, было мгновенно подведённым итогом многих мыслей, накопившихся за сегодняшний день. Но он не требовал словесного озвучивания.

«Любой человек не обложка – с одной стороны темная или цветная, с другой белая, – а интересная многостраничная книга... Эмма... Её судьба... Что у нас в «сухом остатке» после диспута? Вопросов всегда будет больше, чем ответов...»

Мысли Лены стали путаться и расплываться. Сон мягко, но настойчиво окончательно забрал её в свои тёплые объятия.

2005 г.

Продолжение следует.

Контакты

Уважаемый читатель! Буду Вам благодарна, если Вы поделитесь мыслями о моих книгах на сайте, где скачали эту книгу. Если проблемы, поднятые в моих книгах, созвучны с Вашими переживаниями и взглядами на жизнь, или Вы хотите поделиться эмоциями или историями лично – вот мои контакты:

Вконтакте:

<https://vk.com/shevchenko.larisa>

Сотовый:

+7-919-162-6620

Skype:

e.shevchenko25021945

email:

larisa.shevchenko.lipetsk@yandex.ru

Сайт:

<http://larisashevchenko.ru/>

Пишите, звоните. Буду рада общению!

Дизайн обложки И.Л. Чемякина

© Л.Я. Шевченко, 2018

Об авторе

Родилась Лариса Яковлевна Шевченко 14 марта 1945 года. Она взяла всё лучшее от своих воспитателей, школьных учителей, а затем ученых и педагогов МГУ, ВГУ и НИФХИ. Взяла, чтобы на протяжении десятилетий отдавать знания, житейский инравственно-духовный опыт будущим учителям – студентам ЛГПУ. В 2004г. Л.Я. Шевченко была награждена медалью-знаком за заслуги перед Липецким государственным педагогическим университетом и Почетной грамотой Липецкого областного Совета депутатов. Грустное детство, голодное, но веселое студенчество, трудная, но счастливая молодость, – такой емкой триадой определила Лариса Яковлевна сущность формирования своей личности,

глубинные ее родники.

В 1999 году увидела свет ее первая книга для школьников «В барбарисовых джунглях», а затем одна за другой пришли к читателям ее «Уроки на скамейках», «Проталины», «Пробуждение», «Лестница надежд» и двухтомник «Надежда».

В 2014 году Лариса Яковлевна представила на суд читателей заслуживающее серьезного внимания произведение для взрослых – двухтомник «Вкус жизни». За ним последовали «Реквием», «Любовь моя», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «Тина».

В произведениях Л. Шевченко мы ощущаем прежде всего любовь к людям. Ее книги утверждают добро как одну из главных ценностей жизни – и детской, и взрослой. Лариса Яковлевна – член Союза писателей России, чье взыскующее слово востребовано не только юными читателями. Она лауреат первой премии областного конкурса «Достижения в области культуры и искусства» (2006г.); литературных премий имени И.А. Бунина (2011г.) и премии имени Е.И. Замятина (2013г.); лауреат премии «Золотое перо Москвы» (Москва, 2015г.), лауреат премии имени Алексея Липецкого (2019г.). Награждена медалью Ивана Бунина за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы (Москва, 2015г.).

Л.Я. Шевченко – действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург, 2015г.).

*Борис Шальнев,
член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры Р.Ф.,
лауреат литературных премий имени И.А. Бунина*